

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО- ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК IV

Сборник научных статей по материалам
XII Всероссийской научно-практической конференции
(20–21 сентября 2019 г.)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
Юридический институт

ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

сборник научных статей по материалам
XII Всероссийской научно-практической конференции
(20–21 сентября 2019 г.)

Электронное научное издание

Красноярск
СФУ
2019

УДК 34
ББК 67.3
Е63

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, профессор И.В. Шишко;
канд. юрид. наук Г.Л. Москалев;
канд. юрид. наук Е.А. Акунченко

Е63 Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции (20–21 сентября 2019 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. – Электрон. дан. – Красноярск: Общественный комитет по защите прав человека, 2019. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-9500618-5-1

Представлены статьи участников XII Всероссийской научно-практической конференции «Енисейские политико-правовые чтения», которая состоялась в Юридическом институте Сибирского федерального университета 20–21 сентября 2019 года. Предназначено для преподавателей и обучающихся юридических вузов и всех, кто интересуется современными проблемами права.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-9500618-5-1

УДК 34
ББК 67.3

© Сибирский федеральный университет, 2019
© Оформление Е.А. Акунченко, 2019

Электронное научное издание

Подписано в свет 31.12.2019. Заказ № 6
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Красноярская региональная общественная организация
«Общественный комитет по защите прав человека»
660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 347

ВКСЕЛЬ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

© М.В. Власова

Сибирский федеральный университет

Вексель – главный «долгожитель» современного российского рынка ценных бумаг. Формы использования векселя в современном бизнесе очень разнообразны: кредитными организациями вексель используется как средство привлечения денег (дисконтные и процентные векселя), реальным сектором экономики – как средство инвестирования и средство расчета.

При этом на рынке финансовых услуг наблюдается отрицательный тренд обращения векселей. Так, согласно данным ЦБ РФ, сумма средств, привлеченных кредитными организациями России путем выпуска векселей, на 1 января 2017 года составила 440,6 млрд. рублей, на 01.01.2018 – 428,1 млрд. руб., на 01.01.2019 – 438,6 млрд. руб. [1].

Эксперты говорят, что рынок векселей сжимается уже много лет под влиянием множества факторов. Одним из них стало ужесточение требований мегарегулятора к финансовым организациям в работе с этим видом ценных бумаг. В частности, в 2011 году ЦБ ужесточил подход к оценке рисков по инвестициям кредитных организаций в этот вид ценных бумаг. Были внесены изменения в инструкцию 110-И «Об обязательных нормативах банков», в соответствии с которыми к таким активам, как векселя, банки должны применять повышенный коэффициент риска. Этот коэффициент используется при расчете норматива достаточности капитала Н1, и чем он выше, тем больше собственных средств банку требуется резервировать под такие активы [2].

Кроме того, материально-правовое толкование абстрактности векселя как основания проведения наличных и безналичных расчетов побудило Банк России квалифицировать такие операции как необычные, подлежащие контролю в рамках ФЗ от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [3], в результате чего банки стали отказывать клиентам в проведении таких расчетов.

«Чистка» банковского сектора, а также, прямо скажем, непонятное правовое регулирование, имеющееся с 1937 г., способствуют снижению рынка оборота векселей.

Тем не менее, судебная практика показывает активность использования векселей в экономическом обороте. Особенно это стало заметно в делах о банкротстве, где схемы с использованием векселей становятся предметом оспаривания в рамках гл. III.1 ФЗ «О банкротстве».

Так, наблюдаются следующие тренды практики:

1. Абстрактность вексельного обязательства – это процессуальное понятие, суть которого в распределении бремени доказывания [4, с. 100].

Причина споров – толкование дореволюционных правовых норм через современные правовые институты, а именно п. 17 Положения о простом и переводном векселе.

Согласно п. 17 Положению простом и переводном векселе лица, к которым предъявлен иск по переводному векселю, не могут противопоставить векселедержателю возражения, основанные на их личных отношениях к векселедателю или к предшествующим векселедержателям, если только векселедержатель, приобретая вексель, не действовал сознательно в ущерб должнику.

И разъяснение в 2000г. совместным Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 33, Пленума ВАС РФ № 14 от 04.12.2000 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей», к сожалению, не внесло достаточной ясности для правоприменителя: основанием для отказа в платеже по векселю является доказанность векселедателем таких «личных отношений» векселедателя с иными участниками отношений по векселю, *«которые основаны на юридических фактах, ссылка на которые или опровержение которых заставили бы их обосновывать свое притязание иначе, чем путем ссылки на порядок, предусмотренный статьей 16 Положения»*.

И судебную практику в этом вопросе бросает из крайности в крайность. Так, очень распространенным в практике является подход, основанный на материально-правовом понимании абстрактности вексельного обязательства. То есть для взыскания вексельного долга/включения в реестр достаточно доказать факт выдачи векселя. Наличие и действительность обязательства, являющегося основанием для выдачи векселя, не имеет правового значения. Например, в Определении Верховного Суда РФ от 17 декабря 2014 г. по делу № А51-35651/2013 прямо сказано: вексель был получен ответчиком (физ. лицо) на основании *устного соглашения* с истцом (юр. лицо) о передаче ему в будущем 1/3 доли в подлежащем приобретению ответчиком определенном недвижимом имуществе. *Наличие устного соглашения как основания выдачи векселя ответчику исключает незаконность получения векселя»*.

В другом деле ФАС Восточно-Сибирского округа отклонил доводы ответчика об основаниях выдачи векселя в счет оплаты за поставку продукции и, сославшись

на факт выдачи векселя, взыскал задолженность по вексельному долгу (постановление от 10.01.1999 № А10-99/12-Ф02-1614/98-С2).

«Переводя» п. 17 Положения о переводном и простом векселе на современный язык, в практике образовался подход, согласно которому векселедатель вправе отказать в выплате вексельного долга, если он (векселедатель) докажет, что векселедержатель знал об отсутствии оснований выдачи векселя. Недоказанность истцом данных обстоятельств влечет отказ в иске (см., например, Определение ВАС РФ от 17 июня 2013 г. по делу № А60-21757/2012, Постановление от 10 июня 2014 г. по делу № А40-151467/2009). Ключевой момент – осведомленность векселедержателя об отсутствии оснований вексельного долга, что обуславливает перераспределение бремени доказывания.

Современная тенденция обусловлена бизнес-реалиями, среди следует отметить рост числа банкротств, формирование «повышенных стандартов доказывания» и «активной роли суда» в делах о банкротстве, что обусловило перемещение акцента в доказывании с добросовестности векселедержателя на установление самого факта наличия/отсутствия обязательства, лежащего в основе выдачи/передачи векселя. Добросовестность векселедержателя при этом имеет второстепенную роль и, как правило, нивелируется разумной степенью осмотрительности и добросовестностью поведения в гражданском обороте, при которой разумный и добросовестный участник оборота при совершении сделки проверит всю историю предмета сделки, проверит финансовые возможности контрагента, проверит личность представителей, обеспечит сохранение копий документов, обеспечивающих в будущем доказательственную базу, удостоверится в реальном местонахождении стороны и лично будет присутствовать при подписании документов (см. Определение Верховного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. по делу № А40-76551/2014, постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.05.2010 № 15658/09, Постановление Президиума ВАС РФ от 15.02.2011 № 13603/10 по делу № А40-18477/09-38-51, Определение Верховного Суда РФ от 19 июля 2018 г. по делу № А55-25483/2015, Определение Верховного Суда РФ от 25 апреля 2019 г. по делу № А40-69103/2016).

В связи с этим набирает силу третий подход, согласно которому в основе возникновения вексельного обязательства лежит реальная экономическая деятельность сторон вексельного обязательства, реальная динамика товаров и услуг, которая повлекла возникновение вексельного обязательства (например, поставили товар/услугу, обязательство по оплате новировали в вексель и т.п.). Следовательно, при взыскании вексельного долга/включении в реестр истец должен доказать наличие такого основания.

Так, согласно разъяснений в Постановлении Президиума ВАС РФ от 25.07.2011 № 5620/11 по делу № А12-6350/2010, формальное вручение векселя без какого-либо встречного предоставления является основанием для признания такого вексельного обязательства мнимой сделкой (ст. 170 ГК РФ) (аналогичная позиция: Постановление Президиума ВАС РФ от 15.02.2011 № 13603/10 по делу № А40-18477/09-38-51).

Интересно, что дореволюционная вексельная доктрина прекрасно различала возражения вексельного должника, основанные на дефектах формы, и возражения, обращенные к конкретному вексельному контрагенту и в связи с этим не касающиеся других участников вексельного обязательства и основанные только на материально-правовых обязательствах, связывающих должника и его вексельного контрагента. Так, если вексельный должник и его непосредственный вексельный контрагент подписали вексель/аваль/индоссамент для видимости, не имея намерений обязываться по векселю, при доказанности ответчиком данных обстоятельств в платеже должно быть отказано [5, с. 593-600].

И в том смысле абстрактность векселя – понятие процессуальное. Современная судебная практика близка к данному выводу, но никто пока не рискует прямо об этом заявить, поэтому о единообразии практики пока не приходится.

2. Многострадальный бланковый индоссамент.

Спор о толковании ст. 13 Положения о переводном и простом векселе, согласно которой: «Индоссамент должен быть написан на переводном векселе или по присоединенном к нему листе (добавочный лист). Он должен быть подписан индоссантом. Индоссамент может не содержать указания лица, в пользу которого он сделан, или он может состоять из одной подписи индоссанта (бланковый индоссамент). В этом последнем случае индоссамент, для того чтобы иметь силу, должен быть написан на обороте переводного векселя или на добавочном листе».

Суть спора – требуется ли в бланковом векселе чья-либо подпись, или для передачи векселя по бланковому индоссаменту достаточно только вручения векселя?

И позиции судов разделились: одни говорят со ссылкой на ст. 14 Положения о переводном и простом векселей, что любой, и бланковый в частности, индоссамент должен быть подписан и вручен индоссантом, ибо согласно ст. 146 ГК РФ передача прав по ордерной ценной бумаге происходит посредством совокупности фактов: индоссамент и вручение (см. Определение ВС от 02.10.2018 по делу № А40-161653/2014, Определение ВС от 19.07.2018 по делу № № А55-25483/2015, Определение ВС от 16.05.2018 по делу № А66-9988/2016. Кроме того, в подтверждении данного подхода существует обширная практика нижестоящих

судов: постановление АС СЗО от 02.10.18 по делу А56-46646/2017, постановление 17ААС по делу 60-18194/2018 от 25.12.18, постановление 13 ААС от 07.12.2018 по делу № А56-87564/2017, постановление 13 ААС от 10.09.2018 по делу А56-77467/2015, Постановление 7 ААС от 25.10.2018г. по делу № А67-1596/2018, Постановление АС ДВО от 17.08.18 по делу № № А51-26543/2016, Постановление АС Уральского округа от 20.08.2018 по делу А07-41181/2017, решение АСГМ от 17.08.2018, по делу № А40-126621/18, 7ААС постановление от 06.11.2018 по делу № А27-11710/2016, 9ААС постановление от 19.03.2015 по делу № А40-47682/14, АС МО постановление от 29.06.18 по делу № А40-161653/14, Решение АС Мурманской области от 07.06.2018 по делу № А42-883/2017 13 ААС постановление от 09.06.2018 по делу № А56-15058/2016, 13 ААС Постановление от 04.05.2018 по делу № А56-26451/2016, постановление 9ААС от 16.04.2018 по делу № А40-21538/14, постановление 18ААС от 17.12.2017 по делу А07-16492/2016, постановление АС УО от 03.04.2018 7 ААС постановление от 22.03.2018 по делу № А27-2547/2017, 7ААС постановление от 01.06.2018 по делу № А45-32376/2017, АС ЗСО Постановление от 01.03.2018 по делу А27-653/2016, АС ЗСО постановление от 28.02.2018 по делу А46-5549/2017, АС Республика Адыгея решение от 21.02.2018 по делу А01-1842/2017, АС ПО постановление от 07.02.2018 по делу № А55-4552/2017).

Другой подход судов – для передачи прав по векселю достаточно только вручения, ибо, как следует из ст. 13 и ст. 14 Положения о простом и переводном векселе, векселедержатель может передать вексель, не заполняя бланка и не совершая индоссамента (см. Постановление 13 ААС от 08.11.2018 по делу А56-94749/2017, постановление 13ААС от 16.04.19 по делу № 56-21950/2017, постановление 3ААС по делу А33-4262-60/2017 от 10.08.2018, 10 ААС постановление от 25.07.2018 по делу № А41-8200/15, 13 ААС Постановление от 26.06.2018 по делу № А56-94749/2017, АС СЗО постановление от 30.05.2018 по делу № А56-2196/2017, 9 ААС постановление от 02.07.2018 по делу № А40-174817/17).

Становится ли в этом случае вексель ценной бумагой на предъявителя – вопрос открытый.

Второй подход представляет очень удобным для создания видимости передачи векселя, поскольку нет ничего проще, чем подписать акт приема-передачи векселя и представить его в качестве доказательства передачи. И это очень часто используется недобросовестными участниками оборота.

Однако, верным с доктринальной и нормативной позиции представляется именно первый подход.

О правовой природе индоссаменты до сих пор нет единства мнений:

Дореволюционная доктрина: смысл индоссамент – это письменное заявление кредитора, что он перестает быть таковым [5, с. 213]. И в этом смысле индоссамент – это легитимация передачи. Проставлением индоссамент прежний векселедержатель подтверждает добровольность передачи векселя.

Ярославская вексельная школа: индоссамент – это скриптурный акт, оформляющий передачу [6].

Бевзенко Р.С.: индоссамент – это односторонняя сделка, поскольку волеизъявление индоссанта и способ передачи ему векселя правом игнорируются [7, с. 180-197].

Аваль вызывает те же дискуссии.

Спор имеет решающее значение при определении способа защиты.

Судебная практика заняла промежуточное положение: так, появилась по признанию недействительными *действий/сделок по авалированию / индоссированию* недействительными, однако ответчиками по таким искам являются не взаимные контрагенты вексельного обязательства, как того требует ст. 168 ГК РФ, а обязанные лица, учинившие на векселе соответственно индоссамент или аваль (см. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.02.2011 № 13603/10 по делу № А40-18477/09-38-51, Определение АС г. Москвы по делу А40-50939/17-78-64»Б» от 13.08.2018, оставлено в силе в части сделок по авалю Постановлением 9ААС от 22.11.2018 г.).

Подводя итог сказанному, очевидно, несмотря на почти 100-летнее правовое регулирование современная судебная практика не имеет единства позиций, а бизнес все меньше и меньше использует вексель как средство инвестирования и расчета в законных целях.

Список использованных источников:

1. http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/4-2-3_19.htm&pid=pdko_sub&sid=ovkosso.
2. Чаюн Ю. Уходящий вексель // Коммерсант business guide. – 2017. – № 51. – режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3253791>.
3. «Положение о требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (утв. Банком России 02.03.2012 № 375-П) (ред. от 28.07.2016) (Зарегистрировано в Минюсте России 06.04.2012 № 23744) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Практика применения вексельного законодательства Российской Федерации: опыт обобщения и научно-практического комментария: практ. пособие / Р.С. Бевзенко, В.А. Белов; под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Издательство Юрайт, 2014.

5. Барац С.М. Курс весельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях. – СПб, 1893.

6. Крашенинников Е.А. Способы передачи векселя // Очерки по торговому праву. Вып. 4. – Ярославль, 1997.

7. Бевзенко Р.С. Индоссамент как односторонняя сделка // Сделки: проблемы теории и практики: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2002.

УДК 347

СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: НОВЕЛЛИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ОПЫТ ФРАНЦИИ, ИТАЛИИ И США

© **А.В. Ковалева**

Сибирский федеральный университет

Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дополнен перечень способов урегулирования споров посредством использования примирительных процедур, в частности в каждый из трех действующих отечественных процессуальных цивилистических кодексов введен институт судебного примирения (ст. 138 прим. 5 АПК, ст. 153 прим. 6 ГПК, ст. 137 прим 6 КАС).

Процедура судебного примирения может быть инициирована как сторонами, так и судом. Судебные примирители будут назначаться из утвержденного Пленумом ВС РФ списка. Согласно ч. 3 ст. 153.6 Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» данный список будет формироваться на основе предложений кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, окружных (флотских) военных судов о кандидатурах судебных примирителей из числа судей в отставке, изъявивших желание выступать в качестве судебного примирителя. Отметим, что законопроектом предусматривалась возможность

назначения судебными примирителями и сотрудников аппарата суда, имеющих высшее юридическое образование и юридический стаж не менее пяти лет.

До настоящего времени остаются неутвержденными Пленумом ВС РФ регламент проведения судебного примирения и список судебных примирителей, для чего установлен срок – 90 дней со дня официального опубликования Федерального конституционного закона от 26 июля 2019 г. № 3-ФКЗ «О внесении изменения в статью 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в связи с совершенствованием примирительных процедур».

Подобная примирительная процедура, называвшаяся «мировое разбирательство при посредстве суда», была известна в России еще в дореволюционный период, что отчасти позволяет говорить о возрождении данного института. Судебное примирение предусматривалось ст. 1580 Устава судопроизводства в коммерческих судах 1832 г. согласно которой тяжущиеся вправе были выбрать одного или двух судебных примирителей из «среды Суда», также было возможно назначение примирителя (ей) судом с согласия сторон из числа членов Суда вместе с секретарем или его помощником. Примиряющие в соответствии со ст. 1581 указанного Устава обязаны были «выслушать стороны и представить им те законы, на основании которых дело может быть решено», а также сообщить им «свое мнение о том, каким образом по взаимному соглашению оно могло бы быть кончено миролюбиво» [1].

Частноправовая по своему характеру медиация не получила распространения в отечественной практике по целому ряду причин (отсутствие государственной поддержки результата медиации [5], недостаточность адекватного правового регулирования института медиации, высокая стоимость и российский менталитет [3] социокультурные условия [6]). Публично-правовая составляющая процедуры судебного примирения призвана обеспечить возможность для примирения сторон без дополнительных затрат (при этом в случае достижения примирения в зависимости от стадии судопроизводства предусмотрено снижение размера государственной пошлины от 70 до 30%).

В качестве целей введения данного института П.В. Крашенинников называет повышение правовой культуры граждан (и в том числе уменьшение конфликтности в обществе), а также снижение нагрузки на суды [4] Так, о невозможности бесконечного расширения штатов российских судов высказывается В.И. Нечаев [8]. И первое, и второе наряду с одобрением, нередко вызывает и обоснованную критику, как со стороны научного сообщества, так и со стороны практикующих юристов.

В этом отношении безусловно интересен опыт использования примирительных процедур, в том числе и процедур судебного примирения, в цивилистическом процессе Франции, Италии и США.

Содействие примирению сторон традиционно является одной из обязанностей судей во Франции (ст. 21 ГПК Франции).

ГПК Франции предусматривает помимо несудебной процедуры медиации (в том числе по инициативе суда), которая может являться обязательной, делегированное судебное примирение как непроцессуальную процедуру, которая может быть в дальнейшем трансформированная в судебную процессуальную процедуру – мирового соглашения.

В качестве медиатора согласно ст. 131-5 ГПК Франции может выступать дееспособное несудимое лицо, не имеющее административных и взысканий, обладающее квалификацией, соответствующей характеру спора, а также соответствующим практическим опытом (в настоящем или в прошлом), а также имеющее опыт медиативной деятельности или прошедшее соответствующее обучение, представившее также гарантии незаинтересованности по отношению к примирению сторон.

В качестве судебного примирителя (*conciliateur de justice*) согласно Декрета № 78-381 от 20 марта 1978 г. «О судебных примирителях» [9] может быть назначено лицо, обладающее стажем юридической деятельности не менее трех лет, а также имеющее практический опыт и квалификацию, необходимые для выполнения функций примирителя.

Статьей 281 ГПК Франции предусмотрена неизвестная отечественному процессуальному законодательству возможность примирения сторон в результате процедуры судебной экспертизы,

Примирение сторон возможно и в результате проведения судебным приставом (*l'huissier de justice*) досудебной процедуры констатации.

Гражданским процессуальным Кодексом Италии также, предусмотрена обязанность судьи содействовать примирению сторон; при этом примирительные процедуры возможны не только на любой стадии процесса (за исключением кассации), поскольку предусмотрена и предварительная примирительная процедура. Наряду с процедурами медиации (судебной или внесудебной) статьей 185 ГПК Италии предусмотрена процедура судебного примирения. При этом в качестве примирителя выступает сам судья, предлагающий сторонам свой вариант примирения либо заключения мирового соглашения. В соответствии с указанной статьей до окончания рассмотрения дела возможна повторная попытка судебного примирения. Сомнительность подобного подхода итальянского законодателя к процедуре судебного примирения обоснована Э. Сильвестри [7].

Кроме того, статьей 696 – bis ГПК Италии предусмотрена предварительная консультация специалиста (предварительная техническая консультация), в рамках которой назначенному Судом специалисту вменяется в обязанность предпринять попытку примирения сторон.

В соответствии с правилом 53 Федеральных правил гражданского процесса США суд может назначать специального мастера (как по своей инициативе либо по ходатайству сторон) в рамках досудебного раскрытия доказательств (discovery), судебного разбирательства, а также в ходе исполнительного производства. В качестве специальных мастеров могут назначаться судьи в отставке, адвокаты, профессиональные медиаторы, а также лица, обладающие специальными знаниями. Вознаграждение специальному мастеру, как правило, относится к судебным издержкам по делу.

Выполняя определенные судом задачи, специальный мастер выполняет не только вспомогательную, но и квазисудебную роль. Целью его назначения нередко бывает либо урегулирование, либо разрешение спора, что позволяет говорить не только о сходстве роли специального мастера и медиатора, но и об их различии. Представляется правильным говорить о большей близости роли специального мастера к роли судебного примирителя, чем к роли медиатора (даже если роль идет от делегированной судебной процедуре), поскольку специальный мастер устанавливает фактические обстоятельства по делу, и не только дает сторонам консультацию по их правовой оценке в целях достижения урегулирования спора, но и разрешает данный спор, если урегулирование оказывается невозможным.

В качестве различий процедур примирения и медиации Ж.А. Мириманов [10] приводит следующие четыре: 1) основу примирения составляют факты, а основу медиации — люди; 2) примирение осуществляется исключительно юристами, в отношении медиатора прямых ограничений не предусмотрено; 3) посредника выбирают, примирителя назначает суд; 4) осуществление медиации может быть формализовано на основе соглашения, примирение может осуществляться свободно при отсутствии соответствующей нормативной регламентации.

В современных условиях развития науки, техники и технологий помимо юридических знаний, опыта и квалификации, необходимых для примирения сторон, а также навыков квалификации и оценки имеющихся фактов, которые традиционно связываются именно с юридическим образованием и судебским опытом работы, существенными для судебного примирителя могут являться и специальные знания. На сегодняшний день их наличие предполагается только у судей Суда по интеллектуальным правам. Соответственно, при наличии потребности в специальных знаниях возникает вопрос о формах их использования в ходе процедуры

судебного примирения. В настоящее время отечественный законодатель не дает ответа на этот вопрос.

Перечень примирительных процедур во всех трех процессуальных цивилистических кодексах отставлен открытым. De lege ferenda возможно включение в него иных примирительных процедур, например предварительной консультации специалиста (в том числе специалиста – советника Суда по интеллектуальным правам) подобно предварительной консультации назначенного судом специалиста, известной итальянскому цивилистическому процессуальному законодательству или предварительной консультации судебного пристава, известной законодательству Франции. Также de lege ferenda может быть предусмотрен переход к примирительной процедуре в результате процедуры судебной экспертизы, известной французскому цивилистическому процессуальному законодательству.

Список использованных источников:

1. Устав судопроизводства в коммерческих судах // С.З. Российской империи. Т. XI., ч. II, Кн. 4, Раз. 3. – СПб, 1857.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур [Электронный ресурс] // https://www.vsrfr.ru/press_center/news/26352/ [Текст Постановления официально опубликован не был].
3. Григорьева Т.А., Пименова Е.Н. Медиация как частноправовой способ разрешения экономических споров // Научные труды РАЮН. В 3-х томах. – М.: Юрист, 2009. – Вып. 9, Т. 2. – С. 1014-1020.
4. Куликов В. По рукам и без обид // Российская газета. 2019. 18 июля.
5. Михайлова Е.В. Медиация как отдельный способ урегулирования правовых конфликтов в частноправовой сфере // Арбитражный и гражданский процесс. – 2012. – № 4. – С. 2-7.
6. Поспелов Б.И. Проблемные вопросы развития медиации в России // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – С. 39-42.
7. Сильвестри Э. Медиация по предписанию суда: итальянский опыт // Вестник гражданского процесса, 2015. – № 3. – С. 161-168.
8. Стенограмма заседания Совета Федерации № 463 от 23 июля 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/106679/transcript/>.
9. Décret № 78-381 du 20 mars 1978 relatif aux conciliateurs de justice [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>.

10. Mirimanoff J. A. Médiation et conciliation : pour en finir avec un psychodrame familial / Exposé à la deuxième rencontre des ACBL du 12 Mai 2006 à Grange p. 4 // [Электронный ресурс] URL: http://www.gemme.ch/rep_fichier/gemme_mediation_et_conciliation.pdf.

УДК 347.44

“PRECAUTIONARY MEASURES” (МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ) КАК ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДОГОВОРЕ СТРАХОВАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЯВЛЕНИЯ В ГЛ. 48 ГК РФ

© М.В. Кратенко

Сибирский федеральный университет

1. Понятие и функции мер предосторожности

Применительно к стадии после заключения договора и до момента наступления страхового случая (post-contractual) в отечественной литературе [2] указывается на две основные обязанности страхователя: уплачивать страховые взносы (ст. 954 ГК РФ); уведомлять страховщика о значительном изменении обстоятельств, имеющих существенное значение для оценки страхового риска (ст. 959 ГК РФ). О каких-либо иных постконтрактных обязанностях страхователя перед страховщиком обычно не упоминается, что можно объяснить скупой регламентацией данной стадии отношений в законе.

Исключением является монография проф. Ю.Б. Фогельсона, в которой автор допускает возможность установления договором страхования или правилами страхования обязанностей страхователя принимать *меры по предупреждению убытков* [6, с. 324]. В силу требований закона страхователь принимать соответствующие меры не обязан. Однако установление в договоре соответствующих обязанностей страхователя и санкций за них неисполнение не будет противоречить закону. Автор также апеллирует к примерам из судебной практики, в которых можно увидеть попытки разграничения мер по предупреждению ущерба и мер по уменьшению размера убытков при наступившем страховом случае, которые прямо предусмотрены законом (ст. 962 ГК РФ).

В зарубежной литературе по страховому праву обязанностям страхователя в период после заключения договора (post-contractual duties), напротив, уделяется самое пристальное внимание. Увеличение страхового риска и несоблюдение мер предосторожности являются ключевыми вопросами в страховании, отличном от страхования жизни, – с точки зрения возможных оснований для полного или

частичного освобождения страховщика от обязательства по выплате возмещения [3, с. 30].

Характерной чертой мер предосторожности является то, что они являются ориентиром для страхователя в том, как избежать убытков или уменьшить их размер. Посредством указания мер предосторожности страховщик определяет, какое поведение он ожидает от страхователя, какие действия позволительны и непозволительны страхователю. Страховщик также может установить определенные квалификационные требования к страхователю, например, при страховании транспортного средства (автокаско) – иметь действующее разрешение на управление автомобилем.

В литературе по страховому делу [4, с. 208-209] меры предосторожности рассматриваются как элемент сложной системы стимулирования страхователя к осторожному, заботливому поведению в отношении застрахованного имущества, наряду с дифференцированными страховыми тарифами для разных категорий страхователей и разных рисков, вовлечением страхователя в процесс возмещения убытка (*loss-sharing*), проведением тренингов безопасности (*safety training*) и пр.

По своей правовой природе меры предосторожности близки к кредиторским обязанностям.¹ Их отличие от обязательств должника заключается в том, что невозможно понуждение к исполнению кредиторских обязанностей, равно как и установление мер ответственности за их неисполнение.

Правовыми последствиями несоблюдения страхователем мер предосторожности могут быть следующие: приостановление страховой защиты; полное или частичное освобождение страховщика от выплаты возмещения; право страховщика расторгнуть договор страхования *ex nunc* (на будущее время); право страховщика аннулировать договор страхования *ex tunc* (с момента заключения).

2. Попытки легального закрепления института “precautionary measures”

Юридические термины и конструкции, используемые для закрепления данного института или его аналогов, выполняющих сходные функции, могут быть различными (*promissory warranties*, *mesures préventives*, *vertraglichen obliegenheit*, *precautionary measures*), что обусловлено особенностями правовой системы соответствующего государства [5, с. 20].

Финляндия является одним из тех государств, в законодательстве которых прямо урегулирован институт мер предосторожности (в контексте договора страхования), используется соответствующая терминология. В соответствии со ст. 31

¹ В немецкой юридической теории обязанностям кредитора соответствует термин “*obliegenheit*”, который в переводе означает *долженствование*.

Финского закона о договоре страхования 1994г. («Соблюдение мер предосторожности в страховании, отличном от страхования жизни»)¹ договор страхования может включать в себя условия об устройствах, процедурах или иных мероприятиях, имеющих целью предотвратить или уменьшить возможность причинения вреда здоровью или имуществу, либо о наличии у лица, осуществляющего управление застрахованным имуществом, определенных профессиональных навыков, компетенции. Застрахованный обязан соблюдать указанные требования. Если застрахованный умышленно или по неосторожности, за исключением обычной (легкой) небрежности, не соблюдает данные меры предосторожности, страховое возмещение может быть уменьшено, либо в возмещении ущерба может быть отказано в полном объеме. Применительно к неумышленным действиям застрахованного преобладает практика частичного возмещения ущерба, что отвечает основным направлениям развития финской системы страхования – социальной защиты населения и превенции ущерба в основных сферах жизнедеятельности [7, с. 17-20].

В 2009г. были опубликованы Принципы европейского договорного страхового права (Principles of European Insurance Contract Law, сокр. – PEICL), призванные гармонизировать законодательство о страховании стран Евросоюза и договорную практику транснациональных страховых компаний. В качестве одной из характеристик застрахованного риска в ст. 4:101 PEICL было закреплено определение мер предосторожности (precautionary measures): *“Условие договора страхования, вне зависимости от того, указано ли оно в качестве предпосылки ответственности страховщика или нет, в силу которого страхователь или застрахованный в период до наступления страхового события должны совершить определенные действия или воздержаться от определенных действий”*.² Прототипом указанной нормы считаю положения ст. 31 Финского закона о договоре страхования.

В целом, положения PEICL о мерах предосторожности направлены на защиту интересов страхователя, поскольку ограничивают определенными условиями право страховщика расторгнуть договор / отказать в страховой выплате со ссылкой на неисполнение страхователем договорных обязанностей, несоблюдение мер предосторожности. Обязательными условиями применения санкций в виде расторжения договора или отказа в страховой выплате являются наличие вины в

¹ Vakuutusopimuslaki, 28.06.1994/543. Текст закона на англ. См.: <http://www.finlex.fi/fi/laki/kaanokset/1994/en19940543.pdf> (доступ 20.05.2019 г.).

² Полный текст Принципов (PEICL) по состоянию на 2015г. см.: <https://www.uibk.ac.at/zivilrecht/forschung/evip/restatement/sprachfassungen/peicl-en.pdf> (доступ 20.05.2019 г.).

действиях страхователя (застрахованного) в форме умысла (прямого или косвенного), а также причинной связи между нарушением обязанностей и ущербом:

- страховщик вправе расторгнуть договор при неисполнении страхователем мер предосторожности лишь в том случае, если страхователь (застрахованный) нарушили свою обязанность с намерением причинить ущерб или безрассудно и с осознанием того, что ущерб может быть возможным результатом нарушения (п. 1 ст. 4:102);¹

- условие договора о том, что неисполнение мер предосторожности полностью или частично освобождает страховщика от ответственности, имеет силу постольку, поскольку ущерб является прямым последствием неисполнения мер предосторожности, и страхователь действовал умышленно или безрассудно, осознавая возможность наступления ущерба (п. 1 ст. 4:103);

- несмотря на условия договора страхования, предусматривающие уменьшение размера страхового возмещения в зависимости от степени вины в непринятии мер предосторожности, страхователь не может быть лишен права на возмещение ущерба, причиненного вследствие простой неосторожности в его действиях (п. 2 ст. 4:103).

По замыслу разработчиков PEICL, если условие договора страхования сформулировано как исключение из страхового покрытия (например, «...Не считается страховым случаем хищение автомобиля, который по условиям договор должен быть оборудован противоугонным устройством, если в момент хищения данное устройство было неисправно»), но фактически касается поведения страхователя, к такому условию будут применяться правила о мерах предосторожности [1, с. 241].

3. Скрытые условия о мерах предосторожности в стандартных правилах страхования и их оценка российскими судами

Несмотря на отсутствие в российском законодательстве какого-либо упоминания о мерах предосторожности и пробелы в теории страхового права, стандартные правила страхования часто содержат разделы, посвященные обязанностям страхователя в период после заключения договора или устанавливающие разного рода ограничения для страхователя. Параллельно с регламентацией обязанностей страхователя, страховщики в ряде случаев дублируют соответствующие условия в разделах об исключениях из страхового покрытия. Обратимся к примерам:

В соответствии со ст. 21.1 Правил страхования автотранспортных средств СПАО «Ингосстрах» (утв. 28.02.2017г.) не является страховым случаем и не подлежит возмещению ущерб (убытки) в результате следующих действий или

¹ Авторы PEICL при характеристике субъективного отношения страхователя к допущенному нарушению мер предосторожности используют термины «with intent» и «recklessly with knowledge that the loss would probably result», которым соответствуют значения прямого и косвенного умысла.

бездействия страхователя (водителя или выгодоприобретателя), которые сознательно ведут к нарушению страхового обязательства:

- ущерб, возникший при управлении заведомо неисправным транспортным средством, эксплуатация которого запрещена;
- ущерб, возникший при управлении транспортным средством лицом, находящимся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;
- ущерб, возникший при управлении транспортным средством лицом, не имеющим в соответствии с нормативными актами Российской Федерации права управления указанным в договоре страхования транспортным средством;
- повреждение или утрата (гибель) транспортного средства, если страхователь (водитель) оставил открытыми (не запертыми на замок) двери или окна транспортного средства во время его стоянки или остановки при отсутствии в салоне водителя;

Заключая договор страхования на основании настоящих Правил, страхователь берет на себя обязательство не совершать вышеуказанных действий (бездействий) и осознает, что в указанных в ст. 21.1 случаях страховщик не несет обязательств по выплате страхового возмещения при причинении ущерба застрахованному транспортному средству.¹

И сама формулировка вышеуказанных исключений, и возложение на страхователя обязанности в период действия договора не совершать перечисленные действия указывают на то, что в ст. 21.1 Правил речь идет о мерах предосторожности.

Текущая судебная практика в России по спорам о выплате возмещения по договору автокаско, связанным с отказом страховщика признать то или иное событие страховым случаем, носит довольно формальный характер. Если обстоятельства происшествия подпадают под определение одного из предусмотренных стандартными правилами исключений («нестраховых случаев»), в иске страхователю отказывают. При этом суд не выясняет вопрос о том, имеется ли причинная связь между действиями (бездействием) страхователя и наступлением ущерба, каковая степень вины страхователя. Обратимся к примерам.

К. обратился в суд с иском к ООО СК «ВТБ-Страхование» о взыскании страхового возмещения в связи с хищением принадлежащего ему автомобиля.

Ответчик на досудебной стадии отказал в выплате, сославшись на п. 5.19 Правил страхования средств автотранспорта, согласно которому «по всем рискам не являются страховыми случаями события, произошедшие в случае передачи

¹ См.: Правила страхования автотранспортных средств СПАО «Ингосстрах» (утв. 28.02.2017г.). Размещены на официальном сайте компании: <http://www.ingos.ru> (доступ 20.05.2019г.).

застрахованного транспортного средства в аренду, лизинг или залог без согласования со страховщиком». Поскольку непосредственно перед наступлением страхового случая К. заключил договор аренды автомобиля, передал автомобиль другому лицу без согласования со страховщиком, заявленное событие (хищение) не является страховым случаем.

Решением районного суда искивые требования К. были удовлетворены. Суд исходил из того, что доказательств вины К. в хищении принадлежащего ему транспортного средства нет, в связи с чем страховщик не может быть освобожден от обязанности по выплате страхового возмещения. Суд апелляционной инстанции указанное решение отменил и встал на сторону страховщика. Президиум Санкт-Петербургского городского суда отменил апелляционное определение и оставил в силе решение районного суда, указывая на то, что в силу ст. 963 ГК РФ освобождение страховщика от выплаты возмещения в связи с неосторожностью страхователя возможно лишь в случаях, прямо указанных в законе (постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 10.08.2016г.).

Точку в споре поставила Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. Судьи указали на право страхователя и страховщика, гарантированное ст. 421 ГК РФ, определить по своему усмотрению перечень страховых и нестраховых случаев. Поскольку правилами страхования прямо предусмотрено исключение для случаев хищения транспортного средства после его передачи в аренду, страховщик обоснованно отказал в выплате (определение Верховного Суда РФ от 07.03.2017 № 78-КГ17-5). В последующем данное дело включено в обзор практики по разрешению споров из договоров добровольного страхования имущества.¹

В вышеизложенном примере, вместо анализа поведения страхователя с позиции возможной причины наступления страхового события и оценки степени вины страхователя в нарушении обязанностей по договору, Верховный Суд РФ ограничился формальным подтверждением соответствия между заявленным событием и сформулированным в правилах страхования исключением.

4. Заключительные выводы

Анализ законодательства о страховании отдельных европейских государств и актов мягкого права по вопросам страхования (PEICL) позволяет выделить в качестве общей тенденции стремление законодателя обеспечить защиту интересов страхователей, по крайней мере в потребительских договорах, от разного рода

¹ См.: п. 2 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 11.

приемов страховщика, направленных на отказ или уменьшение страховой выплаты в случае неосторожного поведения страхователя.

Традиционно функцию защиты интересов страховщика от недобросовестных или неосторожных действий страхователя выполняют нормы об учете вины страхователя в наступлении ущерба (например, ст. 963 ГК РФ) и нормы о последствиях увеличения риска (например, ст. 959 ГК РФ). В связи с наличием определенных пробелов в указанных статьях, препятствующих их эффективному применению на практике, российскими страховщиками была разработана и активно используется конструкция исключений из покрытия или «нестраховых случаев». Перечни исключений, вследствие включения в них различных форм проявления неосторожности страхователя, становятся настолько обширными, что их восприятие затруднено даже опытному юристу, не говоря уже о рядовых потребителях. Однако, в последние годы такая практика страховщиков находит сочувствие у судов. В результате, страхователь, который приобрел полис автокаско в надежде защититься от ущерба вследствие собственных неосторожных действий (вина в ДТП и пр.) далеко не всегда может рассчитывать на получение страховой выплаты.

Институт “precautionary measures” представляет собой определенный компромисс между интересами страхователя и страховщика.

С одной стороны, он дает возможность страховщику и дальше использовать механизм договорных обязанностей в целях стимулирования страхователя к добросовестному и заботливому поведению в отношении застрахованного имущества. При этом, в отличие от положений об увеличении риска, институт мер предосторожности предполагает возложение на страхователя конкретных обязанностей в период до наступления страхового случая, ознакомление с правилами безопасного поведения, тренинги безопасности.

С другой стороны, у страхователя имеются гарантии получения страхового возмещения в случае невиновного нарушения указанных обязанностей (равно как и при незначительной степени вины), либо при отсутствии причинной связи между нарушением и последовавшими убытками.

Оценивая перспективы появления института “precautionary measures” в российском законодательстве, необходимо коротко остановиться на предложениях, сформулированных в Концепции реформирования гл. 48 ГК РФ.¹

В Концепции отмечается проблема непоследовательной судебной практики по спорам, связанным с отказом страховщика выплатить возмещение со ссылкой

¹ Текст концепции по состоянию на 29.11.2018г. размещен на сайте Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/12/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82-291118.pdf> (доступ 20.12.2018 г.).

на исключения из страхового покрытия. В целях более корректного применения судами положений ст. 963 ГК РФ, предлагается понимать под исключениями лишь объективные события, относящиеся к событиям внешнего мира либо к действиям (бездействию) лиц, не являющихся участниками страховых отношений.

Как представляется автору данной статьи, данное уточнение природы исключений из страхового покрытия в полной мере не решит обозначенную проблему. В целях защиты прав страхователей, необходимо разработать правила квалификации тех условий договора страхования, которые исключают страховую выплату или позволяют уменьшить её размер со ссылкой на нарушение страхователем установленных договором обязанностей – по совершению определенных действий или воздержанию от определенного поведения в период до наступления страхового случая. В законе необходимо определить правовые последствия нарушения страхователем подобных обязанностей – по модели PEICL (в виде специального института мер предосторожности), либо ориентируясь на законодательство одной из стран континентальной системы права (например, Финляндии), но *в любом случае с использованием элементов вины страхователя и причинности как предпосылок для отказа в выплате возмещения или уменьшения его размера*. Нормы о мерах предосторожности должны применяться ко всем условиям договора страхования, предусматривающим отказ в выплате страхового возмещения или уменьшение размера выплаты возмещения в качестве санкции за ненадлежащее поведение страхователя – по принципу «substance over form». Соответствующие положения могут быть закреплены в новой статье 959.1 ГК РФ, вслед за нормами об увеличении застрахованного риска (ст. 959).

Список использованных источников:

1. Архипова А.Г. Принципы европейского договорного страхового права // Вестник гражданского права. 2014. № 4.
2. Гражданское право: в 2 т. Учебник. Том 2. 3-е издание, переработанное и дополненное. Под ред. Б.М. Гонгалло. М.: Статут, 2018. Комментарий к гл. 52 (Страхование) подготовлен Н.Г. Валеевой.
3. Луик О.-Ю. Увеличение риска и меры предосторожности в имущественном страховании: опасная сфера для страховщика? / О.-Ю. Луик, Р. Ратник, М. Браун // Балтийский журнал права и политики. 2015. Т. 8. № 2.
4. Омри Бен-Шахар, Кайл Д. Логге. Альтернативное регулирование: как страхование снижает риск неосторожного поведения // Michigan Law Review. 111. 2 (2012).

5. Унан С. Меры предосторожности – общая характеристика // Документы, представленные на заседании рабочей группы Конференции (AIDA) по защите прав потребителей и разрешению споров, состоявшемся 13 сентября 2012 года в Лондоне.

6. Фогельсон Ю.Б. Страхование право: теоретические основы и практика применения: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 576 с.

7. Finish Insurance Today: report of Federation of finish insurance companies. P.17-20 [Электронный ресурс]. URL: https://www.expats-finland.com/pdf/insurance_market_in_finland_2005.pdf (доступ 20.05.2019 г.).

УДК 347.233.14

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА УДЕРЖАНИЯ ВЕЩИ

© **Е.А. Махиня**

Сибирский юридический университет

Статьи 359-360 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) регулируют правоотношения, связанные с возникновением и осуществлением такого способа обеспечения обязательств как удержание (*jus retentionis*). Вместе с тем содержащиеся в данных статьях формулировки правовых норм создают для правоприменителя ряд трудноразрешимых вопросов: об основании возникновения права удержания, о возможных объектах этого права, о соотношении права удержания с другими правами на вещь (например, правом залога) и т.д.

Для возникновения права удержания, во-первых, необходимо, чтобы у кредитора находилась в фактическом владении вещь должника, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, и, во-вторых, чтобы существовало неисполненное должником в срок обязательство по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков. В случае, если речь идёт о так называемом «предпринимательском» (коммерческом, торговом) удержании, то есть о ситуации, когда кредитор и должник действуют как предприниматели, тогда неисполненное должником обязательство может быть и не связано с оплатой этой вещи (ст. 359 ГК РФ).

Юридическим тестом правомерности удержания по первому критерию является наличие у кредитора владения вещью, т.е. фактического господства над ней. Кто не владеет – тот и не удерживает (*Nul ne retient qui ne detient*) [6, с. 433].

Несмотря на то, что законодатель прямо не указывает на обязательное наличие законного владения кредитора (объективный критерий), судебная практика

придает ему определяющее значение: удержание не может возникнуть вследствие захвата вещи должника помимо его воли. Данная правовая позиция была сформулирована Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) в пункте 14 Информационного письма от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой». В деле, послужившем иллюстрацией для выработки указанного подхода, возник спор между арендатором и арендодателем, который стал удерживать оборудование арендатора, оставшееся в арендуемом помещении, для того чтобы понудить последнего к исполнению обязанности по уплате долга по арендной плате. Суд указал, что в рассматриваемом случае спорное оборудование оказалось во владении арендодателя по воле самого арендатора при отсутствии со стороны арендодателя каких-либо неправомерных деяний. Основанием поступления оборудования во владение собственника помещения является оставление арендатором этого оборудования в данном помещении после истечения срока аренды, то есть после утраты права на соответствующее помещение. Поскольку такое владение оборудованием не может быть признано незаконным, оно допускает его удержание по правилам пункта 1 статьи 359 ГК РФ [8]. Эта правовая позиция активно поддерживается и сейчас судами различных уровней при рассмотрении споров, связанных с правом удержания (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 ноября 2017 г. по делу № А32-40454/2016, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 марта 2017 г. по делу № А81-1970/2016, апелляционное определение Омского областного суда от 14 июня 2017 г. по делу № 33-4122/2017 и др.).

Несмотря на наличие такой довольно важной для судебной практики сложившейся правовой позиции, остается неясным вопрос о том, достаточно ли для возникновения права удержания только законного владения кредитором объектом удержания (объективного критерия) или требуется, чтобы вещь поступила во владение кредитора непосредственно по воле должника (субъективный критерий). Так, между двумя коммерческими организациями возникло обязательство поставки горюче-смазочных материалов. Покупатель, получив товар от поставщика, не исполнил свою встречную обязанность по его оплате. В дальнейшем к поставщику, который помимо торговли топливом осуществляет еще такой вид экономической деятельности как техническое обслуживание и ремонт автомобилей, поступает во владение для осуществления ремонта автомобиль, принадлежащий на праве собственности покупателю. При этом заказчиком, передавшим автомобиль, выступает не должник (покупатель), а иное лицо – арендатор, которому автомобиль был предоставлен во временное владение и пользование. Соответственно, поставщик, узнав о том, что у него находится автомобиль, принадлежащий на праве собственности должнику (покупателю), задаётся вопросом:

может ли он осуществить удержание вещи должника, переданной ему во владение другим лицом.

С одной стороны, в данном казусе стороны действуют как предприниматели, поэтому удержанием можно обеспечивать требования, не связанные с оплатой вещи или возмещением издержек на нее и других убытков. Кроме того, поведение кредитора здесь не является упречным, ведь для получения владения вещью он не совершил никаких противоправных действий, его владение базируется на законном основании. С другой стороны, вещь во владение кредитору была передана не самим должником, а другим лицом – арендатором, сам должник – собственник, являясь в терминологии предлагаемой А.О. Рыбаловым оригинальным владельцем, не проявлял своей воли на передачу владения автомобилем кредитору.

Под оригинальным владением А.О. Рыбалов понимает ситуацию, когда лицо владеет вещью как своей – то есть оно никому не собирается отдавать эту вещь, оно не признает ничью больше власть над ней. Помимо собственника оригинальным владельцем также будет являться владелец по давности. Противоположностью оригинальному владению будет являться владение производное – например, таким владение будет у арендатора, поскольку арендатор осознает, что вещь придется вернуть, и он владеет не «как своим» [19].

К сожалению, закон оставляет нерешенным вопрос о значимости не только объективного, но и субъективного критерия. В судебной практике можно встретить дела, где суды высказываются за необходимость учета субъективного критерия. Так, решением Арбитражного суда Приморского края от 2 августа 1996 г. по делу № 12-123 удержание подрядчиком судна в судоремонтной мастерской было признано неправомерным, поскольку судно поступило в мастерскую не по договору строительного подряда с его собственником, а по договору строительного подряда с его арендатором, который эксплуатировал судно как пользователь и отдал на ремонт по подрядному договору. В другом деле права на имущество – автостоянку одна организация передала другой организации, а та удержала имущество (транспортное средство) ничего не подозревающего должника, к которому уже имела права требования. В этих делах суды, признавая неправомерным удержание вещи, также исходили из необходимости передачи владения вещью именно должником кредитору. Такая практика, как представляется, поддерживает справедливый баланс интересов всех лиц, вовлеченных в отношения удержания: не только кредитора и должника, но других лиц, которые являются законными владельцами спорного имущества по договору с должником. Для реализации принципа правовой определенности и достижения эффективного правового регулирования необходимо законодательное решение поставленного вопроса

включением в п. 1 ст. 359 ГК РФ абзаца следующего содержания: «Право удержания вещи должника возникает у кредитора лишь в случае, когда спорная вещь оказалась в его владении на законном основании и передана ему по воле должника».

Исходя из буквального содержания ст. 359 ГК РФ объектом удержания может быть только вещь. Обновленная редакция указанной нормы устранила терминологическую несогласованность, существовавшую до 1 июня 2015 г.: в общей норме о способах обеспечения обязательств указывалось об удержании «имущества» должника (ст. 329 ГК РФ), а в статье 359 ГК РФ – о «вещи». При этом термин «имущество», исходя из содержания статьи 128 ГК РФ, является не тождественным термину «вещь» и имеет более широкое содержание. Изменение редакции статьи 329 и наименования параграфа 4 главы 23 ГК РФ устранило это расхождение в пользу единообразного использования термина «вещь».

Интересным и дискуссионным вопросом является возможность удерживать недвижимое имущество. Норма ст. 359 ГК РФ весьма лаконична и не содержит ни прямого запрета удержания недвижимого имущества, ни специального его разрешения и регулирования.

В научной литературе нет единства мнений о решении данной проблемы. Так, некоторые авторы, например, Б.М. Гонгало [4, с. 193], А.В. Жигачев [7], Н.В. Южанин [25, с. 8], отстаивают позицию о допустимости удержания недвижимых вещей, в то время как другие ученые, в частности, С.В. Сарбаш [20, с. 23], Ю.А. Тарасенко [21], В.В. Витрянский [3, с. 448-449], такую возможность отрицают.

Судебная практика также неоднозначна и весьма ограничена, что, несомненно, является следствием отсутствия законодательного регулирования. Так, например, Ростовский областной суд в своем определении от 9 февраля 2012 по делу № 33-1660 указывает, что в круг вещей, которые могут служить предметом удержания, нельзя включить недвижимое имущество, так как статья 131 ГК РФ и другие законы не включают право удержания в перечень обременения недвижимого имущества, подлежащих государственной регистрации [12]. Наряду с этим, есть судебные акты, в которых признавалось возможным удержание недвижимости [13, 17].

Отдельные случаи удержания недвижимости закреплены в нормативных актах некоторых зарубежных стран. Так, Гражданский кодекс Нидерландов предоставил арендатору недвижимого имущества право удерживать ее в случае невыплаты собственником причитающегося в определенных случаях арендатору возмещения (ст. 100 книги 5 ГК Нидерландов) [5, с. 267]. Гражданский кодекс Квебека 1991 г. допускает право удержания недвижимости архитекторами, инженерами, подрядчиками, субподрядчиками, если выполненная ими работа либо поставленные материалы полностью не оплачены [22, с. 31].

Основное препятствие в возможности удерживать недвижимость некоторые ученые [24, с. 33-35] и суды [12] связывают с системой государственной регистрации недвижимости. Право удержания обладает свойством следования, т.е. оно сохраняется и при переходе права собственности на удерживаемую вещь другому лицу (п. 2 ст. 359 ГК РФ), а значит – рассматривается как обременение, которое в отношении недвижимого имущества подлежит обязательной государственной регистрации (п. 1 ст. 131 ГК РФ). Вместе с тем ни сам ГК РФ, ни специальные нормативные акты о государственной регистрации недвижимости не содержат правового механизма регистрации удержания как обременения недвижимого имущества.

Справедливости ради следует заметить, что в отечественной доктрине есть мнение о том, что права удержания и регистрационный режим, действующий в отношении недвижимости, между собой никак не связаны, поскольку фактическое обладание недвижимостью, необходимое для возникновения права ее удержания, вполне осуществимо посредством совершения фактических действий, и никак не связано с реестром прав [2, с. 766-767]. Вряд ли с такой точкой зрения можно согласиться. Право удержания обладает действием *ergo omnes* (пер. с лат. – «против всех»), поэтому законодатель должен обеспечить возможность ознакомления с наличием этого права всех участников гражданского оборота, иными словами, создать механизм придания данному праву свойства публичности. Соответственно эту задачу и призван решить регистрационный режим. Полагаем, что фактического владения кредитором недвижимой вещью недостаточно для создания эффекта публичности права удержания. Выходом из ситуации могла быть статья регистрация права удержания недвижимости как обременения права собственности должника в Едином государственном реестре недвижимости. Для того чтобы «подтолкнуть» кредитора, удерживающего недвижимую вещь должника, к внесению такой записи в соответствующий реестр, следовало бы в ст. 359 ГК РФ указать, что право удержания недвижимой вещи считается для третьих лиц возникшим с момента его государственной регистрации. В отношении же должника право ретентора возникает с момента поступления вещи в фактическое владение кредитора и возникновения просрочки должника. Для минимизации рисков, связанных с возможными действиями недобросовестных кредиторов по внесению ложных записей о праве удержания, следовало бы установить правило об ответственности кредитора за внесение не соответствующих действительности сведений в реестр.

В пользу признания такого подхода говорит и наднациональный уровень правового регулирования, который позиционируется как ступень к унификации гражданского права Европы. Например, в Модельных правилах европейского

частного права предусмотрена модель регистрации права удержания, которая весьма сходна с вышеописанной [9, с. 355-366]. Правда, стоит учесть, что в данном источнике право удержания относится к так называемым обеспечительным правам залогового типа. Несмотря на то, что в отечественной доктрине некоторые правоведы также видят в удержании и залоге общие черты и даже называют удержание ситуационной разновидностью права залога [10], судебная практика в России до последнего времени отказывалась признавать сходство права залога и права удержания. Для примера можно привести позицию Третьего арбитражного апелляционного суда, выраженную в Постановлении от 25 октября 2016 по делу № А33-453/2015к23. Суд, рассматривая апелляционную жалобу общества с ограниченной ответственностью на определение суда об отказе в признании за ретентором статуса залогового кредитора, указал, что «нормы ст. 360 Гражданского кодекса Российской Федерации хоть и имеют отсылочный характер, но не отождествляют залог и удержание. Отсылка, содержащаяся в статье 360 Гражданского кодекса Российской Федерации об удовлетворении требований кредитора, удерживающего вещь, из ее стоимости в объеме и порядке, предусмотренных для удовлетворения требований, обеспеченных залогом, не является основанием для применения аналогии закона и не наделяет кредитора, удерживающего вещь, статусом залогодержателя. Удержание имущества должника и залог имущества являются самостоятельными способами обеспечения исполнения обязательств» [16]. В постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.11.2017 № Ф07-10245/2017 по делу № А56-5579/2016 также указано, что «удержание имущества должника и обращение на него взыскания не порождает таких залоговых свойств, которые позволяют кредитору получить приоритет при удовлетворении его требований в процедурах банкротства» [14].

Однако подход Верховного Суда РФ в определении от 27.06.2019 по делу № 301-ЭС19-2351 может поменять сложившуюся судебную практику относительно возможности придания приоритета кредиторам, требование которых обеспечены удержанием. Верховный Суд РФ указал, что «поскольку удержание по своей правовой конструкции имеет общие черты с залогом, предполагающим передачу владения залогодержателю, права ретентора подлежат осуществлению применительно к разъяснениям, приведенным в пункте 10 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя», по смыслу которых кредитор, владеющий заложенным (удерживаемым) имуществом, обязан передать это имущество в конкурсную массу должника в процедуре, предполагающей обращение взыскания» [11].

Сходство удержания и права залога требует рассмотрения еще одной проблемы, важной как в теоретическом, так и в практическом отношении. Это проблема соотношения этих обеспечительных прав друг с другом. В.А. Хохлов отмечает, что «закон ничего не говорит о столкновении при удержании интересов различных лиц, о приоритетах притязаний на вещь, а равным образом о потенциальной конкуренции различных способов обеспечения. Тем не менее, все это вполне реальные правовые проблемы. Если, например, предмет удержания уже находился в залоге, то отсутствие специального регулирования дает основания предположить о приоритете удержания; приоритет здесь, скорее, не юридического характера и заключается в исходно лучшей позиции лица, удерживающего вещь: он уже ею владеет» [23, с. 42].

Действительно, в том случае если право удержания будет конкурировать с другим обеспечительным правом – правом залога, вопрос о правиле разрешения конкуренции между ними законодатель оставляет открытым. Президиум ВАС РФ, рассматривая спор, в котором удерживаемая вещь до получения владения ею ретентором была передана в залог другому лицу, указал, что коллизия прав ретентора и залогодержателя должна решаться по принципу старшинства (*prior tempore potior iure*), и в таком случае залогодержатель имеет преимущество перед ретентором, поскольку его право является старшим (предшествующим) [18]. Справедливость такого решения вызывает обоснованные сомнения, поскольку в некоторых случаях, например, когда ретентор увеличил стоимость удерживаемой вещи, старший залоговый кредитор обратит в свою пользу затраты ретентора на вещь в ущерб обоснованным интересам последнего. Кроме того, такой подход расходится с регулированием этого вопроса в других правопорядках. Так, в Модельных правилах европейского частного права право удержания владения обладает старшинством в отношении иного права на удерживаемое имущество, т.е. так называемым суперприоритетом (ст. IX.-4:102: Сверхстаршинство) [9, с. 366].

В заключении стоит отметить, что предложенные подходы к решению проблем удержания вещи, конечно же, носят дискуссионный характер, однако, как представляется, реализация даже некоторых из них позволит сделать правовое регулирование более эффективным и будет способствовать формированию принципа правовой определенности в судебной практике.

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение Омского областного суда от 14 июня 2017 г. по делу № 33-4122/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Бевзенко Р.С. Практика применения Гражданского кодекса части первой / Под общей редакцией В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат. – 2009. –1161 с.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. – 847 с.
4. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. – М., – 2002. – 222 с.
5. Гражданский кодекс Нидерландов. Новая кодификация / Отв. ред. Ф.Й.М. Фельдбрюгге. Лейден, –1996. – 370 с.
6. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.
7. Жигачев А.В. Удержание недвижимого имущества // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». 2012.
8. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Модельные правила европейского частного права / Науч. ред.: Рассказова Н.Ю. – М.: Статут, 2013. – 989 с.
10. Новиков К.А. Учебник по гражданскому праву. Способы обеспечения // § 3. Удержание вещи URL: https://zakon.ru/blog/2016/5/30/uchebnik_po_grazhdanskomu_pravu_sposoby_obespecheniya__%C2%A7_3_uderzhanie_veschi (дата обращения 12.09.2019).
11. Определение Верховного Суда РФ от 27.06.2019 по делу № 301-ЭС19-2351 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Ростовского областного суда от 9 февраля 2012 г. по делу № 33—1660 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 марта 2017 г. по делу № А81-1970/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.11.2017 № Ф07-10245/2017 по делу № А56-5579/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 ноября 2017 г. по делу № А32-40454/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 25 октября 2016 по делу № А33-453/2015к23 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 февраля 2012 г. по делу № А 65-7172/2011 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Президиума ВАС РФ от 11 июня 2013 г. № 15154/11 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. Рыбалов А.О. Российское вещное право сегодня. URL: https://zakon.ru/blog/2019/02/22/rossijskoe_veschnoe_pravo_segodnyalekiya (дата обращения 08.09.2019).

20. Сарбаш С.В. Право удержания в Российской Федерации. – М., 2003.

21. Тарасенко Ю.А. Обзор судебной практики «Применение норм об удержании как способе обеспечения исполнения обязательств» // Арбитражное правосудие в России. 2007.

22. Харитоновна Ю.С. Применение удержания как обеспечительной меры в предпринимательских договорах // Право и экономика. – 2015. – № 12. – С. 29-34.

23. Хохлов В.А. Обеспечение исполнения обязательств: Учебное пособие. – Самара, 1997. – 100 с.

24. Южанин Н.В. Обзор судебной практики применения права удержания как способа обеспечения исполнения обязательств // Российский судья. – 2008. – № 2. – С. 33-35.

25. Южанин Н.В. Удержание как способ обеспечения исполнения обязательств // Юрист. – 2003. – № 2. – С. 6-10.

УДК 336.227.2.025

РАТИФИКАЦИЯ МЦІ: МИНИМАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ ПРОТИВ НЕОБОСНОВАННОЙ НАЛОГОВОЙ ВЫГОДЫ И GAAR ст. 54.1 НК РФ

© А.В. Николаев

Сибирский федеральный университет

Значимость антиуклонительных правил деловой цели и существо надо формой в борьбе со злоупотреблениями соглашениями об избежании двойного налогообложения (далее – СИДН) была подчеркнута ФНС России в письме от 28.04.2018 № СА-4-9/8285@, провозгласившем:

«Основным вопросом, который исследуется в спорах о применении норм международных соглашений, становится оценка деловой цели и правильной квалификации существа совершенных сделок (операций).

Применение налоговых преференций признается неправомерным, когда совокупность сделок (операций) позволяет сделать вывод о том, что основной их целью было выведение дохода, полученного в России, из-под налогообложения

и формальное совершение операций в целях использования преимуществ по международному соглашению».

В том же русле лежит логика доведенного письмом ФНС России от 06.05.2019 № СА-4-7/8448@ обобщения судебной практики оспаривания правомерности представления льгот по СИДН с российским участием.

Оба означенных российских внутренних антиуклонительных правила родились в рамках отечественной судебной доктрины необоснованной налоговой выгоды.

Так, Е.В. Тимофеев [4, с. 275-277, 286-288] полагает, что принцип приоритета существа над формой в узком смысле, когда допускается отказ в получении налоговой выгоды несмотря на формальное соответствие всем требованиям законодательства, необходимым для ее получения, сформулирован в ч. 1 п. 4, п. 3 и п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ № 53 (см. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53), а принцип наличия деловой цели был сформулирован Конституционным Судом РФ в 2003 году (см. Постановление КС РФ от 27.05.2003 № 9-П) и присутствует в п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ № 53 о том, что налоговая выгода не может рассматриваться как непосредственная и самостоятельная деловая цель сделки.

В свою очередь Б.Я. Брук [3, с. 122-136] выводит доктрину превалирования существа над формой из п. 3 и п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ № 53, требующих учитывать хозяйственные операции в соответствии с их действительным экономическим смыслом даже если налогоплательщик оформляет их образом вне соответствия этому смыслу, а доктрину деловой цели из п. 3 и п. 9 того же судебного документа, отвергающих для целей налогообложения действия налогоплательщика, которые обусловлены не разумностью экономических причин или целей делового характера, но исключительно намерениями уменьшить налоговые обязательства.

Со временем в отдельных правовых порядках GAAR получили законодательное оформление, не осталась в стороне от этого процесса и Российская Федерация. Российский законодатель изложил в ст. 54.1 НК РФ оба антиуклонительных правила:

– во-первых, как требование о недопущении уменьшения налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких фактов), об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и (или) бухгалтерском учете либо налоговой отчетности налогоплательщика;

– во-вторых, в виде одного из двух условий, одновременное соблюдение

которых дает налогоплательщику вправо на налоговую льготу. Этим условием является основная цель сделки: основной целью совершения сделки (операции) не должна быть неуплата (неполная уплата) и (или) зачет (возврат) суммы налога.

Но сегодня в этот привычный, а потому – понятный порядок применения аниуклонительных правил к СИДН, вторгается новшество, связанное с имплементацией плана BEPS.

Одним из этапов имплементации было подписание в 2017 году конвенции, известной под аббревиатурой MLI (Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting). Ратифицируя ее в 2019 году, Россия оговорила для себя применение в рамках СИДН минимального стандарта, предусмотренного итоговым отчетом по действию 6 плана BEPS, в форме комбинации PPT с упрощенным положением об ограничении льгот. Но поскольку п. 6 ст. 7 MLI допускает применение упрощенного положения об ограничении льгот только с согласия всех сторон СИДН, а такой вариант выбрало меньшинство подписантов конвенции, большинство же в той или иной форме акцептовало PPT, то как правило реализация СИДН будет сопряжено с договорным PPT из п. 1 ст. 7 MLI¹, также включенным в п. 9 ст. 29 Модельной конвенции ОЭСР в отношении налогов на доходы и капитал (далее – МК ОЭСР) редакции 2017 года².

Итак, после ратификации MLI отечественный правопорядок располагает:

¹ «Независимо от любых положений Налогового соглашения, на которое распространяется настоящая Конвенция, льгота в соответствии с Налоговым соглашением, на которое распространяется настоящая Конвенция, не предоставляется в отношении вида дохода или капитала, если, принимая во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, есть основания полагать, что получение такой льготы было одной из основных целей какой-либо структуры или сделки, которые прямо или косвенно привели к этой льготе, если только не было установлено, что предоставление такой льготы в этих обстоятельствах будет соответствовать целям и задачам соответствующих положений Налогового соглашения, на которое распространяется настоящая Конвенция». (Многосторонняя конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения: Заключение в г. Париже 24.11.2016 [перевод с английского языка]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/643148-7> (дата обращения: 15.02.2019)).

² «Несмотря на другие положения настоящей Конвенции, выгоды в соответствии с настоящей Конвенцией не предоставляется в отношении вида дохода или капитала, если с учетом всех сопутствующих фактов и обстоятельств разумно сделать вывод, что получение этой выгоды было одной из основных целей любого соглашения или сделки, которые прямо или косвенно привели к этой выгоде, если не только установлено, что предоставление этой выгоды в этих обстоятельствах будет соответствовать объекту и цели соответствующих положений настоящей Конвенции». (OECD (2017), Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017, OECD Publishing. URL: https://doi.org/10.1787/mtc_cond-2017-en (дата обращения: 16.02.2018)).

1) внутренней судебной доктриной о правиле деловой цели в рамках доктрины необоснованной налоговой выгоды – до тех пор, пока действуют соответствующие положения Постановления Пленума ВАС РФ № 53;

2) законом установленным внутренним правилом основной цели сделки из п. 2 ст. 54.1 НК РФ и

3) договорным PPT из п. 1 ст. 7 МЛІ и п. 9 ст. 29 МК ОЭСР 2017 года.

Закономерен вопрос: насколько отечественная практика применения внутреннего правила приложима к договорному PPT из МЛІ?

Вполне обоснованно полагать, что Комментарий к п. 9 ст. 29 МК ОЭСР 2017 года раскрывает значение договорного правила не только МК ОЭСР, но и МЛІ. Комментарий (п. 174) видит цель PPT в обеспечении применения СИДН в соответствии с целью их введения, т. е. для обеспечения выгод от добросовестного обмена товарами и услугами, а также движения капитала и лиц, в отличие от схем, основная цель которых состоит в достижении более благоприятного налогового режима. Более того, определение PPT содержит исключение из общего правила его применения: даже когда одной из основных целей будет получение договорной выгоды, PPT не применяется, если предоставление такой выгоды в этих обстоятельствах соответствует объекту и цели применимых положений СИДН.

Напротив, для российского внутреннего правила цель СИДН не является фактором, принимаемым во внимание, оно является исключительно инструментом пресечения выведения из-под налогообложения дохода, полученного в Российской Федерации (см. те же письма ФНС России от 28.04.2018 № СА-4-9/8285@ и от 06.05.2019 № СА-4-7/8448@).

Из определения договорного PPT в п. 1 ст. 7 МЛІ и п. 9 ст. 29 МК ОЭСР следует, что оно ориентируется не на субъективные намерения или цели сторон трансграничных отношений, а на цели самой сделки или схемы, проявляющиеся объективно. Такие цели – вопрос факта, на который можно ответить только рассмотрев все связанные обстоятельства в каждом конкретном случае и нельзя путать цель с ее результатом: даже если схема или транзакция привели к договорной выгоде, этого недостаточно для вывода, что одной из целей было получение этой выгоды (п. 178 Комментария к п. 9 ст. 29 МК ОЭСР).

Но если схема разумно объясняется только договорной выгодой, то из этого обязательно следует, что одной из ее основных целей было получение выгоды. В целом порог применения договорного PPT низок: договорное антиуклонительное правило может применяться в случаях, когда хотя бы одна из основных целей схемы или сделки состояли в получении договорной выгоды, даже если имеют место другие основные цели для схемы или сделки (п. 180 Комментария к п. 9 ст. 29 МК ОЭСР).

Впрочем, авторы Комментария к п. 9 ст. 29 МК ОЭСР оговаривают: мотивированная налогами цель не будет основной, если, учтя все факты и обстоятельства, разумно сделать вывод, что получение выгоды не было принципиальным соображением и не могло оправдать создание схемы или заключение сделки, которые сами по себе или вместе с другими сделками привели к выгоде (п. 181 Комментария). Логично принять трактовку Р. Дж. Данона [5, р. 47] и В. Чанга [6, р. 23], что п. 181 установил «неявное исключение»: PPT не применим там, где ведется подлинная трансграничная экономическая деятельность, в обстоятельствах с реальной экономической сущностью (economic substance). Действительно, учет economic substance можно увидеть в ряде примеров п. 182 и п. 187 Комментария к п. 9 ст. 29, а вот в примерах п. 182 и п. 187, где PPT служил для отказа в договорных выгодах, мы не отыщем реальной экономической сущности.

Теперь обратимся к российскому внутреннему правилу. Для него значение имеет субъективная цель, преследуемая налогоплательщиком.

Пункт 9 Постановления Пленума ВАС РФ № 53 прямо увязывает отказ в предоставлении налоговой выгоды с главной целью, преследуемой налогоплательщиком, с его намерением получить экономический эффект исключительно или преимущественно за счет налоговой выгоды в отсутствие намерения осуществлять реальную экономическую деятельность. В ст. 54.1 НК РФ говорится об основной цели совершения сделки или операции, в разъяснениях ФНС России к этой статье изначально речь ведется о конкретных умышленных действиях налогоплательщика (в т. ч. его должностных лиц, учредителей), признаваемых злоупотреблением правами и целенаправленно создающих условия, направленные исключительно на получение налоговой выгоды, использование пониженных налоговых ставок, налоговых льгот или на освобождение от налогообложения, а также создающих схемы, направленные на неправомерное применение норм СИДН (см. письма ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-7/16152@ и от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@).

Как свидетельствует приводимая в письмах ФНС России от 28.04.2018 № СА-4-9/8285@ и от 06.05.2019 № СА-4-7/8448@ судебная практика, российское правило применяется там, где не только отсутствует реальная предпринимательская или иная экономическая деятельность (т. е. economic substance), но и где реальные отношения скрыты под формальными, где в налоговом или бухгалтерском учете искажены сведения о фактах хозяйственной жизни, об объектах налогообложения. Либо к российскому правилу деловой (основной) цели примешивается отечественное правило существо над формой, либо необходимо вести речь о повсеместном применении в российской практике

обжалования предоставления льгот по СИДН доктрины необоснованной налоговой выгоды или GAAR ст. 54.1 НК РФ, а не правил деловой (основной) цели и существо над формой по-отдельности.

Но в любом случае признаки, исследуемые в рамках применения к СИДН российского внутреннего правила, отличаются от признаков, исследуемых в случае договорного PPT. Исходя из приводимых ФНС России в письмах от 28.04.2018 № СА-4-9/8285@ и от 06.05.2019 № СА-4-7/8448@ примеров судебной практики, примеры правомерных действий налогоплательщиков из Комментариев к п. 9 ст. 29 МК ОЭСР не пройдут проверки российским внутренним правилом: в аналогичных обстоятельствах запрос на договорные льготы по СИДН российскими фискальными органами будет отвергнут.

Теперь сравним пороги применения договорного PPT и отечественного правила.

В случае договорного PPT низкий порог его применения компенсируется для налогоплательщика распределением в его пользу бремени доказывания. Из определения договорного PPT следует: оно применимо, если разумно сделать вывод, что одной из основных целей схемы или сделки было получение выгоды. Это возлагает на фискальный орган бремя установить и доказать, что основной целью схемы или сделки было получение договорной выгоды. Требуя от фискального органа объяснения, почему одной из основных целей схемы или транзакции было получение договорной выгоды, определение договорного PPT требует от налогоплательщика лишь опровержения представленного фискальным органом объяснения.

В этом смысле существенным отличием российского внутреннего правила от договорного PPT является возложение на налогоплательщика (налогового агента) бремени доказывания отсутствия главной (основной) цели получить экономический эффект исключительно или преимущественно за счет налоговой выгоды (договорной льготы), предусмотренной СИДН. В письме от 28.04.2018 № СА-4-9/8285@ ФНС России это прочитывается четко: «налогоплательщики должны обосновывать необходимость совершения сделок (операций) в определенной форме, вовлечение иностранных компаний в структуру бизнеса и сделок (операций), а также предоставлять доказательства разумности сделанного выбора и обоснованности предпринимательского риска».

В таком случае, российское правило в контексте применения СИДН имеет более низкий порог применения, чем договорное PPT, в т. ч. из-за возложения бремени доказывания добросовестности и законности действий на налогоплательщика (налогового агента), применившего положение СИДН о преференции, а также из-за отсутствия внимания к целям применимого СИДН.

На наш взгляд, значение договорного PPT из MLI по ряду значимых параметров расходится со значением российского внутреннего правила применительно к СИДН, каким оно сформировалось к настоящему времени исходя из позиций ФНС России, в т. ч. изложенных в письмах от 28.04.2018 № СА-4-9/8285@ и от 06.05.2019 № СА-4-7/8448@.

При этом мы допускаем, что говоря в недалеком будущем о договорном PPT из MLI представители ФНС России, судейского сообщества и правоведа скорее всего будут иметь в виду сложившуюся практику реализации отечественной доктрины необоснованной налоговой выгоды или GAAR ст. 54.1 НК РФ, а не то, как договорное PPT раскрывается в Комментариях к п. 9 ст. 29 МК ОЭСР 2017 года.

Список использованных источников:

1. Многосторонняя конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения: Заключена в г. Париже 24.11.2016 [перевод с английского языка]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/643148-7> (дата обращения: 15.02.2019).

2. OECD (2017), Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017, OECD Publishing. URL: https://doi.org/10.1787/mtc_cond-2017-en (дата обращения: 16.02.2018).

3. Брук Б.Я. Предотвращение неправомерного использования льгот, предусмотренных соглашениями (договорами, конвенциями) об избежании двойного налогообложения: настоящее и будущее // Закон. 2016. № 5. С. 122–136.

4. Тимофеев Е. В. Налоговое право России – практическое и увлекательное. Полутом I: От основ к источникам и основным принципам. М.: АРТ-РЕСУРС, 2017. 350 с.

5. Danon J. R. Treaty Abuse in the Post-BEPS World: Analysis of the Policy Shift and Impact of the Principal Purpose Test for MNE Groups // Bulletin for International Taxation. 2018. Vol. 72. № 1. P. 31–55.

6. Chand V. The Principal Purpose Test in the Multilateral Convention: An In-Depth Analysis // INTERTAX. 2018. Vol. 46. Issue 1. P. 18–44.

УДК 347.961

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ НОТАРИАЛЬНЫХ АКТОВ

© Е.Б. Тарбагаева

Сибирский федеральный университет

Основы законодательства РФ о нотариате, принятые 11 февраля 1993 г. (далее – Основы), заложили фундамент формирования российского нотариата как нотариата латинского типа, для которого основополагающее значение имеет признаваемая государством юридическая сила нотариальных актов. За прошедшее время законодательство о нотариате подвергалось многочисленным изменениям и дополнениям, направленным как на решение вопросов организации системы нотариата, так и на укрепление функциональных начал. Среди последних особую значимость имеют положения о доказательственном значении нотариальных действий и исполнительной силе нотариально удостоверенных сделок.

Вместе с тем, принципиальные положения о юридической силе нотариальных актов, как и о самом их понятии, до сих пор не нашли прямого закрепления в законе, оставаясь по-прежнему категориями научной мысли, не оказывающими серьезного влияния на реальное воплощение заложенных в основу нотариата возможностей по обеспечению защиты прав и законных интересов различных субъектов общественных отношений. Не меняет положения и то, что процессуальный закон использует эту категорию (ст. 69 АПК упоминает об отмене нотариального акта), а Российская Федерация принимает на себя обязательства по исполнению положений о нотариальных актах, содержащихся в международных договорах и конвенциях: Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заклучена в г. Минске 22.01.1993, вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994, с изменениями от 28.03.1997); Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (Заклучена в г. Гааге 05.10.1961, вступила в силу для России 31.05.1992).

Очевидно, что законодательное определение понятия нотариального акта и его юридической силы необходимо для дальнейшего развития российского нотариата как нотариата латинского типа.

В действующем законодательстве используется категория нотариальное действие, которой обозначается как нотариальная компетенция (ст.ст. 35, 37, 38 Основ), так и те документы, которые принимаются нотариусом по факту

обращения заинтересованных лиц (по сути, нотариальные акты). Однако очевидно, что дополнение компетенции нотариусов рядом действий, происходящее в последние годы, делает невозможным отождествление понятий нотариальное действие и нотариальный акт.

В литературе предлагаются различные определения понятия нотариального акта [1, с. 30-46]. Одни ученые исходят из правореализационной природы нотариальных актов, полагая, что правоприменительный характер имеют только те, которые обеспечены принудительной силой [4, с. 60-61]. Другие допускают отнесение нотариальных актов к числу правоприменительных [9, с. 16-19].

Как представляется, действия, отнесенные к нотариальной компетенции, имеют различные правовые цели, в зависимости от которых и должна определяться сущность нотариальных актов. Одни нотариальные действия, обеспечивая реализацию субъективного права, своим основанием имеют диспозиции норм материального права (например, выдача свидетельств о праве на наследство, удостоверение сделок, совершение протеста векселя, исполнительной надписи), другие такой непосредственной связи с материальным правом не имеют (например, свидетельствование подлинности подписи, верности копии и ряд других). Однако все они совершаются специально уполномоченными лицами, именем государства, в порядке, установленном законом и направлены на подтверждение бесспорных прав, юридических или доказательственных фактов. По своей сути нотариальные акты аутентичны, то есть обладают действием (достоверностью и исполнимостью) в силу своей собственной природы. Применение специально уполномоченным лицом (нотариусом) норм, регулирующих порядок совершения любого нотариального действия, лежит в основе обязательности нотариального акта.

Обязательность – общее свойство любого нотариального акта, проверка которого возможна только в судебном порядке. При этом следует отметить, что обязательность нотариального акта распространяется только на определенный круг обстоятельств, устанавливаемых нотариусом при совершении нотариального действия. Определение же границ обязательности нотариального акта – это вопрос об основаниях юридической силы нотариального акта.

Институт нотариата латинского типа не исключает различные варианты законодательного обеспечения юридической силы нотариальных актов.

Так, в законодательстве Франции дано определение аутентичности акта: «Аутентичным является акт, который был принят (удостоверен) определенным должностным лицом, имеющим право совершать от имени государства действия по оформлению юридических актов волеизъявления в соответствии с законом в месте, где акт был составлен, с соблюдением всех требуемых формальностей» (ст.

1317 ГК Франции). Достоверность фактов, непосредственно констатируемых нотариусом как лицом, наделенным публичной властью, не вызывает сомнений.

В то же время, юридическая сила нотариального акта распространяется не только на факты, непосредственно воспринимаемые нотариусом (дата, место, личность обратившегося, подпись), но и на факт волеизъявления, когда речь идет о сделках. В ГК Франции предусмотрено, что законно заключенные соглашения имеют силу закона для тех, кто их заключил (ст. 1134). Таким образом, лицо, основывающее свое право на нотариальном акте как средстве доказывания, не должно доказывать его достоверность, в том числе в части факта и содержания волеизъявления сторон сделки. Тот же, кто оспаривает действительность волеизъявления, его содержание, принимает на себя бремя доказывания соответствующих обстоятельств. При этом несоответствие документа действительности как в части подтверждения очевидных фактов, так и в части волеизъявления устанавливается в рамках специальной процедуры, предусмотренной процессуальным законом [6, с. 118].

Законодательством Германии устанавливается презумпция подлинности отечественных официальных документов. Согласно Гражданскому процессуальному уложению Германии (параграф 437), подлинность документов, которые по форме и содержанию рассматриваются как выданные органом публичной власти или лицом, наделенным публичным доверием, предполагается. Если суд сомневается в подлинности документа, он может, в том числе по собственной инициативе, направить в орган власти или лицу, которые предположительно выдали документ, запрос о его подлинности.

Объединяет эти варианты то, что основанием утраты нотариальным актом доказательственной силы выступает подлог, различает же механизм оспаривания нотариального акта. Если во Франции это вопрос бремени доказывания, лежащем на стороне спора, то опровержение презумпции достоверности нотариального акта в Германии возможно и по инициативе самого суда. В первом случае нотариальный акт одновременно выступает и фактом предмета доказывания, и средством доказывания, во втором – только средством доказывания.

Таким образом, основанием юридической силы нотариальных актов всегда выступает закон, но это может быть одновременно и материальный, и процессуальный закон, либо только процессуальный.

В законодательстве России долгое время о юридической силе нотариального акта можно было судить лишь по тем положениям, которые касались нотариальной формы сделок: последствия отсутствия обязательной нотариальной формы сделки, допустимость доказательств в подтверждение факта заключения сделки, для которой предусмотрена нотариальная форма. А так как форма сделки – вопрос материального

права, то и юридической силой обладали лишь нотариальные акты по удостоверению сделок. Процессуальный закон не исключал возможность оспаривания нотариального акта как факта предмета доказывания, и не исключал нотариальный акт из сферы свободной оценки судом как средства доказывания.

Вместе с тем, развитие российского нотариата как нотариата латинского типа требовало от законодателя принципиального решения вопроса о юридической силе нотариальных актов, минимум как аутентичных. И законодатель решил этот вопрос, отнеся обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, к числу не требующих доказывания, если только подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном законом для рассмотрения спора о подлоге, или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия (ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, ч. 5 ст. 69 АПК РФ).

Из содержания данных правил следует, что сторона, основывающая свое требование на фактах, подтвержденных нотариальным актом, не должна представлять какие либо иные доказательства, кроме самого нотариального акта. Однако сложность применения этого правила состоит в том, что из содержания закона не следует, какие именно обстоятельства, подтвержденные нотариусом, не нуждаются в доказывании. о каких именно обстоятельствах идет речь. Только ли это те, которые зафиксированы в форме нотариального акта, либо и те, которые проверены нотариусом при и для совершения нотариального акта, но в удостоверительной надписи (свидетельстве) прямого отражения не нашли. (сноска на регламент).

Как представляется, к обстоятельствам, не требующим доказывания по смыслу ст. 61 ГПК, ст. 69 АПК следует относить все те обстоятельства, которые нашли отражение в принятых формах нотариальных актов (свидетельств, удостоверительных надписей) и установление которых обусловлено профессиональными обязанностями нотариуса по применению основных и специальных правил совершения нотариальных действий.

Суд по своей инициативе не должен требовать от стороны дополнительных доказательств указанных обстоятельств. Однако с учетом свободной оценки доказательств суд по своей инициативе может проверить нотариальный акт как письменный официальный документ на предмет подлинности. В этом смысле можно утверждать, что, не используя термина, законодатель, по сути, придает нотариальному акту аутентичный характер, характер актов публичной власти.

Что касается оспаривания обстоятельств, подтвержденных нотариусом при совершении нотариального действия, то из буквального толкования закона следует, что основаниями оспаривания могут быть подлог или существенные

нарушения порядка совершения нотариального действия. На наш взгляд, эти основания имеют альтернативный характер, так как подлог (искажение действительности), если он исходит от нотариуса, является существенным нарушением установленного порядка совершения нотариального действия. А подлог, исходящий от участника процесса, никак не может быть связан с нарушением нотариусом порядка совершения нотариального действия.

В связи с этим подлог может означать, что действие нотариусом не совершалось. Этот факт легко может быть установлен судом посредством запроса в ЕИСН. Если же сторона ссылается на существенные нарушения порядка совершения нотариального действия, то следует доказать, что нотариус не исполнил или неправильно исполнил те правила, которые определяют круг его профессиональных обязанностей. Например, сторона, возражая против иска, заявляет, что нотариальный акт подписан не ей. В широком смысле это свидетельствует о подлоге. Но с точки зрения оснований оспаривания нотариального акта – это существенное нарушение нотариусом своих профессиональных обязанностей. Установление этого факта не должно ограничиваться только назначением экспертизы подписи. Необходимо вовлечение в процесс нотариуса в качестве третьего лица с предоставлением ему процессуальных прав по защите своих профессиональных интересов.

Однако оспаривание нотариальных актов возможно не только по основаниям, определенным процессуальным законом. Нотариальные акты, удостоверяющие сделки, имеют комплексную природу. Это одновременно и публичные акты, и материальные юридические факты. Основанием юридической силы нотариальных актов, удостоверяющих сделки, выступает не только процессуальный, но и материальный закон.

Согласно статье 163 ГК РФ, нотариальное удостоверение сделки означает проверку нотариусом законности сделки, в том числе права сторон на ее совершение. Сделка, удостоверенная у нотариуса, приобретает для сторон силу закона. Возникает вопрос – по каким основаниям может быть оспорена нотариально удостоверенная сделка? Как публичный акт – по основаниям, предусмотренным процессуальным законом. А как акт материального права – только по тем основаниям, проверка которых выходит за рамки профессиональных возможностей нотариуса. Как представляется, это – дефекты воли стороны сделки.

Правилами Основ предусмотрен механизм проверки законности сделки. Если нотариус не исполнил свои профессиональные обязанности при удостоверении сделки, нарушил установленный порядок, то сделка может быть признана недействительной. Если же порядок соблюден, стороны сделки не могут ее оспаривать (вернее, оспаривать могут, но на удовлетворение рассчитывать не должны).

И тут основополагающее значение приобретает закон, определяющий процедуру удостоверения сделки. По сути, нотариус только в одном случае лишен возможности достоверного установления условия законности сделки – соответствие воли волеизъявлению. Однако закон не содержит правил опровержения презумпции законности нотариально удостоверенной сделки.

Таким образом, сторона, обосновывающая свое право нотариальным актом, не должна доказывать обстоятельства, подтвержденные нотариусом. Оспорить же эти обстоятельство можно либо в порядке особого производства, либо путем заявления возражений против иска, основанных на предусмотренных статьями 61 ГПК РФ, 69 АПК РФ обстоятельствах. Если же нотариальным актом удостоверяется сделка (нотариальный акт входит в предмет доказывания), то формально сторона, оспаривающая право, может ссылаться на любые обстоятельства, свидетельствующие о существенных дефектах нотариального акта.

К сожалению, закон не обязывает сторон сделки прибегать к специальной процедуре проверки законности нотариального акта в порядке особого производства. Поэтому в случае, когда в предмет доказывания входит нотариальный акт, подтверждающий законность сделки, сторона искового спора может ссылаться на любые основания недействительности сделки, а также и на существенные нарушения порядка ее удостоверения. Нельзя не заметить, что такое положение свидетельствует о полной свободе сторон сделки, в том числе и процессуальной. Но нивелирует традиционно признаваемую доктриной латинского нотариата юридическую силу нотариальных актов. Историческая роль нотариальной формы сделок по «укреплению» права (сноска) современным российским законодательством практически не учитывается. Нотариальные акты, удостоверяющие сделки, никакими преимуществами по сравнению с иными средствами доказывания не имеют. Однако тот факт, что законодатель признал нотариальные акты как акты аутентичные, свидетельствует о развитии российского нотариата по пути нотариата латинского типа, основанного на признании нотариальных актов «доказательством в высшем смысле этого слова» [6, с. 118].

Список использованных источников:

1. Батухтина Е. М. Исполнительная сила нотариального акта в праве России и Франции (Сравнительно-правовое исследование). – М.: Статут, 2016.
2. Гражданское процессуальное уложение Германии (перевод с немецкого). – М. – Волтерс Клувер, 2006.

3. Москаленко И. В. Нотариат: модель юрисдикции. Превентивный правоохранительный механизм реализации гражданского (частного) права. Научное издание (монография). – М.: ФРПК, 2007.

4. Нотариальное право России: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. проф. В. В. Яркова.-М.: Волтерс Клувер, 2003.

5. Настольная книга нотариуса: в 4 т. Т. 1: Организация нотариального дела / Под ред. И. Г. Медведева; Центр нотар. исслед. при Федер. нотар. палате. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2015.

6. Пиепу Ж.-Ф., Яр Ж. Профессиональное нотариальное право /Пер. с франц. – М.: Юристъ, 2001.

7. Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации : Учебник /Под ред. Е. А. Борисовой. – М.: Юстицинформ. 2016.

8. Проект проекта закона о нотариате с пояснениями /Под ред. П.В.Крашенинникова. – М.: Статут, 2014.

9. Тарбагаева Е. Б. Нотариат в Российской Федерации – СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001.

10. Французский гражданский кодекс: учеб.-практич. комментарий. – М.: Проспект, 2008.

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ
И СВОБОД: ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ
(РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ)**

УДК 343.575

**ОГРАНИЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ
В КОНТЕКСТЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОТИКОВ**

© В.Н. Бурлаков

Санкт-Петербургский государственный университет

© А.С. Щурова

Уральский юридический институт МВД России

Ускорение внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере является одной из главных национальных целей развития Российской Федерации [5, с. 13]. В начале 2019 года впервые на уровне закона закрепляются базовые положения о новых цифровых объектах экономических отношений, в том числе понятие «цифровые права».

К числу направлений по реализации национальной программы Цифровая экономика относится обеспечение информационной безопасности, которое предусматривает, в том числе противодействие различным видам преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе киберпреступлений. В докладе Европола за 2017 год «Оценка угроз организованной преступности в Интернете» [1] к числу особо опасных трендов киберпреступлений относится Интернет-торговля наркотиками и иными запрещенными веществами.

И.Г. Чекунов справедливо отмечает, что систему преступлений, совершаемых с использованием компьютерных сетей, нельзя отождествлять с киберпреступностью, которая по своей структуре уже компьютерной преступности [6].

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» *информационно-телекоммуникационная сеть* – технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники [4].

Использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений оказывает непосредственное воздействие на информационную сферу, создает угрозу информационной безопасности государства. На протяжении более 10 лет число сайтов пронаркотического содержания в информационно-коммуникационной сети Интернет постоянно растет. Так, если в 2005 г. поисковый сервер Google давал ссылку на 191 000 сайтов по теме наркотиков, то уже

в 2010 году данная цифра составила уже более 5 млн., в 2011 г. – 6 170 000, в 2012 г. – 37 900 000, в 2017 г. – 411 000 000, на сегодняшний день число таких сайтов составило около 2 140 000 000. Результаты анализа приведены в таблицах 1-3.

Таблица 1 – Анализ численности пронаркотических ресурсов в сети Интернет (по данным поискового сервера Google)

Поисковый запрос	Число сайтов по данным на 2012 г.	Число сайтов по данным на 2014 г.	Число сайтов по данным на 2016 г. (по данным google.com)	Число сайтов по данным на 2016 г. (на англ. языке по данным google.com)	Число сайтов по данным на 2019 г. (по данным google.com)	Число сайтов по данным на 2019 г. (на англ. языке по данным google.com)
Купить наркотик	1 040 000	671 000	541 000	189 000 000	17 500 000	656 000 000
Героин	2 250 000	735 000	3 830 000	74 100 000	2 860 000	95 300 000
Кокаин	1 420 000	961 000	3 580 000	49 900 000	9 690 000	103 000 000
ЛСД	371 000	563 000	1 720 000	58 200 000	2 320 000	386 000 000
Марижуана	1 790 000	753 000	3 580 000	86 100 000	5 110 000	214 000 000

Таблица 2 – Анализ численности пронаркотических ресурсов в сети Интернет (по данным поискового сервера Google)

Поисковый запрос	Число сайтов по данным на 2014 г.	Число сайтов по данным на 2016 г.	Число сайтов по данным на 2019 г.
Drugs	411 000 000	411 000 000	2 140 000 000
Buy spice gold (<i>spicegold – одна из разновидностей смесей спайса</i>)	23 800 000	1 170 000	87 300 000
Buy am-2201 (<i>синтетический аналог спайса</i>)	1 520 000	838 000	6 890 000
Buy MN-25 (<i>синтетический аналог спайса</i>)	68 500 000	10 400 000	204 000 000
Buy 4-FA (<i>синтетический аналог спайса</i>)	401 000 000	7 640 000	294 000 000
Купить 4-FA (<i>синтетический аналог спайса</i>)	411 000 000	7 860 000	290 000 000

Таблица 3 – Анализ запросов пользователей в сети Интернет (по данным поисковой системы Яндекс)

Поисковый запрос	Число показов в месяц по данным на 2014 г.	Число показов в месяц по данным на 2016 г.	Число показов в месяц по данным на 2017 г.	Число показов в месяц по данным на 2019 г.
Купить спайс	38 425	9 537	8 761	3 533
Купить соль	30 248	49 394	66449	72 405
Купить порошок	40 763	74 262	85913	93 366
Купить микс	10 214	7 896	9 260	10 926
Купить траву	37 106	74 401	65 510	84 582
Купить амфетамин	2 117	5 475	4 713	3 081
Купить кокаин	1 586	1 972	2 707	3 667
Купить героин	1 824	2 698	3 381	2454
Купить марижуану	5 487	7 705	11 284	9967
Купить лсд	2 012	2 468	4 181	1915

В ходе исследования групп в социальной сети ВКонтакте авторами было установлено, что на протяжении 2016-2019 гг. большое количество пользователей входит в состав групп, в названиях которых используются распространенные виды наркотических средств, участники которых обсуждают различные вопросы о наркотиках. Результаты анализа приведены в таблице 4.

Таблица 4 – Данные о группах в социальной сети ВКонтакте

№ п/п	Наименование группы	2016		2018		2019	
		Количество групп	Число подписчиков самой большой группы	Количество групп	Число подписчиков самой большой группы	Количество групп	Число подписчиков самой большой группы
1	*амфетамин*	5 044	471 331	5 764	490 836	2 576	529 767
2	*спайс*	4 521	353 940	1 514	376 734	1461	342 008
3	*марихуана*	3 101	413 693	2 199	519 545	1268	605 001
4	*конопля*	1 030	20 652	1 853	12 047	1819	11 648
5	*травка*	3 227	65 572	2 616	1 167 491	2525	1 286 994
6	*наркотик*	13 759	60 793	6 780	103 853	14611	108 855

Из проведенного анализа видно, что по отдельным наркотическим средствам большое число групп и большое максимальное число участников, что свидетельствует о распространенности пронаркотической информации в сети Интернет и об использовании сети Интернет в целях совершения наркопреступлений в различных направлениях в целях максимального охвата различных категорий пользователей глобальной сети.

Число наркопреступлений, совершенных с использованием сети Интернет, неуклонно растет. По результатам анализа информации, содержащейся в базе судебных актов, судов общей юрисдикции по всем регионам составило: по ст. ст. 228, 228.1 УК РФ – 2013 г. – 5% от общего числа документов, 2014 г. – 7%, 2015 г. – 9%, 2017 г. – 13%, 2018 г. – 18%.

Общество негативно относится к отсутствию контроля за деятельностью по распространению с использованием сети Интернет информации социально-опасного характера. По данным Р.И. Дремлюги, большинство опрошенных в ходе проведенного исследования граждан одобряет введение уголовной ответственности за такие виды деятельности, как вербовка в националистические и террористические организации; распространение информации, позволяющей изготовить в домашних условиях взрывчатые вещества и взрывные устройства, а также за размещение в глобальной сети информации по изготовлению в домашних условиях, приобретению и доставке наркотических средств и психотропных веществ.

Одобрение обществом введения уголовной ответственности является одним из социальных условий криминализации [2, с. 10-12].

На уровне уголовного закона сегодня криминализировано использование сети Интернет только при совершении сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. При этом опасность использования информационного пространства сети Интернет в незаконном обороте наркотиков состоит в том, что расширяется круг субъектов незаконного оборота наркотиков, и увеличивается масштаб их оборота. Расширение круга субъектов незаконного оборота наркотических средств происходит не только за счет совершения сбыта запрещенных средств и веществ, но и за счет их приобретения и получения информации об их изготовлении, переработке, а также в результате размещения информации, направленной на склонение к их потреблению. По сути, все названные деяния связаны между собой, взаимопорождают друг друга (в результате склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов возникает спрос на них, спрос порождает предложение).

При криминализации использование сети Интернет с целью незаконного оборота наркотиков возникают следующие противоречия. Во-первых, использование сети Интернет субъектами незаконного оборота наркотических средств может рассматриваться в рамках института соучастия. Только когда информатор и потребитель действуют совместно, когда у них есть общий умысел, только тогда опасность действий одного лица как бы умножает опасность действий другого. Предоставление информации о наркотических средствах по своей сути можно рассматривать как действия пособника. Однако при таком соучастии отсутствует договоренность о совместном совершении преступления, что в свою очередь исключает наличие единого умысла у соучастников. Точно также отсутствует и соисполнительство, так как каждый участник незаконного оборота наркотиков совершает свои определенные незаконные действия, ни с кем их не согласуя.

Во-вторых, использование сети Интернет субъектами незаконного оборота наркотических средств может рассматриваться в рамках института неоконченного преступления. Так, например, получение с использованием сети Интернет информации об изготовлении или переработке наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов является, по сути, приготовлением к преступлению, предусмотренному ст. 228 УК РФ, так как при таких действиях умышленно создаются условия для совершения преступления. В связи с тем, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ относится к категории средней тяжести, при квалификации таких действий возникает коллизия, так как согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ, уголовная ответственность в таком случае наступает за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению. С другой стороны, точно также как и при сбыте, спрос на такую

информацию порождает ее появление в глобальной сети. Это в свою очередь повышает общественную опасность таких незаконных действий.

В-третьих, использование сети Интернет при склонении к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов также может рассматриваться в рамках института неоконченного преступления. Это связано с тем, что склонение в соответствии с уголовным законом направлено на конкретное лицо, а использование сети Интернет при склонении к потреблению рассматриваемых средств и веществ, как правило, осуществляется в отношении неопределенного круга лиц, что соответственно может рассматриваться как приготовление к осуществлению склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, либо вообще не являться уголовно наказуемым деянием. Однако, при склонении к потреблению наркотиков с использованием сети Интернет, виртуальную среду глобальной сети можно рассматривать как специфическое место совершения преступления. Совершение данного посягательства не только посягает на общественные отношения, устанавливающие порядок оборота таких средств и веществ, и обеспечивающие безопасность здоровья населения, но и увеличивает криминогенность пространства глобальной сети. Таким образом, использование глобальной сети Интернет может выступать квалифицирующим признаком при склонении к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Ограничения реализации прав человека в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в контексте предупреждения распространения наркотиков имеет не только уголовно-правовой контекст. Отдельный интерес в этом отношении представляет вариант систематизации норм, регулирующих внедрения цифровых технологий путем принятия Информационного кодекса Российской Федерации. Эта идея получила свою реализацию в подготовленной Институтом государства и права РАН в 2014 г. Концепции проекта Информационного кодекса Российской Федерации. Информационный кодекс призван урегулировать общие вопросы оборота информации в Российской Федерации, закрепить ряд правовых понятий, связанных с оборотом информации, непротиворечивым образом определить правовой режим информации, а также основания, формы и пределы применения информационных технологий в деятельности соответствующих субъектов права [3]. В рамках данного документа, по нашему мнению, необходимо установить меры противодействия противоправной деятельности с использованием сети Интернет, в том числе распространению наркотиков.

Проблема распространения наркотиков в Интернет-среде не теряет актуальности. Существующие нормы права далеко не в полной мере отвечают потребностям времени, требует систематизации и устранения противоречий понятийного

аппарата. Представляется, что только комплексное исследование проблемы с применением знаний различных отраслей наук позволит адекватно реагировать на бурное развитие цифровых технологий, а также создать современную систему права и обеспечить необходимый уровень информационной безопасности.

Список использованных источников:

1. Internet organized Crime Threat Assessment (IOCTA) 2017. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol), 2017. P. 10-12. URL: <http://www.europol.europa.eu/>.

2. Дремлюга Р.И. Интернет преступность : Монография / Р.И. Дремлюга. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун та, 2008.

3. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. № 115 (7578).

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // ГАРАНТ-Аналитик+: справочно-правовая система. Версия 8.00.2.025. Екатеринбург, 2019. Доступ из локальной сети Уральского юридического института МВД России.

5. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. ст. 2817.

6. Чекунов И.Г. К вопросу о понятии и системе преступлений, совершаемых с использованием компьютерных сетей [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф: справочная правовая система. Версия 4012.00.75. Екатеринбург, 2019. Доступ из локальной сети Уральского юридического института МВД России.

УДК 342.722

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ И УКАЗАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

© Н.А. Зайнитдинов

Сибирский федеральный университет

Впервые право на определение национальной принадлежности появилось в Российской Федерации после внесения изменений в Конституцию (Основной закон) РСФСР 1978 г., произведенных Законом РФ от 21 апреля 1992 г. № 2708-1 «Об изменениях Конституции (Основного закона) Российской Советской

Федеративной Социалистической Республики». В Разделе II Закона, в связи с принятием Декларации прав и свобод человека и гражданина, глава 5 излагалась в новой редакции. В этой главе появилась статья 46. Первый абзац данной статьи гласил: «Каждый вправе свободно определять свою национальную принадлежность. Никто не должен быть принужден к определению и указанию его национальной принадлежности». ч. 1 ст. 26 ныне действующей Конституции РФ содержит право каждого на определение и указание своей национальной принадлежности, а также запрет на принуждение кого-либо к определению и указанию своей национальной принадлежности. За все годы существования права на национальную принадлежность так и не было принято специального федерального закона, который развивал бы эти конституционные положения. В 2015 г. в Государственную Думу был внесен проект федерального закона «Об обеспечении для граждан Российской Федерации конституционного права на определение и указание национальной принадлежности» № 713185-6, который не был принят.

Право, касающееся национальной принадлежности человека (право на национальную принадлежность), содержится в конституциях ряда зарубежных государств.

Наиболее близкое к тексту ч. 1 ст. 26 Конституции РФ по смыслу и форме положение содержит ч. 1 ст. 19 действующей Конституции Казахстана, которая гласит: «Каждый вправе определять и указывать или не указывать свою национальную, партийную или религиозную принадлежность».

В конституциях других бывших союзных республик Союза ССР также содержится право личности, связанное с национальной принадлежностью, однако, формулы там несколько другие.

Так, например, в Конституции Азербайджана этому посвящена статья 44, которая называется «Право на национальную принадлежность». В ч. 1 говорится, что каждый вправе сохранять свою национальную принадлежность, а в ч. 2 – что никто не может быть принужден изменить свою национальную принадлежность.

Конституция Республики Беларусь содержит ст. 50, которая определяет, что «каждый имеет право сохранять свою национальную принадлежность, равно как никто не может быть принужден к определению и указанию национальной принадлежности».

В Конституции Эстонской Республики (ст.49) тоже сказано, что «каждый имеет право сохранить свою национальную принадлежность».

Право на национальную принадлежность упоминается в конституциях четырех государств, входивших в состав бывшей Югославии (СФРЮ).

Так, в ст. 15 Конституции Хорватии говорится о том, что «представителям всех народов и национальных меньшинств гарантируется свобода выражения национальной принадлежности».

В ст. 8 Конституции Северной Македонии свободное определение национальной принадлежности провозглашается одной из основополагающих ценностей конституционного устройства данного государства.

В ст. 61 Конституции Словении (выражение национальной принадлежности) говорится о праве каждого на свободное выражение принадлежности к своей нации или народности.

В Конституции Сербии сказано, что о национальной принадлежности можно свободно заявлять, а также, что никто не обязан объявлять о своей национальной принадлежности (ст.47 «Свобода выражения национальной принадлежности»).

В Конституции Словацкой Республики (которая, как и четыре вышеупомянутые бывшие югославские республики, тоже ранее была составной частью другого государства – Чехословакии), в ч. 3 ст. 12 закреплено право каждого на свободное определение своей национальности, а также установлен запрет оказывать какое-либо влияние на это решение и любое давление, направленное на лишение национальности.

В Чехии аналогичное право содержится не в основном тексте Конституции Чешской Республики, а в Хартии основных прав и свобод. Согласно ст. 3 Конституции, Хартия является составной частью конституционной системы Республики. В ч. 2 ст. 3 данной Хартии также говорится, что «каждый имеет право свободно определять свою национальность» и «запрещается оказывать какое-либо влияние на это решение и любое давление, направленное на лишение национальности».

В Основном Законе Венгрии, в ст. XXIX раздела «Свобода и ответственность» сказано, что «каждый гражданин Венгрии, принадлежащий к какой-нибудь национальности, имеет право свободно заявлять о своей национальной принадлежности и сохранять ее».

В конституциях некоторых государств Европы присутствует право, которое, на наш взгляд, по смыслу очень схоже с правом на национальную принадлежность в рассмотренных выше странах.

Так, например, в ч. 2 ст. 20 Конституции Республики Албания сказано о праве представителей национальных меньшинств выражать свою этническую, культурную, религиозную и языковую самобытность. На наш взгляд, под этнической самобытностью в этом ряду вполне можно понимать то, что у нас именуется национальной принадлежностью.

В ч. 2 ст. 10 Конституции Республики Молдова (которая названа «Единство народа и право на самобытность») также закрепляется право граждан на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности.

В ст. 114 Раздела VIII «Основные права человека» Конституции Латвийской Республики устанавливается право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на сохранение и развитие своего языка, этнической и культурной самобытности.

В Конституции Румынии (ч.1 ст. 6 «Право на самобытность») содержится признание и гарантия для лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, их права на сохранение, развитие и проявление своей этнической, культурой, языковой и религиозной самобытности.

Все вышеуказанные государства объединяет то, что они являются национальными государствами на этнической основе. Не во всех их конституциях это выражено явно. Так, в преамбуле Конституции Казахстана 1995 г. говорится о созидаании государственности на «исконной казахской земле», тогда как в преамбуле Конституции 1993 г. утверждалось, что это «форма государственности самоопределившейся казахской нации». В преамбуле Конституции Азербайджанской республики сказано, что народ Азербайджана продолжает «многовековые традиции своей государственности». Азербайджанская Конституция также устанавливает язык этнического большинства данного государства в качестве единственного государственного (ст.21), что косвенно указывает на национальный характер их государственности. В Конституции Беларуси, в преамбуле, отмечается опора народа Беларуси на «многовековую историю развития белорусской государственности», а в ст. 16 говорится об учете влияния религиозных организаций на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. И, хотя ст. 17 устанавливает два государственных языка: белорусский и русский, все же два приведенных положения, с нашей точки зрения, явно указывают на белорусскую этническую основу данного государства.

В конституции любого другого из вышеперечисленных государств есть явные указания на национальное большинство (этнос, от имени которого учреждается государство) и национальные меньшинства. Есть в мире и другие национальные государства на этнической основе, в конституциях (или иных аналогичных источниках) которых не выделяется, однако, специально право на национальную принадлежность (скорее, подразумевается): Албания, Армения, Болгария, Германия, Грузия, Израиль, Ирландия, Испания, Латвия, Литва, Молдова, Польша, Румыния, Украина. Кроме того, в ряде государств, вне зависимости от наличия в их конституциях права на национальную принадлежность, отдельно выделяются

представители национального большинства за границей. К таким государствам относятся: Албания, Армения, Болгария, Венгрия, Германия, Литва, Македония, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Эстония, Израиль.

Мы полагаем, что в национальных государствах такого типа применяется принцип, согласно которому всего его граждане считаются принадлежащими к государствоучреждающему народу (национальному большинству), если они не заявят об иной национальной принадлежности (к национальному меньшинству). В подтверждение нашей гипотезы можно привести положения Основного закона ФРГ.

Основной закон ФРГ, согласно его преамбуле, был принят германским народом в силу его конституирующей власти. Далее уточняется, что немцы в перечисленных землях достигли единства и свободы Германии на основе свободного самоопределения, и что действие Основного закона распространяется на весь германский народ. В ст. 1 снова упоминается немецкий народ, в контексте концепции неприкосновенных и неотчуждаемых прав человека как основы всякого человеческого сообщества, мира и справедливости на земле. А в некоторых статьях, где раскрывается содержание прав и свобод, субъектами этих прав и свобод именуются немцы (статьи 8, 9 и др.). ст. 116 Основного закона уточняет, что «если нет иного законодательного регулирования», немцем является «каждый, кто обладает немецким гражданством или нашел убежище в качестве беженца, перемещенного лица немецкой национальности, а также супруга или потомка одного из этих лиц на территории Германской империи в границах, существовавших на 31 декабря 1937 года». Итак, немцем является каждый гражданин ФРГ, если законом не установлено иное.

Также, можно сослаться на европейскую Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, ч. 1 ст. 3 которой гласит, что «любое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право свободного выбора рассматриваться или не рассматриваться как таковое». На наш взгляд, это означает, что любой гражданин национального государства может считаться представителем национального большинства, если не захочет рассматриваться как представитель национального меньшинства. Таким образом, право на национальную принадлежность существует специально для представителей национальных меньшинств, которые пожелают сохранить свою национальную идентичность в рамках национального государства, выражающего иную национальную идентичность.

Если же гражданин такого государства считается представителем национального большинства, то получается, что данная государственность автоматически выражает национальную принадлежность большинства граждан. То есть, национальная принадлежность выражается с помощью гражданства. А если у гражданина имеется некий единый документ, удостоверяющий его личность (и,

заодно, гражданство), то этот документ как бы выражает и его национальную принадлежность. Таким образом, большинство граждан национального государства на этнической основе не нуждаются в каких-то особенных формах фиксации своей национальности, в частности, в особой записи в паспорте.

Русский народ, фактически являясь национальным (этническим) большинством в РФ, ни в каком контексте не упомянут ни в Конституции Российской Федерации 1993 г., ни в федеральном законодательстве. Очевидно, что русский народ не является государствообразующим с точки зрения Конституции. В преамбуле Конституции РФ сказано, что последняя принимается от имени многонационального народа Российской Федерации. Таким образом, гражданин Российской Федерации не может считаться русским по умолчанию, в силу своей гражданской принадлежности.

Несмотря на то, что в Российской Федерации положение русского народа как национального большинства не установлено, Конституция содержит понятие национальных меньшинств. Оно фигурирует в п. «в» ст. 71 и в п. «б» ст. 72 Конституции Российской Федерации. С нашей точки зрения, национальные меньшинства – это признак национального государства, который подразумевает обязательное наличие юридически признаваемого национального большинства. В Российской Федерации, как мы уже выяснили, таковое отсутствует, а, значит, и понятие национальных меньшинств не может быть наполнено истинным его содержанием.

Получается, что русская национальная принадлежность не выражена (не сохранена, не определена) государственностью Российской Федерации. Значит, представители русского большинства гипотетически нуждаются в специальной возможности выразить, сохранить, определить свою национальную принадлежность, заявить о ней. Таким образом, в Российской Федерации право на определение и указание национальной принадлежности вовсе не может являться исключительным правом для представителей национальных меньшинств.

Как нам представляется, существует два варианта развития права на национальную принадлежность в Российской Федерации.

Во-первых, Российская Федерация может быть преобразована в национальное государство русского народа. Тогда, это право будет иметь такую же природу, как и в зарубежных национальных государствах. Данный подход, на наш взгляд, является наиболее разумным, так как значительно упрощает выражение национальной принадлежности для представителей национального большинства, а для представителей национальных меньшинств оставляет возможность свободного выбора использования этого права. Однако, нет оснований говорить, что в

настоящее время существуют объективные предпосылки к такому преобразованию государственности Российской Федерации.

Во-вторых, может быть рассмотрен вариант возможности указания национальной принадлежности в паспорте гражданина. Тогда все граждане, включая русских, смогут реально воспользоваться правом на определение и указание национальной принадлежности в этом документе и, тем самым, сохранить ее (если мы используем терминологию зарубежных конституций).

Среди отечественных конституционалистов мнения по этому вопросу разделяются. Так, например, С.А. Авакьян [1, с. 595] и А.Н. Кокотов [3, с. 63-64] высказывались за такую возможность, а В.А. Кряжков [4, с. 200-201] и В.В. Андрианова [2, с. 14-17] – против нее. К сожалению, в научных источниках с обеих сторон отсутствует развернутая аргументация.

Положение о паспортах, утвержденное Постановлением Центрального исполнительного комитета Совета Народных Комиссаров СССР от 27 декабря 1932 г. № 1917, относило национальность к числу сведений, заносимых в паспорт в обязательном порядке (п. 9 данного Положения). Положение о паспортной системе в СССР, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. № 677, также предусматривало в п.3 раздела I «Общие положения» обязательное внесение в паспорт национальности гражданина. Действующее Положение о паспорте гражданина Российской Федерации, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 8 июля 1997 г. № 828 не предусматривает внесения в данный документ сведений о национальности человека. Однако, нам представляется, что не все так однозначно.

Положение определяет (п. 2), что бланки паспорта изготавливаются по единому для всей Российской Федерации образцу и оформляются на русском языке. Однако, этот же пункт говорит, что к бланкам паспорта, предназначенным для оформления в республиках, находящихся в составе Российской Федерации, могут изготавливаться вкладыши, предусматривающие внесение на государственном языке (языках) этой республики сведений о личности гражданина. Согласно п. 4 Положения, к сведениям о личности гражданина относятся: фамилия, имя, отчество, пол, дата рождения и место рождения. Форма вкладыша устанавливается органами власти республик и Министерством внутренних дел РФ по согласованию с Геральдическим советом при Президенте РФ.

С нашей точки зрения, п.2 Положения о паспорте гражданина РФ содержит две возможности: во-первых, возможность для республик как субъектов Федерации устанавливать форму вкладыша, во-вторых, возможность для проживающих в республиках граждан оформлять паспорт с вкладышем на нерусском государственном языке республики. То есть, республика может и не установить форму

такого вкладыша, и тогда все паспорта граждан в ней будут оформляться исключительно на русском языке. А в республике, которая воспользуется данной ей возможностью установить форму вкладыша на ином государственном языке, гражданин может и не запрашивать оформление паспорта с вкладышем на нерусском языке.

Мы полагаем, что возможность дублирования сведений о личности гражданина в паспорте на государственном (нерусском) языке республики означает возможность декларирования им своей национальной принадлежности в скрытой (неявной) форме. Очевидно, что воспользоваться этой возможностью, скорее всего, пожелает гражданин, принадлежащий к той этнической общности, на языке которой и будут вноситься сведения о его личности. Исключения возможны, но маловероятны.

Как правило, в республиках устанавливается один государственный язык, соответствующий народу, на основе которого она образована. Таким образом, возможность выражения своей национальной принадлежности благодаря вкладышу к паспорту получают именно представители «титульного» (государство-учреждающего) этноса. Но не все республики устанавливают дополнительно лишь один государственный язык. В Конституции Кабардино-Балкарии установлены два государственных языка, помимо русского, поэтому, там возможность национального самовыражения таким способом имеют кабардинцы и балкарцы. В Конституции Карачаево-Черкесии установлены четыре нерусских государственных языка, то есть, выразить свою национальную принадлежность в скрытой форме имеют возможность абазины, карачаевцы, ногайцы и черкесы. Согласно Конституции Республики Дагестан, государственными языками, помимо русского, являются языки народов Дагестана. Конституция Крыма закрепляет в качестве дополнительных государственных языков украинский и крымскотатарский.

Некоторые республики воспользовались данным им правом устанавливать форму вкладыша к бланку паспорта граждан Российской Федерации на их государственных языках, хотя не во всех из них это было произведено юридически корректно.

Так, Указом Президента Республики Адыгея от 6 июля 1998 г. № 81 «О вкладыше в паспорт гражданина Российской Федерации» было утверждено описание вкладыша, но оно не полностью соответствует федеральному Положению о паспорте, поскольку помимо дублирования сведений на государственном языке, предусматривает строку «национальность», то есть внесение сведений о национальной принадлежности лица не в скрытой, а в явной форме.

Типовой образец бланка-вкладыша к паспорту гражданина РФ был утвержден Постановлением Правительства Республики Алтай от 17 июля 2001 г. № 208.

Постановлением Правительства Республики Дагестан от 3 июня 1998 г. № 111 было утверждено Положение о вкладыше к паспорту гражданина РФ, согласно п.3 которого вкладыш должен был оформляться на русском языке и в него буквально должны были вноситься сведения о национальности человека. Однако, последующим Постановлением Правительства Республики Дагестан от 1 августа 2002 г. № 136 было все же установлено, что изготовление вкладышей к паспорту гражданина Российской Федерации осуществляется на государственных языках народов Республики Дагестан (помимо русского, их тринадцать), а внесение сведений о национальности напрямую не предполагалось.

Форма вкладыша была утверждена в Республике Башкортостан Постановлением ее Кабинета Министров от 22 марта 2001 г. № 54. В Республике Татарстан форма такого вкладыша также была утверждена Постановлением Кабинета Министров от 21 мая 2001 г. № 291.

Указ Президента Республики Ингушетия от 9 апреля 2001 г. № 64 «О вкладыше к паспорту гражданина Российской Федерации на ингушском языке» установил (п.1), что по желанию гражданина РФ, наряду с паспортом, может выдаваться вкладыш к нему, оформленный на ингушском языке.

В Республике Саха (Якутии) Постановлением Правительства от 10 июня 2000 г. № 319 «Об утверждении Положения о вкладыше к паспорту гражданина Российской Федерации со сведениями о национальной принадлежности», как следует из его наименования, не только была предусмотрена возможность продублировать сведения о личности гражданина на якутском языке, но еще и внести саму национальную принадлежность в этот вкладыш. Впрочем, впоследствии это Положение было отменено.

Как нам представляется, возможность скрытого указания в паспорте своей национальной принадлежности в виде дублирования сведений о личности гражданина во вкладыше на нерусском языке содержит в себе опасность неравного отношения к разным категориям граждан.

Во-первых, в невыгодное положение по отношению к гражданам РФ, проживающим в республиках, ставятся жители иных субъектов Российской Федерации: как национальных – автономных округов и автономной области, так и территориальных – краев, областей, городов федерального значения.

Во-вторых, внутри республик в невыгодном положении по отношению к представителям этнических общностей, являющимися носителями соответствующих языков, оказываются представители иных народов. Прежде всего, это русские.

В-третьих, в невыгодном положении окажутся представители тех этносов, которые в республиках являются носителями государственных нерусских языков,

но проживают и оформляют паспорта гражданина РФ в других субъектах Российской Федерации, в которых такой возможности не существует. Согласно данным Всероссийской переписи населения (по нашим подсчетам), существует ряд этнических общностей, значительная часть или большинство которых (38-85%) проживает за пределами соответствующей республики. К ним относятся: буряты, марийцы, мордва, ногайцы, татары, чувашаи.

Распоряжением Правительства РФ от 19.09.2013 г. № 1699-р была утверждена Концепция введения в Российской Федерации удостоверения личности гражданина Российской Федерации, оформляемого в виде пластиковой карты с электронным носителем информации, в качестве основного документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации. Одной из предпосылок, обусловивших необходимость введения удостоверения личности гражданина РФ нового типа, Концепция называет активное становление и развитие информационного общества в течение последних десяти лет. Концепция не дает ясности относительно содержания нового удостоверения личности, в частности, относительно возможности вносить в скрытой или явной форме сведения о национальной принадлежности гражданина. С нашей точки зрения, чтобы обеспечить равные возможности для реализации рассматриваемого нами права для всех граждан РФ (любой национальной принадлежности), следует предусмотреть одним из видов сведений, вносимых на указанную пластиковую карту, сведения о национальной принадлежности человека (что должно осуществляться исключительно в добровольном порядке). В противном случае, цифровизация документа, удостоверяющего личность гражданина, на наш взгляд, может рассматриваться как ущемление права на определение и указание национальной принадлежности.

Список использованных источников:

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс: В 2 т. Т. 1. – М.: Юристъ, 2005. – 719 с.
2. Андрианова В.В. Право национальной принадлежности – новелла личных прав // Миграционное право. 2010. № 4. С. 14-17.
3. Кокотов А.Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург: Издательство Уральской государственной юридической академии, 1994. – 127 с.
4. Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. – 560 с.

УДК 343.34

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ОПЫТ ГЕРМАНИИ

© О.А. Зигмунт

Университет Фехта

Защита персональных данных в Федеративной Республике Германии стала приобретать все большее значение с середины 1960-х годов. С этого времени автоматизированная обработка данных в социальной сфере и в сфере налогообложения все чаще использовалась администрациями и службами с целью планирования социально-экономического развития государства. Такая тенденция настоятельно требовала общественность и повлекла обострение чувства беспокойства за то, что государство может получить таким образом слишком много конфиденциальной информации. В результате этого возникло желание защитить личную жизнь граждан правовыми средствами.

Именно в Германии была предпринята впервые в мире попытка защиты конфиденциальности персональных данных на уровне законодательства. 7 октября 1970 года в Земле Гессен был принят закон о защите персональных данных (Datenschutzgesetz) [3]. Целью закона было, среди всего прочего, защитить данные, обработанные в электронном виде, от несанкционированного доступа и создать должность сотрудника по защите данных в качестве независимого надзорного органа (Федеральный уполномоченный по защите данных; Datenschutzbeauftragter). При этом область защиты данных распространялась в соответствии с этим законом «на все документы, созданные для целей компьютерной обработки, а также на все хранимые данные и результаты их обработки в органах власти страны, а также в государственных корпорациях, учреждениях и общественных фондах» (§1 Datenschutzgesetzes). Этому примеру последовали и другие федеральные земли. С 1981 года земельные законы о защите данных были приняты во всех федеральных землях.

Законотворчеству на уровне Земель последовало принятие 27 января 1977 года Федерального закона о защите персональных данных (Bundesdatenschutzgesetz). Обработка данных была разрешена только в том случае, если субъект данных дал на это согласие или если Федеральный закон о защите данных или иной правовой документ разрешили это. Государственным органам разрешалось обрабатывать персональные данные только в том случае, если они нуждались в них для выполнения своих обязанностей.

Частью демократического общественного строя Германии является появившийся в 1980-е годы институт «информационного самоопределения» (*informationelle Selbstbestimmung*). Своеобразной вехой в процессе защиты персональных данных является «решение о переписи населения», принятое Федеральным конституционным судом Германии 15 декабря 1983 года [2]. Право на информационное самоопределение было выведено из Конституции ФРГ. Так часть первая статьи первой Конституции ФРГ говорит о достоинстве человека: «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всей государственной власти». А в части первой статьи второй указано на свободное развитие личности: «Каждый имеет право на свободное развитие своей личности в той мере, в какой он не нарушает прав других и не посягает на конституционный строй или нравственный закон». [9]

Причиной вынесения Федеральным конституционным судом данного решения послужила планируемая на 1981 год национальная перепись населения, которая в силу сложившихся обстоятельств состоялась лишь в 1987 году. Так в начале 1980-х годов федеральное правительство решило провести статистическую регистрацию всех жителей Федеративной Республики Германии. Правовой основой был так называемый Закон о переписи населения 1983 года (*Volkszählungsgesetz 1983*) [5], который был единогласно принят Федеральным парламентом (*Bundestag*) 25 марта 1982 года после двух предыдущих попыток (т.н. Закон о переписи населения 1981 года и Закон о переписи населения 1982 года).

Перепись населения, первоначально запланированная на 1981 и перенесенная на 1982 год, не состоялась из-за отсутствия одобрения Федеральным парламентом предлагаемого законодательства. Федеральное правительство и правительство Земель не смогли договориться о финансировании проекта. Часть расходов должно было взять на себя федеральное правительство, а другую часть – федеральные земли и муниципалитеты. В Законе о переписи населения 1983 года удалось урегулировать вопросы финансирования.

Тем не менее, принятый в 1983 году закон о переписи был объявлен Федеральным конституционным судом «частично неконституционным», а запланированная на 27 апреля 1983 года перепись населения не могла быть проведена. Дизайн исследования предполагал так называемый полный опрос население страны в виде личного опроса всех домохозяйств интервьюерами. Целью опроса было получение актуальной информации о состоянии населения, его пространственном распределении, составе в соответствии с социально-демографическими характеристиками и экономической активностью. В рамках переписи задавались, например, вопросы о наличии немецкого гражданства, профессии или предпочитаемом виде транспорта. Предполагалось получить данные от

населения, которые необходимы, в том числе, при принятии политических решений, например, в дорожном или жилищном строительстве.

После публикации обширной анкеты многие граждане подали конституционную жалобу против Федерального закона о переписи населения. Были созданы гражданские инициативы, призывающие к бойкоту. К этому призывали и многие известные личности. Критика была направлена в первую очередь против намерения использовать данные переписи для сопоставления с регистрационными записями граждан (Melderegister), аналогом которых в России являются данные прописки. Из опасения, что статья благодаря детальному сбору и дальнейшему анализу персональных данных совершенно «прозрачными» для государства, граждане требовали т.н. «стеклянного государства» вместо «стеклянных граждан». Одним из призывов противников переписи был «Неправомерное использование данных может быть предотвращено, только если данные не будут собираться вообще» [12]. Кроме того, критике подверглась сама анкета с огромным количеством вопросов, позволяющих сделать выводы относительно личности интервьюируемого.

Руководящими тезисами решения Федерального конституционного суда от 1983 года о плановой переписи населения были следующие пункты [4]:

В условиях современной обработки данных защита лиц от неограниченного сбора, хранения, использования и раскрытия их персональных данных подпадает под общие права личности (пункт 1 статьи 2 Конституции ФРГ в сочетании с пунктом 1 статьи 1 Конституции ФРГ). При этом Конституция гарантирует человеку право в принципе самостоятельно принимать решение о разглашении и использовании его персональных данных.

Ограничения права на «информационное самоопределение» допускаются только при преобладании интересов общества. Они требуют конституционно-правовой основы, которая должна соответствовать принципу прозрачности норм. В своих нормативных актах законодатель также должен соблюдать принцип соразмерности. Также он обязан принимать организационные и процедурные меры предосторожности, которые противодействуют опасности нарушения прав личности.

Конституционные требования для таких ограничений должны различать персональные данные, собираемые и обрабатываемые в индивидуальной, неанонимной форме, и те, которые предназначены для статистических целей. При сборе данных для статистических целей узкое и конкретное назначение данных может не потребоваться. Однако сбору информации и ее обработке должны противостоять соответствующие барьеры в информационной системе.

Программа сбора данных в соответствии с Законом о переписи населения 1983 года (§2 (1-7), §§3-5) не ведет к регистрации и каталогизации личности, несовместимой с человеческим достоинством. Она также отвечает принципам прозрачности норм и соразмерности. Однако для обеспечения права на информационное самоопределение необходимо принять дополнительные процедурные меры предосторожности для проведения и организации сбора данных.

Правила передачи данных (в частности сопоставление с регистрационными записями граждан), предусмотренные в §9 (1-3) Федерального закона о переписи населения, нарушают общие права личности. Передача в научных целях (Закон о переписи населения 1983, § 9 (4)) соответствует Конституции.

В решении Федерального конституционного суда в отношении права на информационное самоопределение раскрывалась суть этого понятия. Говорилось о том, что даже в условиях современных технологий обработки информации индивидуальное самоопределение предполагает, что у человека есть свобода выбора действий. Те лица, которые не могут с достаточной уверенностью определить, какая информация о их социальной жизни известна, и которые не могут достоверно оценить, что знают о них их возможные собеседники, могут быть значительно ограничены в свободе самостоятельного планирования или принятия решений. С правом на информационное самоопределение не совместимо общественное устройство, в котором граждане не владеют информацией о том, кто, что, когда и по какому поводу владеет знаниями о них.

Приводился пример о том, что любое лицо, не уверенное в том, что отклоняющееся поведение постоянно не фиксируется и эти данные не хранятся, не используются или не передаются в качестве информации третьим лицам, постарается не привлечь внимание таким поведением. Например, любой, кто предполагает, что участие в митинге или гражданской инициативе будет зарегистрировано властями и, что это может повлечь за собой риски, скорее всего воздержится от осуществления соответствующих конституционных прав (права собраний (ст. 8 Конституции ФРГ) и права создания союзов и обществ (ст. 9 Конституции ФРК). Такая ситуация повлияет не только на возможность раскрытия индивидуальности, но и на всеобщее благо, потому что самоопределение является элементарным условием демократического сообщества, основанного на способности граждан активно действовать.

Вместе с тем Федеральный конституционный суд определил, что право на «информационное самоопределение» не гарантируется без ограничений. Человек не имеет права в смысле абсолютного, неограниченного управления «своими» данными, поскольку он является личностью, развивающейся в социальном сообществе и зависимой от общения [4]. Информация, даже если она является

личной, является отражением социальной реальности, которая не может быть отнесена исключительно к соответствующему лицу. Многочисленные решения Федерального конституционного суда, вынесенные до того и рассматривающие конфликтные ситуации между личностью и обществом, принимались в контексте вовлеченности личности в социум. Исходя из этого Федеральный конституционный суд апеллировал к тому, что люди должны принять ограничения на свое право на информационное самоопределение в интересах общества.

Решение Федерального конституционного суда ФРГ о проведении переписи населения является, безусловно, самым важным вкладом немецкого правосудия в отношении дальнейшей разработки особой отрасли права – права о защите данных. Защита персональных данных в виде «права на информационное самоопределение» приобрело качество фундаментального права. А вмешательство в это право допускается только законом. Принцип соразмерности требует от законодателя максимально осторожного обхождения. Это означает, что в соответствии с Конституцией законодательный орган должен включать в такой законопроект конкретные положения о защите данных.

Решение Федерального конституционного суда ФРГ о проведении переписи населения имело и иные практические последствия. Многие законы должны были быть адаптированы к конституционным требованиям, например, создавая или определяя базы авторизации или дополняя механизмы защиты данных. С тех пор проверка защиты данных является необходимой частью подготовки законов. К этому привлекается федеральный уполномоченный по защите данных.

По итогам, правовую базу переписи населения составил Закон о национальной переписи населения, подсчете профессий, строений, жилья и труда (Закон о переписи населения 1987 года; Volkszählungsgesetz 1987) от 8 ноября 1985 года [6]. В соответствии с этим законом датой подсчета данных определили 25 мая 1987 года. Как уже говорилось выше, результаты подсчетов должны были послужить формированием основы для политических решений на федеральном, земельном уровне, а также уровне общин и объединений общин в области экономики и социальных вопросов, жилья, территориального планирования, транспорта, окружающей среды, рынка труда и образования. В то же время переписи населения, зданий и т.д. должны были предоставить базовые данные для всей системы официальной статистики и послужить основой для официального определения населения.

После приведения в соответствие процедуры опроса, перепись населения была все-таки проведена. Опрос проводился под лозунгом «Десять минут, которые помогут всем». Согласно результатам переписи, в Федеративной Республике проживало 61,08 млн. человек. Это было на 76700 человек меньше, чем

предполагалось до проведения переписи. Выяснилось, например, также, что в стране проживало на один миллион человек трудоспособного возраста больше, а квартир – на один миллион меньше, чем предполагалось [11]. В результате была проведена корректировка компенсационных выплат между землями и муниципалитетами. Во многих землях были, например, усилены жилищные программы.

Очередной вехой в развитии права о защите данных стало принятие 20 декабря 1990 года Федерального закона о дальнейшем развитии обработки и защиты данных (Gesetzes zur Fortentwicklung der Datenverarbeitung und des Datenschutzes; в последующем Федеральный закон о защите данных (Bundesdatenschutzgesetz (BDSG))) [8]. Настоящий Закон распространялся на сбор, обработку и использование персональных данных с целью защитить человека от ущемления его личных прав в процессе обработки его персональных данных (§1). 1 января 2006 года вступил в силу Закон о свободе информации (Informationsfreiheitsgesetz (IFG)) [7], а позднее положения свободе информации были включены в Федеральный закон о защите данных. При этом задачи Федерального уполномоченного по свободе информации были переданы Федеральному уполномоченному по защите данных (§12 (2) Informationsfreiheitsgesetz). Далее эта должность была переименована в Федерального уполномоченного по защите данных и свободе информации (Bundesbeauftragte für den Datenschutz und die Informationsfreiheit), который является высшим федеральным органом с официальной резиденцией в Бонне (Bundesdatenschutzgesetz).

В 2009 году в Федеральный закон о защите данных снова были внесены поправки. В этот раз причиной законодательной реформы была, среди всего прочего, обработка персональных данных для т.н. торговли адресами. Эти поправки были приняты по причине проблем, связанных с защитой данных, произошедших за год до того. Имелись ввиду ситуации утечки данных, возникшие на таких крупных предприятиях, как Deutsche Bahn, LIDL, Daimler или Telekom. Кроме того, миллионы адресов и данных кредитных карт были незаконно проданы, а многочисленные данные о сотрудниках были уничтожены без соблюдения конфиденциальности. В рамках реформы были изменены правила торговли адресами, было ограничено использование персональных данных в целях рекламы без согласия заинтересованных сторон, а процедуры, в основном используемые для проверки кредитоспособности лица или компании, были пересмотрены. [1]

24 октября 1995 года Европейский парламент и Совет Европейского союза приняли Директиву о защите данных (Директива о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных; Richtlinie zum Schutz natürlicher Personen bei der Verarbeitung

personenbezogener Daten und zum freien Datenverkehr) [10]. Целью данного документа было создание единого уровня защиты данных на уровне Европейского Союза.

27 апреля 2016 года вступил в силу Общий регламент Европейского Союза о защите данных (Datenschutz-Grundverordnung (DSGVO)) [13], заменивший Директиву о защите данных 1995 года. Данная мера была продиктована быстрым развитием технологических разработок и глобализационными процессами в области защиты данных. Целью Общего регламента о защите данных является предоставление гражданам Европейского Союза возможность лучшего контроля своих персональных данных. Этот документ предусматривает, в том числе, правила сбора персональных данных и право на исправление и удаление персональных данных. Кроме того, здесь оговаривается, что предприятия и государственные органы должны незамедлительно информировать пострадавших о серьезных нарушениях конфиденциальности персональных данных. Данные правила также распространяются на компании, находящиеся за пределами Европейского Союза. С 25 мая 2018 года все государства-члены Европейского Союза должны применять Общий регламент Европейского Союза о защите данных. В результате Федеральный закон о защите данных [1] больше не существует в его изначальной форме. Его задача сейчас заключается в детализации положений, указанных в Общем регламенте.

Список использованных источников:

1. BVerfG, Urteil vom 15.12.1983 (Volkszählungsurteil). URL: <http://tlmd.in/u/88>.
2. Datenschutzgesetz (GVB1. II 300-10) vom 7. Oktober 1970.
3. Die Bundesbeauftragte für den Datenschutz und die Informationsfreiheit. Eingriffe in das Recht auf informationelle Selbstbestimmung nur auf der Grundlage eines Gesetzes, das auch dem Datenschutz Rechnung trägt (Volkszählungsurteil) (URL: https://www.bfdi.bund.de/DE/Datenschutz/Themen/Melderecht_Statistiken/VolkszaehlungArtikel/151283_VolkszaehlungsUrteil.html).
4. Gesetz über eine Volks-, Berufs- und Arbeitsstättenzählung (Volkszählungsgesetz 1983) vom 25.03.1982.
5. Gesetz über eine Volks-, Berufs-, Gebäude-, Wohnungs- und Arbeitsstättenzählung (Volkszählungsgesetz 1987) vom 8. November 1985.
6. Gesetz zur Regelung des Zugangs zu Informationen des Bundes (Informationsfreiheitsgesetz (IFG)) vom 1. Januar 2006.
7. Gesetzes zur Fortentwicklung der Datenverarbeitung und des Datenschutzes vom 20.12.1990 (BGBl. I S. 2954).

8. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23.05.1949.

9. Richtlinie 95/46/EG des Europäischen Parlaments und des Rates vom 24. Oktober 1995 zum Schutz natürlicher Personen bei der Verarbeitung personenbezogener Daten und zum freien Datenverkehr.

10. Statistisches Bundesamt Deutschland (2002). Neue Methode der Volkszählung – Volkszählung '87.

11. Statistisches Bundesamt Deutschland (2010). Die Volkszählung 1987. (URL: <https://web.archive.org/web/20101203034758/http://zensus2011.de/nc/p/der-zensus-2011/artikel/die-volkszaehlung-1987.html>).

12. Verordnung (EU) 2016/679 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 27. April 2016 zum Schutz natürlicher Personen bei der Verarbeitung personenbezogener Daten, zum freien Datenverkehr und zur Aufhebung der Richtlinie 95/46/EG (Datenschutz-Grundverordnung) (DSGVO).

УДК 342.4

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ОГРАНИЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

© А.А. Исаева

Томский государственный университет

Религия как фактор в жизни государства и общества имеет различные формы реализации и проявлений, в том числе в публичном пространстве. Сегодня в XXI веке в эпоху глобализации информационное пространство сети Интернет вовлекает все большее количество пользователей. По данным фонда «Общественное мнение», на осень 2015 г. показатель проникновения Интернета среди взрослого населения Российской Федерации (далее – РФ) составил 67 %, или 78,2 млн человек [1]. Здесь возможно независимое обсуждение различных вопросов жизни общества, в том числе, конечно, и пропаганда разного рода радикальных и антисоциальных групп и объединений.

Интернет стал свободной площадкой, в том числе для реализации свободы совести и активной религиозной жизни в России. Ежедневно здесь публикуются материалы различного толка (от сообщений о религиозных событиях до текстов священных книг) как представителями отдельных религиозных объединений, так и частными лицами. Но не все они одинаковы в своем содержании и мотивирующем значении. Отдельные публикации могут противоречить основам конституционного строя, пропагандировать насилие или призывать к нему. И это не может

не вызывать опасения органов публичной власти. Поэтому был введен ряд государственных ограничений на публикацию и публичное распространение религиозных материалов, носящих экстремистский характер. Цель таких мер оправдана с точки зрения необходимости поддержания общественного порядка и национальной безопасности. Однако не все направления проводимой государственной политики в информационно-телекоммуникационной сети Интернет соответствуют указанной цели и могут быть оценены положительно.

Среди направлений государственных ограничений свободы совести и свободы вероисповедания в сети Интернет можно выделить следующие. Во-первых, это уголовные преследования за публичные «экстремистские высказывания». К ним можно отнести статьи антиэкстремистского законодательства или те, которые вызвали меры антиэкстремистского административного реагирования. Согласно Приказу Генерального прокурора РФ от 19.11.2009 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» это, например, ст. 277 (Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля); ст. 278 (Насильственный захват власти или насильственное удержание власти); ст. 280 (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности); ст. 282 (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства); ст. 282.1 (Организация экстремистского сообщества); ст. 282.2 (Организация деятельности экстремистской организации); ст. 357 (Геноцид) и т.д.

Легальное определение экстремизма, закрепленное в статье 1 Федерального закона РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», является чрезмерно широким и предоставляет большие возможности для произвольного усмотрения органов государственной власти при решении вопросов наличия признаков данного деяния. На это указывали многие ученые [2, с. 25-29], а после весьма неоднозначного в своей обоснованности приговора датчанину Д. Кристенсену, Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по правам человека призвала Россию сузить определение экстремизма [3].

С 2010 г. до 2018 г. неуклонно росло число приговоров за «экстремистские высказывания», в целом, а в Интернете – особенно [4, 5]. Такая ситуация обусловлена рядом факторов, в том числе, увеличением количества пользователей сетью Интернет, ужесточением антиэкстремистского законодательства, и явная перероентация сотрудников правоохранительных органов на преследование тех, кого проще обнаружить и в отношении кого проще оформить дело, ради улучшения антиэкстремистской отчетности.

Но уже с начала 2018 г. обозначился определенный сдвиг в характере уголовного правоприменения. Впервые за много лет количество уголовных

приговоров за публичные «экстремистские высказывания» начало снижаться, хотя суммарно оно продолжает превышать число приговоров за все остальные «экстремистские преступления». Очевидно, что не последнюю роль сыграло нарастающее возмущение общественности масштабом и качеством этого типа уголовного правоприменения. А начатое летом 2018 г. обсуждение реформы антиэкстремистского законодательства ускорило события.

На несоразмерность, а зачастую и чрезмерность, наказания и совершенных деяний обратил свое внимание Верховный Суд РФ. 20 сентября 2018 г. Пленум этого органа издал Постановление о применении антиэкстремистских статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), учтя сложившуюся практику их применения в последние годы. Верховный Суд указал, что при применении антиэкстремистских статей основные свободы могут ограничиваться лишь в крайних случаях, в соответствии с Конституцией 1993 г. и нормами международного права. Большая часть рекомендаций касалась рассмотрения дел по ст. 282 УК РФ и привлечения к ответственности лиц за публикации в Интернете. Верховный суд при принятии решений рекомендовал учитывать форму, содержание и объем публикации тех или иных материалов, в том числе ранее признанных экстремистскими, контекст публикации, наличие комментариев, характеризующих отношение публикатора к материалу, содержание его аккаунта в целом, данные о его личности и деятельности контекст публикации, размер и состав аудитории, ознакомившейся с постом, и ее отношение к опубликованному [6]. К сожалению, все эти разъяснения были сделаны лишь применительно к ст. 282 УК РФ, хотя, очевидно, то же должно относиться и к другим статьям о публичных высказываниях (ст. 280, 280.1, отчасти 354.1 УК РФ).

Однако наряду со снижением количества приговоров по уголовным статьям происходит рост административного привлечения к ответственности. В целом, проблема произвольного применения антиэкстремистского законодательства и связанных с этим ограничений свободы слова остается очень непростой. Качество этого правоприменения продолжает вызывать тревогу. Наказания стали строже, вновь увеличилось число приговоренных к лишению свободы «за слова» без формальных или неформальных отягчающих обстоятельств.

Так, в декабре 2017 г. Индустриальный суд города Барнаула вынес обвинительный приговор по делу неоязычницы Н. Телегиной, обвинявшейся по ч. 1 ст. 148 и ч. 1 ст. 282 УК РФ («Возбуждение национальной и религиозной ненависти и унижение достоинства»). Согласно решению суда, ей было определено наказание в виде 2 лет лишения свободы условно с испытательным сроком в 1 год и 6 месяцев за публикации в социальной сети в «ВКонтакте». Оскорбление чувств верующих суд усмотрел в публикации картинки с воином в рогатом шлеме, который

замахивается молотом над силуэтом горящего храма. В феврале 2018 г. Алтайский краевой суд утвердил этот приговор. При этом понятие «осквернение» в законодательстве никак не определено, что должно стать предметом реформирования.

Во-вторых, опубликованные в открытом доступе списки экстремистских материалов. Статьей 13 Федерального закона РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», пунктом 7 Положения о Министерстве юстиции РФ, утвержденного Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1313, на Министерство юстиции России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов. Сейчас в нем есть указание на 4949 материала, включая текстовые файлы, аудио – и видеозаписи, статьи, брошюры, книги, и даже один анекдот. В 2018 г. Федеральный список экстремистских материалов обновился 38 раз (годом ранее – 33), в него было добавлено 465 пунктов (годом ранее – 330) [7]. В целом, идея ведения такого перечня, с которым каждый может ознакомиться и проверить публикуемую им самим информацию на наличие экстремистского материала может рассцениваться как необходимая. Однако ее практическая реализация вызывает неоднозначную оценку. В списке есть всевозможные виды библиографических, грамматических и орфографических ошибок и описок. Часть материалов неполно описана. В список добавляются одни и те же материалы с разными выходными данными или опубликованные по разным адресам в Интернете. На конец 2018 г. таких повторов в списке было 236.

Однако, наиболее значимым недостатком является то, что некоторые материалы продолжают неправомерно признавать экстремистскими (материалы Свидетелей Иеговы, брошюра еговистов-ильинцев). Например, весьма спорно внесение в список экстремистских материалов трудов С. Нурси. В этой связи Уполномоченный по правам человека в России В. Лукин, признавая абсурдность запрета трудов С. Нурси, направил обращение в Коптевский районный суд г. Москвы, в котором отнес его книги к религиозно-назидательной литературе. Представляется, что преследование в России отдельных верующих, изучающих книги с. Нурси, необоснованно.

28 августа 2018 г. Европейский суд по правам человека вынес решение по делу «Ибрагим Ибрагимов и другие против России» и единогласно постановил, что решения российских властей о признания экстремистскими в России сочинений турецкого богослова С. Нурси нарушают статьи 9 и 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Суд отметил, что российские суды не привели достаточных и относимых к делу оснований для вмешательства в право заявителей на свободу выражения мнения и вмешательство в данном случае нельзя считать необходимым в демократическом обществе [8]. Однако

до сих пор в Федеральном списке экстремистских материалов указано множество работ С. Нурси, в том числе и те, которые фигурировали в деле «Ибрагим Ибрагимов и другие против России».

Таким образом, думается, что необходимо пересмотреть и усовершенствовать сам механизм формирования федерального списка экстремистских материалов, при сохранении его как такового.

В-третьих, работа системы Интернет-фильтрации, основанная на Едином реестре запрещенных сайтов, функционирует с 1 ноября 2012 г. Опираясь на информацию веб-сайта «Роскомсвобода» [9], можно предположить, что из-за привлечения к ответственности за экстремизм на основании судебных решений в 2018 г. в реестр попали 611 ресурсов (в 2017 году – 296). На 1 января 2018 г. ресурсов, заблокированных по подобным основаниям, насчитывается в общей сложности не менее 1825. Экстремизм в этом реестре занимает только малую часть. По данным «Роскомсвободы» на 20 февраля 2018 г. всего в реестре – 147186 записей. «В связи с наличием запрещенной информации» в Единый реестр за первый квартал 2018 года было внесено 53 848 сайтов и/или указателей страниц сайтов в сети Интернет, за второй квартал 2018 года – 49 212 сайтов и/или указателей страниц сайтов, за третий квартал – 58 111 сайтов и/или указателей страниц сайтов в сети Интернет [10].

Единый реестр запрещенных Интернет-ресурсов дополняется отдельным реестром по «Закону Лугового» [11], предусматривающим внесудебную блокировку сайтов с призывами к экстремистским действиям, массовым беспорядкам и многим другим. Осуществляется такая блокировка по требованию Генеральной прокуратуры без решения суда. Именно из-за простоты процедуры этот реестр увеличивается в объеме намного быстрее.

По данным Роскомнадзора, за первые три квартала 2018 г. «за экстремизм» было заблокировано 51892 ресурса. Почти все это – не сами сайты, на которые пришел запрос от Генпрокуратуры (таковых всего около 400), – а «зеркала» этих сайтов, найденные самим Роскомнадзором. И, судя по количеству, это обязательно именно «зеркала» в точном смысле, но и иные сайты с теми же или очень похожими материалами.

Сам Роскомнадзор выделяет в своих отчетах следующие типы ресурсов: более 17 тысяч материалов с пропагандой ИГИЛ; около 17 тысяч материалов «Хизб ут-Тахрир»; около 5 тысяч материалов запрещенных организаций из Украины («Правый сектор», УНА – УНСО, УПА, «Тризуб им. Степана Бандеры», «Братство», «Азов»); 728 призыва «к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с

нарушением установленного порядка». Чем являлись еще более 12 тысяч ресурсов, Роскомнадзор не указал.

В отношении данных списков есть сомнения в их эффективности и правомерности. Реестры стремительно разрастаются и, в отличие от Федерального списка экстремистских материалов, публично не размещается информация на основании какого акта принято решение о включении в реестр. Соответственно из общего доступа исключается информация об основаниях и причинах включения в реестр. Поэтому общественный контроль за этой работой очень затруднен. В итоге система блокировок вызывает массу нареканий, неизбежно ведет к политическому произволу, погоне за отчетностью и ограничению свободы слова и свободы совести в Интернете.

Таким образом, несмотря на наметившееся улучшение практики уголовных преследований за высказывания, проблема произвольного применения антиэкстремистского законодательства в целом и связанных с этим ограничений свободы совести в сети Интернет остается очень острой. Многие законодательные положения требуют уточнения (например, экстремизм, осквернение, религиозные чувства верующих). Правоприменительная практика уголовного преследования за публичные экстремистские высказывания должна стать более взвешенной и учитывать форму, содержание, цели и объем материалов, контекст публикации и т.д. Ведение федерального списка экстремистских материалов необходимо организационно оптимизировать, систему Интернет-фильтрации, основанную на Едином реестре, сделать открытой общественному контролю.

Список использованных источников:

1. Интернет в России. Динамика проникновения // Фонд «Общественное мнение». 8 февраля 2016. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/13999> (дата обращения 15.03.2019).
2. Оганесян, С.С. О правовом регулировании проблем религиозного экстремизма и терроризма // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2.
3. Комментарий Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет о криминализации права «Свидетелей Иеговы» на свободу религии в России от 7 февраля 2019 г. URL: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24145&LangID=R> (дата обращения 15.03.2019).
4. Юдина, Н. Антиэкстремизм в виртуальной России в 2014–2015 годы. URL: <https://zona.media/article/2016/28/06/sova-center#sdendnote10sym> (дата обращения 15.03.2019).

5. Свобода Интернета 2015: торжество цензуры. URL: https://meduza.io/static/internet_freedom/АГОРА.-Свобода-Интернета-2015.pdf (дата обращения 15.03.2019).

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: <http://vsrf.ru/documents/own/27145/> (дата обращения 15.09.2019).

7. Федеральный список экстремистских материалов. URL: https://minjust.ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=24 (дата обращения 15.03.2019).

8. Ibragim Ibragimov and Others v. Russia: Applications nos. 1413/08 and 28621/11; Judgment 28 August 2018. / The European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-185293> (дата обращения: 15.09.2019)

9. Реестр запрещенных сайтов // Роскомсвобода. URL: <http://reestr.rublacklist.net/> (дата обращения: 15.09.2019).

10. Отчеты о деятельности // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <http://www.rkn.gov.ru/plan-and-reports/reports/p449/> (дата обращения: 15.03.2019).

11. Федеральный закон РФ от 29.07.2017 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Российская газета. 2017. 4 авг.

УДК 342

ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ И УГРОЗАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

© А.А. Кондрашев

Сибирский федеральный университет

Тематика цифровизации в последние несколько лет стала активно захватывать различные сферы общественной жизни, и в том числе и конституционное (шире - публичное) право как область, в которой использование Интернет-технологий ранее было не таким масштабным. Ряд отраслей в наибольшей степени подверглись «цифровизации»: банковская сфера, розничная Интернет-торговля (услуги), робототехника и процессы на ее основе, Интернет вещей,

телекоммуникации и инновационные разработки и др. Но есть существенные проблемы ведущейся в мире и нашей стране «цифровизации», а именно: это потеря работы значительным числом трудящихся. Так, по данным РАНХиГС порядка 20,1 млн, или примерно 45,5% всех работников в России к 2030 году могут оказаться под риском потери текущей занятости из-за цифровизации и автоматизации» [13].

В нашей стране цифровизация всех отраслей народного хозяйства, включая и правосудие и правоохранительную деятельность стала предметом регулирования в целом ряде правовых актов концептуально-рамочного действия: Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [14], государственной программе «Информационное общество (2011 – 2020 гг.) [12], Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 [10], Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [11] и др.

Цифровизация активно проникает во все виды юридической деятельности: нотариат (создана единая российская система обмена нотариальной информацией, взаимодействующая с ЕГРП), адвокатуру (тестовые задания для приема экзаменов), судопроизводство (ГАС «Правосудие», видео-конференц-связь в заседаниях, подача исковых заявлений через Интернет и пр.). Да и в целом любому российскому юристу сложно обходиться без обращения к СПС «Консультант-Плюс», «Гарант» или «Кодекс», которые фактически стали квази-источниками публикации нормативных актов (ведь современные юристы почти не обращаются к печатным источникам публикации нормативных актов). Даже простая работа юридических консультантов во-многом заменяется цифровым интеллектом – т.н. «нейросетями»: появились боты – юристы; конструкторы договоров; информационные технологии проведения правовой и антикоррупционной экспертизы; программы для ЭВМ, позволяющие при минимальном участии арбитра разрешать правовые конфликты; автоматизируется работа с обращениями граждан и их правовым консультированием; делопроизводство юридической службы; претензионно-исковая работа; поиск квалифицированных специалистов и т.д.

Цифровизация уже сейчас проникает в государственное управление, а именно упрощает и сокращает время оказания государственных и муниципальных услуг. Так, вице-премьер Максим Акимов заявил, что уже к 2021 году в России заработает 25 «суперсервисов», в том числе «Рождение ребенка», «Оформление ДТП по европротоколу», «Оформление в вуз», получение и оформление льгот, пенсий и т.д. [15].

Цифровое пространство, как отмечается в литературе, становится не только информационным полем обмена и получения информации в сети Интернет, но и превращается в инструмент для регулирования экономики и права, государственного управления. Можно говорить о глобальной тенденции «цифровизации всей системы права», т. е. использовании новых технологий в целях оптимизации процессов и правоотношений с помощью цифровых технологий, а также создании новой цифровой реальности, которая также требует правового регулирования или присутствия уполномоченного государством регулятора [2, с. 37].

Однако процессы своего рода тотальной цифровизации имеют не только позитивную окрашенность. В доктрине уже озвучиваются не просто отдельные и неконкретизированные опасения, а вполне очевидные подтверждения тому, что социальные сети, да и Интернет в целом представляют угрозу и демократии, и самому государству. Государство, традиционно обеспечивающее координационные и посреднические механизмы для общества, отстает перед прямыми общественными контактами [5, с. 13].

Причем наше государство в отличие западно-европейской и американской систем дозированного государственного регулирования Интернета наряду с его саморегулированием (правилами, которые вводят соцсети, мессенджеры и иные цифровые сервисы), движется в русле китайской модели регулирования национального сегмента Интернета. А эта модель предполагает жесткий контроль за использованием сети Интернет, запреты на посещение десятков тысяч иностранных сайтов, выстраивание под надзором спецслужб собственных контролируемых аналогов известных соцсетей и т.д. Так, в частности, под пресловутый «закон Яровой» [8] подпадают даже российские структуры зарубежных операторов, а «если им придется раскрыть персональные данные пользователей спецслужбам, это приведет к нарушению европейского регламента о защите личной информации» [6].

Каковы основные проблемы процесса цифровизации, охватившей право как основной регулятор общественных отношений на современном этапе развития? Давайте постараемся определить основные векторы, требующие внимательного изучения юристами.

1. Полная деанонимизация участников сетевого общения и активное вмешательство государства в процесс регулирования Интернет-общения. Крайне опасная тенденция, так как позволяет государству полностью контролировать Интернет как экосистему, создавая «цифровое рабство», т.е. выявляя и привлекая к ответственности оппозиционно настроенных граждан, запугивая население. Если наша страна делает пока уверенные шаги в этом направлении (публичный вайфай по номеру телефона, система СОРМ (уже третье поколение), хранение персональных данных российских пользователей только внутри страны, хранение данных о

траффике, СМС и сообщениях электронной почты до 6 месяцев провайдерами), то например тот же Китай уже создал государственную систему, которая содержит данные о каждом гражданине. Эта система известная как «План по созданию системы социального кредита доверия» был принята Госсоветом КНР еще в июне 2014 года. Идея заключается в создании индивидуального социального рейтинга китайского гражданина на основе объединения всех баз данных, содержащих какую-либо информацию о физических и юридических лицах, и их анализа с помощью технологий Big Data. На протяжении последних лет в стране интегрируются базы данных об имуществе и финансовом положении людей, их банковская, юридическая и медицинская информация, сведения из образовательных учреждений, систем транспортного и гостиничного бронирования, данные из национальных социальных сетей (вроде китайского мессенджера WeChat, в котором зарегистрированы уже 800 млн. пользователей) и иных публичных ресурсов. Этот индивидуальный социальный, финансовый и политический портрет (паспорт) каждого гражданина, по сути, – технологическая основа для тотального контроля населения страны. В итоге на основании анализа объединенного массива информации для каждого гражданина формируется индивидуальный рейтинг общественной полезности и благонадежности (т.н. «Общественный кредит доверия»). Фактически, вся жизнь человека оценивается в баллах, которые начисляются за «хорошее поведение» и снимаются за неправомерные или нарушающие нормы нравственности поступки. После того, как система начнет функционировать в полном масштабе (с 2020 года), показатель социального рейтинга будет основанием для предоставления гражданину тех или иных свобод и благ, либо, напротив, для ограничения в правах и доступе к государственным услугам. Среди предусмотренных для обладателей низкого рейтинга индивидуальных ограничений – запрет на работу в госучреждениях; отказ в доступе к социальному обеспечению; более тщательный таможенный досмотр при пересечении границ; запрет на занятие руководящих должностей в пищевой и фармацевтической промышленности; отказ в авиабилетах и спальном месте в ночных поездах; отказ в получении мест в гостиницах и ресторанах высокого класса; запрет на обучение детей в высших учебных заведениях, запрет на выезд за границу и другие меры. Таким образом, «рейтинг социального доверия» – это технология, когда уже не друзья в сети, а государство ставит «лайки» каждому гражданину. Китайское руководство считает, что подобный тотальный цифровой контроль способствует «укреплению атмосферы искренности и доверия» как между людьми, так и в экономических отношениях. Однако на деле выстраивается система тотальной «круговой поруки», при которой будут невозможны никакие «цветные революции» и даже минимальная критика в адрес правительства, поскольку за любое критическое

высказывание рейтинговые баллы будут сниматься не только у того, кто показал себя оппозиционером, но и у всех, кто находится с этим гражданином даже в самом отдаленном виртуальном контакте. Пожалуй, на сегодняшний день этот китайский проект демонстрирует крайнюю степень игнорирования прав и свобод личности в тотальном цифровом мире. Причем в одном из автономных районов Китая - Синцзян-Уйгурском эта система уже полноценно функционирует почти 3 года совместно с иными дополнительными цифровыми ограничениями для граждан КНР уйгурской национальности (специальная программа, установленная в каждый телефон жителя района, обязательная отчетность перед специальными чиновниками, регулярно посещающими семьи о посещении тех или иных мест – мечети, например, или оценка лояльности на основе анализа Интернет-активности и общения с теми или иными людьми и пр.). Полный отказ от разрешения на выезд за пределы Китая и в другие территории Китая.

2. Небезопасность использования цифровых сервисов с точки зрения фальсификации результатов определенных юридических действий (например, электронное голосование, прошедшее в Интернет в г. Москве 8 сентября 2019 года показало, что эта технология давала многочисленные сбои, причем есть обоснованные опасения, что она была использована властью для увеличения количества поданных голосов за провластных кандидатов).

3. Проникновение цифровых технологий в сферу правосудия и близкое появление искусственного интеллекта в сфере правосудия (прием исковых заявлений посредством Интернета, электронный доступ к решениям российских судов, система случайного распределения судебных дел между судьями). И возможность появления электронного судьи (специальной нейросетевой программы, которая принимает решения на основе алгоритма по аналогии с типичными ранее рассмотренными делами). Правда это вряд ли будет реализованы в течение ближайших нескольких лет, но перспективы такого развития событий уже ясны для большинства юристов (особенно для многих гражданских, семейных или административных производств). Но в некоторых странах, уже заявили о возможности перехода к этой системе уже в ближайшее время. В Дубае (ОАЭ) объявили о намерении в ближайшее время избавиться от судей и полностью перейти на искусственный интеллект при рассмотрении некоторых категорий гражданских исков. В 2018 году Центр споров по аренде (RDC), судебный орган по разрешению споров между арендаторами и владельцами недвижимости в эмирате Дубай, анонсировал, что переходит на дистанционное рассмотрение исков. Технология позволяет проводить слушания в формате видеоконференции. Стороны принимают в них участие, воспользовавшись специальной электронной ссылкой, которая становится активной за пять минут до начала заседания (судью с рабочего места

подключает секретарь). Приобщение дополнительных материалов к делу и их обсуждение также происходит онлайн. Решение судья выносит в обычном режиме, удаляясь в совещательную комнату, а затем скрепляет электронной подписью. Документ размещается на портале RDC. Апелляционную жалобу также можно подать в удаленном режиме [16].

4. Использование цифровизации для ограничения реализации важнейших конституционных прав и свобод: свободы слова, свободы собраний, свободы передвижения и т.д. (технология распознавания лиц, установка десятков тысяч видеокамер в центрах населенных пунктов, запреты на выезд за рубеж должникам). И это процесс идет очень активно – государство пытается использовать цифровые технологии для тотального контроля за реализацией гражданами своей гражданской активности, что в конечном счете ведет к невозможности реализации большого круга политических и личных прав и свобод.

5. Концепция «электронного правительства», т.е. переход на цифровые способы управления в ходе которой решения будут приниматься по-сути не конкретным чиновником, а на основе решения, подготовленного специальной программой – нейросетью. Лидеры электронного правительства (Великобритания, Сингапур) в настоящее время переходят к следующему этапу трансформации системы предоставления государственных услуг – к так называемой стадии «цифрового правительства», которая подразумевает полный перевод услуг в цифровой формат от обращения за этими услугами до их исполнения и достижение такого положения дел, когда ведомственные процессы опираются преимущественно на электронные данные, а не на документы. С одной стороны, эта тенденция объективна и действительно серьезно сокращает процесс получения госуслуг, но, с другой стороны, потенциально опасна для гражданского общества: государство получает возможность, оперируя данными о гражданине тотально контролировать предоставление ему тех или иных благ (отказывать ему в кредите, если он не вовремя заплатил налоги, или запрещать поездку за границу, если нарушил правила дорожного движения). Это уже делается в нашей стране, например, применительно к преступлениям террористической или экстремистской направленности, когда попадание человека в список экстремистов (причем до решения суда!!!) влечет за собой блокировку его счетов и невозможность содержать семью и себя самого. А экстремистом можно стать за пост и репост в Интернете лишь по мнению работника полиции, возбудившего соответствующее уголовное дело!

6. Участие населения во взаимодействии с государством и формулирование общественных инициатив посредством Интернета (РОИ, Интернет-петиции и т.д.). Как мы знаем в России эти формы практически «умерли», так как государство уклоняется от реализации общественных инициатив, видя угрозу для

праващей группы. Их реализация носит де-факто имитационный характер. Так, на основании Указа Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [9] создан соответствующий Интернет-ресурс для выдвижения различных гражданских инициатив либо голосования за подобные инициативы. Так, всего за 5 лет существования Российской общественной инициативы граждане подали 39 443 инициативы, но при этом только 14 набрали свыше 100 тысяч голосов. Однако реализация подавляющего их большинства была признана нецелесообразной в заключениях экспертных рабочих групп, создаваемых Правительством. Законодательное оформление получили лишь две инициативы: об оборудовании всех железнодорожных переездов системами видеорегистрации и об организации «зеленого щита» в пределах 70 км от МКАД, ограничивающего вырубку леса на этой территории [1, с. 16]. В связи с небольшим общим количеством самих инициатив и числа одобренных инициатив следует констатировать, что цели создания Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» пока нельзя считать достигнутыми [4, с. 78].

Аналогичным образом на уровне субъектов Российской Федерации были разработаны государственные программы по развитию информационного пространства, а также созданы порталы «Активный гражданин» (г. Москва), «Добродел» (Московская область) [3, с. 9-12]. Но следует оговориться, что эти порталы действуют в основном только в столичных субъектах, и пока не затронули большинство российских регионов.

7. Пределы правового регулирования распространения информации с сети Интернет, социальных сетях (избирательная агитация, хранение персональной информации, право на забвение и проч.) и допустимые ограничения прав со стороны государства. В настоящее время одной из главных проблем становится определение допустимых пределов распространения информации в сети Интернет и способы реагирования государства на публичное распространение такой информации в цифровом мире. К сожалению, общих подходов в доктрине на конвенционном уровне не выработано, что порождает различные подходы со стороны национальных государств. От минимального вмешательства (США, Канада), до жесткого регулирования распространения информации (Китай).

Уже сейчас обсуждаются проекты принятия целого ряда новых законов, регулирующих реализацию различных видов прав и свобод в сети Интернет в Российской Федерации (до 200 новых законов!). Например, Т.Я Хабриева указывает на такие проекты как (право на доступ в Интернет, право на забвение, право на «цифровую смерть» и др.); связанных с применением робототехники;

возникающих по поводу нетипичных объектов – информации, цифровых технологий («финтех», «регтех» и др.) и создаваемых посредством их применения новых цифровых существей (криптовалюты) и объектов материального мира, а также связанных с использованием и оборотом того и другого; связанных с использованием оцифрованных информационных массивов – информационных баз данных; сопряженных с переводом в цифровую форму действий и операций, посредством которых реализуются государственные функции, оказываются государственные и муниципальные услуги, обеспечивается электронное участие граждан в управлении обществом и государством; – связанных с совершением в виртуальном пространстве действий, направленных на возникновение, изменение и прекращение правоотношений, реализацию прав и исполнение обязанностей, образующих их юридическое содержание; сопряженных с применением автоматизированных действий (Интернетом вещей), обеспечением информационной безопасности и др. [7, с. 15].

В заключение хотелось бы отметить, что массовый переход на цифровые технологии в праве таит в себе множество угроз и рисков: от элементарного избыточного и непропорционального ограничения прав и свобод граждан до полного вытеснения реальных юристов из юридического процесса, который может стать «машинным» почти в полной мере. На мой взгляд, использование цифровых технологий в праве должно быть постепенным, крайне осторожным и опираться на принципы уважения и защиты прав и свобод человека, минимально возможного государственного вмешательства в регулирование цифровых сервисов и услуг, и активного участия общества в реализации государством своих функций посредством процедур электронного общественного контроля (Интернет-инициативы граждан, обязательное общественное обсуждение законопроектов, ограничивающих права граждан).

Список использованных источников:

1. Алебастрова И.А. Общественный контроль за публичной властью в России: болезни роста или задержка развития? // Российский юридический журнал. 2018. № 2.
2. Карцхия А.А. Цифровизация в праве и правоприменении// Мониторинг правоприменения. 2018. № 1 (26).
3. Киреева Е.Ю. Трансформация механизмов участия институтов гражданского общества в обновлении власти // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 1.

4. Кряжкова О. Конституция Российской Федерации о демократии и демократических процедурах: что не так? // Сравнит. конституционное обозрение. 2014. № 1.
5. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы// Журнал российского права. 2018. № 2 (254).
6. Тишина Ю. «Закон Яровой» вышел за границу // Коммерсант. 2017. 2 окт.
7. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровизации / Т. Я. Хабриева. СПб.: СПбГУП, 2019.
8. Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»// Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. ст. 4558.
9. Указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (вместе с «Правилами рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива») // Собрание законодательства РФ. 2013. № 10. ст. 1019.
10. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. ст. 2901.
11. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. ст. 2817.
12. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» // СЗ РФ. 2014. № 18. ст. 2159.
13. Больше 20 млн россиян могут потерять работу из-за «автоматизации»// URL: <https://iz.ru/919768/2019-09-10/bolshe-20-mln-rossiiian-mogut-poteriat-rabotu-iz-za-avtomatizacii> (дата обращения: 11.09.2019).
14. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/info/35568/>.
15. Правительство утвердило правила оформления ДТП со смартфона. Как и в каких регионах можно будет сообщать об аварии без бумажных извещений //

URL: <https://www.rbc.ru/finances/05/09/2019/5d6fba3d9a79478577dc9ae9?from=center/>.

16. Ряд категорий судебных споров начнут рассматривать без судей // URL: <https://news.rambler.ru/other/41053834-ryad-kategoriy-sudebnyh-sporov-nachnut-rassmatrivat-bez-sudey/>.

УДК 342.7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

© Д.И. Провалинский

Сибирский федеральный университет

В современной действительности как на общество в целом, так и на отдельно взятого человека оказывают влияние достаточно много факторов: социальные, политические, экономические и многие другие. Пожалуй, одним из основных вызовов XXI века является бурное развитие информационных технологий и глобальной сети Интернет.

Интернет как явление появился в общественной жизни относительно недавно, его прообразом послужила система Арпанет, созданная в конце 60-х годов XX века в США для установления связи между университетами и вычислительными центрами, которая к 90-м годам XX века трансформировалась в коммерческую сеть NSFNET, благодаря которой и появился современный Интернет.

Стоит отметить, что развитие сети Интернет и иные информационные технологии довольно быстро внедрились и изменили привычный образ общественных отношений. Например, появился новый объект собственности – криптовалюта, новые способы совершения сделок с использованием онлайн системы, с использованием цифровой подписи, безналичные платежи и переводы, в большинстве развитых стран внедряются механизмы электронного голосования на выборах, у человека появилась возможность трудиться или учиться дистанционно, появилась практически неограниченная возможность получать огромный объем информации в любой области знаний и на любую тему, стало реальностью общение в режиме онлайн с человеком, находящимся да другом краю света.

Как отмечают исследователи, появление Интернета не создало набора «новых моделей поведения» – скорее, он в значительной степени воспроизводит ранее существовавшие модели. Изменились лишь последствия такого поведения и проблемы, связанные с его регулированием [10].

В этой связи стоит согласиться с мнением ученых, утверждающих, что права и свободы человека в реальном мире и виртуальном пространстве реализуются по-разному, но они должны быть гарантированы и защищены в равной мере. Государство обязано не только провозгласить права в виртуальном мире, но и определить гарантии их реализации, а в необходимых случаях – и способы их защиты [3, с. 56-60, 4, с. 31-34, 7, с. 69-72, 9, с. 655-662].

Однако не стоит забывать и о том, что при всей пользе данного изобретения оно способно повлечь определенные негативные последствия, как для отдельного человека, так и для общества и государства.

Прежде чем говорить об угрозах глобальной сети Интернет, следует отметить некоторые особенности данной «площадки» взаимодействия между его пользователями:

- глобальная сеть Интернет на сегодняшний день охватывает практически всю поверхность земли. И Россия не является исключением, по данным Internet world stats на 30 июня 2019 года пользователей сети Интернет в России составляет примерно 109,5 миллиона человек [13], а возраст пользователей колеблется от 12 до 64 лет [1];

- с точки зрения юриспруденции Интернет находится вне правового поля какого-либо государства, так как никому не принадлежит, при этом ряд государств вводят нормативное регулирование тех ресурсов, серверы которых находятся на их территории (например, серверы корпорации Google, Amazon, Facebook – подпадают под юрисдикцию США);

- многие государства, столкнувшись с бурным темпом развития отношений в сети Интернет, не смогли быстро и эффективно адаптировать законодательство для регулирования отношений в виртуальном пространстве;

- отсутствие границ в киберпространстве, как морально-нравственных, так и правовых, влекущее безнаказанность действий пользователей сети;

- Интернет это виртуальный мир со своими негласными правилами, порядками и устоями, которые зачастую противоречат законам, правилам и морали реального мира, т.е. то, что в реальном мире является неприемлемым, в сети Интернет может оказаться обыденной нормой поведения.

Поэтому все чаще поднимаются вопросы о том, что следует предпринять для сокращения негативных проявлений, имеющих место в сети Интернет, какие меры воздействия могут быть оказаны на лиц, нарушающих порядок в сети и как защитить права и свободы человека и гражданина в виртуальном пространстве.

По вопросам защиты основных прав и свобод человека и гражданина приняты множество международных актов, среди них Всеобщая декларация прав человека (Париж 1948 г.), Европейская конвенция о защите прав человека и

основных свобод (Рим 1953 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк 1966 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк 1966 г.) и т.д. Однако в них отсутствует упоминание о правах человека в сфере информационных технологий и глобальной сети Интернет и это логично, поскольку данные акты принимались задолго до его массового использования людьми.

Одним из первых документов, затронувших Интернет-пространство стала резолюция ООН по правам человека A/HRC/RES/20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» (2012) на основании доклада Специального докладчика по поощрению и защите права на свободу мнения и выражения [12] данный документ признал право на доступ в Интернет одним из неотъемлемых прав человека.

Немногим позже была принята Резолюция ООН A/RES/68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» (2014) [5], призвавшая государства уважать и защищать право на неприкосновенность личной жизни в сети Интернет.

Вместе с тем актуальными остаются вопросы разработки единого международного акта, регулирующего основные принципы и задачи взаимодействия в сети и ее функционирования. Данная позиция нашла свое отражение в предложении принять Декларацию цифровых прав человека [11], а также о приведении в соответствие с ней национальных законов в сфере информации и информатизации, но до сих пор разработка и принятие данного документа остается лишь на уровне теоретической идеи.

В главе 2 ныне действующей Конституции Российской Федерации провозглашены основные права и свободы человека и гражданина, в частности право тайны частой жизни, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, свобода мысли и слова, свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, а так же другие права, которые напрямую не затрагивают права в сфере информационных технологий, но подразумевают реализацию действующих прав любыми законными способами.

Если говорить о реализации прав, то на сегодняшний день, с одной стороны, каждому гарантируется право пользования сетью Интернет и для этого постоянно создаются огромное количество способов получения доступа в сеть, с другой – в последнее время все чаще стали обнаруживаться проявления «обратной стороны» неограниченной свободы, которые способны оказать негативное воздействие, как на отдельного человека или группы лиц, так и на отдельные общественные устои и ценности.

До настоящего времени не разрешенными, а потому дискуссионными в юриспруденции остаются вопросы о правах и свободах человека и гражданина в сети Интернет, а также о способах и средствах охраны и защиты данных прав и свобод.

Первое, на что стоит обратить внимание, это проблема интерпретации в сети Интернет статьи 29 Конституции РФ о свободе мысли и слова, где абсолютно любой пользователь может выкладывать в свободный доступ файлы и документы различного содержания, от кулинарных рецептов, до наглядных пособий о том, как в домашних условиях изготавливать взрывные устройства.

Еще одной крайностью является и свобода выражения (самовыражения).

Конституция РФ в статье 44 каждому гарантирует свободу литературного, художественного, научного, технического и иного вида творчества, что предполагает возможность свободно делиться с окружающими людьми, в том числе с использованием сети Интернет, результатами своей творческой деятельности, своими мыслями, идеями высказывать мнения по тому или иному вопросу, размещать в сети собственноручно написанные стихи, музыку, картины или иные результаты творчества. Но и здесь встречаются крайности самовыражения, порой переходящие все рамки дозволенного.

Так в глобальной сети Интернет получило широкое распространение оскорбление и унижение человеческого достоинства пользователей сети в комментариях к постам, сделанных, как правило, под анонимными аккаунтами, скрывающими реальные имена злоумышленников.

Возможно, на данную проблему никто не обратил бы внимания, но подобные процессы постепенно стали перерастать в группы по интересам, направленные на унижение и оскорбление людей по тем или иным критериям или цензам. Например, в социальной сети «ВКонтакте» активно действовали примерно с 2013-2015 года и существуют по-прежнему закрытые сообщества «Курицы [название города]», особенность подобных сообществ заключается в том, что, во-первых вступить в группу могли лишь представители мужского пола, во-вторых участники данных групп выкладывают на всеобщее обозрение для других участников группы фотографии, видео и личные данные девушек с которыми у них не сложились взаимоотношения.

Подобные действия менее всего охватываются понятием «самовыражение», а в большей степени подпадают под понятие уголовно-наказуемого деяния.

Во-первых, здесь на лицо нарушение ч. 1 ст. 137 УК РФ – незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или

средствах массовой информации. Во-вторых, были зафиксированы случаи, когда до публикации постов в группе данных сообществ девушкам приходили сообщения на мобильные телефоны с информацией о том, что у администрации группы есть пост с приватной информацией о данном субъекте и предложением заплатить за то, что информация не будет опубликована. Такие действия охватываются составом статьи 163 УК РФ – вымогательство. В-третьих, после публикации соответствующих постов в данной группе в отношении «жертвы» происходит виртуальная травля всеми желающими с высказыванием оскорблений, что охватывается составом статьи 282 УК РФ – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. В-четвертых, были зафиксированы случаи доведения таких «жертв» до самоубийства – статья 110 УК РФ.

Названная проблема усугубляется тем, что администрация социальной сети «ВКонтакте» старается держаться в стороне от подобных конфликтов и попросту не применяет функции управления к пользователям своего ресурса, а для правоприменителей достаточно сложно сформировать доказательную базу обвинения, так как зачастую пользователи социальных сетей скрываются под вымышленными nickname (псевдонимами).

И если по вопросам, связанным пресечением террористической и экстремистской деятельности усилиями Роскомнадзора и Министерства Юстиции РФ доступ к ссылкам на страницы в сети применяются способы блокировки, то в случае оскорбления, унижения личности и человеческого достоинства отсутствуют какие-либо механизмы защиты конституционных прав и свобод.

В этой связи стоит согласиться с позицией авторов, полагающих, что в решении подобных проблем в сети Интернет на сегодняшний день представляется лишь требовать от государств создания механизма для удаления такой информации после доказательства ее недостоверности либо ее порочащего характера, а также механизмов идентификации авторов, а в случае таковой – возможности привлечения их к гражданской либо уголовной ответственности [2, с. 109-125].

Что же касается существующих возможностей блокировки страниц в сети Интернет, то следует отметить, что, являясь, безусловно, необходимым, он не является совершенным.

Так в апреле 2018 года Роскомнадзор в попытке заблокировать мессенджер Telegram по причине предоставления полной анонимности его пользователям одноmomentно заблокировал российским пользователям доступ к 18 миллионам ip-адресов в сети Интернет, что выразилось в ухудшении работы совершенно иных ресурсов сети для пользователей из России, а данный мессенджер от подобных действий не пострадал.

Данные действия государственных органов побудили пользователей сети к использованию специализированных программ для обхода блокировки, так называемых VPN-прокси серверов, алгоритм работы которых построен на генерировании виртуального ip-адреса пользователя, что с легкостью позволяет обходить любые блокировки сегмента сети Интернет.

Другой серьезной проблемой в сети Интернет является распространение так называемых «fake news» т.е. поддельных (ложных) новостей.

В то время как средства массовой информации несут юридическую ответственность за выпущенную в эфир информацию касательно ее достоверности и легальности способа получения, Интернет-обозреватели практически безнаказанно могут распространять среди своей аудитории любые новости, в том числе без ссылки на источник информации и без проверки их достоверности.

Пожалуй, наиболее показательным примером такого распространения следует назвать действия отдельных Интернет-пользователей, которые в своих блогах размещали ложные сведения об обстоятельствах трагедии, произошедшей в 2018 году в одном из торгово-развлекательных центров в городе Кемерово, попутно обвиняя власти в сокрытии данных о количестве погибших. Такие действия спровоцировали волнения среди местного населения в виде стихийных митингов и акций протеста.

К сожалению, эти блогеры не понесли какой-либо ответственности за подобные «новости», за исключением нескольких случаев принесения ими публичных извинений родственникам погибших, что, на наш взгляд, не соизмеримо с результатами произведенного негативного воздействия.

Как отмечают исследователи, в современных условиях особенно значимыми являются последствия воздействия на население информации, передаваемой через СМИ, в том числе через Интернет-ресурсы [2, с. 109-125].

Учитывая, что информация, размещаемая в сети Интернет, может носить «взрывоопасный» характер с точки зрения воздействия на социальные группы и слои населения, необходимо на законодательном уровне выработать критерии отнесения той или иной информации к недопустимой к распространению в сети, а также предусмотреть меры ответственности к нарушителям.

Указанное ни в коей мере не посягает на свободу слова, предоставляемую гражданам Конституцией Российской Федерации. Свободу, в том числе слова, не следует отождествлять с распущенностью, вседозволенностью, хамством, манипулированием в личных корыстных целях или просто от недостатка интеллекта общественным мнением, спекулированием чувствами людей, неприкрытым глумлением над человеческим горем.

Кроме того, необходимо разработать эффективный механизм для удаления или блокировки информации подобного рода после осуществления процедуры доказывания факта ее поддельности (ложности).

Следует вспомнить и об изменениях в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», [8] касающихся введения ответственности за оскорбление государства, государственной символики РФ, Конституции РФ или органов власти РФ. Принятие поправок вызвало волну возмущения со стороны либерально настроенной общественности, которая пыталась обвинить власти в том, что принятие данных поправок в Закон нарушает свободу слова и мысли, гарантируемые Конституцией РФ, и вводит тем самым цензуру в сети.

С точки зрения правового регулирования правоотношений, связанных с распространением информации в сети Интернет, принятие данных поправок в Закон вполне оправдано и не нарушает закрепленные в ст. 29 Конституции РФ права и свободы.

Суть возникшего конфликта заключается в том, что ряд пользователей сети Интернет прибегают к формированию мнения масс путем подмены понятий и огульных обвинений, назначая виновных в лице государства и его органов в любой ситуации, выходящей из зоны комфорта этих «диванных аналитиков» и «диванных экспертов».

Однако не следует забывать, что, например, за оскорбление субъекта в публичном месте предусмотрена административная ответственность на основании ст. 5.61 КоАП РФ в виде административного штрафа, при наложении которого никто не рассуждает об ограничении свободы слова или введении какой-либо цензуры.

Так же не стоит путать или подменять такие понятия как права и свободы со вседозволенностью. Под правами понимается необходимая мера поведения в рамках общественных отношений, а свобода подразумевает самостоятельное определение субъектом права своих действий и поступков и осознание последствий, которые они могут повлечь, а также собственной ответственности за свои слова и действия, т.е. психологически зрелое поведение. Вседозволенность же влечет игнорирование человеком внутренних (мораль и нравственность) и внешних (закон и право) ограничителей его поведения, что способствует появлению вышеописанных ситуаций в сети Интернет, где «по статистике подавляющее большинство его пользователей использует сеть для развлечения, нежели для самореализации и развития» [6].

В заключении следует отметить следующее: первое, приведенные проблемы далеко не единственные угрозы глобальной сети Интернет, предложенный формат

«круглого стола» не позволяет более детально раскрыть существо затронутой проблемы; второе, вышеизложенное не оставляет сомнений в том, что назрела острая необходимость разрабатывать правовые механизмы регулирования правоотношений в виртуальном пространстве сети Интернет с целью защиты прав и свобод человека и гражданина,

Решение этой задачи должно стать одним из приоритетных направлений государственной правовой политики, которая обязана идти «в ногу» с развитием информационных технологий. Учитывая специфику предмета регулирования, диапазон возрастной группы пользователей сети, при разработке законодательной базы должны быть объединены усилия юристов, психологов, IT-специалистов.

Список использованных источников:

1. Аудитория Рунета выросла на 7% за три года [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <https://mediascope.net/news/1035826/> (дата обращения: 05.09.19).
2. Довгань, Е.Ф. Права человека в эпоху информационных технологий / Е.Ф. Довгань // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2018. – № 5(45). – С. 109-125.
3. Ментюкова, М.А., Дубровина, М.М. Проблемы реализации конституционных прав и свобод в киберпространстве / М.А. Ментюкова, М.М. Дубровина // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2014. – № 5. – С. 56-60.
4. Плясунов, В.В. Проблемы реализации и защиты конституционного права на свободу мысли и слова в сети Интернет / В.В. Плясунов // Актуальные проблемы развития конституционализма: материалы науч.-практ. семинара. Рязань: Рязан. филиал Москов. ун-та МВД России. – 2015. – С. 31-34.
5. Резолюция ООН A/RES/68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf (дата обращения: 09.09.19).
6. Росстат рассказал, для чего россияне чаще всего используют Интернет [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <https://rg.ru/2019/05/05/rosstat-internetom-polzuiutsia-72-procenta-zhitelej-rossii.html> (дата обращения: 07.09.2019).
7. Соколова, О.С. Защита персональных данных посредством права на забвение / О.С. Соколова // Современное право. – 2016. – № 9. – С. 69-72.

8. Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства РФ. – 25.03.2019. – № 12. – Ст. 1220.

9. Щербович, А.А. Конституционное право доступа к информации публичных органов в Интернете как гарантия открытости власти и реализации иных прав и свобод граждан в информационном обществе / А.А. Щербович // Право и политика. – 2011. – № 4. – С. 655-662.

10. Galindo, F., Garcia-Marco, J. Freedom and the Internet: Empowering citizens and addressing the transparency gap in search engines / F. Galindo, J. Garcia-Marco // European journal of law and technology. – Oxford, 2017. – Vol. 8, № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://ejlt.org/article/view/476> (дата обращения: 06.09.19).

11. Mathiesen, K. Human rights for the digital age / K. Mathiesen // Journal of mass media ethics: Exploring questions of media morality. – Routledge, 2014. – Vol. 29, № 1. – Mode of access: https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/15236/1/Conf_Information_as_a_Human_Right.doc.pdf (дата обращения: 13.09.19).

12. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения: 06.09.19).

13. Top 20 countries with the highest number of internet users [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <https://www.internetworldstats.com/top20.htm> (дата обращения: 05.09.19).

УДК 340.12

ИНТЕРЕС В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ НОРМЫ

© А.П. Ребушев

Сибирский федеральный университет

В юриспруденции существуют такие понятия, которые могут быть применены к различным общественным отношениям и которые обобщают те или иные блага, в связи с которыми определенные правоотношения наступают.

Изучение интереса как явления начиналось еще в античные времена, к примеру, Сократ в своих «Законах» обращал внимание на стремление человека к определенным благам: «Преимущественно человеческими по природе являются

удовольствия, страдания, вожделения. Всякое смертное существо неизбежно подвержено им и в своих устремлениях очень от них зависит. Поэтому должно хвалить наилучшую жизнь не только за то, что она своим обликом может стяжать добрую славу, но и за то, что она приведет нас к тому, к чему все мы стремимся, — именно к тому, чтобы в течение всей жизни испытывать больше радости и меньше скорби»[6].

Таким образом, мы видим, что античные философы уже в свое время определили, что человек в своих стремлениях руководствуется какими-либо акторами, побуждающими его к целенаправленной деятельности по удовлетворению потребности и «прекращению страдания».

Значительное внимание категории «интерес» было уделено в эпоху Просвещения французским материалистом XVIII века К.А. Гельвецием, который писал: «... мы будем вынуждены признать, что каждый отдельный человек называет умом привычку к идеям, которые ему полезны или как поучительные, или как приятные, и что и в этом отношении личная вовлеченность есть единственный критерий достоинства человека».

Всякая предъявленная нам идея имеет всегда некоторое отношение к состоянию, в котором мы находимся, к нашим страстям и нашим мнениям. И во всех этих различных случаях мы ценим более всего ту идею, которую считаем для себя наиболее полезной... Если дело будет касаться идей, находящихся в противоречии с нашими страстями или влечениями, или, напротив, содействующих им, то самыми достойными в наших глазах, без сомнения, будут идеи, способные более всего потворствовать этим самым страстям или влечениям» [2, с.188]. Отсюда делаем вывод, что Гельвеций К.А. утверждал о стремлении человека к пользе во всякого рода деятельности и, как следствие, придании полезности статуса основополагающего базиса во всякой своей деятельности.

Наконец, Плеханов Г.В. продолжает развивать заданную Гельвецием точку зрения: «Итак, люди делают историю, стремясь удовлетворить свои нужды. Нужды эти даются первоначально, конечно, природой; но затем значительно изменяются в количественном и качественном отношениях свойствами искусственной среды»[7, с.246]. Выделяется зависимость формирования интереса как от внешних, так и от внутренних причин.

Таким образом, мы видим, что, прежде всего, интерес связывают с такими понятиями, как «стимул», «мотив», «потребность». Отметим, что данные понятия также изучаются и в психологии. Вообще, стоит сказать, что интерес в обыденном понимании зачастую связывается именно с психологической категорией научного знания, поскольку все мы представляем это явление как сформированное

желание узнать какую-либо информацию о чем-то, совершить какое-то действие, направленное на получение ожидаемого нами результата и т.д.

До сего момента мы видели, что интерес связывается в основном с материальными потребностями и нуждами. Данное утверждение отчасти правильно. Однако, данная категория исследуется не только в общественных науках, но и в психологии, философии и во многих других, но в каждой она исследуется по-разному, в зависимости от того предмета, который важен этой науке для изучения. К примеру, в философии интерес рассматривается как субъективно-объективная категория, которая, с одной стороны, описывает его как существующие в объективной реальности потребности у человека, а с другой – осознание человеком наличия этих потребностей и попытки их удовлетворения[4, с.150-151]. В психологии интерес описывается как субъективная эмоциональная категория, потребностное отношение или мотивационное состояние, побуждающее к познавательной деятельности, развертывающейся преимущественно во внутреннем плане[5, с.256]. В то же время в экономике интерес трактуется как объективные побудительные мотивы деятельности, обусловленные их материальными и духовными потребностями, т.е. уже как объективная категория науки, изучая интерес в контексте объективно существующих условий и представляя интерес в форме некой данности, не зависящей от желания отдельно взятого человека. Таким образом, сложность представляет неопределенность интереса как субъективной или объективной категории, либо как явления, проявляющегося сразу и объективно, и субъективно. Такое возникает, поскольку у каждой науки различен предмет познания. Попробуем разобраться, какую же природу имеет данное понятие в правовой науке.

Прежде всего стоит сказать, что любая деятельность человека должна осуществляться по определенным правилам, поскольку помимо личных потребностей отдельно взятого человека существуют также и потребности других людей. Данные правила прописаны в нормах права. По мнению Гамбарова Ю.С., для права гораздо важнее юридические действия, так как все права служат защите интересов, которыми озабочены прежде всего их непосредственные носители [1, с.647]. Здесь в качестве носителей интересов нужно рассматривать определенный субъект, которым является человек. Соответственно, в интересе можно выделить два определяющих его суть момента: субъективный момент, который отражает отношение конкретного субъекта к интересующему его благу, и объективный момент, то есть то, на что направлено внимание и те свойства объекта, которые стимулируют активность лица по отношению к интересующему его объекту. Однако, соотношение субъективного и объективного в интересе остается

предметом дискуссии, на данный момент сформировалось несколько точек зрения по этому вопросу: субъективная, объективная и субъективно-объективная.

Стоит сказать, что интересы в праве имеют особое значение. Ю.А. Тихомиров справедливо замечает, что проблема интересов – это проблема движущей силы правовой сферы. Интерес формирует правовую регуляцию, дает нормам реальную жизнь[3, с.149], то есть является динамическим элементом этой системы. Справедливым будет также отметить, что интересы являются связующим звеном между объективным и субъективным правом. На начальном этапе интерес формируется объективно, то есть независимо от осознания его субъектом (поскольку есть объективно существующая действительность, которая не соответствует картине, сформированной в разуме субъекта). Однако для того, чтобы интерес оказался зафиксированным в системе социальных координат, стал точкой пересечения различных социальных активностей, он должен пройти через сознание соответствующих субъектов, преобразовавшись, таким образом, в стимул их деятельности, давая им мотивацию к изменению окружающих условий под собственные нужды. Таким образом представляется правильной трактовка интереса именно как субъективно-объективной категории.

Учитывая также и динамический процесс формирования интереса, укажем, что его природа зависит от разнообразных факторов (политических, экономических, социальных, духовных), которые затем создают условия для создания конкретных правовых норм, однако в процессе их формирования должен быть учтен и такой немаловажный фактор, как взаимодействие членов общества и социальных групп. Именно это взаимодействие позволяет правовым нормам постоянно совершенствоваться и создавать такие общественные механизмы, которые позволяют наиболее полно реализовать потребности каждой социальной группы и, по возможности, отдельного индивида.

Однако стоит отметить, что в общественном организме присутствуют как диаметрально противоположные, так и практически идентичные, не совпадающие в отдельных проявлениях, интересы. Здесь, как видится, задачей государственного аппарата должно явиться недопущение столкновения интересов, «выработка эффективных механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов» должны стать элементом государственной политики [8, с. 206].

Список использованных источников:

1. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Под ред.: Томсинова В.А. – М.: Зерцало, 2003. – 816 с.
2. Гельвеций К. Об уме // Сочинения: в 2-х т. Т.1 – М.: «Мысль», 1973. – 514 с.

3. Егорова Н.Е., Помазанский А.Е., Потапенко В.С. Интересы в праве: мнение молодых ученых // Журнал российского права. 2005. № 9
4. Конт-Спонвиль А. «Философский словарь» / Конт-Спонвиль А. – Этерна; Москва; 2012. – 1120 с.
5. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: Издательский дом «АСТ», 2008. – 868 с.
6. Платон. Государство. Законы. Политика / Предисл. Е. И. Темнова. – М.: Мысль, 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Platon.Lows.pdf>.
7. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1956. – 823 с.
8. Цирина М.А., Цирин А.М. Конфликты интересов в праве // Правовые модели и реальность: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. С. 194-215.

УДК 342.84

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАНИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ БЫТЬ ИЗБРАННЫМ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

© Д.С. Рымарев

Сибирский федеральный университет

Вопросы цифровизации избирательного процесса на современном этапе развития электоральных отношений в Российской Федерации имеют особую актуальность и значимость. По словам председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой, данная задача была включена в 2018 году в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации». При этом основными направлениями деятельности Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (далее – ЦИК России) в рамках указанной программы являются дальнейшее развитие механизма «Мобильный избиратель», разработка и внедрение на портале «Госуслуги» цифровых сервисов для участников избирательного процесса, создание новой цифровой платформы в целях организации деятельности избирательных комиссий на основе цифровых данных [12].

Именно благодаря реализации данных проектов, ЦИК России предлагает вывести избирательный процесс в Российской Федерации на качественно новый уровень, повысить степень доверия к избирательной системе и расширить

возможности граждан в части реализации своего активного и пассивного избирательного права [1].

Основополагающими документами, которые создают правовую основу для данных преобразований в российском обществе, являются Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» [7], Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [3], а также национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», новый паспорт которой был утвержден протоколом президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 года № 7 (далее – национальная программа) [8].

В рамках данной программы выделено 6 федеральных проектов, одним из которых является «Цифровое государственное управление». Его основная цель – осуществить окончательный переход на электронное взаимодействие граждан и организаций с государством. При этом одной из задач данного национального проекта является обеспечение предоставления цифровых сервисов для участников избирательного процесса (6 усл. ед.). При этом окончательный срок выполнения данной задачи – 31 декабря 2024 года, ответственный исполнитель – Заместитель Председателя ЦИК России Н.И. Булаев (подпункт 1.28 пункта 4.6 паспорта национальной программы).

В соответствии с пунктами 1.23, 5.13 плана работы ЦИК России на 2019 год, утвержденного постановлением ЦИК России от 19 декабря 2018 года № 193/1485-7, разработка цифровых сервисов для избирателей, кандидатов, избирательных объединений и избирательных комиссий в рамках национальной программы является одним из основных направлений деятельности ЦИК России в 2019 году. При этом в ноябре 2019 года должна быть подготовлена информационная записка о ходе разработки цифровых сервисов для избирателей, кандидатов, избирательных объединений и избирательных комиссий в рамках национальной программы [4].

На данный момент ЦИК России на своем официальном сайте представлено 4 цифровых сервиса: «Информирование об избирательных комиссиях и комиссиях референдума» (сведения о соответствующем избирательном участке, участке референдума и участковой комиссии); «Информирование о включении в список на избирательном участке» (сведения о включении в список избирателей, участников референдума избирательного участка, участка референдума); «Информирование о факте подачи заявления о включении в список избирателей по месту нахождения и результатах его обработки» (сервис проверки заявлений о

голосовании по месту нахождения «Мобильный избиратель»); «Информирование о выборах и референдумах и сроках их проведения» (сведения о выборах, референдумах и сроках их проведения, сведения о кандидатах, избирательных объединениях) [11].

В соответствии с Федеральным законом от 29 мая 2019 года № 102-ФЗ «О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года» [5] в единый день голосования 8 сентября 2019 года были проведены два эксперимента:

по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы, принять участие в котором смогли избиратели из нескольких избирательных округов Москвы;

по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных на территории города Москвы. Проголосовать на них смогли избиратели, находящиеся в день голосования за пределами своего избирательного округа. В данном эксперименте были задействованы 4 субъекта Российской Федерации, где прошли дополнительные выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва, а также 16 регионов, где прошли выборы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации [9].

Проведенные 8 сентября 2019 года ЦИК России совместно с избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации эксперименты с использованием указанных выше цифровых сервисов направлены на создание дополнительных условий для реализации активного избирательного права граждан Российской Федерации. Вместе с тем в условиях динамично развивающегося избирательного законодательства у таких участников избирательного процесса, как кандидатов и избирательных объединений, возникает особая потребность в специальном цифровом сервисе, который бы в соответствии с требованиями рамочного Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон об основных гарантиях избирательных прав) смог унифицировать в себе все формы избирательных документов, необходимых для уведомления о выдвижении и регистрации кандидатов, списков кандидатов при проведении выборов любого уровня, позволял бы кандидатам,

избирательным объединениям не допускать ошибок при их составлении и был бы обязателен для использования.

На данный момент ЦИК России разработано специализированное программное изделие «Подготовка сведений о кандидатах, уполномоченных представителях и доверенных лицах» ГАС «Выборы» (далее – специализированное программное изделие) [10]. Оно позволяет подготовить и заполнить необходимые документы для выдвижения и регистрации кандидатов, списков кандидатов, назначения уполномоченных представителей и регистрации доверенных лиц, в том числе заявление о согласии баллотироваться, сведения о размере и об источниках доходов, имуществе, принадлежащем кандидату на праве собственности, о вкладах в банках, ценных бумагах, справки, предусмотренные Указом Президента Российской Федерации от 6 июня 2013 года № 546 «О проверке достоверности сведений об имуществе и обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации, о расходах по каждой сделке по приобретению объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг и акций, представляемых кандидатами на выборах в органы государственной власти, выборах глав муниципальных районов и глав городских округов, а также политическими партиями в связи с внесением Президенту Российской Федерации предложений о кандидатурах на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» [6].

Данный программный продукт является хорошим помощником для кандидатов и избирательных объединений при подготовке необходимых документов при условии его правильной настройки организующей выборы избирательной комиссией. Он облегчает работу также и избирательным комиссиям при введении соответствующих сведений о кандидатах и избирательных объединениях в ГАС «Выборы».

Но, к сожалению, на сегодняшний день использование специализированного программного изделия имеет ряд особенностей.

Во-первых, не создано правовой основы для того, чтобы использовать специализированное программное изделие на региональных и муниципальных выборах. В соответствии с требованиями действующего избирательного законодательства оно обязательно только при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (пункты 1, 2 части 5 статьи 41, части 3, 5 статьи 42, пункт 2 части 1 статьи 43 Федерального закона от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [2]). Для региональных и муниципальных выборов его использование носит рекомендательный характер.

Во-вторых, если организующая выборы избирательная комиссия принимает решение об использовании специализированного программного изделия, это требует от нее значительных усилий по настойке данного программного продукта применительно к текущей избирательной кампании и адаптации шаблонов избирательных документов, выгружаемых данной программой, под утвержденные ею для данных выборов формы избирательных документов. На наш взгляд, выполнить такую работу на качественном уровне могут только избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, имеющие соответствующий штат специалистов. Для избирательных комиссий муниципальных образований осуществить такую работу порой не представляется возможным.

В-третьих, функционал специализированного программного изделия в основном сделан для выборов депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и представительных органов местного самоуправления и не позволяет пока изготавливать ряд документов для выборов высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и глав муниципальных образований (например, список уполномоченных представителей и доверенных лиц избирательного объединения, выдвинувшего кандидата).

Несмотря на указанные выше особенности, использование данного специализированного программного изделия уже сейчас позволяет избежать многих ошибок при заполнении избирательных документов, которые в свою очередь могут повлечь для кандидатов, избирательных объединений негативные последствия для их участия в избирательной кампании. К тому же этот программный продукт может стать основой для создания будущего цифрового сервиса.

По словам члена ЦИК России Александра Ключкина, в 2020 – 2021 годах планируется предоставление специальных цифровых сервисов для кандидатов, избирательных объединений и избирательных комиссий [1].

В какой форме будет реализована эта работа, покажет время. Вместе с тем, на наш взгляд, обязательно среди них должен быть цифровой сервис, который бы помогал кандидатам и политическим партиям в реализации конституционного права быть избранным вне зависимости от уровня проводимой избирательной кампании. Прежде всего он должен содействовать данным участникам избирательного процесса в подготовке необходимого пакета документов для выдвижения и регистрации и учитывать актуальные изменения как федерального, так и регионального законодательства в этой части.

При этом в Федеральном законе об основных гарантиях избирательных прав должны быть предусмотрены положения, которые бы регламентировали обязательность использования данного цифрового сервиса при проведении выборов

как регионального, так и муниципального уровня. Это позволит унифицировать весь процесс подачи избирательных документов, исключить множество ошибок, совершаемых кандидатами и политическими партиями на стадиях выдвижения и регистрации, и обеспечить равные возможности их участия в соответствующей избирательной кампании.

Список использованных источников:

1. Александр Клюкин: «Цифровые сервисы призваны вывести избирательный процесс в России на качественно новый уровень». – Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/news/cec/44136/>. Дата обращения: 12.09.2019.

2. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 8. – ст. 740.

3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 20. – ст. 2817.

4. О Плане работы Центральной избирательной комиссии Российской Федерации на 2019 год : постановление ЦИК России от 19 декабря 2018 года № 193/1485-7 // Вестник ЦИК России. – 2018. – № 22.

5. О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года : Федеральный закон от 29 мая 2019 года № 102-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 22. – ст. 2658.

6. О проверке достоверности сведений об имуществе и обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации, о расходах по каждой сделке по приобретению объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг и акций, представляемых кандидатами на выборах в органы государственной власти, выборах глав муниципальных районов и глав городских округов, а также политическими партиями в связи с внесением Президенту Российской Федерации предложений о кандидатурах на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации : Указ Президента

Российской Федерации от 6 июня 2013 года № 546 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 23. – ст. 2892.

7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – ст. 2901.

8. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : протокол президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 года № 7. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 12.09.2019.

9. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/international/int_conference/. Дата обращения: 12.09.2019.

10. Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/politparty/uchastie-v-vyborah/perechni-i-formy-dokumentov/>. Дата обращения: 12.09.2019.

11. Цифровые сервисы ЦИК России. – Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/digital-services/>. Дата обращения: 12.09.2019.

12. Элла Памфилова рассказала участникам Международной конференции о новых избирательных стандартах. – Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/news/сес/44135/>. Дата обращения: 12.09.2019.

УДК 342.572

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ В КОНСТИТУЦИОННОЙ СФЕРЕ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СРЕДСТВ

© И.В. Тепляшин

Сибирский федеральный университет

В Конституции РФ декларируется участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства, перечень которых носит открытый и диспозитивный характер (ст. 30, 31, 32, 33 и др.). Кроме этого, развитие системы взаимодействия общественных институтов и государственного аппарата опирается на правовые, организационные и информационно-коммуникационные средства. Так, в сфере законотворчества уже в ближайшем будущем практически любой член общества, имеющий смартфон или компьютер, может внести свой вклад в законодательный процесс. Сегодня, благодаря информационным технологиям, процесс общественного обсуждения законопроектов обрел новую форму, переместившись в виртуальное пространство [3, с. 104].

Действительно: современные демократические процессы характеризуются определенной динамичностью и апробацией новых форм и средств общественной организации. Например, в рамках Общественной палаты Российской Федерации вопросы информационного сопровождения претворяются в деятельности комиссии по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций. В этом плане, учитывая важность формирования и реализации новых правовых средств, стоит определить реальные возможности Интернет-ресурсов и иных информационно-телекоммуникационных средств в вопросах обеспечения демократии, правопорядка, безопасности. Например, перспективным представляется идея относительно технологических подходов в области цифровой фиксации и информатизации в практике антикоррупционного механизма [5, с. 90-91].

Важно заметить, что алгоритм взаимодействия общественных институтов и государства в современном состоянии показывает следующие формы: демократические выборы, референдум, обращения граждан, публичные мероприятия (собрания, митинги и демонстрации, шествия, пикетирования), формирование и деятельность общественных объединений (политических партий, общественных движений и др.). Местное самоуправление, которое включает собственные общины (выборы, референдум и т.д.) и специальные (органы местного самоуправления, конференция граждан, отзыв выборных должностных лиц, институт проведения независимых правовых экспертиз и др.) формы ее осуществления. Наряду с этим сегодня активно реализуются гражданские инициативы. Это деятельность негосударственных групп, прежде всего, общественных объединений, иных институционально оформленных и имеющих легальный конституционно-правовой статус организаций, которые обоснованно выступают с критикой тех или иных действий властей, выявляют недостатки в их деятельности, формируют на этой основе предложения по совершенствованию российского законодательства и системы организации публичного управления.

Институт общественных инициатив является сравнительно новым и перспективным. Правила рассмотрения общественных инициатив утверждены Указом Президента РФ от 04 марта 2013 года «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами РФ с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [2]. Здесь подчеркивается, что целями ее введения является обеспечение развития и укрепления гражданского общества, защита прав человека и гражданина, участие граждан в управлении делами государства. Данная форма отличается определенной динамичностью, новизной, допустимой активностью.

Рассмотрению подлежат направленные гражданами РФ с использованием Интернет-ресурса общественные инициативы, реализуемые на федеральном,

региональном и муниципальном уровнях. Общественными инициативами считаются предложения граждан РФ по вопросам социально-экономического, политического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления. Единый портал государственных и муниципальных услуг (<http://www.gosuslugi.ru>) стал первым общефедеральным порталом для подачи обращений в электронном виде. Имеется возможность досудебного обжалования по вопросам государственных и муниципальных услуг (<https://do.test.gosuslugi.ru>). При этом актуализируются и другие Интернет-ресурсы, аккумулирующие такие инициативы. Например, работает сайт Онлайн Петиция.Ру (<http://www.onlinepetition.ru>), где гражданам предлагается обсудить проблемный вопрос, затем выразить готовность поставить подпись в коллективном обращении (именуемом «петиция»), не обязательно участвуя в его составлении, а также Интернет-ресурс «Российская общественная инициатива» (<http://www.roi.ru>), являющийся основным каналом взаимодействия общественности с государственными структурами в предложенном формате.

Общественная инициатива, получившая в ходе голосования необходимую поддержку, направляется в экспертную рабочую группу соответствующего уровня (федерального, регионального или муниципального) для проведения экспертизы и принятия решения о целесообразности разработки проекта соответствующего нормативного правового акта и (или) об иных мерах по реализации данной инициативы.

Сегодня институт «электронных обращений» урегулирован отдельными нормативными правовыми актами. В этом плане основополагающим служит федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», согласно ч. 3 ст. 7 которого «обращение, поступившее в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в форме электронного документа, подлежит рассмотрению в порядке, установленном настоящим федеральным законом». В числе других федеральных законов можно отметить федеральные законы «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (п. 2 ст. 10 и ст. 11.3) и «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (п. 4 ст. 1 и п. 1 ст. 7).

Однако, указанные законы, равно как и другие, не устанавливают перечня способов и общих технологических условий подачи предложений в электронной форме. Более того, законодательство не регулирует правовое состояние и режим доступа к информации, концентрируемой в этой сфере, а также статус субъектов и объектов информационных отношений. Также не устанавливается суверенная власть государства в Интернете, а тем более отраслевое состояние данных

правоотношений [4, с. 13-14]. В этом плане можно указать на коренной недостаток Интернет-технологий участия граждан в правообразовании: это отсутствие должного конституционно-правового закрепления механизма реализации представленного института, а также неудовлетворительное состояние соответствующей практики в данной сфере.

Имеются и другие вопросы в части процессуальных аспектов реализации общественных инициатив, реализуемых через систему Интернет-ресурсов. Например, неорганизованный характер наполнения официального сайта; проблемы с процедурой проведения экспертизы в отношении общественной инициативы соответствующей уполномоченной организацией; правовая неопределенность дальнейшей судьбы инициатив; отсутствие архива представленных инициатив после их направления в компетентный орган и/или отклонения.

Ко всему можно обратить внимание на политическую практику общественной деятельности. Так, 8 сентября 2019 года в трех экспериментальных избирательных округах г. Москвы прошло онлайн-голосование на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва. Для избирателя требовалось предварительно использовать портал mos.ru. Популярность приобретает и другое новшество – цифровые избирательные участки, которые позволяют принять участие в выборах избирателям других регионов. Заметим: предложенные организационные мероприятия не только создают комфортные условия для голосования, но и существенно повышают явку избирателей на выборах. Реализация подобной практики голосования также позволит модернизировать исходные положения демократии и развить институт общественных инициатив с использованием информационно-телекоммуникационных средств.

Перспективными видятся следующие основные предложения относительно гармонизации института общественных инициатив в контексте практического использования информационно-телекоммуникационных средств:

1. Важно учесть содержание складывающегося массива общественных инициатив, а также подходы к обработке общественных идей и предложений. Стоит учитывать, что использование Интернет-ресурсов, иных допустимых с точки зрения закона и технических условий форм доведения информации до органов управления, может формировать особый контекст, пласт социальной коммуникации, а значит и практику сетевых контактов. В этом плане, при вариативности разрешения конкретных общественных ситуаций важно следовать таким принципам как гуманизм, добрая совесть, справедливость, этика, мораль, свобода, ответственность [1, с. 17].

2. Значимым является формирование системы общественного контроля в отношении методики и результатов рассмотрения указанных предложений в

виртуальном пространстве. Такого рода работа со стороны общественности может осуществляться также с использованием Интернет-ресурсов, а также путем проверки фактической деятельности органов власти по работе с данным типом обращений граждан.

3. Законодателю предстоит принять кодифицированный закон, устанавливающий общий правовой механизм реализации и претворения в жизнь общественных инициатив. В законе следует определить исходные принципы, основания, условия, технические требования, юридические последствия реализации стремлений граждан посредством Интернет-ресурсов.

4. Следует принять меры по выведению системы подачи и рассмотрения обращений на качественно новую ступень развития, сделать институт электронных обращений прозрачным, эффективным и удобным как для физических, так и для юридических лиц. В этом плане можно разработать типовой регламент реализации общественных инициатив с помощью информационно-телекоммуникационных средств, определить федеральный орган исполнительной власти, который бы курировал данное направление взаимодействия общества с государственными подразделениями.

5. Качественное развитие предложенного института следует встроить в систему конституционных механизмов демократии и общественной деятельности. Информационные технологии, средства телекоммуникационного диалога, программные условия их реализации необходимо соотносить с требованиями сформированной конституционной концепции прав человека в сфере демократии и народовластия.

В итоге указанные предложения позволят сформировать и развить отношения в сфере использования информационно-телекоммуникационных средств в качестве необходимого условия формирования гармоничной модели взаимодействия общественных и государственных структур. Роль институтов гражданского общества в этих мероприятиях является достаточно перспективной и требует дальнейшего исследовательского осмысления и нормирования со стороны законодателя.

Список использованных источников:

1. Корнев А.В. Дигитализация права: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). с. 11-18.

2. О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (вместе с «Правилами рассмотрения общественных

инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»): указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 10. Ст. 1019.

3. Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 102-106.

4. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5-17.

5. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85-102.

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
АНТИКРИМИНАЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ**

УДК 343.34

КЛАССИФИКАЦИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© Р.М. Абдрашев, А.Ш. Куатова, Т.Ж. Бекбасарова

Университет международного бизнеса

Классификация преступления всегда была актуальна для следственной практики и неоднократно освещалась в уголовно-правовой и криминалистической литературе. Эти классификации представляют собой и одно из средств практической деятельности, разрабатываемое криминалистикой специально для борьбы с преступностью [1, с. 362].

Проблема классификации преступлений в криминалистике издавна привлекала внимание ученых. Однако наиболее активно и целенаправленно ее разработка началась в конце 60-х – начале 70-х годов XX столетия. Именно тогда и были заложены основы теории криминалистической классификации преступлений и их использование при конструировании методик расследования [2, с. 23].

«Еще на заре становления советской криминалистики И.Н. Якимов делил все преступления на три группы: против личности, имущества, общества. Таким образом, в основу классификации был положен предмет посягательства, что имело некоторое криминалистическое значение, но не раскрывало в полном виде связи с процессом расследования» [3, с. 51].

В разработку классификации преступлений внесла вклад целая плеяда выдающихся ученых. Они нашли свое отражение в классических трудах таких исследователей, как Р.С. Белкин, И.Ф. Герасимов, И.Н. Якимов, Б.М. Шавер. В 1988 году вышло в свет первое монографическое исследование, посвященное криминалистической классификации преступлений. Ее автором стал В.А. Образцов, который показал историю, внутреннее строение, значение криминалистической классификации преступлений, как области научного знания и средства познания. Классификации преступления посвящены разделы в учебниках и учебных пособиях по криминалистике. Вместе с тем, имеется необходимость изложения классификации преступлений в свете современных требований при разработке методики расследования групп преступлений.

Необходимость классификации явлений общественной жизни (и в том числе классификации преступлений) вызывается, прежде всего, потребностью в систематизации определенных явлений, их упорядочивании, определении функций, места и роли каждого элемента, явления или свойства [4, с. 9].

Термин «классификация» произошел от латинского слова «classis», что означает разряд, класс и «facio» – делаю, раскладываю. В Большой Советской Энциклопедии понятие классификации определяется как «система соподчиненных понятий (классов, объектов) какой-либо области знания по форме схем (таблиц) и используемая, как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов, а также для точной ориентировки в многообразии понятий или соответствующих объектов» [5, с. 269].

В уголовно-правовой литературе «под классификацией понимается разграничение преступлений на определенные виды, группы, категории в соответствии с выбранным критерием и для достижения определенной цели. Преступления классифицируются в целях: дифференциации уголовной ответственности; более четкой систематизации уголовно-правовых норм и институтов; выделения тех или иных ценностей в качестве приоритетных с точки зрения защиты их уголовным законом; правильной их последующей квалификации; точной и справедливой индивидуализации наказаний» [6, с. 69].

Она является насущной потребностью практики, выступая ориентиром в определении характера и степени общественной опасности конкретных преступлений, обеспечивая необходимое единство в реализации их конкретных правовых последствий [7, с. 4]. Помимо изложенного, классификация преступления является основанием для разграничения компетенции различных аппаратов и служб правоохранительных органов. К примеру, в правоохранительных органах республики созданы департаменты, управления, отделы, отделения собственной безопасности, чья деятельность направлена исключительно на выявление, раскрытие, расследование и профилактику коррупционных преступлений, отмеченных в примечании к ст. 307 УК Республики Казахстан [8, с. 201]. В свою очередь, борьба с иными видами преступлений в деятельности указанных подразделений носит сугубо побочный характер.

Анализ современных исследований показывает, что во многих из них используется классификация преступлений, содержащая дополнительную информацию о преступлении, которая может использоваться при разработке методических рекомендаций по расследованию преступлений.

Оптимизация методик расследования преступлений зависит от многих факторов, в том числе и от дальнейшего совершенствования криминалистической классификации преступлений [9, с. 15]. В криминалистике используются различные научные классификации, но наиболее важны те, что создаются с учетом потребностей практики выявления и раскрытия преступлений [10, с. 12]. Они имеют большое значение для разработки методики расследований преступлений, поскольку позволяют выявить не только общие закономерности исследуемой

группы преступлений, но и разработать ряд научно-практических рекомендаций по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Поэтому на сегодняшний день криминалистическая классификация преступлений активно разрабатывается в криминалистической науке, в том числе при разработке методики расследования, как отдельных видов, так и групп преступлений.

Проведение классификации коррупционных преступлений, в рамках разработки основ методики расследования рассматриваемой группы преступлений, является практически обоснованной. Однако при построении классификации вполне закономерно возникает вопрос, на каких основаниях может быть проведена классификация коррупционных преступлений?

Криминалистическая классификация преступлений, как и любая иная классификация уголовно-наказуемых деяний, основывается на уголовно-правовой характеристике преступлений, с учетом криминалистических особенностей рассматриваемой группы преступлений. И это закономерность. «Своего рода «чистой» криминалистической классификации преступлений объективно существовать не может, – пишет В.А. Образцов, – поскольку так или иначе в нее включаются объекты и элементы уголовно-правовой классификации, а признаки, характеризующие преступления с уголовно-правовой точки зрения, используются в качестве оснований при построении криминалистических классификаций данных явлений» [11, с. 15].

Поэтому криминалистическая классификация может быть проведена по уголовно-правовым основаниям. Вместе тем, хотелось бы отметить, что и уголовно-правовая классификация преступлений в чистом виде может использоваться в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Однако уголовно-правовые критерии не в состоянии обеспечить учет всех особенностей преступных действий, – верно отмечает С.С. Кулида, – имеющих значение для выявления и раскрытия преступлений [12, с. 38]. В них не учитываются особенности этих деяний, важные для практической деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Поэтому «в качестве оснований криминалистической классификации преступлений чаще всего выступают отдельные элементы их криминалистической характеристики, в особенности те из них, группировка по которым обеспечивает наиболее целеустремленную деятельность следователя при расследовании. В этом плане, как показывает практика, наибольший интерес представляет изучение способа и обстановки совершения преступления, преступного поведения, типологических и иных особенностей личности преступника, его преступного опыта, личности потерпевших и т.д.» [13, с. 64].

Аналогичной точки зрения придерживается А.Н. Васильев. Автор пишет: «Криминалистическая классификация преступлений должна базироваться на такого рода критериях, которыми достигалось бы эффективное применение средств, методов и приемов криминалистики для быстрого и полного расследования преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона, с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности». В качестве таких критериев в методике расследования А.Н. Васильев выделяет юридические признаки составов преступлений и фактическое содержание события преступления, в первую очередь, способ преступления как механизм действий преступника и процесс образования доказательств – следов преступления в широком смысле слова, по которым ретроспективным путем «идет» следователь к раскрытию преступлений, что и определяет ход расследования и применение криминалистических средств, методов и приемов [14, с. 30-31].

На наш взгляд, соотношение уголовно-правовой и криминалистической характеристики преступлений проявляется в признаках состава преступления. **Одним из оснований такого деления является дополнительный объект преступления** (поскольку единого родового объекта коррупционных преступлений не существует), то есть интересы государственной службы и государственного управления. По данному основанию можно предложить следующую классификацию коррупционных преступлений на виды:

1. Коррупционные преступления против собственности:

– присвоение или растрата вверенного чужого имущества (п. «г» ч. 3 ст. 176 УК РК, п. «в» ч. 2 ст. 177 УК РК).

2. Коррупционные преступления в сфере экономической деятельности:

– лжепредпринимательство (п. «в» ч. 2 ст. 192 УК РК);
– легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем (п. «а» ч. 3 ст. 193 УК РК);
– экономическая контрабанда (п. «а» ч. 3 ст. 209 УК РК).

3. Коррупционные преступления против интересов государственной службы и государственного управления:

– злоупотребление должностными полномочиями (ст. 307 УК РК);
– превышение власти или должностных полномочий (п. «в» ч. 4 ст. 308 УК РК);
– незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 310 УК РК);
– получение взятки (ст. 311 УК РК);
– дача взятки (ст. 312 УК РК);
– посредничество во взяточничестве (ст. 313 УК РК);
– служебный подлог (ст. 314 УК РК);

– бездействие по службе (ст. 315 УК РК).

4. Воинские коррупционные преступления:

– злоупотребление властью, превышение или бездействие власти (ст. 380 УК РК).

Анализ судебно-следственной практики и специальной криминалистической литературы, посвященной методике расследования отдельных видов коррупционных преступлений, позволил нам определить криминалистическую классификацию коррупционных преступлений.

1. По субъективной стороне преступления коррупционные преступления могут быть классифицированы на: а) полноконструктивное коррупционное преступление, при совершении которого применяется, подготовка, совершение и сокрытие преступной деятельности; б) неполноконструктивное коррупционное преступление, при совершении которого выпадает один из элементов – либо подготовка, либо сокрытие преступной деятельности.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что первая группа преступлений («а») преобладает над второй группой уголовно-наказуемых деяний, что, безусловно, обусловлено особенностями личности преступника. Для первой группы коррупционных преступлений характерна предварительная маскировка преступных действий, приискание соучастников преступления или создание организованной преступной группы, разработка способа получения вознаграждения и т.п. Совершение коррупционных преступлений с внезапно возникшим умыслом, как правило, подготовительных действий не содержит и состоит в получении вознаграждения. Возьмем, к примеру, деятельность участковых инспекторов, миграционной или дорожной полиции, коррупционная деятельность которых носит систематический характер. Как правило, получение взяток или совершение иных видов коррупционных преступлений осуществляется сразу же после поимки правонарушителей и без предварительной подготовки. Соответственно, корыстный умысел у должностных лиц появляется внезапно. Поэтому следует различать и поведение должностных лиц на предварительном следствии. Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что первая категория преступников активно противодействует расследованию, используя выбранные ими способы подготовки и сокрытия преступной деятельности.

2. По предмету преступного посягательства: а) посягательство совершено на материальные блага; б) посягательство совершено на блага нематериального характера, связанные с устройством на работу в государственные органы, продвижением должностных лиц по карьерной лестнице и т.д.

К первой группе преступлений можно отнести коррупционные преступления, предметом преступного посягательства которых являются материальные блага. К ним можно отнести как движимое, так и недвижимое имущество. В свою

очередь, предметы преступного посягательства, относящиеся к движимому имуществу, могут быть самыми разнообразными. Наиболее распространенные из них – денежные средства, ценные бумаги, бытовая техника, строительные материалы, транспортное средство, а также любые предметы, имеющие стоимостное выражение. Изучение практики расследования коррупционных преступлений показывает, что из указанных предметов преступного посягательства преобладает иностранная валюта – доллар США, который наиболее часто используется в различного рода сделках. Это позволяет преступникам замаскировать свою преступную деятельность с помощью покупки недвижимого имущества, которая легализуется (как нами указано ранее) посредством его оформления на близких родственников. В последнее время распространены коррупционные преступления, предметом преступных посягательств которых выступают нематериальные блага. В качестве примера можно привести факты совершения коррупционных преступлений, связанных с устройством на работу в государственные органы, с продвижением должностных лиц по карьерной лестнице и т.д.

3. По субъекту можно предложить следующую классификацию коррупционных преступлений: а) коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами; б) коррупционные преступления, совершаемые недолжностными лицами в виде дачи взятки или посредничестве во взяточничестве должностным лицам правоохранительных органов.

Необходимость такой классификации применительно к нашему исследованию обусловлена особенностями субъектов совершения коррупционных преступлений. В свою очередь, данные особенности определяют специфику и направление расследования рассматриваемой группы преступлений, поскольку в отличие от частных лиц, должностные лица правоохранительных органов активнее противодействуют проводимому расследованию, используя специфические знания, полученные в процессе осуществления правоохранительной деятельности. В общей структуре рассматриваемых преступлений преобладают коррупционные преступления, совершенные должностными лицами. Из анализа этой статистики и эмпирических данных следует, что должностные лица, привлекаемые к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений, зачастую имеют ярко выраженную корыстную мотивацию.

Близка к вышеуказанной градации классификация коррупционных преступлений по кругу лиц, участвующих в совершении преступлений. По данному основанию коррупционные преступления могут быть классифицированы на преступления, совершаемые одним лицом, в соучастии или в составе организованного преступного формирования. Как показывает проведенное интервьюирование должностных лиц различных правоохранительных органов, наиболее распространены

коррупционные преступления в правоохранительной системе, совершаемые в составе организованного преступного формирования, специально созданного для длительной преступной деятельности. Как правило, такие преступные объединения формируются руководителями органа различного уровня или старшими должностными лицами для совершения коррупционных преступлений. Очень часто можно встретить коррупционную деятельность правоохранительных органов по принципу пирамиды. Вместе с тем, как показывает судебная практика, редко случаи осуждения должностных лиц за совершение коррупционных преступлений в составе организованных преступных групп. Изложенное указывает на высокую латентность данной разновидности коррупционной деятельности. Если взять официальную статистику, то в 80 % случаев коррупционные преступления совершаются единолично, в 15 % – в соучастии, и лишь 5 % приходится на совершение преступления в составе организованной преступной группы.

4. По внутренним делениям правоохранительной деятельности: а) коррупционные преступления, совершаемые при отправлении правосудия; б) коррупционные преступления, совершаемые при производстве предварительного расследования (предварительного следствия и дознания); в) коррупционные преступления, совершаемые при производстве оперативно-розыскной (контрразведывательной) деятельности; г) коррупционные преступления, совершаемые в процессе осуществления прокурорского надзора; д) коррупционные преступления, совершаемые при осуществлении иных форм правоохранительной деятельности (контроль дорожного движения, таможенный контроль, миграционная деятельность и т.д.).

В каждом из направлений правоохранительной деятельности имеются особенности совершения преступления, обуславливающие механизм и способы преступных действий. В практической деятельности данная классификация применяется для выявления коррупционных преступлений службами безопасности каждого правоохранительного органа. Департаменты, управления и отделы СБ систематически проводят проверки по выявлению правонарушений в сфере прокурорского надзора, предварительного расследования, оперативно-розыскной деятельности и т.д.

5. По количеству преступлений, совершенных для достижения преступного результата: а) совершение одного преступления; б) совершение нескольких преступлений, в том числе в идеальной совокупности с общеуголовными преступлениями. Анализ изученных уголовных дел показывает, что преобладают факты, когда для достижения преступного результата должностное лицо совершало несколько преступлений. Они составляют более 70 % от изученных нами дел.

Безусловно, данные обстоятельства должны учитываться при построении программ расследования рассматриваемой группы преступлений.

6. По способу совершения преступлений: а) коррупционные преступления, совершаемые путем бездействия (бездействие по службе (ст. 315 УК РК); бездействие власти (ст. 380 УК РК)); б) коррупционные преступления, совершенные путем действия (незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 310 УК РК); получение взятки (ст. 311 УК РК); дача взятки (ст. 312 УК РК); посредничество во взяточничестве (ст. 313 УК РК); служебный подлог (ст. 314 УК РК); злоупотребление властью, превышение власти (ст. 380 УК РК) и др. Анализ коррупционных преступлений свидетельствует о преобладании коррупционных преступлений, совершенных путем действий. Из них наиболее распространенными являются: получение взятки (ст. 311 УК РК); дача взятки (ст. 312 УК РК); посредничество во взяточничестве (ст. 313 УК РК); служебный подлог (ст. 314 УК РК); бездействие по службе (ст. 315 УК РК); злоупотребление властью, превышение власти (ст. 380 УК РК) и др.

7. По времени совершения преступлений: а) длительные коррупционные преступления, которые совершаются в течение определенного периода времени; б) кратковременные коррупционные преступления, совершаемые в короткий промежуток времени. В большинстве случаев коррупционная деятельность носит длительный характер и прекращается с момента привлечения должностного лица к уголовной ответственности за «разовый» факт совершения коррупционного преступления, что указывает на высокий уровень латентности рассматриваемой группы преступлений. Например, коррупционная деятельность должностных лиц УДП ДВД гор. Алматы – И., Л., С., И., К., Б., Б. **длилась с марта 2007 г. по февраль 2009 г.** В течение указанного времени должностные лица успешно злоупотребляли должностными полномочиями, совершали служебный подлог и подделку официальных документов строгой отчетности [15].

8. По месту совершения преступления.: а) совершенные в городах, в которых преобладают такие виды коррупционных преступлений, как незаконное участие в предпринимательской деятельности, получение взятки, посредничество во взяточничестве, служебный подлог и т.д; б) совершенные в сельской местности (чаще встречаются вымогательство взятки, злоупотребления служебными полномочиями).

По месту совершения коррупционных преступлений можно также классифицировать данную группу преступлений на: совершаемые по месту нахождения правоохранительного органа; совершаемые за пределами правоохранительного органа. Местом совершения коррупционных преступлений являются и места нахождения различных предприятий, учреждений, рынков, то есть те организации,

которые извлекают материальную прибыль. Криминалистический анализ таких мест позволяет выявить характер следовой картины коррупционной деятельности. На основании предложенной классификации можно определить модели коррупционной деятельности в наиболее подверженных коррупции местах.

Таким образом, из анализа подраздела мы пришли к следующим выводам. Классификация преступлений всегда была актуальной для наук юридического цикла, в том числе и для криминалистики. В этой связи она неоднократно освещалась в уголовно-правовой, криминологической, а также криминалистической литературе. Подчеркивая практическое значение криминалистической классификации преступлений, отметим необходимость ее использования при разработке основ методики расследования коррупционных преступлений, совершаемых в системе правоохранительных органов. Теоретическое значение предложенной криминалистической классификации преступлений заключается в том, что она является основой системного подхода к исследуемой группе преступлений. Криминалистическая классификация преступлений, как и любая иная классификация уголовно-наказуемых деяний, основывается на уголовно-правовой характеристике преступлений. Криминалистические основания классификации преступлений развивают и совершенствуют классификацию преступлений в целом. Это обстоятельство обуславливает теснейшую взаимосвязь классификационных систем.

Список использованных источников:

1. Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики. – Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 1986. – 395 с.
2. Бертовский Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2005. – 526 с.
3. Курс криминалистики. Общая часть / Отв. ред. В.Е. Корноухов. – М.: Юристъ, 2000. – 784с.
4. Михаэль О.Я. Классификация преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 1999. – 169 с.
5. Большая Советская Энциклопедия (В 30 томах) / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1973. – 624 с.
6. Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2000. – 349 с.
7. Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. Учебное пособие. – Харьков: Юридический институт, 1979. – 69 с.

8. Абдрашев Р.М. Классификация коррупционных преступлений / Председательство Казахстана в ОБСЕ. Международно-правовые стандарты обеспечения, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина: Мат-лы междуна. науч.-практ. конф. – Алматы, 2010. – 479 с.

9. Тлеухан Р. Проблемы расследования и предупреждения преступлений, совершенных организованной группой в денежно-кредитной сфере / Под ред. К.А. Бегалиева. – Алматы: Гридан, 1998. – 140 с.

10. Образцов В.А. Серийные убийства как объект психологии и криминалистики. Учебное и практическое пособие. – М.: Омега-Л, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003. – 208 с.

11. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 176 с.

12. Кулида С.С. Особенности расследования преступлений, связанных с внешнеэкономической деятельностью: дисс. ... канд. юрид. наук. – Новороссийск, 2006. – 192 с.

13. Севрюков В.В. Основы криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых бандами: дисс. ...канд. юрид. наук. – Барнаул, 2004. – 214 с.

14. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 72 с.

15. Архив Алмалинского районного суда г. Алматы (№ 1-544/2009).

УДК 343.9

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ КАК МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

© М.А. Волкова

Сибирский федеральный университет

Информационную открытость деятельности органов и организаций при осуществлении государственных и муниципальных закупок можно по праву отнести к числу наиболее эффективных способов предупреждения коррупции. Стоит согласиться с точкой зрения, что «информационная открытость государственных и муниципальных органов, организаций является неотъемлемым антикоррупционным стандартом их деятельности» [3]. Размещение в открытом доступе информации об осуществлении государственных и муниципальных закупок позволяет снизить коррупционные риски в указанной сфере и обеспечить доступность

информации для заинтересованных лиц с целью реализации ими своих прав и обязанностей, а также способствует повышению уровня доверия населения к деятельности органов и организаций. Помимо этого, доступ к полной и достоверной информации о государственных и муниципальных закупках отвечает требованиям организации общественного контроля в указанной сфере [4].

Нужно заметить, что как в законодательстве, так и в науке используется несколько терминов, на первый взгляд похожих по своему содержанию: «открытость», «доступность», «прозрачность», «публичность», «гласность» и «транспарентность». Данные термины иногда используются в законодательстве и в научных исследованиях как синонимичные, хотя их изучение позволяет сделать выводы об их разотождествлении. Как отмечал Н. В. Щедрин, подобная ситуация является типичной для юриспруденции и вызвана отсутствием «терминологической конвенции» [22].

Рассматривая нормативные положения о противодействии коррупции и об осуществлении государственных и муниципальных закупок, необходимо указать, что в соответствии с Конвенцией ООН против коррупции [7] каждому государству-участнику рекомендовано принимать меры для усиления прозрачности в его публичной администрации (ст. 10). Конвенция ООН против коррупции также указывает, что каждое государство-участник принимает необходимые меры для создания надлежащих систем закупок, которые основываются на прозрачности, конкуренции и объективных критериях принятия решений и являются эффективными в том числе с точки зрения предупреждения коррупции (ст. 9). В качестве одной из таких мер Конвенция закрепляет «публичное распространение информации, касающейся закупочных процедур и контрактов на закупки, включая информацию о приглашениях к участию в торгах и надлежащую или уместную информацию о заключении контрактов, с тем чтобы предоставить потенциальным участникам торгов достаточное время для подготовки и представления их тендерных заявок». ФЗ «О противодействии коррупции» [15] указывает публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления среди основных принципов противодействия коррупции (ст. 3). Кроме того, в числе основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции указанный закон называет: обеспечение доступа граждан к информации о деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления (ст. 7). В соответствии с ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [14] целью регулирования данного закона, помимо повышения эффективности, результативности осуществления закупок,

является обеспечение гласности и прозрачности осуществления закупок и предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере закупок.

Проведение научного обобщения позволяет прийти к выводу, что представители юридической науки предпочитают использовать в качестве общего термина «открытость», тогда как представители других научных направлений (политологии, социологии и др.) чаще применяют термин «транспарентность» [10]. При этом исследователи замечают, что «институциональная сторона транспарентности лучше всего фиксируется терминами "открытость" ("прозрачность")» [5]. Например, согласно концепции Г. В. Пызиной, терминологические категории «открытость», «прозрачность» и «гласность» не являются тождественными, но тесно взаимосвязаны в системе транспарентности исполнительной власти. Так, транспарентность рассматривается как базовая характеристика исполнительной власти, которая, как замечает сам автор, обеспечивает «развитие демократии, гражданского общества путем открытости исполнительной власти, процедуры принятия политических решений и активизации общественного контроля над деятельностью органов власти и управления» [19]. Следуя авторской концепции, понятия «открытость», «прозрачность» и «гласность» не тождественны, но взаимозависимы в контексте транспарентности исполнительной власти и органично сочетаются как ее атрибутивные характеристики. В рамках данного подхода открытость понимается как «готовность субъектов исполнительной власти к обмену информацией; прозрачность – как доступность информации; гласность – как распределение информации, сотрудничество субъектов и объектов исполнительной власти» [19, с. 39].

Анализ современных подходов [1; 6; 8; 11; 21 и др.] к определению и соотношению категорий «открытость», «прозрачность» и «доступность» позволяет сделать вывод, что их разграничения авторы осуществляют по различным основаниям. Например, «открытость» и «прозрачность» рассматривают, с одной стороны, как самостоятельные научные категории, с другой – как «часть» и «целое». «Открытость» преимущественно раскрывается в нескольких аспектах: получение информации о деятельности органов власти, участие граждан и иных субъектов в процессе принятия решений и пр. Тем временем «прозрачность» определяют как свойство открытости, доступность информации. Кроме того, в рассматриваемый терминологический ряд авторы добавляют такие категории, как «гласность» и «публичность».

Отметим, что, в отличие от «открытости», «информационную открытость» определяют как «обеспеченную возможность получения достоверной информации заинтересованными субъектами (гражданами, их объединениями и пр.) о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления»

[10]. Данная форма открытости включает в себя вопросы создания, хранения, распространения и актуализации достоверной информации об органах власти и результатах их деятельности с помощью различных информационных ресурсов [10].

Как верно отметили И. А. Дамм, Е. А. Акунченко и Н. В. Щедрин, информационная открытость, исходя из анализа отечественного законодательства, объединяет в себе два требования:

1) формирование открытых и общедоступных информационных ресурсов, содержащих информацию о деятельности организации, и обеспечение доступа к таким ресурсам посредством размещения их в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе на официальном сайте организации в сети Интернет;

2) размещение конкретной информации (дата создания организации, ее учредитель, место нахождения организации, режим, график работы, контактные телефоны и адреса электронной почты; структура и органы управления организации; виды предоставляемых услуг и проч.) [2].

В совокупности информационных ресурсов, которые поддерживают функционирование государственных и муниципальных закупок, главное место занимает официальный сайт [9]. В Российской Федерации ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» определено, что в целях информационного обеспечения государственных и муниципальных закупок создается и ведется единая информационная система (ст. 4). Данный закон установил, что одним из основополагающих начал правового регулирования указанной сферы является принцип открытости и прозрачности, в рамках которого указывается на обеспечение свободного и безвозмездного доступа к полной и достоверной информации о контрактной системе в сфере закупок, обеспечиваемое, в частности, путем ее размещения в единой информационной системе (ст. 7). «Единая информационная система в сфере закупок – совокупность информации, информационных технологий и технических средств, обеспечивающих формирование, обработку, хранение такой информации, а также ее предоставление с использованием официального сайта единой информационной системы в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"» [20].

Таким образом, в Российской Федерации создана единая информационная платформа (доменное имя www.zakupki.gov.ru), обеспечивающая сбор и хранение информации о расходовании бюджетных средств государственными и муниципальными органами и организациями, а также свободный доступ любых заинтересованных субъектов к данной информации. При этом создание такой единой платформы не лишает субъектов РФ и муниципальные образования права создавать свои информационные системы с условием их интегрирования с единой

информационной системой (ст. 4 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»). Примерами таких информационных систем являются: Региональная информационная система Тульской области в сфере закупок – zakupki.tularegion.ru; Региональная информационная система республики Татарстан по закупкам – goszakupki.tatarstan.ru и др.

Согласно ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в Единой информационной системе размещается достаточно большое количество информации о государственных и муниципальных закупках, в связи с чем любой заинтересованный субъект сможет найти на официальном сайте ЕИС необходимые сведения. Так, в системе ЕИС публикуется следующая информация (ст. 4):

- планы-графики;
- информация о реализации планов-графиков;
- информация об условиях, о запретах и об ограничениях допуска товаров, происходящих из иностранного государства или группы иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами, перечень иностранных государств, групп иностранных государств, с которыми Российской Федерацией заключены международные договоры о взаимном применении национального режима при осуществлении закупок, а также условия применения такого национального режима;
- информация о закупках, предусмотренная Федеральным законом об исполнении контрактов;
- реестр контрактов, заключенных заказчиками;
- единый реестр участников закупок;
- реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- библиотека типовых контрактов, типовых условий контрактов;
- реестр банковских гарантий;
- реестр жалоб, плановых и внеплановых проверок, их результатов и выданных предписаний;
- реестр единственных поставщиков товара, производство которого создается или модернизируется и (или) осваивается на территории Российской Федерации;
- перечень международных финансовых организаций, созданных в соответствии с международными договорами, участником которых является Российская Федерация, а также международных финансовых организаций, с которыми Российская Федерация заключила международные договоры;
- результаты мониторинга закупок, аудита в сфере закупок, а также контроля в сфере закупок;

– отчеты заказчиков, предусмотренные ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

– каталог товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд;

– нормативные правовые акты, регулирующие отношения, указанные в ч. 1 ст. 1 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

– информация о складывающихся на товарных рынках ценах товаров, работ, услуг, закупаемых для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также о размещаемых заказчиками в соответствии с ч. 5 ст. 22 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» запросах цен товаров, работ, услуг;

– иная информация и документы, размещение которых в единой информационной системе предусмотрено ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами.

Нужно отметить, что на уровень информационной открытости государственных и муниципальных закупок влияет также способ размещения информации на сайте. Так, можно выделить несколько критериев обеспечения доступности информации, размещаемой на сайте [10]:

– способ размещения раздела на официальном сайте (данный показатель, характеризует внутреннюю структуру сайта: наличие (отсутствие) разделов на официальном сайте; место размещения разделов на сайте (на Главной странице сайта, в одной из рубрик Основного меню сайта и т.д.); единообразии в наименовании разделов, корректность формулировок названий разделов и пр.);

– способ наполнения информацией раздела на официальном сайте (данный показатель характеризует рубрикацию информации, размещенной на сайте, которая должна осуществлена по принципу логичности и соответствовать требованиям «интуитивного интерфейса», когда любой пользователь, не обладающий специальными знаниями, может без дополнительных усилий найти интересующую информацию);

– способ навигации по официальному сайту (данный показатель характеризует наличие (отсутствие) отдельной поисковой системы на сайте и в отдельных его разделах и рубриках);

– формат электронных файлов, которые содержат текст документа, размещенных на официальном сайте (данный показатель характеризует типы файлов

документов (*.doc, *.docx, *.pdf и др.), наличие (отсутствие) архивации документов (с использованием расширения *.rar, *.zip и др.) и размещение документов с использованием облачных систем хранения (Google Drive, Яндекс.Диск и др.);

– возможность поиска и копирования текста в документах, размещенных на официальном сайте (данный показатель характеризует наличие (отсутствие) возможности искать и копировать необходимую информацию из размещенного документа).

Данную точку зрения подтверждает позиция Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации. В письме № ИА/79173/16 от 16 ноября 2016 г. «По вопросу размещения заказчиками в единой информационной системе в сфере закупок технической части документации о закупках в форматах, не позволяющих осуществлять поиск, копирование и печать фрагментов текста» ФАС России разъяснил, что заказчик, уполномоченный орган обязаны разместить информацию о закупке на официальном сайте Российской Федерации в сети Интернет без каких-либо ограничений, связанных с ее ознакомлением, и если техническая часть документации о закупке, размещенная заказчиком на официальном сайте, содержит ограничения для ознакомления (текст размещен в формате, не обеспечивающем возможности копирования фрагментов, в случае, если такой текст необходимо использовать для заполнения заявки), то данное действие не соответствует ч. 4 ст. 4 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и содержит признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.4 ст. 7.30 КоАП РФ.

Информация о государственных и муниципальных закупках может также размещаться на официальных сайтах органов и организаций, выступающих заказчиками. Например, Фонд социального страхования Российской Федерации на главной странице официального сайта разместил раздел «Закупки» рядом с разделом «Противодействие коррупции» [17]. На официальном сайте Центрального банка Российской Федерации также присутствуют разделы «Закупки Банка России» и «Противодействие коррупции», где первым принципом закупочной деятельности указана информационная открытость и прозрачность [18]. Сайт Сибирского федерального университета оснащен разделами «Закупки для нужд СФУ» и «Противодействие коррупции» [16].

Кроме того, необходимость размещать подобную информацию на официальных сайтах органов исполнительной власти субъектов РФ прямо закрепляется в нормативных правовых актах субъектов РФ. Например, Постановлением Правительства Ивановской области «О ведении официальных сайтов исполнительных органов государственной власти Ивановской области, функционирующих на единой платформе, и официального сайта Правительства Ивановской области»

закреплено, что официальный сайт органа должен обладать разделами «Госзакупки» и «Противодействие коррупции» [12]. Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «О едином официальном сайте государственных органов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» указывает на необходимость размещения на официальном сайте информации о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также о принимаемых мерах по противодействию коррупции в исполнительном органе, его подведомственных учреждениях [13].

Таким образом, система государственных и муниципальных закупок ориентирована на обеспечение полной информационной открытости. Правовое регулирование данной сферы в последние годы меняется в сторону обеспечения большей открытости информации для заинтересованных субъектов, что в значительной степени снижает коррупционные риски в таких правоотношениях. В связи с этим информационную открытость можно назвать основополагающим антикоррупционным стандартом деятельности в сфере государственных и муниципальных закупок. Между тем необходимо продолжать дальнейшее совершенствование системы информационной открытости государственных и муниципальных закупок путем создания единых требований для составления и размещения документов (в единых форматах, с возможностью поиска и копирования текста и пр.) и усиления контроля за составлением и размещением такой информации, а также путем привлечения к юридической ответственности лиц, нарушающих такие требования (вплоть до уголовной ответственности, если такие нарушения повлекли существенное нарушение прав и законных интересов общества и государства и были допущены умышленно).

Список использованных источников:

1. Белозор Ф.И. Расширение открытости и прозрачности государственного управления // Реформирование системы государственного управления в субъекте Российской Федерации: традиции и инновационные практики. Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2012. С.177–186.
2. Дамм И. А., Акунченко Е. А., Щедрин Н. В. Открытость публичной власти: вопросы понятийно-категориального аппарата // Вестник С.-Петербург. ун-та. Серия: Право. 2019. № 2. С. 226-242.
3. Дамм И.А. Информационная открытость образовательной организации в предупреждении коррупции // В сборнике: Право и информация: вопросы теории

и практики Сборник материалов международной научно-практической конференции. Сер. "Электронное законодательство. Сборники Президентской библиотеки" Научный редактор Н.А. Шевелёва. 2019. С. 49-59..

4. Евдокимов С.Ю., Анисимов Е.Я. Общественный контроль в системе государственных закупок // Интернет-журнал Науковедение. 2016. Т. 8. № 6 (37). С. 160.

5. Ивонин М.Ю. Транспарентность государственного управления как объект социологического исследования : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08. Новосибирск, 2007. 167 с.

6. Клейменов Е.А. Открытость как фактор повышения эффективности деятельности органов государственного управления : дис. ... канд. социолог. Наук : 22.00.08. Хабаровск, 2010. 210 с.

7. Конвенция ООН «Против коррупции» 2003 г. [Электрон. ресурс]: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml

8. Лапина М.А. Систематизация позитивных административных процедур как фактор открытости и результативности государственной гражданской службы // Административное и муниципальное право. 2016. № 1. С. 13–20.

9. Мамедова Н.А., Александрова К.С., Позднякова Н.А. Анализ информационного обеспечения контрактной системы на примере официального сайта ЕИС в сфере закупок // International Journal of Professional Science. 2018. № 4. С. 24-34.

10. Муниципальное правотворчество в IT-мерах антикоррупционной транспарентности : монография / Е.А. Акунченко, М.А. Волкова, П.А. Вырва и др.; под ред. И.А. Дамм, О.В. Ронжиной, Н.В. Щедрина. – Москва : Проспект, 2020. 352 с.

11. Нестеров А.В. О стратегических и тактических законодательных проблемах открытости «открытого правительства» // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 506–510.

12. О ведении официальных сайтов исполнительных органов государственной власти Ивановской области, функционирующих на единой платформе, и официального сайта Правительства Ивановской области (В редакции Постановления Правительства Ивановской области от 19.01.2018 № 13-п) [Электрон. ресурс]: <http://docs.cntd.ru/document/453356684>.

13. О едином официальном сайте государственных органов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (В редакции Постановления Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 11.10.2019 № 368-п) [Электрон. ресурс]: <http://docs.cntd.ru/document/468900701>.

14. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05 апр.

2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 27 дек. 2019 г.) // Собрание законодательства РФ (далее – СЗ РФ). 2013. № 14. Ст. 1652.

15. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 3 авг. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ (далее – СЗ РФ). 2008. № 52. Ч. 1. Ст. 6228.

16. Официальный сайт Сибирского Федерального университета [Электрон. ресурс]: <http://www.sfu-kras.ru>.

17. Официальный сайт Фонд социального страхования Российской Федерации [Электрон. ресурс]: <https://fss.ru>.

18. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации [Электрон. ресурс]: <https://www.cbr.ru>.

19. Пызина Г.В. Транспарентность исполнительной власти: сущность и механизмы реализации в современной России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2006. 200 с.

20. Степанова Е.Н. К вопросу о создании единой информационной системы в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // В сборнике: Молодёжь Сибири - науке России Материалы международной научно-практической конференции. Составитель: Т.А. Кравченко, Главный редактор: Забуга В.Ф.. 2015. С. 322-324.

21. Чуклинов А.Е. «Прозрачная» государственная политика: некоторые проблемы теории и практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006. № 8. С. 44–50.

22. Щедрин Н.В. О необходимости терминологической конвенции (на примере общей теории предупреждения преступлений) // Российский криминологический взгляд. 2014. № 1. С. 280-284.

УДК 343.9

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СВЕДЕНИЙ О ДОХОДАХ, РАСХОДАХ, ОБ ИМУЩЕСТВЕ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПУБЛИЧНЫХ СЛУЖАЩИХ

© С.И. Гутник, К.С. Сухарева
Сибирский федеральный университет

В последние годы приоритетным направлением деятельности системы публичной власти является противодействие коррупции, что связано с распространенностью данного явления, особенно в сфере государственного и муниципального

управления. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ) установил в отношении публичных служащих множество обязанностей, которые являются мерами, позволяющими предотвратить коррупционное поведение. Одной из них является обязанность публичных служащих представлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Представление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера является относительно новой мерой противодействия коррупции в российском законодательстве. Необходимость закрепления данной меры (как и ряда других, например, принятие мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов) обусловлена ратификацией Россией в 2003 году Конвенции ООН против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН на 51-м пленарном заседании 31 октября 2003 г.) с целью приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами, а также повышения уровня доверия со стороны населения государственному аппарату. Кроме того, как указывается в научной литературе, обязанность отдельных категорий лиц представлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера непосредственно вытекает из характера государственных служебных отношений [3].

Данная мера также способствует реализации одного из важнейших принципов, закрепленных в Конвенции ООН против коррупции, – принципа прозрачности. В соответствии с положениями Конвенции данный принцип применяется как в отношении процедур, осуществляемых государственными органами, так и в отношении самих служащих.

Эффективность применения подобной меры не вызывает сомнений, поскольку позволяет государству оперативно контролировать и выявлять возможные факты коррупционного поведения со стороны публичных служащих, а также имеет своеобразный воспитательно-предупредительный эффект, так как угроза оперативного выявления мотивирует служащих не вступать в коррупционные отношения.

Например, Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ (ред. от 3 августа 2018 г.) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» закрепляет, что определенные категории лиц, в том числе государственные, муниципальные служащие, лица, замещающие государственные или муниципальные должности, при выявлении факта несоответствия осуществленных ими расходов их доходам должны подтвердить, что имущество приобретено ими на законные доходы. Если такое

подтверждение не представлено, то по решению суда данное имущество обращается в доход государства.

Так, решением Минусинского городского суда Красноярского края от 11 июня 2019 г. по делу № 2-879/2019 ~ М-390/2019 удовлетворено исковое заявление межрайонного прокурора в отношении бывшего председателя городского Совета депутатов, не сумевшего подтвердить законность источников полученных им доходов, на которые было приобретено имущество стоимостью, превышающей его совокупный доход, указанный им в справках о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за 2014, 2015 и 2016 годы.

В российском законодательстве общие положения о реализации обязанности публичных служащих по представлению сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера сформулированы в ст. 8 и 8.1 Федерального закона № 273-ФЗ, где закреплена обязанность конкретного круга лиц, определенного федеральным законодательством или нормативно-правовыми актами субъекта, по представлению сведений представителю нанимателя (работодателю). Декларационный период для представления указанных сведений начинается с 1 января и заканчивается 30 апреля (основной период), 31 мая (уточняющий период).

В справке о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера отчетным годом для представления сведений о доходах и расходах является год, предшествующий текущему. Для представления сведений об имуществе и обязательствах имущественного характера для лиц, замещающих должность, отчетной датой является 31 декабря года, предшествующего текущему, а для лиц, претендующих, как правило, первое число месяца, предшествующего месяцу подачи документов на конкурс текущего года. «При этом законодателем не решен вопрос, если до 30 апреля гражданин, как претендующий на замещение должности, сдавал сведения, то необходимо ли ему представлять справку как замещающему должность, учитывая, что периоды, за которые он отчитывается, отличаются по срокам. Минтруд в своих рекомендациях по вопросам представления сведений указывает на отсутствие такой необходимости. Однако в правовых актах четкой нормы, освобождающей от исполнения обязанности по представлению сведений лицом, заместившее должность до 30 апреля года, следующего за отчетным, нет» [1].

Рассматривая перечень лиц, на которых распространяется данная обязанность, можно выделить несколько групп: лица, претендующие на замещение должностей, определенных соответствующими нормативными правовыми актами; лица, замещающие государственные или муниципальные должности, а также государственные и муниципальные служащие.

Рассмотрим обязанность лиц, претендующих на замещение должностей, определенных соответствующими нормативными правовыми актами. К данной категории относятся лица, претендующие на замещение государственных или муниципальных должностей, должностей государственной или муниципальной службы. Общий перечень таких лиц перечислен в ст. 8 Федерального закона № 273-ФЗ, вместе с тем необходимо также учитывать и положения специальных законов (Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 1 мая 2019 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 79-ФЗ), Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) «О муниципальной службе в Российской Федерации»). Важно отметить, что данная категория лиц при трудоустройстве представляет только сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих, супруга (супруги), несовершеннолетних детей (далее – сведения о доходах), сведения о расходах данными лицами не представляются.

По общему правилу сведения о доходах подаются представителю нанимателя (работодателю). Вместе с тем Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования государственной политики в области противодействия коррупции» (далее – Федеральный закон № 64-ФЗ) внесен ряд поправок, в соответствии с которыми лица, претендующие на замещение муниципальных должностей, представляют сведения о доходах высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации.

В случае непоступления на службу или неизбрания на должность лица представленные сведения подлежат уничтожению. Лица, претендующие на замещение какой-либо должности, имеют возможность представить сведения о доходах только один раз. Для указанной категории лиц законодателем не предусмотрена возможность представления уточняющих сведений.

В отличие от лиц, претендующих на замещение той или иной должности, лица, замещающие государственные или муниципальные должности или должности государственной или муниципальной службы, обязаны также представлять сведения о доходах, расходах об имуществе и обязательствах имущественного характера своих, супруга (супруги), несовершеннолетних детей (далее – сведения о доходах и расходах).

Общая обязанность по представлению сведений о доходах и расходах для лиц, замещающих муниципальные или государственные должности, предусмотрена п. 4 ст. 12 Федерального закона № 273-ФЗ. С принятием Федерального

закона № 64-ФЗ лица, замещающие муниципальные должности, с 2018 года представляют сведения о доходах и расходах в адрес высшего должностного лица субъекта.

В соответствии с положениями Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 23 мая 2016 г.) «О системе государственной службы Российской Федерации» система государственной службы включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу, а также государственную службу иных видов.

Для лиц, проходящих военную службу, а также государственную службу иных видов, обязанность по представлению сведений о доходах и расходах закреплена в специальных законах, например, в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 16 октября 2019 г.) «О полиции», Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 26 июля 2019 г.) «О прокуратуре Российской Федерации».

Соответствующая обязанность государственных гражданских служащих закреплена в ст. 20 Федерального закона №79-ФЗ.

Сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера представляются по форме, утвержденной Указом Президента РФ от 23 июня 2014 г. № 460 «Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации». Справка о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера состоит из семи разделов, а именно: сведения о доходах, сведения о расходах, сведения об имуществе, сведения о счетах в банке и иных кредитных организациях, сведения о ценных бумагах, сведения об обязательствах имущественного характера, сведения о недвижимом имуществе, транспортных средствах и ценных бумагах, отчужденных в течение отчетного периода в результате безвозмездной сделки.

Как видим, указанная информация является не чем иным, как персональными данными, поскольку в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ (ред. от 31 декабря 2017 г.) «О персональных данных» (далее – Федеральный закон №152-ФЗ) позволяет идентифицировать личность публичного служащего, предоставившего данную информацию. Однако возникает вполне закономерный вопрос, обладает ли подобная информация признаком конфиденциальности, ведь по общему правилу в соответствии с ч. 1 ст. 6 Федерального закона №152-ФЗ обработка персональных данных должна осуществляться с согласия субъекта персональных данных на их обработку. Кроме того, это ставит под вопрос существование баланса публичного и частного интересов, а именно между публично доступной информацией и защитой конфиденциальности частной жизни [2].

Антикоррупционным законодательством установлена императивная норма, обязывающая представлять сведения о доходах и расходах, однако вопрос необходимости представления одновременно согласия на обработку персональных данных не освещается.

С одной стороны, данный вопрос не может являться дискуссионным, поскольку действующее законодательство и сложившаяся правоприменительная практика относительно персональных данных публичных служащих дают однозначный ответ: эти сведения не являются строго конфиденциальными и могут обрабатываться компетентными лицами в соответствии с положениями закона.

С другой стороны, в ст. 23 Конституции РФ установлено, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Персональные данные публичных служащих о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, по существу, являются информацией о частной жизни лиц, особенно в тех случаях, когда речь идет не только о самих публичных служащих, но и о членах их семей. Следовательно, установленная антикоррупционным законодательством обязанность публичных служащих по представлению указанных сведений ограничивает право на неприкосновенность их частной жизни. Между тем сам Федеральный закон №152-ФЗ содержит норму, в соответствии с которой персональные данные могут обрабатываться на правомерной основе и без согласия субъектов персональных данных в случае, если осуществляется обработка таких персональных данных, которые подлежат опубликованию или обязательному раскрытию в соответствии с федеральным законом, в частности, Федеральным законом № 273-ФЗ (п. 11 ч. 1 ст. 6). В тоже время важно отметить, что не все из семи разделов сведений о доходах и расходах подлежат опубликованию.

Кроме того, вопрос о правомерности сбора персональных данных публичных служащих о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера был предметом рассмотрения в Европейском суде по правам человека (далее – ЕСПЧ), дело «Лингенс против Австрии» (Case of Lingens v. Austria. ECHR. 8 July 1986), по результатам которого ЕСПЧ был сделан вывод о том, что если гражданин поступил на публичную службу, то для обеспечения публичного интереса государства по противодействию фактам коррупционного поведения он обязан претерпевать все ограничения, связанные с прохождением службы, в том числе ограничение права на неприкосновенность частной жизни в виде обязанности по представлению сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера.

В тоже время в практической деятельности различных органов и организаций возникает множество трудностей, связанных с невозможностью предоставления

сведений в отношении близких родственников публичных служащих вследствие противодействия с их стороны либо объективных причин, не позволяющих сделать это (в том числе обеспечение конфиденциальности данных).

Анализ правоприменительной практики позволил выявить наиболее типовые ситуации неисполнения обязанности публичными служащими в отношении своих родственников. Так, в качестве причины невозможности представления сведений о доходах в отношении своего супруга служащая указала его отказ представлять справки с места работы о доходах, о вкладах в банках, несмотря на тот факт, что супруги проживают совместно, ведут совместную финансово-хозяйственную деятельность.

Неисполнение обязанности также объясняется публичными служащими указанием на конфиденциальный характер информации, необходимой для заполнения справки о доходах и расходах и тот факт, что она может быть предоставлена исключительно тому лицу, в отношении которого запрашивается информация. Соответственно, типовыми ситуациями в данном случае являются следующие:

1) служащий не представил сведения о доходах и расходах в отношении своего несовершеннолетнего ребенка, сославшись на раздельное проживание с ребенком, а мать ребенка, будучи сама публичным служащим, уже представила сведения в отношении него со своей стороны и отказывает бывшему супругу в предоставлении информации;

2) служащим не представлены сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера в связи с тем, что в период «декларационной кампании» он находился на лечении и в силу объективных обстоятельств не мог представить соответствующие документы;

3) служащий не представил соответствующие сведения о своей супруге, сославшись на раздельное с ней проживание в течение более десяти лет и отсутствие отношений с супругой;

4) сведения в отношении супруга не представлены в силу того, что в период «декларационной кампании» он работал вахтовым методом и отсутствовал в месте проживания.

Вместе с тем указанные в описанных выше ситуациях причины по своему существу не относятся к вопросу ограниченного доступа к информации.

Представляется, что рассматриваемые случаи не должны являться исключением из общего правила, поскольку нормы об обязанности представить сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в отношении себя и близких родственников сформулированы императивно. Однако это может свидетельствовать о спорности вмешательства государства в частную жизнь родственников служащего, которые служащими не являются и не всегда

обоснованно вынуждены испытывать ограничение своего права на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность их персональных данных. Полагаем, что каждый подобный спорный момент должен быть предметом рассмотрения специальных комиссий с применением индивидуального анализа конкретной жизненной ситуации служащего.

В аспекте конфиденциальности сведений о доходах и расходах справедливыми являются вопросы о способах и сроках их хранения. Лица, являющиеся государственными или муниципальными служащими, а также лица, замещающие государственные должности, представляют сведения о доходах и расходах сотрудникам кадровых подразделений по месту прохождения службы или замещения должности. Подобные сведения являются частью личного дела, следовательно, способ и срок их хранения, установлен соответствующими нормативными правовыми актами.

В отношении лиц, замещающих муниципальные должности, с 2018 года ситуация изменилась. Как указывалось ранее, в соответствии с положениями Федерального закона № 64-ФЗ данная категория лиц представляет сведения о доходах и расходах в адрес высшего должностного лица субъекта. Вместе с тем в упомянутом акте не установлено, каким образом и в течение какого периода данные сведения должны храниться.

Подводя итоги проведенному исследованию, отметим, что противодействие коррупции является приоритетным направлением государственной политики в области регулирования служебных правоотношений. Именно поэтому баланс публичного интереса по обеспечению безопасности государственной деятельности и частного интереса по сохранению конфиденциальности персональных данных и обеспечению права на неприкосновенность частной жизни смещен в пользу первого.

Список использованных источников:

1. Табакова, И.Н. Актуальные вопросы, возникающие при представлении сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования : сб. науч. ст. по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума, Красноярск, 26–27 декабря 2018 г. ; отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. Красноярск.: Сиб. федер. ун-т, 2019. С. 207-213.

2. Тихомиров, Ю.А. Юридический конфликт : монография. М., 2017.

3. Противодействие коррупции: новые вызовы : монография / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2016.

УДК 343.6

**НОВЕЛЛА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ – СТ. 124.1 УК РФ**

© Т.В. Долголенко

Сибирский федеральный университет

В соответствии с указанным федеральным законом медицинская помощь определяется как комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг. Медицинская услуга при этом определяется, как медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение.

В названном законе содержится и определение медицинского работника – физического лица, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность. Содержится также понятие медицинской деятельности, как профессиональной деятельности по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях. Пациентом признается физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния [3].

Из данных понятий необходимо исходить при анализе признаков состава преступления, предусмотренного ст. 124.1 УК РФ. При характеристике деяния, предусмотренного ст. 124.1 УК РФ, законодатель обратился к термину «Воспрепятствование». Данное понятие не является новеллой для уголовного законодательства и используется в УК РФ как признак объективной стороны преступления в семи составах преступлений: Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (Ст. 141 УК РФ); Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ); Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ); Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия,

пикетирования или участию в них (ст. 149 УК РФ); Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ); Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4 УК РФ); Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ). В некоторых из перечисленных составов преступлений перечень способов воспрепятствования является открытым.

Способы воспрепятствования весьма разнообразны в зависимости от характера деятельности, в том числе принуждение с применением шантажа, угрозой насилием в отношении медицинского работника или его близких, уничтожения имущества. Если в избранном способе содержится состав иного преступления, требуется квалификация по совокупности преступлений. При совершении преступления, предусмотренного ст. 124.1 УК РФ, также, важно обратить внимание на то, что способ воспрепятствования может быть любым, как сказано в законе: «в какой бы то ни было форме». Следует установить лишь то, что был избран такой способ воспрепятствования, который не позволил, осуществить законную деятельность по оказанию медицинской помощи. Следовательно, любая форма воздействия, способная реально помешать законной деятельности по оказанию медицинской помощи при наличии определенных последствий, должна рассматриваться в рамках указанной нормы. Однако следует учитывать и то, что уголовная ответственность наступает лишь при воспрепятствовании оказанию законной медицинской помощи. Решая вопрос о законности оказания медицинской помощи пациенту, следует обратиться к ст. 20 федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Эта статья регулирует в определенной степени вопрос законности медицинского вмешательства. В качестве необходимого условия медицинского вмешательства предусмотрена дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство. При этом информированность гражданина основывается на предоставленной медицинским работником полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, рисках, возможных вариантах медицинского вмешательства, о последствиях и о предполагаемых результатах такого вмешательства. При этом за гражданином и его законным представителем признается право на отказ от медицинского вмешательства за исключением случаев, предусмотренных в пункте. 9, а именно:

- 1) если медицинское вмешательство необходимо по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни человека и если его состояние не позволяет выразить свою волю или отсутствуют законные представители.

Данное положение распространяется на лиц, не достигших совершеннолетнего возраста (реципиента) при трансплантации органов и тканей, а также в отношении реципиента, признанного в установленном законом порядке недееспособным, если он

по своему состоянию не способен дать информированное добровольное согласие. Имеется в виду п. 5 ст. 47 данного закона, в соответствии с которым трансплантация (пересадка) органов и тканей человека допускается при наличии информированного добровольного согласия

совершеннолетнего дееспособного реципиента, а в отношении несовершеннолетнего реципиента, – при наличии информированного добровольного согласия одного из родителей или иного законного представителя.

Данное положение распространяется также на несовершеннолетних в возрасте старше пятнадцати лет или больных наркоманией, несовершеннолетних в возрасте старше шестнадцати лет. Эти лица имеют право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него в соответствии с ч. 2 ст. 54. При наличии обстоятельств, названных в п.1 от их имени действует их законный представитель.

2) в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих;

3) в отношении лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами;

4) в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния (преступления);

5) при проведении судебно-медицинской экспертизы и (или) судебно-психиатрической экспертизы;

б) при оказании паллиативной медицинской помощи, если состояние гражданина не позволяет выразить ему свою волю и отсутствует законный представитель [4].

Однако, в законе установлены некоторые особенности относительно информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от него, если оно дается родителем или законным представителем. Анализ первого пункта свидетельствует о том, что родители и законные представители имеют законное право на воспрепятствование оказанию медицинской помощи даже в экстренных случаях. В пункте 5 ст. 20 этот вывод находит свое более подробное изложение. С одной стороны, констатируется право на отказ одного из родителей или иного законного представителя лица, указанного в части 2 настоящей статьи, либо законного представителя лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, от медицинского вмешательства, необходимого для спасения его жизни. С другой стороны, предоставляется право медицинской организации обратиться в суд для защиты интересов такого лица. Законный представитель лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, извещает орган опеки и попечительства по месту жительства подопечного об отказе от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни подопечного, не позднее дня, следующего за днем этого отказа. Представляется, что для экстренных случаев, когда для спасения жизни счет идет на часы, а иногда и на минуты при обращении медицинской организации в

суд для защиты интересов такого лица, время для спасения может быть упущено. То же самое касается и извещения органа опеки и попечительства. К тому времени, когда суд или орган опеки и попечительства примет решение о необходимости медицинского вмешательства спасать уже будет некого. В этих случаях следует предусмотреть в законодательстве более четкий и эффективный механизм государственного немедленного реагирования. Вряд ли было бы возможным спасение девятилетнего мальчика, выпавшего из окна третьего этажа, родители которого отказались от оказания ему медицинской помощи, если бы данная процедура была бы соблюдена. Жизнь ребенка была спасена благодаря слаженным действиям медиков, сотрудников полиции и МЧС [1].

Нельзя обойти вниманием классификацию медицинской помощи. Статья 32 «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» разделяет медицинскую помощь по видам, условиям и формам.

2. К видам медицинской помощи относятся:

- 1) первичная медико-санитарная помощь;
- 3) скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь;
- 4) паллиативная медицинская помощь.

3. Медицинская помощь может оказываться в следующих условиях:

1) вне медицинской организации (по месту вызова бригады скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи, а также в транспортном средстве при медицинской эвакуации);

2) амбулаторно (в условиях, не предусматривающих круглосуточного медицинского наблюдения и лечения), в том числе на дому при вызове медицинского работника;

3) в дневном стационаре (в условиях, предусматривающих медицинское наблюдение и лечение в дневное время, но не требующих круглосуточного медицинского наблюдения и лечения);

4) стационарно (в условиях, обеспечивающих круглосуточное медицинское наблюдение и лечение).

4. Формами оказания медицинской помощи являются:

1) экстренная – медицинская помощь, оказываемая при внезапных острых заболеваниях, состояниях, обострении хронических заболеваний, представляющих угрозу жизни пациента;

2) неотложная – медицинская помощь, оказываемая при внезапных острых заболеваниях, состояниях, обострении хронических заболеваний без явных признаков угрозы жизни пациента;

3) плановая – медицинская помощь, которая оказывается при проведении профилактических мероприятий, при заболеваниях и состояниях, не сопровождающихся

угрозой жизни пациента, не требующих экстренной и неотложной медицинской помощи, и отсрочка оказания которой на определенное время не повлечет за собой ухудшение состояния пациента, угрозу его жизни и здоровью.[5]

Представляется, что состав преступного воспрепятствования оказанию медицинской помощи может быть при любом из ее видов и форм и в различных условиях.

Если же избран такой способ воздействия, который не создает серьезных препятствий для оказания медицинской помощи, содеянное необходимо рассматривать как малозначительное деяние. Если же воспрепятствование законной медицинской деятельности имело место и повлекло менее тяжкие последствия, чем те, которые названы в ст. 124.1 УК РФ либо не повлекло никаких последствий, содеянное должно рассматриваться в рамках состава административного правонарушения. Подобные деяния подпадают под действие статьи 6.36. Воспрепятствование оказанию медицинской помощи КоАП РФ [6]. Состав административного правонарушения усматривается в тех случаях, когда пациенту в результате воспрепятствования оказанию законной медицинской помощи, например, был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью.

Все вышеперечисленные составы преступлений, связанных с воспрепятствованием, являются в основном формальными составами преступлений. Субъективная сторона этих составов характеризуется, как правило, наличием прямого умысла. Состав преступления, предусмотренный ст. 124.1 УК РФ является материальным составом, и окончен в момент причинения тяжкого вреда здоровью пациента вследствие воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Субъективная сторона преступления характеризуется неосторожной формой вины, как преступным легкомыслием, так и преступной небрежностью. Данная норма является специальной нормой по отношению к норме, предусматривающей ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ). В случае причинения смерти, которая предусмотрена в ч.2 ст. 124.1, данная норма является специальной нормой по отношению к ст. 109 УК РФ. Если же лицо воспрепятствует оказанию законной медицинской помощи пациенту, имело умысел на причинение тяжкого вреда здоровью пациента, то его следует привлекать к ответственности по ст. 111 УК РФ. При наличии умысла на причинение смерти, связанного с воспрепятствованием оказанию законной медицинской помощи и наличии такого последствия содеянное содержит состав убийства. Следует отметить также и то, что, если в результате воспрепятствования оказанию медицинской помощи пациенту был причинен вред здоровью средней тяжести, такое деяние не содержит состава преступления. Причинение вреда здоровью средней тяжести по неосторожности было декриминализовано в 2003 г. [7]. Но не снимается вопрос об административной ответственности.

Список использованных источников:

1. Родители спрятали выпавшего из окна ребенка. – Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2016/10/29/034/>.
2. Федеральный закон от 26.07.2019 № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» // Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Ст. 2 // Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Ст. 20 // Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Ст. 32 // Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
6. Федеральный закон от 26.07.2019 № 229-ФЗ
7. «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части обеспечения прав граждан на медицинскую помощь» // Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
8. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

УДК 343.9

**КОРПОРАТИВНЫЙ КОМПЛАЕНС КАК АНТИКОРРУПЦИОННАЯ
МЕРА БЕЗОПАСНОСТИ В ЧАСТНОМ СЕКТОРЕ**

© В.В. Кострыкина

Сибирский федеральный университет

Обеспечение безопасности представляет одно из основополагающих направлений правотворческой и правоприменительной деятельности как на внутригосударственном, так и международном уровнях. Однако на сегодняшний день, как в теории права, так и в теории предупреждения преступности, меры безопасности представлены как малоизученное явление. Сказанное требует

дальнейшего совершенствования законодательной базы обеспечения безопасности, поиска новых идей, организационно-правовых средств и мер, образующих механизм обеспечения безопасности, как со стороны ученых, так и со практиков.

По мнению Н.В. Щедрина, меры безопасности – «это меры некарательного ограничения поведения физических лиц и деятельности коллективных образований (в том числе юридических лиц), применяемые специально для предотвращения вредоносного воздействия определенного источника повышенной опасности, либо ограждения объекта повышенной охраны от вредного влияния любых источников опасности» [2, с. 15]. Содержание основ теории мер безопасности находит свое отражение в системе правового регулирования государственной (муниципальной) службы, избирательного процесса, судебной системы, сферы образования, сферы государственных (муниципальных) закупок и т.д. Не является исключением и правовое регулирование деятельности коммерческих организаций.

Антикоррупционным мерам безопасности в деятельности коммерческих организаций присущи все характерные черты мер безопасности. Их можно определить как меры принудительного ограничения деятельности коммерческих организаций, применяемые при наличии указанных в нормативных правовых и локальных актах оснований, имеющих целью защиту интересов службы в коммерческих организациях от вредоносных коррупционных посягательств.

Исследуя институт антикоррупционных мер безопасности по отношению к деятельности коммерческих организаций, мы будем оперировать термином «антикоррупционный комплаенс». Само лексическое значение слова «комплаенс» имеет точный и краткий перевод – «соответствие». По мнению В.В. Астанина, для коммерческих организаций не характерно содержание антикоррупционной политики, как для организаций публично-правовых форм, потому комплаенс деятельность для них является обоснованной. В широком понимании комплаенс деятельность представляется как соответствие: законодательству, корпоративным правилам и нормам этики, требованиям экономической безопасности (защита от внешних и внутренних угроз), принципам бизнес-отношений (востребованных стратегическими партнерами и достигнутых договоренностями), отраслевым стандартам, универсальным или региональным положениям антикоррупционных конвенций [1, с. 6].

Антикоррупционный комплаенс как мера безопасности в деятельности коммерческих организаций способна снизить риски совершения коррупционных правонарушений, а также вероятность вовлечения организаций через их сотрудников в ситуации, связанные с риском нарушения законодательства о противодействии коррупции или потери репутации.

Примером антикоррупционного комплаенса как меры безопасности в деятельности коммерческой организации на примере ПАО «Мобильные ТелеСистемы» является запрет на получение любых платежей в виде денежных средств или любых иных ценностей, а также любой финансовой или иной выгоды или преимуществ, если получение таких платежей, выгод или преимуществ само по себе является ненадлежащим выполнением должностных или иных предусмотренных законом обязанностей, или является вознаграждением за ненадлежащее выполнение таких обязанностей [8]. Указанное ограничение обеспечивает соответствие деятельности организации требованиям, налагаемым на нее российским и зарубежным законодательством, другим обязательным для исполнения требованиям, а также создает в организации механизм анализа, выявления и оценки рисков нарушения законодательства.

Целью антикоррупционного комплаенса как меры безопасности в деятельности коммерческих организаций выступает защита интересов службы в коммерческих организациях от вредоносных коррупционных посягательств. Деятельность по ведению бизнеса безусловно подвержена коррупционным рискам. Комплексное ограничение и устранение коррупционных рисков выражает целевое назначение антикоррупционного комплаенса как меры безопасности в деятельности коммерческих организаций.

Применение антикоррупционных мер безопасности возможно только при наличии определенных оснований. По мнению Н.В. Щедрина, следует выделять социальное, нормативное, материальное (фактическое), организационное основания применения мер безопасности [3, с. 122].

Социальное основание представляет собой необходимость пресечения вредоносного влияния источника опасности посредством ограничения конституционных прав и свобод личности (с учетом того, что вред, вынуждено причиняемый источнику опасности, должен быть меньше предотвращаемого).

Нормативным основанием являются правовые предписания, в которых регламентируются условия и порядок применения мер безопасности.

Материальными (фактическими) основанием служат юридические факты (события или действия), с наличием которых правовые предписания связывают возникновение, изменение и прекращение правоотношений безопасности.

Организационным основанием выступают акты применения права, в которых конкретизируются субъективные права и обязанности сторон в правоотношениях безопасности, осуществляется реализация антикоррупционных прав и исполнение обязанностей (приговор суда, постановление прокурора и т.д.) [3, с. 123].

Реализация антикоррупционного комплаенса как меры безопасности в деятельности коммерческих организаций происходит по тем же социальным,

материальным (фактическим) и организационным основаниям, что и для остальных мер безопасности. В свою очередь, нормативные основания применения антикоррупционного комплаенса как меры безопасности в деятельности коммерческих организаций содержатся в положениях законодательства о противодействии коррупции, в иных нормативных правовых актах, а также локальных актах организаций. Пример общего нормативного основания применения антикоррупционного комплаенса как меры безопасности в деятельности коммерческих организаций закреплен в ст. 13.3 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [5], согласно которой организации обязаны разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции. Меры по предупреждению коррупции, принимаемые в организациях, могут включать:

- 1) определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений;
- 2) сотрудничество организации с правоохранительными органами;
- 3) разработку и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации;
- 4) принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации;
- 5) предотвращение и урегулирование конфликта интересов;
- 6) недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов.

Вышеуказанная норма возлагает на коммерческие организации обязанность принимать меры по противодействию коррупции путем разработки соответствующих локальных актов.

Для реализации названных положений Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и формирования единого подхода к обеспечению работы по противодействию коррупции в коммерческих организациях в 2013 году Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации утверждены Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции [6]. Данные рекомендации явились, с одной стороны, помощью коммерческим организациям со стороны государства по практической реализации их обязанности недопущения коррупции. А с другой стороны, послужили своего рода призывом для полномасштабной работы по предупреждению коррупционных рисков в сфере деятельности коммерческих организаций.

Специальное нормативное основание применения антикоррупционного комплаенса как меры безопасности в деятельности коммерческих организаций находит свое отражение, например, в Кодексе поведения и антикоррупционной политики ПАО «Вымпелком». Основываясь на положениях локального акта,

организация придерживается принципа абсолютного неприятия коррупции при ведении бизнеса и ожидает того же от работников организации. Сотрудникам запрещается, действуя от имени и (или) в интересах организации предлагать, передавать или принимать какие-либо средства поощрения или подарки, вознаграждения, займы, гарантии, поручительства, материальную помощь, в виде наличных денежных средств и их эквивалентов, независимо от суммы, ценных бумаг (включая депозитные или сберегательные сертификаты), независимо от их рыночной стоимости, драгоценных металлов, драгоценных камней и ювелирных изделий [9].

С точки зрения Н.В. Щедрина, к субъектам мер безопасности можно отнести: субъектов самозащиты, субъектов, предоставляющих законные услуги безопасности и государственные органы безопасности [3, с. 98]. Однако, учитывая правовую природу корпоративного комплаенса, нам представляется правильным выделить среди субъектов указанных мер только субъектов самозащиты. Субъекты самозащиты – это физические и юридические лица, использующие для защиты своих прав весь предусмотренный законодательством арсенал. Полагаем, что такими являются сами коммерческие организации и их должностные лица, принимающие локальные акты, регламентирующие антикоррупционные стандарты деятельности этих организаций, а также антикоррупционные стандарты поведения своих работников. Деятельностью же по внедрению антикоррупционной политики в организациях должен заниматься, к примеру, ее орган управления (общее собрание, совет директоров, коллегиальный исполнительный орган или единоличный исполнительный орган). Также в целях реализации функций антикоррупционного комплаенса на уровне коммерческих организаций ответственными за профилактику коррупционных правонарушений могут назначаться юридический или финансовый отделы, либо на уровне организаций в качестве самостоятельного подразделения может быть создана комплаенс-служба. Функционал ответственных сотрудников напрямую зависит от размера и сферы деятельности организаций. В частности, в комплаенс-службе крупной организации иногда создается несколько профильных групп, каждая из которых отвечает за ту или иную комплаенс-функцию (например, консультирование сотрудников компании по вопросам, связанным с предотвращением коррупционных рисков; проведение антикоррупционных тренингов; контроль заключаемых с контрагентами договоров на предмет соблюдения антикоррупционной политики организации; ведение антикоррупционного раздела на сайте организации; взаимодействие с руководством на предмет разработки и внедрения антикоррупционных мер и т.д.). В небольшой организации комплаенс-функции может выполнять один сотрудник (комплаенс-менеджер или комплаенс-контролер) [11].

Антикоррупционные меры безопасности имеют определенные законом сроки применения. При применении антикоррупционного комплаенса как меры безопасности в деятельности коммерческих организаций можно выделить срочные и бессрочные комплаенс-меры.

К числу срочных антикоррупционных комплаенс-мер в деятельности коммерческих организаций можно отнести, к примеру, ст. 5.5. Кодекса поведения и антикоррупционной политики ПАО «Вымпелком», где установлена обязанность работника коммерческой организации в кратчайшие сроки уведомить руководителя о факте склонения к совершению коррупционного правонарушения путем принуждения (угроза насилия, лишения свободы, а также иная физическая угроза конкретному лицу) [9].

К бессрочным антикоррупционным комплаенс-мерам в деятельности коммерческих организаций относится общий запрет по выплате взносов на политические цели в интересах и от имени организации. Так, в соответствии с антикоррупционной политикой ООО «Градиентех» организация не допускает выплаты взносов на политические цели от своего имени [7]. Активы организации не могут использоваться в качестве взносов любого рода в какие-либо политические партии или комитеты или в пользу кандидатов на какую-либо выборную или государственную должность. В соответствии с положениями методических рекомендаций по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции подобные выплаты могут использоваться в качестве «прикрытия» коррупционных платежей, особенно в контексте взаимодействия организации с лицами, замещающими государственные или муниципальные должности, государственными или муниципальными служащими, иными должностными лицами [6].

Антикоррупционный комплаенс как мера безопасности в деятельности коммерческих организаций, как и иные меры безопасности [3, с. 93], может быть представлен в качестве мер пресечения и мер охраны.

Меры пресечения содержат требования к определенному поведению работника коммерческой организации при возникновении определенного юридического факта, а меры охраны направлены на предупреждение коррупционных проявлений в целом. В этой связи, примером антикоррупционного комплаенса как меры безопасности в деятельности коммерческих организаций в виде меры пресечения будет являться обязанность работника коммерческой организации уведомлять о возникновении коррупциогенной ситуации [10].

Антикоррупционный комплаенс как мера безопасности в деятельности коммерческих организаций может реализоваться в виде мер охраны. К таковым можно отнести процедуру скрининга бизнес-партнеров в целях оценки потенциальных

рисков. Отметим, что данная процедура является аналогом зарубежного опыта борьбы с коррупцией [4]. Поскольку организация может быть привлечена к ответственности за действия своих бизнес-партнеров, ей необходимо знать своих бизнес-партнеров и доверять им. Организация может требовать от своих бизнес-партнеров соблюдения положений антикоррупционной политики и Кодекса поведения бизнес-партнеров, который устанавливает конкретные требования для бизнес-партнеров. До начала деловых отношений с бизнес-партнером работник организации обязан соблюдать ряд применимых корпоративных политик и процедур. Любые комиссионные вознаграждения, вознаграждения за успех и прочие выплаты в пользу бизнес-партнеров должны в надлежащем порядке отражаться в отчетности, одобряться и выплачиваться в соответствии с агентским, представительским, консалтинговым, посредническим или иным договором, оформленным в письменном виде, а также с соблюдением всех прочих применимых законодательных требований. С бизнес-партнерами должны быть подписаны договоры, в которых четко фиксируются требования к оказанию услуг и критерии оценки эффективности работы. Договоры должны быть подготовлены и одобрены в соответствии с применимыми политиками.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что в данном исследовании была рассмотрена лишь часть основ реализации антикоррупционного комплаенса как меры безопасности в деятельности коммерческих организаций. Включение данных мер в коммерческую практику позволит решить ряд проблемных вопросов, возникающих в процессе реализации правового регулирования относительно деятельности коммерческих организаций. Рассмотрение антикоррупционного комплаенса под данным углом зрения может существенно дополнить правовую теорию мер безопасности.

Список использованных источников:

1. Астанин, В.В. Корпоративный антикоррупционный комплаенс: проблемы и ресурсы практического обеспечения / В.В. Астанин // Российская юстиция. – 2017. – № 10. – С. 5–8.
2. Щедрин, Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности: лекция. – Красноярск: ЮИ Крас ГУ, 2006. – 27 с.
3. Щедрин, Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 2000. – 180 с.
4. The Foreign Corrupt Practices Act of 1977 [Электронный ресурс]. – URL <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE91/pdf/STATUTE-91-Pg1494.pdf> (дата обращения 20.06.2019).

5. О противодействии коррупции [Электронный ресурс] : федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.06.2019).

6. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции [Электронный ресурс] : утв. Министерством труда и социальной защиты РФ 8 ноября 2013 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.06.2019).

7. Антикоррупционная политика ООО «Градиентех» [Электронный ресурс]. – URL: <https://gradientech.ru/storage/app/uploads/public/5d9/1e5/02e/5d91e502ef659698499598.pdf> (дата обращения 20.06.2019 г.).

8. Антикоррупционная политика ПАО «Мобильные ТелеСистемы» [Электронный ресурс]. – URL: https://static.ssl.mts.ru/mts_rf/contents/537/Anti_Corruption_Laws_Compliance_Policy_rus.pdf?_ga=2.91052636.773154424.1581774444-1770965845.1581774444 (дата обращения 20.06.2019 г.).

9. Деловая этика и комплаенс Билайн Москва [Электронный ресурс]. – URL: <https://moskva.beeline.ru/about/compliance/about-compliance/> (дата обращения 20.06.2019).

10. Кодекс корпоративной этики ОАО «Холдинговая компания «Металлоинвест» [Электронный ресурс]. – URL: <http://m.metalloinvest.com/upload/doc/%D0%9A%D0%> (дата обращения 20.06.2019).

11. Антикоррупционный комплаенс: как избежать обвинения во взятке [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/article/606329/> (дата обращения 20.06.2019).

УДК 343.3

ФОРМЫ КОРРУПЦИОННОГО ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

© С.М. Курбатова

Сибирский федеральный университет

Коррупция, как объект научного познания, рассматривается в разных науках (в социологии, политологии, экономике, праве и др.), что, с одной стороны, отражает многоаспектность и сложность этого явления, а с другой предопределяет необходимость и важность полного и всестороннего его изучения.

Так, различные школы права по-разному трактуют данное явление. Например, «социологическая трактовка права квалифицирует коррупцию как социальное явление, которое возникает и поддерживается на уровне неформальных социальных связей, составляющих основу общества, и может быть обнаружено на всех уровнях управления, а также в системах, обеспечивающих его саморегулирование; – естественная теория права определяет сущность коррупции в терминах «справедливое – несправедливое»; – историческая школа права рассматривает коррупцию как своего рода «традицию» политической и правовой культуры; – правовой позитивизм определяет суть коррупции с точки зрения ее роли в стабильности и эффективности функционирования государственно-правовой системы» [12, с. 78-79].

Обобщающие признаки коррупции были сформулированы в документе VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990 г.) [11], исходя из которого коррупция имеет место: когда государственная функция выполняется чиновником; когда при наличии установленных правил, существует возможность для данного лица действовать по собственному усмотрению; когда преследуется цель получения личной выгоды.

Если обратиться непосредственно к современному российскому законодательству, то, согласно подпункту «а» пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», под коррупцией понимается «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [2].

Однако, так как законодатель прямо не указал перечень преступлений, относящихся к коррупционным, это послужило основанием для соответствующих дискуссий [7; 433-442]. Тем не менее, например, злоупотребление должностным положением (использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (ч. 1 ст. 285) [1] относится к коррупционным преступлениям самим законодателем (см. выше).

Злоупотребление должностными полномочиями является одним из наиболее распространенных видов коррупционных преступлений. Будучи общим составом

преступления для всех данного рода уголовно наказуемых злоупотреблений должностными полномочиями – деяний против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, закрепленным в ст. 285 УК РФ, – тем не менее, имеет свои особенности применительно к отдельным органам власти, что следует учитывать в процессе расследования и выборе соответствующих криминалистических тактик и методик [8].

Не останавливаясь на анализе элементов состава данного преступления и раскрытии его квалифицирующих признаков (об этом в теории уголовного права сказано уже достаточно много), рассмотрим это на примере особенностей самих форм злоупотребления должностными полномочиями в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями. В частности, как злоупотребление должностными полномочиями должны квалифицироваться действия должностного лица, которое из корыстной или иной личной заинтересованности совершает входящие в круг его должностных полномочий действия при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения...

Ответственность по статье 285 УК РФ наступает также за умышленное неисполнение должностным лицом своих обязанностей в том случае, если подобное бездействие было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности, объективно противоречило тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями, и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства» (п. 15) [10].

Формы злоупотребления полномочиями могут быть различными: нарушение штатно-финансовой дисциплины, обман контролирующих органов, сокрытие хищений, недостач и иных преступлений и упущений по службе, неосновательное расходование государственного и муниципального имущества (при отсутствии признаков его безвозмездного изъятия), попустительство или заранее не

обещанное укрывательство преступлений [6]. Однако принципы [4] и формы [5] злоупотребления должностными полномочиями в системе УИС РФ:

1) будут иметь как схожие черты, так как центральным органом управления уголовно-исполнительной системой является ФСИН России, которая, в соответствии с п. 1 Положения о ФСИН «Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, а также функции по контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, и по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» [3].

2) так и свои особенности, учитывая специфику отдельных подразделений ФСИН.

Например, для сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (учреждений, исполняющих в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством уголовные наказания в отношении лиц, осужденных *без изоляции от общества*) характерно следующее [5]:

- отсутствует такая форма злоупотребления должностными полномочиями сотрудниками УИС, как передача запрещенных предметов осужденным;
- функция контроля исполнения осужденными обязанностей, которые были возложены на них судом, является предпосылкой для такой формы злоупотребления со стороны сотрудников УИС как сокрытие неисполнения таких обязанностей осужденными.

А для сотрудников исправительных учреждений, следственных изоляторов, помещений, действующих в режиме следственного изолятора, транзитно-пересыльных пунктов, учитывая факт нахождения там осужденных *с изоляцией от общества*, как показывает практика уголовных дел, типичны такие формы злоупотребления должностными полномочиями:

- незаконное освобождение лиц от отбывания уголовного наказания.
- предоставление «общего покровительства» лицам, которые осуждены к уголовному наказанию в виде реального лишения свободы.
- передача осужденным запрещенных предметов (наркотических средств, сотовых телефонов и т.д.).

- требование от осужденных приобретения за свой счет и последующей передачи материально-технических объектов формально для нужд данного учреждения (телевизор, планшет, оргтехнику и т.д.), а реально – для личного пользования этим сотрудником.

- незаконное перемещение осужденных за пределы исправительного учреждения, где они находятся (например, для выполнения строительных, ремонтных и т.п. работ для личных нужд сотрудника и его семьи).

К общим же характеристикам форм злоупотребления должностными полномочиями сотрудниками УИС можно отнести следующее:

- стремление отличиться, «выслужиться» перед начальством.
- регулярное получение денежных премий в качестве поощрений за показатели хорошей службы.
- субъективные факторы (личная заинтересованность, карьеризм, стремление повысить свой авторитет среди осужденных и подчиненных сотрудников).
- неправильно понятое чувство служебного долга в УИС.
- стремление к установлению межличностных отношений, не регламентированных уголовно-исполнительным законодательством, с осужденными, их родственниками для использования в дальнейшем в своих интересах [9].

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2018) // СПС Консультант Плюс
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 03.08.2018) // СПС Консультант Плюс
3. Положение «О Федеральной службе исполнения наказаний», утвержденное Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 (с изм. от 8 сентября 2017г.) // СПС Гарант.
4. Андреева, Ю.В. Принципы осуществления общественного контроля в местах принудительного содержания граждан / Ю.В. Андреева // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Мат-лы XXI междунар. научно-практич. конф. – СибЮИ МВД России. – 2018. – С. 229-232.
5. Андреева, Ю.В. Формы злоупотребления должностными полномочиями сотрудниками ФСИН России / Ю.В. Андреева // Актуальные вопросы уголовного права и криминологии на современном этапе: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. С.М. Мальков. Красноярск, 2018. С. 96-99.

6. Ким, А. В. Злоупотребление должностными полномочиями как коррупционное преступление / А.В. Ким, В.А. Другова // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». – 2013. – Том 4. – № 4. – С. 423 – 426.

7. Климов, М.В. Понятие коррупции / А. Климов // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 433-442.

8. Криминалистика: учебник / Антонов, В.П., Белозерова И.И., Бертовский Л.В. и др. М.: РГ-Пресс, 2018. 960 с.

9. Курбатова, с. М. Формы коррупционного злоупотребления должностными полномочиями: общая характеристика и особенности в уголовно-исполнительной системе / С.М. Курбатова // Актуальные вопросы противодействия коррупции: история, современное состояние и перспективы. Межвузовская научно-практич. конф. с междунар. участием / под общ. ред. С.А. Куценко. Новосибирск, 2018. С. 193-198.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС Гарант.

11. Практические меры борьбы с коррупцией: Материалы Секретариата VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана, 1990 г. // СПС Консультант Плюс.

12. Противодействие коррупции в Российской Федерации / Под ред. А. Землина – М.: НОУ ВПО «МПСУ», 2013. 293 с.

УДК 343.4

УБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ (Ч. 1 СТ. 146 УК РФ)

© Н.Ю. Рычкова

Сибирский федеральный университет

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ число лиц, осужденных по ч. 1 ст. 146 УК РФ, незначительно. В этой связи отдельные ученые считают целесообразным декриминализировать присвоение авторства ввиду отсутствия социальной необходимости [11, с. 8-9; 34, с. 10].

Невысокие официально зарегистрированные показатели преступности не доказывают необходимость декриминализации плагиата. П.С. Дагель полагает оправданной криминализацию нарушений политических, иных конституционных прав, хотя случаи этих нарушений крайне редки, так как криминализация

указанных посягательств должна рассматриваться как гарантия соблюдения соответствующих прав граждан [12, с. 256]. Г.А. Злобин, поддерживая ученого, подчеркивает: «Принимаемая общественным сознанием норма, даже если ее целевая эффективность невелика, бесполезна, так как она «доставляет» систему права и тем самым способствует социальной интеграции людей и укреплению системы социальных ценностей. Именно благодаря этому системообразующему свойству нормы оказываются возможными (и долгоживущими) нормативные решения, результатом которых является принятие нормы, «работающей» в целом на систему права (так, уголовная ответственность за плагиат цементирует систему, состоящую из норм гражданского, административного и уголовного права, хотя практика фактически знает лишь применение норм гражданско-правовой ответственности за плагиат)» [12, с. 213]. Согласимся с утверждением: «Криминализация общественно опасных деяний, направленных против конституционных прав и свобод человека, – это признание государством и обществом их высокой значимости. Низкие статистические показатели отдельных преступлений, предусмотренных главой 19 УК РФ, не могут свидетельствовать об отсутствии социальной потребности в уголовно-правовой охране конституционных прав и свобод» [15] (курсив мой – Н. Р.).

Декриминализация представляет собой процесс установления оснований отпадения общественной опасности деяний, признания нецелесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и отмены их уголовной наказуемости [8, с. 59]. Следовательно, разрешая спор о необходимости декриминализации присвоения авторства (плагиата) нужно оценить потребность сохранения уголовно-правовой охраны права авторства с точки зрения ее соответствия принципам криминализации.

Выделяют социальные и социально-психологические принципы криминализации: принцип общественной опасности, относительной распространенности деяния, соразмерности положительных и отрицательных последствий криминализации, уголовно-политической адекватности криминализации [12, с. 215, 218, 220, 224]. По мнению А.И. Коробеева и А.А. Ширшова: «криминализация деяний может быть признана научно обоснованной лишь при учете законодателем совокупности целого ряда факторов, важнейшими из которых являются определенная степень общественной опасности деяний, их относительная распространенность и типичность, неблагоприятная динамика правонарушений, возможность воздействия на них уголовно-правовыми средствами, невозможность успешной борьбы менее репрессивными мерами, отсутствие негативных побочных последствий запрета, наличие материальных ресурсов для его реализации, определенный уровень общественного правосознания и психологии населения» [9].

Первое место в ряду принципов криминализации по праву отведено принципу общественной опасности. «Лишь то деяние может быть правомерно криминализовано, общественная опасность которого достаточно (с точки зрения уголовного права) высока» [12, с. 216]. Следовательно, отсутствие общественной опасности деяния – первое и главное основание декриминализации присвоения авторства.

Н.Ф. Кузнецова подчеркивает – общественная опасность преступления определяется всеми признаками преступления, но ведущими и определяющими для общественной опасности всей совокупности преступлений (а значит, и присвоения авторства) являются объект и последствие преступления [13, с. 429-430]. Значение объекта преступления в определении характера общественной опасности деяния высоко – «... посягательства на основные конституционные права и свободы личности по самой их природе требуют именно уголовно-правовой охраны, применения мер уголовной ответственности» [12, с. 257]. Право авторства входит в число конституционных прав личности (ст. 44 Конституции РФ).

Ценность объекта посягательства – не самодостаточное основание для определения общественной опасности деяния. Не менее, а скорее более важны последствия совершенного преступления, или точнее, преступности. Не случайно в юридической науке подчеркивается: «<...> доктрина уголовной политики исходит из того, что общественную опасность преступности следует связывать с ее социальными последствиями. Социальные последствия преступности – это реальный вред, причиняемый преступностью, выражающийся в совокупности причинно связанных с преступным поведением прямых и косвенных, непосредственных и опосредствованных, ближайших и отдаленных негативных изменений (ущерб, урон, потери, убытки и т.п.), которым в конечном счете подвергаются социальные (экономические, нравственные, правовые и др.) ценности, а также совокупность экономических и иных издержек общества, связанных с организацией борьбы с преступностью и социальной профилактикой преступлений» [25, с. 33-34]. Как точно указывает И. Я. Козаченко: «критерием признания социально опасных деяний преступными является причинение деянием такого фактического вреда социальным отношениям, который нарушает общежитийские условия существования данной человеческой общности» [7, с. 13].

Присвоение авторства (плагиат) представляет серьезную угрозу для современного общества [17]. Обществу и государству причиняется материальный вред в виде неполученных доходов от внедрения инноваций, недополученных налогов, затрат на восстановление прав [24, с. 135], происходит нивелирование официального статуса знаний в информатизированном обществе, размываются критерии научного знания [19, с. 61-62]. В условиях, когда промышленная революция

вступила в новую (информационную) фазу своего развития, эта проблема приобретает особую остроту. Сравнительно недавно проведены исследования, демонстрирующие взаимосвязь академической нечестности, плагиата и потенциального нарушения трудовой дисциплины, совершения отдельных видов преступлений («беловоротничковой» преступности) [36, с. 36]. Частным проявлением общественной опасности является оказание населению некачественных услуг или некачественной помощи в связи с тем, что профессиональная квалификация была присвоена лицу «благодаря» написанию квалификационной научной работы «под заказ» [29]. В отсутствие необходимых организационных и правовых мер, пресекающих любые формы нарушения права авторства, государство и общество обречены на деградацию.

Социальная сущность присвоения авторства (плагиата), характер общественной опасности деяния и масштаб последствий убеждает в необходимости сохранить действующий уголовно-правовой запрет (ч. 1 ст. 146 УК РФ). Не любое присвоение авторства для общества опасно. В правовой науке указывают на общественную опасность присвоения авторства (плагиата), допущенного при создании именно произведений науки [29]. Общественную опасность связывают с особым способом совершения преступления (доведением до всеобщего сведения): «<...> охрану авторских прав в информационном пространстве необходимо осуществлять уголовно-правовым способом, поскольку рассматриваемый вид деяний является общественно опасным» [32]. Очевидно, что включение в квалификационную работу чужого абзаца без указания имени автора, равно как и последующее размещение такой работы в информационно-телекоммуникационной сети, опасности для общества не представляет. Важно провести четкую границу между преступлением и проступком: присвоение авторства может быть не опасно, а лишь общественно вредно.

В соответствии со ст. 7.12 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) присвоение авторства признается административным правонарушением при условии, что оно совершено в целях извлечения дохода [6]. В уголовном законе криминообразующим признаком присвоения авторства (плагиата) назван крупный ущерб. Использование законодателем данного признака подвергается критике в связи со сложностью расчета размера ущерба [22, с. 40]. Это заставляет усомниться в целесообразности его дальнейшего употребления. При этом нет сомнений в том, что масштаб общественно опасных последствий присвоения авторства (плагиата) должен быть обязательно закреплен и предельно точно описан в уголовном законе.

Деяние подлежит декриминализации, если оно типично для общества или, напротив, встречается крайне редко. Однако для присвоения авторства ни то, ни другое нехарактерно.

Случаи плагиата в российской и зарубежной науке освещены во многих источниках [1, с. 26-27; 27; 36, с. 36]. Известны факты присвоения авторства среди представителей социальных наук, в том числе юриспруденции [24, с. 136-138]. Плагиатом является создание «заказных» произведений [29]. И.М. Мацкевич приводит следующие данные: «За последние 20 лет научными плагиаторами было организовано настоящее подпольное производство по изготовлению компилированных диссертаций с обеспечением их защиты и присуждения ученых степеней псевдоученым» [17]. Отмечается, что: «<...> несмотря на то, что в стране существует большая программа по борьбе с плагиатом в вузовской среде, кардинально проблему воровства дипломов решить пока, к сожалению, не удастся. По разным данным, оборот рынка торговли научными работами в нашей стране за последние пять лет составляет от 15 до 30 миллиардов рублей» [18]. В последнее время получило широкое распространение мнимое соавторство – включение в число соавторов научной работы лиц, не внесших творческого вклада в ее создание. М.Ю. Чайков обращает внимание – наличие огромного числа научных публикаций, авторами которых значатся несколько лиц, заставляет в ряде случаев усомниться в подлинности авторства [31].

Сегодня, ввиду развития информационных технологий, проблема присвоения авторства приобрела новые грани. Изменение параметров информационного пространства, выразившееся в появлении новой (электронной) формы существования интеллектуального продукта, применении новых (цифровых) способов использования объектов авторского права, доминировании информационно-коммуникационных сетей в распространении продуктов интеллектуальной деятельности, существенно ослабило, а порой свело к нулю контроль автора, правообладателя за использованием творческого результата [39, с. 552]. Так, существенно возрос риск плагиата в сфере 3D печати [35], особенно, при применении медицинских технологий [35]. Вступление промышленной революции в новую фазу развития привело к резкому удешевлению стоимости 3D принтеров для синтетических материалов, а падение затрат на копирование увеличило вероятность плагиата [35].

Приведенные факты говорят о том, что присвоение авторства (плагиат) встречается чаще в научной среде, однако не исключается и в других сферах общественной жизни [2;10]. Увеличилось количество правонарушений (в том числе, плагиата), совершенных с использованием сети Интернет [3].

Итак, сведения о незначительном количестве приговоров по ч. 1 ст. 146 УК РФ должны оцениваться критически: на самом деле они свидетельствуют не об отсутствии преступности, а о ее латентности.

В таком случае – каковы причины латентности? Они различны.

Так, при мнимом соавторстве, выполнении научных работ «под заказ» участники не заинтересованы в разглашении информации.

О полном или частичном включении своей работы в чужую автор узнает далеко не всегда. Зачастую он не располагает средствами, позволяющими отслеживать факт нарушения права авторства, особенно принимая во внимание современную скорость воспроизведения и передачи информации. Поисковые системы, проверяющие объекты интеллектуальной собственности на наличие плагиата, широко распространены, однако извещать автора о факте нарушения его прав никто не обязан. Организации, осуществляющие управление правами на коллективной основе, на выявление плагиата не нацелены [14]. Таким образом, охрана права авторства, как правило, зависит от инициативы самого автора.

Эта проблема уже начала решаться при помощи современных технологий. Так, появились платформы, функционирование которых основано на технологии блокчейн. Они осуществляют депонирование объектов авторского права и используют специальные поисковые сервисы. «Платформы также могут продвигать функции распознавания плагиата» [20].

Одной из них является недавно образованная в РФ платформа n'RIS. Она располагает сервисом, позволяющим автору узнать о фактах заимствования его произведения полностью или в части. Несомненным достоинством n'RIS является выявление плагиата на стадии депонирования объекта интеллектуальной собственности (во всяком случае, в части совпадения внешней формы объектов интеллектуальной собственности). Кроме того, выявление фактов нарушения прав на произведение науки, литературы и искусства облегчается благодаря поисковым возможностям платформы – поиск ведется на самых разных сайтах [33]. Вместе с тем, это только первый шаг в решении проблемы. Проблема выявления плагиата в полной мере пока не снята. Она решится, если все объекты авторского права будут оцифрованы и будет образован единый реестр объектов интеллектуальной собственности (появление которого в ближайшем будущем предрекают Л. Новоселова и Е. Гринь) [37].

Итак, одной из причин существования латентного присвоения авторства является неосведомленность автора о факте нарушения личного неимущественного права. Однако мало знать о присвоении авторства, требуется желание обращаться за помощью в правоохранительные органы. Судя по сведениям В. Н. Чернышова, М.Н. Кочетковой, такие примеры – редкость: «Около трети ученых,

принявших участие в опросе Американской ассоциации развития науки, заявили, что сталкивались со случаями плагиата и подтасовки данных. Около четверти из этих авторов не принимали никаких мер; треть обратилась лично к авторам, уличенным в плагиате; некоторые – к официальным лицам своей научной институции; и только 2% вынесли обнаруженный случай плагиата на суд общественности» [32]. Авторы, к сожалению, не указывают национальность ученых, принявших участие в опросе. Тем не менее, индифферентное отношение к охране авторских прав – один из факторов, определяющих происхождение этого вида латентной преступности.

Нежелание потерпевшего обращаться за уголовно-правовой охраной права авторства объясняется не только правовым нигилизмом. В юридической науке нередко обращается внимание на неэффективность конструкции уголовно-правовой нормы, охраняющей право авторства; и в частности, на проблему исчисления размера ущерба, необходимого для привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 146 УК РФ [5; 16, с. 5]. В тех немногочисленных случаях, когда размер ущерба все-таки удастся установить, и он признается крупным, преступник может быть освобожден от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности [21].

Не служит целям превенции и размер наказания, предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК. Отсутствие в норме низшего предела штрафа чрезмерно расширяет рамки судебного усмотрения. Незначительность величин штрафов, присужденных за нарушение авторских и смежных прав (ч. 1 ст. 146 УК), не соответствует последствиям совершенного деяния, не способно остановить кого-либо от совершения аналогичного преступления в будущем и не компенсирует затрат, произведенных государством для привлечения к уголовной ответственности.

Представляется, что недавнее введение в УК РФ института судебного штрафа также не мотивирует потерпевшего к обращению за уголовно-правовой охраной права авторства. Лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред (ст. 76.2 УК РФ). Согласия потерпевшего при этом не требуется.

В России применяется комплекс организационно-правовых мер борьбы с плагиатом в сфере образования и науки [23]. По словам председателя ВАК В. Филиппова, основной акцент сделан, прежде всего, на повышении репутационной ответственности организации, при которой создан и действует диссертационный совет [4]. Постепенно разворачивается система обеспечения авторских прав, основанная на технологии блокчейн [35; 40, с. 8; 38, с. 517-518]. Эти меры, бесспорно, важные,

трудно признать достаточными. Вопрос требует решения, в том числе, при помощи мер уголовно-правового характера. О неэффективности одних лишь гражданско-правовых, административно-правовых мер охраны права авторства и о целесообразности сохранения уголовной ответственности за плагиат говорится в ряде исследований, в том числе недавних [30, с. 12,16-17; 26, с. 20; 28, с. 11]. В отсутствие единых моральных установок, касающихся ценности права авторства, превентивную функцию уголовно-правовой ответственности игнорировать не следует.

Список использованных источников:

1. Абрамова Н. Ю. Проблема плагиата в научных работах / Н.Ю. Абрамова // Научная периодика: проблемы и решения. – 2011. – № 2.
2. Бычков А.И. Книжная отрасль в России: традиции и пути развития / А.И. Быčkoвa. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. – 232 с. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Добрынина Т.В., Севостьянов В.Л. Правовая защита интеллектуальной собственности в Интернете // Имущественные отношения в РФ. – 2010. – № 4. – С. 56-64. Цит. по: Чекулаев С.С., Бирюкова Е.Н. Сравнительно-правовой анализ интеллектуального права России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / С.С. Чекулаев, Е.Н. Бирюкова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2018. – № 2. – С. 113 – 117 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Емельяненко А. Защита от диссертации // Рос. газета. – 2017. – 24 ноября. – № 267 (7433).
5. Желудков М.А. Уголовно-правовые проблемы при определении объекта преступлений в сфере интеллектуальной собственности / М.А. Желудков, В.Н. Чернышов, М.Н. Кочеткова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 2. – С. 110 – 118 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кодекс РФ об административных правонарушениях: ФЗ РФ от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в посл. ред.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
7. Козаченко И.Я. Нравственный потенциал уголовной ответственности / Нравственные основы уголовной ответственности: Коллективная монография по материалам XIV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора М.И. Ковалева (Екатеринбург, 15-18 февраля 2017 года) / И.Я. Козаченко. – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2018.
8. Коробеев А.И. Советская уголовная политика, проблемы криминализации и пенализации / А.И. Коробеев. – Владивосток, 1987.

9. Коробеев А.И. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? / А.И. Коробеев, А.А. Ширшов // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 68-72 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Красноярский студент и краевая филармония отвечали в суде по делу о «плагиате» // <https://news.mail.ru/society/24010124/?frommail=1> (дата обращения – 19 ноября 2015 г).

11. Крылова К.Н. Уголовно-правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации, Франции и Швейцарии (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Крылова Ксения Николаевна. – М., 2014. – 34 с.

12. Кудрявцев В.Н. Основания уголовно-правового запрета / В.Н. Кудрявцев, П.С. Дагель, Г.А. Злобин, С.Г. Келина, Г.Л. Кригер, Т.И. Минаева, А.М. Яковлев. – М.: Издательство «НАУКА», 1982.

13. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды / Предисловие академика В.Н. Кудрявцева / Н.Ф. Кузнецова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.

14. Кульков М. Фирма «Кульков, Колотилов и партнеры» представляет подборку наиболее ярких прецедентов судебной практики в сфере авторского права за апрель – май 2018 г. / М. Кульков, А. Чиликова, В. Манько // ИС. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 7. – С. 69-73 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Курманов А.С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2011 / Курманов Альберт Сафуатович. – Екатеринбург, 2011. – 47 с.

16. Лепина Т.Г. Противодействие нарушениям авторских и смежных прав: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лепина Татьяна Геннадьевна. – М., 2010. – 22 с.

17. Мацкевич И.М. Причины экономической преступности: учебное пособие [Электронный ресурс] / И. М. Мацкевич. – М.: Проспект, 2017. – 272 с. // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

18. Мужчинский А. Защити свой диплом от воровства / А. Мужчинский // Городские новости. – 2017. – 28 ноября. – № 137 (3595).

19. Муха О. Я. Критерии истинности и научности постмодернистского знания / О.Я. Муха // Вестник ПСТГУ. – Серия 1: Богословие. Философия. – 2012. – Вып. 1(39).

20. Нагородская В.Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л.А. Новоселовой / В.Б. Нагородская. – М.: Проспект, 2019. – 128 с. // СПС «КонсультантПлюс».

21. Новиков В.А. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного законодательства об ответственности за нарушение авторских и смежных

прав / В. А. Новиков // ИС. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 2. – С. 63-68 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Овчинникова К.О. Сравнительный анализ уголовной ответственности за нарушение авторских прав в России и США / Обеспечение прав и свобод человека в современном мире : материалы конференции : в 4 ч. – Ч. 3 / К.О. Овчинникова. – М.: Проспект, 2017.

23. О порядке присуждения ученых степеней: Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (в посл. ред.) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 40 (Часть III). – Ст. 5074.

24. Пархомов В. А. Плагиат как угроза модернизации экономики / В. А. Пархомов // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 1 (69).

25. Проблемы российской уголовной политики / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Проспект, 2014.

26. Пучков Д. В. Уголовно-правовая защита интеллектуальной собственности в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Пучков Денис Валентинович. – Екатеринбург, 2013. – 27 с.

27. Савенко Г.В. Досудебные экспертные заключения в земельных спорах и судебная землеустроительная экспертиза: современные проблемы / Г.В. Савенко. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – 284 с. // СПС «КонсультантПлюс».

28. Савранский В.А. Преступные посягательства на интеллектуальную собственность: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук / Савранский Владислав Александрович. – М., 2017. – 185 с.

29. Усольцева С.В. Проблемы правовой квалификации неправомерных действий по созданию произведений науки для третьих лиц / С. В. Усольцева // Lex russica. – 2018. – № 12. – С. 25-36 // СПС «КонсультантПлюс».

30. Фирсов М.Л. Преступления в сфере авторских и смежных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Фирсов Максим Леонидович. – М., 2013. – 31 с.

31. Чайков М.Ю. Мнимое соавторство в промышленной собственности / М.Ю. Чайков // ИС. Промышленная собственность. – 2019. – № 1. – С. 21-24 // СПС «КонсультантПлюс».

32. Чернышов В.Н., Кочеткова М.Н. Уголовно-правовая охрана авторских прав в сети Интернет как элемент обеспечения безопасности информационного общества / В. Н. Чернышов, М. Н. Кочеткова // Современное право. – 2018. – № 7-8. – С. 103 – 109 // СПС «КонсультантПлюс».

33. Шестаков А. Возможности n’RIS для создателей творческой интеллектуальной собственности / А. Шестаков // <https://ipchain.ru/association/news/> (дата обращения – 7 апреля 2019 г.).

34. Юрков С.А. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны авторских и смежных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Юрков Сергей Александрович. – М., 2013. – 30 с.

35. Holland M. Intellectual property protection of 3D print supply chain with blockchain technology. 2018 IEEE International Conference on Engineering, Technology and Innovation (ICE/ITMC), DOI: 10.1109/ICE.2018.8436315 / M. Holland, J. Stjepandić, C. Nigischer // <https://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?tp=&number=8436315>.

36. Martin D.E. Plagiarism, Integrity and Workplace Deviance: A Criterion Study / D.E. Martin, A. Rao, L.R. Sloan // *Ethics and Behavior*. – 2009. – 19(1).

37. Novoselova L. Legal aspects of blockchain's technology applicability for registration of intellectual rights. MATEC Web of Conferences 170, 01085 (2018) SPbWOSCE-2017 / L. Novoselova, E. Grin // <https://doi.org/10.1051/matec-conf/201817001085>.

38. Ruzakova O.A. Application of blockchain technologies in systematizing the results of intellectual activity / O.A. Ruzakova, E. S. Grin // *Perm University Herald. Juridical Sciences*. – 2017. – Issue 38.

39. Savelyev A. Copyright in the blockchain era: promises and challenges / A. Savelyev // *Computer Law and Security Review*. – June 2018. – Vol. 34. – Issue 3.

40. Suzuki B. Blockchain: how it will change your legal practice / B. Suzuki, T. Taylor, G. Marchant // *Computer and Internet Lawyer*. – July 1, 2018. –Vol. 35. – Number 7.

УДК 343.373.5

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ОТ 25 ИЮНЯ 2019 Г. № 18 «О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 238 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

© С.В. Староватова

Сибирский федеральный университет

Актуальность проблемы обеспечения безопасности товаров, продукции, работ, услуг в нашей стране мало у кого вызывает сомнения, потому что речь идет о здоровье населения в целом. Появлению Постановления Пленума послужили остро вставшие проблемы, с которыми сталкиваются потребители товаров, работ и услуг о несоответствии их требованиям безопасности, представляющих угрозу их жизни и здоровью, резонансные уголовные дела, возбужденные по данной статье, формальный подход к квалификации соответствующих деяний,

участвовавшие случаи необоснованного уголовного преследования субъектов предпринимательской деятельности.

В целях решения названных проблем и обеспечения единообразного применения судами законодательства 25 июня 2019 года было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного Кодекса Российской Федерации». Стоит отметить, что Пленум впервые обратился к вопросу уголовной ответственности лиц виновных в производстве, хранении, перевозке, сбыте товаров и продукции, а также выполнении работ и оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Частично разъясняли вопросы безопасности товаров и услуг в отдельных сферах народного хозяйства постановления Верховного Суда СССР 1985 года № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за выпуск из промышленных предприятий недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции и за выпуск в продажу таких товаров в торговых предприятиях» и 1984 года № 20 «Об ответственности руководителей самодеятельных туристских групп за нарушение правил безопасности при проведении походов и путешествий, повлекшее гибель людей или иные тяжкие последствия», которые утратили свою юридическую силу в связи с принятием Постановления Пленума ВС РФ № 18.

На наш взгляд, можно констатировать наличие в данном Постановлении Пленума ВС РФ нормативных предписаний уголовно-правового характера, которые разъясняют смысл положений ст. 238 УК РФ, а также дополняют, развивают либо изменяют содержание существующих уголовно-правовых норм. При этом наибольшее число положений Постановления носят разъяснительный характер и направлены на единообразное применение судами законодательства об уголовной ответственности за производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, с одной стороны, и за неправомерные выдачу или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности[1], с другой стороны.

Частью 1 статьи 238 УК РФ предусмотрены два состава преступления отличающиеся друг от друга предметом преступления и объективной стороной. Предметом одного из них являются товары, продукция, работы или услуги, не отвечающие требованиям безопасности, а предметом второго – официальные документы, удостоверяющие соответствие их требованиям безопасности. В п. 1 Постановления Пленума при обозначении предмета первого состава преступления даны уточняющие критерии характеристики товаров и продукции, работ, услуг: состав, конструкция,

свойства, качество, что позволяет не абстрактно говорить о предмете преступления, а более конкретно и единообразно охарактеризовать его.

Не маловажным является и уточнение перечня источников, закрепляющих требования по безопасности: законы («О защите прав потребителей», «О качестве и безопасности пищевых продуктов», «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», «О техническом регулировании» и др.); Технические регламенты Таможенного союза («О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков», «Безопасность лифтов», «О безопасности пищевой продукции»); международно-правовые акты; иные нормативные правовые акты Российской Федерации, принятые в соответствии с международными документами.

В п. 1 Постановления Пленум в дополнении к «несоответствие требованиям безопасности» указал на последствия совершенного преступления - товары, продукция, работы или услуги являются опасными для жизни или здоровья человека [1]. То есть появляются последствия в виде причинения вреда опасного для жизни и здоровью человека, что позволяет избежать формального, субъективного подхода к квалификации противоправного деяния. Для квалификации деяния по ст. 238 УК РФ необходимо установить два момента: первое, соответствует или не соответствует продукция требованиям безопасности, и второе – представляет или не представляет она реальную опасность для жизни или здоровья человека.

Вопрос о понимании опасности разъяснен в п. 2 Постановления Пленума. О реальной опасности может свидетельствовать: на момент производства, хранения, перевозки или сбыта - наличие в них веществ или конструктивных недостатков, которые при употреблении или ином использовании этих товаров и продукции в обычных условиях могли повлечь смерть или причинение тяжкого вреда здоровью человека; при выполняемых (выполненных) работах или оказываемых (оказанных) услугах - такое их качество, при котором выполнение работ или оказание услуг в обычных условиях могло привести к указанным тяжким последствиям [1].

Понимая, что судьи при принятии решения о наличии или отсутствии реальной опасности жизни и здоровью человека руководствуются своим собственным опытом и внутренним убеждением, не имея специальных знаний в области решаемого вопроса, в абз. 3 п. 2 Постановления прямо указано о необходимости иметь в распоряжении суда соответствующих заключений экспертов или специалистов, имеющих специальные знания, для установления характера опасности тех или иных товаров, продукции, работ или услуг.

Поскольку непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ является здоровье людей, то на наш взгляд совершенно справедливо в п. 4 Постановления в качестве потерпевшим по уголовному делу о таком преступлении может быть признано физическое лицо независимо от того, состояло ли оно в договорных отношениях с причинителем вреда или нет. Делая такое разъяснение Пленум дифференцирует ответственность лица, причинившего вред не в зависимости от вида специальных правил, а по сфере действия уголовно-правовой нормы.

В пункте 7 Пленум обращает внимание на то, что необходимым условием наступления уголовной ответственности является совершение деяний (производство, хранение, перевозка) в целях сбыта. Под сбытом принято понимать любые способы возмездной или безвозмездной передачи товаров или продукции другим лицам (продажа, дарение, возврат долга, взаимозачет и пр.) [1]. В Постановлении Пленума же говорится только о возмездных отношениях при определении наличия цели сбыта количество (объем), предпродажная подготовка, рекламирование, наличие договоренности с торговыми организациями, потребителями об их реализации, размещение товара, продукции в местах торговли и т.п.

Не осталось без внимания Пленума и поведение субъекта, направленное на использование им официального документа, удостоверяющего соответствие товаров, работ или услуг требованиям безопасности. В п. 9 обозначено три случая неправомерного использования официального документа: использование официального документа, удостоверяющего соответствие требованиям безопасности (умышленные действия держателя такого документа, которые состоят в его предъявлении с целью подтверждения соответствия требованиям безопасности товаров, работ, услуг, не отвечающих этим требованиям); использование незаконно полученного официального документа; использование официального документа, действие которого приостановлено или прекращено.

В п. 8 Постановления обозначено, что официальным документом является тот документ, который согласно закону или иному нормативному правовому акту призван удостоверять соответствие товаров, продукции, работ или услуг требованиям безопасности [1]. К уголовной ответственности за неправомерную выдачу официального документа по ст. 238 УК может быть привлечено только лицо, уполномоченное выдавать такой документ от имени компетентного органа.

Неправомерной выдачей официального документа признается ряд действий - составление такого документа, внесение изменений в уже существующий документ, заверение документа, предоставление его заинтересованному лицу и прочие действия, совершаемые в целях удостоверения соответствия товаров, продукции, работ или услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Если

лицо, уполномоченное выдавать официальный документ от имени компетентного органа только составил его, либо внес в него изменения, но не предоставил заинтересованному лицу, то квалифицировать такие действия по ст. 238 УК РФ нельзя.

В п. 10 Постановления Пленума, в случае если лицо произвело в целях сбыта товары или продукцию, затем осуществило в отношении этих же товаров, продукции хранение, перевозку в целях сбыта, сбыло их, используя неправомерно официальный документ, то содеянное не образует совокупности преступлений и не требуется самостоятельной квалификации каждого из перечисленных действий по статье 238 УК РФ). В случае же, производства, хранения, перевозки, сбыта, неправомерного использования официальных документов относится к разным товарам, работам и услугам не соответствующим требованиям безопасности. По нашему мнению следует квалифицировать со совокупности преступлений. Для недопущения расширительного толкования этой нормы необходимо установить реальность опасности оказываемой услуги, выполняемых работы или производство, хранение, перевозка, сбыт товаров, неправомерное использование официальных документов, и явную причинно-следственную связь между допущенным нарушением и наступившими последствиями. Сам по себе факт формального несоответствия товара или услуги обязательным требованиям не может являться основанием для привлечения к уголовной ответственности. По этому вопросу еще в 2007 году дал такие разъяснения: «ответственность за предусмотренное ею (ст. 238 УК РФ) преступление возможна лишь при условии доказанности не только самого факта производства, хранения или перевозки в целях сбыта либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, но и опасности этих действий для жизни или здоровья потребителей, а также наличия у совершившего их лица, независимо от организационно-правовой формы его деятельности, осознания характера своих действий и их несоответствия требованиям безопасности...» [2]. Несмотря на наличие этого Определения до последнего времени правоприменительная практика оставалась нестабильной. Так, Верховный Суд заострил в п. 13 Постановления внимание на то, что при рассмотрении дел о преступлении, предусмотренном статьей 238 УК РФ, как в общем порядке, так и в особом порядке судебного разбирательства суд, установив факты правонарушения обязан в обвинительном приговоре или ином итоговом решении привести нормативные правовые акты, в которых закреплены соответствующие требования, указать, в чем именно выразились несоответствие товаров, продукции, выполнения работ или оказания услуг данным требованиям, их опасность для жизни или здоровья человека, а в случаях причинения тяжкого вреда здоровью или смерти

человека также указать на наличие причинной связи между действиями (бездействием) виновного и наступившими последствиями.

По поводу субъекта, привлекаемого к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 238 УК РФ в п. 5 и п. 8 Постановления Пленума даны такие разъяснения: им может являться руководитель организации, независимо от ее организационно-правовой формы, индивидуальный предприниматель, их работник, так и лицо, фактически осуществляющее производство и оборот продукции и товаров, выполнение работ, оказание услуг без соответствующей государственной регистрации; лицо, уполномоченное выдавать официальный документ от имени компетентного органа.

При определении субъекта рассматриваемого преступления у судов часто возникали затруднения. Так, некоторые суды ограничивали круг субъектов преступления собственниками организации, ее руководителем, признавали в качестве такового индивидуального предпринимателя. Другие лица не входили в число привлекаемых к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ, что исключало возможность привлечения к ответственности физического лица (осуществляющего предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, работника этой организации, и юридических лиц без соответствующей государственной регистрации).

В отношении работника организации возможно возбудить уголовное дело по ч. 1, либо по п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ только в случаях если это лицо, на момент причинения вреда жизни или здоровью человека, было уполномочено осуществлять определенную деятельность, связанную с обеспечением безопасности товаров, работ, услуг; если это деяние совершено группой лиц по предварительному сговору или организованной группой [3]. В других случаях рядового работника организации к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ привлечь нельзя.

Еще одним проблемным вопросом являлось, то что в ст. 238 УК РФ нет указания на организационно-правовую форму самой организации, и на первый взгляд из числа круга лиц, которых можно было привлечь к уголовной ответственности выпадали не коммерческие организации, фонды, ассоциации, союзы, религиозные организации, политические партии, которые осуществляют предпринимательскую деятельность, но не являются коммерческими. Закрепив в п. 5 разъяснения по этому вопросу Пленум устранил и эту неопределенность.

Преступления, предусмотренные ст. 238 УК РФ являются преступлениями с двумя формами вины. Характеризуя субъективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ Пленум в п. 6 определил, что деяния, перечисленные в статье 238 УК РФ, охватываются умышленной формой вины. В связи с этим при решении вопроса о наличии в действиях (бездействии) лица состава

такого преступления суду необходимо устанавливать, что несоответствие товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг требованиям безопасности охватывалось его умыслом. Если в результате производства, хранения перевозки и сбыта товаров (выполнения работ, оказания услуг), а также неправомерных выдачи или использования документа, удостоверяющего соответствие требованиям безопасности, по неосторожности причиняется тяжкий вред здоровью либо смерть, такое преступление квалифицируется как совершенное умышленно по статье 27 УК РФ.

Если же в результате производства, хранения, перевозки в целях сбыта или сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, а также неправомерных выдачи или использования официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, продукции, работ или услуг требованиям безопасности, причиняются по неосторожности тяжкий вред здоровью либо смерть, то в целом такое преступление признается совершенным умышленно, то при определении виновности лица используются правила привлечения к уголовной ответственности указанные в ст. 27 УК РФ.

Пленум не обошел вниманием вопрос об отграничении деяний, предусмотренных ч. 1, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ, от административных правонарушений. Так, в п. 3 Постановления Пленума предложен критерий разграничения уголовно наказуемых деяний и сходных административных правонарушений - отсутствие общественно-опасных последствий (реальной опасности) причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека.

Но не во всех случаях этот критерий может решить возникшие проблемы и вопрос о разграничении административной и уголовной ответственности остается открытым. Так, в ч. 2 ст. 14.43, ч. 3 ст. 14.44 КоАП РФ законодатель указывает на последствия при нарушении технических регламентов – «действия, повлекшие причинение вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений либо создавшие угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений» [4]. Хотелось еще обратить внимание, на то, что в КоАП РФ предусмотрен более широкий круг объектов охраны - это жизнь и здоровье граждан, имущество (различных форм собственности), окружающая среда, жизнь и здоровье животных и растений.

На наш взгляд для устранения этих противоречий необходимо внести изменения в КоАП РФ и исключить из ч. 2 ст. 14.43, ч. 3 ст. 14.44 действия, повлекшие причинение вреда жизни или здоровью граждан, окружающей среде.

В п. 3 Постановления Пленума ВС РФ наряду с составами административных правонарушений, предусмотренных ст. ст. 14.4, 14.43, 14.44 КоАП РФ говорится и о других действиях, связанных с оборотом товаров и продукции, выполнением работ или оказанием услуг, не соответствующих требованиям нормативных правовых актов, которые по нашему мнению охватываются ст. 14.4 КоАП РФ [1]. Следовательно, для устранения произвольного толкования этой части п. 3 Постановления Пленума необходимо исключить указание на «другие действия, связанные с оборотом товаров и продукции, выполнением работ или оказанием услуг, не соответствующих требованиям нормативных правовых актов».

В Постановлении Пленума № 18 даны разъяснения по вопросу применения общих и специальных норм. Так в п. 11 Постановления сказано, что если уголовная ответственность за нарушение специальных требований или правил установлена в других статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, то содеянное не должно квалифицироваться по статье 238 УК РФ независимо от того, совершены эти деяния при производстве или обороте товаров и продукции, выполнении тех или иных работ, оказании услуг. Например, нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств при оказании услуги по перевозке пассажиров, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, следует квалифицировать по части 5 статьи 264 УК РФ, а не по части 3 статьи 238 УК РФ [1]. Лицо, непосредственно управляющее транспортным средством, по чьей вине произошло дорожно-транспортное происшествие, может быть привлечено только по ст. 264 УК, которая является специальной нормой по отношению к ст. 238. При этом, например, медработник, необоснованно допустивший нетрезвого водителя к рейсу, может быть привлечен по ч. 1 или п. «а», «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Если разграничение конкуренции общих и специальных норм в Постановлении Пленума есть, то разграничение специальных норм оставлено на усмотрение правоприменителей. В данном случае возникает конкуренция не только между двумя составами преступлений, но и между самими специальными правилами. Это порождает принятие судами в однотипных ситуациях разных решений и требует дальнейшей детальной проработки.

В пункте 8 Пленум указывает, что подделка официального документа должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 237 УК. Действия лица, не обладающего признаками специального субъекта этого преступления, подделавшего официальный документ, удостоверяющий соответствие товаров, продукции, работ или услуг требованиям безопасности, в целях его использования либо сбыта, квалифицируются по части 1 статьи 327 УК РФ. К ответственности по статье 238 УК РФ за

неправомерную выдачу официального документа может быть привлечено только лицо, уполномоченное выдавать такой документ от имени компетентного органа.

В п. 12 Пленум обращает внимание судов на то, что незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной или спиртосодержащей продукции, стоимость которой превышает сто тысяч рублей, если эта продукция являлась опасной для жизни или здоровья человека, образуют совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 171.3 и ст. 238 УК РФ.

Пленум в п. 14 Постановления дает рекомендации судам на осуществления дополнительных процессуальных действий, в случае выявления при рассмотрении уголовного дела по ст. 238 УК РФ обстоятельств, способствовавших совершению преступления, нарушений прав и свобод граждан, а также других нарушений закона, допущенных при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ выносить частные определения или постановления, обращая внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер для их устранения [5].

Разрешение этих сложных и запутанных вопросов, поможет стабилизировать судебную практику и повысит определенность уголовного законодательства.

Проанализированные нами разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации должны устранить противоречия в квалификации, в частности исключить формальный подход и не допустить расширительного толкования диспозиции статьи 238 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // <https://www.garant.ru>. Дата обращения 09.09.2019.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 № 805-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кислицыной Натальи Константиновны на нарушение ее конституционных прав статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // <https://www.garant.ru>. Дата обращения 09.09.2019.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. От 02.08.2019 // <https://www.garant.ru>. Дата обращения 09.09.2019.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // <https://www.garant.ru>. Дата обращения 09.09.2019.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // <https://www.garant.ru>. Дата обращения 09.09.2019.

УДК 343.34

ПРИЗНАКИ КРИЗИСА СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

© П.Л. Сурихин

Сибирский федеральный университет

Результаты фундаментальных исследований позволяют утверждать, что в целом проблематика уголовного наказания остается в числе недостаточно разработанных [1, с. 3]. До настоящего времени в теории уголовного права не сформирована устойчивая, а соответственно и эффективная модель системы наказаний.

Попытаемся понять в чем камень преткновения. За исходную точку наших размышлений возьмем одно из общепринятых утверждений в теории уголовного права о том, что система уголовных наказаний это перечень видов наказаний, изложенных по мере увеличения их строгости [7, с. 303]. Для человека, знакомого с общей теорией систем, в этой части сразу обращает на себя внимание такой факт – данное понятие и его определение весьма произвольно использует термин «система». Дело в том, что «система» – это весьма конкретная «конструкция», обладающая рядом обязательных признаков. Так у нее всегда имеют место быть, как минимум: цель, органы управления, органы исполнения, вход, выход, связи между этими элементами [2; 5].

При такой ситуации логично задаться вопросом: а рассматриваемый перечень видов наказаний какими признаками системы обладает? Очевидным будет следующий ответ: он такими признаками совсем не обладает, он есть только часть системы наказаний, которую в теории уголовного права явно не выделяют, но объективно она существует, к сожалению, не в лучшем состоянии.

В тексте уголовного закона можно обнаружить «недостающие» признаки рассматриваемой системы. Статья 43 УК РФ описывает цель наказания, ст. 14 определяет понятие преступления, что есть орган управления наказанием (наказание само по себе бессмысленно без преступления, как в нормативном, так и в практическом ключе; преступление есть причина наказания). Статья 44 УК РФ содержит известный перечень видов наказаний – это органы исполнения системы.

Вход и выход в нашем случае не формализованы в законе, но подразумевают под собой, соответственно общественно-опасное поведение и общественно-полезное поведение.

Эта собранная нами «конструкция» элементов, которую мы называем, теперь уже вполне обоснованно, системой наказаний, будет являться таковой фактически, а не по названию, только в случае обеспечения достижения целей наказания. Качество и степень достижения целей наказания будет в нашем случае показателем эффективности системы.

Таким образом, современное общепринятое представление о системе уголовных наказаний не полно. Подобная недостоверная ситуация изначально предполагает ошибки как в построении норм права, так и в принятии решений по уголовным делам. Рассмотрим некоторые из них.

1. Рассмотрение видов наказаний вне контекста целей наказания допускает классифицировать наказания по мере их строгости и использовать практически эту классификацию при избрании наказания. Здесь мы решаем вопрос, который отвлекает нас от главного – эффективности наказания, т.е. способности конкретного вида и размера наказания обеспечить достижение целей наказания (ст. 43 УК РФ). Другими словами виды наказаний следовало бы классифицировать не по мере их абстрактной строгости, а по мере их эффективности достижения целей наказания, способности исключать целесообразность общественно-опасного поведения.

Строгость или мягкость наказания не столь важны в рассматриваемом контексте, если цели наказания будут недостигнуты. Например, до 2007 г. исправительные учреждения были переполнены осужденными к лишению свободы, но уровень преступности оставался высоким и продолжал расти. С 2007 г. количество осуждаемых к реальному лишению свободы сокращается, но резко сокращается и уровень преступности. Это происходит на фоне или возможно даже по причине увеличения динамики таких видов наказаний как штраф, исправительные и обязательные работы. Лишение средств к существованию или угроза такого лишения сегодня весьма эффективно предупреждает общественно-опасное поведение определенной категории лиц.

2. Эффективность наказания невозможно определить вне контекста преступления. Преступление «определяет» наказание. На это указывает принцип справедливости (ст. 6 УК РФ), который предписывает учитывать при наказании характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного. Но справедливость не должна быть абстрактной, она не есть самоцель, наказание должно быть справедливым, т.е. оптимальным, вид и размер его должны быть необходимыми и достаточными для достижения

целей наказания. Если наказание не «управляется» преступлением, то оно «управляется» чем-то иным, возможно не определенным УК РФ. Каждому виду преступления должно быть предусмотрено адекватное наказание, которое блокирует целесообразность подобного общественно-опасного поведения.

Более того, наказание в большей степени должно определяться не преступлением, а преступником, как его (преступления) признаком [6, с. 77]. Наказание применяется не к преступлению, а к преступнику. В отношении одного преступника (в контексте признака преступления) эффективным будет штраф, для другого только лишение свободы.

Признак «преступление» в системе уголовных наказаний, в его наиболее полном понимании, дает возможность изначально определять актуальный перечень эффективных наказаний.

3. Предполагаемые нами вход и выход системы уголовных наказаний позволяют практически оценить эффективность наказания, т.е. меру достижения целей наказания. С помощью данного признака мы можем проверять адекватность либо непригодность или даже устанавливать недостаточность элементов исполнения системы. Например, одно и тоже наказание в определенных случаях способно обеспечить общественно-полезное поведение преступника на весь будущий период времени (наказание делает общественно-опасное поведение преступника нецелесообразным), а в других случаях только на период его применения. Более того, анализ входа и выхода системы позволяет утверждать, что существующий перечень наказаний в отношении отдельных категорий преступников на сегодня вообще не содержит адекватного наказания (наказание не обеспечивает целесообразность общественно-полезного поведения).

4. Что касается связей элементов системы, то для нас, в контексте рассматриваемой проблемы, представляет интерес «обратная связь» выхода и цели системы. Она предполагает, что устойчивое общественно-полезное поведение преступника, сформированное в результате применения наказания, будет искомым, истинным, если будет соответствовать целям системы уголовных наказаний: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение преступлений. Если общественно-полезное поведение преступника не отвечает всем трем элементам цели, это свидетельствует о неадекватности наказания преступлению. В данной ситуации наказание требует корректировки, если она технически и юридически возможна. В противном случае механизм уголовно-правовой охраны не будет работать.

Попытаемся практически проиллюстрировать проблемы существующей системы уголовных наказаний. Рассмотрим две наиболее актуальных на сегодняшний день ситуации: получение взятки и немедицинское потребление наркотиков.

Получение взятки как преступление чрезвычайно латентно в силу своей природы. Статистически оценить ситуацию объективно невозможно. Тем не менее, даже по части можно судить о целом. Получением взяток грешат даже министры, берут, миллионами долларов [3]. Таким образом за период «службы государству» должностное лицо будучи криминально настроенным способно освоить внушительную сумму, которая может быть скрыта от правоохранительных органов или просто на порядок перекрывать любой возможный уголовный штраф. И лишение свободы должностного преступника, как правило непродолжительное, здесь никак не исправит ситуацию, добытые преступным путем деньги и имущество будут хорошими «подъемными» после отбытия наказания.

В обозначенной ситуации проявляется серьезная проблема адекватности санкций за совершение коррупционных преступлений. Адекватности, т.е. соответствия целям наказания: восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденного, предупреждению совершения новых преступлений. Система уголовных наказаний сегодня в принципе не содержит какого-либо адекватного наказания для данного вида преступлений. Для сведения: ранее в УК РСФСР за неквалифицированное получение взятки предусматривалось лишение свободы до десяти лет и обязательная конфискация имущества, а за особо квалифицированное – обязательная конфискация имущества и смертная казнь. Современная система наказаний не имеет в арсенале этих видов наказания. Не затрагивая проблематики смертной казни, зададимся вопросом, что препятствует использованию конфискации как вида наказания? Потребность в этом виде наказания сегодня уже обоснована на уровне фундаментальных исследований [1, с. 13].

Стоило бы задуматься и о создании новых, современных видов наказаний для коррупционеров, которые делали бы их преступную деятельность бессмысленной.

Другая весьма проблемная ситуация, вскрывающая острые недостатки системы наказаний, связана с немедицинским потреблением наркотиков (имеем в виду преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ). Так допустим привлекли наркомана к уголовной ответственности, суд должен определить наказание. Санкция статьи в нашем случае предусматривает альтернативу видов наказаний: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение либо лишение свободы. Какое из перечисленных наказаний может исключить немедицинское потребление наркотика осужденным наркоманом? Учитывая личность подсудимого, можно предположить, что только лишение свободы при условии идеального его исполнения, но практически даже данный вид наказания не сможет этому препятствовать [4, с. 5-6].

Более того, а сама существующая система уголовных наказаний предусматривает адекватное эффективное наказание за преступление, предусмотренное ст.

228 УК РФ? Из предусмотренных ст. 44 УК РФ – это наверно только смертная казнь, но ее применение по данному преступлению недопустимо законом (ч. 1 ст. 59 УК РФ). Стоит также признать, что в нашем случае смертная казнь нарушает принцип экономии уголовно-правовой репрессии.

Рассмотренная ситуация также требуется решать проблему поиска недостающего адекватного наказания, лишаящего смысла немедицинское потребление наркотиков.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что сама система наказаний изначально, будучи лишенной полноты системности, не обеспечивает достижения своих целей.

Таким образом, признаки указывающие на кризисное состояние системы уголовных наказаний можно сформулировать следующим образом:

1. Современное представление о наказании не системно, это практически блокирует эффективность наказания, что особо остро проявляется в части отдельных видов наказаний.

2. Перечень видов наказаний на сегодня определен в большей степени произвольно, в отрыве от целей наказания. В то время как наказание должно лишать смысла совершать преступление в текущей социальной среде, в результате чего и должны достигаться цели наказания.

3. Наказание ошибочно оценивается его строгостью, что лишает адекватности его применения. Наказание должно дифференцироваться по мере эффективности применительно к конкретному виду преступления и преступника.

4. Существующий перечень наказаний не адекватен текущему моменту, не отвечает существующим угрозам. Изменяется социальная среда (или ее кто-то изменяет), она изменяет человека, должны своевременно приводиться в соответствие и виды наказаний, чего, к сожалению, мы не наблюдаем.

Список использованных источников:

1. Бытко С.Ю. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.08 / Бытко Сергей Юрьевич. – Саратов, 2018. – 48 с.

2. Гайдес М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ) [Электронный ресурс] / М.А. Гайдес – 2005. – Режим доступа: <http://www.хаос.ru>.

3. Дно пробито. Министр Улюкаев пойман при получении взятки в два миллиона долларов [Электронный ресурс]. // lenta.ru. Режим доступа: // URL:// <https://lenta.ru/articles/2016/11/15/ulyukaevcorruption/> (Дата обращения 15.11.2016 г.)

4. Егорова Т.И. Опыт противодействия распространению наркотических, средств, психотропных веществ и их аналогов в местах лишения свободы (по материалам УФСИН России по Тульской области) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 11(186). С. 15-20.

5. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ: учеб. пособие / Ю.П. Сурмин. – Киев: МАУП, 2003. – 368 с.

6. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть: учебник / под ред. А.И. Марцева. М., 2006. – 408 с.

7. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв ред. А.Н. Тарбагав. М., 2016. – 448 с.

УДК 343.352

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ: КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

© П.В. Тепляшин

Сибирский юридический институт МВД России

Одной из задач Плана противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2018-2020 годы выступает совершенствование системы запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Именно данный блок мер является наиболее перспективным в развитии эффективной антикоррупционной политики в уголовно-исполнительной сфере.

В целях более содержательного понимания антикоррупционных мер безопасности в уголовно-исполнительной сфере их целесообразно подвергнуть классификации. Критерии такой классификации могут быть различными. В зависимости от временного периода применения мер безопасности в уголовно-исполнительной сфере они могут быть бессрочными и срочными. В качестве бессрочных мер безопасности может выступать обязанность федеральных государственных служащих уголовно-исполнительной системы уведомлять соответствующее лицо (зависит от уровня занимаемой должности уведомителя) о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов. В частности, на основании п. 4 Порядка уведомления федеральными государственными служащими уголовно-исполнительной системы о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может

привести к конфликту интересов, утвержденного приказом ФСИН России от 1 августа 2016 года № 617, при первой появившейся возможности государственный служащий обязан представить уведомление о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов. Примером срочных мер могут выступать требования антикоррупционных правил безопасности по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов в организациях (учреждениях, предприятиях) уголовно-исполнительной системы. Так, в п. 10 Порядка принятия лицами, замещающими отдельные должности на основании трудового договора в организациях (учреждениях, предприятиях) уголовно-исполнительной системы, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной службой исполнения наказаний, мер по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов, утвержденного приказом ФСИН России от 29 июля 2015 года № 667, закреплено, что в течение одного рабочего дня поступившее уведомление о возможности возникновения конфликта интересов регистрируется в журнале регистрации уведомлений лиц, замещающих отдельные должности на основании трудового договора в организациях (учреждениях, предприятиях) уголовно-исполнительной системы, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной службой исполнения наказаний, о возможности возникновения конфликта интересов.

В зависимости от направленности и формы действия мер безопасности они могут подразделяться на меры пресечения и меры охраны. Меры пресечения предполагают конкретные требования к необходимому поведению федерального государственного служащего ФСИН России в случае возникновения соответствующего юридического факта, выступающего источником опасности. Ведь как справедливо отмечается ведущими специалистами в области антикоррупционных мер безопасности их реализация сопряжена с возникновением такого важнейшего основания как фактического (материального), которым выступает «юридический факт, с наличием которого закон связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений безопасности» [1, с. 88]. Соответственно, под мерами пресечения допустимо рассматривать обязанность служащего уведомлять обо всех случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений. Например, в соответствии с п. 2 Порядка уведомления федеральными государственными служащими Федеральной службы исполнения наказаний о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений, предусмотренного приказом ФСИН России от 29 мая 2010 года № 256, государственные служащие ФСИН России обязаны уведомлять представителя нанимателя, органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех

случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений. В свою очередь меры охраны ограждают объект охраны от вредоносного воздействия источника опасности, тем самым предупреждая любые коррупционные угрозы. Так, п. «к» ч. 7 Кодекса этики и служебного поведения сотрудников федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы, утвержденного приказом ФСИН России от 11 января 2012 года № 5, закрепляет, что сотрудники и федеральные государственные гражданские служащие, сознавая ответственность перед государством, обществом и гражданами, «призваны воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнение в добросовестном исполнении ими должностных обязанностей, а также избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб их репутации или авторитету уголовно-исполнительной системы».

Также в зависимости от уровня реализации антикоррупционных мер безопасности в уголовно-исполнительной сфере можно выделить меры на ведомственном уровне и на уровне конкретных учреждений уголовно-исполнительной системы в соответствующих субъектах Российской Федерации. Данные меры достаточно стандартизованы и фактически во многом «повторяют» меры ведомственного уровня. Так, п. 2. Порядка уведомления работников ГУФСИН России по Красноярскому краю о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений, утвержденного приказом ГУФСИН России по Красноярскому краю от 6 марта 2017 года № 81, устанавливает, что «работники обязаны уведомлять представителя нанимателя, органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений». В отдельных субъектах Российской Федерации данные меры представлены в усеченном объеме в сравнении с их «прототипами» ведомственного уровня. Например, в Кодексе этики и служебного поведения лиц, замещающих должности на основании трудового договора в Главном управлении Федеральной службы исполнения наказаний по Иркутской области, утвержденном приказом ГУФСИН России по Красноярскому краю от 15 февраля 2019 года № 130, отсутствует следующее антикоррупционное правило: «постоянно стремиться к обеспечению как можно более эффективного распоряжения ресурсами, находящимися в сфере его ответственности». Однако данное антикоррупционное правило закреплено в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы, утвержденном приказом ФСИН России от 11 января 2012 года № 5. В свою очередь Кодекс этики и служебного поведения лиц, замещающих должности на основании трудового договора в ГУФСИН России по Кемеровской области, утвержденный утвержденном

приказом ГУФСИН России по Кемеровской области от 29 января 2019 года № 55, содержит данное правило. Как представляется, отсутствие унифицированного подхода к закреплению антикоррупционных правил не обусловлено какими-либо территориальными особенностями и говорит о проблемах формирования антикоррупционных мер безопасности в уголовно-исполнительной сфере. Ведь подобная рафинированность правовых предписаний и отсутствие системного подхода к их закреплению может привести к проблемам при применении к служащим и работникам органов и учреждений уголовно-исполнительной системы мер дисциплинарной ответственности за несоблюдение антикоррупционных стандартов поведения.

С точки зрения юридической природы антикоррупционных мер безопасности в уголовно-исполнительной сфере они условно могут быть классифицированы на четыре группы:

1) программно-целевые (например, утвержденный директором ФСИН России 28 июня 2018 года План противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2018-2020 годы);

2) организационные (например, приказ ГУФСИН России по Свердловской области «Об организации приема подарков, полученных работниками ГУФСИН России по Свердловской области и подчиненных ему учреждений в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, и их оценки и для принятия к учету» от 20 марта 2017 № 244);

3) устанавливающие (например, Порядок представления гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы в уголовно-исполнительной системе, и федеральными государственными служащими уголовно-исполнительной системы сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, утвержденный приказом ФСИН России от 2 августа 2016 года № 618);

4) рекомендательные (например, Кодекс этики и служебного поведения лиц, замещающих должности на основании трудового договора в ГУФСИН России по Нижегородской области, утвержденный приказом ГУФСИН России по Нижегородской области от 31 января 2019 года № 39).

В связи с вышеизложенной классификацией необходимо сформулировать некоторые замечания. Так, кодекс этики и служебного поведения, по сути, выступает сводом морально-нравственных и профессионально-этических принципов поведения, имеющим преимущественно рекомендательный характер. Данный акт в целом может рассматриваться как один из источников антикоррупционных стандартов поведения в уголовно-исполнительной сфере. Однако следует тщательно выверять его содержание, поскольку иначе могут быть снижены

охранительные свойства закрепленных в данном кодексе антикоррупционных стандартов поведения. При этом рекомендательные акты предоставляют участнику соответствующих общественных отношений выбор вариантов поведения. В данном случае выбор основывается на уровне морально-нравственных свойств личности, но любой из выбранных вариантов поведения не должен противоречить правовым предписаниям. Как верно отмечает А.В. Кученев проблематичность «присутствия неправомερных действий, в том числе коррупционной направленности, в деятельности сотрудника ФСИН России, на которого возложена обязанность исполнять наказания, исправлять осужденного, обуславливается, как нам кажется, состоянием его правосознания» [2, с. 7]. Поэтому не понятно почему среди рекомендательных этических правил служебного поведения работников уголовно-исполнительной системы, закрепленных в п. «г» ст. 16 Кодекса этики и служебного поведения лиц, замещающих должности на основании трудового договора в ГУФСИН России по Пермскому краю, утвержденного приказом ГУФСИН России по Пермскому краю от 19 мая 2017 года № 403, закреплена рекомендация воздержаться от курения во время служебных совещаний, бесед, иного служебного общения с гражданами. Такое поведение нарушает запрет, закрепленный в п. 9 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» от 23 февраля 2013 года № 15-ФЗ, на курение табака на рабочих местах и в рабочих зонах, организованных в помещениях. Ответственность за нарушение данного запрета установлена в ст. 6.24. КоАП РФ («Нарушение установленного федеральным законом запрета курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах»), тогда как нарушение кодифицированных этических и рекомендательных правил поведения должно повлечь только общественное порицание, а не наступление юридической ответственности. Более того, несоблюдение этого правила сотрудником и федеральным государственным гражданским служащим выступает основанием для их привлечения к дисциплинарной ответственности.

Среди рекомендательных этических правил служебного поведения работников ГУФСИН России по Челябинской области, закрепленных в п. «г» ст. 12 кодекса этики и служебного поведения лиц, замещающих должности на основании трудового договора в аппарате ГУФСИН России по Челябинской области, утвержденного приказом ГУФСИН России по Челябинской области от 13 февраля 2019 года № 160, достаточно эфемерной и «дезориентирующей» выступает рекомендация воздержаться от угроз, оскорбительных выражений или реплик, действий, препятствующих нормальному общению или провоцирующих противоправное поведение. В частности, такая категория как «угроза» может предполагать и

уголовно наказуемое деяние (например, ст. ст. 110, 119 УК РФ). Можно резюмировать, что в реальной действительности разграничить неэтичное поведение и правонарушение (в том числе преступление) по такому признаку практически невозможно. Это обстоятельство крайне сильно занижает результативность антикоррупционных мер безопасности в уголовно-исполнительной сфере.

Также нельзя не отметить, что на основании п. «и» ч. 2 Общих принципов служебного поведения государственных служащих, утвержденных Указом Президента от 12 августа 2002 года № 885, государственные служащие, сознавая ответственность перед государством, обществом и гражданами, призваны «соблюдать нормы служебной, профессиональной этики и правила делового поведения». В свою очередь, согласно п. 9. Методических рекомендаций о порядке применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы общих принципов служебного поведения, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 года № 885, на практике, закрепленных в письме ФСИН России от 27 сентября 2011 года № 7-18004-02, сотрудник уголовно-исполнительной системы обязан соблюдать нормы служебной, профессиональной этики и правила делового поведения. Кстати, в отмеченных рекомендациях указано, что «для уголовно-исполнительной системы данный принцип является особенно актуальным, поскольку пенитенциарная деятельность, затрагивая «болевые точки» морали, протекает на фоне постоянных и весьма острых социальных противоречий». На основании вышеизложенного допустимо презюмировать, что для сотрудника уголовно-исполнительной системы соблюдение рассматриваемых кодифицированных этических норм обладает не рекомендательным, а во многом обязательным качеством.

Таким образом, представленные выше основные положения об антикоррупционных мерах безопасности в уголовно-исполнительной сфере определяют необходимость дальнейшего внедрения в криминологическую теорию и, в перспективе, правоприменительную практику органов и учреждений уголовно-исполнительной системы научно обоснованных антикоррупционных стандартов поведения работников и сотрудников ФСИН России.

Список использованных источников:

1. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности / под ред. Н.В. Щедрина. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2010. – 323 с.
2. Кученев, А.В. Многовекторность правового воздействия на борьбу с коррупцией в деятельности ФСИН России / А.В. Кученев // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 11. – С. 6-9.

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ВОПРОСАМ В УСЛОВИЯХ
КРИЗИСА СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

УДК 327

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЦЕНТРЫ ГУМАНИТАРНОГО РЕАГИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ РОССИИ

© В.В. Лисаускайте

Иркутский государственный университет

«Мягкая сила» – данный термин в последние годы все чаще встречается в российской литературе относительно анализа внешней политики нашего государства. Поиск новых путей и средств применения «мягкой силы» с учетом определенного исторического опыта свидетельствует о стремлении России сформировать позитивный, вопреки всему, образ миролюбивого, развитого государства. Одним из таких направлений в реализации «мягкой силы» является гуманитарное сотрудничество. Однако существуют разные подходы к пониманию гуманитарного сотрудничества, сферы его применения и способов взаимодействия в его рамках. Это такие сферы жизнедеятельности как культура, образование, здравоохранение. В то же время к гуманитарному сотрудничеству относят и гуманитарную помощь, гуманитарные операции, как в период вооруженных конфликтов, так и в мирное время при возникновении стихийных бедствий.

Рассмотрим гуманитарное сотрудничество в сфере бедствий в качестве технологии «мягкой силы» в рамках деятельности Российско-сербского центра гуманитарного реагирования (Российско-сербского гуманитарного центра). Это первая и достаточно давно функционирующая в сфере гуманитарных услуг организация. Посредством изучения ее работы мы можем охарактеризовать ее достоинства и недостатки с точки зрения деятельности, а также с точки зрения эффективности «мягкой силы» гуманитарного сотрудничества в области бедствий.

Анализ самой концепции, а также ее современные интерпретации позволяют сделать вывод о том, что «мягкая сила» – это именно институт внешней политики государства. С его помощью используются определенные ресурсы, инструменты, свойственные конкретному государству, реализуется сама внешняя политика государства. Каждая страна имеет свой перечень таких ресурсов, применяемых в контексте «мягкой силы». Для России одним из таковых выступает гуманитарное сотрудничество.

Можно выявить характерные черты «мягкой силы» России:

- региональный компонент продвижения;
- неравнозначное использование способов «мягкой силы» в зависимости от территории реализации. В этом случае учитываются потребности самого региона, существующие традиции восприятия России;

- для определенных сфер, в большей степени, реализация посредством деятельности государственных структур, и лишь от части, частных, общественных организаций [1, с. 104].

Что же такое гуманитарное сотрудничество? Существует узкая и широкая трактовка данного термина. Абсолютно разные сферы относят к гуманитарному сотрудничеству. В широком смысле – это культурное и образовательное сотрудничество, взаимодействие в области соблюдения прав человека, оказания гуманитарной помощи и другие социально-направленные сферы межгосударственных отношений. Традиционно, при характеристике международного сотрудничества перечисляются вопросы культуры, науки, спорта, туризма, образования. Список всегда остается открытым, авторы подчеркивают, что гуманитарное сотрудничество реализуется в широком формате.

Однако нам хотелось бы остановиться на том проявлении международного гуманитарного сотрудничества, которое скрывается за формулировкой «и т.п.». Это непосредственно гуманитарная помощь, гуманитарные операции и акции, осуществляемые в ситуациях бедствия, гуманитарного кризиса, вооруженного конфликта. То есть «гуманитарное сотрудничество» в узком смысле.

Гуманитарное сотрудничество – это направление деятельности государств, которое является одним из распространенных и эффективных ресурсов реализации внешней политики государства. С одной стороны, такая деятельность позволяет государству активно участвовать в международных процессах, осуществляемых в рамках системы ООН, региональных организаций и двустороннего сотрудничества. С другой стороны, гуманитарное сотрудничество позволяет самому государству продвигать свои разработки на рынке гуманитарных услуг.

Для РФ осуществление гуманитарного сотрудничества в сфере бедствий является одной из естественных и неотъемлемых сфер внешнеполитической деятельности. Эту работу осуществляет несколько структур в системе органов государственной власти. В первую очередь, это МЧС России. К компетенции именно этого министерства относится деятельность по оказанию гуманитарной помощи, проведению гуманитарных акций и операций в случае бедствий и вооруженных конфликтов. Как правило, такое взаимодействие осуществляется на договорной основе. В последние десятилетия расширяется формат деятельности в рамках гуманитарного взаимодействия МЧС России.

Как отмечает А.В. Васильев: «в последнее время (приблизительно после 2010 г., когда была осознана необходимость более глубокого «формата» двусторонних отношений) Российской Федерацией был предложен новый формат международного гуманитарного сотрудничества, заключающегося в создании региональных гуманитарных центров в различных районах мира. Это гуманитарные

центры, создаваемые вначале на двусторонней основе, закладывают фундамент регионального взаимодействия в формате чрезвычайного гуманитарного реагирования, накопление необходимых ресурсов для скорейшего и более полноценного реагирования в случае чрезвычайных ситуаций, а также выполняют роль по обучению местного персонала в области гражданской защиты и внедрению поисково-спасательных технологий» [2, с. 79].

Потребность в существовании регионального гуманитарного центра вполне обоснована, особенно на территории государства (региона), где самостоятельно сложно справиться с последствиями бедствий по различным объективным и субъективным причинам. Наша страна имеет разнонаправленные ресурсы для осуществления рассматриваемой сферы сотрудничества в качестве элемента своей внешней политики.

Россия активно развивает двустороннее сотрудничество в сфере предупреждения бедствий различного характера и ликвидации их последствий. Это направление является стратегическим для нашей страны, поскольку позволяет занять определенную нишу на рынке услуг в сфере гуманитарной помощи. Заключено и реализуется более 60 соглашений. Особый интерес для РФ представляют страны Восточной Европы, поскольку с этими государствами существуют исторические, культурные и религиозные связи, развивать которые заинтересованы все стороны. Конечно, данный интерес носит сугубо политический смысл, однако представляет собой стратегическое направление развития внешней политики России.

Центры гуманитарного реагирования, как организационная структура двустороннего или регионального сотрудничества, достаточно новая форма межгосударственного взаимодействия. В большей степени распространено создание подразделений различных международных организаций на территории конкретных государств или регионов, либо направление их временных миссий для осуществления гуманитарных функций в связи с конкретными негативными событиями (вооруженный конфликт, гуманитарное бедствие и т.п.).

Большие перспективы, возложенные на Центр, отражены и в закрепленных за ним задачах:

- участие в проведении мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, включая тушение пожаров;
- оказание чрезвычайной гуманитарной помощи населению, пострадавшему от чрезвычайных ситуаций;
- реализация совместных проектов и программ на территории Республики Сербии и других стран региона, включая проекты и программы по гуманитарному разминированию;

- обучение и повышение квалификации специалистов в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций;
- проведение испытаний и демонстрация современных пожарно-спасательных средств и технологий;
- выполнение других задач, не противоречащих целям создания Центра [4].

В данном случае «мягкая сила» реализуется посредством не просто создания Центра, а осуществлением оснащения, обучения местных специалистов, проведением гуманитарных работ на территории самой Сербии (разминирование), участие в спасательных операциях на территории соседних государств.

Таким образом, данная межгосударственная структура предназначена для осуществления достаточно широкого спектра функций на территории не только Сербии, но и сопредельных государств. Это во многом может облегчить непосредственную деятельность служб при оказании помощи. С момента своего создания Центр начал активно осуществлять полномочия. Летом 2012 года были проведены операции по тушению природных пожаров на территории Сербии и соседних государств региона. Достигнутые результаты на территории Сербии были поддержаны и одобрены руководством Сербии и Евросоюза [5].

Несмотря на уже достаточно длительное функционирование Центра, лишь в последние годы в СМИ стали появляться негативные публикации относительно его существования на территории Сербии вообще, враждебных действиях России через Центр и другие провокационные сообщения. По словам пресс-службы МИДа России, американский сенатор Р. Джонсон в Белграде призвал власти Сербии не предоставлять российско-сербскому гуманитарному центру в г. Нише дипломатический статус, и тем самым показать всему миру, что Сербия выступает против агрессии, которую демонстрирует В.В. Путин, иначе все это дело может отразиться на потоке «западного капитала в Сербию» [6]. Такой же негативной ультимативной позиции придерживается Европейский Союз. По заявлению министра иностранных дел РФ, европейцы требуют от Белграда закрыть Российско-сербский гуманитарный центр [7]. Отмечали данный факт и местные средства массовой информации [8]. В то время как местные жители приветствуют работу Центра, который проводит учения в школах, небольших поселках и городах по формированию культуры безопасности и реагирования на возможные бедствия.

В данном контексте следует отметить позицию Нейматовой А.А., которая отмечает, что: «чем активнее Российская Федерация участвует в разрешении глобальных проблем и работает на предупреждение возникновения новых угроз, чем чаще проявляет инициативу в урегулировании вопросов мирным и переговорным путем, тем прочнее становятся ее позиции как одного из ведущих,

системообразующих и системоподдерживающих акторов на международной арене» [9, с. 111].

На наш взгляд, такая активная агрессивная политика связана с популяризацией самого Центра благодаря проведенным мероприятиям, а также популяризации образа нашей страны и ее политики через работу Центра. Как показывают средства массовой информации Сербии, местное население позитивно относится ко всем, проводимым центром самостоятельно или совместно с властями, мероприятиям. Так, периодически проводятся учения в школах и общественных учреждениях, что ранее, несмотря на прошедшую гражданскую войну, никогда и никем не осуществлялось [10].

Еще одна причина кроется и в политико-экономическом аспекте. Речь идет об инвестициях. Ведь посредством выполнения задач Центра, на территории Сербии и соседних государств появляется российское оборудование, необходимое для оказания гуманитарной помощи, проведение поисково-спасательных операций и других мероприятий. Это создало определенную конкуренцию для гуманитарной деятельности НАТО и стран – партнеров, сформировало конкуренцию на гуманитарном рынке Восточной Европы в целом.

Представленные выше факты и обстоятельства позволяют сформулировать критерии эффективности гуманитарного сотрудничества, осуществляемого через гуманитарные региональные центры в качестве «мягкой силы» для продвижения политики России за рубежом. Критериями эффективности можно рассматривать:

- решение актуальных вопросов и потребностей государства пребывания центра;
- формирование доверия со стороны населения и властей к деятельности центра гуманитарного реагирования;
- разнонаправленность в сфере деятельности осуществления гуманитарного сотрудничества;
- желание соседних стран сотрудничать, выражающееся, в том числе, в согласии на помощь или обращении за гуманитарной помощью;
- неоднозначная оценка работы центра со стороны западных государств – потенциальных конкурентов в сфере гуманитарного сотрудничества.

Преломление этих критериев позволяет констатировать:

1. – очевидно, деятельность Российско-сербского гуманитарного центра направлена именно на решение сербских гуманитарных проблем, и на решение проблем региона. Свидетельством этого являются проведенные операции по разминированию территории Сербии и пожаротушению;

2. – данный критерий непосредственно связан с предыдущим. Реализация актуальных проблем региона способствует формированию доверия среди населения и власти;

3. – разнонаправленность отражена в задачах центра, который помимо проведения гуманитарных операций, реализует и другие виды деятельности, в том числе, обучение специалистов и оснащение специальным оборудованием самого центра и национальных подразделений государства пребывания;

4. – несмотря на существующие политические препятствия, Балканские страны заинтересованы в сотрудничестве и стараются взаимодействовать. В 2014 г. в рамках встречи России и Швейцарии последней было отмечено желание развивать работу Центра уже на трехстороннем уровне, а также предложение использовать Центр как базу противопожарной авиации в соответствующий период времени;

5. – данный критерий был проанализирован выше, и вполне наглядно был подтвержден.

Как отмечает В. Бартенев: «новейшая история «комплексных чрезвычайных ситуаций» содержит ряд свидетельств того, что гуманитарная помощь и помощь развитию не является политически нейтральными инструментами и могут оказывать весьма существенное влияние на условия протекания внутреннего конфликта» [11, с. 85]. Поэтому в гуманитарной деятельности РФ на Балканах ряд государств видит реальную угрозу в продвижении своих интересов по формированию внутренней и внешней политики, управлению странами этого региона. Эта позиция периодически озвучивается в СМИ для оказания давления и искажения восприятия созданного образа Центра гуманитарного реагирования.

Следует привести высказывание директора Департамента международной деятельности МЧС России Бражникова Ю.В.: «Мы оказываем помощь там, где надо решить крупные политические вопросы, где надо поддержать Россию на внешнеполитическом уровне...» [12].

Список использованных источников:

1. Лисаускайте В.В. Гуманитарное сотрудничество в сфере защиты от бедствий и центр гуманитарного реагирования – «мягкая сила» в продвижении интересов России за рубежом // Право и политика. – 2019. – № 8. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.8.30304 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30304.

2. Васильев А.В. Некоторые вопросы современного гуманитарного реагирования // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2015. №2. С. 77-81.

3. Center for Strategic and International Studies [Электронный ресурс] : URL: <http://www.csis.org/events/global-trends-humanitarian-assistance/> (дата обращения 24.03.2018 г.).

4. Устав Российско-Сербского гуманитарного центра утвержден Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии об утверждении Устава Российско-Сербского гуманитарного центра от 25 апреля 2012 г. // Справочная Правовая система «ГАРАНТ».

5. Официальный сайт Посольства Сербской Республики в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ambasadarusije.rs/ru/rossiisko-serbskii-gumanitarnii-centr> (дата обращения 12.03.2018 г.).

6. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 31 августа 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/web/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2850802/ (дата обращения 25.03.2018 г.).

7. Официальный сайт издания «Комсомольская правда» от 13.12.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irk.kp.ru/online/news/2598238/> (дата обращения 25.03.2018 г.).

8. Агентство Sputnik от 08.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://rs.sputniknews.com/politika/201710081112963064-Nis-Humanitarnicentrs-vezb-Hrvati/> (дата обращения 15.09.2018 г.).

9. Нейматова А.Я. Формирование позитивного имиджа государства в деятельности МИД России // Международные отношения. – 2012. – №1. – С. 106 – 117.

10. Канал «Общественная Вещательная служба Воеводины (Сербия) [Электронный ресурс]. URL: http://rtv.rs/sr_lat/drustvo/director-ruskog-centra-u-nisu-uevropi-nas-ne-nazivaju-spijunima_867142.htm/ (дата обращения 15.09.2018 г.).

11. Бартенев В. Связка «безопасность – развитие» в современных западных исследованиях // Международные процессы. 2015. Том 13. №3. С. 78 – 97.

12. Актуальное интервью руководителя Российского национального корпуса чрезвычайного реагирования директора Департамента международной деятельности России Юрия Владимировича Бражникова корреспонденту программы «Планета МЧС» К.Осиповой. Официальный сайт МЧС РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mchs.gov.ru> (дата обращения 12.03.2018).

УДК 321.01

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА КРИЗИСА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

© В.С. Мажинский

Сибирский федеральный университет

Понятие глобализации. Если говорить о роли национального государства в современных международных отношениях, то не обходится без упоминания глобализации и ее влияния на страны. Но стоит заметить, что глобализация на данном этапе в гуманитарных науках достаточно размытое понятие.

Охватывая широкий спектр различных политических, экономических и культурных тенденций, термин «глобализация» быстро стал одним из самых модных слов в современной политической и научной дискуссии. В популярном дискурсе глобализация часто выступает всего лишь синонимом одного или нескольких из следующих явлений: проведение классической либеральной политики в мировой экономике, растущее доминирование западных форм политической, экономической и культурной жизни, распространение новых информационных технологий, а также представления о том, что человечество стоит на пороге реализации единого сообщества, в котором исчезли основные источники социальных конфликтов [10. р. 216]. Действительно глобализация является одним из самых обсуждаемых явлений современных международных отношений. Однако четкого и однозначного определения понятия «глобализации» в настоящее время не существует. Это подтверждает ученый Уорвик Маккиббин, говоря о том, что глобализация для разных людей означает разные вещи [12. р. 1].

Кембриджский словарь дает несколько определений глобализации: (1) увеличение торговли по всему миру, особенно крупными компаниями, производящими и торгующими товарами в разных странах; (2) ситуация, в которой доступные товары и услуги или социальные и культурные влияния постепенно становятся одинаковыми во всех частях мира; (3) способ, которым развивались экономики, чтобы работать вместе как одна система.

Институт международной экономики имени Петерсона определяет глобализацию как слово, используемое для описания растущей взаимозависимости мировой экономики, культуры и населения, вызванной трансграничной торговлей товарами и услугами, технологиями и потоками инвестиций, людей и информации. Страны создали экономические партнерства для облегчения этих движений на протяжении многих веков [14].

Институт международных отношений и торговли имени Нила Д. Левина, который на сайте проекта «Globalization 101», характеризуют глобализацию как процесс взаимодействия и интеграции людей, компаний и правительств разных стран, процесс, управляемый международной торговлей и инвестициями и поддерживаемый информационными технологиями. Этот процесс оказывает влияние на окружающую среду, культуру, политические системы, экономическое развитие и процветание, а также на физическое благополучие людей в обществах по всему миру [15].

Маккиббин предлагает достаточно схожую трактовку, указывая на то, что глобализация – это растущая взаимозависимость экономической, социальной, политической деятельности через национальные границы [12. р. 1]. Генри Киссинджер определяет глобализацию как процессы коммерческого и другого трансграничного обмена, децентрализованные и происходящие на многих различных уровнях человеческой организации, которые связывают государства не столько в политическом, сколько в технологическом, экономическом и в некоторой степени в социальном отношении в действительно всемирной или «глобальной» системе [11. р. 96].

В отечественной науке о международных отношениях популярна следующая трактовка: «глобализация – это процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации» [2. с. 47].

Стоит заметить, что все приведенные популярные определения несут в себе достаточно позитивный посыл среди большинства как западных исследователей, так и отечественных. Что глобализация, как мировое явление, обеспечивает новые возможности для каждого жителя планеты, улучшает благосостояние, решает проблемы.

Если приводить более полное и точную характеристику глобализации, которое учитывает объективную международную картину мира и функционирующих в ней государств, то в этом случае следует сослаться на определение А.И. Фурсова, директора Центра русских исследований, который говорит, что глобализация – это такой процесс производства и обмена, в котором благодаря господству информационных (то есть «нематериальных») факторов над вещественными («материальными») капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободен от всех ограничений локального и государственного уровня – пространственных, материальных, социальных. Это победа времени над пространством. И, естественно, тех кто контролирует время и капитал, над теми, кто контролирует пространство и государственную власть [7].

Это комплексное понятие указывает не только на составляющие части глобализации как процесса, но определяет в нем место национального государства.

Также указывается, что ядром глобализации является капитал. Об этом упоминает и другой отечественный ученый А.П. Кочетков, говоря о том, что движущей силой глобализации являются транснациональные корпорации и банки [3. с. 64.]. Если продолжить мысль Кочеткова, то деятельность ТНК и банков сфокусирована на приумножении капитала.

Феномен глобализации и национальное государство. Глобализация, как международный феномен, по мнению Генри Киссинджера, который включает в соревновательный процесс как преуспевающие, так и отстающие государства [13]. Однако взамен участия глобализация оказывает существенное влияние на жизнедеятельность национальных государств, формируя новые обстоятельства и вызовы.

Снижение финансирования социальных программ. Американский ученый Дж. Фридманн еще в 1995 году указал на зависимость внутривнутриполитического социального курса национального государства от степени его включения в глобализацию. Чем больше экономика становится взаимозависимой в глобальном масштабе, тем меньше могут региональные и местные органы власти воздействовать на основные механизмы, которые обуславливают повседневное существование их граждан [9. р. 25].

Такая тенденция действительно подтверждается политикой, проводимой национальными государствами. Например, в 2017 году президентом США Трампом был объявлен десятилетний план сокращения социально-ориентированных программ на 3,6 трлн. долларов. Под сокращение попали такие направления как: продовольственные карты, студенческие кредиты, субсидии фермерским хозяйствам, медицинская помощь малоимущим слоям населения, пенсионные выплаты по инвалидности [4]. Похожая ситуация происходит и в странах ЕС, где проводится политика сокращения финансирования социальных программ, а эксперты говорят о закате социального государства в ЕС [6. с. 182.]. Сокращение финансирования основных социальных направлений, таких как образование, медицина, общественная безопасность, происходит и в России [5].

По мнению многих экспертов данная тенденция в национальных государствах будет продолжаться и обостряться.

Уничтожение национального сознания. Данная проблема была достаточно глубоко изучена социологами международных отношений, которые пришли к выводу, что глобализация, с помощью распространения идей мультикультурализма, ведет к стиранию национального сознания и национальной идентификации населения, что приводит к созданию новых идентичностей, таких как этнические или региональные [3. с. 66]. Это приводит к тому, что население национальных государств перестает себя ассоциировать с нацией, а соотносит себя с определенной

этнической группой, либо с территорией проживания. Такой эффект сегментирует общество национальных государств, что, в свою очередь, обостряет этнические конфликты, ведет к усилению национализма и экстремизма.

Упадок государственного суверенитета. Данную проблематика заключает в себе несколько уровней. Во-первых, это невозможность национального государства осуществлять полный контроль за информацией, которая проходит сквозь его границы при помощи социальных сетей. Данное обстоятельство ведет к проникновению экстремистских идеологий, информации, которая дестабилизирует общество порядок, фальсифицирует историю и т.д. Во-вторых, государство не может полностью контролировать все международные транзакции ее граждан, тем самым позволяя электронным деньгам беспрепятственно преодолевать национальные границы. В третьих, создаются международные наднациональные институты, которые забирают на себя часть государственных функций. Это можно проследить на примере Европейского союза. В-четвертых, активная деятельность транснациональных компании на территории национального государств может привести к возникновению неуправляемых регионов. Или может вызвать социальную напряженность, например, полностью прекратив деятельность своего предприятия. В-пятых, международные финансовые институты, призванные обеспечивать существование глобализации, также могут подрывать стабильность национального государства своими действиями. Яркий пример таких действий может продемонстрировать Латиноамериканские страны, которые пострадали от деятельности МВФ. В 1970-е годы долг латиноамериканских государств МВФ вырос до 60 млрд. долларов, в 1980-е было уже 204 млрд., в 1990-е – 443 млрд., в 2002-м году – 750 млрд. Аргентина, как самое экономически перспективное государство Южной Америки, запуталось в паутине глобализации и стремительно скатилось в бедность [8].

Возникновение «прекариата». Precarious – в переводе с английского означает хрупкий, ненадежный. Речь идет о растущем слое людей, имеющих случайную работу несколько часов в день, причём далеко не каждый день, а следовательно, не имеющих никаких социальных гарантий. Прекариат – один из результатов глобализации как войны богатых против бедных, против общества [8]. То есть данное явление представляет собой новую форму социального расслоения, которая может послужить созданием, так называемых «серых зон» в рамках государства. Тех мест, которые будут неуправляемы государством и, где будет процветать наркоторговля, торговля людьми и оружием. Обратный процесс «серым зонам» – это создание закрытых территорий для проживания «мобильного класса».

Возникновение мобильного класса. В своей книге «Глобализация. Последствия для человека и общества» З. Бауман указывает на то, что новой ценностью

общества в условиях глобализации стала мобильность. «Мобильность, приобретенная «теми, кто инвестирует» – людьми, обладающими капиталом, деньгами, необходимыми для инвестиций – означает для них поистине беспрецедентное в свой радикальной безоговорочности отделение власти от обязательств: обязанностей в отношении собственных служащих, но также и в отношении молодых и слабых, еще не рожденных поколений, и самовоспроизводства условий жизни для всех – одним словом, свободу от обязанности участвовать в повседневной жизни и развитии сообщества» [1. с. 20]. Мобильность, по мнению Баумана, создает одну из главных причин современного общественного расслоения в национальных государствах. Мобильный класс имеет возможность оказывать влияние на общественные процессы и за это не нести ответственности, так как при удобном случае могут беспрепятственно покинуть территорию страны.

Заключение. Осветив основные вызовы, которые ставит глобализация перед национальным государством, можно сделать вывод, что они действительно подрывают основу суверенитета национального государства и обостряет многие социальные проблемы. На сегодняшний день уже нельзя отрицать того, что государства платят огромную цену за участие в мировых процессах производства, разделения труда, распределения ресурсов и капитала. В настоящее время ставится вопрос о судьбе традиционного национального государства, так как в условиях глобализации государство обречено на серьезные изменения. Часть ученых полагает, что большинство стран утратят большую часть суверенных прав в угоду мировых процессов и трансформируются в некие футуро-архаичные образования. Другие полагают, что часть государств отстоит свой суверенитет и традиционную форму, но будет исключена из большинства мировых глобализационных процессов.

Список использованных источников:

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман, Москва: Весь Мир, 2004. 188 с.
2. Глебов Г.И., Милаева О.В. Современные международные отношения. Учебное пособие. / Г.И. Глебов, О.В. Милаева, Пенза: Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010. 98 с.
3. Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // Политические исследования. 2014. № 4. С. 63–75.
4. Макаров О. Власти США представили бюджет с крупнейшим в истории сокращением расходов // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/05/2017/592457279a794744c048bfde> (дата обращения: 05.09.2019).

5. Моисеев И. [и др.]. Исследование РБК: сколько Россия на самом деле тратит на своих граждан // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/12/2016/584fd32e9a7947c251265ede> (дата обращения: 05.09.2019).
6. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее под ред. Ю.Д. Квашнин, Москва: ИМЭМО РАН, 2016. 189 с.
7. Фурсов А.И. Демонтаж капитализма. Интервью для аналитического портала «Гуманитарные технологии» 2003.
8. Фурсов А.И. Глобализация против планеты // Изборский клуб [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/14605> (дата обращения: 06.09.2019).
9. Friedmann J. Where we stand: a decade of world city research. Cambridge: Cambridge university press, 1995. 21–47 с.
10. Haj Ali Irani F.N., Noruzi M.R. Globalization and Challenges; What are the globalization's contemporary issues? // International journal of Humanities and Social Science. 2011. № 6 (1). С. 216–218.
11. Henrikson A.K. Henry Kissinger, Geopolitics, and Globalization // The Fletcher forum of world affairs. 2003. № 1 (27). С. 95–123.
12. McKibbin W.J. Globalization: What does it mean ? // Australian Coal Association. 2000. (1). С. 1–16.
13. Kissinger H.A. Globalization and its discontents // The New York Times. 2008.
14. What Is Globalization? // Peterson Institute for International Economics [Электронный ресурс]. URL: <https://piie.com/globalization> (дата обращения: 04.09.2019).
15. What Is Globalization? // Globalization 101 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalization101.org/what-is-globalization/> (дата обращения: 04.09.2019).

УДК 321.01

КОНЦЕПЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

© В.А. Мещериков
Сибирский федеральный университет

Безопасность является одним из наиболее обсуждаемых аспектов международных отношений. Многие авторы на протяжении веков изучали роль безопасности государства, а также взаимодействия стран и международных организаций в сфере безопасности.

В настоящее время международная безопасность рассматривается в контексте государства, хотя были времена, когда государство не являлась доминирующим субъектом международной системе. Как пишет Smallman & Brown (2012): «Безопасность не всегда определялась исключительно с точки зрения угроз для нации и ее суверенитета. В средние века политические единицы определялись династиями, что означало, что преданность людей могла измениться с королевским браком. Будь то в анжуйской Англии или средневековой Италии, политические границы часто не совпадали с этническими группами. Власть часто ломалась или разделялась» [1].

Вернемся к современной системе международных отношений, где основную роль играет государство и в контексте его рассматривается безопасность. Поэтому забота о безопасности сосредоточена на способности государства (или во многих случаях государства-нации) быть способным предотвратить возникновение серьезных атак, оказывающих влияние на безопасность. Поэтому государство заботится о защите суверенитета.

Безопасность может рассматриваться в разных контекстах: безопасность человека, экономическая, национальная и другая.

Большое внимание безопасности в международных отношениях было сосредоточено главным образом на роли выживания государства от внутренних или внешних угроз. Однако в последние десятилетия ученые и правозащитники утверждали, что существует еще один, но очень важный элемент безопасности, о котором не так много говорят: безопасность человека. Недостаточно утверждать, что единственными угрозами международной безопасности, которые имели значение, были угрозы режиму или государству. Скорее, угрозы, которые затрагивают человека, должны быть включены в разговор о безопасности государства и международной безопасности.

Безопасность человека – это новая концепция, разработанная после "холодной войны", и сегодня она используется различными субъектами и факторами в международных отношениях, такими как государства и правительства, международные организации (МО) и неправительственные организации (НПО). Это концепция, которая появляется в результате успешных попыток расширить традиционную концепцию безопасности. Повестка дня в области безопасности человека включает в себя традиционные и нетрадиционные вопросы безопасности, такие как война, экономическая безопасность, распространение оружия, беженцы и миграция, безопасность общественного здравоохранения, мятежи, геноциды и этнические чистки, защита окружающей среды, ядерное оружие, торговля наркотиками и людьми, терроризм, продовольственный кризис и т. д. Вкратце, это означает широкое определение безопасности, при котором основное внимание

уделяется индивидуальному уровню, а не традиционному фокусу на международном или национальном / национальном уровне, т.е. системе государств или государств.

Ф. Д. Рузвельт в 1941 году в ежегодном обращении к Конгрессу США обозначил четыре свободы: первая свобода – свобода слова; вторая свобода – свобода каждого человека исповедовать свою веру; третья свобода – свобода от нужды; четвертая свобода – свобода от страха[2].

Большой интерес представляет *«свобода от страха»* и *«свобода от нужды»*. Рассматривая эти свободы с позиции сегодняшнего дня, где первая из них тесно связана с деятельностью сети безопасности человека и означает устранение угрозы или применения насилия и силы из жизни населения. Есть много примеров успешной реализации таких целей политики «освобождения от страха», как создание и продвижение Международного уголовного суда, Оттавской конвенции (о запрете противопехотных наземных мин) и действий по сдерживанию распространения легкого оружия и злоупотребление стрелковым оружием. Вторая (свобода от нужды) основана на первоначальной формулировке ПРООН и касается обеспечения того, что считается основными потребностями человека с точки зрения продовольствия, здоровья, экономики, окружающей среды и социального обеспечения. Это было включено в очень известный итоговый доклад Комиссии ООН по безопасности человека за 2003 год. В докладе указывается десять способов повышения безопасности человека в глобальном масштабе, причем основное внимание уделяется не только конфликтным ситуациям, но и вопросам, связанным с доступом к образованию, доступом к здравоохранению, справедливой торговлей, патентными правами и основными свободами.

Повестка дня в области безопасности человека переносит объект безопасности с государств на людей. Он классифицирует угрозы безопасности человека по 7 основным категориям: личная, общественная, экологическая, экономическая, продовольственная, медицинская и политическая безопасность.

Несмотря на попытки переложить безопасность с государств на отдельных лиц, повестка дня в области безопасности человека разрабатывается в рамках системы ООН, а это означает, что государства-члены ООН и их правительства несут ответственность за выполнение этой политики.

В 1994 году был сделан доклад ПРООН «Доклад о человеческом развитии»[3] в котором были названы семь основных ценностей: экономическая безопасность, безопасность по продуктам питания, по здравоохранению, по вопросам окружающей среды, личная, общественная и политическая безопасности. Принятие такого взгляда на безопасность означает, что государство должно действовать в двух стратегиях: во-первых, решать вопросы защиты/обороны в узком

смысле этого слова, во-вторых, осуществлять необходимое развитие для достижения благоприятного климата и той безопасной обстановки, которая выступает как неотъемлемая часть личностной безопасности.[4]

Доклад ПРООН за 1994 год открыл возможности для академического переосмысления безопасности человека. Многие ученые пытались распутать измерения того, что сразу казалось чрезмерно безудержным аналитическим инструментом, который в силу своей всеобъемлющей природы мог потерять свое значение. Ряд ученых работали над переклассификацией того, что может быть классифицировано как угроза безопасности человека.

Безопасность человека вошла в политический дискурс ряда правительств. Яркими примерами являются Канада и Япония в 1990-х и начале 2000-х годов.

Главным мотивом авторов было наблюдение, что мирный конец истории, обсуждаемый Фрэнсисом Фукуямой, достигнуто – число насильственных конфликтов даже выросло в начале 1990-х годов – хотя, как это ни парадоксально, возможности для более конструктивного международного сотрудничества увеличилось после окончания противостояния Восток-Запад и его идеологические споры. Таким образом, авторы настаивали на переосмыслении безопасности: «Слишком долго безопасность был приравнен к угрозам на границе страны. ... Для большинства людей сегодня чувство незащищенности возникает больше из забот о повседневной жизни чем от страха катастрофического мирового события [5].

Аксиоматическое предположение парадигмы безопасности человека заключается в том, что референтным объектом безопасности должны быть отдельные лица, а не государство. Однако сторонники этой концепции всегда повторяют, что человек безопасность не может заменить существующие политики безопасности, которые опираются главным образом на способность использовать военную силу в качестве крайней меры. Скорее они видят в этом дополнительный аспект слишком узкого уравнения безопасности с нерушимостью национальных границ.

Обеспеченность работой, доход безопасность, охрана здоровья, экологическая безопасность, защита от преступности – это возникающие проблемы безопасности человека во всем мире. «Каждое из них дало несколько иное определение концепции и настраивало ее применение в соответствии с его индивидуальными интересами. Правительство Японии подписало под всеобъемлющим пониманием безопасности человека, которое охватывает все аспекты, которые могут угрожать выживанию, повседневной жизни и человеческому достоинству. С другой стороны, канадское правительство во главе с бывшим министром иностранных дел Ллойдом Эксурси придерживалось более узкого, но все еще открытого определения безопасности человека, которое отличает «свободу от

страха» от «свободы от нужды», признавая при этом их особенность и взаимозависимость [6].

Исходя из сказанного можно прийти к следующим выводам: концепция безопасности человека в настоящее время только находится в развитии, но уже можно говорить о том, что для государства она имеет большое значение. Так общество определяет устройство государства его политику, а человек являясь частью этого общества определяет для себя комфортные условия проживания в этом обществе и как следствие в государстве. Человек требует соблюдения своих прав экономических, политических, культурных и др. со стороны государства и в случае когда государства их не может обеспечить, то человек принимает для себя решение: либо уехать из страны или отстаивать свои права. Во втором случае он может добиться реализации своих прав посредством активного участия в политической жизни государства, но более негативный путь достижения своих прав – революционный путь, что для государства является угрозой безопасности.

Список использованных источников:

1. Smallman S., Brown K. (2012) Introduction to International and Global Studies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/877973/>.
2. Franklin D. Roosevelt, 1941 STATE OF THE UNION ADDRESS “THE FOUR FREEDOMS” (6 JANUARY 1941) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voicesofdemocracy.umd.edu/fdr-the-four-freedoms-speech-text/>.
3. UNDP. Human Development Report 1994. NY, Oxford University Press, 1994. Electronic resource. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (accessed: 24.10.2016)
4. Бокерия С.А. Концепция личностной безопасности в практике ООН/ С.А. Бокерия// Вестник РУДН. – 2017. – № 2. – С. 312-324.
5. United Nations Development Program (undp), Human Development Report 1994. New Dimensions of Human Security (New York: Oxford University Press, 1994), p. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (accessed: 24.10.2016)
6. Catia Gregoratti Безопасность человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/human-security/>.

УДК 321.01

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ НА ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

© Э.А. Павельева

Сибирский федеральный университет

Культурная дипломатия имеет давние исторические корни, ее существование можно отнести к началу цивилизации. Значение международного культурного общения не утрачивает своей значимости. История знает много примеров, когда культурный обмен позволял устанавливать новые отношения, снижать уровень напряженности между государствами, формировать благоприятный имидж. В современный период культурная дипломатия играет существенную роль в формировании базиса международных отношений. Государства стремятся использовать этот инструмент для укрепления своих позиций на международной арене, как руководствуясь национальными интересами, так и интересами интеграционных объединений.

Определение основных форм и методов культурной дипломатии представляется наиболее правильным с определения самого понятия, начиная с понятий «культура» и «дипломатия». Так, проанализировав различные подходы к понятию «культура» как научному термину в социально-гуманитарных науках, можно дать следующее определение: культура – это совокупность человеческих достижений, особый, специфический способ жизнедеятельности, влияющий на развитие человека и общества в целом посредством распространения духовных ценностей, определенной идеологии через искусство и литературу.

Дипломатия представляет собой искусство и практику ведения международных отношений, средство осуществления внешней политики государства, такт и умение общаться с людьми. Дипломатия, по мнению Ч. Фримана, позволяет странам продвигать свои интересы, не прибегая к силовым решениям. Она стоит на страже внутреннего спокойствия и благоденствия без бряцанья оружием. Способствует нахождению взаимоприемлемых вариантов достижения временного, но действенного согласия между разными культурами. Дипломатия – это перевод национальной стратегии в тактическую плоскость для достижения политических, экономических и военных преимуществ без применения силы [1]. Сегодня дипломатия претерпевает изменения и новые формы. Как справедливо отмечает Т.В. Зонова, дипломатия радикально трансформируется у нас на глазах. Перед лицом

новых вызовов меняются ее структуры, методы, новые модели предлагают дипломатия интеграционная и парадипломатия [2].

Культурная дипломатия является новой формой международной дипломатии. Выступая одним из инструментов внешней политики государства, она в большей степени связана с культурными, образовательными обменов, чем с официальным общением между дипломатическими представителями различных государств. Культурная дипломатия или «дипломатия между культурами» существует на протяжении веков, практику ее применения можно увидеть на протяжении веков. Исследователи, путешественники, художники – это «культурные дипломаты», способствующие обмену в таких областях как искусство, музыка, литература, наука, спорт. Исторически, обмен культурными подарками позволял формировать коммуникации между народами, улучшать и расширять торгово-экономические связи. Эта система выстраивания взаимоотношений с небольшими изменениями существует и в настоящее время.

В современный период отличается многообразием форм и методов международного общения. На универсальном и региональном уровнях государства стремятся устанавливать контакты, расширять их. Государства стремятся объединять усилия уже не только в военно-политической и экономической сфере, но и в области науки, образования, культуры, искусства. Поэтому культурная дипломатия сегодня играет важную роль во внешнеполитических курсах государств.

Культурные и научные обмены позволяют государствам заявлять о своем развитии, формировать представления о себе как о дружественном и готовом к сотрудничеству. Особенно важна такая позиция в рамках интеграционных объединений. Так, например, благодаря своему национальному разнообразию Европейский союз создает особую среду для развития культурной дипломатии. Уникальность европейской интеграции заключается в том, что она объединила различные национальные идентичности под «одной крышей». Стоит отметить, что европейцы не стремятся объединить свои культуры и полное культурное единение невозможно, тем не менее культурный обмен играет существенную роль в укреплении европейской интеграции. [4] Роль культурной дипломатии также видится и в том, чтобы снижать уровень напряженности среди европейских народов относительно наднациональности ЕС. Как отмечают европейские авторы [5], чем глубже проникает политическая интеграция, тем больше возникает споров относительно появления европейского плавильного котла культур. Роль культурной дипломатии заключается в том, чтобы формировать правильное представление о сплочении, заключающееся не в создании «культурной дезидентификации».

Безусловно, европейская интеграция не может быть без социокультурной интеграции, но в то же время европейские государства боятся потерять свою

национальную самобытность. Нормы учредительных актов ЕС закрепляют различные положения. Проанализировав их, можно сделать вывод, что Союз с одной стороны стремится установить свои полномочия по вопросам культурной интеграции, с другой стороны, позволяет государствам устанавливать рамки «вмешательства» в национальную идентичность. Так, например, в ст. 6 Договора о функционировании ЕС [6], где определена компетенция Союза по осуществлению деятельности, направленной на поддержку, координацию или дополнение действий государств-членов, в том числе и в сфере культуры. В то же время, есть и нормы, позволяющие государствам ограничивать действие этой статьи. В частности, интересным представляется положение ст. 13, где речь идет о разработке и осуществлении политики Союза в сферах сельского хозяйства, рыболовства, транспорта, внутреннего рынка, научных исследований, технологического развития и космоса с учетом религиозных обрядов, культурных традиций и регионального наследия. В п. 1 ст. 165 установлено, что Союз оказывает поддержку и дополняет деятельность государств-членов в развитии образования, учитывая при этом их культурное и языковое разнообразие.

Особого внимания заслуживает Раздел XIII «Культура». Он полностью посвящен формам сотрудничества государств в области культуры и роли ЕС в данном вопросе. В частности, в п. 1 ст. 167 установлено, что Союз способствует расцвету культур государств-членов при уважении их национального и регионального разнообразия, одновременно выдвигая на передний план общее культурное наследие. Анализируя данную норму, можно прийти к выводу, что ЕС, как интеграционное объединение формирует общее культурное наследие, но при сохранении национальной идентичности и самобытности. В п. 2 этой же статьи определена компетенция Союза по поощрению сотрудничества государств-членов в следующих областях:

- повышение уровня знания и улучшение распространения культуры и истории европейских народов;
- сохранение и защита культурного наследия, имеющего европейское значение;
- культурные обмены некоммерческого характера;
- художественное и литературное творчество, в том числе в аудиовизуальном секторе.

На наш взгляд, данные нормы имеют двоякое значение. С одной стороны, Союз поощряет сотрудничество государств-членов, с другой создает условия для формирования общего культурного пространства. Это положение является значительным для реализации общей внешней политики ЕС, поскольку оно позволяет позиционировать единство и разнообразие культур на международной арене,

тем самым создавая благоприятный имидж европейской интеграции как процессу. Именно такой вывод можно сделать исходя и из норм последующих пунктов данной статьи.

Возрастающая роль культурной дипломатии на международном уровне и в рамках интеграционных объединений находит свое отражение в растущем количестве учреждений культуры за рубежом. Вызвано это тем, что именно культура является связующим звеном человеческих ценностей. Культура – это «средство, с помощью которого мы начинаем понимать других, и аспект жизни с врожденной ценностью, который мы любим и ищем» [3].

Для реализации интеграционных норм по вопросам сотрудничества в области культуры в Европейском союзе создаются специальные институты культуры. Как правило, это общественная некоммерческая организация, целью которой является распространение национальной культуры и обычаев в других странах. Безусловно, эти организации играют важную роль в интеграционном процессе, они способствуют установлению мирных отношений через открытость культур, они работают на представление и продвижение национальной культуры, культурного наследия. В настоящее время, данные институты выполняют также роль посредников для создания и реализации международных культурных проектов и обменов. Посредством деятельности данных учреждений осуществляется не только культурный обмен, но и обмен в области искусства, спорта, литературы, музыки, науки, гастрономии. Это позволяет укреплять дружбу между народами государств. Институты культурной дипломатии продвигают национальные интересы, помогают выстраивать отношения и укреплять социокультурное понимание в зависимости от их направленности.

Очевидно, что Европейский союз уникален во всех вопросах интеграции. Не исключение и культурная сфера, которая используется с разных политических позиций. В первую очередь, культурное сотрудничество между государствами-членами позволяет объединять государства, создавая возможности познания культур, обычаев и истории друг друга. Во-вторых, культурная дипломатия в ЕС формирует и укрепляет общее культурное пространство путем единения национальных европейских самобытностей. И, в-третьих, культурная дипломатия ЕС и государств-членов действует на международной арене продвигая благоприятный имидж интеграционных процессов, в том числе и с целью привлечения новых членов и партнеров для дальнейшего сотрудничества.

В марте 2016 года была запущена Платформа культурной дипломатии, цель которой – собрать всех участников: правительства, регионы, города, культурные институты, организации гражданского общества, художники, ученые, артисты и многие другие участники европейских внешних культурных связей. В рамках этой

инициативы данные акторы привлекаются на постоянной основе, получают отзывы, рекомендации по вопросам культурной политики.

Как отмечает Федерика Могерини, культура лежит в основе европейской внешней политики, и с некоторых пор разработка стратегического подхода к международным культурным связям является одним из приоритетов ЕС. Европейская культурная дипломатия – это обучение, слушание, обмен новыми идеями и их совместное развитие [7]. Платформа культурной дипломатии, по мнению Могерини, должна укрепить способность на равных взаимодействовать с партнерами по всему миру – международными организациями, национальными правительствами, местными органами власти, организациями гражданского общества и отдельными гражданами.

Государства-члены ЕС давно практикуют культурную дипломатию как форму «мягкой силы». На уровне ЕС министры заявили, что культура также должна быть неотъемлемой частью международных отношений ЕС. В соответствии с законодательством ЕС культурная политика является, прежде всего, национальной компетенцией, но ЕС может поддерживать ее, в том числе в сфере иностранных дел.

Европейский союз можно назвать гармонией противоположностей. Эта наднациональная структура существует на противоречивых основах, таких как принцип субсидиарности, культурное разнообразие и общее наследие, европейская и национальная культура. Культурная дипломатия ЕС нуждается в реформировании, ее раздробленность, недостаточные ресурсы и отсутствие общего руководства. Внешняя культурная политика должна быть интегрирована с другими сферами политики, включая права человека, развитие и гражданство.

Список использованных источников:

1. Чез Фриман. Дипломатия – утраченное искусство? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/number/Diplomatiya--utrachennoe-iskusstvo-17744>.
2. Зонова Т.В. Дипломатия будущего [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <https://mgimo.ru/about/news/experts/222950/>.
3. Kirsten Bound, Rachel Briggs, John Holden, Samuel Jones, Cultural Diplomacy [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.culturehive.co.uk/wp-content/uploads/2013/04/Demos-Cultural-diplomacy-report.pdf>.
4. Nataša Bakić-Mirić, Davronzhon Erkinovich, Building, Cultural Bridges in Education [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=y2YxVwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

5. Marta Osojnik Cultural Diplomacy and the European Union: Key Characters and Historical Development [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.culturaldiplomacy.org/pdf/case-studies/cd-eu.pdf>.

6. Договор о функционировании Европейского Союза (новая редакция) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/>.

7. Cultural Diplomacy Platform [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cultureinexternalrelations.eu/about-us-2/>.

УДК 341.12

ОФИЦИАЛЬНЫЕ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© Т.Ю. Сидорова

Сибирский федеральный университет

XX век, особенно его вторую половину, можно без преувеличения назвать эрой международных организаций. Ежегодник международных организаций насчитывает более 70 тысяч записей о межправительственных и неправительственных организациях. Международное сообщество признало, что международные межправительственные организации стали не только актором международных отношений, но и субъектом международного права. Подтверждением этого является разработка Комиссией международного права ООН Проекта статей об ответственности организаций [3]. В статье 2 данного проекта определение международной организации дается через указание на обладание собственной международной правосубъектностью.

Международные организации и их деятельность стали очень популярным объектом исследования в юридической и политической науках. Организации классифицируются по различным основаниям: чаще всего это функции, состав участников, характер членства и т.п. Деление организаций на официальные и неофициальные обычно связано с наличием или отсутствием учреждающего международного договора, постоянно действующих органов и организационной структуры, условий членства.

Одно из направлений исследований неофициальных организаций – это параорганизации экономического характера. Так, Г.М. Вельяминов включает их в число субъектов международного экономического права [2, с. 70-71] и относит к ним ГАТТ до создания ВТО, различные варианты G (7, 8, 77), Парижский и

Лондонский клубы и др. Аналогичный подход демонстрирует и В.М. Шумилов [9, с. 59]. Подобную линию продолжают и молодые исследователи, включая в состав параорганизаций уже и БРИКС, G20 и др. [4, с. 75-76; 1, с. 15]. Выделение среди международных организаций параорганизаций поддерживает и М.С. Шаповалов [8, с. 91-92]. В западной доктрине аналогом термина «параорганизация» является термин «soft organization», исследование которых развивает в своих работах Ян Клабберс [15]. К числу таких организаций в современных исследованиях относят также группы типа ФАТФ [10].

Все это разнообразие говорит о том, что наряду с уже ставшими традиционными межправительственными организациями, имеющими все классические признаки международной организации (учреждены на основе международного договора; есть членство государств; сформированы постоянно действующие органы; определена компетенция и пр.) есть и другие объединения, которые не имеют таких признаков и не создают международную бюрократию. Тем не менее влияние этих организаций на международные отношения и их развитие трудно переоценить. Так, G7 собирается ежегодно, начиная с 1975 года, в предметы обсуждения входят вопросы развития, здоровья, охраны окружающей среды, международной безопасности, международной финансовой системы, рынка труда и миграции и др. [14].

Если сравнивать параорганизации типа G7, G20, БРИКС и им подобные с официальными международными организациями, то у них можно найти одно важное сходство – их участниками являются государства, а встречи проходят на высоком и высшем уровнях. Повестка встреч так или иначе отражает глобальные проблемы современного международного сообщества, а результаты могут показывать наличие или отсутствие согласия среди членов неформальной организации, что отразится на их позициях при обсуждении вопросов в других международных организациях, подписании и ратификации международных договоров и т.п. Таким образом, параорганизации могут влиять на решения, которые принимаются официальными организациями, например, в рамках системы ООН, а также отражаются в международных обязательствах государств.

Не менее интересным является вопрос о том, а могут ли оказать такое же влияние на деятельность официальных организаций те неофициальные, что не включают в свой состав государства. Можно попробовать ответить на этот вопрос, проанализировав статус и деятельность Римского клуба и его влияние на становление концепции устойчивого развития как фундаментальной основы построения деятельности ООН и организаций ее системы.

Несмотря на то, что эта организация сторонниками различных теорий заговора ставится в один ряд с различными теневыми сообществами, нельзя сказать,

чтобы деятельность этой организации была полностью непрозрачной. На сегодняшний день организация имеет свой официальный сайт [6], на котором раскрывается характер ее деятельности, принципы и цели.

Римский клуб объединяет индивидов на основе различных видов членства (полное, ассоциированное, почетное и пр.), взаимодействует с национальными ассоциациями, поддерживающими его деятельность, не подчеркивает свою связь и влияние на государства, правительства и международные организации. Деятельность Римского клуба проходит в формате разработки проектов и обсуждения их результатов, а также организации встреч, конференций, собраний, посвященных актуальным вопросам развития человечества.

Римский клуб довольно громко заявил о себе в 1972 году, когда был обнародован отчет «Пределы роста» [16], подготовленный коллективом ученых под руководством Д.Х. Медоузом. Этот доклад впервые сенсационно заявил о том, что развитие человечества ограничено физическими пределами окружающего мира. Одним из самых негативных выводов этого исследования стал тот факт, что конфликт между развитием человечества и окружающей средой неминуемо приведет к экологической катастрофе и деградации как планеты, так и человечества. На достижение пределов роста авторы отвели человечеству всего сто лет.

Доклады Римского клуба выходят почти каждый год. Все они посвящены текущим проблемам человечества и его развития, по большей части связи человечества и его благополучия с благополучием окружающей среды. Также Римский клуб запустил несколько проектов, цель которых повлиять на принятие решений и действия государств, международных организаций, гражданских обществ, бизнеса, научного сообщества и других заинтересованных сторон, которые могут способствовать реализации более оптимистичного сценария, чем достижение пределов роста и последующая деградация.

На сегодняшний день Римский клуб анонсирует четыре проекта, самым проработанным из которых является «Climate Emergency Plan» [12], предлагающий 10 последовательных шагов по преодолению сложившейся ситуации в сфере изменения климата, создающей угрозу для развития человечества. Аналогичные планы Римский клуб хотел бы создать и в отношении международной финансовой, экономической систем и, наконец, изменить парадигму современной человеческой цивилизации [7]. Поскольку последние три проекта еще не проработаны, то имеет смысл остановиться на оценке влияния «Climate Emergency Plan» и первого доклада Римского клуба на концепцию устойчивого развития, поддерживаемую ООН.

Доклад Римского клуба «Пределы роста» выступил в резонансе с другими исследованиями в год, когда в Стокгольме была проведена первая Конференция

ООН по окружающей человека среде, результатом которой стало создание ЮНЕП – Программы ООН по окружающей среде [5]. Дальнейшее развитие международного сотрудничества в области примирения окружающей среды и человека и преодоления диагноза о неминусовой деградации привело к возникновению концепции устойчивого развития, которая в настоящее время определяет миссию институтов глобального управления.

Сравнивая «Цели устойчивого развития ООН» (далее – ЦУР) и «Climate Emergency Plan» (далее – CEP), можно обнаружить как сходства, так и различия. В первую очередь, стоит отметить, что в настоящее время ЦУР вышли за пределы борьбы с климатическими изменениями, в то время как CEP по-прежнему сосредоточены на экологической составляющей, а если быть точнее, то на энергетических преобразованиях, которые необходимы для дальнейшего движения человечества вперед. Вместе с тем стоит отметить, что на современном этапе достижения ЦУР именно борьба с климатическими изменениями представляется наиболее сложной задачей.

Успешное заключение, а затем и ратификация Парижского соглашения по изменению климата 2015 года почти всеми странами мира показывают, что государства, в целом, единодушны в понимании значения подобных мер. Однако выход из этого соглашения США в 2017 году ставит по сомнению успешность мер и скорость продвижения государств в их реализации.

Проходивший в сентябре 2019 года Климатический саммит породил довольно нервную атмосферу среди государств и показал их разделение в вопросе того, сколько времени и средств они готовы потратить на борьбу с изменением климата. Согласно заключительному пресс-релизу [11] не более 40 государств мира заявили о готовности снизить выбросы парниковых газов и направить дополнительные средства на реализацию механизмов Рамочной конвенции ООН по изменению климата 1992 года. Этот итог Климатического саммита согласуется и с результатами Саммита G7 в Биаррице в августе 2019 года [13], которые свидетельствуют об отсутствии согласованных обязательств G7 по вопросам изменения климата. Прогнозы на следующий, 2020 год, когда председательство в G7 перейдет к президенту США Д. Трампу еще более пессимистичные. Скорее всего, несмотря на провозглашение на Климатическом саммите 2020 года пороговым для принятия важных решений, этих решений принято не будет.

Подводя итог, можно сделать вывод, что официальные и неофициальные организации находятся в очень тесном взаимодействии по вопросам принятия решений. Их взаимодействие может строиться на основе достижения консенсуса в малых сообществах и его распространении на все государства мира. Неофициальные организации также являются поставщиком идей для изменений

глобального управления, однако сами претворить эти идеи без механизмов официальных организаций они не могут.

Список использованных источников:

1. Афонин М.В. К вопросу о международной правосубъектности «Группы восьми (G8)» / М.В. Афонин // Вестник социально-политических наук. – 2007. – № 7. – С. 13 – 17.
2. Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс (академический курс) / Г.М. Вельяминов. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 477 с.
3. Доклад Комиссии международного права, 2008 год, 60-я сессия. – Режим доступа:
https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf.
4. Лисицкая М.В. Параорганизации в современных международных отношениях / М.В. Лисицкая // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2014. – № 3. – С. 75 – 80.
5. Программа ООН по окружающей среде. Официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.unenvironment.org/ru>.
6. Римский клуб. Официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.clubofrome.org/>.
7. Римский клуб. Официальный сайт. Проекты. – Режим доступа: <https://www.clubofrome.org/activities/projects/>.
8. Шаповалов, М. С. К вопросу о понятии параорганизаций / М. С. Шаповалов // Сборник научных трудов. – вып. 14. – Омск: ОИВТ (филиал) ФГБОУ ВО «СГУВТ», 2016. – С. 86–95.
9. Шумилов В.М. Словарь внешнеторговых терминов / В.М. Шумилов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2008. – № 3. – С. 50 – 63.
10. Borlini L. S. Soft Law, Soft International Organizations and Technical Regulation of Public Security and Financial Integrity // Bocconi Legal Studies Research Paper No. 3010776. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3010776.
11. Climate Action Summit. Closing release. – Режим доступа: https://www.un.org/en/climatechange/assets/pdf/CAS_closing_release.pdf.
12. Climate Emergency Plan – Режим доступа: <https://www.clubofrome.org/project/the-club-of-rome-climate-emergency-plan/>.
13. The G7 Fails on Climate Change at Biarritz – Режим доступа: <http://www.g8.utoronto.ca/evaluations/2019biarritz/warren-climate.html>.

14. G7 Information Centre. Analytical and Compliance Studies – Режим доступа: <http://www.g8.utoronto.ca/evaluations/index.html#summary>.

15. Klabbers J. Institutional Ambivalence by Design: Soft Organizations in International Law // Nordic Journal of International Law. – 2001. – Vol. 70. – P. 403 – 421.

16. The Limits of Growth / Donella H. Meadows etc. – NY: Universe Book, 1972. – Режим доступа: <http://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf>.

УДК 351.761.3

АНТИНАРКОТИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

© Н.Н. Цуканов

Сибирский юридический институт МВД России

Проблема наркомании, незаконного наркооборота носит глобальный характер и в современном мире не может быть эффективно решена в масштабах одного государства. Для организации совместных усилий требуются унификация и адаптация национальных законодательств к постоянно меняющимся условиям. Базовые международные правовые акты в этой сфере – *Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года* (заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961), *Конвенция о психотропных веществах* (заключена в г. Вене 21.02.1971), *Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ* (заключена в г. Вене 20.12.1988) – при всей своей значимости для этого не достаточны.

В этом отношении интересен опыт, накопленный государствами-участниками Содружества Независимых Государств в вопросе создания единого правового пространства в целях эффективного противодействия наркоугрозе – такая задача предусмотрена Концепцией сотрудничества государств-участников СНГ в противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров от 7 октября 2002 года (Кишинев, 7.10.2002)¹.

В этом направлении уже сделаны существенные шаги. В частности, рекомендательный законодательный акт «О противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров» (принят

¹ См.: п. 2 раздела II Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров от 7 октября 2002 года (Кишинев, 7.10.2002).

Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 2 ноября 1996 г. № 8-8) послужил логической основой для законов государств-участников СНГ в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ¹.

Пришедший на смену ему модельный закон «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах» (принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 постановлением 27-6 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) внес ряд важных корректив, ориентирующих национального законодателя на необходимость уточнения исходной терминологии, в том числе, связанной с вопросами легального оборота, профилактики и лечения наркомании [1].

На сегодняшний день большинство вопросов, имеющих отношение к правовой регламентации оборота наркотических средств, решаются в законодательстве государств-участников СНГ однотипно. Тем не менее, анализ национальных законов о наркотических средствах и психотропных веществах позволяет выделить ряд проблем, не получивших до настоящего времени надлежащего решения.

1. В законодательстве государств-участников СНГ отсутствуют единые перечни контролируемых в соответствии с национальными законами психоактивных веществ и их классификация. Списки подконтрольных веществ существенно отличаются друг от друга и от предусмотренных базовыми международными актами. Например, Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года (с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года) предусмотрены четыре списка наркотических средств. В соответствии с законодательством Российской Федерации наркотические средства включены в первый и второй списки Перечня

¹ См.: Закон Азербайджанской Республики от 28.06.2005 № 959-ІІQ «Об обороте наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров», Закон Кыргызской Республики от 22.05.1998 № 66 «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах», Закон Республики Армения от 10.02.2003 № ЗР-518 «О наркотических средствах и психотропных (психоактивных) веществах», Закон Республики Беларусь от 13.07.2012 № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах», Закон Республики Казахстан от 10.07.1998 № 279-І «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими», Закон Республики Молдова от 06.05.1999 № 382-XIV «Об обороте наркотических, психотропных веществ и их прекурсоров», *Федеральный закон* от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», Закон Республики Таджикистан от 10.12.1999 № 873 «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах», Закон Республики Узбекистан от 19.08.1999 № 813-І «О наркотических средствах и психотропных веществах», Закон Туркменистана от 07.12.2017 «О наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и противодействии их незаконному обороту», Закон Украины от 15.02.1995 № 60/95-ВР «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах».

наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации¹. В соответствии с Законом Республики Казахстан «О наркотических средствах и психотропных веществах» наркотические средства включены в первую, вторую, третью таблицу Списка и список лекарственных средств, содержащих наркотические средства и прекурсоры, подлежащие контролю. Согласно Закону Республики Беларусь от 13 июля 2012 года № 408-З «О наркотических средствах и психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» наркотические средства отражены в первом, втором и пятом списках Республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю на территории Республики Беларусь и так далее.

Соответственно, одно и то же психоактивное вещество в различных государствах может по-разному классифицироваться, и в отношении этого вещества могут устанавливаться различные меры контроля [2, с. 11]. Например, в Российской Федерации альфацетилметадол, ацетилметадол, бензилморфин, гидрокодон, левометорфан, левоморамид включены в Список наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список I), в Казахстане эти же вещества включены в таблицу II (Список наркотических средств и психотропных веществ, используемых в медицинских целях и находящихся под строгим контролем). При этом отдельные вещества, включенные в Российской Федерации в Перечень, такие как, например, беноциклидин, гидроморфинол, мезембрин, вообще не отражены в Списке наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и списке лекарственных средств, содержащих наркотические средства и прекурсоры, подлежащие контролю на территории Казахстана.

Считаем, что эффективное решение данного вопроса обосновано в Рекомендациях по унификации и гармонизации законодательства государств – участников СНГ в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (приняты на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 27-6 от 16 ноября 2006 года)) и закреплено в ст. 3 Модельного закона, предусматривающей выделение пяти списков наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в соответствии с базовыми международными правовыми актами. Решение вопроса остается за законодательными органами государств-участников СНГ.

¹ Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 N 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации.

2. Существенно изменилась структура незаконного наркооборота. Речь идет о стремительном развитии технологий производства синтетических наркотиков. Такие наркотики, во-первых, не привязаны к природной ресурсной базе, довольно часто их производство осуществляется в условиях подпольных нарколабораторий, что обусловлено относительной доступностью необходимого для изготовления наркотиков сырья, реактивов и оборудования, простотой синтеза и возможностью размещений лабораторий в квартирах, частных домах, гаражах, подсобных помещениях [3, с. 39].

Во-вторых, они часто оказываются существенно более токсичными и опасными по сравнению с «традиционными» наркотиками, что, в том числе, меняет привычные подходы к способам их обнаружения. Например, в Российской Федерации 0,1 гр. ацеторфина является особо крупным размером наркотического средства¹.

В-третьих, широкое распространение приобрел незаконный оборот новых видов веществ, обладающих выраженным психоактивным воздействием на человека, но не включенных в момент выявления в перечень наркотических средств, подлежащих контролю в соответствии с национальным законодательством. Так, согласно данным Всемирного доклада о наркотиках 2016 г., только в 2015 г. Управление ООН по наркотикам и преступности получило информацию о 75 впервые обнаруженных наркотических веществах: синтетических каннабиноидах, синтетических катинонах, синтетических опиоидах и т.д. Для противодействия этой негативной тенденции модельный закон «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах» закрепляет запрет на бесконтрольный оборот аналогов наркотических средств и психотропных веществ. Следует отметить, что в законодательстве большинства государств-участников СНГ указанные нормы нашли отражение. Более того, в Российской Федерации помимо аналогов наркотических средств и психотропных веществ предусмотрены такие категории как *производные наркотических средств и психотропных веществ*, а также *новые потенциально опасные психоактивные вещества*. При этом в Республике Беларусь аналоги определяются принципиально иным образом, чем это предусмотрено модельным законом, а в законах Республики Азербайджан, Республики Таджикистан этот термин вообще не предусмотрен. Тем не менее

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

совместные усилия в этом направлении дают положительные результаты: новые вещества своевременно выявляются и оперативно включаются в соответствующие перечни. Например, в 2017 году Правительством РФ установлены меры государственного контроля в отношении 32 новых наркотических средств и психотропных веществ (и одного наркосодержащего растения), в отношении 11 из них предусматривается возможность контроля их производных, установлен запрет в отношении производных по 2 наименованиям подконтрольных веществ [4, с. 7]. В 2018 г. шесть раз вносились изменения в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации¹. При этом на территории крупнейшего региона Российской Федерации – Красноярского края – в период с 2015 по 2018 гг. ни разу не фиксировался оборот новых веществ, обладающих выраженным психоактивным воздействием на организм человека, но не отнесенных к числу подконтрольных.

Наконец, изменились технологии незаконного сбыта наркотиков, связанные с переходом на бесконтактные формы. Эта тенденция отмечается правоохранительными органами всех государств-участников СНГ и требует расширения соответствующих полномочий органов государственной власти в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

3. Сохраняются различия в предусмотренных законодательствами государств-участников СНГ основаниях применения мер юридической ответственности за правонарушения, связанные с оборотом наркотиков и наркопотреблением. Так, отличаются классификации размеров наркотических средств и психотропных веществ для применения мер уголовной ответственности [2, с. 11], несмотря на то, что вопрос получил надлежащее решение в формате Рекомендаций по гармонизации и унификации законодательства государств – участников СНГ в части, касающейся единого подхода к определению минимального размера наркотических средств и психотропных веществ, за незаконный оборот которых предусмотрена уголовная ответственность, а также крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного законодательства (приняты на тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (постановление от 03.12.2009 № 33-20).

Согласно ст. 96 модельного закона «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах» незаконное потребление наркотических

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 N 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации».

средств или психотропных вещества влечет административную ответственность. В соответствии с абз. 5 статьи 2 Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров стороны руководствуются принципами «установления ответственности за немедицинское потребление наркотиков как важного превентивного средства предупреждения наркомании и снижения спроса на наркотики». Интересно, что Республика Беларусь отказалась от принятия данного пункта, в то же время потребление наркотиков либо нахождение в состоянии наркотического опьянения в общественном месте влечет уголовную ответственность по ст. 328.2 УК РБ. В ряде иных случаев положения Соглашения и модельного кодекса приняты, а юридическая ответственность за незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ не установлена.

Отсутствует единообразие в вопросах средств побуждения больных наркоманией к лечению от наркомании [5], в возможности применения к таким лицам мер принудительного лечения. Принимая во внимание, что закрепленная модельным законом возможность принудительного лечения больных наркоманией воспринята законодательством не всех государств-участников СНГ (например, предусмотрена законами Республики Азербайджан, Республики Кыргызстан, Республики Казахстан, Республики Туркменистан и не предусмотрена, например, законодательством Российской Федерации, где закреплена возможность возложения на лицо обязанности пройти диагностику, лечение, медицинскую и социальную реабилитацию [6, с. 7-17]), перспективным представляется возможность отражения в модельном законе вариативности нормативного решения данного вопроса.

Все это предопределяет необходимость внесения изменений в модельный закон «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах». С удовлетворением следует отметить, что в настоящий момент такая работа ведется [2, с. 15]. Хочется надеяться, что ее итоги будут способствовать успешному достижению цели повышения эффективности противодействия незаконному обороту наркотиков и незаконного наркопотребления на территории государств-участников СНГ.

Список использованных источников:

1. Федоров А.В. СНГ: вопросы гармонизации и унификации законодательства о наркотиках // Наркоконтроль 2006, № 2 (СПС КонсультантПлюс).

2. Цуканов Н.Н. Модельный закон о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах: значение и пути совершенствования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 9–15.

3. Наркоситуация в зоне действия Организации Договора о коллективной безопасности в 2018 году : аналитические материалы / П.В. Тепляшин, Н.Н. Цуканов, М.Г. Мелихов. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019. 60 с.

4. Наркоситуация в зоне действия Организации Договора о коллективной безопасности в 2017 году : аналитические материалы. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. 59 с.

5. Административно-правовые средства побуждения больных наркоманией, совершивших административные правонарушения, к лечению от наркомании, а также к медицинской и социальной реабилитации (по законодательству государств-участников Содружества Независимых Государств) : отчет о научно-исследовательской работе (заключительный) / А.В. Жильцов, Е.А. Димитрова, А.Ю. Иванов, И.В. Кудашова, А.О. Астахова, Н.А. Дудина, А.Б. Будникова, С.В. Бабин, П.Е. Шишкин. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. 78 с. (№ г.р. 07182690, инв. № 06189654).

6. Цуканов Н.Н. Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: новое в административно-деликтном законодательстве и прогнозируемые проблемы // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 1 (14). С. 7–17.

**СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕТОДИКИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

ПАМЯТЬ ОБ ИГОРЕ ВИКТОРОВИЧЕ АЛЕКСАНДРОВЕ

© Н.П. Яблоков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Естественная смерть человека является закономерным концом его жизни, однако смириться с ней очень трудно, независимо от ее причины, когда из жизни уходит близкий, родной человек или друг. Особенно трудно смириться, когда человек уходит в возрасте, когда мог еще много полезное сделать в сфере своей деятельности, как Игорь Викторович Александров. Неожиданная смерть Игоря Викторовича для меня и всего коллектива кафедры криминалистики, которую он возглавлял, стала большой утратой.

Как автор данных воспоминаний об Игоре Викторовиче, я хотел бы начать их с периода моего знакомства с ним и отметить такие черты его личности, которые вызвали мой интерес к нему и возникновение последующих дружеских отношений, хотя по возрасту он годился мне в сыновья. Знакомство наше произошло на одной из конференций, мы также встречались с ним на защите кандидатских диссертаций как оппоненты. Привлекли меня такие черты Игоря Викторовича как мужская добротность, мастеровитость, надежность в отношениях, волевые качества, умение найти правильные решения в сложных ситуациях. Впоследствии с Игорем Викторовичем я несколько раз близко общался в Красноярске, где он работал на юридическом факультете Красноярского Государственного Университета в должности декана. Там мне удалось познакомиться с его умением руководить научно-педагогическим коллективом. И когда в связи с моим преклонным возрастом наступило время передать должность заведующего кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ, которую я занимал длительное время, молодому ученому, я понял, что лучшего человека на эту должность, чем Игорь Викторович, мне не найти. Я высказал ему свои соображения по этому поводу, и он согласился быть претендентом на эту должность.

Конечно, этот вариант был не из легких, обусловленный тем, что он был иногородним и иными трудностями. Однако с активной помощью декана юридического факультета МГУ профессора А.К. Голиченкова эту задачу удалось решить и получить должность профессора на кафедру криминалистики, на которой Игорь Викторович при моем руководстве проработал два года. Затем Игорь Викторович при моей и поддержке коллектива кафедры подал заявление на конкурс на должность заведующего кафедрой. Его кандидатура была отобрана Советом юридического факультета и утверждена ректором.

С вступлением Игоря Викторовича в должность заведующего кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ начался новый период ее жизни. Первой задачей кафедры на тот момент было усиление ее роли среди не только других кафедр криминального цикла, но и иных кафедр факультета в условиях развивающегося в стране цифрового мира. Это было оправдано, ибо криминалистика, аккумулирующая в своих научных и практических разработках данные научно-технического прогресса, фактически является одним из проводников, этих данных в другие юридические науки.

Для реализации этих задач Игорю Викторовичу удалось при поддержке декана и ректора университета создать на юридическом факультете межкафедральный криминалистический центр под эгидой кафедры. Этот центр должен был прежде всего обеспечить проведение занятий по криминалистике на более высоком уровне с учетом использования всевозможных достижений научно-технического прогресса, создать условия для дальнейшего развития на факультете других юридических наук, а также оказывать технико-криминалистическую поддержку другим кафедрам. Центр, в том числе с участием Игоря Викторовича Александрова, получил необходимые помещения и периодически получал соответствующее техническое оснащение. На его базе стали осуществляться не только практические занятия, но и проходить периодическое ознакомление студентов с современными научно-техническими средствами, которые используются следователями Следственного Комитета. На его базе стали проводиться круглые столы по отдельным криминалистическим темам.

По инициативе Игоря Викторовича коллектив кафедры в период его заведования подготовил и издал ряд учебников для бакалавриата и магистратуры, ряд учебных пособий и практикум. Апофеозом этой деятельности была подготовка и издание пятитомного издания курса криминалистики, каждый том которого был посвящен отдельным вопросам – истории криминалистики, криминалистической теории, криминалистической технике, тактике и методике расследования. Это результат большой творчески напряженной работы авторского коллектива и в первую очередь – его главного редактора, Игоря Викторовича. Впервые предпринятое издание такого курса не могло быть лишено некоторых недочетов, однако в целом стало интересным и полезным изданием, а также показало возможность и полезность издания таких курсов. Думается, в будущем имеющиеся недостатки издания будут устранены.

Игорь Викторович обладал великолепным свойством быстро налаживать контакты с организациями. С помощью этих контактов студенты получили возможность познакомиться с новинками криминалистической техники,

используемой следователями, и ближе познавать различные проблемы в деятельности расследования преступлений.

Игорь Викторович был не только инициатором различных начинаний, помогающих повышать роль кафедры как научно-методического центра вузовской криминалистики, но и был неутомим в реализации всего нового. В этом ему способствовали сильные волевые и деловые качества.

Он был коммуникабелен и активен в своей работе на кафедре и ничего не предвещало его трагического ухода из жизни. Поэтому смерть Игоря Викторовича для всех членов кафедр был не только неожиданной, но оглушающей и тяжелой утратой.

Коллектив кафедры скорбит по поводу его смерти. Вне всякого сомнения, начинания Игоря Викторовича будут развиваться его преемниками и коллективом кафедры. Те инициативы, которые Игорю Викторовичу Александрову не удалось осуществить, будут продолжены, и память о нем как заведующем и человеке, будет частью истории кафедры криминалистики юридического факультета МГУ.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА И.В. АЛЕКСАНДРОВА

© И.М. Комаров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Профессор И.В. Александров известный российский криминалист советской школы, который прошел долгий путь от следователя районной прокуратуры до заведующего кафедрой криминалистики ведущего университета России.

В советский период развития российского государства приход практикующего юриста в криминалистическую науку было традиционным, так как в отличие от других юридических наук криминалистика предполагала и предполагает в настоящем знание своего предмета не только в соответствии с теорией, но и практикой правоприменительной деятельности. Ученый-криминалист должен исследовать и развивать то знание, которое ему понятно не из книжных, а непосредственных практических источников. Навыки и умения полученные в процессе раскрытия и расследования преступления всегда лучше обеспечивали процесс его научно-практического познания и на этой основе позволяли разрабатывать соответствующие криминалистические рекомендации по оптимизации следственной деятельности.

Игорь Викторович Александров родился в Тувинской автономной области в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 23 октября 1952 года. После окончания средней школы он поступил в Красноярский

государственный университет (ныне – Сибирский федеральный университет) на юридический факультет, который окончил в 1975 году.

После окончания университета по распределению он был направлен на работу в органы прокуратуры, где на протяжении семи лет трудился на следственных должностях. За этот период времени он прошел путь от следователя районной прокуратуры до следователя по особо важным делам прокуратуры Красноярского края. Должен отметить, что по меркам советского времени за семь лет практической деятельности в органах прокуратуры столь стремительный карьерный рост может свидетельствовать только об одном – признании руководством особых способностей и твердых знаний, которые обеспечивают профессиональное выполнение должностных обязанностей. Таким был сотрудник органов прокуратуры СССР И.В. Александров.

В 1982 году он решил изменить свою жизнь и перешел на работу в Красноярский государственный университет, где до поступления в аспирантуру работал заведующим лабораторией кафедры криминалистики юридического факультета.

После окончания очной аспирантуры Свердловского юридического института и досрочной защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Криминалистическая характеристика и особенности расследования мошеннических посягательств на личную собственность граждан» И.В. Александров возвратился в Красноярск, где с 1985 года работал в должностях старшего преподавателя, доцента, профессора кафедры криминалистики, заместителя декана юридического факультета. Длительное время Игорь Викторович работал деканом юридического факультета и проректором Красноярского государственного университета по гуманитарному образованию и правовым вопросам.

За восемь лет им была подготовлена докторская диссертация на актуальную проблематику, связанную с расследованием налоговых преступлений. Ее защита по теме «Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений» была принята в 2003 году диссертационным советом университета. Исследование налоговых преступлений стало главным направлением научной деятельности профессора И.В. Александрова.

В 2008 году он был приглашен на юридический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, где до 2012 года работал профессором кафедры криминалистики и заместителем декана юридического факультета по учебной работе.

В 2012 году Игорь Викторович был избран на должность заведующего кафедрой криминалистики указанного университета. Профессор И.В. Александров

возглавил кафедру в сложный переходный период, когда требовались новые идеи для развития отечественной криминалистики.

За шесть лет руководства кафедрой был создан новый коллектив единомышленников, способных обеспечить высокий уровень образовательной услуги и решить ряд важных научных задач.

На кафедре открылись ряд новых магистерских программ, были переизданы учебники криминалистики, подготовлены новые учебные издания для магистерской подготовки, опубликован пятитомный курс криминалистики, активно развивался криминалистический центр.

Продолжая исследовать вопросы расследования налоговых преступлений И.В. Александров в период с 2003 по 2018 годы опубликовал много различных научных трудов как в периодических изданиях, так и монографических.

Однако, наиболее интересным, на наш взгляд, является его монография «Налоговое расследование: основы криминалистической методики» (2012, Юрлитинформ). В этой работе на основе глубокого анализа судебно-следственной практики, фактически, представлена групповая криминалистическая методика расследования налоговых преступлений.

Автор раскрыл сущность и особенности преступного уклонения от уплаты налогов. Он выделил понятие и особенности данного преступления, дал его уголовно-правовую характеристику, определил данное преступление как слагаемое экономической и организованной преступности, отразил криминалистические аспекты противодействия преступным уклонениям от уплаты налогов.

В работе рассмотрена криминалистическая характеристика как информационная основа методики расследования уклонения от уплаты налогов, ее основные особенности, содержание и структура. Выделены и раскрыты базовые элементы криминалистической характеристики уклонения от уплаты налогов: обстановка, время и место совершения преступления, способы и механизмы преступного уклонения от уплаты налогов, следы преступного уклонения, исследован субъект этого преступления.

Кроме того, И.В. Александров в свое монографии подробно исследовал такую важную часть «налогового» расследования какой является доследственная проверка уклонений от уплаты налогов. В этой части рассмотрены основные особенности и проблемы выявления уклонений от уплаты налогов; методы выявления и типичные признаки совершения преступления; вопросы криминалистического анализа документов как основного метода выявления и доследственной проверки информации об уклонении от уплаты налогов; взаимодействие контролирующих правоохранительных органов; особенности доследственной проверки и возбуждения уголовного дела об уклонении от уплаты налогов.

Важное криминалистическое значение для теории и правоприменительной практики имеют вопросы основ методики расследования уклонения от уплаты налогов и тактические особенности собирания и проверки доказательств уклонения от уплаты налогов, отраженные автором в указанной монографии.

В планах профессора И.В. Александрова было много идей и задумок, связанных с развитием кафедры криминалистики, которым не суждено сбыться.

УДК 343.98

**ПРЕИМУЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА
НА УРОВНЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ**

© В.Л. Юань, Т.А. Алексеева

Западно-Сибирский филиал

Российского государственного университета правосудия

Результаты современных исследований наглядно показывают, что существует три исследовательских уровня изучения личности обвиняемого: уровень психологического свойства личности, уровень психологического типа личности, уровень психологической модели личности [5, с. 28-29; 3, с. 40-41; 6, с. 245-247]. Очевидно, что каждый уровень имеет свои достоинства и недостатки, однако подразумевается, что они соотносятся между собой все же по вертикальной иерархии, поскольку речь идет непосредственно об уровнях, а не о видах. В основе шкалы, по которой эти уровни выстроены по вертикали, лежит степень глубины, детализации и точности криминалистически значимого знания о личности обвиняемого, который удастся добыть на каждом из этих уровней. Суммируя актуальные научные данные многочисленных исследований современных ученых в области криминалистики и психологии, посвященные методам и методикам изучения личности обвиняемого [4, с. 84-93; 2, с. 65-70; 1, с. 159-160], можно попытаться выделить следующие преимущества изучения личности обвиняемого с использованием биографического метода на уровне модели.

I. Точность. Целостное познание индивидуальности. Основная проблема изучения личности обвиняемого (и не только) заключается в отсутствии строго математического, измеримого знания, которое бы давало исследователю возможность строить прогнозы, имеющие стопроцентную вероятность. Если обратиться к любой психологической типологии, то разница между людьми даже в пределах одного психологического типа очень быстро станет очевидной. В этом смысле, как

раз важно подчеркнуть тот факт, что на уровне модели эта разница также определяется: два представителя одного психологического типа по нескольким ключевым параметрам будут отличаться друг от друга, вместе с тем, вариативность этих параметров будет укладываться в диапазон, характерный для представителей их типа. Другими словами, для каждого типа есть так называемая «зеленая зона», в пределах которой навыки, поведение и образ жизни типичны и чаще встречаются именно у представителей конкретного психологического типа, «желтые зоны», в которых имеются общие с другими типами и «красные зоны», в которых частота встречаемости настолько редкая, что в большинстве случаев, при прочих равных условиях, изучаемая личность не может быть отнесена к такому типу.

II. Пределы. Взаимосвязь с другими уровнями. Помимо возможности при помощи знания типа личности обвиняемого ограничить множественность вариантов вероятных биографических фактов из его жизни, возможна и обратная ситуация, когда из известных элементов в структуре модели личности обвиняемого определяется его тип. Преемственность исследовательских уровней позволяет двигаться в любом направлении между ними: из группы известных личностных свойств можно выявить его тип, на основе типа определить модель и наоборот: из модели можно сделать вывод о его типе, а знание типа обеспечивает знание его личностных свойств. Знание одного конкретного личностного свойства личности обвиняемого, само по себе ничего не дает: одной из основных проблем в определении психологического типа личности обвиняемого является выявление индивидуальных психологических свойств личности и их отличие социально-ролевой установки, которую личность в своем поведении способна демонстрировать, однако эти поведенческие признаки являются ложными для исследователя, поскольку они несут на себе след не его индивидуальности, а его окружения (семья, друзья, учебный или рабочий коллектив и т.д.).

III. Контекст. Взаимосвязь биографических фактов. Элементы в структуре биографии позволяют не только выявлять предшествующие события из жизни обвиняемого, но и выявлять неизвестные элементы, с высокой степенью вероятности идущие в связке с уже известными (здесь производится выбор из доступных вариантов), давая возможность делать прогноз относительно его дальнейшего поведенческого вектора. Необходимо понимать, что модель личности обвиняемого является сквозным объектом: разрабатывается отдельная целостная теория для одного конкретного человека, в которой в зафиксированном виде будут отражены известные исследователю сведения о его жизни, при этом, нужно помнить, что до момента, когда эта теория будет разработана, гипотетически имелись другие ее, более старые варианты, поскольку часть событий в жизни обвиняемого еще не произошли, что отражает наличие факта преемственности всех вариантов

модели его личности, а значит – и всех биографических фактов. Именно по этой причине становится возможным путем анализа известных биографических фактов менять исследовательский вектор в ретроспективу с целью построения хронологической цепочки жизни обвиняемого. Методика выявления неизвестных событий из жизни обвиняемого аналогична методике проверки доказательств из раздела теории доказательств в рамках уголовного процесса. Анализ нескольких известных биографических фактов дает возможность строить гипотезы о наличии еще одного, неизвестного биографического факта, который чаще всего в повседневной жизни встречается в связке с уже известными биографическими фактами. При этом, методика проверки связей известных биографических фактов на логичность, которая определяется путем определения их соответствия друг другу, будет аналогична методике выявления факта инсценировки преступления в рамках проведения осмотра места происшествия. К примеру, если известно, что обвиняемый в подростковом возрасте употреблял алкоголь, наркотические вещества, курил, неоднократно совершал правонарушения, рос в неблагополучной семье и вдруг поступают данные о том, что он к 22 годам оканчивается престижный университет с красным дипломом, параллельно достигая победы в каком-то виде спорта, то здесь явно упущена существенная деталь из его биографии: как возможен такой резкий переход? Нарушен сам нарратив. Возможно, исследователь на каком-то этапе получил искаженные, полуправдивые или ложные данные либо нужно искать фактор, который и определил такой резкий переход в образе жизни обвиняемого. Последовательность смены этапов в жизни обвиняемого всегда имеется. Несмотря на то, что переходы бывают достаточно резкими (обычно, это свидетельство существования важного биографического факта, который исследователь должен установить), они все равно преемственны друг другу, если речь идет об одном и том же человеке.

IV. Формация. От модели личности к модели социума. Познание модели одной личности позволяет выйти на знание модели социума, следы которых на себе эта личность несет. Ранее уже говорилось, что важной проблемой определения типологической принадлежности личности обвиняемого является четкое разграничение его личностного от социально-ролевого на основе анализа его поведенческих маркеров. Опыт многочисленных наблюдений за обучающимися ВУЗов в г. Томске в период с октября 2014 по ноябрь 2018, а также бесед с ними, показал, что чаще всего, социально-ролевые установки заимствуются от ближайшего окружения личности. Главный вопрос «в чем отличие одного человека от другого, когда оба они – представители одного психологического типа?» может получить свой ответ, если будет проанализирована вариативность ряда элементов в структуре их моделей, на которую сильно влияют, в первую очередь, семья, в

частности, родители. Это позволяет обоснованно предположить, что вероятно, анализ личности обвиняемого позволит выйти на знание о психологических особенностях личности его родителей и детей, а также ближайшего окружения и наоборот.

Анализ преимуществ, выделенных выше, позволяет ответить на вопрос, что представляет из себя модель личности обвиняемого. Неоднократно подчеркивалось, что модель – это прежде всего структура и, как всякая структура, она имеет свои элементы. Вместе с тем, на первый взгляд может показаться, что биографический факт из жизни обвиняемого – это и есть элемент в структуре модели, однако это не так. Биографический факт – это отражение элемента модели психологии личности. Непосредственно в биографических фактах каждый элемент модели личности обвиняемого находит свое выражение, при этом, сам он также способен как обостряться, так и сглаживаться за счет влияния других биографических фактов. К примеру, если речь идет об обвиняемом с акцентуированным типом «циклоид», то его врожденный элемент – эмоциональная незрелость будет усилен (обострен) за счет отсутствия матери в его жизни (например, если она умерла при родах) и напротив, при наличии матери в его жизни с детства и полноценных отношениях с ней такой элемент будет сглажен в сторону повышения эмоциональности.

Вывод, который можно сделать из приведенного примера прост: одни биографические факты могут как усиливать, так и нивелировать элементы в структуре модели психологии личности обвиняемого, когда как другие биографические факты являются выражением самих этих элементов. На сегодняшний день в криминалистической науке еще не до конца четко сформирована целостная карта модели личности обвиняемого, а вопросы о том, какие элементы должны в модели присутствовать обязательно, являются ли они универсальными или какая-то часть может отсутствовать и это не будет влиять на психологическую полноценность личности обвиняемого – остаются открытыми. Однако при этом видится, что некоторая совокупность базовых элементов должна присутствовать. На данную гипотезу часто можно услышать критику о том, что модель – это условность и что все люди запредельно разные и сама попытка создать универсальную модель для всех людей на Земле – псевдонаучна. Если же попытаться беспристрастно оценить степень обоснованности подобной критики, то очень быстро окажется, что она крайне низкая, поскольку объективно существуют базовые требования к любым объектам, которые позволяют их относить к тем или иным видам. Другими словами, модель какого-то объекта, личность обвиняемого в этом смысле не исключение, всегда должна иметь какой-то набор исходных, универсальных и общих элементов, в противном случае, это будет уже другой объект. Примеров

тому масса: из области физиологии – человек не может существовать без воздуха, ему нужны легкие или их аналог, в противном случае он не выживет; из области машиностроения – любой машине нужна силовая установка, двигатель, который будет приводить ее в движение, в противном случае машина не будет иметь возможности сама тронуться с места; из области психологии – любой человек имеет память, мышление, способен воспринимать, реагировать и осознавать происходящее в реальном времени, общаться, адаптироваться, в противном случае он будет лишен возможности самостоятельно обслуживать самого себя, жить и выживать, поэтому в тех случаях, когда у него в перечисленных случаях наблюдаются проблемы, нельзя сказать, что речь идет о норме: страдающим расстройством памяти, мышления и т.д. по действующему законодательству Российской Федерации должна предоставляться помощь. Если же помощь уже не требуется (меры по реабилитации оказались эффективными), то личность возвращается из патологического состояния в нормальное. Кроме того, если взять любой учебник по дисциплине «Общая психология» и взглянуть на разделы тем, предлагаемых для изучения обучающимися в рамках академической среды, можно увидеть такие разделы, как «память», «речь», «эмоции» и т.д. Основываясь на этом, можно обоснованно предположить, где находится точка начала построения модели личности обвиняемого.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, биографический метод является на сегодняшний день, единственным научным методом, который способен обеспечить наивысшую результативность при изучении личности обвиняемого на уровне психологической модели по сравнению с другими методами изучения личности, что прямо влияет на качество решения криминалистических задач и достижение криминалистически значимой цели. Сказанное в равной степени также означает, что биографический метод позволяет определять как психологические черты, так и психологический тип личности обвиняемого путем анализа биографического факта.

Во-вторых, на сегодняшний день криминалистическая наука остро нуждается в научной разработке образца модели личности обвиняемого с конкретными элементами в ее структуре. Понятно, что поначалу она будет сырой, однако эта проблема неизбежна и решается и ее существование не должно препятствовать самому вопросу разработки модели личности обвиняемого в криминалистической науке. В процессе ее обкатки, доводки и совершенствования как раз и отражается взаимосвязь всякой теории с практикой, когда любая теория, всегда представляющая из себя определенную модель, сопоставляется с реальной действительностью и, подобно географической карте, дополняется, изменяется, уточняется согласно новым, актуальным и более полным данным, непрерывно

поступающим в распоряжение научного сообщества и получаемым в процессе научных исследований. Первые шаги на пути разработки модели личности обвиняемого в криминалистической науке были еще сделаны в 60-х годах XX века. Дальнейший процесс разработки может быть ускорен за счет внедрения психологических типологий: целесообразно использовать типологию психологической ориентации и типологию акцентуированных личностей.

В-третьих, в структуре модели должен присутствовать ряд элементов, являющихся базовыми и общими для всех обвиняемых. Ответ на вопрос, что относится к обязательной совокупности таких элементов, без которого личность обвиняемого – это уже не личность обвиняемого, лежит там, где проходит грань между психологической нормой и психологической патологией. Опираясь на имеющиеся результаты научных исследований, можно выдвинуть гипотезу о существовании как минимум трех видов элементов: первичные элементы (витальные), которые определяют вопрос физического выживания личности обвиняемого (без которых люди в отсутствие посторонней помощи умирают), вторичные элементы (адаптивные), отсутствие которых затрудняет адаптацию личности обвиняемого (дезадаптированные личности) и третичные элементы (индивидуальные), в которых как раз выражается индивидуальность личности обвиняемого, отличающего его от тысяч других, при этом имеющих одну с ним ведущую доминанту (акцентуированный тип).

Список использованных источников:

1. Алексеева, Т. А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи / Т. А. Алексеева // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 378. – С. 159-161.
2. Ахмедшин, Р. Л. Тактика коммуникативных следственных действий / Р.Л. Ахмедшин. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. – 294 с.
3. Ахмедшин, Р. Л. Юридическая психология: курс лекций / Р. Л. Ахмедшин. – Томск: Эль Контент, 2011. – 228 с.
4. Ведерников, Н. Т. Избранные труды. Том 1. / Н. Т. Ведерников. – Томск: Издательство Томского университета, 2009. – 250 с.
5. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – 3-е изд. – М.: Питер, 2013. – 607 с.
6. Юань, В. Л. Характеристика уровней криминалистического исследования личности обвиняемого / В. Л. Юань // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / ред. О. И. Андреева, С. А. Елисеев, Л. М.

Прокументов, М. К. Свиридов и др. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – Ч. 78. – С. 245 – 247.

УДК 343.98

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВСЕОБЩЕЙ ДНК-ПАСПОРТИЗАЦИИ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАССЛЕДОВАНИИ
И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

© Ф.Г. Аминев

Башкирский государственный университет

Как известно, эффективность деятельности по расследованию преступлений во многом зависит от содержания методик расследования преступлений [1, с. 32]. Поэтому справедливым следует считать мнение о том, что одно из центральных мест в формировании методик расследования отдельных видов преступлений справедливо занимают особенности использования специальных знаний. Частные методики расследования будут полноценными только при продуманности научно разработанных технико-тактических рекомендаций – методов и средств криминалистической техники и тактики [14, с. 102-103].

Представляется, что наиболее интенсивно развивается одно из важнейших направлений использования специальных знаний в борьбе с преступностью – криминалистическая регистрация, в которой собирается, накапливается, обрабатывается и используется в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений вся криминалистически значимая информация, получаемая в ходе следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, судебных экспертиз и криминалистических исследований.

Актуальным и поныне остается высказывание одного из создателей отечественной криминалистики И.Н. Якимова, который криминалистическую регистрацию сравнивал «с частой сетью, раскинутой над преступным миром... она должна быть поставлена, по возможности, широко и всесторонне, охватывать максимальное количество учетных единиц и пользоваться точными способами учета, находящимися на высоте современной науки» [15, с. 31].

В настоящее время система криминалистической регистрации функционирует с применением комплекса информационных, телекоммуникационных и геоинформационных технологий, технологий искусственного интеллекта и защиты информации в рамках единой информационно-телекоммуникационной системы (ЕИТКС) органов внутренних дел Российской Федерации. Особая роль уделяется

развитию экспертно-криминалистических учетов, создаваемых в результате деятельности экспертно-криминалистических подразделений в ходе проводимых ими исследований.

О видах, порядке формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации подробно изложено в приказе МВД России от 10 февраля 2006 года № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (в ред. от 11.09.2018.) [8].

Анализ развития регистрационно-справочных учетов в практике борьбы с преступностью в мире позволяет сделать однозначный вывод о преобладании тенденции создания в каждой стране единой автоматизированной интегрированной информационно-поисковой системы баз данных с биометрическими параметрами человека. И самыми перспективными базами данных с использованием биометрических характеристик, основанными на компьютерных технологиях и идентификации личности человека, являются учеты генотипов.

Уникальность генома человека позволяет идентифицировать его по любым биологическим материалам, имеющим хотя бы одну целую клетку организма, в которой содержится молекула ДНК (слюна, сперма, волос с луковицей, кровь, ткани и органы, потожировые выделения и др.). Технические возможности оборудования, используемого в практике производства молекулярно-генетической экспертизы (фирм Promega, RapidHIT, MiSeg FGX, Applied Biosystems и др.) позволяет обеспечить результат сравнительного исследования следа биологического происхождения, изъятого с места происшествия, с образцом ДНК, полученного с конкретного человека, с идентификационной значимостью 1 из $1,4 \times 10^{23}$, в то время как количество людей, когда-либо проживавших на Земле равно $1,1 \times 10^{11}$ [3, с. 194].

Изучение зарубежной литературы свидетельствует о том, что в настоящее время в 60 странах мира формируются собственные геномные базы данных, основанные на STR-полиморфизме ДНК (STR – Short Tandem Repeats). Самая многочисленная ДНК-информация на сегодняшний день заложена в геномных учетах Китайской Народной Республики (КНР) – 46 млн. образцов (ДНК-профилей), в США – свыше 18 млн., в Великобритании – более 7 млн. образцов, в Таиланде – 160 тыс. образцов, в Республике Беларусь – более 100 тыс. образцов [13, с. 554].

Анализ хода формирования, ведения и использования системы геномной регистрации в разных странах позволяет выделить технические, правовые, политические и этические аспекты этой деятельности, которые следует учитывать при проведении в дальнейшем всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации.

Правовые аспекты широко представлены в международных правовых актах. Так, во Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, принятой 11 ноября 1997 года Организацией Объединенных Наций, основной акцент сделан на конфиденциальности геномной информации, которая должна охраняться в соответствии с законом [2]. В 2003 году Резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Международная декларация о генетических данных человека, в которой предлагалось осуществлять сбор генетической информации только в соответствии с правом страны, не противоречащим международному праву [6]. Советом Европы в 1992 году была принята Рекомендация R(92) 1 по использованию ДНК-анализа в уголовном судопроизводстве, в которой изложены опасения о возможных нарушениях в процедуре использования базы данных ДНК [16].

В разных странах для формирования базы данных ДНК разработаны различные правовые платформы. Первыми приступили к формированию базы геномной регистрации в 1987 году в Великобритании [12, с. 96]. на основе ранее принятого в 1984 году Акта о полиции доказательств по уголовным делам. Причем, в этой стране был сразу же зарегистрирован рост раскрываемости преступлений: по данным С.А. Боринской, если до внедрения ДНК-анализа раскрывались только 13% преступлений, то «с использованием ДНК-анализа – 31%, а с использованием ДНК-анализа и базы данных ДНК-профилей – уже 60% [5, с. 152].

В США правовая регламентация формирования и использования ДНК-базы началась в 1994 году с принятия Конгрессом США Закона о создании национальной базы данных ДНК.

В Македонии Закон, регулирующий создание и дальнейшее формирование баз данных ДНК-профилей был принят в 2009 г., практическая реализация его начата с 1 января 2012 г [7, с. 53].

В Республике Казахстан Закон «О дактилоскопической и геномной регистрации» был принят в декабре 2016 года, согласно ему с 2021 года будут взяты ДНК-профили со всех лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления [9, с. 119].

Приказом Министерства здравоохранения Республики Узбекистан от 30 декабря 2016 года № 554 произведена реорганизация Главного бюро судебно-медицинской экспертизы Минздрава, в результате которой был образован отдел молекулярно-генетической экспертизы для проведения ДНК-анализа и последующего формирования базы данных ДНК [10, с. 208].

В России, реализуя Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и Постановление Правительства РФ от 11 октября 2011 г. № 828 «Об утверждении Положения о

порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы», Министерство внутренних дел Российской Федерации утвердило правила обработки геномной информации. Определено, что учет, хранение и классификацию геномной информации, полученной при проведении обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание, осуществляет федеральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» путем формирования и ведения федеральной базы данных геномной информации. Эта база в России составляла на 1 января 2019 года около 500 тыс. ДНК-профилей.

Задачами геномной регистрации, согласно ст. 14 главы 3 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» являются:

- выявление и установление лиц, совершивших преступления;
- розыск пропавших без вести граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства;
- установление личности неопознанных трупов;
- установление родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых) [11].

К сожалению, в формировании и ведении полноценной базы геномной регистрации остается ряд проблем:

- участвовавшие ошибки результатов сравнения ДНК-профилей на базе STR-локусов;
- низкий уровень цифровизации базы данных, основанных на STR-локусах;
- зависимость от импортного (в первую очередь, американского) оборудования и расходных материалов;
- проблемы этического и организационного обеспечения всеобщей ДНК-регистрации и т.д.

Так, в ходе анализа и кодировании всей молекулы ДНК (а она в развернутом виде длиной около двух метров) с широко используемой во всем мире программой CODIS возможны выпадения аллеля Y в STR-локусах, что приводит к установлению ложного различия сравниваемых геномов, либо к установлению случайного совпадения.

Кроме того, существенным недостатком применяемых в настоящее время баз данных на основе STR-локусов является недетерминированный уровень полиморфизма. В таком случае рекомендуют помимо ДНК-профилей лиц создавать популяционно-генетические базы данных для формирования баз данных с генетическими профилями населения отдельных регионов. Такие базы данных помогают провести статистическую оценку достоверности идентификационного исследования ДНК-профиля.

Еще одним из ключевых моментов для формирования, обработки и использования геномной регистрации населения становится максимальная цифровизация хранимых данных, которая в STR-локусах практически невозможна из-за большого объема кодируемой информации. Поэтому – крайне важна реализация идей отечественных разработчиков ДНК-учетов.

Проведенное нами анкетирование юристов-практиков и ученых-правоведов Челябинска, Ростова-на-Дону, Уфы показало некоторую тревогу относительно конфиденциальности и информационной безопасности базы данных ДНК. Так, только 45% сотрудников прокуратуры согласны с принятием Федерального закона «О всеобщей ДНК-регистрации населения Российской Федерации», а 50% – против его принятия; 65% ученых-криминалистов поддерживают идею о принятии Федерального закона «О всеобщей ДНК-регистрации населения Российской Федерации», в то время как 30% – против. Более лояльны к вышеназванному Федеральному закону студенты выпускного курса Института права: 74% – поддерживают его принятие, лишь 20,8% – против.

Представляется, что не следует драматизировать ситуацию, тем более с учетом принимаемых руководством страны нормативных правовых актов. Так, Указом Президента от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» одной из основных задач, поставленных в п. 13, указана: «Осуществление генетической паспортизации населения с учетом правовых основ защиты данных о персональном геноме человека и формирование генетического профиля населения», а также задача: «Развитие производства отечественного лабораторного оборудования для обеспечения микробиологических, в том числе молекулярно-генетических, исследований».

На рассмотрении в Государственной Думе находится внесенный Правительством Российской Федерации 24 июля 2019 года проект Федерального закона № 759897-7 «О едином федеральном информационном ресурсе, содержащем сведения о населении Российской Федерации», в котором предусмотрены меры обеспечению конфиденциальности и защите персональных данных физических лиц – граждан России [4].

В целях преодоления недостатков в ныне используемых зарубежных программах, панелях локусов и приборах и оборудования в Институте биохимии и генетики Уфимского Федерального исследовательского центра РАН разработан оригинальный способ оцифровки в бинарном формате сразу всей четверки нуклеотидов в каждом снипе (от SNP – Single-Nucleotide Polymorphism), обладающий целым рядом важных преимуществ, в том числе для формирования баз данных. Этот способ позволяет достичь максимального уровня цифровизации, так как

объем введенной в базу данных информации при ДНК-идентификации личности с помощью снипов составляет для одного человека не более 1 килобайта (с помощью STR-локусов – более 200 килобайт).

Кроме того, использование предлагаемой панели снипов позволяет вычлнять и кодировать только такую генетическую информацию, которая содержит только нейтральные идентификационные сведения о человеке без информации о его половой принадлежности, о его фенотипических внешних признаках (цвете волос, цвет глаз и пр.), о его физиологических особенностях (болезненные состояния, предрасположенность к таковым и т.д.), что позволяет решить этические проблемы.

Еще одним преимуществом нового предлагаемого подхода ведения геномной регистрации с применением снипов является возможность детекции более коротких участков ДНК, которые с большей вероятностью сохраняются в старых биологических образцах и не могут быть выявлены с помощью STR- и даже miniSTR-локусов. Проводя аналогию, можно сказать: STR-локусы – это аналоговая запись на магнитных лентах, а снипы – цифровая запись на современных носителях.

Этот метод позволяет отойти от дорогостоящих подходов, основанных на VNTR-локусах, предлагаемых фирмами США, и на STR-локусах, предлагаемых Великобританией. Осуществится уход от зависимости в иностранных технологиях и опережающее импортозамещение.

Важным подтверждением актуальности и значимости вопросов ДНК-регистрации населения, стало выделение в октябре 2018 года крупного гранта РФФИ-мк № 18-29-14076 по теме «Правовые и этические аспекты всеобщей ДНК-паспортизации населения Российской Федерации для целей ДНК-идентификации личности» (руководитель проекта – профессор кафедры криминалистики ИП БашГУ, д.ю.н. Ф.Г. Аминев), в рамках которого ученым БашГУ и Института биохимии и генетики УФИЦ РАН предстоит провести исследования, планируемые результаты которых, по мнению экспертов РФФИ «помогут вывести российское государство в лидеры в сфере ДНК-паспортизации населения».

В результате научных исследований будет окончательно подобрана панель снипов, которая будет использована для всеобщей геномной регистрации населения России и ДНК-идентификации личности, что позволит намного поднять эффективность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения научного проекта РФФИ-мк № 18-29-14076 (Башкирский государственный университет).

Список использованных источников:

1. Варданян, А. В., Грибунов, О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2 (81). – С.23-34.
2. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека [Электронный ресурс]. // ООН. – URL: <http://www.un.org/ru/documents>.
3. Еркешева, А. Ш., Тагайбеков, У. Ж., Альжанова, Б. С. Возможности мультиплексного фрагментарного анализа ДНК (до шести красителей) при производстве молекулярно-генетической экспертизы // Восток – Запад: партнерство судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы : материалы Международной научно-практической конференции (27 октября 2016 г. Алматы). Алматы, 2016. – С. 193-196.
4. Законопроект № 759897-7 О едином федеральном информационном ресурсе, содержащем сведения о населении Российской Федерации [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Государственной Думы. – URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=759897-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=759897-7).
5. Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. Л.В. Бертовского. М.: РГ-Пресс, 2018. – 960 с.
6. Международная декларация о генетических данных человека [Электронный ресурс]. // ООН. – URL: <http://www.un.org/ru>.
7. Деаноска-Трендафилова Александра. Правовые основания для применения ДНК в системе уголовного правосудия // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – № 1. – С.49-56.
8. Приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 26.08.2019).
9. Тагайбекова, У. Ж., Альжанова, Б. С. Y-хромосома и перспективы базы данных ДНК в Казахстане // Перспективы партнерства государств-членов ШОС в сфере судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции (20-21 июня 2018 года, г. Алматы). – С. 117-119.
10. Улугов, З. А., Жовбуриев, Т. М. Особенности молекулярно-генетических методов исследования в Республике Узбекистан // Пути совершенствования судебной экспертизы. Зарубежный опыт: материалы научно-практической конференции (Ташкент, 15-16 ноября 2017). Ташкент, 2017. – С. 208.

11. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 № 242-ФЗ [Электронный ресурс]. / URL: <http://www.consultant.ru/document>.

12. Чемерис, Д. А. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности / Сагитов А. М., Аминев Ф. Г., Луценко В. И., Гарафутдинов Р. Р., Сахабутдинова А. Р., Василев Р. Г., Алексеев Я. И., Сломинский П. А., Хуснутдинова Э. К., Чемерис А. В. // Биомика. – 2018. – Т.10(1). – С.85-140. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2018-16. С. 86-140.

13. Шакель, Н. В. Ведение генотипоскопических учетов и права человека // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VII Международной научно-практической конференции, Москва, МГЮУ, 17-18 января 2019 г. – М.: РГ-Пресс, 2019. – С. 553-558.

14. Яблоков, Н. П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: монография / Н. П. Яблоков. – М., 2016. – 192 с.

15. Якимов, И. Н. Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике / И. Н. Якимов. – М.: НКВД РСФСР, 1925. – 430 с.

16. CoE, Commitee of Ministers, Recommendation R (92) 1 on the use of analysis of DNA within the framework of the criminal Justice System // URL: <https://wcd.coe.int> (дата обращения 26.06.2019.)

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ ФИЗИЧЕСКИМ ЛИЦОМ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

© М.Г. Арутюнян

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

На первоначальном этапе расследования одной из главных задач следователя является получение достаточной совокупности данных об обстоятельствах налогового преступления, достаточного для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого в уклонении от уплаты налогов.

В этой связи закономерно возникает вопрос о последовательности производства следственных действий внутри первоначального этапа расследования.

Уместно вспомнить как по этому вопросу высказался В.М. Быков, который отметил, что на практике при конкуренции процессуальных действий

следователи нередко руководствуются не доказательственным значением выбранного действия, а его наименьшей трудоемкостью [2, с. 60-61].

Это грозит самыми отрицательными последствиями для установления обстоятельств такого не простого преступления как уклонение от уплаты налогов.

Таким образом, в конкретной ситуации расследования первоначального этапа выбор надлежащего процессуального действия обосновывается всесторонним учетом его правовых и фактических оснований, доказательственного значения ожидаемых результатов, тактической целесообразности и своевременности. Из имеющих максимальное доказательственное значение следственных действий предпочтение следует отдавать наименее трудоемким и время затратным.

Думается, только таким образом можно обеспечить эффективность первоначального этапа расследования и доказывание вины налогоплательщика в неуплате налогов.

Расследование налоговых преступлений – сложный процесс со своими особенностями, обусловленными предметом преступного посягательства, специфической возбуждения уголовного дела, способом и обстановкой совершения преступного деяния, особенностями личности налогового преступника.

На наш взгляд к важным обстоятельствам, определяющим особенности методики расследования уклонения физического лица от уплаты налогов можно отнести те, которые являются базовыми, без усмотрения которых конечные результаты расследования не достижимы.

1. В связи с бланкетностью диспозиции ст. 198 УК РФ на первоначальном этапе расследования следователь должен принять безотлагательные меры к собиранию необходимых документов (нормативных актов), которые регулируют правовое положение налогоплательщика (статус, права и обязанности, правовой режим и условия уплаты налогов и пр.). Для полной оценки деятельности предприятия налогоплательщика следует иметь и документы, регламентирующие финансово-хозяйственную деятельность соответствующего предприятия. Эти документы должны быть изучены и проанализированы следователем, после чего приобщены к материалам уголовного дела, так как без соответствующих сведений понять и расследовать способ совершения уклонения от уплаты налогов и механизм налогового преступления не представляется возможным.

2. Главным в расследовании уклонения физического лица от уплаты налогов является блок документов, которые составляют основную доказательственную базу расследования. Это материалы налоговых проверок, проводимых органами федеральной налоговой службы и материалы оперативно-розыскной деятельности, отражающие факты, указывающие на признаки совершенного налогового преступления, совершенного налогоплательщиком. К этому блоку следует

отнести и документы, которые изымает следователь в процессе расследования налогового преступления. Их внимательная оценка при изучении важна для выводов расследования о виновности привлеченного к ответственности субъекта.

Специфика расследования налоговых преступлений, которая заключается в том, что «оно всегда связано с исследованием документов, отражающих процесс формирования объекта налогообложения, расчета налога, его уплаты и другой финансово-хозяйственной деятельностью налогоплательщика, связанной с этим процессом» [1, с. 328].

Особенностью расследования уклонения физического лица от уплаты налогов является то обстоятельство, что следователь должен в первую очередь разобратся с нарушениями, допущенными налогоплательщиком в части применения последним налогового законодательства, так как сам процесс формирования расчета уплаты налога документально хорошо формализован. Это обстоятельство следует признать «удобным» и для алгоритмизации следственной деятельности по установлению факта уклонения от уплаты налога и на этой основе создать соответствующие типовые программы расследования.

Для уклонения физического лица от уплаты налогов технологическая схема следственной деятельности может быть представлена следующим алгоритмом: 1) анализ акта документальной налоговой проверки; 2) установление умысла на уклонение от уплаты налогов; 3) исследование документов, подтверждающих выводы проверки; 4) получение и анализ пояснений лиц, проводивших проверку; 5) получение и анализ пояснений проверяемых лиц по результатам проверки; 6) проверка пояснений проверяющих и проверяемых с подтверждением или опровержением их пояснений; 7) определение или уточнение суммы неуплаченного налога; 8) выяснение способа и механизма уклонения от уплаты налога.

3. Расследование уклонения физического лица от уплаты налогов не представляется возможным без широкого использования специальных знаний, что обусловлено спецификой налоговых преступлений. Следователь обладает специальными знаниями, которые отражают специфику исполнения им обязанностей по расследованию преступлений. Это знания уголовного права, процесса и криминалистики. Однако расследуя налоговое преступление он без помощи специалиста не может в полной мере разобраться в противозаконных налоговых комбинациях налогоплательщика, что в состоянии сделать профильный специалист, выводы которого связанные, например, с размером причиненного ущерба, расширят систему доказательств и это будет способствовать решению задач расследования.

4. Доказывание прямого умысла налогоплательщика в процессе расследования его уклонения от уплаты налогов является особенностью расследования

данных преступлений. Отсутствие умысла и его недоказанность в расследовании являются основаниями освобождения субъекта от уголовной ответственности. При этом сам факт неуплаты налогов, установленный налоговой проверкой или материалами оперативно-розыскной деятельности, еще не указывают на умышленность действий по этому результату. В этой связи расследование соответствующего факта должно быть организовано таким образом, чтобы доказанность в инкриминировании субъекту ст. 198 УК РФ базировалась не только на его личных признаниях о виновности, но должной совокупности обвинительных доказательств.

Выделяя особенности, связанные с расследованием уклонения физического лица от уплаты налогов мы не претендуем на их исключительность и не считаем их исчерпывающими, так как соответствующая преступная деятельность и практика расследования данных налоговых преступлений может внести в вышеприведенный перечень новые особенные элементы, которые будет необходимо учитывать в методике первоначального этапа их расследования.

Расследование преступлений обусловлено правилами ситуационного подхода, которые не оспариваются криминалистами. В основе ситуационного подхода лежит следственная ситуация. Очевидно, что разработка методических рекомендаций на основе оценки типовых ситуаций расследования уклонения физического лица от уплаты налогов позволяет сделать их более дифференцированными и точными, в первую очередь на основе ситуационно обусловленных алгоритмов следственной деятельности.

В соответствии с типовыми ситуациями расследования следователь в состоянии обосновать вероятный круг следственных версий, оптимальную совокупность и последовательность действий по их проверке.

В отличие от других преступлений типовые ситуации расследования уклонения физического лица от уплаты налогов всегда являются информационно определенными, так как это лицо известно и имеются достаточные данные указывающие на совершение им налогового преступления, а эти факты способствуют конкретному планированию следственной работы, определению ее направления, задач, версий и средств для их проверки и получения доказательств.

Вместе с тем формирование указанных типовых ситуаций расследования всегда обуславливается рядом факторов и их следует учитывать для принятия решения по конкретному расследованию. Так, в частности, следователю важно понимать налоговый статус субъекта преступления и особенности функционирования его предприятия. Последнее обстоятельство значимо тем, что с ним связана особенная документальная база, а, следовательно, следовая картина налогового преступления. Нужно точно представлять вид неуплаченного налогоплательщиком налога, так как система налоговых платежей, их ставки, порядок, льготы

различны и определены действующим налоговым законодательством. Это важное обстоятельство так как неуплаченный налог непосредственно связан со способом неуплаты и соответствующим ему преступным механизмом действий налогоплательщика, а этот путь следователь должен понимать и пройти в процессе доказывания вины последнего.

Не последнюю роль в формировании ситуации играет признание или отрицание налогоплательщиком своей вины в совершении налогового преступления.

Типовые ситуации рассматриваемого расследования в своем большинстве простые – следователь имеет сведения о событии совершенного преступления, способе и механизме его совершения, размере причиненного государству ущерба в виде неуплаченного налога. Основная задача расследования в такой ситуации основана на расследовании обстоятельств, изложенных в акте налоговой проверки, соответствующими процессуальными средствами и установление прямого умысла налогоплательщика на уклонение от уплаты налогов.

Сложная типовая ситуация обусловлена фактом, когда данные о налоговом преступлении получены из материалов другого уголовного дела или обоснованы данными оперативно-розыскной деятельности (гласными и негласными мероприятиями).

Совершенно очевидно, что подобная ситуация расследования «требует применения для ее разрешения более широкого комплекса криминалистических приемов и средств» [4, с. 37], так как при информации о событии преступления и налогоплательщике, а также причиненном ущербе, не ясен в достаточном объеме способ и механизм преступного уклонения от уплаты налогов, его размер и круг соучастников преступления.

В этой связи главным условием разрешения данной следственной ситуации является важность своевременных и оперативных действий следователя, нацеленных на выемку и сохранение документов, связанных с налоговым преступлением, с тем чтобы предотвратить возможность уничтожения в них основных следов-последствий налогового преступления. Поэтому его действия должны быть спланированы на основе использования тактических приемов, обусловленных внезапными для налогоплательщика действиями. Этим тактическим приемом должны быть связаны все первоначальные следственные и оперативно-розыскные действия, направленные на выемку (обыск) документов, которые могут содержать следы-последствия уклонения физического лица от уплаты налогов. Следует предусмотреть необходимые действия, которые обеспечат невозможность заинтересованных лиц уничтожить документальные следы налогового преступления, фальсифицировать эти документы. Синхронность участников данного

этапа следственной деятельности во многом обеспечит в будущем успех расследования.

В соответствии с анализом документов, изъятых (выемкой, обыском) у физического лица, заподозренного в неуплате налогов, следователь должен назначить специалистами ФНС России документальную проверку. В ситуациях, когда документы о предпринимательской деятельности изъяты не полностью (частично уничтожены, не обнаружены, не сохранились) процесс расследования усложняется, однако это не отменяет необходимость проведения документальной проверки (иногда экспертизы), по причине того, что расчет налога, который подлежал уплате может быть составлен по аналогии.

Вместе с тем, аналогия расчета не всегда дает точное представление о сумме не уплаченного налога. На этом основании следователи обычно принимают решение, в соответствии с которым акты проверок не могут быть положены в основу обвинения и на этом основании назначают экономическую экспертизу и опираются на них предъявляя обвинение виновным. Суд поддерживает эту позицию.

Особенностью типичных ситуаций первоначального этапа расследования уклонения физического лица от уплаты налогов следует признать и то обстоятельство, что их исходная информация уже наполнена различными данными. Обычно это данные о совершившем налоговое преступление лице; фактическом месте времени его совершения; отдельных действиях налогоплательщика, связанных с уклонением от уплаты налогов, предмете налогового преступления; сумме неуплаченных налогов с расчетом сумм, подлежащих уплате по каждому виду налогов и уплаченных фактически.

Наряду с этим следователь должен предусмотреть решение задач расследования, входящих в предмет доказывания, в связи с чем установить:

1) является ли физическое лицо субъектом налогообложения относительно тех налогов, уклонение от уплаты которых выявлено в ходе налоговой (оперативно-розыскной) проверки, что определяет налоговый статус налогоплательщика;

2) какие нормативные акты регламентируют налогообложение объектов, скрытых от уплаты налогов;

3) какой способ был использован налогоплательщиком для уклонения от уплаты налогов (сколько и когда было перечислено налоговых платежей, были ли допущены искажения доходно-расходных данных в финансово-хозяйственных документах и т.п.);

4) в какой период времени физическое лицо уклонилось от уплаты положенного налога, какие сроки были установлены для его уплаты, когда представлены налоговые декларации;

5) в каком размере совершено уклонение от уплаты налогов, к каждому определенному сроку соответствующего налогового платежа и виду неуплаченного налога;

6) каково соотношение суммы неуплаченных налогов и размер ущерба для начала уголовного преследования за совершенное уклонение от уплаты налогов;

7) какова направленность умысла на уклонение от уплаты налогов;

8) имеются ли смягчающие и отягчающие обстоятельства совершенного деяния.

По понятным причинам мы привели достаточно примерный перечень вопросов, связанных с доказыванием виновности уклонения физического лица от уплаты налогов посредством расследования, так как каждый конкретный случай привносит в расследование свои особенности, требующие учета для установления всей картины совершенного преступного события.

Наконец, отметим, что в процессе расследования указанных преступлений, как свидетельствуют данные судебно-следственной практики, основные проблемы возникают с оценкой следователем содержания и выводов документальной налоговой проверки, а также установлением умысла на совершение преступления у лица, привлекаемого к уголовной ответственности, определением размеров причиненного ущерба. Данные обстоятельства обуславливают характер ситуации расследования как проблемной и конфликтной, разрешение которой следователем возможно исключительно на основе привлечения специалистов различных отраслей знаний и использования разработанных для подобных ситуаций типовых программ расследования.

В криминалистике для типичных ситуаций расследования разработано достаточно много различных программ, использование которых следователем обеспечивает достижение поставленных в расследовании целей. В этой связи можно привести высказывание Г.А. Густова, который отмечал основное назначение программ расследования, связанное с необходимостью «сделать процесс расследования преступлений более упорядоченным, эффективным, научно обоснованным и организованным с соответствующей экономией времени и сил, затрачиваемых на решение основных задач следствия» [3, с. 6].

Поддерживая и развивая эту позицию И.В. Александров писал: «...программы расследования преступления являются инструментом, упорядочивающим процесс расследования, делающим его логичным, экономичным и максимально полно обеспечивающим установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания» [1, с. 354].

Обобщая вопросы данной криминалистической проблематики И.В. Александровым было отмечено, что в современных условиях разработка программ расследования должна протекать на основе не только создания соответствующих

алгоритмов, но и возможностей компьютерного обобщения следственной практики для этих целей, не только, как это традиционно принято для первоначального этапа расследования, но и для остальных его этапов и содержание этих программ должно включать все возможные криминалистические средства, использование которых следователем обеспечит полноту, объективность и всесторонность познания преступного деяния.

Кроме того, в криминалистической литературе есть высказывания о том, что разработка программ расследования преступления должна сопровождаться также и программами производства отдельных следственных действий. В подобном подходе есть свой резон и связан он в первую очередь с исходной информацией отдельно взятого преступного события, ситуациями его расследования, следственными версиями и действиями следователя по их проверке, а также иными обстоятельствами.

Разработка программ расследования уклонения физического лица от уплаты налогов имеет свою особенность, которая связана с тем обстоятельством, что как первоначальный, так и последующий этапы мало отличаются друг от друга задачами и обстоятельствами, подлежащими расследованию, а с учетом этого возможно разработать программу с использованием следственных действий, где одно действие логично вытекает и обосновывается обстоятельствами, полученными из другого действия. Этот алгоритм своим содержанием обуславливает необходимость и обязательность последующего следственного действия. Формируемая таким образом взаимосвязанная логическая цепь может представлять собой элемент типовой методики расследования уклонения физического лица от уплаты налогов.

Как отмечалось выше, начало расследования указанных преступлений практически всегда характеризуется определенностью исходной информации, связанной с обстоятельствами, которые надлежит расследовать и обстоятельствами, представляющими сложность в расследовании.

Это позволяет разработать, а точнее доработать (криминалистические рекомендации для стадии возбуждения уголовного дела нами предложены) криминалистические рекомендации расследования уклонения физического лица от уплаты налогов в пределах окончания его первоначального этапа, вместе с тем, она может послужить следователю хорошей моделью его следственной деятельности.

Таковыми нам представляются основные характерные для типовых ситуаций расследования особенности, связанные с уклонением физического лица от уплаты налогов, обусловленные направлениями расследования этих преступлений и обстоятельствами, требующими своего отражения в материалах уголовного дела.

Список использованных источников:

1. Александров, И. В. Расследование налоговых преступлений : учебное пособие для магистров / И. В. Александров. – Москва : Издательство Юрайт, 2014. – 405 с.
2. Александров, И. В. Налоговые преступления: Криминалистическая проблемы расследования / И. В. Александров. – Спб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 247 с.
3. Быков, В. М. Проблемы выбора и конкуренции следственных действий / В. М. Быков // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий : сборник научных трудов. – Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1982. – 56 с.
4. Густов, Г. А. Программно-целевой метод организации расследования убийств. Учебное пособие / Г. А. Густов. – Санкт-Петербург, 1993. – 122 с.
5. Драпкин, Л. Я. Основы теории следственных ситуаций / Л. Я. Драпкин. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 168 с.
6. Карагодин, В. Н. Расследование налоговых преступлений. Учебное пособие / В. Н. Карагодин, Н. Б. Вахмянина, С. А. Яшков. – Екатеринбург : ООО «Типография Русь», 2011. – 166 с.

УДК 343.361

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 314.1 УК РФ

© А.О. Астахова

Сибирский юридический институт МВД России

Сравнительно недолгий период действия ст. 314.1. УК РФ, сложность и многоаспектность самой нормы, особенности ее юридической конструкции, отсутствие единого подхода в оценке обстоятельств, составляющих основание применения рассматриваемой статьи, вызывают определенные трудности не только на этапе квалификации общественно опасного деяния, но и на этапе производства по уголовному делу.

В связи с возникшими в судебной практике вопросами в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами уголовного закона при рассмотрении дел об уклонении от административного надзора или о неоднократном несоблюдении установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений Пленумом Верховного Суда РФ было принято

постановление от 24 мая 2016 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 314.1 УК РФ», в котором даны разъяснения по ряду актуальных вопросов, в частности касающихся особенностей установления признаков объективной и субъективной сторон, а также специального субъекта рассматриваемого преступления, содержания понятия места жительства или пребывания, порядка исчисления сроков давности и определения подсудности, а также других особенностей.

Однако ряд вопросов, которые вызывают затруднения в практике, не получили освещения в указанном документе. Так, не даны ответы на вопросы о том, возможна ли квалификация содеянного поднадзорным лицом по ст. 314.1 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, а также соучастия в совершении преступления и неоконченного преступления (покушение); требуется ли для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, привлечение лица к административной ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ за последнее деяние, при условии, что это деяние связано с неоднократным несоблюдением соответствующих ограничений; можно ли с учетом требований ч. 2 ст. 63 УК РФ признать рецидив преступлений в качестве отягчающего наказание обстоятельства при осуждении лица по ст. 314.1 УК РФ [1].

Проведенный в ходе исследования анализ правоприменительной практики и специальной литературы [2, 3, 4] свидетельствует о том, что по ряду признаков отдельных элементов состава преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, отсутствует единство в их понимании и оценке, что не способствует повышению эффективности применения рассматриваемой нормы. Рассмотрим отдельные проблемные моменты.

Наибольшие трудности при квалификации и расследовании преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, вызывает установление такого элемента субъективной стороны, как цель уклонения от административного надзора. Тем более что сам виновный, очевидно, чаще всего будет оправдывать свое поведение иными, очевидно, более уважительными причинами [5, С. 89]. Отсутствие четко установленных критериев определения умысла приводит к отмене судебных решений.

По приговору Калачинского городского суда Омской области от 25 марта 2014 г. был оправдан М. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, а именно вследствие отсутствия у него умысла на уклонение от административного надзора. М. вменялось самовольное оставление места жительства. В ходе судебного заседания было установлено, что М. работал вахтовым методом, выезжал на работу по маршрутному листу, отметил его, но забыл на вахте и не сдал, поэтому, побоявшись наказания, решил еще

раз съездить на вахту, забрать маршрутный лист и сдать его в полицию, уклоняться от административного надзора намерений не имел. За период административного надзора М. характеризовался положительно, выполнял все установленные ограничения. При таких обстоятельствах суд не усмотрел в действиях М. состава преступления, оправдал его и признал за ним право на реабилитацию (*Изучение судебной практики по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 314.1 УК РФ (по материалам уголовных дел, рассмотренных судами в 2012-2015 гг.)* : обзор Омского областного суда. URL: <http://obsud.oms.sudrf.ru>).

По приговору Нововаршавского районного суда Омской области от 25 марта 2013 г. Т. был признан виновным и осужден по ст. 314.1 УК РФ за самовольное оставление места жительства. Согласно материалам уголовного дела Т., единственный кормилец в семье, выехал на работу, не уведомив участкового, позднее представил проездные документы. В ходе судебного разбирательства наличие умысла на уклонение от административного надзора у Т. не выяснялось, в связи с чем судом апелляционной инстанции приговор был отменен (*Изучение судебной практики по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 314.1 УК РФ (по материалам уголовных дел, рассмотренных судами в 2012-2015 гг.)* : обзор Омского областного суда. URL: <http://obsud.oms.sudrf.ru>).

В целом соглашаясь с предложением, высказанным в юридической литературе [6, С. 39-40], отметим, что при уклонении от административного надзора (ч. 1 ст. 314.1 УК РФ) свободная воля поднадзорного должна охватывать конечный результат – стремление (желание) уклониться от административного надзора, выйти из-под контроля уполномоченных органов. Кроме того, эти действия должны носить относительно постоянный, а не фрагментарный, эпизодический характер, поднадзорный в этом случае намеревается окончательно (надолго, навсегда) выйти из-под контроля органов внутренних дел. И напротив, действия поднадзорного, направленные на кратковременный выход из-под контроля органов внутренних дел, следует квалифицировать как административный деликт (ст. 19.24 КоАП РФ). По нашему мнению, решающее значение в оценке субъективного желания лица уклониться от административного надзора имеет продолжительность нарушения установленных требований.

В связи с отсутствием рекомендаций по данному вопросу фактически суды по своему усмотрению ориентируются на временной период (по продолжительности) отсутствия лица при признании цели уклонения от административного надзора: «... с 17 марта по 01 апреля 2012 г. ...», «... с 13 мая по 03 июля 2014 г. ...», «...с 31 мая по 06 июля 2015 г. ...».

По нашему мнению, пресекательный срок, устанавливающий возможность привлечения к уголовной ответственности поднадзорного лица за неприбытие

без уважительных причин к избранному им месту жительства (пребывания, нахождения) либо самовольное оставление этого места, с учетом особенностей (например, географических, и т.п.) и специфики Российской Федерации, должен быть достаточно длительным. К примеру – более 10 суток.

Определенные сложности у правоприменителя вызывает ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. В частности, отсутствие единства в понимании и оценке таких признаков объективной стороны деяния, как неоднократность и сопряженность, различные подходы к их процессуальному оформлению не только приводят к постановлению кардинально различных судебных решений, но и зачастую создают угрозу нарушения конституционных принципов судопроизводства.

В юридической литературе высказывается мнение, согласно которому отсутствие единого подхода к толкованию признака сопряженности во многом определено тем, что, указывая на сопряженность и понимая под ней совокупность административных правонарушений, законодатель не определил ее вид – идеальная или реальная [4, С. 43]. Применительно к объективной стороне преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, сопряженность может выступать в качестве реальной либо идеальной совокупности правонарушений. При этом под идеальной совокупностью правонарушений рассматривается ситуация, когда лицо одновременно с неоднократным несоблюдением административного ограничения совершает административное правонарушение против порядка управления. Под реальной совокупностью следует понимать совершение поднадзорным иного административного правонарушения не только в дни несоблюдения административных ограничений, но также в период, когда лицо считалось неоднократно привлеченным к административной ответственности за несоблюдение административных ограничений. Под сопряженностью для целей ст. 314.1 УК РФ предлагается понимать как идеальную, так и реальную совокупность административных правонарушений. Далее авторами формулируется вывод, что толкование сопряженности в узком смысле (только как идеальной совокупности административных правонарушений) приводит к ограниченному применению уголовной ответственности к поднадзорным лицам и противоречит сложившейся судебной практике [4, С. 43-44].

С высказанной точкой зрения нельзя согласиться, так как, по нашему мнению, толкование признака сопряженности в расширительном значении (как реальной совокупности административных правонарушений) противоречит смыслу ч. 2 ст. 314.1 УК РФ и приводит к тому, что в некоторых случаях под объективной стороной рассматриваемого состава преступления правоприменителем фактически понимается произвольный набор фактов совершения лицом административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.24 КоАП РФ, и деликтов,

предусмотренных главами 6, 19 и 20 КоАП РФ. Показателен в этом смысле следующий пример. Судом апелляционной инстанции оставлен без изменения приговор Магаданского городского суда Магаданской области от 24 сентября 2015 г., которым Е. признан невиновным и оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ – в связи с отсутствием в его действиях состава данного преступления. Из материалов уголовного дела следует, что Е., зная об установлении в отношении него судом административного надзора с рядом ограничений, в том числе необходимостью явки два раза в месяц в ОВД, в нарушение установленного графика прибытия поднадзорного лица на регистрацию, без уважительных причин 25 февраля и 10 марта 2015 г. для регистрации в орган внутренних дел не явился, в связи с чем дважды был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ. 07 апреля 2015 г. Е. совершил административное правонарушение, посягающее на общественный порядок и общественную безопасность (нахождение в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения), в связи с чем 8 апреля 2015 г. был привлечен к административной ответственности по ст. 20.21 КоАП РФ. В обоснование своих выводов апелляционный суд указал, что судом первой инстанции верно установлено, что из предъявленного Е. обвинения не следует, что он совершил неоднократное несоблюдение установленного судом административного ограничения, поскольку он совершил всего два несоблюдения ограничения, установленного судом, в течение года (25 февраля и 10 марта 2015 г.). Также суд первой инстанции правильно пришел к выводу, что Е. не совершил нарушение административного ограничения или ограничений, которое при этом было бы сопряжено с совершением им иного административного правонарушения (из перечня ч. 2 ст. 314.1 УК РФ). Привлечение Е. к административной ответственности 08 апреля 2015 г. по ст. 20.21 КоАП РФ само по себе не образует необходимого признака состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, поскольку оно не соотносится (не сопряжено), как того требует в данном случае уголовный закон, с деянием по несоблюдению административного ограничения или ограничений, установленных Е. решением суда в соответствии с федеральным законом (*апелляционное постановление Магаданского областного суда от 03 ноября 2015 г. по делу № 22-567/2015*. URL: rospravosudie.com). Аналогичная позиция содержится и в решениях других судов.

Как указывалось ранее, неоднократность по смыслу ч. 2 ст. 314.1 УК РФ предполагает совершение лицом в течение года двух и более деяний, состоящих в нарушении установленных судом административных ограничений, за которые лицо было привлечено к административной ответственности и наказанию, при условии, что временной промежуток между первым и третьим (не менее чем

третьим) фактами неисполнения установленных ограничений не может быть более одного года.

При этом несоблюдение административных ограничений, совершенное в третий (не менее чем в третий) раз будет признаваться уголовно наказуемым лишь в случае его сопряженности с совершением определенного административного правонарушения (главы 6, 19 (за исключением ст. 19.24), 20 КоАП РФ, а также ч. 7 ст. 11.5, ст. 11.9, 12.8, 12.26 КоАП РФ). То есть третье несоблюдение административных ограничений само по себе повлечет только административную ответственность, равно как и последующие, если они не были сопряжены с совершением административного правонарушения из указанного перечня.

Устанавливая признак сопряженности, необходимо прежде всего определить характер взаимодействия факта несоблюдения административных ограничений и факта совершения административного правонарушения. Эта взаимосвязь должна иметь место как по времени (деяние, вызвавшее в нарушении административных ограничений, должно предшествовать административному правонарушению либо осуществляться одновременно с ним), так и по содержанию (деяние, вызвавшее в совершении административного правонарушения, должно быть взаимосвязано и взаимообусловлено, находиться в причинной связи с нарушением административных ограничений).

Так, если не соблюдается ограничение в виде запрета на пребывание в определенных местах, то административное правонарушение должно быть совершено именно тогда, когда поднадзорное лицо находилось в запрещенном для посещения месте. Если не соблюдается ограничение в виде запрещения посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в них, то сопряженным будет административное правонарушение, которое совершено в период посещения (участия) массового мероприятия [7, С. 27-28].

Применительно к запрещению пребывания вне жилого помещения или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток, а также выезду за установленные судом пределы территории, административное правонарушение будет сопряжено с нарушением установленных ограничений, если оно совершено вне помещения в определенное время суток либо вне пределов установленной территории соответственно.

Представленные теоретические рекомендации получили одобрение и поддержку правоприменителя. Так, Красноярский краевой суд, отменив приговор Советского районного суда г. Красноярска в отношении Э., признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, и возвратив уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом,

в обоснование своих выводов указал следующее: «...несоблюдение установленных судом административных ограничений или ограничений следует считать сопряженным с совершением перечисленных в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ правонарушений (например, мелкое хулиганство, появление в общественных местах в состоянии опьянения), если эти действия осуществляются одновременно, в частности указанные правонарушения совершаются во время нахождения лица, в отношении которого установлен административный надзор, в запрещенных для пребывания местах, посещения мест проведения массовых и иных мероприятий при наличии к тому запрета, пребывания вне жилого или иного помещения в запрещенное время суток.

Таким образом, по смыслу закона объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, не сводится к простому набору административных правонарушений, а представляет собой деяние, которое одновременно должно обладать признаками неоднократности и сопряженности.

Вместе с тем текст обвинительного акта свидетельствует, что предъявленное Э. обвинение не соответствует диспозиции ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, содержит произвольный набор административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.24, ст. 20.1, ст. 20.25 КоАП РФ, со ссылкой на неоднократность, тогда как описание инкриминируемого деяния должно содержать сведения о том, какие именно административные правонарушения образуют признак неоднократности, со ссылкой на правонарушение, которое сопряжено с новым, уголовно наказуемым фактом несоблюдения установленных судом ограничений.

При постановлении приговора судом первой инстанции были проигнорированы данные существенные недостатки обвинительного акта. Из предъявленного Э. обвинения не усматривается, сопряжено ли совершение им административных правонарушений, посягающих на общественный порядок, с несоблюдением административных ограничений или ограничений. Также при описании инкриминируемого Э. деяния не содержится ссылок на вступление в законную силу решений компетентных органов о привлечении его к административной ответственности, не указано, приведены ли они в исполнение, оплачены ли по ним штрафы, обжаловались ли привлеченным к ответственности или иным лицом. Таким образом, предъявленное Э. обвинение является не конкретизированным, поскольку не соответствует факту ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, в связи с чем, нарушает право Э. на защиту...» (*апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 09 марта 2017 г. по делу № 22-154/2017. URL: rospravosudie.com*).

Следует акцентировать внимание на том обстоятельстве, что уголовно-правовую квалификацию влечет сопряженность только не менее чем третьего несоблюдения установленных ограничений с иным административным деянием.

Однако правоприменитель не всегда учитывает рассматриваемое обстоятельство. Так, Троицким районным судом Челябинской области Т. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Из материалов дела следует, что в отношении Т. был установлен административный надзор сроком на 8 лет и установлены административные ограничения. В период с 21 января по 02 апреля 2015 г. Т. без уважительных причин, систематически не соблюдал установленные ограничения, за что привлекался к административной ответственности: 11 февраля 2015 г. (по ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ), 23 февраля 2015 г. (по ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ), 02 апреля 2015 г. (по ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ). Кроме того, Т. в этот период дважды был привлечен к административной ответственности по ст. 20.21 КоАП РФ – 21 января 2015 г. и 23 февраля 2015 г. С учетом указанных обстоятельств суд пришел к выводу, что Т. в период с 21 января по 02 апреля 2015 г. совершил неоднократное несоблюдение административных ограничений, сопряженное с совершением административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность (*приговор* Троицкого районного суда Челябинской области от 18 июня 2015 г. по делу № 1-100/15. URL: rospravosudie.com).

Представленное судебное решение вызывает сомнения в его обоснованности, так как изложенные обстоятельства свидетельствуют, что судом не в полной мере учтены условия неоднократности и сопряженности, установленные ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, а именно отсутствует необходимый признак неоднократности, так как условию сопряженности соответствует только второй факт неисполнения административных ограничений, чего недостаточно для привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ.

Вместе с тем необходимо отметить, что не соответствует смыслу закона установление, согласно которому признак неоднократности присутствует лишь тогда, когда имеют место *три случая* (выделено нами. – А.А.) привлечения к административной ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ, и каждый из них сопряжен (должен быть сопряжен) с совершением административного правонарушения (главы 6, 19 (за исключением ст. 19.24), 20 КоАП РФ, а также ч. 7 ст. 11.5, ст. 11.9, 12.8, 12.26 КоАП РФ). Такое требование не только ограничивает сферу действия ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, но и приводит к постановлению незаконных судебных решений.

Так, судом апелляционной инстанции Алтайского краевого суда оставлен без изменения оправдательный приговор Индустриального районного суда г. Барнаула от 01 декабря 2015 г., которым К. был оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава преступления с признанием за ним права на реабилитацию. Из материалов дела следует, что К. 01 января, 05 и 19 марта 2015 г. не явился на

регистрацию в орган внутренних дел, чем нарушил установленное судом административное ограничение. За каждый из этих случаев К. был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ, ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ, ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ соответственно. Кроме того, 07 апреля 2015 г. в 22.30 К. был задержан сотрудниками полиции вне жилого помещения, являющегося местом его жительства, тем самым нарушил административное ограничение, установленное ему решением суда. При этом К. находился в состоянии алкогольного опьянения, в силу чего был привлечен к административной ответственности по ст. 20.21 КоАП РФ. Обосновывая свое решение, апелляционный суд указал, что «...по смыслу закона К., в отношении которого установлен административный надзор, в течение одного года допустил лишь одно несоблюдение (07 апреля 2015 г.) административного ограничения, установленного ему судом в соответствии с федеральным законом, сопряженное с совершением административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность (ст. 20.21 КоАП РФ), что вопреки доводам апелляционного представления, не образует неоднократности ...» (*апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 04 февраля 2016 г.* URL: rospravosudie.com). Такое решение судов как первой, так и апелляционной инстанции нельзя признать законным и обоснованным, поскольку не является (по смыслу закона) *обязательным условием* привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ *наличие не менее трех фактов* неисполнения требований административного надзора, каждый из которых сопряжен с совершением другого административного правонарушения.

Об общественной опасности поднадзорного лица, его стойком нежелании соблюдать установленные правила и выполнять обязанности может свидетельствовать количественный показатель. Но это само по себе не является основанием привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Так, Н. решением суда от 05 февраля 2016 г. назначен административный надзор сроком на два года с установлением административных ограничений. В течение девяти месяцев 2016 г. Н. *48 раз* (выделено нами. – А.А.) привлекался к административной ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ. Кроме того, в указанный период он совершил уголовные деяния, предусмотренные ст. 158 и 161 УК РФ. И только 49-ый факт нарушения установленных судом ограничений, сопряженный с мелким хулиганством (ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ), послужил основанием привлечения Н. к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ (*приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 09 ноября 2016 г. по делу № 1-469/2016.* URL: rospravosudie.com). В этом случае, несмотря на явную неэффективность требований административного надзора в отношении поднадзорного лица, его

антиобщественное поведение, судебное решение принято полностью в соответствии с действующим законодательством.

Независимо от того, что в большинстве своем совершение и административных правонарушений, и даже преступлений является прямым следствием нарушений правил административного надзора и результатом игнорирования лицом, уже ранее понесшим наказание за свои противоправные действия, законов и норм, принятых в обществе, применение ч. 2 ст. 314.1 УК РФ обусловлено именно условием сопряженности. Иными словами, совершение административного правонарушения является следствием нарушения правил административного надзора или установленных ограничений и связано с ним определенными временными рамками.

Рассмотренный перечень вопросов, возникающих при квалификации деяния по ст. 314.1 УК РФ, не является исчерпывающим. Нами были рассмотрены лишь те ситуации, которые особо препятствуют повышению эффективности применения рассматриваемой нормы.

Список использованных источников:

1. Сопов, Д. В. Практика применения нормы УК РФ об уклонении от административного надзора / Д. В. Сопов, С. А. Склярчук // Уголовный процесс. – 2016. – № 7 (139). – С.50 – 57.

2. Калинина, О. М. Уклонение от административного надзора: вопросы правоприменения / О. М. Калинина // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 4. – С. 51-56.

3. Голубов, И. И. Межотраслевые проблемы уголовной ответственности за неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений / И. И. Голубов // Российский судья. – 2017. – № 2. – С. 38-43.

4. Зябликова, М. В. Применение административной преюдиции и сопряженности при несоблюдении административных ограничений, установленных в рамках административного надзора / М. В. Зябликова, В. Б. Иващенко // Законность. – 2017. – № 2. – С. 41-45.

5. Никитин, А. Д. Уклонение от административного надзора и его уголовно-правовые последствия / А. Д. Никитин // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. С. А. Елисеева [и др.]. – Томск, 2013. – С. 88-90.

6. Дружинин, А. В. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора в виде самовольного оставления места жительства / А. В. Дружинин // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 35-40.

7. Бавсун, М. Вопросы применения ч. 2 ст. 314.1 УК РФ / М. Бавсун, Н. Вишнякова // Законодательство и практика. – 2015. – № 1 (35). – С. 27-29.

УДК 343.9

ВИДЫ МЕТОДИК ПРОФИЛИРОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И ИХ ОЦЕНКА

© Р.Л. Ахмедшин

Томский государственный университет

© Н.В. Ахмедшина

*Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники*

Единого определения процесса и природы профилирования не существует, и это вероятно связано с зарубежной традицией прибегать к точным формулировкам как правило в крайнем случае. Так «родоначальник» идеи профилирования Р. Ресслер определял его как «процесс идентификации всех психологических характеристик индивидуума, составляющий общее описание личности, основанный на анализе совершенных им преступлений».

Объективной составляющей отрицания ценности профилирования выступает факт объединения в рамках понятия «профилирования» совершенно разных методик построения психологического профиля неизвестного преступника, базирующихся на анализе следов преступления в узком и широком смысле. Неудивительно, если методики разные, то и познавательная и прикладная ценность у них разная и нельзя судить об одной методике рассуждая о недостатках другой, что происходит очень часто.

Методики профилирования можно разделить на две группы:

- индуктивные методики профилирования (криминологическое профилирование, диагностическое профилирование);
- дедуктивные методики профилирования (криминалистическое профилирование – анализ сцены преступления, географическое профилирование).

Напомним, что судить о ценности профилирования неизвестного преступника в целом исходя из недостатков отдельных методик логически неправильно. Кратко рассмотрим каждую из этих методик профилирования и дадим ей оценку.

Криминологическое профилирование – это построение поисковой модели неизвестного преступника исходя из имеющейся информации о личностных и иных характеристиках преступников схожего типа. «По существу, этот процесс базируется на исходных статистических данных из других аналогичных

преступлений, в которых составлялся профиль преступника и / или жертв преступления. Рассуждения и обоснование решения в индуктивном профиле происходят исходя из случаев за пределами профилируемого в данный момент случая.» [7, с. 72]. Сторонники криминологического профилирования полагают, что использование научных методов в практической полицейской работе всегда будет трудной задачей, если в своих рассуждениях детективы будут полагаться на информацию о единичном (расследуемом) преступлении [3, с. 1089].

Традиционно криминологическое профилирование как наиболее характерный пример индуктивного познания связан с такой формой организации расследования как научный стиль расследования, который традиционно противопоставляется творческому стилю расследования. Считается что научный стиль расследования оптимален для подавляющего большинства специалистов в области раскрытия и расследования преступлений, опирающихся на известные статистически подтвержденные закономерности в преступной деятельности [7, с. 9].

Наиболее успешным примером криминологического профилирования выступает расследование преступлений совершенных Д. Даффи. Напомним, что сформированность подозрений в отношении причастности данной личности к серии убийств произошла после того, как компьютерная программа, включающая обобщенные признаки асоциального поведения из 5 тыс. подозреваемых, включила в число наиболее вероятно причастных к серии расследуемых преступлений Д. Даффи.

Однако насколько эффективно использование криминологического профилирования при расследовании рассматриваемых нами преступлений? На наш взгляд крайне неэффективно в силу ряда причин. Статистически обобщенному образу нельзя доверять, так как:

До сих пор не существует единого понятия серийного преступника. Современное понятие серийного преступника напоминает порой мусорную корзину, куда различные авторы стремятся отнести ту или иную группу преступников, чтобы продемонстрировать повышенную общественную опасность исследуемых преступлений. Так появляются такие абсурдные группы как «серийные грабители», «серийные воры» и прочие.

Даже в рамках понятийного пространства «серийный преступник» четко выделяются обособленные отдельные группы, несхожие друг с другом, что еще больше ставит под сомнение ценность обобщенного статистического портрета серийного преступника.

Именно феномен высокой латентности характеризует группу серийных преступлений. Напомним, что феномен латентности части преступлений выступает указанием на неполную индукцию применительно к исследованию

преступлений. Обобщение в неполной индукции всегда носит вероятностный характер, что обесценивает научную состоятельность индукции как основы криминологического профилирования. Индуктивные умозаключения по личности «бытового» убийцы в силу высокой степени раскрываемости и, следовательно, статистической достоверности характеризуются высокой научностью. Индуктивные умозаключения по личности серийного убийцы в силу низкой степени раскрываемости и, следовательно, статистической недостоверности характеризуются низкой научностью. Сказанное можно отнести к «объективной» латентности, вытекающей из природы серийных преступлений.

Латентность, которую можно охарактеризовать как «субъективную», вытекающую из особенностей расследования серийных преступлений также предопределяет факт неполноты индуктивного умозаключения. Речь идет о том, что некоторое количество руководителей правоохранительных органов боятся объединять в одно производство эпизоды серии, так как именно расследование таких преступлений министерское или комитетское руководство склонно брать под свой контроль.

Остается открытым вопрос мешает ли производству индуктивного умозаключения выраженная уникальность лиц, совершающих серийные преступления, их психопатическая природа и сомнительная психологическая адекватность.

Учитывая все сказанное неудивительно, что подавляющее большинство исследователей полагает, что «профиль должен быть основан на деталях конкретного инцидента, а не на статистических индуктивных методах» [7, с. 79]. Неудивительно, что на практике криминологическое профилирование свою ценность массово не подтвердило.

Диагностическое профилирование – это построение поисковой модели неизвестного преступника исходя из имеющегося у специалиста информации о личностных и иных отклонениях лиц, с характерными диагностическими заболеваниями. В диагностическом профилировании профайлер пытается использовать свой клинический опыт и суждения, для понимания мотивации действий правонарушителя. Традиционно диагностическим профилированием занимаются специалисты-психиатры, имеющие значительный практический опыт.

В основе диагностического профилирования лежит индуктивное обобщение, но обобщение это носит если можно сказать местный характер, включая в основном преимущественно опыт исследователя. Сказанное предопределяет то, что «вывод уже потому оказывается ложным, что большая посылка была получена не путем индукции, а путем необдуманного «обобщения» одного или нескольких замеченных случаев» [1, с. 33].

Ни в коем случае не опровергая статус психиатрии как полноценного научного знания все-таки, напомним, что его научность больше связана с диагностическим аспектом. Психиатрия разработала достаточно объемный инструментарий определения патологии в психике конкретного человека и успешно реализует его в повседневной практике. Проблемами же прогностического характера психиатрия занимается фактически на околонучном уровне, испытывая затруднения даже в прогнозировании периодов ремиссии у исследуемых лиц. Что же можно сказать о более тонком поведенческом моделировании поведения конкретного лица с помощью знания психиатрии как науки?

Во-первых, диагностическое моделирование представляет собой совершенно самостоятельный вектор профилирования и с остальными способами профилирования имеет очень мало общего.

Во-вторых, диагностическое профилирование исходя из природы психиатрического знания ориентирует исследователя больше на диагностический, чем поисковый аспект, что серьезно понижает его ценность в ряду криминалистических методик.

В-третьих, использование диагностического профилирования скорее авторская, чем научная методика исследования, что понижает ее прикладную ценность.

Наконец, в-четвертых, диагностическое профилирование было эффективно на первых этапах развития методик профилирования, когда альтернативные методики профилирования находились в стадии научной гипотезы.

Первый случай применения диагностического профилирования неизвестного преступника в раскрытии преступления описан в книге американского психолога Д. Брусселя [2]. На протяжении 40-50-х годов XX века в Нью-Йорке неизвестное лицо за 16 лет совершило 33 взрыва. Официальное расследование оказалось малоэффективным. Тогда полиция обратилась к Д. Брусселю для составления психологического профиля разыскиваемого лица, которым оказался Ж. Милаускас (Метески).

Тот факт, что результаты, полученные при расследовании преступлений Ж. Метески не просто совпадение, а объективное следствие эффективности используемых методов было подтверждено Д. Брусселем при расследовании серии преступлений, совершенных А. Де Сальво, известного также как «Бостонский душитель», «Измеритель» и «Зеленый человек».

Географическое профилирование. В отличие от криминологического профилирования, оперирующего усредненным образом личности преступника, географическое профилирование оперирует с усредненным образом обстановки преступления. Таким образом именно географическое профилирование направлено на

установление конкретной области (территории) в которой целесообразно производить поисковые мероприятия при расследовании серии преступлений.

Родоначальник методики К. Россмо (Kim D. Rossmo) – канадский исследователь. Наиболее успешные исследователи в рассматриваемой сфере на сегодняшний день британские ученые – Д. Кантер и Д. Янг (D. Canter, D. Youngs).

Географическое профилирование базируется на программной обработке статистических данных об элементах криминалистической характеристики преступного события с постановкой акцента на данных об обстановке преступного события и жертве преступления. Географическое профилирование выступает эффективным криминалистическим средством при расследовании многоэпизодных (в том числе и серийных) преступлений, совершенных в таких областях, как убийства, взрывы, поджоги, изнасилования, похищения детей, сексуальные убийства, мошенничество с кредитными картами, кража имущества и т.д.

На основе баз данных по иным сериям преступлений с помощью специальных программ (например, широко известна программа “Rigel software” от компании Environmental Criminology Research Inc. – ECRI’s Rigel software), для определения наиболее вероятного места обитания преступника оценивается пространственный разброс эпизодов серии. Первостепенными для анализа выступают данные о месте встречи преступника с жертвой, месте нападения и месте обнаружения тела.

Практическая ценность метода географического профилирования в сужении круга подозреваемых за счет сопоставления в базах данных подозреваемых и лиц, находящихся в зоне, определенной как высоковероятностная для проживания преступника, и организации в ней интенсивного патрулирования.

Результатом использования географического профилирования выступает указание на расположение:

- буферной зоны преступника, которая помогает нарушителю общественного спокойствия оставаться не замеченным соседями;
- зон работы и отдыха преступника;
- зоны проживания преступника;

Основными системообразующими идеями географического профилирования выступают закономерности преступного поведения, формирующие феномены:

- «наименьшего усилия» – выявленная закономерность преступников для совершения преступлений предпочитать территорию, на которой они чувствуют себя уверенно;
- «рутинной деятельности» – выявленная закономерность наличия взаимосвязи в привычном образе жизни преступника и его жертв, что

предопределяется фактом планирования преступником своих преступлений во время повседневной жизни;

- «затухание расстояния» – выявленная закономерность изменения со временем отдаленности места преступления от места проживания преступника;
- «рационального выбора» – выявленная закономерность принятия решений исходя из рационального начала

Однако нельзя не отметить спорность некоторых вышеописанных идей применительно к отдельным группам серийных преступников, демонстрируя еще раз недостаток индуктивных умозаключений. Несмотря на сказанное эмпирическая состоятельность методики географического профилирования, тогда еще только контурно формирующейся, подтверждена еще в 80-х годах прошлого века при расследовании серии преступлений, совершенных П. Сатклиффом, известным также как «Йоркширский потрошитель» [5, с. 1].

Алгоритм вычисления места проживания преступника в рамках географического профилирования не является тайной [6]. и его широкое использование в российской практике расследования преступлений очередной раз характеризует профессиональный уровень руководителей правоохранительных органов.

В завершение отметим, что сфера использования географического профилирования более значительна по сравнению с остальными видами профилирования, так как распространяется и на такие преступления как кражи и грабежи, расследование которых «неподвластны» остальным видам профилирования.

Детективное профилирование. В зарубежной криминалистической литературе существует четкое разграничение между рутинной работой полиции, специализирующейся на знании и на «нечто большем». Второе – это «искусство» детективной работы, проявляющее свои качества только через опыт, а теория в классах и книгах не помогут детективу «читать» улицы [7, с. 9].

Традиционно криминалистами англо-саксонских стран продолжает противопоставляться тип детектива-ученого, профессиональный уровень которого индуктивен по своей природе и детектива-мастера, профессиональный уровень которого базируется на доминировании дедуктивных умозаключений. Статус детектива-мастера признается более ценен, виду объективно редко встречаемости, что одновременно также несколько обесценивает данный статус. Творчество очень плохо формализуется, что порождает проблему передачи опыта одного детектива другим и также понижает ценность статуса детектива-мастера.

Детективное профилирование – это профилирование, базирующееся преимущественно на дедуктивных умозаключениях, то есть заключениях, исходящих из большой посылки, вроде: личность человека отражается в его деятельности → серийный преступник человек → личность серийного преступника отражается в

следах его преступной деятельности. На первый взгляд дедуктивные умозаключения являются естественным элементом мышления любого человека, тем более следователя в сфере расследования преступлений. Однако если бы это было так, тогда исследователи криминалисты не отмечали бы что, «При осмотре следов следует различать вопросы: «что я вижу» и «что означает то, что я вижу». Эти вот эти вопросы заставляют криминалиста отдавать себе отчет в том, что обычно он оставляет без внимания.» [1, с. 23].

Художественная литература активно раскрывает в образе идеального сыщика, владеющего приемами дедукции. Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Эраст Фандорин – список огромен и создает иллюзию предпочтительности в процессе расследования дедуктивного подхода перед индуктивным. Но так ли бесспорен метод дедукции, а, следовательно, и детективное профилирование в частности? Попробуем перечислить недостатки дедуктивного профилирования.

- Как уже отмечалось проблемность детективного профилирования проистекает из невозможности его массового использования, оно скорее искусство, чем наука. Хотя без сомнения, детективное профилирование базируется на научной методологической основе, ведь большинство основных посылок, если результат научных исследований.

- В силу объективных причин (ограниченного объема информации о событии преступления) исследователь может судить только о свойствах преступника, нашедших отображение в следах преступления. В каждом эпизоде серии эти свойства естественно могут быть разными, в одном эпизоде отразился интеллектуальный уровень преступника, в другом его мотивация. Сказанное объективно увеличивает количество эпизодов серии, информация о которых будет минимально необходимой для составления в процессе детективного профилирования поискового профиля преступника. Поясним надежные выводы проистекают из заключения по повторяющимся в разных эпизодах свойствам преступника, а как было сказано в разных эпизодах часто отражаются разные свойства личности преступника.

- Ограниченность использования математических методов. Если бы в детективном профилировании был разработан конечный набор личностных черт, каждое из которых в разной мере принадлежит разным людям, как в психологической теории черт, то для обработки данных можно было бы использовать такой прием математической статистики как факторный анализ. К сожалению, в рамках детективного профилирования такой перечень черт отсутствует и само его существование достаточно спорно.

- В рамках анализируемых обстоятельств особо актуальными становится такой феномен как совпадение (случайность). Недаром в криминалистической

литературе не раз говорилось о том, что «совпадение – это благословение и проклятие для исследователя, оно может быть убедительным показателем, или просто случайным событием» [7, с. 53]. Феномен случайности часто предопределяет неправильные выводы, полученные в процессе дедуктивных умозаключений, подвергая сомнению ценность дедуктивного профилирования в целом. Сказанное является одной из основных причин опасения следователей оперативно формулировать выводы, из-за боязни ошибиться. Это же можно сказать о феномене «множественности причин» который описывался в отечественной криминалистике.

- Уникальный статус серийных преступников, находящихся на грани между психической нормой и патологией, часто предопределяет спорность исходных (больших) посылок, базирующихся как на идее их психической адекватности серийных преступников, так и на идее их психическое неадекватности.

Неудивительно, что значительная творческая составляющая метода детективного профилирования часто вызывает неприятие со стороны широкого круга исследователей, особенно из числа криминологов и психологов. Конечно, дедуктивное профилирование обладает рядом методологических недостатков, часть которых мы рассмотрели выше, однако это ни в коем мере не является основанием для разговоров о существовании «мифа о профилирование, базирующемся на чертах личности» [4, с. 313-332].

Не боясь преувеличения, можно утверждать, что если в ходе расследования серии преступлений преступник задержан не по доносу, не по случайности и не в результате составление географического, диагностического и криминологического профиля, то можно утверждать, что целиком или частично при расследовании было использовано детективное профилирование. Использование отдельных приемов детективного профилирования, напомним базирующееся на дедуктивных выводах, есть естественная практика расследования любого неочевидного преступлений, а может быть и любого преступления вообще.

Примером эффективного использования детективного профилирования может выступить расследование серии преступлений, совершенных С.А. Головкиным.

В завершение отметим, что все перечисленные недостатки детективного профилирования полностью перекрываются возможностью получения с его помощью предельно широкого объема криминалистически значимой информации о событии преступления, особенно на первоначальном этапе расследования.

Криминалистическое профилирование (профилирование сцены преступления). Интересно, но не только обыватели, но и ряд исследователей-криминалистов, полагают что традиционное построение психологического профиля

неизвестного преступника соответствует приемам детективного профилирования. Это не так.

Залог успешности криминалистического профилирования в интегративной природе этой методики. Фактически в познавательном плане она состоит из двух этапов.

На первом этапе профиллер устанавливает тип серийного преступника, характеризующийся достаточно жестким набором психологических характеристик, имеющих выраженное поисковое значение и установленных статистическими методами (индукция).

На втором этапе профиллер приступает к трактовке следов преступления опираясь преимущественно на дедукцию как основной прием познания. Неудивительно, что второй этап обладает как преимуществами, так и недостатками дедуктивного профилирования, с его постановкой акцента на опыте и интуиции следователя.

Уникальное сочетание индуктивных и дедуктивных методов позволяет преодолеть большинство проблем свойственных каждому из названных познавательных приемов. Сказанное, например предопределяет минимизировать роль случайности, которая порой сопровождает преступников и часто заводит расследование во временный тупик.

Уже первое официальное использование метода криминалистического профилирования в 1979 году при расследовании серии преступлений, совершенных Д. Карпентером, показало теоретическую и практическую состоятельность описываемого метода.

Список использованных источников:

1. Анушат, Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики / Э. Анушат; Науч. ред.: В. В. Крылов – М.: ЛексЭст, 2002. – 112 с.
2. Brussel, J. A. Casebook of a crime psychiatrist. Bernard Geis Associates; Grove Press, 1968. – 212 p.
3. Dern, H., Dern, C., Horn, A., Horn, U. The fire behind the smoke: a reply to snook and colleagues // *Criminal justice and behavior*. – 2009. – № 36 (10). – P. 1085-1090.
4. Kocsis, R. N., Palermo, G. B. Disentangling criminal profiling accuracy, homology, and the myth of trait-based profiling // *International journal offender therapy and comparative criminology*. – 2015. – Vol. 59 (1). – P. 313-332.
5. Rich, T., Shively, M. A Methodology for Evaluating Geographic Profiling Software. Draft Final Report // U.S. Department of Justice. – 2004. – 253 p.

6. Rossmo, D. K. (1996). U.S. Patent № 5,781,704. Washington, DC: U.S. Patent and Trademark Office.

7. Tong, S., Bryant, R. P., Horvath, M. A. H. Understanding Criminal Investigation Atrium: Wiley-Blackwell, 2009. – 295 p.

УДК 343.98

НАЗНАЧЕНИЕ, ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ И УРОВНИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (КХП)

© А.И. Баянов

Сибирский федеральный университет

Трудно найти в криминалистической науке понятие, которое со времени его появления в понятийном аппарате науки рассматривалось как в качестве достижения научной мысли, так и подвергалось критике до полного отрицания. Возникновение КХП было связано со становлением системно-структурного и деятельностного подходов к формированию теории криминалистики, разработке на основании теории прикладных, практически – ориентированных криминалистических методов, направленных на раскрытие преступлений. Поэтому появление КХП следует рассматривать не как субъективное желание отдельных исследователей, а как объективную потребность. Наиболее остро в КХП нуждалась методика расследования преступлений, исследующая структуру процесса расследования и разрабатывающая общие (стратегические) и частные (тактические) направления в деятельности органов дознания и следствия. Становление понятия КХП в теоретическом отношении, определение его назначения, структуры и содержания сделали возможным проведение целого ряда эмпирических исследований, результаты которых оформлялись в виде криминалистических характеристик отдельных видов и групп преступлений. Одной из самых первых и наиболее детальных КХП стала характеристика убийств, совершенных в условиях неочевидности, разработанная Л.Г. Видоновым. Данные КХП Л.Г. Видонов увязывал в систему типовых версий, в которых объяснялись отдельные параметры возможных преступников. Таким образом КХП была ориентирована на установление личности преступника, что свидетельствовало о ее направленности на раскрытие преступления. В юридической литературе стали появляться публикации практических работников, свидетельствовавшие об эффективности КХП для раскрытия и расследования преступлений [5, с. 7; 8, с. 83-85]. Однако число таких публикаций было небольшим, а в дальнейшем они прекратились. Несмотря на издержки, которые

возникали при использовании данных КХП, ученые наращивали исследования, касающиеся как теоретических, так и прикладных аспектов изучаемого явления. Практически нельзя встретить ни одной диссертационной или монографической работы в области методики расследования преступлений, в которых бы не изучалась криминалистическая характеристика преступления. На волне научного оптимизма отдельные сигналы о некоторых возникающих проблемах, связанных с использованием КХП в практике расследования преступлений, либо не замечались, либо объяснялись недостаточным уровнем ее теоретического развития. На устранение имеющихся пробелов вовлекались новые силы, расширялся объем, структура и назначение КХП. Однако фундаментальные и частные исследования теоретических проблем КХП не приводили к видимым изменениям в области ее практического использования. Среди ученых (вслед за практическими работниками) стали появляться скептические настроения, которые привели к тому, что концепция формирования КХП и ее прикладные варианты в виде КХП отдельных видов и групп преступлений стали подвергаться не только критике, но и впоследствии полностью отвергаться.

Первые серьезные критические замечания были высказаны Р.С. Белкиным, И.Е. Быховским, А.В. Дуловым в совместной статье «Модное увлечение или новое слово в науке». Подводя итог достигнутым результатам, ученые – криминалисты писали: «Содержание КХП толкуется произвольно, представление о ее практической значимости явно гипертрофируется; на глазах она превращается в некую панацею для решения всех проблем криминалистической методики» [1, с. 56]. Далее они указывали на то, «что многочисленные описания криминалистической характеристики приобретают все новые и новые составляющие при отсутствии в большинстве случаев связей между ними и даже самой доказанности их существовании практической значимости» [1, с. 57].

Одновременно на недостатки научных и практических разработок КХП обращал внимание В.Я. Колдин. Он указывал на необходимость четкого определения теоретического содержания и методологических функций КХП, без которых она теряет какой-либо теоретический и практический смысл [7, с. 63–65]. Несмотря на критические замечания видных ученых – криминалистов, в научных исследованиях, посвященных КХП, серьезных изменений не происходило. Спустя некоторое время концепция формирования КХП на примере результатов исследования, проведенного Л.Г. Видоным, была подвергнута детальной критике со стороны А.М. Ларина. Несмотря на острый и порой незтичный характер критики, отдельные замечания, высказанные А.М. Лариным, касающиеся концепции построения КХП, основанные на выявлении статистическо-вероятных связей между отдельными элементами «неочевидных» убийств, на наш взгляд, не лишены оснований. А.М.

Ларин справедливо обращал внимание на следующие, вызывающие озабоченность, обстоятельства: во-первых, при выявлении статистических связей между отдельными элементами преступных событий «чрезвычайно важно определить репрезентативную совокупность исследуемых преступлений и выбрать правильно временной период, в течение которого они совершались»; во-вторых, можно ли считать допустимым непользование полученных результатов в практической деятельности на примере одного региона, при расследовании аналогичных преступлений в других регионах страны без учета многообразия социальных, культурных, экономических, национальных и т.п. факторов; в-третьих, установленные статистические связи между отдельными элементами вида, группы преступлений могут не проявляться в отдельно взятых преступлениях [13, с. 116-127].

Спустя четыре года, после выхода в свет работы А.М. Ларина, Р.С. Белкин призвал вообще отказаться от использования понятия КХП, поскольку оно, по его мнению, не оправдало надежд ученых и практиков, и превратилось в иллюзию, в криминалистический фантом [2, с. 11-12]. Крайняя и резкая позиция Р.С. Белкина скорее всего является результатом анализа того состояния, в котором находилась КХП, а также существовавших в тот период времени подходов и направлений в научных исследованиях криминалистических закономерностей преступных деяний. Следует отметить, что точка зрения Р.С. Белкина не разделялась всем научным сообществом. Понятие КХП продолжало широко использоваться и используется как в научной, так и в учебной литературе последних лет [3, 10, 11, 12]. К сожалению, основные недостатки в формулировании концепции КХП, отмеченные в прошлые годы, остаются без существенного разрешения. На это обстоятельство еще раз обратил внимание В.Я. Колдин: «обобщая систему опубликованных в развитие этой концепции работ, следует констатировать, что в настоящее время нет оснований говорить о наличии целостной, непротиворечивой и научно обоснованной концепции, которая могла бы эффективно использоваться в методологии криминалистики, практической деятельности и подготовке специалистов. Об этом свидетельствуют ее существенные недостатки общенаучного, системного и функционального порядков» [11, с. 39].

При разрешении теоретических и практических проблем КХП прежде всего необходимо определить ее функциональное назначение, область практического применения, а при построении научной концепции – выделить основные уровни криминалистического познания (анализа) преступных деяний (уровни КХП). Функциональное назначение КХП со времени начала ее использования в системе криминалистического знания рассматривалось достаточно широко, начиная от построения и оптимизации методики расследования, планирования расследования, организации и проведения следственных действий до построения

высоковероятных версий [6, с. 15]. Постепенно преобладающей становится точка зрения, рассматривающая функциональное назначение КХП в качестве информационной основы (теоретического основания) для построения наиболее вероятных (типичных) версий по расследуемому уголовному делу [9, с. 52, 350]. Такой подход нам представляется правильным и соответствующим месту КХП в системе научного знания и практической деятельности.

Что касается сферы (области) применения КХП в системе правоохранительной деятельности, то следует заметить, что она также рассматривается достаточно широко и включает в себя «предупреждение, выявление, раскрытие, расследование и даже судебное исследование». Такой подход, наряду с неоднозначностью функционального назначения, приводит к перенасыщению КХП массой данных, усложняет ее структуру и размывает содержание. КХП становится «нетехнологичной», то есть трудно воспринимаемой и понимаемой особенно для практических работников, что приводит к затруднениям в ее применении. Мы присоединяемся к позиции ученых, которые ограничивают сферу практического применения КХП только раскрытием преступления (точнее, события, имеющего признаки преступления). Раскрытие является начальным этапом процесса предварительного расследования в «неочевидных» ситуациях, которые характеризуются отсутствием данных не только о лице, причастном к наступлению преступных последствий, но и о сущности произошедшего события. Важность задачи по раскрытию расследуемого события вытекает из целого ряда положений УПК РФ. Так, часть 2 статьи 21 УПК РФ обязывает прокурора, следователя, орган дознания, дознавателя в случае обнаружения признаков преступления принимать предусмотренные кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. В случаях отсутствия события преступления возбужденное уголовное дело подлежит прекращению (п. 1, ч. 1 ст. 24 УПК РФ), а при неустановлении лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, предварительное следствие приостанавливается (п. 1, ч. 1 ст. 208 УПК РФ). При этом, в соответствии с частью 5 ст. 208 УПК РФ, должны приниматься меры по розыску либо установлению лица, совершившего преступление. Неочевидные ситуации в начальный период расследования характеризуется дефицитом информации, на основе которой могут быть построены следственные версии, объясняющие сущность расследуемого события и указывающие на личность возможного преступника. Существующий дефицит информации, необходимой для построения следственных версий, восполняется за счет привлечения данных, содержащихся в КХП, которые аналогичны расследуемому событию. При этом указанные данные имеют определяющее значение при построении типичных следственных версий. На данную особенность при построении типичных

следственных версий справедливо указывается в юридической литературе [4, с. 140-141]. Что касается «очевидных» ситуаций, в которых совокупность фактических данных на первоначальном этапе расследования дает основание выдвигать обоснованные следственные версии, указывающие на причастность к совершению преступления конкретных людей и объяснять характер конкретного расследуемого события, то их построение не требует привлечения данных КХП. Очевидные ситуации имеют фактическое основание для расследования и не требуют раскрытия характера события и установления личности возможного преступника.

Разработка концептуальных основ КХП требует не только учета ее назначения и области применения в правоохранительной деятельности, но и выделения различных уровней в криминалистическом познании преступных деяний. Выделение уровней КХП предполагает постановку научных и практических задач, использование соответствующих поставленным задачам методов исследования и разработку рекомендаций, направленных на применение полученных знаний в научной и практической деятельности. Проведение научных исследований без четкого выделения предмета (уровня КХП), как показывают отдельные научные разработки, приводит к путанице; отсутствие конкретики в полученных результатах ведет к дискредитации самой идеи. В системе криминалистического знания, имеющего своим предметом преступное деяние, прежде всего необходимо выделить два направления: научное и практическое. На необходимость разграничения указанных направлений обращает внимание В.Я. Колдин, когда говорит о разделении методологии теоретического и практического познаний [11, с. 39]. Научное направление в познании криминалистической сущности преступного деяния состоит из трех уровней: методологического, теоретического и методического (технологического). Каждый из указанных уровней создается для решения строго определенных, присущих только ему задач и соответственно этим задачам имеет назначение, структуру и содержание.

Методологический уровень КХП предполагает определение общих подходов (в виде установок) для проведения научных изысканий при исследовании как отдельных преступных событий, так и их совокупностей, а также устанавливает общие правила при использовании полученных знаний в практической деятельности. На методическом уровне определяются условия, назначение, область применения КХП, устанавливаются методы исследования преступных деяний. Общее направление методологического подхода при формировании КХП, как нам представляется, должно быть направлено на формирование идеологии и создание методики преодоления дефицита информации о расследуемом событии, характерного для начального периода расследования преступлений в условиях «неочевидных» ситуаций.

На базе методического формируются теоретически и методический уровни КХП. Теоретический уровень КХП должен быть представлен в виде системно-структурного описания криминалистической сущности преступного события, относительно к отдельным его видам и группам. Он может рассматриваться в качестве теоретической криминалистической модели преступного события. В ее структуру включаются не только основные элементы (личность преступника, потерпевшего, способ, время, место, обстановка и т.д.), но прежде всего установленные закономерные, имеющие высокий уровень детерминации связи, подтвержденные статистическими данными (например, способ совершения → личность преступника; личность потерпевшего → личность преступника; место совершения преступления → личность преступника и т.п.). Кроме элементов события преступления в структуру теоретической криминалистической модели обязательно должны включаться последствия события в виде его следов (материальных и идеальных), так как любой процесс расследования начинается при условии обнаружения последствий события, имеющего признаки преступления. Благодаря установленным и систематизированным в теоретической криминалистической модели закономерным связям, появляется возможность выдвигать типовые (высоковероятные) предположения о сущности произошедшего события и лице, причастном к наступлению преступных последствий (например: следы на трупе человека → способ убийства → типичные характеристики убийцы и т.п.).

Теоретический уровень КХП является необходимой частью криминалистического знания о преступном деянии и служит основанием для разработки методического уровня КХП, непосредственно обеспечивающего построение следственных версий в процессе расследования уголовного дела. Методический уровень представляют типовые криминалистические характеристики преступления. Использование теоретического уровня КХП в процессе расследования преступлений возможно, но неэффективно по причине высокой степени абстрагирования.

Методический уровень КХП, основываясь на криминалистической теории преступления, конкретизирует ее положения применительно к отдельным видам и группам преступлений. Объединение преступлений по видам и группам происходит по различным основаниям: характер наступивших последствий, вид объекта преступного посягательства, способ, место совершения преступления и т.п. При этом, чем меньше по объему преступлений образующая группа, тем более эффективно будут использоваться данные КХП. Структура типовой КХП с учетом ее назначения должна включать такие элементы преступлений, которые имеют высокий уровень связей с характеристиками личности возможного преступника, и служить основанием для построения высоковероятных версий, касающихся сущности произошедшего события. Иные обстоятельства преступления, которые не

имеют таких связей, включать в состав типовой КХП нет необходимости. Они не имеют практического значения и неоправданно перегружают ее конструкцию.

Практическое направление в познании преступного события представлено индивидуальной КХП. Существование индивидуальной КХП оспаривается рядом криминалистов, и часто ее рассматривают в качестве информационной модели расследуемого события [3, с.47]. Такой подход представляется непродуктивным. Индивидуальная КХП формируется на основе расследованного преступления, обстоятельства которого не носят массовый характер, имеют исключительные признаки, не совпадающие с групповыми. Что касается иных преступлений, имеющих только типовые характеристики, то для таких преступлений формирование индивидуальной КХП теряет смысл. Следственная практика знает множество примеров, когда при раскрытии некоторых преступлений не работали типовые рекомендации. И только настойчивость оперативных служб, стечение случайных обстоятельств и ошибки, допущенные преступником, позволяли раскрывать преступления, которые не укладывались в общие типовые схемы. В отечественной следственной практике имеются и иные примеры, когда многолетняя работа не приводила к положительному результату и расследуемые события, имеющие признаки преступления, оставались нераскрытыми. Достаточно указать на дело о гибели группы Дятлова в Свердловской области.

Поскольку такого рода события происходят и будут происходить, то нельзя не обращать на них внимания. Наоборот, внимательное изучение подобных, но раскрытых преступлений, исследование логики действий преступника и особенностей следовой картины следует рассматривать важной задачей криминалистики. Поэтому создание банка данных подобных преступлений и выделение их индивидуальных КХП необходимо, так как со временем происходит постепенный переход индивидуальных по характеру преступлений в массовое явление.

В заключение следует обратить внимание на основные выводы:

- 1) при формировании КХП необходимо исходить из проблемных вопросов следственной практики и прежде всего из наличия дефицита необходимой информации, характерной для «неочевидных» ситуаций;
- 2) КХП необходимо рассматривать в качестве структурного элемента процесса построения следственных версий;
- 3) назначение КХП заключается в информационном обеспечении процесса раскрытия преступлений и только для построения высоко вероятностных версий;
- 4) область использования КХП следует ограничить раскрытием преступлений (точнее событий, имеющих признаки преступлений);

5) при формировании КХП необходимо учитывать отдельные ее уровни. Их смешение приводит к размыванию структуры и содержания КХП и потере практического значения.

Список использованных источников:

1. Белкин, Р. С. Модное увлечение или новое слово в науке (Еще раз о криминалистической характеристике применения) / Р. С. Белкин, И. Е. Быховский, А. В. Дулов // Социалистическая законность. – 1987. – №9. – С. 56-58.

2. Белкин, Р. С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» / Р. С. Белкин // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. – Тула: ТГУ. – 2000. – С. 3-12.

3. Бессонов, А. А. Основы криминалистического учения об исследовании криминалистической характеристики применения: монография / А.А. Бессонов. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 256 с.

4. Грибунов, О. П. Особенности версионной работы по делам о преступлениях против собственности, совершаемых на транспорте / О. П. Грибунов. // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – №4. – С. 135-142.

5. Гусев, С. И. О возрастающем значении науки и техники в работе следственного аппарата по раскрытию и расследованию преступлений / С. И. Гусев // Следственная практика. – 1979. – Вып.121. – С. 3-14.

6. Драпкин, Л. Я. Криминалистика: учебник /Л. Я. Драпкин, В. Н. Карагодин. – Москва: Проспект, 2013. – 768 с.

7. Ермалович, В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В.Ф. Ермалович. – Минск: Амалфея, 2001. – 304 с.

8. Комаров, В. И. Из опыта организации работы прокуратуры АССР, краев и областей РСФСР по применению научно-технических рекомендаций против личности / В. И. Комаров, Ф. В. Побединский // Следственная практика. –1983. – Вып.138. – С. 79-103.

9. Колдин, В. Я. Криминалистические знания о преступной деятельности: функция моделирования / В. Я. Колдин // Советское государство и право. – 1987. – №2. – С. 63-69.

10. Криминалистика. В 5 т. Том 1. Методика расследования преступлений: Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / Н. П. Яблоков. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 205 с.

11. Криминалистика. В 5 т. Том 2. Методика расследования преступлений: Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / В. Я Колдин, С. А. Смирнова, О. А. Крестовников. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 167 с.

12. Криминалистика. В 5 т. Том 5. Методика расследования преступлений: Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / И. В. Александров, Н. П. Яблоков, А. А. Беляков, В. Н. Карагодин и др.; под общ. ред. И. В. Александрова. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 242 с.

13. Ларин, А. М. Криминалистика и паракриминалистика: научно-практическое и учебное пособие / А. М. Ларин. – Москва: БЕК, 1999. – 192 с.

УДК 343.148

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОЛИГРАФОЛОГА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

© Н.М. Букаев

Оренбургский институт (филиал) университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

© Н.Ю. Волосова

Оренбургский государственный университет

24 декабря 2010 года депутатами Государственной Думы СФ РФ был внесен проект Федерального закона № 478780-5 «О применении полиграфа». Данный законопроект был направлен на внедрение опросов с применением полиграфа в деятельность органов государственной власти различного уровня, а также организаций различных форм собственности. Однако закон так и не был принят.

Несмотря на то, что законодательных норм, предусматривающих использование полиграфа нет, он уже продолжительное время используется в правоприменительной практике при расследовании уголовных дел. Знания специалиста полиграфолога востребованы в работе Министерства внутренних дел, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности и др. правоохранительных органах. Свою эффективность полиграф показал при отработке версий совершения преступления.

Говоря о возможности признания информации, полученной с использованием полиграфа, в качестве доказательства мы неизбежно сталкиваемся с оценкой такого доказательства как допустимого: полученного в соответствии с действующим законодательством, надлежащим лицом, в надлежащем порядке, из надлежащего источника.

Для определения возможности использования знаний полиграфолога в уголовном судопроизводстве следует разобраться с такими вопросами, что из себя представляют профессиональные знания полиграфолога и в какой области, а также можно ли рассматривать проведенное им исследование в качестве такого доказательства как экспертиза в уголовном процессе.

Существует ли в Российской Федерации оценка профессиональных знаний полиграфолога и специальные требования к его подготовке?

Ответ положительный. Начиная с 2000 г. очень осторожно к этому вопросу стали подходить образовательные учреждения. 9 октября 2000 г. в соответствии с распоряжением Министерства юстиции Российской Федерации и Министерством образования Российской Федерации № 289 / 1048-35 были разработаны Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Специалист по проведению инструментальных психофизиологических опросов». Данные требования были утверждены Министерством образования РФ 4 июля 2001 г. № ГТ ППК 02/39. Их целью была разработка государственных требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Специалист по проведению инструментальных психофизиологических опросов», введение и осуществление единой государственной политики в области профессиональной переподготовки специалистов указанной квалификации [1].

Дополнительная квалификация «Специалист по ИПФО» присуждается лицам, достигшим 22-летнего возраста, имеющим высшее профессиональное образование по естественнонаучным, инженерно-техническим, гуманитарным направлениям и специальностям, при условии успешного освоения дополнительной профессиональной образовательной программы для получения указанной дополнительной квалификации, включая прохождение итоговой государственной аттестации [1].

Однако этим не ограничились. 5 марта 2004 г. Министерством образования были утверждены Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа» (ГТППК-34/36) [2].

В соответствии с данными государственными требованиями целью изучения Программы является подготовка лиц к профессиональной деятельности в качестве экспертов-полиграфологов за счет приобретения ими знаний в области теории и практики судебно-психофизиологической экспертизы, а также навыков и умений по производству психофизиологического исследования с использованием полиграфа. Лицо, получившее дополнительную квалификацию «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа», может осуществлять следующие виды профессиональной деятельности: экспертную, консультационную, научно-исследовательскую, организационно-управленческую, профилактическую. В свою очередь сфера профессиональной деятельности эксперта-полиграфолога распространяется на государственные судебно-экспертные

учреждения, негосударственные экспертные учреждения, а также иные предприятия и организации (либо их структурные подразделения), осуществляющие вышеуказанные виды деятельности в пределах своих полномочий, установленных законодательством Российской Федерации [2].

Анализ данных требований к полиграфологу, к уровню его подготовки и полученных им знаний позволяет констатировать, что он является экспертом в своей области знаний – психофизиологии, которые позволяют ему провести исследования и сделать определенные выводы в соответствии с полученной квалификацией.

Экспертиза является одним из видов доказательств. Для ее проведения требуются специальные знания. Специальные знания выходят за рамки общего образования и жизненного опыта; ими владеет более или менее узкий круг людей. Специальные знания – это результат специальной подготовки и профессиональных навыков [4, с. 23].

Некоторыми авторами экспертиза, проводимая экспертом-полиграфологом, приравнивается к судебно-медицинской экспертизе [4, с. 23]. Но так ли это на самом деле. Главным требованием, которое предъявляется к судебно-медицинскому эксперту, является наличие высшего профессионального медицинского образования. Данные требования содержатся в ст. 13 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Исходя из анализа утвержденных стандартов подготовки полиграфологов они могут иметь и не медицинское образование. Поэтому если рассматривать их деятельность с точки зрения требований к подготовке, то судебно-медицинскими экспертами они быть не могут, следовательно и проводить судебно-медицинскую экспертизу не имеют право. Системный анализ действующего законодательства позволяет предположить, что это совершенно новый вид экспертизы, который проводится уникальным специалистом — полиграфологом. Методика ее проведения несколько отличается от стандартных исследований, проводимых судебными медиками. Поэтому нами не разделяется мнение тех исследователей, которые рассматривают исследования полиграфолога как одну из разновидностей судебно-медицинской экспертизы.

Рассматривая проблему отнесения экспертизы проведенной полиграфологом к определенному классу или виду Я.В. Комиссаровой и В.И. Комиссаровым, справедливо отмечается, что «учитывая современный уровень знаний в области физиологии, психологии и нейрофизиологии, с научно-практической точки зрения было бы корректно дополнить вышеуказанный класс экспертиз собственно психофизиологической экспертизой, базирующейся на использовании психофизиологического метода детекции лжи и направленной на решение диагностических задач» [3, с. 399].

Свободный Ф.К. отмечает, что в отношении судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа было бы корректнее говорить не о новом классе судебных экспертиз, а о новом виде экспертизы, относящейся по своей сущности, объекту, предмету и методам к классу судебных психологических экспертиз [5, с. 165].

Думается, что наименование данного вида экспертных исследований как психофизиологическая экспертиза с применением (использованием) полиграфа является предпочтительным. Это отражает не только особые методы ее проведения, но и специальный инструментарий, который используется для ее проведения и существенно отличающийся от иных инструментов, применяемых при проведении других экспертиз.

Однако в России к вопросу использования полиграфа относятся с большей осторожностью. Критике подвергается волидность используемых методик при полиграфическом исследовании, что подвергает сомнению достоверность полученных результатов. Существование значительных различий в используемых методиках, существенно влияет на получаемые результаты. Исследования по одной методике не могут быть обобщены и использованы для других методик. Кроме того, различия между методами настолько значительны, что результаты исследований по одной методике в одном приложении не обязательно могут быть экстраполированы на другие приложения. Это является основным возражением в использовании полиграфа в качестве инструмента, используемого в процессе доказывания по уголовному делу, и ставит под сомнение научную обоснованность самого процесса тестирования.

Именно процент погрешности заставляет задуматься о том, возможно ли использовать полиграф в процессе расследования уголовного дела, когда речь идет о привлечении лица к уголовной ответственности, насколько безопасно такое исследование будет для соблюдения прав и свобод человека, вовлекаемого в процесс расследования. Ответов на поставленные вопросы ни законодатель, ни правоприменительная практика пока не дают.

Проблема заключается в том, что основная теория тестирования на полиграфе лишь частично разработана и исследована. К наиболее устоявшейся и общепринятой теории в настоящее время является теория измерения физиологической реакции, которая основана на том, что страх разоблачения вызывает измеримую физиологическую реакцию, когда человек отвечая обманывает. Согласно этой теории, полиграф измеряет страх разоблачения, а не обман как таковой. Полиграфолог лишь делает вывод об обмане, когда физиологический ответ на вопросы о преступлении являются очевидными. Однако эта теория была оспорена некоторыми психологами и другими исследователями, которые считают, что

различные факторы – например, уровень интеллекта испытуемого, психологическое здоровье, эмоциональная стабильность и вера в «машину» – могут, по крайней мере теоретически, влиять на физиологический ответ.

Нужна более сильная теоретическая база для всего спектра применения полиграфа. Базовые исследования на полиграфе должны учитывать последние разработки в области психологии, физиологии, психиатрии, нейробиологии и медицины; сравнительные методы.

Эту проблему необходимо решать, используя межотраслевой подход и привлекая специалистов из разных областей знаний.

Самым болезненным вопросом при использовании полиграфа является соблюдение права и свобод участников процесса. Полагаем, что проведение такого исследования в процессе производства по уголовному делу может быть только на добровольной основе. Это вытекает из положений ст. 51 Конституции РФ – никто не обязан свидетельствовать против самого себя, супруга (супруги) и близких родственников, круг которых определен действующим законодательством. Любое принуждение следует рассматривать как основание для признания такого заключения недопустимым, недопустимым следует признавать такое доказательство и в том случае, если лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, участники процесса вводятся в заблуждение относительно сути такого исследования, последствий для рассмотрения уголовного дела и т.п.

Подводя итог следует отметить, если целью психофизиологической экспертизы с использованием (применением) полиграфа является проверка достоверности показаний подозреваемого (обвиняемого), свидетелей и других участников процесса для установления истинных обстоятельств совершения преступления, выводы эксперта могут рассматриваться как отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном судопроизводстве.

Список использованных источников:

1. Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Специалист по проведению инструментальных психофизиологических опросов»: 4 июля 2001 г. № ГТ ППК 02/39 // [Электронный ресурс]. –<http://www.consultant.ru/>.
2. Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа» (ГТППК-34/36) // [Электронный ресурс]. –<http://docs.cntd.ru/>.

3. Комиссаров, В. И. Проблемы становления психофизиологической экспертизы / В. И. Комиссаров, Я. В. Комиссарова // Роль и значение деятельности Р. С. Белкина в становлении современной криминалистики. Материалы Международной научной конференции (к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина). – М.: Академия управления МВД РФ, 2002. – С. 399-407.

4. Леонтьева, Н. Л. Полиграф как источник доказательств по уголовному делу / Н. Л. Леонтьев // Правовая психология. – 2011. – № 2. – С. 22-25.

5. Свободный, Ф. К. Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа как новый вид судебной психологической экспертизы / Ф. К. Свободный // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2011. – № 1. – С. 163-168.

УДК 343.34

СПОСОБ УКЛОНЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ (ЭЛЕМЕНТ) СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© П.Г. Великородный

Саратовский социально-экономический институт (филиал)

РЭУ имени Г.В. Плеханова

Проблемы борьбы с преступностью и задачи науки криминалистики по их разрешению более полувека тому назад побудили ученых всесторонне изучить феномен способа совершения преступления, определить и обосновать его криминалистическое понятие и внутреннюю архитектуру и экстраполировать результаты познания на органы предварительного расследования и правосудия по уголовным делам.

Способ совершения преступления, научно разработанный его основоположником Г.Г. Зуйковым как частное криминалистическое учение, давно и прочно занял свое место в системе элементов методики расследования отдельных видов преступлений. Что позитивно сказывается на уголовном судопроизводстве в целом.

Наряду с действиями по совершению криминала правонарушители нередко, как показывает практика, осуществляют разнообразные, разноплановые действия, направленные на избегание уголовной ответственности.

Замышляя противоправное деяние, субъект всегда ставит для себя две задачи (цели): первую – посредством избранного способа действий удачно совершить преступление с наступлением желаемых последствий (результата); вторую – предотвратить возможность уличения в содеянном и наказания за него. Для

этого им планируется и реализуется как тайное сокрытие следов преступления, так и открытое противостояние, воспрепятствование¹ расследованию и установлению действительной картины события. Рассмотрим вкратце категории сокрытия и воспрепятствования.

Последовавшее за изучением способа совершения исследование способа сокрытия преступления содержало разработку его структуры и определение места в преступной деятельности. Учеными были сформулированы различные, но во многом сходные дефиниции понятия способа сокрытия деяния. Приведем одну из них.

По синтезированному определению корифея криминалистической науки Р.С. Белкина «сокрытие преступления- деятельность (элемент преступной деятельности), направленная на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника и их носителей». Он отмечал, что эта деятельность осуществляется различными способами сокрытия преступления [1, с. 234-235].

Сложилась неоднозначные взгляды ученых на место способа сокрытия деяния в преступной деятельности. Г.Г. Зуйков, Т.М. Арзуманян, Э.Д. Куранова, И.Ш. Жордания, Н.А. Сенчик, В.В. Тищенко, И.Я. Моисеев и другие явились сторонниками точки зрения, что способ сокрытия преступления входит в структуру способа его совершения.

В.П. Колмаков, И.М. Лузгин, В.Г. Танасевич, В.П. Лавров, И.Ф. Пантелеев, В.Х. Меркурисов, Б.Б. Рыбников и др. высказались за самостоятельность способа сокрытия преступления как элемента криминальной деятельности, то есть находящегося вне рамок способа совершения деяния.

Однако всеми учеными способ сокрытия преступления изучался сам по себе, без обоснованной увязки его с воспрепятствованием расследованию и без указания цели сокрытия.

Не лишенный провидческого дара Г.Г. Зуйков был более близок к истине, предложив называть способ сокрытия преступления способом уклонения от ответственности. И аргументировал это тем, что уклонение является доминирующей целью действия по сокрытию [4, с. 52-53]. Забегая вперед, то же самое можно сказать и о противодействии расследованию.

Под противодействием расследованию В.Н. Карагодин – пионер этой частной теории – понимает «умышленные действия (систему действий), направленные на воспрепятствование установлению действительных обстоятельств, характера расследуемого события, вины его участников, личности и степени вины

^{*} используемые в статье термины «воспрепятствование, противостояние, противодействие, противоборство» понимаются как равнозначные.

субъектов совершенного преступления и принятию справедливого решения по уголовному делу» [5, с. 242].

Нетрудно заметить, что в приведенных определениях Р.С. Белкина и В.Н. Карагодина отсутствует цель воспрепятствования: у первого – «расследованию путем...», у второго – «установлению действительных обстоятельств...».

Между тем сокрытие следов преступления и противодействие расследованию, имеющие направленность на воспрепятствование органам следствия и суда установить истину по делу, объединены общим противоправным замыслом и одной, общей, целью – уклониться от уголовной ответственности, избежать судебной кары.

Да и само сокрытие следов, по большому счету, можно трактовать как специфическую – негласную – разновидность противодействия расследованию, только осуществляемого тайно, в отсутствие процессуальных оппонентов и рассчитанного на будущее (на случай установления личности «автора» деяния).

Ранее нами уже отмечалось [3, с. 193-194], что в деятельности преступника следует различать два временных периода: латентный и публичный. Первый содержит в себе доктринальный и криминальный этапы (стадии), неизвестные и недоступные правоохранителям и публике – сторонним гражданам. Именно этот период наиболее способствует тайности как подготовки к совершению преступления и его осуществления, так и сокрытия субъектом следов криминала. Что являет собой предпосылку к уклонению от ответственности. Поэтому латентный период правонарушитель использует по – максимуму, чтобы оставаться неизвестным.

Неблагоприятный для преступника публичный (посткриминальный) период начинается с обнаружения преступления и возбуждения уголовного дела [6, с. 49-50]. и заканчивается вступлением в силу приговора осужденному.

В публичный период субъект, ставший уже достоянием гласности и находящийся в статусе подозреваемого – обвиняемого – подсудимого, в противостоянии со своими процессуальными визави помимо приемов сокрытия следов и их носителей избирательно, с учетом ситуации, применяет (с целью ухода от ответственности) угрозу, оговор, шантаж, подкуп, обман, дачу взятки, психологическое давление, воспрепятствование свидетелям явки на допрос, отказ от дачи показаний или дача ложных сведений, «блокирование» каналов передачи информации, физическую ликвидацию потенциальных изобличителей, ложное алиби, другие методы и уловки.

В публичный период подследственный индивид активно использует в противодействии служителям закона свои «заготовки» латентного периода: отсутствие и/или изменение на месте преступления следов либо предметов, на

которых они могли быть; ложное алиби; убийство свидетеля, инсценированное под самоубийство и др.

Результатом воспрепятствования расследованию может быть (и бывает) невозможность установления действительных обстоятельств произошедшего, то есть неустановление истины по делу. А это исключает всякую ответственность гражданина за содеянное.

Напомним, что при производстве отдельных следственных и судебных действий в процессуальных документах должны фиксироваться (что и делается) сведения, свидетельствующие о сокрытии следов преступления и/или противодействии расследованию, к примеру: в протоколе осмотра места происшествия – резкий запах, исходящий от следов обуви (исключающий возможность применения СРС); в протоколе допроса свидетеля – шантаж или угроза ему со стороны подозреваемого и в чем конкретно это выразилось; в протоколе обыска – обнаруженные в квартире обвиняемого, парик, маска для лица, средства для гримирования; в протоколе выемки – перечень и наименование документов, которыми высокопоставленный чиновник – подозреваемый – преступно приобретенную недвижимость оформил на жену и других родственников; в протоколе судебного заседания – вербальное противостояние подсудимого и др.

Накопление таких сведений будет неопровержимо подтверждать, что сокрытие следов преступления и противодействие расследованию осуществлено (осуществляется) умышленно с целью уклонения виновного лица от наказания.

Ученые – юристы и юристы – практики в своей работе иногда оперируют выражениями «уклонился от уголовной ответственности», «способ уклонения от ответственности», которым в криминалистической науке не дано, к сожалению, никакого ни объяснения, ни определения, несмотря на их важность в юридической практике.

По нашему мнению, способ уклонения от уголовной ответственности – это умышленная деятельность (система действий) и бездействие, направленные на воспрепятствование установления истины путем сокрытия следов преступления и их носителей и открытого противодействию расследованию, детерминированных общим преступным замыслом, психофизическими и интеллектуальными свойствами личности, условиями внешней среды, следственной ситуацией и целью избегания наказания.

Полагаем, что способ уклонения от ответственности – это такой же объект (сегмент) в системе элементов и тактики, и методики расследования в целом, как и способ совершения преступления [2, с. 22].

Способ уклонений от ответственности, имеющий своим содержанием сокрытое (тайное) и открытое воспрепятствование установлению истины, заслуживает, на наш взгляд, более пристального внимания законодателя, следователя, судьи.

Нам кажется, что есть смысл дополнить ст.73 УПК РФ частью 3 в следующей формулировке: «Подлежат выявлению действия, направленные на воспрепятствование установлению истины по делу».

Воспрепятствование установлению истины, нашедшее отражение в процессуальных документах и других материалах дела, должно признаваться судьей (судом) отягчающим вину обстоятельством и учитываться при вынесении подсудимого приговора.

В криминалистической науке и на практике необходимо более активно позиционировать воспрепятствование установлению истины как отдельный, самостоятельный элемент в расследовании преступления.

Таким образом, можно сделать заключительный вывод: способ уклонения от уголовной ответственности, проявляемый как воспрепятствование установлению истины по делу – это в реальности объект (элемент) современной методики расследования преступлений. И таким он должен быть признан и наукой, и практикой.

Список использованных источников:

1. Белкин, Р. С. Курс советской криминалистики. Том III. Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р. С. Белкин. – М.: Академия МВД СССР, 1979. – 409 с.
2. Баринов, С. В. Расследование преступных нарушений неприкосновенности частной жизни. Учебное пособие / С. В. Баринов, В. М. Юрин. – М.: А-Приор, 2009. – 80 с.
3. Великородный, П. Г. Соккрытие следов преступления и противодействие его расследованию как способ уклонения от уголовной ответственности / П. Г. Великородный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018 – № 2 (121). – С. 189-196.
4. Зуйков, Г. Г. Способы сокрытия преступления и уклонения от ответственности / Г. Г. Зуйков // Способы сокрытия следов преступления и криминалистические методы их выявления. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1984. – С. 56-64.
5. Карагодин, В. Н. Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию / В. Н. Карагодин // Библиотека криминалиста, 2013. – № 4. – С. 241-252.

б. Юрин, В. М. Заявление об экономическом преступлении согласования не требует / В.М. Юрин // Российская юстиция, 2001. – № 7. – С.49-50

УДК 343.34

**О ВЗАИМОСВЯЗИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
АСПЕКТОВ В ПОСТРОЕНИИ ЧАСТНЫХ МЕТОДИК
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

© С.И. Винокуров

Университет прокуратуры Российской Федерации

В настоящее время проблемы конструирования (построения) частных криминалистических методик не только не теряют своей практической значимости, но и еще более актуализируются. Это обусловлено возникновением и распространением в последние десятилетия новых сложных, противоречивых, криминологически значимых социальных явлений, событий и факторов, обусловивших появление нетрадиционных современных видов преступности, расследование которых с использованием только ныне существующих криминалистических подходов и методик представляется недостаточно продуктивным.

При этом исследование логических закономерностей построения указанных методик применительно к расследованию современных организованных видов преступности позволяет говорить о тесной взаимосвязи криминологического и криминалистического факторов.

В частности, криминология раскрывает социальную обусловленность, причинно-следственные связи и последствия появления новых, нетрадиционных видов преступности, которые характеризуются определенным, специфическим арсеналом следов, отражающим криминологически значимые факторы во вне. На этой основе и складывается взаимодействие криминологического и криминалистического аспектов в предупреждении, расследовании и раскрытии преступной деятельности организованных преступных сообществ (организаций).

Так, например, торговля людьми была невозможна при социализме. В противоположность этому она процветает в условиях капиталистических, рыночных отношений, где основными мерилami общественных ценностей являются получение сверхприбыли, фетишизация сферы потребления, культ псевдолиберальных ценностей. Причем, данный вид преступности достаточно комфортно чувствует себя не только в России, но и в социально благополучных, процветающих государствах Запада.

Принципиально важное криминологическое значение для формирования в России современной преступности нового типа имела кардинальная смена общественно-политического и социально-экономического строя, отказ от социалистической, плановой системы хозяйствования и введение в Российской Федерации ультралиберальных капиталистических, а по своей сути криминально-рыночных отношений. Они были основаны на принципах тотального расхищения общенародной собственности новыми элитами, жесткой конкуренции между соперничающими преступными группировками, безудержной погони за сверхприбылью, разрушения сложившихся в социалистическом обществе моральных ценностей, норм, традиций и т.д.

Кроме того, данные процессы сопровождались снижением роли и авторитета многих государственных институтов в жизни страны, массовым обнищанием ее населения, весьма спорной, необоснованной либерализацией уголовной ответственности (на фоне значительного ущемления прав и законных интересов потенциальных и реальных потерпевших от преступлений). Серьезный деструктивный след в либеральных реформах российского уголовного законодательства оставила поспешно проведенная декриминализация многих деяний, ранее признаваемых общественно опасными (обман потребителей, ложная реклама, контрабанда, «простое» хулиганство и др.). Практически одна за другой проводились многочисленные масштабные амнистии, многочисленные помилования преступников. Следует также отметить разрушение многих социально полезных общественных институтов, осуществлявших функции общественного контроля и профилактики преступности.

В качестве закономерного следствия всех этих и им подобных негативных преобразований в российском социуме произошли коренные деструктивные изменения, крайне отрицательно отразившиеся на соблюдении законности и правопорядка, обусловившие низкий уровень защищенности законопослушного населения от преступных посягательств, массовую криминализацию общественного сознания (особенно среди молодежи), появление совершенно новых видов преступлений, для существования которых ранее в СССР не было ни экономических, ни социальных, ни политических условий.

В связи с этим уместно вспомнить хорошо известное высказывание видного советского криминолога И.И. Карпеца, утверждавшего, что «рыночные отношения изначально «беременны» преступностью» [1, с. 27]. Причем, рыночная преступность – это криминологическое явление особого рода. Она отличается разветвленной, хорошо отлаженной комплексной системой преступной деятельности и коррупционных связей, масштабными вливаниями значительных финансовых средств в преступный бизнес, высокой технической оснащенностью,

наличием строгой дисциплины и всеобъемлющего контроля за поведением членов преступных сообществ, а равно жестких мер воздействия на нарушителей криминального порядка, созданием собственных систем безопасности, нацеленных на противодействие государственным правоохранительным органам и др. Иными словами, организованная, а, тем более транснациональная преступность, представляет собой новый грозный феномен, несущий обществу гораздо большую опасность по сравнению с традиционной преступностью в СССР. Поэтому представляется, что и криминалистические методики должны быть подняты на новый, более высокий качественный уровень.

Таким образом, кардинальные изменения преступности в конце XX и начале XXI веков значительно усилили роль комплексной криминологической ее оценки и анализа, в том числе и применительно к разработке криминалистических методик расследования. В связи с этим уместно отметить не всегда лежащую на поверхности, но, тем не менее, важную внутреннюю, логическую взаимосвязь криминалистического и криминологического аспектов борьбы с организованными формами преступности. Игнорирование данного обстоятельства, как показывает практика, приводит к серьезным недостаткам и дополнительным сложностям.

Это можно проиллюстрировать на примере расследования преступлений в сфере торговли людьми. В целом этот вид транснациональной организованной преступности является криминологическим явлением. Однако, в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее [2]. было дано весьма спорное, уголовно-правовое определение этому феномену. Как следствие этого во многих уголовных кодексах различных государств, ратифицировавших данный Протокол, была введена специальная норма, предусматривающая ответственность за торговлю людьми (в России это ст. 127.1 УК РФ). В результате такого нормативного решения практические работники органов предварительного расследования долгое время полагали, что торговля людьми это только тот состав преступления, который предусмотрен указанной статьей УК.

На самом же деле, как показывает анализ международно-правовых актов за последние 200 лет, данное явление (понятие) носит собирательный, комплексный характер и содержит в себе три основных сегмента. Первый выражается в обращении человека в подневольное (рабское), в том числе крайне зависимое, уязвимое состояние. Второй предполагает распоряжение человеком, в том числе его куплю-продажу. Третий, самый массовый, связан с исключительно разнообразными формами (способами) эксплуатации труда (в широком смысле) человека.

Таким образом, в УК РФ имеется около полутора десятка норм, фактически предусматривающих ответственность за торговлю людьми. Кроме указанной ст.

УК РФ к сфере торговли людьми следует отнести также ст. ст. 120 (принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации), 127.2 (использование рабского труда), 240 (вовлечение в занятие проституцией), 240.1 (получение сексуальных услуг несовершеннолетнего), 241 (организация занятия проституцией), 242 (незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, 242.1 (изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних), 242.2 (использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов), 322.1 (организация незаконной миграции) и некоторые другие.

И это при том, что целый ряд запрещенных международным правом деяний в российском уголовном законодательстве не нашли отражения. В частности, не установлена ответственность за принудительный (обязательный) труд [3].; институты и обычаи, сходные с рабством [5].; незаконные оборот и использование органов и тканей человека для трансплантации и др.

Исследуя вопрос о новых проблемах формирования криминалистических методик нельзя обойти вниманием и еще один существенный криминологический момент. Речь идет о вовлеченности России на самом высоком глобальном уровне в орбиту универсального международно-правового сотрудничества в сфере борьбы с особо опасными видами транснациональной организованной преступности. Данное обстоятельство позволило, в частности, российским правоохранителям более эффективно участвовать в предупреждении и расследовании данной преступности с привлечением возможностей международного сообщества. Кроме того, это позволило значительно активизировать их роль в указанном сотрудничестве, которое отличается весьма существенными правовыми, организационными, тактическими и методическими особенностями. В связи с этим вполне естественно, что все эти специфические реалии и особенности должны быть предусмотрены в соответствующих криминалистических методиках.

В частности, в них должно быть учтено, что значительная часть следственных действий выполняется опосредованно, путем направления запросов в компетентные правоохранительные органы других государств либо соответствующие международные организации полиции. Здесь следует прогнозировать реальную опасность значительного снижения темпов и эффективности расследования, что может весьма негативно отразиться, в том числе на качестве производства неотложных следственных действий. Существенные сложности могут возникнуть и в связи с процедурными и технологическими особенностями оформления и исполнения международных запросов. Кроме того, при организованных формах транснациональной преступности важно учитывать возможные коррупционные связи преступников с сообщниками из национальных правоохранительных органов.

Особое внимание в криминалистических методиках расследования комплексных, криминально-рыночных видов организованной транснациональной преступности должно уделяться созданию международных следственно-оперативных групп, знанию иностранных языков сотрудниками этих групп, широкому использованию современных технических средств (компьютерных технологий, средств конференц-связи, систем видео фиксации хода и результатов следственных действий, осуществляемых зарубежными партнерами и т.п.). Кроме того, в криминалистические методики подобного уровня необходимо закладывать информацию об особенностях правового регулирования и реального механизма международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, возможностях такого сотрудничества с учетом его сильных и слабых сторон.

Учитывая изложенное, следует прийти к выводу о целесообразности использования двухуровневого подхода к разработке (конструированию) криминалистических методик расследования преступлений. На наш взгляд, критерием разграничения этих уровней является, прежде всего, объективный характер не только самой преступности, но и наличие важных криминологических факторов, ее обуславливающих. При этом современную преступность условно можно разделить на две группы: простую или традиционную (кражи, грабежи, разбои и т.д.), представляющую первую, нижнюю ступень, и комплексную (организованную), относящуюся ко второму, более высокому классификационному уровню.

Причем, следует сразу же внести ясность, что использование термина «простая» преступность не означает принижения сложности методики расследования данных преступлений. В этом смысле методика расследования, например, серийных убийств, совершенных лицами с психическими отклонениями, является исключительно сложной и трудоемкой. В частности, практика свидетельствует, что расследование подобных преступлений отличается не только сложностью и огромной трудозатратностью, но и весьма длительными сроками их раскрытия. Поэтому основное отличие преступлений первого уровня заключается в другом.

Традиционные криминалистические методики расследования полностью базируются на уголовно-правовых признаках. Правда, в отдельных ситуациях кроме указанных признаков могут использоваться и иные, сугубо криминалистические признаки, не входящих в конкретный состав соответствующего вида преступления. Например, вполне очевидны криминалистические различия в формировании следов при карманной краже в одном случае, и краже груза из вагона, в другом.

Поэтому частные методики расследования указанных краж будут существенно различаться. Тем не менее, главная особенность расследования данных преступлений заключается в том, что его объектом (предметом) выступает

конкретное, единичное деяние (серия единичных однотипных деяний), запрещенное соответствующей нормой УК РФ. Данное утверждения не опровергает, на наш взгляд, даже то обстоятельство, что в ходе конкретного расследования традиционного преступления следователь может столкнуться с отдельными фактами совокупности преступлений. В данном случае все равно речь идет о совокупности конкретных, единичных уголовных деяний и конкретных лицах, их совершивших.

Совсем другая основа конструирования криминалистических методик расследования комплексной, организованной преступности. Здесь речь идет уже не о расследовании отдельных преступных деяний, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ, а о раскрытии широкомасштабного, сложно структурированного, высокоорганизованного криминального бизнеса, весьма искусно, завуалировано вплетенного в легальную систему (конкретные сферы) общественных отношений. При этом данная преступная деятельность характеризуется существенными особенностями по сравнению с традиционной преступностью.

Отмеченная выше специфика, как представляется, обуславливает необходимость, во-первых, признания целесообразности построения двухуровневой системы криминалистических методик, а, во-вторых, признания тесной взаимосвязи криминологического и криминалистического аспектов в построении современных методик расследования наиболее опасных видов организованной, в том числе транснациональной, преступности.

Список использованных источников:

1. Карпец, И. И. Преступность: иллюзии и реальность / И. И. Карпец. – М.: Российское право, 1992. – 431 с.

2. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Конвенция № 29 Международной организации труда (с изм. от 11.06.2014) «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ) [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. «Протокол к Конвенции 1930 года о принудительном труде» (Подписан в г. Женеве 11.06.2014) [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (Заключена в г. Женеве 07.09.1956) [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН И НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

© М.А. Галимова

Сибирский юридический институт МВД России

С 15 июля 2016 г. законодатель дополнил систему оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) самостоятельным основанием – в связи с назначением меры уголовно-правового характера. Нормативной базой этого основания являются ст.76.2, 104.4, 104.5 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ (Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»). Сущность данного института состоит в том, что уголовное дело (уголовное преследование) лица может быть прекращено с назначением ему судебного штрафа в том случае, если это лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Рассматриваемое основание является достаточно востребованным в правоприменительной практике: в 2017 году производство по уголовному делу по этому основанию было прекращено в отношении 20639 лиц, в 2018 году – в отношении 33329 лиц (Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. // СПС КонсультантПлюс. Далее – Обзор).

Указанный институт имеет определенное сходство со ставшим уже традиционным для российского правоприменителя институтом прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ). Смысл данного института выражается в том, что уголовное дело

(уголовное преследование) лица может быть прекращено в том случае, если это лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, примирилось с потерпевшим, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

И содержательное наполнение, и законодательная конструкция указанных оснований прекращения уголовного дела порождают их смешение, что не самым лучшим образом сказывается на эффективности их применения, а в конечном итоге – на достижении целей и задач уголовного судопроизводства. В юридической литературе даже отмечается, что конкуренция рассматриваемых оснований приведет к правоприменительной «гибели» ст. 25 УПК РФ [1, С. 28]. С такой точкой зрения, как нам представляется, трудно согласиться. По нашему мнению, статьи 25 и 25.1 УПК совместно со статьями 28 и 28.1 УПК РФ создают достаточно стройную систему оснований, которая позволяет правоприменителю адекватно реагировать на конкретные условия уголовного дела с целью защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В связи с этим представляется актуальным теоретическое осмысление законодательных критериев принятия решения по рассматриваемым основаниям (в связи с примирением сторон и с назначением судебного штрафа), выявление их сходства и различия. Обратим внимание на отдельные моменты.

Оба рассматриваемых института являются элементами механизма разрешения уголовно-правовых конфликтов путем реализации компромисса в уголовном судопроизводстве (альтернативных мер), что свидетельствует об отступлении от карательной и переходе к восстановительной, правозащитной его модели. Они включены в правовую систему в целях гуманизации уголовного законодательства, унификации и дифференциации уголовно-процессуального законодательства, направлены на повышение эффективности уголовного судопроизводства. Они служат способом достижения целей уголовного судопроизводства путем освобождения лица от уголовной ответственности (уголовно-правовой аспект) и прекращения уголовного дела (уголовно-процессуальный аспект). В этом их сходство.

Вместе с тем, институт прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон является выражением диспозитивности уголовного процесса, так как существенно расширяет возможность участников процесса (особенно потерпевшего) действовать в собственных интересах, более полно реализовывать свои права, активно воздействовать на ход уголовного судопроизводства – исходным моментом, предпосылкой для прекращения уголовного дела в порядке ст. 25 УПК РФ является заявление потерпевшего или его законного представителя.

Безусловно, такое заявление не влечет прекращения уголовного дела в автоматическом режиме, его реализация зависит от обстоятельств конкретного

дела, усмотрения должностного лица (дознателя, следователя, судьи). Но рассматриваемый институт является практически единственным средством разрешения определенного круга вопросов правового статуса потерпевшего по уголовному делу публичного обвинения (в части воздействия на ход и результаты производства в целях защиты своих прав и законных интересов).

В отличие от ст. 25 УПК РФ, ст. 25.1 УПК РФ в полной мере соответствует принципу публичности, так как предполагает активную позицию в ходе производства по делу не только следователя и дознателя, но и судьи – суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства следователя (с согласия руководителя следственного органа) либо дознателя (с согласия прокурора) принимает решение о прекращении уголовного дела.

Более того, участие прокурора в рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа является обязательным. Прокурор, участвующий в судебном заседании, излагает свое мнение по поводу законности и обоснованности заявленного ходатайства следователя (дознателя). Суд с учетом мнения прокурора, а также иных участников процесса при наличии оснований, предусмотренных законом для прекращения уголовного дела, принимает соответствующее решение. Не смотря на то, что мнение прокурора, не поддержавшего ходатайство, не препятствует применению положений ст. 25.1 УПК РФ, если судом установлены обстоятельства, свидетельствующие о наличии предусмотренного законом основания для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) с назначением судебного штрафа, это обстоятельство напрямую является выражением обязанности осуществления уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ).

Далее, ст. 25 УПК РФ имеет ограниченный по сравнению со ст. 25.1 УПК РФ спектр применения. Правом на примирение обладает именно потерпевший (физическое или юридическое лицо) – он заявляет о наличии либо отсутствии претензий к лицу, совершившему преступление, может отказаться от уголовного преследования этого лица, а также определяет размер компенсации за причиненный вред. Поэтому, исходя из смысла института примирения сторон, в случае отсутствия в уголовном деле потерпевшего, принятие решения о его прекращении в соответствии со ст. 25 УПК РФ является необоснованным, хотя ранее оно (до введения ст. 25.1 УПК РФ) в отдельных случаях имело место на практике [2, С. 35; 3].

Вместе с тем, ни УК РФ, ни УПК РФ не содержат прямых запретов прекращать в связи с примирением сторон уголовные дела о так называемых «двухобъектных» преступлениях, а также дела, по которым отсутствует потерпевший. Исходя из буквального толкования статей 76 УК РФ и 25 УПК РФ, возможно сделать вывод, что по данному основанию могут быть прекращены только такие дела, по

которым имеется потерпевший и преступные действия совершены непосредственно против него и его прав. Преступлением в этих случаях не затрагиваются иные защищаемые законом объекты, и поэтому закон допускает при согласии сторон и заглаживании причиненного ущерба, то есть фактически при минимизации общественно опасных последствий содеянного, прекращение уголовного преследования в отношении лица, совершившего это преступление.

В тех же случаях, когда совершается преступное деяние, в котором отсутствует потерпевший, прекращение дела по указанному основанию невозможно, поскольку по делу нет потерпевшего в понимании положений ст. 42 УПК РФ. Аналогичная ситуация фактически возникает и по делам о «двухобъектных» преступлениях, в которых преступное посягательство также осуществляется на иной защищаемый законом объект, а потерпевший при этом выступает лишь как дополнительное объективное проявление этого посягательства. В указанных случаях не только невозможно достичь примирения с основным объектом, но и примирение с потерпевшим не устраняет вред, нанесенный этому основному объекту преступного посягательства, а преступление в целом не теряет своей общественной опасности, следовательно, уголовное дело в отношении лица, его совершившего, не может быть прекращено [3].

Точку зрения правоприменителя, в соответствии с которой уголовные дела с «двухобъектными» составами преступлений могут быть прекращены на основании ст. 25 УПК РФ не только потому, что запрета на это не содержится в законе, но и в связи с тем, что, помимо ходатайства об этом потерпевшего (представителя дополнительного объекта), с таким прекращением соглашается государственный обвинитель, защищающий интересы основного объекта посягательства, и, таким образом, являющийся его представителем, нельзя признать правильной. В уголовном судопроизводстве потерпевший и государственный обвинитель являются самостоятельными участниками процесса, наделенными различными правами и обязанностями, совмещение этих процессуальных фигур недопустимо (п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК РФ).

Напротив, применение ст. 25.1 УПК РФ не зависит от наличия либо отсутствия потерпевшего, в качестве такового может выступать общество, государство (например, деяния, предусмотренные ст. 184, 191, 194, 200.1, 200.2, 204, 207, 222, 222.1, 223, 228 и др.). Установленная процедура реализации нормы позволяет принять решение о прекращении уголовного дела без учета мнения потерпевшего даже при его наличии в уголовном деле.

По нашему мнению, учет мнения потерпевшего при принятии решения по делу является важнейшим обстоятельством, различающим данные основания прекращения уголовного дела. Если для применения ст. 25 УПК РФ мнение

потерпевшего является решающим, определяющим, письменная форма выражения этого мнения (заявление потерпевшего) является обязательным элементом производства по делу, то для ст. 25.1 УПК РФ учет мнения потерпевшего не предусмотрен в качестве обязательного (определяющего) условия прекращения уголовного дела.

В большинстве случаев судебная практика исходит из того, что в ходе предварительного расследования выясняется мнение потерпевшего о возможности прекращения уголовного дела. Такое мнение оформляется либо в виде ходатайства от потерпевшего на прекращение уголовного дела в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ, либо в виде письменного согласия на прекращение уголовного дела.

По нашему мнению, в целях защиты прав потерпевшего в случае, если он возражает против применения ст. 25.1 УПК РФ, суд должен выяснить причины такой позиции потерпевшего, а также оценить достаточность принятых обвиняемым мер по возмещению ущерба или заглаживанию вреда.

С другой стороны, такой порядок прекращения уголовного дела является способом преодоления противодействия, когда потерпевший злоупотребляет своим правом. Так, постановлением мирового судьи судебного участка № 34 Советского судебного района Кировской области от 25 октября 2017 г. уголовное дело в отношении В., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ, прекращено с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 10 тыс. руб. В судебном заседании потерпевший не был согласен с прекращением уголовного дела, пояснив, что предлагаемые ему подозреваемым денежные средства в возмещение ущерба отказывается получать, поскольку считает, что сумма ущерба, причиненного преступлением занижена экспертом, а действительный ущерб составляет более значительную сумму. Суд первой инстанции посчитал несостоятельными доводы потерпевшего, поскольку сумма ущерба определена на основании заключения эксперта, потерпевший был ознакомлен с заключением эксперта, замечаний и заявлений при ознакомлении не высказывал, о проведении дополнительных и повторных экспертиз не ходатайствовал.

По нашему мнению, ст. 25.1 УК РФ как раз и разрешила те проблемные вопросы, которые имели место ранее – когда лицо имело положительную посткриминальную характеристику, загладило причиненный ущерб (вред), целесообразно освобождение его от уголовной ответственности, но имеющийся набор законодательных критериев не подпадал под какое-либо конкретное реабилитирующее основание прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон представляет собой безусловное итоговое решение по делу, которое может быть отменено

лишь в порядке пересмотра. А прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа является итоговым решением «с условием», с «оговоркой» – в случае неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок судебный штраф отменяется и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье УК РФ.

В литературе высказывается точка зрения, в соответствии с которой в уголовно-процессуальном законодательстве должна быть предусмотрена возможность возобновления уголовного дела в случае, когда лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело, не исполняет принятые на себя перед потерпевшим обязанности (Л.В. Головки). Это предложение, безусловно, представляет интерес и могло бы способствовать усилению защиты прав потерпевшего, однако оно противоречит закону. В случае прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон лицо, в отношении которого это решение принято, освобождается от уголовной ответственности и, в соответствии с нормами уголовного права, не может повторно нести уголовную ответственность за одно и то же преступление (ч.2 ст.6 УК РФ).

Что касается такого обстоятельства как возмещение ущерба (заглаживание вреда), то в этой части необходимо отметить следующее.

Статья 76 УК РФ, предусматривая основания освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, формулирует одно из них как заглаживание потерпевшему вреда, в то время как ст.76.2 УК РФ, регламентирующая основания освобождения от уголовной ответственности с назначением штрафа, использует выражения «возмещение причиненного ущерба» и «заглаживание вреда».

По нашему мнению, возмещение ущерба является разновидностью более общего понятия – заглаживания причиненного вреда – и поглощается им. Под возмещением ущерба следует понимать восстановление первоначального имущественного положения потерпевшего, которое может иметь место и в натуре (предоставление имущества взамен утраченного, ремонт поврежденного имущества и т.п.), и в денежной форме (возмещение расходов на лечение, стоимости утраченного или поврежденного имущества). В свою очередь, заглаживание вреда предполагает как полное восстановление всех нарушенных прав потерпевшего, так и комплекс мер, направленных на уменьшение вредных последствий в тех ситуациях, когда их устранение в полном объеме невозможно. Это может быть компенсация морального вреда в денежной форме, оказание различной помощи потерпевшему, принесение ему извинений, принятие иных мер. Представленная точка зрения полностью согласуется с правовой позицией Верховного Суда РФ (п. 10 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19).

Следует обратить внимание, что употребляемое в ст. 25 УПК РФ положение «загладило причиненный потерпевшему вред» указывает на значительную степень свободы усмотрения в определении способов и размеров восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего. Способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются именно потерпевшим.

Что касается ст. 25.1 УПК РФ, то характер, способ и размер возмещения ущерба либо заглаживания вреда, признание в качестве таковых конкретных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства, достаточность этого возмещения (заглаживания), определяет суд.

На практике встречаются достаточно интересные примеры заглаживания вреда по рассматриваемому основанию прекращения уголовного дела. Так, Н. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. Исходя из объекта преступления (отношения в сфере здоровья населения и общественной нравственности) в качестве мер по заглаживанию вреда Н. активно включился в пропаганду здорового образа жизни, разместил на своем профиле информации о вреде наркотиков. Суд посчитал это достаточным и прекратил уголовное дело по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ (URL: <https://pravorub.ru/cases/82194.html>). А. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. В целях заглаживания вреда, причиненного преступлением, А. внес благотворительный взнос в детский дом, путем оплаты стройматериалов по предоставленному счету (URL: <https://pravorub.ru/cases/82194.html>). Мировым судьей было прекращено уголовное дело в отношении В., привлекаемого к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 261 УК РФ. В судебном заседании подсудимый пояснил, что полностью признает свою вину, в содеянном раскаивается, возместил ущерб путем пожертвования денег в детский дом, в дальнейшем также желает заниматься благотворительностью (Постановление мирового судьи судебного участка № 3 Калининского АО г. Тюмени по уголовному делу 1-171/2016 // URL: <https://sudact.ru>).

Различные уголовно наказуемые деяния влекут наступление разного по своему характеру вреда, поэтому предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ действия, направленные на заглаживание такого вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковыми во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния. С учетом этого суд в каждом конкретном случае должен решить, достаточны ли предпринятые лицом, совершившим преступление, действия для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее прекратить уголовное дело в отношении этого лица (Обзор).

Важно отметить, что возмещение ущерба и заглаживание вреда на момент принятия решения о прекращении уголовного дела (как по ст. 25, так и по ст. 25.1 УПК РФ) должно иметь место в полном объеме. Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, обещания, а также различного рода обязательства лица, совершившего преступление, возместить ущерб или загладить вред в будущем, не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности (п. 2.1 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19). При этом возврат похищенного имущества потерпевшему может быть признан в качестве возмещения ущерба или заглаживания вреда лишь при условии, если лицо добровольно возвратило похищенное им имущество.

Постановлением Ленинского районного суда г. Кирова от 14 декабря 2017 г. уголовное дело в отношении М., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ прекращено с назначением судебного штрафа. Принимая указанное решение, суд первой инстанции учел, что М. впервые привлекается к уголовной ответственности, обвиняется в совершении преступления средней тяжести, возместила причиненный преступлением ущерб потерпевшей путем добровольной выдачи похищенного имущества (Обзор).

В то же время, суды обоснованно отказывают в применении положений ст. 25.1 УПК РФ, если похищенные предметы были изъяты при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

Так, постановлением мирового судьи судебного участка № 138 района Внуково г. Москвы от 11 ноября 2017 г. было отказано в удовлетворении ходатайства дознавателя о прекращении уголовного дела в отношении С., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, и назначении судебного штрафа, поскольку подозреваемая не предприняла каких-либо действий по возврату похищенного имущества. Похищенные вещи были изъяты сотрудниками полиции в ходе личного досмотра задержанной и впоследствии возвращены потерпевшему дознавателем. При этом в судебном заседании С. пояснила, что она никакого материального возмещения потерпевшему не предлагала и извинений не приносила. При таких обстоятельствах у суда не имелось оснований для применения в отношении С. меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и освобождения ее от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ (Обзор).

В последнем примере, по нашему мнению, отсутствуют условия применения как ст. 25.1 УПК РФ, так и ст. 25 УПК РФ.

Сходство самостоятельных видов прекращения уголовного дела – в связи с примирением сторон и с назначением судебного штрафа – объективно

обусловлено и вряд ли его можно и нужно исключить. Правоприменителю в определенных случаях предоставлена возможность выбора (в зависимости от конкретных обстоятельств дела и наличия оснований) соответствующего решения. Однако, по нашему мнению, в уголовном процессе в первую очередь должны быть защищены права и законные интересы потерпевшего. Данное положение предполагает наличие разнообразных «каналов» его реализации. Именно поэтому возможность прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа поставлена в зависимость от того, заглажен, возмещен или нет причиненный потерпевшему вред. Однако, несмотря на некоторое «пересечение», институты прекращения уголовного дела, предусмотренные ст. 25 и 25.1 УПК РФ, достаточно автономны, их применение рассчитано на установление соответствующего круга фактических обстоятельств.

Список использованных источников:

1. Мазюк, Р. В. Конкуренция оснований прекращения уголовного дела (ст.ст. 25 и 25.1 УПК РФ) / Р. В. Мазюк // *Мировой судья*. – 2017. – № 4. – С. 27-32.
2. Галимова, М. А. Уголовно-процессуальное примирение: монография / М. А. Галимова. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006. – 171 с.
3. Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием: утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2005 г [Электронный ресурс]. // *Справочная правовая система «Консультант-Плюс»*. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.98

ФЕНОМЕН ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ

© Ю.П. Гармаев

Сибирский федеральный университет

Пресловутый обвинительный уклон широко распространен не только в правоприменительной (криминалистической) деятельности, но и в науке криминалистике, прежде всего, в криминалистической методике.

Между тем статья 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» постулирует важнейший принцип, в соответствии с которым уголовное судопроизводство

имеет своим назначением как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1). Законодатель еще и поясняет, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2).

Казалось бы, криминалистика как прикладная наука должна быть первой из антикриминальных наук, пропагандирующей этот принцип. К сожалению, это не так. Ученые криминалисты, в отличие от процессуалистов, редко обращают внимание на эту проблему. В научных трудах второе назначение как-то не принято исследовать, даже упоминать [8].

Между тем, обвинительный уклон как феномен активно исследуется учеными-процессуалистами. Так, А.Д. Назаров считает, что обвинительный уклон заключается в игнорировании не только представителями стороны обвинения (следователем, прокурором и др.), но и судьями доказательств, свидетельствующих в пользу обвиняемого, в нежелании проверять и учитывать доводы защиты. Автор верно отмечает, что обвинительный уклон приводит к тому, что в уголовных делах допускаются следственные и судебные ошибки, что искажает истинную суть отправления правосудия и вступает в противоречие с назначениями и принципами уголовного судопроизводства [6, С. 1, 6; 7, С. 149-154].

Интересно мнение А.Н. Халикова, как одного из немногих ученых-криминалистов, актуализирующих проблему. По его мнению, все научные и прикладные исследования в сфере криминалистики, ее общие положения, а особенно тактика и методика (здесь автор акцентирует внимание на необходимости «балансирования» рекомендаций по тактике допроса и очной ставки, следственным ситуациям, версиям и планированию, криминалистическому обеспечению досудебного соглашения о сотрудничестве и иных «особых порядков» – Отмечено мной – Ю.Г.), должны быть одновременно направлены как на привлечение к уголовной ответственности виновных, так и на непривлечение невиновных. Автор полагает, что должно существовать два равноправных вектора развития криминалистики, которые должны отражаться, прежде всего, в разделах ее методики и тактики [8]. Разделяя позицию автора, необходимо сделать два уточнения.

Первое уточнение можно сформулировать на основе мнения А.А. Эскархопуло, который, как представляется, тем самым выразил позицию большинства членов научного сообщества. Интерес криминалистики к преступлению, преступнику и его защитнику, по мнению автора, обусловлен стремлением создать научные средства, способствующие, в конечном счете, познанию истины в уголовном

судопроизводстве [9, С. 33-34]. Между тем адвокат-защитник, как и его доверитель, в силу требований закона, не всегда заинтересован в установлении истины. Например, адвокат «... обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами» (п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ № 63-ФЗ от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Именно поэтому А.А. Эксархопуло, Н.П. Яблоков и другие ученые высказались о недопустимости включения в предметную область криминалистики исследований в рамках так называемой «криминалистики защиты», «криминалистической адвокатологии» [1, С. 19; 5, С. 4-8, 98-115; 9, С. 33-34].

Таким образом, криминалистическая методика должна разрабатывать научные положения и прикладные рекомендации защитительного характера в целях установления истины, прежде всего, в целях недопущения привлечения к уголовной ответственности невиновных, но не для решения всех иных задач стороны защиты. Этот принцип должен распространяться и на следственные ситуации, версии, связанные:

- с меньшей степенью виновности привлекаемого лица, наличием смягчающих обстоятельств и т.п.;

- с распространенными, системными ошибками и нарушениями закона, допускаемыми представителями стороны обвинения и судом, когда в отношении лица, совершившего деяния, содержащие признаки преступления (с позиции объективной истины), действует принцип ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, запрещающий использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

Второе уточнение исходит из позиции о том, что нельзя путать законную обвинительную позицию, интересы стороны обвинения, с обвинительным уклоном. Обвинительная позиция всегда основана на законе, пусть даже обвинители используют его диспозитивность, неопределенность, пробелы, активно применяют принцип наступательности в расследовании, или наоборот – идут на уступки и компромиссы со стороной защиты. Обвинительный же уклон, по сути, является проявлением ненадлежащего выполнения функции обвинения [2, С. 6-12; 4, С. 22, 31, 54]. То есть обвинительный уклон не допустим, но обвинительная позиция, в том числе, выраженная в принципе инициативности, наступательности расследования преступлений, не просто допустимы. Такой подход является обязанностью представителей стороны обвинения.

Эти принципиально важные уточнения, научные положения имеют прямое отношение к любой из разрабатываемых криминалистических методик расследования. Практика изобилует примерами негативной тенденции обвинительного уклона по делам различных категорий. К таковым относятся уголовные дела о

преступлениях экономической направленности в отношении предпринимателей, о коррупционных преступлениях (особенно дела о «низовой» коррупции, мелких взятках, в частности, в отношении врачей, учителей, преподавателей вузов), уголовные в отношении обычных наркоманов и мелких сбытчиков наркотических средств, и многие другие.

С методологической точки зрения в криминалистической методике (как научном разделе, в его общих положениях) предлагаем ввести специальный принцип формирования и использования частных методик расследования: «Принцип недопустимости обвинительного уклона по делам определенных категорий».

Применение криминалистом-разработчиком этого специального принципа построения и использования создаваемой им методики может выражаться в следующем:

- указание в криминалистической характеристике преступлений типичных, широко распространенных непроступных деяний, которые зачастую ошибочно оцениваются правоприменителями как преступные;
- разработка типичных следственных ситуаций и версий, обеспечивающих это – правозащитное положение формируемой методики;
- разработка методических рекомендации по профилактике и устранению типичных ошибок и нарушений закона со стороны правоприменителей, применению действительно эффективных средств и методов борьбы с определенными категориями преступлений.

Подобного рода научные положения и прикладные рекомендации относятся именно к предметной области криминалистики и ОРД, а не, например, уголовного права, поскольку помимо вопросов квалификации преступлений, здесь может излагаться:

- оценка законности типичных ОРМ;
- оценка относимости, допустимости и достаточности типичных доказательств обвинения и защиты;
- оценка судебной перспективы по уголовному делу [3, С. 38-42].

Точнее можно сказать, что речь идет о междисциплинарных разработках, основа которых – криминалистическое научное знание.

Список использованных источников:

1. Баев, О. Я. Криминалистическая адвокатология как подсистема науки криминалистики / О. Я. Баев // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург, 2002. – С.16-18.

2. Гармаев, Ю. П. Принцип наступательности в выявлении и расследовании преступлений / Ю. П. Гармаев // Российский следователь. – 2016. – № 2. – С. 6-12.
3. Гармаев, Ю. П. Судебная перспектива по уголовному делу и ее значение для расследования / Ю. П. Гармаев // Вестник криминалистики. – 2009. – Вып. 3(31). – С. 38–42.
4. Гармаев, Ю. П. Использование следователем норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: монография / Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2014. – 260 с.
5. Зашляпин, Л. А. Основные компоненты теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве / Л. А. Зашляпин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Унта, 2007. – 576 с.
6. Колоколов, Н. А. Обвинительный уклон / Н. А. Колоколов // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 36. – С. 3.
7. Назаров, А. Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве / А. Д. Назаров // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 9. – С. 149-154.
8. Халиков, А. Н. Криминалистика в свете назначения уголовного судопроизводства // Стендовая статья, 2019. Направлена А. Н. Халиковым в электронном виде лично автору.
9. Эксархопуло, А. А. Предмет и система криминалистики: Проблемы развития на рубеже XX-XXI веков / А. А. Эксархопуло – СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2004. – 112 с.

УДК 343.98

ТИПИЗАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ СИТУАЦИЙ: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ЧАСТНЫХ МЕТОДИК РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© С.И. Давыдов

Алтайский государственный университет

Важнейшей предпосылкой формирования частных методик раскрытия преступлений является типизация оперативно-розыскных ситуаций, возникающих в процессе этой деятельности.

Данное исходное положение основывается на результатах криминалистических исследований. Так, по мнению Р.С. Белкина, для того чтобы быть

использованными в криминалистической методике, следственные ситуации нуждаются в типизации, так как конкретные частные методики рассчитаны именно на типичные следственные ситуации. Именно в таком качестве следственные ситуации играют важнейшую роль в построении частных методик [1, с. 139].

В теории оперативно-розыскной деятельности пока лишь формируются методологические подходы к решению проблемы типизации оперативно-розыскных ситуаций.

Слово «типизация» означает 1) подведение под какой-нибудь тип, классификация по типам и 2) превращение в тип, воплощение в типических формах [5, с. 825].

Под типом предметов или явлений понимается: 1) форма, вид чего-либо, обладающие существенными качественными признаками; 2) образец, модель для чего-либо [4, с. 1333].

Таким образом, типизировать оперативно-розыскные ситуации, значит подвести их под какой-нибудь тип, т.е. теоретическую конструкцию, отображающую научные представления об их существенных признаках.

Процесс типизации в исследовании ситуаций – это выявление, вычленение существенного признака (или единства нескольких признаков) методом абстрагирования, т.е. мысленного отвлечения от действительной совокупности всех признаков, характеризующих ситуации. При этом в основу существенных признаков ситуации могут быть положены сведения о любом ее компоненте (элементе). К примеру, типизация ситуаций возможна по сходству элементов, составляющих ее информационный компонент (сходные источники поступления сообщения о преступлении, обстоятельства совершения преступлений – место, время, способ и т.д.). В качестве существенных признаков при типизации ситуаций могут выступать их элементы организационно-тактического характера. Например, факт установления (не установления) лица, заподозренного в совершении преступления, место нахождения задержанного и его процессуальный статус, противодействует или содействует подозреваемому раскрытию преступления, возможность легализации результатов оперативно-розыскной деятельности и т.д.

Характеризуя процесс научной типизации следственных ситуаций, Л.Я. Драпкин подчеркивает, что он основан на обобщении множества специфических ситуаций и ведет к неизбежному содержательному обеднению создаваемых типовых моделей. В то же время ситуационный подход ставит разумные ограничения методу абстрагирования, не допуская выхолащивания основных содержательных аспектов из теоретических моделей проблемных ситуаций и позволяя эффективно их использовать для построения ситуационных методик раскрытия и расследования преступлений [2, с. 56-57].

Важной методологической предпосылкой исследования проблем типизации оперативно-розыскных ситуаций является и утверждение о том, что кроме научной типизации существует типизация практическая, когда следователь, выявляя повторяющиеся общегрупповые, «знакомые» ему признаки, создает мысленную типовую модель реальной ситуации по уголовному делу. В свою очередь, это помогает ему найти, подобрать, усвоить наиболее подходящие, неоднократно проверенные решения и действия, которые если и не приведут к преодолению конкретной проблемной ситуации, то могут приблизить ее окончательное разрешение [2, с. 56-57].

Условием обобщения и типизации оперативно-розыскных ситуаций является устойчивость и повторяемость основных элементов многих групп ситуаций. Эти свойства ситуации обуславливают возможность возникновения в процессе оперативно-розыскной деятельности однотипных ситуаций, хотя и на качественно другой основе и в иной обстановке.

Значимость определения типов оперативно-розыскных ситуаций с точки зрения практики заключается в том, что отраженные в этих типах существенные элементы ситуаций приоритетно влияют на принятие решений в процессе деятельности по раскрытию преступлений.

В первую очередь необходимо выделять два основных типа ситуаций в зависимости от наличия (отсутствия) в получаемой первичной информации сведений о преступнике. В оперативно-розыскной теории и практике преступления подразделяют на совершенные в условиях очевидности (когда первичная информация несет данные и о событии, и о преступнике) и неочевидные (имеются сведения только о событии преступления) [3, с. 258]. Соответственно, необходимо типизировать ситуации, складывающиеся в процессе раскрытия очевидных и неочевидных преступлений.

Руководствуясь преобладающей точкой зрения о том, что раскрывать необходимо только неочевидные преступления, полагаем целесообразным типизировать складывающиеся при этом ситуации по такому основному признаку как степень осведомленности оперативного сотрудника о лице, совершившем преступление. Здесь возможны два типа ситуации, характеризующиеся наличием либо отсутствием какой-либо информации о преступнике.

Ситуации отсутствия информации о преступнике предполагают проведение комплекса мероприятий исходя из отсутствия какого-либо поискового признака, позволяющего ограничить круг поиска преступника. В ходе указанных мероприятий решается задача сбора любых данных, так или иначе способствующих раскрытию преступления (установление примет преступника, выявление возможных

свидетелей, фактов сбыта имущества, получение информации об аналогичных преступлениях и т.п.).

В ситуациях, когда имеются какие-либо поисковые признаки преступника (приметы, следы; оставшиеся на месте происшествия одежда, орудия совершения преступления и др.), комплекс мероприятий по его установлению осуществляется целенаправленно и, как правило, ограничен версией, объектом, контингентом. Дальнейшая типизация таких ситуаций возможна по отдельному поисковому признаку.

Для разработки частных оперативно-розыскных методик большое значение имеет типизация ситуаций, возникающих на разных этапах раскрытия неочевидных преступлений:

- ситуаций раскрытия преступлений «по горячим следам»;
- ситуаций раскрытия преступлений на первоначальном этапе;
- ситуаций раскрытия преступлений на последующем этапе.

Каждый из этапов раскрытия преступлений характеризуется своими временными параметрами, определенным набором ситуационно обусловленных действий, направленных на установление и задержание преступника.

Так, ситуации раскрытия преступлений «по горячим следам» складываются с момента поступления в орган внутренних дел заявления или сообщения о преступлении. Их развитие продолжается до окончания оперативно-розыскных мероприятий по установлению преступника оперативным сотрудником, выехавшим на место происшествия (как правило, в течение трех суток).

Среди множества оперативно-розыскных ситуаций на данном этапе раскрытия преступлений важно выделять типовые исходные ситуации.

Под исходной ситуацией понимается проекция криминальной ситуации, ее отражение в объективной действительности в виде обстановки, сложившейся после совершения преступления, включая совокупность следов и иных последствий. Исходная ситуация содержит также условия к началу раскрытия (климатические, временные), характеристику первичных источников информации о событии, ее суть, разрыв во времени между событием и осведомленностью о нем оперативного сотрудника, возможность немедленно включиться самому и включить при необходимости другие силы и средства в процесс раскрытия преступления, чтобы быстро овладеть ситуацией.

На исходную ситуацию существенное влияние оказывают действия преступника по сокрытию преступления. В частности, утаивание информации, орудий преступления, похищенных предметов, ценностей; устранение (нейтрализация) возможных свидетелей, иных источников информации; бегство, отъезд с места преступления; уничтожение материальных улик; маскировка; изменение

внешнего облика, первоначального состояния какого-либо объекта; создание ложной информации; инсценировка, симуляция и др. Осуществляя указанные действия, преступник изменяет действительную картину события, чем препятствует ее познанию. Исходные ситуации в случаях сокрытия отличаются неполнотой информации, ее искажением, противоречивым истолкованием события свидетелями или потерпевшими, отсутствием источников информации, включая следы рук, обуви, изменением обстановки на месте происшествия в случае инсценировки другого события.

Исходные ситуации обуславливают содержание действий оперативного сотрудника в первые часы после поступления сообщения или заявления о преступлении. На данном этапе работы ситуация, как правило, динамично изменяется, определяя направления и характер последующих действий по установлению преступника.

Таким образом, фактической базой ситуаций раскрытия преступлений «по горячим следам» являются вначале данные, указывающие на признаки преступления и лиц, их совершивших, а затем фактические и иные данные, полученные в ходе проведения всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий на данном этапе раскрытия преступления.

Ситуации первоначального этапа раскрытия преступления формируются в процессе проверки и уточнения данных, полученных в результате проведения мероприятий по установлению преступника «по горячим следам», характеризуют ход и состояние раскрытия преступления на основе установленных фактических данных.

Как показало исследование, типичными для первоначального этапа раскрытия преступлений являются следующие оперативно-розыскные ситуации:

- имеются данные о событии преступления, но отсутствуют какие-либо сведения о лице, его совершившем;
- личность преступника не установлена, но имеется информация об его приметах либо иные, характеризующие его сведения.
- на месте происшествия обнаружены следы, орудия преступления, а также одежда, предметы, утерянные или оставленные преступником.
- имеются сведения о личности преступника, но его место нахождения неизвестно.
- лицо, заподозренное в совершении преступления, задержано в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий «по горячим следам».

Указанные ситуации также характеризуются динамичным развитием, постоянными изменениями их информационных элементов. Временной период их возникновения – в течение 10 суток после возбуждения уголовного дела.

Ситуации раскрытия преступлений на последующем этапе возникают с момента заведения дела оперативного учета по нераскрытому преступлению, характеризуются относительной стабильностью. От ситуаций первоначального этапа раскрытия преступлений они отличаются не только по времени возникновения, но и по объему, количеству и качеству содержащихся в них фактических данных о преступнике и обстоятельствах преступления, условиям деятельности оперативного сотрудника. Временные параметры указанных ситуаций определяются сроками ведения дела оперативного учета.

Выделенные типы оперативно-розыскных ситуаций отличаются высокой степенью обобщенности и в таком виде могут быть использованы, прежде всего, в разработке общей методики раскрытия преступлений, имеющей универсальный характер.

Предлагаемую систему типовых ситуаций можно использовать и как базовую при типизации ситуаций, возникающих в процессе раскрытия преступлений определенного вида – убийств, разбоев, грабежей, краж и других. Однако здесь не может быть единого подхода. Для каждого вида преступления типичны «свои» ситуации, на которые целесообразно ориентироваться при разработке частных оперативно-розыскных методик.

Процесс раскрытия целого ряда преступлений характеризуется наличием специфических оперативно-розыскных ситуаций, обусловленных особенностями объективной стороны преступного события. Например, применительно к раскрытию убийств типичными будут ситуации, складывающиеся в ходе проведения мероприятий по установлению личности убитого.

Несколько иной подход требует описание комплекса первоначальных мероприятий по раскрытию причинения тяжкого вреда здоровью. Он должен быть сориентирован, в первую очередь, на следующие типичные исходные ситуации, отражающие обстоятельства получения сообщения о преступлении: 1) в дежурную часть ОВД поступило криминальное сообщение о том, что в медицинское учреждение доставлен пострадавший с телесными повреждениями насильственного характера и 2) в дежурную часть ОВД поступило сообщение от граждан о совершаемом преступлении или об обнаружении пострадавшего с телесными повреждениями насильственного характера.

Комплекс действий по раскрытию краж из квартир на первоначальном этапе зависит, к примеру, от следующих возможных ситуаций: 1) о краже стало известно из заявления жильцов квартиры; 2) следы проникновения в квартиру обнаружили иные лица и сообщили об этом; 3) о краже стало известно из явки с повинной; 4) о проникновении в квартиру стало известно от сотрудников вневедомственной охраны, выехавших на место по тревожному сигналу и др.

В процессе разработки частных методик необходима типизация ситуаций, отражающих не только состояние деятельности по раскрытию преступления в целом, но и ситуаций, возникающих при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий. В процессе раскрытия различного вида преступлений содержание проводимых оперативно-розыскных мероприятий приобретает свою специфику. В первую очередь это относится к оперативно-розыскным мероприятиям, являющимися по своей сути операциями – проверочной закупке, оперативному эксперименту, контролируемой поставке.

Список использованных источников:

1. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. В 3-х томах. Т. 3 / Р. С. Белкин – М.: Юристъ, 1997. – 480 с.
2. Драпкин, Л. Я. Основы теории следственной ситуации / Л. Я. Драпкин. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987. – 164 с.
3. Оперативно-розыскная энциклопедия / Авт.-сост. проф. А. Ю. Шумилов. – М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2004. – 364 с.
4. Советский энциклопедический словарь. – М., 1988. – 1600 с.
5. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2008. – 960 с.

УДК 343.102

О ВЛИЯНИИ СООТНОШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО НА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ ПРАКТИКУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

© Н.С. Железняк

Сибирский юридический институт МВД России

Любая наука должна служить практике. Не является исключением в этом и теория оперативно-розыскной деятельности.

Поэтому в настоящей работе мы предпримем попытку исследовать возможности применения отдельных предписаний российского законодательства для проведения оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – обследование), используя для этого соответствующие теоретические положения, нормы права, их толкование высшими судами Российской Федерации и позиции ученых по рассматриваемому и пограничным вопросам.

Так, на практике в рамках противодействия преступности зачастую возникает потребность проникновения сотрудников оперативного подразделения в здание/помещение, которое может быть признано жилищем. Такие действия без серьезной правовой подготовки могут быть признаны нарушающими конституционные права граждан¹, а их результаты с точки зрения доказывания – юридически ничтожными. Краеугольным камнем существующей проблемы выступает потребность правоприменителя в четком понимании сущности объекта, который в соответствии с российским законодательством относится к жилищу.

В рамках осуществления правоохранительных процедур все вроде бы ясно – при наличии оснований получайте соответствующее судебное разрешение на ограничение рассматриваемого конституционного права и действуйте согласно наработанным оперативно-розыскным методикам² для получения требуемого результата. Однако до настоящего времени законодателем не до конца урегулирован вопрос об отнесении тех или иных помещений к категории жилища. В различных законодательных актах одинаковой юридической силы определение понятия жилища существенно отличается друг от друга.

Предписание ст. 2 «Основные понятия» Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» связывает понятие **жилища** (здесь и далее выделено мной – *Н.Ж.*) с такими категориями как *собственник, наниматель, наличие иных законных оснований, регистрация по месту жительства*.

В ст. 15 «Объекты жилищных прав» Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ) и Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) представлены совершенно одинаковые дефиниции, которые связывают характеристику **жилого помещения** с его *изолированностью, принадлежностью к недвижимому имуществу, пригодностью для постоянного проживания граждан, обусловленной санитарными и техническими правилами и нормами, иными требованиями законодателя*. Однако в этих законодательных актах ключевым термином выступает не жилище, а жилое помещение.

¹ В ст. 25 Конституции РФ зафиксировано: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения».

² К сожалению, приходится констатировать, что в Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [10]. имеет невысокий методический ресурс, так как не регламентирует вопросы проникновения в жилище, описывает только гласную форму такого мероприятия, не отвечает на целый ряд проблемных практических вопросов и не ориентирована на ОРД.

В примечании к ст. 139 УК РФ под жилищем понимается *«индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания»*.

Согласно п. 10 ст. 5 УПК РФ к жилищу относится *«индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания»*.

Таким образом, в первом из законодательных актов, ориентированных на уголовную юстицию, к жилью относятся объекты, входящие в жилищный фонд и пригодные для постоянного или временного проживания, или не входящие в него, но предназначенные для временного проживания, во втором – используемые для постоянного или временного проживания, независимо от принадлежности к жилому фонду.¹

Семантический анализ выделенных выше терминов позволяет судить, что пригодный – нужный, полезный, годящийся для чего-либо; предназначенный – определенный для какой-нибудь цели; используемый – употребляемый с пользой. Следовательно, два первых понятия говорят о предназначении объекта для постоянного или временного проживания, последнее – об его использовании в этих целях. Исходя из отмеченного различия, можно сделать вывод, что в первом из законодательных актов акцент сделан на предназначение и пригодность объекта для проживания, во втором же – на его утилитарность, что позволяет отнести к жилью, например, шалаш, землянку, собачью конуру, участок теплотрассы и т.п.

В ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) термин «жилище» (без расшифровки его содержания) употребляется в ч. 1 ст. 5, ч. 2 ст. 8, ч. 1 ст. 9, а словосочетание «жилое помещение» (также без расшифровки его содержания) – в ч. 3 ст. 15.

В Федеральном законе от 7 февраля 2011 года №3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ о полиции) «жилище» (без расшифровки его содержания) упоминается в п. 14 ст. 13 и ч. 1 ст. 15, «жилое помещение» (также без расшифровки его содержания) – в названии ст. 15 и ее ч. 2-8, названии ст. 16 и ее ч. 4, ч. 3 ст. 23, ч. 1 ст. 44.

¹ Существование этой проблемы автор отмечал и ранее [см. 4; с. 189].

С учетом взаимозаменяемости рассматриваемых лексических категорий, содержащихся в предписаниях этих двух законов, можно полагать, что в них термины «жилище» и «жилое помещение» используются как синонимы.

Таким образом, исследование положений законодательства применительно к определению упомянутого в ст. 25 Конституции РФ понятия «жилище» позволяет сделать вывод о вариативности подхода к нему законодателя или вообще отсутствию необходимого определения понятия, что создает предпосылки для неоднозначной оценки авторами¹ и использования правоприменителем рассматриваемых юридических норм.

И хотя существуют различные мнения ученых относительно понятия категории «жилище»², пока вопрос об отнесении того или иного помещения к жилому решается путем принятия актов высших судов РФ.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 12 октября 2005 г. вынесла решение, в котором, в частности, отметила: «Согласно положениям Федерального закона от 20 марта 2001 года № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» *под жилищем понимается: 1) индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями; 2) жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания; 3) иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания*» [12].

Иная позиция представлена в одном из решений Конституционного Суда РФ: «В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации ... установлено, что к понятию «жилище» относятся индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания (пункт 10 статьи 5).

¹ Например, в конституционном праве «комплекс недвижимости, находящийся на земельном участке, принадлежащем собственнику, в который входят непосредственно жилой дом и отдельно стоящие нежилые помещения (сарай и гараж), как огороженная отдельно частная собственность охраняется режимом неприкосновенности и охватывается понятием «жилище» [5].

² См., например: В уголовном процессе к жилищу должно быть отнесено «любое помещение или строение, не только предназначенное, приспособленное для временного проживания, но и используемое для проживания [18, с. 7].; Признак используемости приводит к необоснованному расширению понятия «жилище». Так, для временного проживания возможно использовать коридоры, крыши, естественные укрытия природы (пещеры) [3; с. 19].

По смыслу названной нормы, условием отнесения к жилищу нежилых помещений и строений, не входящих в жилой фонд, является факт их использования для временного проживания. Сама по себе данная норма направлена на обеспечение реализации статьи 25 Конституции Российской Федерации в сфере уголовно-процессуального законодательства, *не исключает гарантии неприкосновенности в отношении хозяйственных построек, находящихся на территории индивидуального домовладения, а потому не может рассматриваться как нарушающая конституционные права...*» [9].

Сравнительно-правовой анализ норм различных законодательных актов применительно к категории «жилище» и толкования сущности этого термина высшими судами Российской Федерации приводит к выводу о необходимости четкого осознания правоприменителем содержания этого понятия и обнаружения юридически грамотного выхода из существующей ситуации.

Рассмотренная нами выше вариативность подхода к сути жилища, а также существующая оперативно-розыскная практика подтверждают мысль о том, что в сегодняшних реалиях зачастую возникают практические проблемы, связанные с тем, что конкретный вид деятельности регулируется предписаниями разных, но равных по уровню нормативных правовых актов. В этом случае подавляющее число правоприменителей традиционно используют те правовые положения, которые их больше удовлетворяют. В связи с этим возникают ситуации, когда проведенное сыщиком в конкретных условиях мероприятие оценивается им как правомерное, однако иные участники правоохранительного процесса (в первую очередь, надзирающий прокурор, защитник) придерживаются диаметрально противоположной точки зрения. Что касается судьи, то практика показывает отсутствие у него в большинстве случаев собственной позиции. Поэтому в данных обстоятельствах он скорее всего будет придерживаться линии одной сторон, кажущейся ему наиболее обоснованной. Однако эта позиция зачастую может противоречить если не букве, то духу закона или элементарным законам логики.

Так, в тексте постановления Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П [13]. *определены два правила разрешения конкуренции норм в отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы. Первое правило* формулируется как «lex posterior derogat priori» («последующий закон отменяет предыдущие»). Это означает, что даже если в последующем законе отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует последующий закон. *Второе правило* прописано следующим образом: *вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений*».

Осуществим попытку применить данные правила к рассматриваемой нами ситуации.

Первое правило, гласящее о приоритете предписаний закона, принятого позже предыдущих, регулирующих данные отношения (или упоминающих о них), примененное к понятию жилища, позволяет сделать вывод, что из рассмотренных нами кодифицированных законодательных актов: УК РФ (1996 г.), УПК РФ (2001 г.), ГК РФ (1994 г.) и ЖК РФ (2004 г.) самым «свежим» представляется Жилищный кодекс Российской Федерации. А это, наверное, означает, что именно определение понятия «жилище (жилое помещение)» может быть положено в содержание этого объекта при осуществлении любых (в том числе оперативно-розыскных) мер и действий.

Использование второго правила о приоритете закона, специально предназначенного для регулирования соответствующих отношений (*независимо от времени принятия*), к сожалению, тоже не дает четкого ответа на поставленный вопрос.

С одной стороны, сущность жилища (жилого помещения) прямо раскрыта в ЖК РФ (ч. 2 ст. 15), и это вроде бы должно означать приоритет данного предписания над положениями иных законодательных актов, поскольку именно ЖК РФ регулирует отношения применительно к категории «жилище»¹, с другой – ЖК РФ упорядочивает лишь вопросы частного, а не публичного права, к которому относится полицейская деятельность. ФЗ об ОРД и ФЗ «О полиции» вообще не дают определения искомого понятия, нормы УК РФ (примечание к ст. 139) и УПК РФ (п. 10 ст. 5), имеющие существенные противоречия и не позволяющие однозначно определить содержание категории «жилище», регулируют отношения в области уголовной юстиции и должны использоваться при осуществлении квалификации преступления и уголовно-процессуальных действий. И это позиция не только автора настоящей работы [15].

Так, И.А. Одношвин справедливо отмечает, что «специфика предметов правового регулирования в различных областях права не позволит сформулировать универсальное определение понятию «жилище», которое могло бы использоваться на практике во всех отраслях правоприменения» [11].

И если перед нами, как исследователями, после достаточно глубокой проработки российского законодательства и его толкований высшими судами РФ применительно к категории «жилище» опять возникает пелена неясности, может быть, проще разобраться с позиций науки, определив в этой проблеме соотношение норм материального и процессуального права? Для начала процитируем

¹ Правда, в жилищной сфере.

высказывания некоторых авторов, изучавших проблему соотношения материальных и процессуальных норм в различных отраслях российского права.

Материальное и процессуальное право в качестве компонентов правового строения всегда признавались и на доктринальном, и на профессионально-практическом, и на учебном уровнях.

Нормы материального права (и соответствующие отрасли) закрепляют правовое положение лиц и имущества, отношения собственности и другие неимущественные отношения, определяют структуру, компетенцию и порядок деятельности различного рода государственных органов, учреждений, устанавливают основания и пределы ответственности за правонарушения и т.д. Материальное право имеет свои, присущие ему, процессуальные формы. Оно устанавливает условия и основания возникновения процессуального права. Процессуальные нормы (институты, подотрасли, отрасли) регулируют общественные отношения, возникающие в процессе реализации норм всех отраслей права, определяют права и обязанности субъектов процессуально-правовых отношений, закрепляют порядок и процедуры применения норм материального права [1].

Вполне естественно, что содержание материально-правовых институтов в какой-то мере предопределяет содержание институтов данной процессуальной отрасли.

Именно поэтому и говорят, что материальное и процессуальное право соотносятся как содержание и форма. Существование процессуального права и в самом деле немислимо в отсутствие права материального (хотя в отношении отдельных норм и могут встречаться обусловленные «рукотворностью» юридической ткани дефекты несоответствия, нескоординированности, избыточности или вовсе отсутствия). В свою очередь, материальное право, хотя теоретически и возможно без права процессуального, на практике даже если и будет существовать, то уж в любом случае не действовать, поскольку останется неосуществленным, следовательно, и не востребуемым [17].

Материальные нормы ... получают реализацию только посредством судебной правоприменительной деятельности. Порядок судопроизводства выступает правовым средством, обеспечивающим приведение их в действие [16].

Процессуальные нормы права в отличие от материальных не регулируют ни экономических, ни политических, ни каких бы то ни было иных отношений, а лишь закрепляют процессуальные формы (процедуру, правила, порядок) осуществления и защиты предусмотренных материальными нормами прав. ... В юридической литературе материальные нормы права вполне обоснованно считаются как бы первым слоем права, правовой основой общества и государства, а

процессуальные – как бы вторым слоем, определяющим юридические способы охраны, защиты, поддержания и восстановления первого слоя [8].

Вопрос о характере дисбаланса между материальным и процессуальным законодательством сводится к ответу на другой вопрос: что же из них первично? Все-таки, несмотря на аргументы защитников процессуального права, приписывание процессуальным нормам «самостоятельной содержательной ценности», отрицать их зависимость от норм материального права все же сложно. Следовательно, и дисбаланс в этих отношениях практически всегда будет односторонний – чаще всего можно говорить о том, что процессуальное законодательство в целом или в том или ином аспекте не соответствует материальному, но не наоборот [2].

... Позволим себе предположить, что материальное и процессуальное право в обобщенном качестве, как правовые массивы системы права, должны рассматриваться не столько в «одноплоскостном», сколько в иерархическом ракурсе с позиций общего (но не абсолютного) примата материальных поведенческих правил над процессуальными [6].

По вопросу коллизии между нормами материального и процессуального права О.Э. Лейст на примере уголовного и уголовно-процессуального права отмечает: «Достаточно очевидно, что нормы уголовного права не могут применяться вне рамок уголовного процесса, равно как и последний теряет смысл, если его предметом не является применение точно обозначенных уголовно-правовых норм». Далее он предлагает считать процессуальным правом нормы, определяющие порядок, процедуру, форму реализации или охраны норм материального права, объясняя, что материально правовые нормы указывают «что делать», а процессуально-правовые нормы – «как делать» [7].

Данные тезисы позволяют предположить, что с точки зрения юридической доктрины нормы материального права не только первичны по своему происхождению, но и приоритетны по своему значению относительно норм процессуального права. Это означает, что в случае коллизии между нормами материального и процессуального права, обладающими равной юридической силой, ведущая роль должна признаваться за правом материальным.¹

В подтверждение позиций указанных ученых Конституционный Суд РФ в одном из своих решений [14]. отметил следующее: «Определение оснований и условий применения принудительных мер медицинского характера... находится в сфере уголовно-правового регулирования и уголовно-правовых отношений. Следовательно, с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации...

¹ Как мы видим, все из упомянутых исследователей убеждены, что первостепенными являются материальные предписания, процессуальные же имеют обеспечительное значение.

должны быть согласованы и соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Представленное доктринальное понимание оперативно-розыскной науки, соотношения рассматриваемых отраслей права и многочисленных экспертных заключений, а также потребности оперативных подразделений в однозначном и понятном определении категории «жилище» при проведении ОРМ «Обследование» дают основания полагать:

1. Оперативно-розыскная наука исследует те явления действительности, а также общие и специфические закономерности их возникновения и развития, познание и использование которых позволяет не только разрабатывать фундаментальные проблемы в этой области, но и формировать политику правоприменения в решении задач профессионального сыска.

2. Нормы материального права имеют безусловное преимущество над процессуальными предписаниями.

3. В ситуации оперативно-розыскного проникновения в жилище приоритетным должно выступать положение УК РФ, определяющее жилище как «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания».

4. С целью единообразного понимания и использования в сфере уголовной юстиции рассматриваемой категории необходимо заменить указанной формулировкой определение понятия «жилище», содержащееся в п. 10 ст. 5 УПК РФ.

Список использованных источников:

1. Батычко, В. Т. Теория государства и права в вопросах и ответах : курс лекций / В. Т. Батычко – Таганрог : ТРТУ, 2005. – 73 с.

2. Белоусов, С. А. Материальные и процессуальные нормативные предписания в системе российского законодательства: диалектика взаимосвязи и проблемы разбалансированности / С. А. Белоусов // Современное право. – 2015. – № 12. – С. 5-12.

3. Винокуров, В. Н. Значение непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, для определения понятия «жилище» / В. Н. Винокуров, В. Н. Шелестюков // Уголовное право. – 2006. – № 1. – С. 18-21.

4. Железняк, Н. С. О законодательном регулировании обследования жилища / Н. С. Железняк // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском

регионе : сборник материалов международной научно-практической конференции (16-17 февраля 2006 г.) : в 2 ч. / отв. ред. С. Д. Назаров. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2006. – Ч. 2. – 284 с.

5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В. Д. Зорькина. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2011. – 1008 с.

6. Кудрявцева, Т. С. Некоторые проблемы классификации и применения материальных и процессуальных норм (на примере отдельного трудового спора) / Т. С. Кудрявцева // Трудовое право. – 2009. – № 3. – с.60-63.

7. Лейст, О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст ; под ред. В. А. Томилова. – М. : Зерцало, 2008. – 452 с.

8. Марченко, М. Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник : в 2 т. Т.2. / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2016. – 640 с.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котовой Светланы Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 10 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2005 № 166-О.

10. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного, оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (с изменениями и дополнениями) : приказ МВД России от 01.04.2014 № 199.

11. Одношевин, И. А. Понятие «жилище» и его значение для уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности / И. А. Одношевин // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6. – С. 12-14.

12. По делу № 14-Г05-25 : определение Верховного Суда РФ от 12.10.2005.

13. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление от 29.06.2004 № 13-П.

14. По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана : постановление от 21.05.2013 № 10-П.

15. Помазкова, С. И. О понятии жилища и его значение для законности современного сыска / С. И. Помазкова // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 1 (2). – С. 10-13.

16. Уксусова, Е. Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Е. Е. Уксусова // Lex russica. – 2014. – № 2. – С. 211-227.

17. Худояров, Б. Т. О некоторых вопросах применения норм материального и процессуального права в семейно-правовых отношениях / Б. Т. Худояров // Юридические науки : Вестник Пермского университета. – 2014. – № 1. С. 164-171.

18. Янкин, А. Н. Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве следственных действий : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А. Н. Янкин. – М., 2010. – 24 с.

УДК 343.98

ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕННЫЕ НА ИХ РЕШЕНИЕ КОМПЛЕКСЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ, СОПРЯЖЕННЫХ С РАСЧЛЕНЕНИЕМ ТРУПА

© И.А. Журавлева

Сибирский федеральный университет

На начальном этапе расследования убийств, сопряженных с расчленением трупа, из всех элементов преступления следователю известны лишь способ сокрытия и место обнаружения частей расчлененного трупа. В этой связи процесс расследования проходит в условиях острого недостатка необходимой информации о произошедшем событии и его обстоятельствах и направлен на решение следующих задач:

1. Собираение и фиксация исходной информации о совершенном событии.

В комплекс следственных и оперативно-розыскных действий, направленных на решение данной тактической задачи входят: осмотр места обнаружения частей расчлененного трупа; опрос лиц, обнаруживших части трупа; поисковые действия, направленные на установление свидетелей преступления; назначение судебно-медицинской экспертизы.

2. Установление личности потерпевшего.

Решению этой первоочередной задачи способствует решение таких промежуточных задач как:

- целенаправленный поиск недостающих частей трупа;

- определение принадлежности обнаруженных частей трупа одному лицу;
- Установление давности наступления смерти.

Давность наступления смерти во многом определяет способ установления личности потерпевшего. Так, если она небольшая (обнаружены хорошо сохранившиеся части трупа, в том числе голова, верхние конечности), осуществляется следующий комплекс розыскных и иных мероприятий: подворный или поквартирный обход и опрос лиц с предъявлением фотографий расчлененного трупа, его одежды, а также обращение к общественности через средства массовой информации; направление ориентировок в отделы полиции; запрос дежурного УВД о наличии заявлений об исчезновении граждан; запросы в гостиницы, общежития об исчезнувших лицах; направление дактилоскопической и опознавательной карты трупа для постановки на соответствующий учет. Наряду с указанными мероприятиями осуществляется «просеивание», то есть отнесение личности потерпевшего к определенной категории лиц с учетом возраста, характеристик тела и одежды, внешних примет, и последующий поиск его в соответствующих местах среди вероятного круга лиц, которым он быть известен (лиц без определенного места жительства и рода занятий и т.п.) [1, с. 13-14].

Если смерть наступила давно, то личность потерпевшего устанавливается с помощью обращения к АИПС «Опознание», различным видам криминалистических учетов (алфавитно-дактилоскопическому, учету всех без вести пропавших лиц), банкам криминальной информации, учетам наркоманов и проституток, военных комиссариатов, лечебных учреждений и т.д. При обнаружении скелетированных или подвергшихся гнилоственному изменению частей трупа производятся их туалет, фотосъемка, изготавливается посмертная маска. Для дальнейшей идентификации личности погибшего части трупа, его одежда, фотографии, посмертная маска предъявляются для опознания родственникам, соседям и другим лицам, знавшим убитого, назначаются и проводятся дактилоскопическая, медико-криминалистическая, портретная, судебно-медицинская, биологическая и молекулярно-генетическая экспертизы.

Установление личности потерпевшего позволяет перейти к решению следующей задачи – установление личности преступника. С этой целью, прежде всего изучается личность потерпевшего, сведения о его поведении, мировоззрении, образе жизни и т.д. Кроме того, устанавливаются различные события, предшествующие преступлению, например, покупка автомобиля, продажа квартиры, получение крупной суммы денег и др.

Вместе с изучением личности потерпевшего раскрытию данного вида преступления способствует решение другой задачи – установление места совершения преступления.

Выдвижению версий о личности преступника, возможных мотивах и обстоятельствах убийства способствует изучение и анализ материальной обстановки на месте обнаружения частей расчлененного трупа. Так, признаки необычных действий с трупом, например, попытка поджога с помощью негодных средств, снятие и сокрытие одежды, не представляющей существенной ценности, расчленение трупа на очень мелкие части свидетельствуют, что убийство предположительно совершено психически нездоровым человеком; бессмысленное перемещение трупа, манипуляции с его частями, размещение частей тела, которые имеют для преступника некоторую символику, указывает на некрофильную направленность личности [2, с. 410].; множественные поверхностные порезы и надрезы, следы укусов на теле жертвы, отрезание губ, ушей, сосков, носа, отчленение половых органов, которые являются для преступника фетишем и уносятся им, свидетельствуют о совершении убийства на сексуальной почве [3, с. 39]. При этом расчленение трупа чаще всего является не способом сокрытия, а способом совершения преступления.

Установление способа убийства в ряде случаев также позволяет выдвинуть обоснованные версии относительно личности преступника. Так, убийства с использованием бытовых химических, обладающих токсическим действием средств, снотворных, болеутоляющих и прочих лекарственных препаратов совершаются, как правило, лицами из числа близких родственников, знакомых, пользующихся доверием со стороны жертвы. В то же время необходимо отметить, что при расследовании убийств, сопряженных с расчленением трупа, способ совершения убийства часто выясняется лишь в конце следствия, а иногда, из-за истечения большого срока с момента убийства и расчленения, может и вообще остаться неустановленным. Способ же сокрытия убийства по данным делам имеет существенное значение. Так, аккуратное расчленение по суставам свидетельствует, что убийца обладает профессиональными навыками и может быть медицинским работником, мясником или работником скотобойни.

В заключение приведем комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление лица, совершившего убийство с расчленением трупа:

- изучение образа жизни потерпевшего и его связей;
- изучение путей доставки расчлененного трупа с целью определения района местожительства преступника;
- подтверждение факта знакомства преступника и жертвы и проверка алиби, полученная оперативными средствами;
- осмотр места происшествия с целью обнаружения следов преступления и следов его сокрытия;

- осмотр предметов (возможных орудий преступления, орудий, использовавшихся при расчленении трупа, одежды, обуви преступника и т.д.)
- допрос подозреваемого в совершении убийства;
- назначение необходимых судебных экспертиз.

Список использованных источников:

1. Александров, И. В. Расследование отдельных видов умышленных убийств: учебно-методическое пособие / И.В. Александров – Красноярск: Красноярский университет, 2004. – 28 с.
2. Курс криминалистики. В 3 т. Особенная часть. Т.1. Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / Под ред. В. Е. Корноухова. – М.: «Юрист», 2001. – 634 с.
3. Протопопов, А. Л. Расследование сексуальных убийств / А. Л. Протопопов. – СПб: Юридический центр «Пресс», 2001. – 224 с.

УДК 343.98

**РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

© И.Г. Иванова

Сибирский федеральный университет

К преступлениям в сфере таможенного дела относятся преступления, которые связаны с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Часть таких преступлений подследственна дознавателям таможенных органов Российской Федерации: уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, совершенные, в том числе, группой лиц по предварительному сговору и в особо крупном размере (ч. 1 и 2 ст. 194 УК РФ), а также контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ч. 1 ст. 200.1 УК РФ), часть – следователям Следственного комитета Российской Федерации (ч. 3 и 4 ст. 194 УК РФ), следователям органов ФСБ России (с. 189, 226¹, 229¹ УК РФ), следователям органов внутренних дел Российской Федерации (ст. 193, 193¹, 229¹).

Совершение указанных преступлений в специфической внешнеэкономической сфере деятельности вызывает определенные трудности в их раскрытии и расследовании.

Во-первых, многообъектность преступлений и бланкетность составов влечет необходимость обращения к нормативным актам и руководящим документам, как в сфере таможенного регулирования, так и в других правовых сферах (административном, валютном, налоговом законодательстве). Имеющееся законодательство содержит пробелы, которые позволяют преступникам уходить от ответственности. К таким проблемным относится законодательная база, регулирующая деятельность агентов и органов валютного контроля.

Во-вторых, совершение таможенных преступлений нередко характеризуется сложным механизмом, включающим действия по подготовке, совершению и сокрытию следов преступления. Обязательным в механизме совершения таких преступлений является этап внешнеэкономической деятельности, где совершение преступления возможно на разных его стадиях: при заключении международных контрактов, на этапе декларирования, при перемещении товаров по территории Российской Федерации, при взаиморасчетах с контрагентами.

В большинстве случаев таможенные преступления выявляются в ходе таможенного оформления (таможенного контроля), то есть на завершающем этапе совершения преступления. Поэтому основная работа по выявлению и пресечению таких преступлений ложится на таможенные органы. Для установления механизма совершения таможенных преступлений требуется взаимодействие с правоохранительными органами иностранных государств, а также использование оперативных средств и методов таможен.

В-третьих, для сокрытия следов преступления преступники прибегают ко все более технологичным методам, включающим использование офшоров, криптовалюты, электронного документооборота. Это требует от следователей (дознавателей) привлечения специалистов уже на стадии проведения проверочных действий. Такие специалисты требуются для предварительного исследования документов: деклараций, накладных, инвойсов для установления в них признаков изменения первоначального содержания; для исследования перемещаемых товаров с целью определения их стоимости, установления их индивидуальных признаков или принадлежности к однородной группе товаров, соответствия техническому описанию в товаросопроводительных документах; для исследования документов в электронной форме. Специалисты также привлекаются к проведению проверочных и следственных действий, например, ревизий, осмотров складских помещений и территорий, принимают участие и консультируют следователей (дознавателей) по документам складского, бухгалтерского учета (в том числе в электронной форме), правильности их оформления.

В-четвертых, совершение преступлений организованными преступными сообществами, в том числе международными, обуславливает необходимость

направления запросов о правовой помощи в проведении расследования и уголовного преследования в правоохранительные таможенные и иные органы иностранных государств. Однако исполнение таких запросов зависит от наличия между взаимодействующими сторонами специальных межгосударственных договоров о взаимной правовой помощи, а также правовой регламентации сроков исполнения таких запросов. Стоит также отметить ненадлежащее взаимодействие и с международными правоохранительными организациями (службами Интерпола и т.п.) при проверке версий и получении доказательств по расследуемым уголовным делам.

В-пятых, при расследовании таможенных преступлений наблюдается разобщенность усилий правоохранительных и контролирующих органов, несвоевременные ответы на запросы следователей (дознавателей) из банков (кредитных организаций) и органов внешнеэкономической деятельности.

В-шестых, большинство уголовных дел в сфере таможенного дела возбуждается после проведения административного расследования правонарушений в области таможенного дела (нарушение таможенных правил). Такие административные производства нередко затягиваются, следствием чего является утрата потенциальных доказательств по уголовному делу. Сами административные материалы пересылаются из одной таможни в другую, например, из таможни, где проводилось электронное декларирование товаров, в таможню, которая выявила факт неуплаты таможенных платежей в ходе таможенного контроля после выпуска товаров. Административные материалы не рассматриваются в установленные сроки, следствием чего является истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности и вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

В-седьмых, при расследовании преступлений в сфере таможенного дела возникают проблемы с доказыванием фактов, прямо влияющих на квалификацию деяния, как преступления. Так, при расследовании незаконного экспорта из Российской Федерации или передачи технологий, которые могут быть использованы для создания оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189 УК РФ), необходимо установить факт передачи контролируемых товаров именно иностранной организации или ее представителю, доказать, что в отношении перемещаемых объектов должен быть установлен экспортный контроль. При расследовании уклонения от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ) представляет трудность установление факта инсценировки процедуры временного хранения товаров на СВХ (складе временного хранения) в ситуации, когда товары по документам уже выпущены для использования.

Положительной тенденцией в решении вышеуказанных проблем является совершенствование системы международного сотрудничества и принятие международных соглашений, содержащих общеобязательные правила поведения в сфере таможенного дела.

В настоящее время Российская Федерация заключила двусторонние договоры об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам с более чем 30 странами, а также является участницей нескольких конвенций о правовой помощи, таких, как Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (ETS № 30) от 20.04.1959 года (для России вступила в силу 09.03.2000 года), Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 года, Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20.03.1992 года.

Вместе с тем, не во всех, заключенных между Россией и другими странами договорах о взаимной правовой помощи, выделены преступления в сфере таможенных правоотношений. В качестве положительного примера можно привести договор «О взаимной правовой помощи по уголовным делам», заключенный между Российской Федерацией и Республикой Корея от 28.05.1999 года [3], где в ст. 1 отдельно оговорено оказание помощи по расследованию правонарушений в сфере налогообложения, таможенных пошлин, регулирования валютного обмена либо любых иных вопросов, связанных с государственными доходами [1, с. 13].

Важным международным документом, регулирующим вопросы международного сотрудничества в области борьбы с контрабандой наркотиков, является Конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений от 09.06.1977 года (для России вступила в силу 13.03.1995 года), которая регулирует вопросы взаимодействия таможенных служб различных стран в целях предотвращения, расследования и пресечения таможенных правонарушений. В ней оговорены вопросы обмена информацией между таможенными службами, помощи по запросу о наблюдении, расследовании [2, с. 18].

Получил свое законодательное оформление переход российских таможенных органов на электронный документооборот при назначении и производстве таможенных экспертиз. Так, для проведения таможенной экспертизы должностное лицо таможенного органа, назначившего таможенную экспертизу, с использованием информационно-программных средств Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов (ИПС ЕАИС ТО) оформляет решение таможенного органа о назначении таможенной экспертизы в виде

электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью указанного должностного лица.

Решение в виде электронного документа направляется должностным лицом таможенного органа, назначившим таможенную экспертизу, с использованием ИПС ЕАИС ТО:

- в подразделение Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления, проводящее таможенную экспертизу;

- декларанту, иному лицу, обладающему полномочиями в отношении товара, в автоматизированную подсистему «Личный кабинет» по сети «Интернет»;

- в таможенный орган в случае необходимости отбора проб и (или) образцов товаров, изъятия таможенных, транспортных (перевозочных), коммерческих и иных документов, средств идентификации таких документов и товаров для проведения таможенной экспертизы [5].

Продекларированное Федеральной таможенной службой России сокращение (ограничение) сроков производства таможенных экспертиз нашло свое выражение в новейшем законодательстве: согласно ст. 390 ТК ЕАЭС таможенная экспертиза проводится в срок, не превышающий 20 рабочих дней со дня принятия таможенным экспертом материалов и документов для проведения экспертизы; продление срока проведения таможенной экспертизы не может превышать четырех месяцев со дня принятия решения о продлении (п. 6 ст. 335 ФЗ № 289 «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 03.08.2018 года [5]).

Все указанные тенденции, направленные на сокращение сроков проведения таможенных экспертиз, автоматизацию назначения (вынесения решения) и производства таможенных экспертиз, не могут не оказать положительного влияния на процесс расследования таможенных преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов.

Для недопущения ошибок при производстве расследования преступлений в сфере таможенного дела необходимо неуклонное повышение квалификации сотрудников соответствующих правоохранительных органов, включающее проведение научных совещаний и конференций по вопросам таможенного, валютного, банковского, налогового, уголовно-процессуального права; сотрудничество следователей (дознавателей) и экспертов по вопросам современных экспертных возможностей, используемых при расследовании преступлений в сфере таможенного дела (вплоть до согласования формулировки вопросов с экспертом перед их внесением в постановление о назначении экспертизы).

Список использованных источников:

1. Исаева Л. М. Основы расследования преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов / Л. М. Исаева, А. Ю. Козловский. – СПб: Троицкий мост, 2015. – 368 с.
2. Кромова А. Я. Контрабанда наркотиков (статья 229¹ УК РФ): монография / А. Я. Кромова; под ред. С. М. Кочои. – М.: Проспект, 2014. – 136 с.
3. О взаимной правовой помощи по уголовным делам: Договор между Российской Федерацией и Республикой Корея от 28.05.1999 года // Бюллетень международных договоров. – 2002. – № 9. – С. 3-10.
4. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. : Федеральный закон от 03.08.2018 года № 289-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Об утверждении Порядка продления срока проведения таможенной экспертизы, Порядка уведомления декларанта или иного лица, обладающего полномочиями в отношении товаров, о продлении срока проведения таможенной экспертизы, Порядка приостановления сроков проведения таможенной экспертизы [Электронный ресурс]. : Приказ ФТС России от 07.02.2019 года № 204 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 14.03.2019 года.

УДК 343.9

**К ВОПРОСУ О ТАКТИКЕ ДОПРОСА ЭКСПЕРТА
В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ**

© Д.В. Ким, В.С. Горшкова

Барнаульский юридический институт МВД России

Возможность и необходимость использования криминалистических знаний в судебном разбирательстве в настоящее время не вызывает сомнений, аргументы в поддержку этого тезиса неоднократно приводились учеными – криминалистами [2, С. 209-210; 7, С. 14; 1, С. 26-27]. При этом криминалистическая мысль активно разрабатывает формы реализации указанного положения. Так, например, В.К. Гавло придерживался мнения о необходимости исследования судебного разбирательства с точки зрения предмета криминалистики, используя конструкцию «криминалистическая характеристика судебного разбирательства» [10,

С. 242-247]. В свою очередь А.Ю. Корчагин указывает на необходимость применения такого понятия как «криминалистическое обеспечение судебного разбирательства уголовных дел» [18].

Однако оба автора, как и многие другие ученые-криминалисты не ставят под сомнение необходимость разработки в недрах предлагаемых образований тактики и методики судебного разбирательства [11, С. 289; 12; 16, С. 18-20].

Досудебное и судебное производство – это единое и неделимое поле деятельности для науки криминалистики. Нельзя разрабатывать криминалистическую технику, тактику и методику для предварительного следствия без учета ситуаций судебного разбирательства (в первую очередь, центральной его части – судебного следствия), как и криминалистическую технику, тактику и методику судебного разбирательства без учета ситуаций предварительного следствия и деятельности участников уголовного судопроизводства.

При этом особую научную ценность в контексте научных исследований в области криминалистики представляет ее «думающее устройство», первичная по отношению к криминалистической методике, с точки зрения момента возникновения и источника используемого инструментария, – криминалистическая тактика [19, С. 250-251].

Одним из основных тактико-криминалистических средств, используемых для преломления данных науки криминалистики в контексте судебного производства, является криминалистическая (следственная) ситуация. Еще в начале 2000-х годов в криминалистической науке наметилась устойчивая тенденция в развитии ситуационного подхода применительно к судебному разбирательству. Анализ современной научной литературы позволяет констатировать ее сохранение и развитие в настоящее время [14, С. 26-31; 21, С. 3-7; 23, С. 73-75; 24, С. 117-119].

Определяя судебную ситуацию, как сложную динамическую систему информационного характера, складывающуюся в процессе осуществления судом (судьей) своей деятельности, влияющую на решение суда и на перспективу по уголовному делу [13, С. 291], считаем необходимым обратить пристальное внимание на судебные ситуации, возникающие в ходе допроса эксперта, их разрешение и соотношение с понятием «экспертная ситуация».

В 1997 году Р.С. Белкин в «Криминалистической энциклопедии» указал, что экспертная ситуация – это «система факторов, служащих основанием для выдвижения наиболее вероятных экспертных версий, выбора методов их проверки, планирования исследования» [4, С. 265-266]. Е.Б. Статива понимает под судебной экспертной ситуацией «совокупность обстоятельств, требующих проверки или доказывания с использованием специальных строительно-технических знаний при разбирательстве гражданского дела в арбитражном процессе» [22, С. 16].

Сущность и содержание экспертной ситуации в научной литературе раскрывается применительно к решению экспертных задач в ходе производства судебных экспертиз либо исследований, что закономерно означает обозначение терминами «судебная ситуация, возникающая в ходе допроса эксперта и «экспертная ситуация» разных явлений, возникающих в ходе судебного разбирательства. В первом случае мы имеем дело с ситуациями, возникающими в ходе производства судебного действия «допрос эксперта», а во втором в ходе производства следственного и судебного действия «назначение и производство судебной экспертизы».

Допрос эксперта в суде является весьма распространенной формой участия сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, организаций и частных лиц, производивших судебную экспертизу, в судебных разбирательствах по уголовным, гражданским, арбитражным, административным делам. Однако, данное процессуальное действие носит проблемный характер для всех участников судебного разбирательства, суда, а в большей степени – для эксперта. Тактика производства допроса, в том числе эксперта на стадии предварительного расследования достаточно полно разработана наукой криминалистикой, при этом тактике производства допроса эксперта в судебном разбирательстве внимания практически не уделяется. В научной литературе можно встретить единичные исследования на этот счет. Так, например, И.А. Шалькевич сформулировал общие правила, на основании которых должна строиться тактика производства допроса эксперта [25, С. 95-97]. При этом он указывает, что основной круг вопросов, которые могут ставиться перед экспертом в ходе проведения допроса в суде, обязательно должен касаться объектов, исследованных экспертом в ходе производства судебной экспертизы, результаты которого нашли свое отражение в выводах. Не допускается постановка вопросов, для ответа на которые требуется проведение дополнительных исследований с применением специальных знаний (познаний) – для этого необходимо проведение дополнительной или повторной экспертизы [25, С. 95-97].

Мы полностью поддерживаем А.С. Князькова, который утверждает, что «применительно к методико-криминалистическим работам можно говорить о некоем устоявшемся стиле исследований, когда «конечный продукт» – частная криминалистическая методика расследования – приобретает вид «свода правил» для следователя, где акцент делается не на обусловленность следственной ситуацией тактических приемов следственных действий, а всего лишь на обусловленность ею следственных действий» [15, С. 4].

С учетом этого, проведенный анализ судебно-следственной практики позволяет выделить следующие типичные криминалистические ситуации, складывающиеся в ходе допроса эксперта в судебном заседании:

1) допрос эксперта в бесконфликтной ситуации (необходимо разъяснить суду специальные термины, формулировки, формулы, использованные методики, оборудование и инструменты при производстве судебной экспертизы и др.);

2) допрос эксперта в конфликтной ситуации (при расхождении выводов в заключении специалиста или заключении эксперта, представленным стороной защиты или стороной обвинения).

Выделение и исследование этих и других ситуаций, возникающих в процессе судебного разбирательства уголовных дел, будет способствовать развитию тактики проведения процессуальных действий, что является прерогативой криминалистики, а применение ситуационного подхода в процессе судебного разбирательства, в целом, правильное и перспективное направление, отвечающее реалиям сегодняшнего дня и тенденциям развития криминалистической науки.

Список использованных участников:

1. Александров, И. В. Об актуальных направлениях развития криминалистики // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова «Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы» (22 декабря 2015 года, г.Москва) / Под ред. М. А. Лушечкина. – М.: МАКС Пресс, 2015. – 511 с.

2. Белкин, Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 1. Общая теория советской криминалистики / Р. С. Белкин. – М. : Изд-во РИО Академии МВД СССР, 1977. – 338 с.

3. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы тенденции, перспективы. Общая и частная теории / Р. С. Белкин. – М. : Изд-во Юридическая литература, 1987. – 271 с.

4. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – М. : БЕК, 1997. – 334 с.

5. Васильев, А. Н. Следственная тактика / А. Н. Васильев. – М. : Юр. лит-ра, 1976. – 197 с.

6. Винберг, А. И. О научных основах криминалистической тактики / А. И. Винберг // Правоведение. – 1965. – № 3. – С. 78-83.

7. Волчецкая, Т. С. Криминалистическая ситуалогия : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Татьяна Станиславовна Волчецкая. – М., 1997. – 395 с.

8. Гавло, В. К. Избранные труды / В.К. Гавло ; сост. В.В. Сорокин, Н. А. Дудко. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 850 с.

9. Гавло, В. К. Криминалистическое обеспечение предварительного и судебного следствия как задача криминалистической методики // Материалы Международной научно – практической конференции «Криминалистика XXI столетия» (25-26 ноября 2010 года, г.Харьков) / В. К. Гавло. – Харьков: Право, 2010. – 271 с.
10. Гавло, В. К. Тактика и методика судебного следствия – есть сфера приложения научного потенциала криминалистики // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства» (24 ноября 2009 года, г. Иркутск) / В. К. Гавло, Д. В. Ким. – Иркутск : Изд-во БГУЭП. – 2010. – 546 с.
11. Гавло, В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследовании отдельных видов преступлений / В. К. Гавло. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. – 333 с.
12. Гармаев, Ю. П. Криминалистическая методика судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст.105 УК РФ): теоретические основы и прикладные рекомендации: монография и практическое пособие / Ю. П. Гармаев, А. А. Кириллова. – М. : Изд-во Юрлитинформ, 2015. – 280 с.
13. Ким, Д. В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Дмитрий Владимирович Ким. – Барнаул, 2009. – 428 с.
14. Кисленко, С. Л. Типовой алгоритм действия прокурора в проблемных ситуациях поддержания государственного обвинения / С. Л. Кисленко // Юридическое образование и наука. – 2019. – № 5. – С. 26-31.
15. Князьков, А. С. Концептуальные положения тактического приема / А. С. Князьков. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. – 190 с.
16. Князьков, А. С. Проблемы предмета криминалистической тактики / А. С. Князьков // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2016. – № 14-1. – С. 18-20.
17. Комиссаров, В. И. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития / В. И. Комиссаров. – М. : Издательство Юрлитинформ, 2009. – 192 с.
18. Корчагин, А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Александр Юрьевич Корчагин. – Краснодар, 2008. – 355 с.
19. Криминалистика. Учебник / Под ред. А. Н. Васильева. – М. : Изд-во Московского университета, 1971. – 564 с.

20. Латыпова, К. С. К вопросу о типичных судебных ситуациях по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях, связанных с наездами на пешеходов, и рекомендации государственному обвинителю по их разрешению // Сборник статей Международной научно-практической конференции : к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Юрия Ильича Скуратова «Актуальные проблемы современной юридической науки и практики» (14 июня 2017 года, г.Улан-Удэ) / Под ред. Э. Л. Раднаевой, Ю. Г. Хамнуева. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. – 268 с.

21. Сергеев, А. Б. Отдельные судебные ситуации при принятии решений о назначении принудительных мер медицинского характера / К. А. Сергеев, А. Б. Сергеев // Медицинское право. – 2018. – № 1. – С. 3-7

22. Статива, Е. Б. Типология судебно-экспертных ситуаций в арбитражном процессе, требующих для своего разрешения использования специально-технических знаний / Е. Б. Статива // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – №1 (41). – С. 16.

23. Титова, К. А. Судебно-криминалистические ситуации и их разрешение в процессе судебного разбирательства по делам о хищениях, совершаемых должностными лицами в сфере жилищно-коммунального хозяйства / К. А. Титова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 2(28). – С. 73-75.

24. Флягин, Ю. А. Криминалистические ситуации судебного разбирательства по уголовным делам о незаконном обороте сильнодействующих и ядовитых веществ в целях сбыта // Уголовно – процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции (17-18 ноября 2016 года, г.Барнаул) / Под ред. О. К. Кругликовой. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. – 142 с.

25. Шалькевич, И. А. Тактика допроса судебного эксперта // Традиции и перспективы развития криминалистической тактики: материалы круглого стола с международным участием (13 апреля 2017 года, г.Минск) / В. Б. Шабанов, А. А. Абдурахманов, Е. П. Орехова. – Минск: БГУ, 2017. – 104 с.

УДК 343.98

**ИНТЕГРАТИВНАЯ МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ ЧАСТНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ
МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ**

© Е.Е. Космодемьянская

Сибирский юридический институт МВД России

На актуальность разработки эффективных мер противодействия наркопреступности мы неоднократно обращали внимание в наших более ранних исследованиях, аргументируя это значительным количеством наркопреступлений в общей структуре преступности. А средством повышения эффективности их расследования могла бы явиться алгоритмизация этого процесса с учетом типовых следственных ситуаций [3].

В целом же, вопросами повышения эффективности методик расследования преступлений, их отдельных видов и групп в настоящее время занимается значительное количество ученых-криминалистов. Их разработки сводятся к идее криминалистической алгоритмизации и программирования расследования.

В частности, профессор А.С. Шаталов утверждает, «что разрабатываемые в рамках криминалистической методики научные положения и практические рекомендации должны содержать типичные аргументы для принятия промежуточных и итоговых решений по уголовным делам, представляя собой постоянно пополняемый комплекс криминалистических алгоритмов и программ, из которых должна формироваться оптимальная технология досудебного и судебного производства по тому или иному уголовному делу» [8].

Напомним, что более 10 лет назад идею о принципиальной возможности типизации процесса расследования выдвинул доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный член Международной академии наук Высшей школы В.Е. Корноухов. В частности, речь шла о типизации ситуаций расследования, а именно о том, что «в процессе научного исследования происходит сбор эмпирического материала по определенной процедуре. При этом изучению подвергается каждое уголовное дело и при обобщении из отдельного вычленяется то общее, что присуще всем уголовным делам по тому или иному виду преступлений (в том числе и производству отдельных следственных действий). И это не простой процесс, потому что в каждом уголовном деле в единстве находится как общее, так и особенное, единичное. Посредством

выделения общего, характеризующего поисково-познавательные процессы, обозначается закономерное, т.е. повторяемость процесса, в том числе фактических ситуаций, которые в дальнейшем и образуют содержание типовой методики. В то же время ситуации, которые возникают при расследовании конкретного уголовного преступления, могут полностью совпадать с типовой или вообще от нее отличаться. Однако при расследовании чаще всего сталкиваются с теми ситуациями, которые повторяют типовую, отличаясь от нее в каких-либо чертах. Следовательно, ситуации, возникающие при расследовании конкретного преступления, можно назвать реальными, которые, как вытекает из вышесказанного, в большинстве случаев являются атипичными. Поэтому следователь при расследовании конкретного преступления в реальной атипичной ситуации распознает типовую, определяя затем типовой способ действия» [2].

В теории, представленной В.Е. Корноуховым, подчеркивается, что для предмета методики расследования преступлений приоритетными являются закономерности объединения групп преступлений не по уголовно-правовому критерию, а по криминалистическому, в качестве которого выступает «механизм совершения преступления» [2].

Эти идеи находят отражение и в современных авторских подходах, согласно которым, «именно обобщение и систематизация специфических признаков, характеризующих механизм совершения определенных категорий смежных преступлений, выявление общих черт, взаимозависимостей является одним из ключевых моментов разработки объединенной (групповой, базовой и т.п.) криминалистической методики. Объединенная (групповая, базовая и т.д.) криминалистическая методика расследования предназначена для того, чтобы предложить добротные и эффективные криминалистические рекомендации по расследованию любых входящих в данную группу преступлений независимо от квалификации конкретного деяния...» [1].

Как видно из вышеизложенного, одним из направлений модернизации частных криминалистических методик расследования является «конкретизация их структуры посредством разработки криминалистических алгоритмов и программ расследования для эффективного управления следственными ситуациями» [8].

Представляется, что не является исключением из этого и методика по расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, поскольку в данную группу входит значительное количество составов, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 228-234 УК РФ.

Также следует согласиться с позицией ученых о том, что «... должна осуществляться разработка универсальных криминалистических рекомендаций нового поколения, специально предназначенных для управления следственными

ситуациями при расследовании преступлений. На основе изучения закономерностей их деятельности и обобщения передового опыта можно выделить оптимальную последовательность действий субъектов расследования в типичных следственных ситуациях с тем, чтобы изложить ее для дальнейшего использования в виде криминалистических алгоритмов и программ расследования» [7].

В контексте вышеизложенного целесообразной представляется разработка объединенной (интегративной) криминалистической методики расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, неотъемлемыми структурными элементами которой должны стать системы типовых тактических задач, типовых следственных ситуаций и порождаемых ими алгоритмов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В связи с этим нами был проведен анализ типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании большинства составов, входящих в группу наркопреступлений, что позволило говорить об их повторяемости, сходстве, общности. Для каждой из ситуаций на основе анализа материалов практики расследования предлагаются алгоритмы процессуальных и иных действий.

В качестве таких универсальных следственных ситуаций мы выделили следующие:

1) задержание лиц *в результате* предварительно осуществленной *оперативно-розыскной деятельности*;

2) обнаружение наркотических средств при *случайном* задержании лиц по факту незаконных действий с наркотиками;

3) задержание лиц *по информации граждан, должностных лиц* (наиболее характерна для краж, вымогательств наркотических средств и психотропных веществ, притоносодержательства, незаконного культивирования наркосодержащих растений);

4) установление фактов незаконного оборота наркотиков *в ходе расследования уголовных дел о других преступлениях* [4].

Поскольку указанные ситуации являются типичными для данной категории преступлений, именно от них будут зависеть алгоритмы следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ), направленные на решение тактических задач расследования.

Так, при поступлении материалов о результатах ОРД к следователю, главная задача последнего заключается в оценке допустимости собранных доказательств преступной деятельности. По результатам передачи материалов, собранных в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности, в соответствии с Инструкцией [6]. возможны следующие решения:

1) возбуждение уголовного дела по факту преступления, если его субъект неизвестен.

Далее реализуется следующий алгоритм следственных действий и ОРМ, направленных на установление этого лица:

- допросы всех возможных свидетелей;
- назначение и производство судебных экспертиз по обнаруженному веществу;
- выемки видеозаписей (в случае их наличия);
- запросы на предоставление информации по системе «Безопасный город» и последующий осмотр данных объектов;
- при установлении предполагаемого субъекта осуществляются следственные действия, направленные на доказывание его причастности к совершенному преступлению;

2) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного субъекта.

В этой ситуации будет реализовываться несколько иной алгоритм действий. Так, при возникновении второй типичной исходной ситуации – случайном задержании лица и обнаружении в ходе личного досмотра предположительно наркотического средства – составляется рапорт об обнаружении признаков преступления и проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ. Обнаруженное вещество направляется на исследование [5], либо назначается экспертиза наркотических средств и психотропных веществ (далее – НСИПВ).

При получении положительного результата исследования дело возбуждается в отношении конкретного лица и далее в зависимости от исходных данных о его личности порядок производства следственных действий может варьироваться: либо допрос данного лица и решение вопроса об избрании ему меры пресечения в порядке ст. 91 УПК РФ, либо производство обыска в его жилище в порядке ст. 165 УПК РФ, а затем производство его допроса.

В кратчайшие сроки необходимо проведение:

- освидетельствования данного лица либо получение образцов для сравнительного исследования для изъятия подногтевого содержимого, смывов с рук;
- получение образцов почерка (подписей);
- дактилоскопирование задержанного.

Все полученные объекты направляются на соответствующие экспертизы: криминалистическую НС и ПВ, дактилоскопическую (по упаковочному материалу), судебно-медицинскую экспертизу вещественных доказательств (по потожировому веществу), почерковедческую.

Целесообразно проведение осмотра места происшествия в порядке ст. 144 УПК РФ с участием задержанного для подтверждения места как элемента предмета доказывания.

Параллельно осуществляется направление запросов характеризующих материалов в наркологический, психоневрологический диспансеры и т.п.

Проводятся допросы свидетелей (сотрудников, проводивших задержание, осуществивших личный досмотр, понятых, участвовавших при изъятии вещества, иных лиц.

По изъятым в ходе обыска объектам назначаются необходимые экспертизы (компьютерно-техническая экспертиза и иные) для подтверждения факта и характера незаконных действий с наркотиками.

После получения заключений по результатам экспертиз рекомендуется производство осмотра всех объектов для предотвращения возможного противодействия со стороны заинтересованных лиц.

Также целесообразно производство проверки показаний на месте с участием подозреваемого для усиления доказательственной базы по таким элементам предмета доказывания, как место, время, характер действий и др.

Назначается судебно-психиатрическая экспертиза в отношении подозреваемого для решения вопросов о наличии (отсутствии) у лица, в отношении которого она производится, психического расстройства и расстройства поведения, связанного с употреблением психоактивных веществ.

На основании судебного решения осуществляется получение детализации телефонных переговоров для подтверждения времени, факта, умысла на незаконные действия с наркотиками.

Иные следственные действия проводятся при необходимости установления иных обстоятельств (очные ставки, предъявление для опознания и т.п.).

На основе полученных доказательств делается вывод о конкретном способе незаконного оборота наркотиков, времени, месте, умысле лица, то есть осуществляется окончательная квалификация деяния.

После составления обвинительного заключения проводятся допрос обвиняемого и при необходимости иные процессуальные действия, направленные на окончание расследования (например, наложение ареста на имущество для обеспечения последующей его конфискации в порядке ст.104.1 УК РФ) и устранение противодействия в случае оказания такового (с учетом положений ст. 217 УПК РФ).

В ситуации поступления информации от граждан или должностных лиц о фактах незаконного оборота наркотиков проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ либо эти данные используются как источник информации для осуществления оперативно-розыскной деятельности.

При использовании этих данных как источника информации для осуществления ОРД реализуется описанный выше алгоритм действий – возбуждение

уголовного дела по факту преступления, если его субъект неизвестен, и тогда проводятся следственные действия и ОРМ, направленные на установление лица.

В ситуации обнаружения факта незаконного оборота наркотиков по материалам расследования по другому уголовному делу возможны также два варианта:

1) выделение материалов в отношении конкретного лица, его задержание и реализация алгоритма действий, как в ситуации обнаружения наркотических средств в ходе личного досмотра;

2) выделение материалов в отношении неустановленного лица и реализация алгоритма действий, направленных на поиск преступника, описанный ранее.

Как видим, алгоритмы процессуальных и иных действий зависят от конкретной исходной следственной ситуации, и обусловлены наличием информации о субъекте и ее источником.

Итак, подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что алгоритмизация процесса расследования, в целом, позволяет управлять следственными ситуациями, а объединенная (интегративная) методика расследования наркопреступлений, в частности, может дать надежные криминалистические рекомендации по расследованию любых видов преступлений, входящих в данную группу, что позволяет надеяться на повышение эффективности методики их расследования. Это, в свою очередь, позволит субъекту расследования «осуществлять последовательные операции по конкретной схеме, представленной криминалистическим алгоритмом или программой расследования» [7], что и предлагается автоматами.

Список использованных источников:

1. Варданян А. В., Кулешов Р. В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик / А. В. Варданян, Р. В. Кулешов // Отрасли права. Аналитический портал [Электронный ресурс]. – URL: <http://xn--7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/18357> (дата обращения 12.09.2019).

2. Корноухов, В. Е. К теоретическим основам расследования преступлений: понятие и виды ситуации / В. Е. Корноухов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2007. – № 1 (2). – С. 73-80.

3. Космодемьянская, Е. Е. Теоретические и практические аспекты интегративной методики расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: к постановке проблемы [Электронный ресурс]. / Е. Е. Космодемьянская // NovaUm.Ru, 2018. – № 15. – С. 241-244. – URL: <http://novaum.ru/public/p890>.

4. Космодемьянская, Е. Е., Прейс, Н. Г. Типовые следственные ситуации как элемент интегративной методики расследования преступлений в сфере

незаконного оборота наркотиков и возможные алгоритмы действий в каждой из них (по материалам судебной и следственной практики) / Е. Е. Космодемьянская, Н. Г. Прейс // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (34). – С. 42-48.

5. О повышении эффективности экспертно-криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. : Приказ МВД России от 01.06.1993 № 261 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/>.

6. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс].: Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/>.

7. Шаталов, А. С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики / А. С. Шаталов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – №2. – С. 155-172.

8. Шаталов, А. С. Вопросы модернизации частных криминалистических методик расследования преступлений / А. С. Шаталов // Вестник ТГУ. Право. – 2016. – №1 (19). – С. 64-77.

УДК 343

О СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

© И.Т. Кривошеин

Томский государственный университет

История становления и развития криминалистики, научно-криминалистических знаний о расследовании преступлений представляет собой сложную событийную картину, переплетение философского, научного теоретического и практического знаний научная систематизация которого является не простой задачей. Стратегия развития научного познания является для всякой науки актуальной

задачей. Стратегия олицетворяет глубинную сущность науки. Невидимая, неоощуемая, не имеющая сколь-нибудь приметной познавательной формы, она тем не менее, служит показателем развития науки, ее адекватности познавательным тенденциям, удерживающим научное познание от сползания к повседневной событийности в череде которых размываются, стираются, теряются перспективные грани развития. Повседневная бытийственность служит отражением значимой практической актуальности, ситуативной доступности, однако за этим стоят процессы интеллектуального обнищания науки, это опасность, необходимость преодоления влияния которой является самой сложной научно-познавательной задачей в криминалистике.

Стратегия развития криминалистики – это не развитие научно-понятийного аппарата, столь необходимой самостоятельности и самодостаточности. Это развитие фундаментальной конкурентоспособности, удерживающей криминалистику на уровне адекватном мировым научным стандартам.

Предпосылки ответа на вопрос о том куда должна двигаться отечественная криминалистика коренятся не в столь далекой истории криминалистики, когда ищущая мысль оказалась под влиянием диалектического материализма. Однако диалектический материализм, оказавшийся на исторической обочине, обусловил возникновение в криминалистике познавательный, мировоззренческий и методологический кризис. Криминалистика, лишившись привычного теоретико-методологического инструмента, осталась с тем историческим материалом, который она получила еще от Ганса Гросса.

Ганс Гросс, жизнедействовавший в интеллектуальной атмосфере Западной Европы, руководствуясь прочно укрепившимся в культуре мысли натуралистическим миропониманием, подсказывал познающему субъекту, что познание действительности должно быть подчинено правилу «так как оно есть». Следование этому правилу обеспечивало объективность познания. Натуралистический познавательный подход, перешедший в советскую криминалистику, долгие десятилетия служил ее исходным познавательным основанием. Однако, несмотря на научно-познавательную привлекательность названного правила, длительность применения в теории и практике Гроссовская модель утрачивает свое познавательное значение в современной отечественной криминалистике.

С приходом в советскую криминалистику диалектического материализма в научном познании появилось новое правило: всей советской науке, в том числе и криминалистике следовало безоговорочно вырабатывать «должное знание», т.е. в соответствии с положениями диалектического материализма, коммунистического мировоззрения, все попытки каким-то образом преодолеть преграды решительно пресекались. В условиях существования преднаучного натуралистического

миропонимания, в условиях тождественности научного знания неким строгим правилам коммунистического мировоззрения было бы наивно полагать, что в контексте сказанного могло быть выстроено здоровое, живое знание, по сути дела вырабатываемое знание представлено в криминалистике констатирующим, т.е. достигнутым уровнем знания и проблемным, сконструированным на эмпирических связях, эмпирических зависимостях, возникающих из той или иной бытийственной ситуации. Натурализм и коммунистическое мировоззрение смогли инспирировать лишь локальное ситуационное миропонимание, подкрепляемое незатейливыми эмпирическими связями, повторами, из которых криминалистика старательно конструировала предметно-содержательную основу. При этом сохраняющаяся неустойчивость, неопределенность научно-криминалистического знания, его высокая критикуемость, недостаточный уровень самодостаточности и самовоспроизводимости указывают на необходимость поиска и определения стратегии развития криминалистики.

Стратегия развития криминалистики это не просто некая техническая операция, она подразумевает исходное начало. В качестве такового служит идея Единенности и Цельности мысли и жизни, постижение гармонии мысли и жизни, постижение Единенности и Цельности мира не только биологической природы человека, но и духовной природы. Только в этой Единенности и Цельности лежит возможность постижения внутреннего мира человека. Человек есть мера мира и исходной загадочности, событийной непредсказуемости. В результате мысль живет в мире следствий, причин которых не знаем, ибо находятся они где-то вне нашего восприятия. В мире более тонком, чем грубая земная материальность. Наука изучает следствия, а изучая следствия, никогда не познаешь причин. Появление в криминалистике новых научных открытий, как правило, сменяется тревогой и критикуемостью от непредсказуемости последствий, что рождает все новые вопросы. Совершенствование культуры мысли, постижение того, что есть миромысле сегодня – одна из острейших цивилизационных проблем. Нарастая лавинообразно, она стремительно несет нас в неизвестность, оставляя по одну сторону человека, по другую сторону тревоги и сомнения. Эта загадочная сущность обрела не только безграничную власть в человеческом обществе, но и в научном познании, о чем свидетельствует вся история развития криминалистики.

Отыскать в историческом, в информационном потоке стратегически значимые линии задача задач. Обозначим лишь одну линию. Вся история криминалистики свидетельствует о том, что мысль постоянно была устремлена к поиску и созданию прочной практически и познавательно значимой основы. Накопленный криминалистикой практический и интеллектуальный опыт служит предпосылкой и условием *Фундаментализации* криминалистики. Фундаментализация есть одна

из стратегически значимых познавательных граней, к которой все стягивается, группируется, систематизируется постигается идея гармонии мысли и жизни.

Идея гармонии мысли и жизни, Единенность и Цельность естественно-биологической и духовной природы человека есть путь познавательного продвижения к постижению гуманистической природы криминалистики. Криминалистика – это наука о человеке и для человека, наука о пространстве смыслов, о человеческой причинности и человеческой истине. Криминалистическая техника, криминалистическая тактика, криминалистическая методика, где человек предстает в механизме обездвиженных законов формальной логики в пространстве которого человек предстает в качестве объекта, встроенного в механизм объектно-причинных связей. *Гуманизация* криминалистики это непереносимое условие стратегии развития криминалистики, формирования фундаментализации Идея гармонии мысли и жизни обретет реальный познавательный контур лишь фундируясь в адекватной природе человека *витальной* методологии. *Витальная методология*, краеугольный камень познания человека, его духовной природы, внутреннего мира, жизнестойкости, созидания гармонии мысли и жизни.

Таким образом, органическая Единенность и Цельность стратегии развития криминалистики задается исходной идеей гармонии мысли и жизни, пространство которых служит источником знаний о *фундаментализации, гуманизации и методологизации* криминалистики.

УДК 343.13

НОРМЫ МОДЕЛЬНОГО УПК СНГ КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА С ОГРАНИЧЕННЫМИ КОГНИТИВНЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ

© С.М. Курбатова

Красноярский государственный аграрный университет

Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ (далее по тексту – МУПК) [1], принятый на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств (СНГ) 17 февраля 1996 года, заменил действовавшие ранее Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, ориентируя политику этих государств по выработке национального уголовно-процессуального законодательства на сближение и гармонизацию. И хотя, в отличие от Основ, МУПК имеет статус рекомендательного законодательного акта [4], тем не менее, ряд

положений, касающихся защиты прав человека, закрепленных в данном документе еще в 1996 г., заслуживают внимания и современного законодателя, тем более, что одной из двух указанных целей его разработки является обеспечение единства в построении национальных уголовно-процессуальных кодексов государств-участников, основанных на высоких правовых стандартах защищенности прав личности [6].

В данном контексте хотелось бы остановиться на вопросе отражения современного понимания социальной сущности государства [5], которая представляет собой не только социальную защиту «слабых» категорий лиц (по медицинским, физическим, возрастным и иным показателям), представляющую узкий подход к пониманию сущности социального государства, но и обеспечение возможности участия лиц из числа данных категорий, при соблюдении определенных условий, в соответствующих правоотношениях, в том числе посредством предоставления им дополнительных правовых гарантий [10].

Во многом данному процессу способствовало появление когнитивного направления в науке, получившее широкое распространение на Западе. Оно основано на понимании важности и значимости когнитивных функций для каждого человека.

Когнитивные функции – это способности, которые связаны с деятельностью человеческого мозга, и которые определяют его адекватные возможности оценивать и воспринимать окружающую действительность и руководить своими действиями. Соответственно, если когнитивные функции нарушаются, то страдает качество данных процессов, что может выражаться в когнитивных расстройствах, влияющих на всю жизнь человека, сказываясь в его разных сферах: от простых бытовых до социальных и профессиональных [11]. А это оказывает влияние на возможность лица, участвующего в уголовном процессе, реализовывать свои права и обязанности в полном объеме. В результате возникает закономерный вопрос о соблюдении прав человека, которые в настоящее время являются одним из краеугольных правовых институтов как на международном, так и на национальных уровнях.

Использование когнитивного подхода в юриспруденции [8], и особенно в ее сферах императивно-правового регулирования, в частности, в уголовно-процессуальном законодательстве, способствовало бы более правильному пониманию специфики статуса любого лица, являющегося участником правоотношений; и особенно – если это лицо имеет ограниченные когнитивные способности.

Так, согласно ч.2 ст. 120 МУПК, в качестве свидетелей не вызываются лица, которые в силу малолетнего возраста, физических или психических недостатков не могут правильно воспринимать и воспроизводить обстоятельства,

подлежащие установлению по уголовному делу. В статье 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Свидетель») нормы, которая бы хоть как-то отражала данный призыв МУПК, не содержится.

Статья 121 МУПК закрепляет правовые аспекты участия законного представителя свидетеля в следственных и других процессуальных действиях. В частности, «законный представитель свидетеля, не достигшего возраста 14 лет, а с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, и более старшего возраста, вправе знать о вызовах представляемого лица в орган, ведущий уголовный процесс, и участвовать в следственных и других процессуальных действиях, сопровождая представляемое лицо» [1]. (и далее МУПК содержит перечень прав и обязанностей данного участника). В Уголовно-процессуальном же кодексе Российской Федерации как самостоятельный участник уголовного процесса «законный представитель несовершеннолетнего свидетеля» отсутствует вообще, не говоря уже о каких-либо его правах и обязанностях. В гл. 7 УПК РФ («Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты») в качестве самостоятельного участника выделен «законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого» (ст. 48), однако сама статья 48, которая так и называется, и в которой и должен был быть раскрыт правовой статус данного участника, не содержит ничего, кроме фразы о том, что по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители в порядке, установленном УПК РФ. Хотя, следует отметить, что далее, в ст. 426 и 428 УПК РФ определяется участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в ходе досудебного производства и в судебном заседании – соответственно. Но это уже нормы Особой части УПК.

Статья 122 МУПК, исходя из общепризнанного международным сообществом права на получение юридической помощи [7], регулирует вопросы участие уже просто представителя свидетеля в следственных и других процессуальных действиях (под ним понимается адвокат), одной из обязанностью которого является напоминать свидетелю его права и обращать внимание лица, производящего следственное или другое процессуальное действие, на нарушение им закона. В российском же УПК в разделе II («Участники уголовного судопроизводства») представители, как участники уголовного процесса, есть у потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя (ст. 45) и у гражданского ответчика (ст. 54), но и то их правовой статус практически не раскрыт.

Особого внимания заслуживает ст. 139 МУПК – «Разъяснение прав и обязанностей, обеспечение возможности их осуществления лицам, участвующим в производстве по уголовному делу», в части первой которой закреплено: «Каждое

лицо, участвующее в уголовном судопроизводстве, имеет право знать свои права и обязанности, правовые последствия избранной им позиции, а также понимать значение происходящих с его участием процессуальных действий и содержание данных ему для ознакомления документов» [1], а в других ее частях прописан механизм реализации данного положения. Так, на орган, осуществляющем производство по уголовному делу на соответствующем его этапе, возлагается обязанность как разъяснять каждому лицу, которое привлекается к участию в производстве по уголовному делу, его права и обязанности, так и обеспечивать возможность их осуществления в порядке, предусмотренном МУПК. Причем разъяснить необходимо до начала производства процессуального действия с его участием и до выражения им какой-либо позиции в качестве участника процесса. При этом прямо сказано, что просто вручение лицу памятки, где были бы перечислены его права и обязанности, не означает исполнение данной обязанности со стороны соответствующего органа: если у участника процессуальных действий имеется соответствующая просьба, то данный орган должен именно что разъяснить их.

В МУПК также прописано, что суд обязан разъяснять участнику процесса, явившемуся в заседание суда, его права и обязанности независимо от того, были ли они разъяснены в ходе досудебного производства по уголовному делу. И, что очень важно, и на что хотелось бы обратить особое внимание: «Права и обязанности должны разъясняться с учетом уровня развития лица, его житейского опыта, образования и других существенных обстоятельств. Орган, ведущий уголовный процесс, обязан повторно разъяснить лицу, участвующему в уголовном судопроизводстве, его права и обязанности по просьбе этого лица» (ч.6).

Как результат, далее, при регулировании в ст. 148 показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля как вида доказательств, МУПК императивно определяет, что «Не может придаваться доказательственного значения показаниям лица, которое: было признано не способным в соответствующий момент правильно воспринимать или воспроизводить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела» (п.1 ч. 6), равно как и то, что не могут использоваться в качестве доказательств сообщения лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетелей (ч.7).

В российском УПК такой нормы нет; в ст. 75 УПК РФ, где говорится о недопустимости доказательств, сделан просто общий акцент на нарушение требований данного кодекса при их получении для признания их таковыми. В главе же 51 УПК РФ («Производство о применении принудительных мер медицинского характера»), имеется ч.1 ст. 437, где закреплено, что лицу, в отношении которого ведется такое производство, должно быть предоставлено право лично осуществлять принадлежащие ему процессуальные права, предусмотренные ст. ст. 46

(«Подозреваемый») и 47 («Обвиняемый»), если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права, с учетом заключения экспертов, участвующих в производстве судебно-психиатрической экспертизы, и при необходимости – медицинского заключения медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. Однако, как таковой, статус участника «лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера» не раскрыт, равно как и положения данной нормы, которые требуют конкретизации и уточнения для правильного применения на практике.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации реализован целый ряд идей международных правовых документов по защите прав человека, УПК РФ содержит в себе многие положения, касающиеся закрепления гарантий по их реализации в уголовно-процессуальной сфере, и проявляет внимание к некоторым категориям лиц, нуждающимся в особой защите со стороны государства. Речь идет о несовершеннолетних [9], международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства с участием которых во многом реализованы в нормах УПК РФ [3], и о лицах, совершивших преступное деяние в состоянии невменяемости или же с психическим расстройством, наступившим уже после его совершения. Так, производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых посвящена гл. 50 УПК РФ, в ст. 191 УПК РФ частично прописана специфика участия в отдельных процессуальных действиях несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, а в гл. 51 УПК РФ закреплены особенности производства о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение (но не особенности их правового статуса).

Необходим более четкий и последовательный механизм отражения перехода на новый этап в современном понимании прав человека на национальном уровне, для чего нужно законодательно отражать специфику правового статуса лиц, участвующих в тех или иных правоотношениях, в частности – уголовно-процессуальных, учитывая их специфику и неоднозначность воздействия на неподготовленных лиц, вовлекаемых в них.

Таким образом, считаем необходимым:

- учитывать современное понимание сущности социального государства в контексте использования когнитивного подхода;
- отразить когнитивный подход в российском уголовно-процессуальном законодательстве при определении правового статуса участников уголовного

процесса, для чего взять за основу нормы международного права, в том числе – Модельного УПК СНГ;

- законодательно закрепить дополнительные гарантии правового статуса участникам уголовного судопроизводства из числа лиц, имеющих ограниченные когнитивные способности, для обеспечения им возможности в полном объеме реализовывать свои права и обязанности участников уголовного процесса, для чего необходимо проведение соответствующего углубленного исследования данного вопроса.

Список использованных источников:

1. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. № 7-6 «О модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств». – URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/mdogov/megd3590.htm> (дата доступа 12.09.2019).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://consultant.ru>.

3. Бертовский, Л. В. Международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних и их реализация в современном российском уголовном процессе / Л. В. Бертовский, В. Н. Билян // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т.7. – № 10А. – С. 12-21.

4. Еникеев, З. Д. Проблемы гармонизации уголовно-процессуального законодательства стран СНГ [Электронный ресурс]. / З. Д. Еникеев. – URL: <http://naukarus.com/problemy-garmonizatsii-ugolovno-protseussualnogo-zakonodatelstva-stran-sng> (дата обращения 12.09.2019).

5. Керимов, Д. А. Социальное государство [Электронный ресурс]. // Право и образование, 2007. – URL: <http://naukarus.com/sotsialnoe-gosudarstvo> (дата обращения 12.09.2019).

6. Приложение 2 «Концепция Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ» к Постановлению Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 14 февраля 1995 г. «О Программном комитете и рабочих группах по созданию модельных уголовного и уголовно – процессуального кодексов для государств – участников СНГ» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.busel.org/texts/cat9ut/id5cwcyed.htm> (дата доступа 12.09.2019).

7. Машкина, А. Ю. Право на юридическую помощь в международном измерении / А. Ю. Машкина // Вестник ИрГТУ. – 2007. – № 1 (29). – С. 249 – 251.

8. Медушевский, А. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности / А. Медушевский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 5 (84). – С. 30 – 43.

9. Трашкова, С. М. Международно-правовое регулирование как гарантия реализации правового статуса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в уголовном процессе / С. М. Трашкова // Казанская наука. – 2015. – № 5. – С. 124-127.

10. Шапошников, С. П. Социальное государство: теоретико-правовая модель: дисс. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук [Электронный ресурс]. / С. П. Шапошников. – СПб., 2010. – URL <https://www.disserscat.com/content/sotsialnoe-gosudarstvo> (дата обращения 12.09.2019).

11. URL : <https://psihter.ru/teoriya/kognitivnyie-funktsii/> (дата обращения 12.09.2019).

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИАГНОСТИКИ КОНФЛИКТОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

© Н.Ю. Лебедев

*Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации*

Для всестороннего исследования возникающих в ходе предварительного расследования конфликтов с целью выработки научно обоснованных рекомендаций по их нейтрализации необходимо выделить и проанализировать все элементы, составляющие их структуру. Разработка практических рекомендаций по разрешению и управлению конфликтами требует проведения их всесторонней диагностики, получения знаний о субъектах противоборствующих сторон, причинах разногласий, характере и степени противоречий, составления прогноза развития конфликта.

Субъект, осуществляющий поисково-познавательную деятельность в сфере уголовного судопроизводства, должен уметь диагностировать предконфликтную ситуацию, обладать знаниями о генезисе конфликтных ситуаций, знать возможные способы их разрешения [5, с. 114-115].

Следует согласиться с А. В. Дмитриевым, что своевременное глубокое и профессиональное исследование содержания конфликтной ситуации и целей, преследуемых конфликтующими сторонами на ранних стадиях, пока противоречие не перешло в насилие, позволит правоохранительным органам не только предугадать динамику его развития, но и предпринять действия по его локализации. Практика работы многих стран с конфликтами, с профилактикой насильственных действий "бытового" и "уличного" характера начинается с анализа ситуации, в которой сосредоточены затяжные конфликты [3, с. 236].

В своей работе Е. Р. Россинская подчеркивает не только важность криминалистической диагностики, но и обозначает ее основы, которые «составляют:

- возможность познания события по его отображению;
- закономерность возникновения криминалистически значимой информации;
- данные криминалистики о типичных моделях отражения;
- методы и методики криминалистического диагностирования» [8, с. 36-38].

Как справедливо отмечает О. В. Полстовалов, диагностике необходимо подвергать не только саму ситуацию взаимодействия, формирующегося между лицами, участвующими в следственном действии, но и вероятностное поведение опознаваемого, обыскиваемого, допрашиваемого и др [7, с. 62].

Следует согласиться с мнением О. Я. Баева, представляющего криминалистическую диагностику как «распознавание, осуществляемое криминалистическими средствами, на двух уровнях: установления групповой (видовой) принадлежности исследуемого объекта и выделения особенностей объекта, принадлежащего, как это установлено на предыдущем уровне распознавания, к той или иной группе или виду объектов» [1, с. 88.].

В своем научном исследовании, которое связано с использованием при подготовке к следственному действию специальных логико-психологических методов, Г. А. Зорин приходит к выводу об эффективности использования при диагностике таких приемов, как «анализ через синтез» и «интерпретация» [4, с. 13]. При использовании в процессе производства по уголовному делу первого приема конфликт (в силу включения в новые связи) сам начинает выступать в новых качествах и проявляет новое содержание и свойства.

А используя прием интерпретации, лицо, в производстве которого находится уголовное дело, выявляет неопределенности конфликтной ситуации, ищет недостающие части, постоянно перекодирует имеющуюся у него информацию до тех пор, пока ее скрытые формы и структуры не станут доступными для восприятия и не позволят выбрать правильный способ ее разрешения.

Для диагностики конфликтов предварительного расследования предлагаем использовать широко применяемые при проведении различных исследований методы, разработанные другими отраслями знаний.

В широком смысле «метод» – это способ подхода к реальности, способ постижения, исследования, изучения явлений естества и социального существования, способ разрешения поставленных задач и достижения выдвинутых целей [2, с. 330].

Наибольшего эффекта в диагностировании рассматриваемых конфликтов на практике можно достичь, используя частные методы исследования, так как они представляют собой систему определенных рекомендаций, правил, приемов по познанию определенных объектов, обстоятельств, предметов и совокупности сведений. Учитывая, что все приемы, правила и рекомендации являются обобщенным выражением практики проводимых исследований, включая также и апробированные практикой теоретические положения [2, с. 330], при таком изучении происходит как чувственное, так и рациональное познание конфликтов, формирующихся в ходе расследования и раскрытия преступления.

Рассмотрим такие методы диагностирования как наблюдение, социометрию, изучение документов, опрос и тестирование. В зависимости от специфики конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования, частные методы познания приобретают те или иные характерные черты.

Наблюдение предполагает непосредственное восприятие конфликта предварительного расследования.

Наблюдение, как систематическое целенаправленное непосредственное восприятие предмета или явления, широко применяется в криминалистике.

И. Ф. Пантелеев пишет, что метод наблюдения может использоваться при достижении различных целей, научных и практических, при исследовании и научном анализе эмпирического материала, в экспертных исследованиях, в ходе проведения предварительного расследования и оперативного сопровождения [6, с. 42-43].

С одной стороны, лицо, осуществляющее предварительное расследование, может наблюдать конфликты, происходящие между другими участниками предварительного расследования, анализировать причины, породившие конфликт, глубину противоречий между сторонами, изучать личностные качества конфликтующих субъектов. Такие конфликты чаще всего возникают между потерпевшим и обвиняемым, двумя обвиняемыми, двумя потерпевшими, свидетелями, защитником и обвиняемым или потерпевшим. Особенностью этих конфликтов является то, что противоборствующие участники расследуемого преступления обладают правовой самостоятельностью и характеризуются отсутствием иерархии взаимоотношений, подчиненности одной стороны конфликта другой.

Следователь в таких конфликтах выступает в роли не только наблюдателя, но и конфликтолога. Его задача – проанализировать все структурные элементы происходящего конфликтного столкновения и, используя правовые методы воздействия на лиц, участвующих в производстве по уголовному делу (разъяснение прав и обязанностей, применение мер уголовно-процессуального принуждения и т.д.), а также разработанные криминалистами и психологами тактические приемы проведения следственных и иных процессуальных действий, урегулировать возникшие разногласия. В случае прогнозирования позитивных последствий, которые будут способствовать достижению задач предварительного расследования, лицо, в производстве которого находится уголовное дело, должно не только пассивно наблюдать за процессом столкновения сторон, но и взять под свой контроль динамику развития конфликта, а при необходимости поддерживать и даже усиливать конфликтное взаимоотношение. Как отмечалось выше, по мнению респондентов, такие конфликты составляют 10-15%.

С другой стороны, следователь, как инициатор всех следственных и иных процессуальных действий, проводимых при производстве по уголовному делу, является их обязательным участником и, соответственно, непосредственно воспринимает все возникающие конфликты. В данном случае можно выделить конфликты между следователем и обвиняемым, следователем и потерпевшим, следователем и свидетелем, следователем и сотрудником подразделения уголовного розыска, следователем и прокурором.

Особенностью указанных конфликтов является то, что одна из сторон конфликтных взаимоотношений по отношению к другой всегда находится в определенном подчинении, один из субъектов обладает более высоким правовым положением и, следовательно, может отдавать распоряжения противоположной конфликтующей стороне, которые обязательны к исполнению.

Соответственно, с одной стороны, следователь, используя правовые методы, может урегулировать возникший конфликт, воспользовавшись властными полномочиями как процессуально самостоятельное лицо, в производстве которого находится уголовное дело. С другой – в определенных ситуациях он вынужден выполнять требования и указания прокурора и руководителя следственного органа.

Кроме того, в некоторых случаях для урегулирования или предотвращения конфликта следователь должен выполнить следственные и иные процессуальные действия, производство которых возможно только после получения согласия тех же лиц и судебного решения.

В качестве недостатка метода наблюдения можно выделить то, что лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, является в какой-то части

участником *конфликта предварительного расследования*, и в конкретно сложившейся следственной ситуации и следователь, и конфликт оказывают друг на друга взаимное влияние. Учитывая личностные качества следователя, его эмоциональное состояние, образовательный уровень и практический опыт, можно полагать, что полученные при использовании такого метода результаты несут на себе отпечаток личностной, субъективной оценки конфликта.

Метод социометрии предполагает изучение и прогнозирование возможности возникновения межличностных конфликтных взаимоотношений в малых группах. Социометрия позволяет определить отношение каждого субъекта правоотношений к окружающим.

На качество работоспособности людей, как известно, влияет их эмоциональное состояние, позитивный настрой на выполнение возложенных на них должностных обязанностей. В связи с этим следует подчеркнуть необходимость определения совместимости людей, выполняющих действия, направленные на достижение одной цели, или работающих в непосредственной близости друг от друга, например, в одном кабинете. Если люди, работающие в одной организации, негативно относятся друг к другу, то совместное их пребывание порождает раздражительность и вспыльчивость, несдержанность на любые внешние раздражители, что, в свою очередь, отрицательно влияет на результаты выполняемой ими работы.

Процесс расследования любого преступления является сильным раздражителем, поэтому обстановка, в которой приходится работать следователю, является очень важным критерием, влияющим на качество и время проведения расследования. Особое значение в данной ситуации имеет психологическая совместимость следователей, работающих в одном кабинете. Все опрошенные следователи и дознаватели отметили, что наличие «дружественных» (доброжелательных) отношений между работающими в одном кабинете является важным организационным моментом в их деятельности.

При проведении расследования преступления следственной группой, особенно с привлечением сотрудников уголовного розыска, несовместимость лиц, входящих в нее, приводит к возникновению конфликтных взаимоотношений, которые находят свое отражение в некачественном производстве следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, что, безусловно, приводит к затруднению, а порой и невозможности установления всех обстоятельств совершенного преступления.

В связи с этим хотелось бы отметить важность использования метода исследования «социометрия» на практике. После проведения соответствующих психологических тестов штатный психолог органов внутренних дел может

прогнозировать возможность возникновения напряженности, например, внутри конкретного следственного органа (подразделения), которая может перерасти в конфликт, и дать его руководителю определенные рекомендации для создания максимально благоприятной психологической обстановки внутри группы лиц, осуществляющих производство по уголовным делам (находящихся в одном кабинете). Дружественные отношения в коллективе порождают желание взаимовыручки, оказания друг другу помощи, способствуют обмену положительным опытом при проведении следственных действий и др.

Метод изучения документов в процессе исследования конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования, состоит в анализе материалов уголовных дел, протоколов допроса, очной ставки, обыска, выемки, постановлений об избрании мер процессуального принуждения и др. Данный метод позволяет по информации, зафиксированной в указанных документах, проанализировать причины возникновения противоречий между участниками предварительного расследования. Исследование протокола допроса позволяет получить информацию о профессиональном уровне следователя, о грамотности применения им тактических приемов и правильности поставленных вопросов, об умении войти в доверие и расположить к себе допрашиваемых, о возможности осуществлять бесконфликтный диалог.

Анализируя постановления об избрании мер процессуального принуждения, применяемых в ходе расследования преступления, можно получить информацию о том, действительно ли была необходимость в их применении. Лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, должно учитывать, что любое действие, ущемляющее права и свободы лиц, участвующих в следственных отношениях, вызывает с их стороны негативное отношение к лицу, его избравшему, которое со временем перерастает в конфликт.

Изучение документов позволяет ретроспективно восстановить события происходивших конфликтов и на основе полученных результатов разработать рекомендации для их разрешения. Опрошенные нами респонденты отметили, что каждый раз при принятии решения об избрании меры пресечения они подробно изучают не только материалы уголовного дела, но и другие документы, особенно характеризующие лицо, обвиняемое (подозреваемое) в совершении преступления, и могут свидетельствовать о возможности возникновения конфликтной следственной ситуации, т.е. на практике следователи неосознанно применяют элементы данного метода.

Опрос и тестирование являются одним из наиболее распространенных методов изучения конфликтов. Тесты-опросники, разработанные специалистами в области психологии, позволяют определить уровень конфликтности лиц,

участвующих в ходе предварительного расследования, и возможную стратегию поведения в конфликтах, прогнозировать их реакцию на конкретную следственную ситуацию, склонность к сотрудничеству или соперничеству. Позволяют изучить личностные качества конфликтующих сторон, склонность к агрессии, эмоциональной неуравновешенности и враждебности, тревожности и некоммуникабельности.

Данный метод дает весьма эффективные результаты для прогнозирования и принятия мер по разрешению конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования.

Использование в органах внутренних дел подобного тестирования проводится каждый раз при назначении на должность или переводе в другое подразделение, что позволяет максимально сократить возможность возникновения негативных взаимоотношений между сотрудниками.

Несомненно, исследование любого явления должно осуществляться комплексно. Комплексность исследования конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования, предполагает получение определенной базы знаний, позволяющей обрисовать всю совокупность закономерностей появления и динамики их развития, а также совокупность закономерностей деятельности лица, в производстве которого находится уголовное дело, по их прогнозированию, устранению причин и условий, способствующих их возникновению, при необходимости управлению и в конечном итоге разрешению.

Таким образом комплексное исследование *конфликтов предварительного расследования* можно определить как последовательное, непрерывное изучение противоречий, возникающих при производстве по уголовному делу, с целью разработки моделей возможного поведения участников уголовного судопроизводства и постоянного контроля над следственной ситуацией на любом этапе предварительного расследования.

Список использованных источников:

1. Баев, О. Я. Основы криминалистики: курс лекций / О. Я. Баев. – М.: Экзамен, 2001. – 288 с.
2. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики / Р. С. Белкин. – М.: Юристъ, 1997. – 408 с.
3. Дмитриев, А. В. Конфликтология: учебное пособие / А. В. Дмитриев. – М.: Альфа-М, 2003. – 336 с.

4. Зорин, Г. А. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. / Г. А. Зорин. – М., 1991. – 46 с.

5. Комиссаров, В. И. Тактика допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами лиц / В. И. Комиссаров, О. А. Лакаева. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 160 с.

6. Пантелеев, И. Ф. Криминалистика: учебник / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. – М.: Юрид. лит., 1993. – 592 с.

7. Полстовалов, О. В. Криминалистическая конфликтология: современные нравственные и психологические проблемы: монография / О. В. Полстовалов. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 152 с.

8. Россинская, Е. Р. Криминалистика. Вопросы и ответы: учебн. пособие для вузов / Е. Р. Россинская. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 351 с.; Россинская, Е. Р. Криминалистика / Е. Р. Россинская. – М.: Инфра-М, Норма, 2014. – 454 с.

УДК 343

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВАНИЙ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ

© **Н.Г. Логинова**

Сибирский федеральный университет

Одним из механизмов уголовного судопроизводства, направленного на восполнение недостатков и устранение нарушений, допущенных в досудебном производстве, является возвращение судом (судьей) уголовного дела прокурору. В случае выявления допущенных органами дознания или предварительного следствия процессуальных нарушений судьей (суд), осуществляя правосудие, может использовать предусмотренные законом средства по их устранению с целью восстановления нарушенных прав участников уголовного судопроизводства и создания оптимальных условий для рассмотрения дела по существу.

Системный анализ норм УПК РФ, отражающих возвращение судом уголовного дела прокурору, позволяет констатировать, что действующий закон в отличие от предыдущего наделяет суд полномочиями по возвращению уголовного дела прокурору не для дополнительного расследования, а лишь для устранения препятствий его рассмотрения (ч. 1 ст. 237 УПК РФ) [3, с. 33].

Таковыми препятствиями являются выявленные судом фактические обстоятельства, которые:

– во-первых, не позволяют суду рассмотреть и разрешить уголовное дело по существу;

– во-вторых, суд не может самостоятельно их устранить;

– в-третьих, исключают возможность принятия правосудного приговора либо иного законного и обоснованного решения.

По замыслу авторов Концепции судебной реформы предполагалось, что «получив уголовное дело, судья, как предполагается, изучает его только с точки зрения правильности составления обвинительного акта и наличия в деле необходимых материалов, не вдаваясь, однако, в содержание документов. Обнаружив формальные нарушения, судья отказывается принять дело к производству и возвращает его прокурору» [5]. На наш взгляд, имелось в виду, что обстоятельства, препятствующие рассмотрению уголовного дела, на основании которых оно могло быть возвращено судом прокурору, должны были носить исключительно «формальный» характер. Эта идея нашла свое отражение в ч. 1 ст. 237 УПК РФ, первоначальная редакция которой предусматривала лишь три правовых основания возвращения уголовного дела прокурору¹.

Однако уже на первоначальном этапе применения ст. 237 УПК РФ стало очевидно, что препятствия к рассмотрению уголовного дела судом не ограничиваются перечисленными обстоятельствами. В связи с чем возникла необходимость внесения изменений в УПК РФ, адекватных складывающимся ситуациям и обеспечивающих защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В 2003 г. первый заместитель Генерального прокурора РФ Ю.С. Бирюков отметил, что судьи, ссылаясь на положения п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, по-разному мотивируют и обосновывают свои решения о возвращении уголовного дела, а прокуроры, в свою очередь, также по-разному их исполняют. Практически по каждому субъекту Российской Федерации, имеют место случаи, когда суды, ссылаясь на п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, чтобы не выходить за пределы судебного разбирательства, возвращают дело прокурору, в неразрешимых, в рамках действующего

¹ К их числу закон относил случаи, когда: а) обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения или акта; б) копия обвинительного заключения или обвинительного акта не была вручена обвиняемому, за исключением случаев, если суд признает законным и обоснованным решение прокурора о направлении дела в суд без вручения копии обвинительного заключения (акта) обвиняемому, который не явился по вызову, отказался от получения копии или иным образом уклонился от ее получения; в) есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера.

уголовно-процессуального закона, ситуациях. Прокуроры, фактически направляющие дела на дополнительное расследование, нарушают требования ст.237 УПК РФ, так как в законе нет указаний на возможность направления дела на дополнительное расследование [2. с. 44-45].

Значимым для судебной практики явилось принятие Конституционным Судом РФ постановления от 8 декабря 2003 г. № 18-П [9], в котором отражены выводы о том, что положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ, по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм УПК РФ, не исключают правомочие суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, неустранимые в судебном производстве, если возвращение дела не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия. При этом ч. 1 ст. 237 УПК РФ была признана не противоречащей Конституции Российской Федерации.

В 2003 г. ч. 1 ст. 237 УПК РФ была дополнена п. 4 и п. 5, согласно которым у суда появилась возможность возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, если: имеются предусмотренные ст. 153 УПК РФ основания для соединения уголовных дел; при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ [6].

Так в ч. 1 ст. 237 УПК РФ получили закрепление пять оснований возвращения судом уголовного дела прокурору, а из содержания данной нормы следовало, что обстоятельства, препятствующие рассмотрению уголовного дела судом, носят характер процессуальных нарушений, допускаемых органами предварительного расследования в ходе досудебного производства по делу.

Из буквального толкования положений ч. 2 ст. 237 УПК РФ, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ [7], следовало, что законодатель все основания возвращения уголовного дела прокурору относил к числу нарушений уголовно-процессуального закона и устанавливал пятисуточный срок для их устранения.

Представителями Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации отмечалось, что «предусмотренные законом основания возвращения уголовного дела прокурору по своей сути неоднородны, что обусловлено характером обстоятельств, препятствующих рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу. Часть из них либо вообще не связана с нарушениями уголовно-процессуального закона, допущенными в

досудебном производстве по делу, либо может являться следствием таких нарушений только в определенных случаях...» [1, с. 22].

Это вытекает из содержания таких терминов как «нарушения уголовно-процессуального закона», «следственные ошибки», не являющимися тождественными, которым в юридической литературе уделено достаточно внимания. В общем виде нарушение уголовно-процессуального закона, допущенное в досудебном производстве по уголовному делу, может быть определено как несоблюдение должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование требований уголовно-процессуального закона.

Следственная ошибка – разновидность ошибки в правоприменении. Как и любой правоприменительной ошибке в сфере уголовного судопроизводства, следственной ошибке присущи определенные признаки. Она может представлять собой как неправомерное действие, так и бездействие и выражаться в нарушении норм уголовно-процессуального или уголовного права. Последствием ее являются имеющееся или потенциально возможное незаконное процессуальное решение, либо невынесение необходимого решения. Ошибка отражает сложную мотивацию поведения лица, ее допускающего, которая несет в себе отпечаток как субъективных [11, 65-68], так и объективных факторов, и может осуществляться как непреднамеренно, так и преднамеренно [12].

Однако этими изменениями законодатель не ограничился и Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [8]. ч. 1 ст. 237 была дополнена пунктом б, закрепившим в качестве основания возвращения уголовного дела прокурору если имеются обстоятельства для квалификации в более тяжком преступления (общественно опасном деянии). В части 1.3 этой же статьи указав что в этом случае суд обязан указать обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий как более тяжкого преступления (общественно опасного деяния). При этом суд не вправе указывать статью Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой деяние подлежит новой квалификации, а также делать выводы об оценке доказательств, о виновности обвиняемого, о совершении общественно опасного деяния лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера.

Таким образом, можно констатировать, что законодатель закрепил позицию Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения [10]. путем дополнения перечня случаев возвращения судом уголовного дела прокурору, и порядком, регламентирующим действия судьи, принявшего решение о возвращении дела по указанному основанию.

Относительно этих изменений В.В. Кальницкий и Т.В. Куряхова отмечают, что «...пункт б основан на тексте, неоднократно повторяющемся в описательно-мотивировочной и резолютивной частях Постановления Конституционного Суда РФ. В Постановлении № 16-П, в частности, говорится о возвращении дела для усиления обвинения применительно к случаям, когда «фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления, либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления» [4, с. 89-94].

Следовательно, исключительно к нарушениям уголовно-процессуального закона, бесспорно, могут быть отнесены лишь обстоятельства, указанные в п.п. 1, 2 и 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Препятствиями к разрешению судом уголовного дела и вынесению законного и обоснованного решения в указанных случаях являются выявленные в судебном заседании отступления от конкретных требований уголовно-процессуальных норм, предъявляемых к составлению процессуального документа по результатам предварительного расследования либо закрепляющих обязанность следователя и дознавателя разъяснить обвиняемому права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ при ознакомлении его с материалами уголовного дела, а также обязанность прокурора вручить обвиняемому копию утвержденного обвинительного заключения или обвинительного акта. Наряду с изложенным и в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, отраженной в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П, основанием возвращения уголовного дела прокурору в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ являются также и иные существенные нарушения закона, неустранимые в судебном заседании [9].

Таким образом, основания возвращения судом уголовного дела прокурору, предусмотренные п.п. 1, 2 и 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, объединяет то, что фактические обстоятельства возвращения судом уголовного дела по этим основаниям связаны с нарушениями уголовно-процессуального закона.

Основной чертой приведенных выше оснований является и то обстоятельство, что принятие решения в порядке ст. 237 УПК РФ в этих случаях предполагает устранение нарушений, связанных только с несоблюдением органами предварительного расследования и прокуратуры процедуры досудебного производства. Исходя из буквального толкования закона, выявленные процессуальные нарушения не должны касаться требований закона, закрепляющих порядок исследования и оценки обстоятельств уголовного дела и применения норм уголовного закона [1, с. 23].

Однако установление в судебном заседании обстоятельств, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, не всегда является следствием невыполнения органами предварительного расследования предписаний уголовно-процессуального закона, поскольку данные, свидетельствующие о том, что отпали основания применения к лицу, совершившему преступление, принудительных мер медицинского характера, могут возникнуть или стать известными после направления прокурором уголовного дела в суд.

Относительно выявления судом оснований для соединения уголовных дел в одно производство (п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ) следует отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 153 УПК РФ принятие такого процессуального решения при производстве предварительного расследования является правом полномочного должностного лица, следовательно, отказ от его реализации ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как нарушение требований уголовно-процессуального закона. Кроме этого, исходя из содержания принципа, закрепленного в ст. 6.1 УПК РФ о проведении судебного разбирательства в разумные сроки, целесообразность возвращения по данному основанию уголовного дела прокурору представляется весьма сомнительной. Кроме этого, дополнение главы 34 УПК РФ статьей 239.2 фактически обеспечило суду возможность при наличии оснований, предусмотренных УПК РФ и возникших после поступления уголовного дела в суд, по ходатайству стороны принять решение о соединении уголовных дел в одно производство. Однако указанное обстоятельство, наряду с нарушениями уголовно-процессуального закона, создает препятствия к рассмотрению уголовного дела, которые суд самостоятельно устранить не может, так как соединение возможно только по ходатайству одной из сторон.

Изложенные выше обстоятельства позволяют согласиться с мнением Т.Н. Бавевой, отметившей, что обозначенная в законе цель возвращения уголовного дела прокурору – устранение препятствий его рассмотрения судом – может быть достигнута только при условии, что выявленные обстоятельства, не позволяющие рассмотреть уголовное дело по существу, имеют характер преодолимых, то есть они могут быть фактически устранены прокурором и должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование. В противном случае их установление в судебном заседании влечет иные правовые последствия [1. с. 24].

Изложенные положения позволяют говорить о следующих признаках, характеризующих основания возвращения уголовного дела прокурору:

– они, по своей сути, неоднородны. Одни из них содержат указание на допущенные в досудебном производстве нарушения требований уголовно-процессуального закона, другие – на иные обстоятельства, не связанные с такими нарушениями;

– указанные обстоятельства независимо от их характера должны препятствовать рассмотрению уголовного дела, и, поскольку не могут быть устранены судом непосредственно в судебном заседании, – исключают возможность вынесения законного, обоснованного и справедливого решения;

– они должны быть преодолимыми, то есть могут быть фактически устранены органами предварительного расследования после возвращения уголовного дела прокурору.

Список использованных источников:

1. Баева, Т. Н. Возвращение судом уголовного дела прокурору в механизме обеспечения справедливого судебного разбирательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т. Н. Баева. – М., 2006. – 244 с.

2. Бирюков, Ю. С. Новое уголовно-процессуальное законодательство и практика прокурорского надзора / Ю. С. Бирюков // Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 44-45.

3. Зыкин, В. В. Необходимо восстановить институт возвращения судом уголовных дел для дополнительного расследования / В. В. Зыкин // Законность. – 2005. – № 8. – С. 33.

4. Кальницкий, В. В., Куряхова, Т. В. Дополнения ст. 237 УПК РФ и правовая позиция Конституционного Суда РФ / В. В. Кальницкий, Т. В. Куряхова // Уголовное право. – 2014. – № 6. – С. 89-94.

5. О концепции судебной реформы в РСФСР [Электронный ресурс]. : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

6. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. : Федеральный закон от 21 июня 2003 г. № 92-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. : Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

8. О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. : Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

9. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237 и др., а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан [Электронный ресурс]. : постановление Конституционного суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

10. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда [Электронный ресурс]. : Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

11. Профессиограмма сотрудников следственных и оперативных подразделений : отчет о НИР (заключ.) : 06-02 / рук. Н. В. Маслодудова ; исполн.: Н. Г. Логинова и др. – Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2013. – С. 65-68. Инв. № 02201451605.

12. Пучковская, М. Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М. Е. Пучковская – Томск, 2004. – 25 с.

УДК 343.1

ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ ПРАВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© Я.М. Плошкина

Сибирский федеральный университет

Сегодняшнюю жизнь сложно себе представить без сотовых телефонов, смартфонов, компьютеров, социальных сетей (Фейсбук, ВКонтакте, Инстаграм, Одноклассники и тд.), мессенджеров (WhatsApp, Viber, Telegram и др.), электронной почты и пр. Цифровая информация, хранящаяся в различных электронных устройствах, а также способы передачи ее по каналам электросвязи разнообразны и могут быть использованы как в законных, так и незаконных целях, например, для подготовки и организации преступлений, в том числе торговли наркотиками, оружием, совершения терактов, распространения детской порнографии. С развитием новых технологий государство и общество сталкиваются с дилеммой поиска баланса, с одной стороны, необходимости защиты цифровой информации

от противоправных посягательств, ее сохранности, а с другой, упрощения процедуры получения цифровой информации правоохранительными органами в целях предотвращения и расследования преступлений.

Поэтому неслучайно в июле 2016 года в России приняты два Федеральных закона (Федеральный закон от 6.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии терроризму“ и отдельные законодательные акты РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (далее – Закон № 374-ФЗ) и Федеральный закон от 6.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности») в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности. В СМИ законы получили название «законы Яровой» по фамилии депутата Государственной Думы ФС РФ, внесшей данные законопроекты.

Законы предусматривают расширение полномочий правоохранительных органов, которые получили возможность истребовать информацию у операторов сотовой связи (записи телефонных разговоров, СМС-сообщения и т.п.) в рамках рассмотрения сообщений о преступлениях (ст. ст. 2, 3, 4 Закона № 374-ФЗ).

Кроме того, были внесены изменения в телекоммуникационную область – операторы сотовой связи обязаны создавать базы данных, хранить на них записи телефонных разговоров и СМС-сообщений пользователей в специально созданных для этого дата-центрах и передавать данную информацию в силовые структуры по первому требованию. Организатор распространения информации в сети Интернет обязан хранить на территории РФ информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети Интернет и информацию об этих пользователях в течение одного года с момента окончания осуществления таких действий. А с 1 октября 2018 года операторы связи обязаны хранить в течение 30 суток текстовые, голосовые, видео- и другие сообщения пользователей. Далее оператор обязан увеличивать объем хранения на 15 процентов в год.

Цель «законов Яровой» заключается в обеспечении сохранности цифровой информации, а также упрощения возможности ее получения в рамках оперативно-розыскных и следственных мероприятий.

Однако вместе с тем остро стоит проблема защиты личных прав граждан именно на стадии возбуждения уголовного дела, особенно при проверке правоохранительными органами сообщения о преступлении.

В силу ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) при проверке сообщения о преступлении еще до возбуждения уголовного дела дознаватель и следователь вправе получать объяснения, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, освидетельствование, требовать производства исследований документов, предметов, привлекать к участию в этих действиях специалистов.

В связи с этим возникают вопросы: в каком порядке проводить осмотр предметов, в том числе электронных устройств, например, сотового телефона, планшета, требуется ли получение судебного разрешения на их осмотр? Нет ли здесь вмешательства со стороны правоохранительных органов в основные права человека? Ведь в настоящее время содержащаяся на электронных устройствах разнообразная информация фактически отображает микромир владельца данных устройств. Осматривая, к примеру, сотовый телефон, планшет, смартфон, можно не только увидеть входящие и исходящие звонки, адресаты, ознакомиться с СМС-сообщениями, но и узнать содержимое электронной почты, мессенджеров, социальных сетей, которыми пользуется лицо.

С одной стороны, согласно ст. 176, 177 УПК РФ осмотр места происшествия, документов и предметов может быть произведен до возбуждения уголовного дела и для его проведения не требуется получение судебного разрешения, исключением является осмотр жилища, который производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если для производства такого осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен, то предметы, могущие иметь отношение к уголовному делу, должны быть изъяты, упакованы, опечатаны, заверены подписью следователя на месте осмотра.

С другой стороны, согласно ст. 23 и 24 Конституции РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Соответствующие положения закреплены в УПК РФ. В частности, такие следственные действия как: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ), контроль и запись телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) проводятся только на основании судебного решения. Кроме того, согласно ч. 7 ст. 185 УПК РФ

при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка.

Вместе с тем информация, хранящаяся в электронных устройствах, в частности телефоне, смартфоне, может быть не только в форме сообщения, но и в форме видео-, аудиозаписи, фотографии и др., которые не направлялись и не принимались в качестве сообщения, а хранились в электронном устройстве. В связи с этим не ясно, нужно ли получать разрешение суда на осмотр, например, сотового телефона, смартфона? Кроме того, все эти следственные действия возможны только после возбуждения уголовного дела. А как же быть с осмотром электронных устройств, например, сотового телефона, планшета, еще до возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении. Требуется ли получать судебное разрешение? На сегодняшний день вопросов много, к тому же имеется неоднозначная российская судебная практика.

В связи с этим интересна позиция Конституционного Суда РФ, который считает, что «проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в судебном порядке» (Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О). В другом решении Конституционный Суд РФ занял аналогичную позицию.

Так, в ходе предварительного следствия производился осмотр изъятого в ходе обыска сотового телефона, в том числе на предмет наличия в нем сведений о телефонных соединениях, входящих и исходящих сообщениях, а также осмотр распечатанных сведений о телефонных соединениях с данного телефона. Составленные следователем протоколы осмотра предметов и документов были исследованы в судебном заседании и положены в основу вынесенного по уголовному делу обвинительного приговора. По мнению гражданина, ст. 176 и 177 УПК РФ, регулирующие производство осмотра, не соответствуют ст. 23 и 24 Конституции РФ, поскольку не предусматривают необходимость получения судебного разрешения в случае производства осмотра предметов и документов, которые содержат или могут содержать информацию о переписке, телефонных переговорах,

почтовых, телеграфных и иных сообщениях. Конституционный Суд РФ возразил следующее. «Как следует из представленных заявителем материалов, в ходе осмотра принадлежащего гражданину сотового телефона он сообщил установленный на нем пароль, выразил готовность представить распечатку телефонных соединений с используемого им номера, не возражал против исследования имеющихся в телефоне сообщений и сведений о телефонных соединениях. Таким образом, нет оснований полагать, что оспариваемыми законоположениями были нарушены конституционные права заявителя, перечисленные в жалобе, в его конкретном деле» (Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 338-О).

Однако российская судебная практика по данному вопросу неоднозначная. Вместе с тем многие российские суды признают допустимым и законным осмотр таких электронных устройств как: сотового телефона, планшета, смартфона без судебного решения, несмотря на разнообразную по своему характеру информацию, содержащуюся в данных электронных устройствах (например, переписка, телефонные, электронные сообщения и пр.).

Считаем, что при решении вопроса о необходимости получения судебного решения при осмотре различных электронных устройств необходимо исходить из ст. 23 Конституции РФ и международных норм, гарантирующих защиту тайны личной жизни, требующих разрешения на любые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, которые могут ее нарушить. Аналогичную позицию разделяют не только ученые, но и практики [1, 2].

Следующей проблемой является ставка российского законодателя на документирование в письменном виде как основной способ фиксации доказательственной информации без учета информатизации и компьютеризации общества, когда информация о человеке, процессах и явлениях зафиксирована не столько в письменном виде, сколько на любых электронных носителях информации. В связи с этим возникает необходимость в оптимизации деятельности по сбору доказательств в электронной форме.

Так, в российском УПК не используется такой термин как «электронное доказательство», а употребляется понятие «электронный носитель информации», тем самым акцент делается на носителе информации. Вместе с тем понятие электронных доказательств значительно шире, чем «электронный носитель информации», поскольку главное в электронном доказательстве – информация, а ее носитель значения не имеет.

Ч. 1 и 4 ст. 166 УПК РФ обязывают следователя или дознавателя составлять протокол следственного действия в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания. Согласно ч. 4 ст. 166 УПК РФ в протоколе должны быть описаны процессуальные действия в том порядке, в каком они

производились, выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, т.е. данное положение фактически обязывает следователя или дознавателя переписывать уже «написанное» – зафиксированное в электронном виде, даже переписывать увиденное в видеозаписях. Составление протокола, когда требуется осматривать и описывать гигабайты информации, становится не просто трудоемким, а просто обременительным занятием. Кроме того, распечатка, например, многочисленных электронных сообщений, переписки и приобщение в качестве доказательств к материалам уголовного дела увеличивают объем материалов уголовного дела иногда даже до нескольких томов. В связи с этим возникает настоятельная необходимость оптимизировать деятельность по собиранию доказательств в электронной форме.

Многие ученые считают основным направлением оптимизации уголовного судопроизводства в условиях информационного общества – создание электронного документооборота и электронного правосудия [3]. Однако это далекая перспектива. А сложности и трудности с собиранием и описанием объемных электронных доказательств существуют уже в настоящее время. Поэтому можно выделить различные варианты решения проблемы.

Согласно одной точке зрения УПК РФ необходимо дополнить новым видом доказательств электронным и предусмотреть особенности его собирания, проверки и пр.

Другие ученые не выступают за кардинальные изменения УПК РФ. С целью оптимизации процесса приобщения доказательственной электронной информации в настоящее время предлагают электронную информацию вводить в уголовный процесс в качестве таких традиционных видов доказательств как: вещественные доказательства или иные документы, но с учетом особенностей электронных доказательств.

Выделение иных документов (ст. 84 УПК РФ) в качестве самостоятельного вида доказательств и сам термин «иные» по отношению к документам указывает на то, что в отличие от других документов-доказательств, предусмотренных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, иные документы подготавливаются субъектами, не являющимися участниками уголовного судопроизводства и, таким образом, изготавливаются вне рамок производства по уголовному делу и поступают в дело «извне». К иным документам относят разного рода справки, характеристики, акты документальных проверок, доверенности, расписки, завещания, частные и служебные письма и пр. Российский законодатель в ст. 84 УПК РФ указывает, что документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в

порядке, установленном статьей 86 УПК РФ. Документы, обладающие признаками, указанными в части первой статьи 81 УПК РФ, признаются вещественными доказательствами.

По мнению ряда ученых, электронную информацию необходимо признавать в качестве вещественного доказательства [4, 5]. В качестве электронных вещественных доказательств могут выступать не только материальные носители электронной информации, но и сама электронная информация, ставшая результатом преступного действия, сгенерированная в информационной среде как след преступления. Электронная информация обладает следующими признаками вещественного доказательства. Электронная информация создана в материальной среде, где она накапливается, архивируется и хранится, где ее можно просмотреть и исследовать. Материальная среда хранения электронной информации реально существует, имеет свой специфический вид, обладателя, свои электронные носители, название, назначение. Компьютерную информацию можно измерить через специфические средства измерения – байты [4].

Считаем, что если признать электронную информацию вещественным доказательством, то ее изъятие и оформление возможны посредством запросов, протоколами выемки, обыска. Главное, что не составляется протокол с подробным описанием, а еще хуже переписыванием этой информации.

Для объективизации процесса изъятия и полученного результата следователь может сделать и, как правило, делает скриншоты (фотографии монитора компьютера) этой информации и в соответствии с ч. 8 ст. 166 УПК РФ приобщает их к протоколу. В настоящее время приложения к протоколу стали намного информативнее самого протокола. Кроме того, электронные носители информации, полученные или скопированные с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия, могут храниться в электронном виде (ст. 82 УПК РФ).

Но даже скриншоты требуют дополнительных расходов и времени на бумагу и распечатывание. На наш взгляд, заслуживает внимание позиция ряда ученых, например, профессора П.С. Пастухова, о создании виртуальной комнаты хранения цифровой информации. Так, ученые считают возможным и необходимым руководствоваться ч. 2 ст. 82 УПК РФ и предусмотреть хранение электронных доказательств в электронном виде, а не распечатывать их в виде приложений к протоколу [4]. К материалам уголовного дела приобщается документ о месте нахождения такого вещественного доказательства в электронном виде. Предлагается трактовать ст. 82 УПК РФ (хранение вещественных доказательств) несколько шире, а электронную информацию следует размещать в «виртуальной комнате хранения вещественных доказательств». Если в настоящее время следователь

может сдавать все физические (материальные) предметы и иные объекты, признанные вещественными доказательствами, на хранение в специальные подразделения органа расследования, то почему бы по аналогии цифровую информацию не размещать в специальной комнате хранения – виртуальной комнате хранения цифровой информации? Пусть это будет промежуточный вариант, но он не требует финансовых вложений, может быть внедрен в уголовный процесс здесь и сейчас.

Можно разрешить хранение информации в электронном виде при уголовном деле, например в файлах сначала компьютера следователя, дознавателя, затем в специальной «виртуальной комнате хранения цифровой информации», а перспективным вариантом будет создание ведомственной сети с последующей передачей электронной информации в суд по сети. В перспективе необходимо будет создать межведомственную сеть между правоохранительными органами и судом для беспрепятственного накопления, хранения, просмотра, использования и исследования в суде электронной информации, представляющей значительные размеры. При этом надо помнить, что проверяемость (верифицируемость) является основополагающим свойством доказательства, содержащего электронную информацию. В отношении информации, составляющей содержание электронных доказательств, всегда должна существовать возможность ее идентификации и аутентификации, т.е. проверки целостности и неизменности информации на электронном носителе. Каждая сторона обязана предоставить суду информацию о происхождении своих доказательств, если в этом возникает необходимость. Поэтому институт допустимости в свете доказательств, содержащих электронную информацию, должен быть пересмотрен путем отказа от ее следственных гарантий в пользу технических гарантий верифицируемости и полезности доказательства [4].

Таким образом, документированию в письменном виде как несовершенному способу фиксации доказательственной информации жизнь предлагает альтернативу в виде электронного документа – видео- или аудиозаписи в цифровом формате, передаваемой суду через телекоммуникационные сети в виде файла или на переносном электронном носителе информации. Любой способ документирования допустим, если он обеспечивает надежность сохранения и передачи доказательственной информации.

Следует отметить, что российский законодатель сделал шаг в этом направлении. В ст. 474.1 УПК, которая появилась в УПК РФ в июне 2016, установлена возможность представлять процессуальные документы не только типографским, но и электронным или иным способом. Данная статья УПК РФ предусматривает порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. Она

предоставляет участникам судопроизводства право направлять в суд ходатайства, заявления, жалобы, представления и прилагаемые к ним документы в электронном виде посредством заполнения специальной формы на официальном сайте суда. Такой документ надо скреплять электронной подписью. Хотя акцент в статье сделан на представлении только ходатайств, заявлений, жалоб и только в суд, но некоторые ученые считают, что также закреплена возможность представлять в суд письменные доказательства в виде электронного документа, подписанного электронной подписью. Такая возможность исходит из положений данной статьи, где говорится, что материалы, приложенные к ходатайству, заявлению, жалобе, представлению, также подаются в форме электронных документов.

Кроме того, согласно ч. 2 и 3 ст. 474.1 УПК РФ судебное решение, за рядом исключений (решения, содержащего сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающие безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, решения по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности) может быть изготовлено в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. При изготовлении судебного решения в форме электронного документа дополнительно изготавливается экземпляр судебного решения на бумажном носителе. Копия судебного решения, изготовленная в форме электронного документа, заверенная усиленной квалифицированной электронной подписью, по просьбе либо с согласия участника уголовного судопроизводства может быть направлена ему с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Таким образом, устанавливаемый в ст. 474.1 УПК РФ порядок собирания доказательств в электронной форме является важным и необходимым в современном информационном обществе. Это новшество – очередной этап на пути модернизации и оптимизации уголовно-процессуального доказывания. Перспективой такого развития должно стать формирование электронного уголовного дела уже на досудебных стадиях. Но путь к электронному документообороту в уголовном судопроизводстве уже открыт.

Список использованных источников:

1. Бикмиев, Р. Г., Бурганов, Р. С. Выемка и осмотр электронных устройств / Р. Г. Бикмиев, Р. С. Бурганов // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 125-131.
2. Зуев, С. В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий / С. В. Зуев // Законность. – 2018. – № 4. – С. 58-60.

3. Качалова, О. В., Цветков, Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства / О. В. Качалова, Ю. А. Цветкова // Российское правосудие. – 2015. – № 2. – С. 95-101.

4. Пастухов, П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Сборник научных статей седьмого Пермского конгресса ученых-юристов (18-19 ноября 2016 года, г.Пермь) / Отв. Ред. В.Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. – М.: Статут, 2017. – 592 с.

5. Смахтин, Е. В. Цифровые технологии и криминалистика: некоторые проблемные аспекты / Е. В. Смахтин // Российский юридический журнал. – 2018. – № 4. – С. 78-83.

УДК 343.1

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© В.Б. Стукалин

*Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
Новосибирский университет экономики и управления (НИНХ)*

© И.В. Стукалин

Волгоградская академия МВД России

Документы, на которых предполагается обязательное расположение оттисков печатей и штампов, имеют существенное значение, для регулирования правоотношений, возникающих в различных отраслях экономики. К сферам таких правоотношений, в первую очередь, относится финансовая документация предприятий, организаций и учреждений, документы, государственных органов, ведомственных и структур, выполняющих контрольно-надзорные функции и т.д. Использование преступниками поддельных документов, связанных с экономической деятельностью всего предприятия или его отдельных структурных подразделений, осуществлением отдельных видов работ, операций, действиями предприятий-контрагентов, не является новой проблемой в расследовании преступлений экономической направленности. Решение вопросов всегда связывалось с необходимостью привлечения лиц, обладающих специальными знаниями.

Необходимость проведения в ходе расследования экономических преступлений различных исследований, относимых учеными-криминалистами к отрасли

технико-криминалистического исследования документов, не вызывает сомнений. Обстоятельства конкретного преступления могут обусловить необходимость проведения исследования рукописных текстов (в последнее время это все чаще и чаще подписи) [5], материалов, на которых исполнен текст, текстов и листов бумаги с целью установления печатающего устройства [2]. и т.д. Представляется, что наиболее значимой частью технико-криминалистического исследования документов является исследование оттисков печатей и штампов, которые являются одним из основных и обязательных реквизитов официальных документов, и несут удостоверительную функцию.

Следует отметить, что повышенная значимость («важность») документов, удостоверенных печатью или штампом для экономической деятельности, определяют неослабываемое внимание преступников к совершенствованию имеющихся и разработке новых способов имитации оригинальных оттисков печатных форм. Способов имитации существует большое множество, и их число постоянно увеличивается.

Согласно существующей криминалистической литературе, сами печатные формы могут изготавливаться, а оттиски – имитироваться такими способами, как:

- рисовкой на документе;
- копированием при помощи копировально-множительных устройств;
- изготовлением самодельного клише;
- сборкой печатной формы из частей подлинных клише, внешне схожих с имитируемыми печатными формами.

Вопросами исследования поддельных оттисков печатей и штампов занимаются многие ученые, в том числе, такие как М.В. Бобовкин [1], В.Е. Ляпичев [6], А.В. Ефименко [4]. и др.

В настоящее время наибольшее распространение получили способы подделки оттисков печатей и штампов с помощью капельно-струйных и электрофотографических печатных устройств. Объясняется это тем, что изображения оттисков получаются в высокой степени схожими с оригинальными оттисками и могут быть изготовлены в очень короткое время. Также, помимо оттисков печатей и штампов, названным способом часто имитируются подписи и факсимильные оттиски.

Одна из задач технико-криминалистической экспертизы документов – определение способа нанесения спорного оттиска на документ. По результатам проведенного экспертного исследования в ходе расследования доказываемая обстоятельство об использовании преступниками поддельных документов при совершении преступления. При проведении исследования спорных оттисков на любых документах, в том числе связанных и с финансово-экономической деятельностью предприятия, эксперту необходимо иметь представление о процессе их

нанесения. Данный процесс можно разделить на стадии – это допечатная подготовка и непосредственно процесс печати.

В процессе допечатной подготовки преступникам необходимо сформировать изображение будущего оттиска в электронном виде. Для этой цели применяются следующие способы:

- сканирование оригинального оттиска при помощи соответствующей техники с последующей его электронной обработкой;
- создание изображения оттиска при помощи средств графической обработки изображения (графические редакторы типа Photoshop, Coral Draw и т.д.);
- сочетание вышеназванных способов [4, с. 79 – 80].

Для первого способа преступникам необходимо иметь документ с подлинным оттиском печати или штампа. Для этого преступники совершают хищения документов с имеющимися оттисками печатей и штампов, организывают похищение печатей или штампов, нередко внедряя в организацию участника преступной группы. Предпочтительным является хищение документа, поскольку это не влечет за собой изменение уже имеющихся печатей и штампов. В тех случаях, когда похищаются документ с печатью или штампом, документ сканируется при помощи специального устройства, затем изображение документа редактируется в графическом редакторе, где изображение оттиска модифицируется путем изменения параметров яркости и контраста, проводится ретуширование лишних штрихов и т.д.

Второй способ характеризуется созданием электронного макета печати или штампа при помощи специализированных программ. При этом для получения изображения оттиска не требуется иметь подлинный оттиск и сканировать его. Достаточно сформировать форму оттиска, используя имеющиеся компьютерные заготовки, поместить нужный текст, выбрать рисунок, который будет находиться в центре оттиска с помощью программных средств специализированного ПО. Перечисленные действия не требуют больших временных затрат, поскольку достаточно просты и выполняются по большей части самой компьютерной программой. Зачастую для формирования изображения оттиска преступниками используется образец оттиска с изменением данных, содержащихся в нем.

Говоря про процесс печати, видится необходимым сказать, что распространение печатающих устройств с функцией цветной печати повлияло на увеличение случаев нанесения поддельных оттисков и иных реквизитов на документы.

Как известно, принцип работы электрофотографических печатающих устройств основан на формировании скрытого изображения на поверхности материала в результате различного заряда соседних участков бумаги. Происходит это за счет проецирования изображения оригинала на материал документа через

оптическую систему печатающего устройства. Те участки, которые освещались оптической системой, получают нейтральный заряд, а неосвещенные участки – положительный. Совокупность положительно заряженных участков образует собой скрытое изображение. Далее на поверхность бумаги наносится мелкодисперсный окрашенный порошок (тонер), который прилипает к положительно заряженным участкам в силу того, что имеет отрицательный заряд, и закрепляется на нем путем его запекания при прокатывании через нагретые валики устройства.

Несмотря на простоту и доступность электрофотографического способа нанесения изображения, преступниками чаще используются капельно-струйные печатающие устройства ввиду более высокого качества печати. За счет поступления сигнала на головку после цифровой обработки и импульсного способа подачи чернил в сопла, изображения, выполненные капельно-струйным способом, отличаются высоким разрешением (свыше 1440x720 точек на дюйм). Кроме того, в таких устройствах красящим веществом выступают чернила на водной или спиртовой основе, которые в виде мельчайших капель внедряются в поверхность бумаги и закрепляются в ней после высыхания, что придает изображению оттиска довольно высокое визуальное сходство с оригиналом. Еще одним аспектом, определяющим выбор преступников данных печатных устройств, является их относительно невысокая цена.

Но несмотря на все ухищрения преступников, создать абсолютно неотличимые от оригинала оттиски печатей и штампов как необходимый реквизит конкретного документа невозможно. Все вышеперечисленные способы будут иметь свою индивидуальную совокупность признаков, по которым возможно идентифицировать способ нанесения изображения. Также данные способы оказывают существенное влияние и на качество воспроизводимого оттиска в силу того, что они отличаются от способа нанесения оригинала.

Для определения способа нанесения оттиска печати или штампа на документ достаточно воспользоваться увеличительным прибором, с помощью которого можно обнаружить различия морфологических признаков между оттиском формы высокой печати и изображением оттиска, нанесенном электрофотографическим способом или способом капельно-струйной печати.

Морфологическими признаками применения электрофотографического способа нанесения оттиска являются:

- штрихи оттиска имеют характерный блеск и выступают над поверхностью бумаги;
- структура штрихов представлена в виде глыбок тонера желтого, красного и синего (а также – черного) цветов;

- наличие «точек-марашек» – частичек тонера отдельно от штрихов изображения.

Морфологическими признаками применения капельно-струйного способа нанесения оттиска являются:

- характерный маслянистый блеск штрихов (при использовании твердых чернил – выступание штрихов над поверхностью бумаги);
- растриванная структура штрихов, определяемая совокупностью окрашенных участков (точек), исходя из их размера в рамках растровой ячейки;
- вдоль штрихов имеются микроскопические капли красящего вещества – результат разбрызгивания чернил.

Морфологическими признаками оттисков формы высокой печати выступают:

- оттиск не имеет рельефа, либо штрихи находятся в углублениях, образованных печатной формой;
- структура штрихов однородная, красящее вещество распределено равномерно;
- наличие характерного красочного бортика по периметру штрихов [8, с. 18].

Анализируя вышеперечисленные признаки того или иного способа нанесения оттиска печатей и штампов, следует отметить, что традиционно одним из наиболее ярких признаков нанесения оттиска при помощи печатающего устройства является неоднотонность штрихов (наличие в них нескольких цветов, которые формируют основной цвет штриха). Чтобы это увидеть достаточно осмотреть представленный документ с помощью микроскопа при небольшом (до 10X) увеличении. Такое увеличение также дает возможность установить способ нанесения изображения оттиска.

Как отмечалось выше, развитие возможностей компьютерной техники, в том числе и связанных с ними печатных устройств, влечет за собой и совершенствование действий преступников по повышению качества поддельных оттисков и придания им максимального сходства с оригиналом. Некоторые злоумышленники изготавливают изображения оттисков печатей и штампов, используя краситель только одного цвета (обычно – синий или голубой), таким образом решая проблему многотонности штрихов изображения. Также в экспертной практике встречались случаи нанесения изображения оттиска капельно-струйным устройством, в котором красящим веществом выступала штемпельная краска. Такие «оттиски» довольно трудно отличить от оригинальных ввиду их слишком большого сходства и малого количества морфологических различий.

В заключение представляется необходимым отметить, что, несмотря на огромное количество способов имитации оттисков печатей и штампов, у

оригинальных оттисков имеются неповторимые морфологические признаки, которые не поддаются воспроизводству при помощи печатных устройств. Необходимость проведения исследований по установлению способа нанесения изображения оттиска печати либо штампа на документ обуславливается прежде всего тем, что оно позволяет не только определить – оригинальный это оттиск или нет, т.е. получить доказательную информацию, необходимую для принятия процессуальных решений на стадии предварительного расследования либо вынесения судебного решения, но и получить важную оперативно-розыскную информацию по делу, позволяющую планировать перечень мероприятий, как в рамках выявления экономических преступлений, так и при проведении мероприятий в рамках проверки сообщений о преступлении.

Список использованных источников:

1. Бобовкин, М. В. Криминалистическое исследование документов: учебное пособие / М. В. Бобовкин, А. А. Проткин. – Москва : ДГСК МВД России, 2014. – 216 с.
2. Диденко О. А. Совершенствование теории и практики многообъектной судебно-почерковедческой экспертизы : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.12 / Диденко Ольга Александровна; – Волгоград, 2015. – 227 с.
3. Досова, А. В. Теоретические и практические особенности комплексного криминалистического исследования документов с измененными реквизитами: дис. ... канд. юрид. наук. / А. В. Досова; Волгоградская академия МВД РФ. – Волгоград, 2014. – 233 с.
4. Ефименко, А. В. Исследование имитированных оттисков печатей и штампов / А.В. Ефименко // Информационная безопасность регионов: научно-практический журнал. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 2010. – № 1 (6). – С. 79-84.
5. Кашманов, П. М. Использование разработок признаков почерка в процессе идентификационного экспертно-криминалистического исследования рукописей / П. М. Кашманов, М. П. Кашманов // Эксперт-криминалист. – М.: Юрист. – 2007. – № 2. – С. 17-20
6. Технично-криминалистическая экспертиза документов: Учебник Т 38 / Под ред. В. Е. Ляпичева, Н. Н. Шведовой. – Волгоград: ВА МВД России, 2005. – 268 с.
7. Сай, И. С. Алгоритмическое и программное обеспечение для распознавания и идентификации изображения оттиска печати: дис. канд. техн. наук / И. С. Сай. – Хабаровск, 2011. – 124 с.
8. Сафроненко, Т. И. Криминалистическое исследование удостоверительных печатных форм (печатей и штампов), изготовленных по новым технологиям:

метод. рекомендации / Т. И. Сафроненко, М. Н. Сосенушкина, Г. Г. Белоусов. – М.: ЭКЦ МВД России, 1999. – 40 с.

УДК 343

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО МИРА

© Н.П. Яблоков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Информационно-цифровой мир, порожденный научно-техническим прогрессом в сфере электронно-компьютерных технологий, начавших господствовать во всех странах мира, в том числе и в России, привел к изменениям в экономической, научной, образовательной, культурной жизни. Он внес много нового в жизнь людей в бытовых, материальных, деловых сферах и даже в определенной мере в терминологию письменного и разговорного языка. Все это в основном носит прогрессивный характер. Однако, как известно, все прогрессивные явления нередко имеют и негативную сторону. Так, негативным образом этот прогресс сказался на характере и особенностях преступной деятельности во многих странах. В России изменению подверглись фактически все виды преступлений. Убийства, разбойные и бандитские нападения, все виды краж стали тщательно подготовленными и более жестокими в исполнении. Техническое оснащение преступников обогатилось современными научно-техническими средствами, современным оружием. Особенно растут и постоянно совершенствуются способы и механизмы мошеннических хищений денежных средств граждан, банков, бюджетных средств, выделенных на реализацию важных государственных экономических, оборонных, культурных, спортивных проектов. Именно при их реализации широко используются все новинки цифрового мира. Такие преступления в настоящее время практически приобретают характер киберпреступлений.

И если ранее понятия «киберпреступления», «киберпреступность» применялись лишь по отношению к преступлениям, касающимся незаконного доступа в компьютерным системам воздействия на компьютерные системы или компьютерные данные, то сейчас под киберпреступлениями в самом широком смысле слова понимаются любые преступления, совершенные посредством или с помощью использований компьютерных технологий компьютерных сетей и с использованием интернета, включая такие преступления как незаконное владение, распространение ложной информации посредством компьютерных систем или

сетей и вообще любые преступления, в которых инструментом, целью или местом преступных действий являются компьютерные сети, сети интернета. Вместе с тем традиционно подпадающими под это понятие являются такие преступления как: неправомерный доступ к компьютерной информации (хакерство, взлом шифра), незаконное получение данных (информационный шпионаж), незаконное получение информации и связанные с ним преступления.

Еще одним новым и более сложным видом киберпреступлений являются и мошеннические действия с криптовалютой (цифровыми деньгами), единицей которых является биткоин. В работе с ними задействована сложная интернет-компьютерная система (блокчейн). К счастью, таких преступлений еще не много [4]. И методика их расследования практически не разработана.

Однако наиболее распространенными видами киберпреступлений в настоящее время стали: компьютерные мошенничества, мобильные мошенничества (включая снятие денег со счетов граждан), кибервымогательство, кража идентичности (мошенническое получение и использование сведений о личности граждан) и др.

Киберпреступления захватывают и изготовление детской порнографии, ксенофобских материалов или оскорбление в адрес религиозных символов, религиозные преступления. Разнообразие таких преступлений расширилось с появлением интернета. С его помощью стали совершаться многие киберпреступления, побуждающее других граждан, использующих интернет, к совершению различного вида преступлений и др.

В условиях финансово-экономических колебаний активизировались правонарушения (фактически совершаемые организованными бизнес-группами) в виде картельных соглашений различного рода, совершаемых крупными корпорациями в целях устранения конкуренции и установления цены на товары и сырье в своей сфере деятельности. При совершении таких преступлений также широко используются компьютерные технологии. Такие преступления наносят значительный экономический ущерб гражданам и государству.

Сама же организованная преступность приобрела более опасные черты, в частности, она стала более самоорганизованной, консолидированной, структурно более сложной, нередко охватывающей деятельность различных юридических лиц. Растет и развивается ее коррупционная составляющая. Наблюдается укрепление ее финансовой, материально-технической базы, широкое использование компьютерной техники и интернета, информационных технологий. Современная организованная преступность фактически превращается в хорошо организованную киберпреступность. Основным видом ее преступной деятельности все чаще становится хищение бюджетных средств, выделенных на осуществление важных

государственных задач в области российской экономики, обороноспособности, космонавтики, спорта и культуры, а также деятельность террористической направленности. И что особенно тревожно и опасно – в такой преступности смываются границы между организованной преступностью разного вида и терроризмом. Все это негативно влияет на характер криминогенной обстановки в стране и соответственно ставит перед криминалистами ряд важных задач по совершенствованию всех своих не только технических средств, особенно тактических приемов и методов криминалистики, позволяющих эффективно раскрывать и расследовать киберпреступления всех видов и иные преступления в изменившихся условиях.

Для этого прежде всего необходимо на должном уровне овладеть знаниями компьютерных и интернет технологий, позволяющих следователям разобраться в механизме совершения такого рода преступлений. Именно эти знания в большей мере позволяют тщательно разобраться в способах действий преступников по следовой картине киберпреступлений. Сопоставив выявленные данные следовой картины таких преступлений с общими характерными особенностями их способов и механизма, можно уверенно сориентироваться в тех их чертах, которые свойственны именно такого рода преступлениям, а также определить уровень профессионального умения в действиях их исполнителя. Это также позволит получить определенное представление о личности исполнителя, направлениях его розыска, о тактике задержания и последующего контакта с ним в процессе допроса и других следственных действий, а также и в тех тактических и иных приемах, основанных на данных мыслительных приемов, которые могут быть эффективны в ходе работы с ним в процессе расследования.

В этой связи нельзя не отметить, какое большое внимание Ганс Гросс уделил умению следователя правильно выбирать логические, психологические и иные приемы при общении с преступником. Именно это во многом, по его мнению, позволит не только избегать мыслительных и иных ошибок, но и контролировать свои выводы и действия, непрерывно проверять и отбрасывать все то, что хотя бы самым отдаленным образом имеет характер преувеличения [2, с. 13]. Вопросы важности умелого применения мыслительных приемов, особенно логики, а также вопросам применения естественных и технических наук при расследовании, уделяли внимание и такие последователи Г. Гросса как Э. Анушат, А. Рейс и другие.

Среди отечественных криминалистов советской и постсоветской эпохи большое внимание указанным вопросам уделяли И.Н. Якимов, С.М. Потапов, В. И. Громов, А.А. Эйсман, А.И. Винберг, И.Ф.Крылов и др. Но наибольшее предметное внимание вопросу важности владения следователями именно

криминалистическим мышлением уделяли Р.С. Белкин, А.В. Дулов, И.М. Лузгин, Г.А. Зорин. В их работах содержалось много разнообразных сведений и рекомендаций тактического характера, в том числе и мыслительного свойства, которыми должны обладать следователи, чтобы, как отметил Р.С. Белкин, они были не «унылыми ремесленниками, а подлинными мастерами своего дела» [1, с. 18].

Все вышеизложенное напрямую связано с криминалистической тактикой, ибо в ее задачи прежде всего входит выявление и изучение закономерностей логико-психологических и иных особенностей поведения преступников в процессе подготовки и совершения преступлений, в процессе выбора способа совершения преступления и его поведения в ходе следствия. На основе анализа их поведения и выявления личных особенностей осуществляется разработка вида, характера, приемов следственных действий в разных следственных ситуациях, позволяющих преодолевать все сложности при поиске доказательств, в процессе доказывания и при контакте с подозреваемым и другими лицами, попавшими в орбиту следствия.

Тактика расследования преступлений в цифровом мире, в котором активно и широко используются компьютерные технологии, интернет, как показывает современная следственная практика в целом, больших изменений еще не претерпела. Соответственно, возникает необходимость разработки таких тактических рекомендаций, которые позволили бы разобраться и в тех новых явлениях в поведении преступников при совершении преступлений, в особенностях оставляемой ими следовой картины преступлений, в способах выявления, фиксации и использовании обнаруженных следов преступления в процессе доказывания.

Распространенность киберпреступлений, связанных с крупными аферами в экономике, с хищением государственного имущества, с мошенничеством в сфере имущественных отношений, с различными фальсификациями, со снятием с каналов связи информации, с ее подлогом, с осуществлением незаконного бизнеса поставила перед криминалистикой и особенно перед криминалистической тактикой ряд серьезных задач, которые необходимо решать в целях обеспечения расследования преступлений на должном профессиональном уровне.

Прежде всего следователям, как уже отмечалось, необходимо хорошо разобраться во всех особенностях компьютера, интернета, их возможностях в разных сферах применения, сетевых системах, характера связей между ними, а также в информационно-телекоммуникационных технологиях. Важно знать особенности следовой картины таких преступлений, иметь представление о возможных местах нахождения и хранения скрытой информации, уметь определять предполагаемые места, с которых возможно невидимо управлять работой удаленного компьютера. Следует иметь в виду, что совершенствование компьютеров, их

технологических возможностей могут привести к решению таких задач с помощью компьютеров, которые еще не предусмотрены их создателями. Недостаточная ориентация в этих вопросах, хотя бы в основных из них, может негативно повлиять на выстраивание тактики осмотра места происшествия и других объектов и иных следственных действий при поиске доказательств по таким преступлениям. Указанная неосведомленность может привести к потере следователем профессионального авторитета при проведении отдельных следственных действий в глазах участвующих в них лиц. Так, например, при допросе подозреваемых, показав свое недостаточное знание особенностей, способа и механизма расследуемого преступления, следователь рискует не получить от них правдивые показания, или получить такие, которые он сам не сможет профессионально оценить. Компьютерная неподготовленность следователя может негативно сказаться и на других действиях следователя.

Должное знание компьютерно-технических технологий и соответствующей терминологии также имеет важное значение для правильной формулировки вопросов к лицам, совершившим такие преступления и к свидетелям, а также для получения правдивых ответов на поставленные вопросы.

При оценке выявленных первоначальных следственных ситуаций по этим делам, позволяющей правильно определить направление предстоящего расследования, важно прежде всего выявить в следственной картине, особенно при отсутствии каких-либо данных о преступнике, позволяющих судить о механизме его действий, сведения об уровне его криминального профессионализма, а также об уровне знаний и умений в области компьютерных технологий. Именно эта информация и позволит правильнее определить направление расследования.

Очень важно знать особенности субъектов этих преступлений вообще и применительно к особенностям конкретного преступления. Без этого знания также трудно выстраивать нужную тактику допроса указанных лиц и общение с ними в ходе других следственных действий. Это следует учитывать и при решении вопроса о виновности либо невиновности подозреваемого, а также в процессе доказывания вины подозреваемого в содеянном. Анализ литературных источников и следственной практики позволяет выявить виды и особенности компьютерных преступников. Интересны и познавательны в этом аспекте исследования В.С. Овчинского, который в своем учебнике «Криминология цифрового мира» [3]. осуществил весьма интересный анализ видов и особенностей компьютерных преступников. К основной их категории он относит хакеров [3, с. 188]. Это подтверждает и анализ следственной практики. Эта группа преступников с середины XX века до настоящего времени прошла существенное развитие в определении и мотивах своих действий (от новаторского исследования компьютерных систем и их

познавательных возможностей при решении разных значимых экономических и социальных задач – к несанкционированному вторжению в компьютерные системы фирм, банков, распространению компьютерных вирусов, совершенно других преступлений с применением компьютеров). В настоящее время хакерская субкультура начала срашиваться с общеуголовным криминальным миром, началось создание хакерских союзов, фирм, тесным образом сотрудничающих с криминальным и теневыми структурами.

Современные хакеры существенно повысили свой криминальный профессионализм и свой интеллектуальный уровень. Они широко используют в своей преступной деятельности не только методы социальной инженерии для разработки способов манипулирования поведением людей, создают психологические программные модели поведения людей в разных ситуациях, могут целенаправленно формировать факторы, способные привести человека к сознательному неумышленному соучастию в разрушении системы информационной защиты организации, осуществлять давление на жертву путем шантажа или обмана с целью получения необходимой информации и др. Соответственно, важнейшей особенностью субкультуры современных хакеров является осознание собственной изобретательности в сфере компьютерных технологий, высокая оценка себя в сфере криминального использования этих технологий [3, с. 188-191].

Соответственно, найти правильные методы и тактические приемы допроса таких преступников, налаживание с преступниками такого рода психологического контакта, получение от них необходимой информации для последующей проверки и изобличения виновных и т.д. очень непросто. В результате, как свидетельствует практика, следователи, недостаточно продвинутые в вопросах интернета и компьютерных технологий, часто не находят нужного профессионально-технического языка при контакте с преступниками, как бы говоря на разных языках. Это существенным образом мешает эффективности расследования таких преступлений и в то же время обязывает следователей серьезным образом отнестись к должному овладению компьютерно-техническими знаниями особенностей хакеров и к разработке тактики их допроса и других такого рода преступников.

При этом следует иметь в виду, что, как уже отмечалось, компьютерные технологии используются преступниками в сфере детской порнографии и в вовлечении подростков в смертельную игру, последним шагом в которой должно стать самоубийство, создателями различных сект. Все эти преступники также имеют свои специфические особенности, которые необходимо учитывать при разработке тактических рекомендаций в работе с ними и при различных следственных действиях в процессе расследования таких преступлений. Здесь также необходимо знание детской и подростковой психологии поведения.

Знание субъектов компьютерных преступлений важно для выбора следователем специалистов, которые могут оказать ему необходимую помощь в уяснении технико-технологических особенностей способа и механизма совершения таких преступлений и в определении вопросов, подлежащих выяснению при допросе таких преступников и, соответственно, важно для продумывания тактики их допроса. Те же знания требуются и для определения вопросов, подлежащих решению компьютерно-технической экспертизой.

В криминалистической тактике всегда большое значение имело выстраивание системы тактических приемов проведения следственных действий и тактических операций с умелым и продуманным применением различных мыслительных приемов. В настоящее время, когда электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети Интернет, стали частью повседневной жизни граждан России, и с внедрением в их жизнь результатов всех современных научно-технических исследований и применения компьютерных и Интернет-технологий существенным образом расширился социальный, трудовой, предпринимательский кругозор граждан нашей страны, позволяющий разумно применять и использовать указанные достижения.

Вместе с тем, это не могло не сказаться на лицах преступного мира. Как уже ранее отмечалось, изменились вооруженность преступников, усложнились средства и методы совершаемых им преступлений, а главное, их криминальная психология. Преступления стали более подготовленными, изощренными, жестокими и с широким применением разных средств противодействия расследованию. Стало значительно труднее следователям добывать доказательства, общаться с преступниками в процессе следственных действий. Существенным образом повысилась необходимость в более умелом применении к ним мер психологического воздействия, приемов рефлексии, рефлексивных игр, более умелого диагностирования всех реакций лица в ходе допроса и других следственных действий на тактические приемы контакта следователей. Особенно повысилась необходимость в более умелом использовании в разработке и оценке результатов тактических приемов различных мыслительных методов, входящих в арсенал криминалистического мышления как главной основы, на которой базируется разработка тактических приемов. Формирование криминалистического мышления началось еще Гансом Гроссом, его предшественниками, а также советскими и российскими криминалистами. Однако полного представления о его характере на должном научно-практическом уровне и возможностях использования в нашей отечественной криминалистике еще не сложилось. В связи с этим представляется, что одной из важных задач криминалистики, особенно в современных условиях, является

разработка понимания, сути, характера криминалистически значимых возможностей криминалистического мышления и раскрытия практических возможностей его применения.

Для этого необходимо:

- на базе изучения всех современных мыслительных методов и других научно-методических данных выделить и систематизировать наиболее пригодные и эффективные из них для использования следователями при расследовании преступлений;

- на такой основе разработать целостную научно-практическую концепцию криминалистического мышления. Важным элементом этой концепции должна стать разработка системы мыслительных методов, применимых для решения в первую очередь наиболее важных тактико-методических задач расследования;

- создать для решения такой задачи коллектив ученых-единомышленников из числа юристов, психологов, философов, математиков и практических работников. Это может быть осуществлено заинтересованными в этом учеными и криминалистами юридических вузов, научными практическими работниками следственного комитета, МВД и ФСБ и других заинтересованных в этом ведомств;

- ученым вузам на основе сформированной концепции криминалистического мышления разработать систему дидактических приемов доведения до студентов, курсантов сути и значения такого мышления и хотя бы на доступном на сегодня уровне научить их основным приемам такого мышления при проведении расследования;

- в системе перечисленных ранее ведомств создать территориальные учебные пункты, в которые бы развивались и закреплялись полученные при вузовском обучении знания следователей практики применения различных мыслительных методов в разных следственных ситуациях расследования различных преступлений.

Список использованных источников:

1. Белкин, Р. С. Ведется расследование / Р. С. Белкин. – М.: Сов. Россия, 1976. – 224 с.
2. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – М.: ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
3. Овчинский, В. С. Криминология цифрового мира / В. С. Овчинский. – М.: Норма, Инфра-М, 2018. – 352 с.
4. Овчинский, В. С. Технологии будущего против криминала / В. С. Овчинский. – М.: Книжный мир, 2017.- 288с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

УДК 378.1

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В РАЗРАБОТКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ МАГИСТРАТУРЫ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ 40.04.01 «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

© С.И. Гутник

Сибирский федеральный университет

Профессиональный рынок труда в последние годы активно развивается, что находит своё отражение в появлении множества новых нормативных правовых актов в действующем законодательстве, регламентирующем требования к работникам в различных сферах народного хозяйства. Активно развивается система профессиональных стандартов, которые призваны упорядочить систему требований к квалификациям работников.

Как указано в ст. 195.1 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), под профессиональным стандартом понимается характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определённого вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определённой трудовой функции [1]. При этом, как предусмотрено ст. 195.3 ТК РФ, если требования к той или иной квалификации установлены соответствующим нормативным актом, в части требований к квалификации профессиональные стандарты являются обязательными для применения.

Таким образом, положения профессиональных стандартов диктуют определённые правила поведения, которые также влияют и на систему профессионального образования. Пример такого влияния нетрудно обнаружить при анализе содержания федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования нового поколения, принимаемых на основе профессиональных стандартов (так называемых ФГОС ВО 3++). Это обусловлено, в частности, ч. 7 ст. 11 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», в которой указано, что при наличии соответствующих профессиональных стандартов на их основе осуществляется формирование требований к федеральным государственным образовательным стандартам профессионального образования в части профессиональной компетенции [2].

Так, принятый 05.02.2018 г. федеральный государственный стандарт высшего образования - магистратура по направлению подготовки 39.04.02 Социальная работа [3] имеет привязку подготовки к трём соответствующим профессиональным стандартам: 01.004 «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования»; 03.001

«Специалист по социальной работе»; 03.003 «Руководитель организации социального обслуживания». Анализ федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратуры по направлению подготовки 41.04.05 Международные отношения [4] позволяет прийти к выводу, что магистр по направлению «Международные отношения» готовится к работе по следующим профессиональным стандартам: 01.003 «Педагог дополнительного образования детей и взрослых»; 01.004 «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования».

Следует отметить, что связь с профессиональными стандартами совершенно не характерна для федерального государственного образовательного стандарта высшего образования уровня магистратуры по направлению подготовки «Юриспруденция», поскольку он был принят в соответствии с Приказом Минобрнауки РФ от 14.12.2010 г. №1763 [5] и по сегодняшний день ни разу не был актуализирован. Возможность принятия нового ФГОС магистратуры по направлению подготовки «Юриспруденция» не единожды была предметом дискуссий, обсуждалось несколько проектов нового ФГОС, однако его утверждения так и не произошло [6].

Между тем, потребность в квалифицированных юридических кадрах для современного рынка труда сомнений не вызывает в связи с активным и частым изменением системы законодательства. В частности, потребность в лицах, имеющих высшее юридическое образование, будет увеличиваться в связи с введением требования о наличии высшего юридического образования по юридической специальности у представителей по делам, рассматриваемым арбитражными судами (ч. ст. 59 АПК РФ) [7], по делам, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства (ч. 1 ст. 55 КАС РФ) [8], а также по гражданским делам, рассматриваемым в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций (ч. 2 ст. 49 ГПК РФ) [9].

Представляется, что уровень магистратуры должен способствовать углублению и расширению тех знаний, умений и навыков, которые необходимы специалисту в сфере юриспруденции более высокого уровня, нежели обладающего образованием уровня бакалавриата. Это вытекает, в частности, из положений ч. 3 ст. 69 Федерального закона «Об образовании», в соответствии с которой для освоения программ магистратуры допускаются лица, имеющие высшее образование любого уровня.

Как указывается в научной литературе, «магистром можно называть образовательно-квалификационный уровень выпускника магистратуры, который на основе квалификации бакалавра или специалиста получил углубленные специальные навыки и знания инновационного характера, имеет определённый опыт их применения и продуцирования для решения профессиональных проблемных

задач в определённой области; должен обладать широкой эрудицией, фундаментальной научной базой, владеть методологией научного творчества, современными информационными технологиями, методами получения, обработки, хранения и использования научной информации, быть способным к плодотворной научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности» [10, с. 43].

Следовательно, при разработке программ магистратуры, построении соответствующих учебных планов образовательные организации высшего образования должны, в первую очередь, ориентироваться на те виды профессиональной деятельности, потребность в которых существует у профильных работодателей.

Ориентация программ магистратуры на соответствующие виды профессиональной деятельности была бы очевидной сквозь призму соответствующих профессиональных стандартов в сфере юриспруденции. Однако на сегодняшний день существует только три профессиональных стандарта, которые могли бы соответствовать юридической профессии. Среди них: 09.001 «Следователь-криминалист», 09.002 «Специалист по конкурентному праву», 01.004 «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования». Между тем, перечень юридических профессий достаточно обширен. Среди них судьи, прокуроры, адвокаты, нотариусы, корпоративные юристы (т.н. "in-house") и т.д., требования к уровню образования и квалификации которых устанавливаются даже не профессиональными стандартами, а соответствующими федеральными законами.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 40.1 Федерального закона «О прокуратуре» прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, получившие высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе и обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами, способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности [11]. В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 4 Закона РФ «О статусе судей» судьёй может быть гражданин Российской Федерации, имеющий высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция» [12].

Анализ содержания действующего федерального государственного образовательного стандарта высшего образования уровня магистратуры по направлению подготовки «Юриспруденция» позволяет установить, что магистр готовится к следующим видам профессиональной деятельности: правотворческая, правоприменительная, правоохранительная, экспертно-консультационная, организационно-управленческая, научно-исследовательская, педагогическая. П. 4.3 ФГОС

указывает, что конкретные виды профессиональной деятельности, к которым в основном готовится магистр, определяются высшим учебным заведением совместно с обучающимися, научно-педагогическими работниками высшего учебного заведения и объединениями работодателей. В соответствии с разделом III ФГОС профильная направленность магистерских программ определяется высшим учебным заведением, реализующим основную образовательную программу по соответствующему направлению подготовки.

Если обратиться к структуре основных образовательных программ магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция», то можно обнаружить, что она представлена дисциплинами общенаучного и профессионального циклов. При этом каждый учебный цикл имеет базовую (обязательную) часть и вариативную (профильную) часть, устанавливаемую вузом. Как следует из п. 6.2 ФГОС, вариативная (профильная) часть даёт возможность расширения и (или) углубления знаний, умений, навыков и компетенций, позволяет обучающемуся получить углубленные знания, навыки и компетенции для успешной профессиональной деятельности и (или) обучения в аспирантуре. Учитывая, что направленность (профиль) программы магистратуры устанавливается в зависимости от видов профессиональной деятельности, к которым готовится магистр, то в последующем виды профессиональной деятельности обуславливают профессиональные компетенции выпускника.

Так, вполне очевидно, что программа магистратуры, которая направлена на подготовку судей (работников суда) по уголовным делам, обязательно должна быть связана с осуществлением правоприменительной деятельности (способность квалифицированно применять нормативные правовые акты в конкретных сферах юридической деятельности: ПК-2) и правоохранительной деятельности (готовность к выполнению должностных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества, государства: ПК-3). Программа магистратуры по подготовке корпоративных юристов может готовить выпускников к осуществлению правотворческой деятельности (способность разрабатывать нормативные правовые акты (например, в рамках локального правотворчества): ПК-1). Программа, направленная на подготовку специалистов в сфере публичного управления, может готовить юристов к осуществлению организационно-управленческой деятельности (способность принимать оптимальные управленческие решения: ПК-9).

При этом важно понимать, что конкретные виды деятельности, на которые ориентируется та или иная программа магистратуры, должны обсуждаться с представителями работодателей и с профессиональным сообществом в целом. Такой механизм на сегодняшний день возможен, благодаря обязательному

согласованию разрабатываемых образовательных программ с представителями работодателей, а также путём проведения профессионально-общественной аккредитации образовательной деятельности.

Профессионально-общественная аккредитация в соответствии с федеральным законом «Об образовании» представляет собой признание качества и уровня подготовки выпускников, освоивших такие образовательные программы в конкретной организации, осуществляющей образовательную деятельность, отвечающими требованиям профессиональных стандартов, требованиям рынка труда к специалистам, рабочим и служащим соответствующего профиля. Следовательно, поскольку профессиональные стандарты по большинству юридических профессий на сегодняшний день отсутствуют, то профессионально-общественная аккредитация может проверять качество подготовки выпускников общим требованиям рынка труда в сфере юриспруденции.

Исходя из изложенного, образовательная организация вправе ориентировать программу магистратуры на те виды профессиональной деятельности, в которых испытывают потребность обучающиеся и профессиональное сообщество.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что разработка образовательных программ магистратуры по направлению подготовки «Юриспруденция» при отсутствии профессиональных стандартов подавляющего большинства профессий в сфере юриспруденции должна быть связана с запросами профильных работодателей и ориентацией на конкретные виды профессиональной деятельности, которые позволяют получить соответствующие профессиональные компетенции.

Список использованных источников:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ // СЗ РФ от 07.01.2002. №1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. №53 (ч. I). Ст. 7598.
3. Приказ Минобрнауки России «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 39.04.02 Социальная работа» от 05.02.2018 №80 [Электронный ресурс]: <http://www.pravo.gov.ru>
4. Приказ Минобрнауки России «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 41.04.05 Международные отношения» от 12.07.2017 №649 [Электронный ресурс]: <http://www.pravo.gov.ru>

5. Приказ Минобрнауки России «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр») от 14.12.2010 №1763 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. №14.

6. Минобрнауки определило, что могут ждать работодатели от магистров юриспруденции [Электронный ресурс]: <https://pravo.ru/news/view/108594/>

7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №30. Ст. 3012.

8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 №21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. №10. Ст. 1391.

9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №46. Ст. 4532.

10. Камышанова А.Е. Магистратура в системе высшего профессионального образования // Ростовский научный журнал. 2016. №7. С. 43.

11. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 №2202-1 // СЗ РФ. 1995. №47. Ст. 4472.

12. Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 №3132-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. №30. Ст. 1792.

УДК 378.14

РОЛЬ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

© С.Ю. Зылевич

*Красноярское региональное отделение Ассоциации юристов России,
Нотариальная палата Красноярского края*

Иметь юридическое образование всегда было престижно, и спрос на юридическое образование всегда был высок. Люди хотят получать высшее юридическое образование для самых разных целей, в том числе не связанных с профессиональной деятельностью (стать грамотным потребителем, говорить на одном языке с другими, разбираться в теме и пр.). Однако только с переходом на рыночные отношения и появлением платного высшего образования появилась возможность обеспечить спрос на юридическое образование путем открытия юридических факультетов везде, где это только возможно, даже в непрофильных вузах, например, сельскохозяйственных, технических и т.д. Кроме того, огромное количество филиалов вузов, способствовало увеличению

числа выпускников-юристов и снижению качества их образования. Ни для кого не секрет, что наиболее низкое качество обучения, как правило, в филиалах. Даже серьезные юридические вузы не всегда могут обеспечить необходимое качество обучения в своих филиалах в силу их удаленности от основной образовательной базы.

Тема повышения качества юридического образования в России в целом и в Красноярском крае в частности, не теряет своей актуальности. 10 лет назад, в декабре 2009 года, мы впервые под эгидой Ассоциации юристов России затронули эту тему и провели двухдневную межрегиональную научно-практическую конференцию. И тогда, 10 лет назад, нам казалось, что два дня недостаточно, чтобы обсудить все проблемы, накопившиеся в юридическом образовании. Мы обсуждали с вами новые образовательные стандарты, появление профессиональных стандартов, использование мультимедийных и интернет-технологий в обучении студентов и много других вопросов. Важно поговорить о том, как Ассоциация юристов России может влиять на качество юридического образования и способна ли она влиять на повышение его качества.

В мае 2009 года Указом Президента Российской Федерации № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» на Ассоциацию юристов России возложено проведение общественной аккредитации образовательных учреждений высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку юридических кадров[1]. Для выполнения данного Указа в качестве аккредитующего органа Ассоциации была создана Комиссия по общественной оценке качества высшего юридического образования (в настоящее время – Комиссия по юридическому образованию).

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» Ассоциация перешла на новую модель профессионально-общественной аккредитации образовательных программ, целью которой является признание качества и уровня подготовки выпускников, освоивших образовательную программу, отвечающих требованиям профессиональных стандартов, а также требованиям рынка труда к специалистам соответствующего профиля [2].

Новый механизм профессионально-общественной аккредитации образовательных программ в области юриспруденции был апробирован в мае 2015 года в качестве эксперимента, а в 2017 году в соответствии с решением Правления Ассоциации юристов России создан «Экспертный центр по оценке качества и квалификаций в области юриспруденции».

Решение о создании самостоятельного Экспертного центра обусловлено необходимостью исключить возможные конфликты интересов при принятии решения об аккредитации на основе разграничения полномочий между Экспертным центром и Ассоциацией юристов России. При этом за Ассоциацией сохраняется функция

аккредитующей организации. Итоговое решение о профессионально-общественной аккредитации образовательной программы вуза принимает Комиссия Ассоциации по юридическому образованию. Таким образом, обеспечиваются принципы объективности и независимости профессионально-общественной аккредитации.

Обязательным условием для участия в аккредитационных экспертизах образовательных программ вузов является прохождение кандидатом в эксперты обучения по проведению профессионально-общественной аккредитации. Такой семинар прошел и в Красноярске 14-15 февраля 2019 года. По его итогам 8 преподавателей Юридического института СФУ получили аккредитацию в качестве экспертов, и половина из них на сегодняшний день приняли участие в профессионально-общественной аккредитации вузов в других регионах.

В 2018 году Экспертным центром обследованы 28 вузов по 157 образовательным программам. В это число вошел и Юридический институт СФУ.

Информация по итогам заседаний Комиссии по аккредитованным программам предоставляется в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, в Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки, а также публикуется в «Российской газете» и других средствах массовой информации. Кроме того, сведения о результатах профессионально-общественной аккредитации ежемесячно публикуются на сайте автоматизированной информационной системы «Мониторинг профессионально-общественной аккредитации».

Сегодня Ассоциацией юристов России рассмотрен вопрос привлечения Экспертного центра в качестве экспертной организации, для проведения государственной аккредитационной экспертизы в отношении реализуемых образовательными организациями программ высшего образования по следующим уровням образования: специалитет, бакалавриат, магистратура, аспирантура и среднее профессиональное образование по укрупненной группе профессий, специальностей и направлений подготовки профессионального образования 40.00.00 «Юриспруденция»[3]. Полагаю, привлечение к государственной аккредитационной экспертизе Ассоциации юристов России, куда входят и представители профессорско-преподавательского состава, и юристы-практики, будет способствовать улучшению качества юридического образования.

Еще одним немаловажным фактором, влияющим на качество юридического образования, видится в участии Ассоциации юристов России в определении контрольных цифр приема по направлениям подготовки юристов за счет бюджетных средств. В соответствии с приказом Министерства образования и науки Российской Федерации Ассоциация выступает Центром ответственности по контрольным цифрам приема, в этой связи сведения об итогах аккредитационных экспертиз с предложениями по формированию объемов и структуры контрольных цифр

приема ежегодно направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

И, на наш взгляд, этот инструмент помогает, во-первых, отобрать лучших абитуриентов, с самыми высокими баллами по ЕГЭ и лучшими достижениями в научной и общественной сферах для обучения юридической профессии, а во-вторых, сдержать переизбыток выпускников с высшим юридическим образованием.

Участие членов Ассоциации юристов России в итоговой государственной аттестации выпускников вузов, академических и научно-методических советах, обсуждение существующих в юридическом образовании проблем и совместный поиск путей их решения являются также одним из действенных механизмов, валяющих на качество юридического образования сегодня.

«Взгляд со стороны» специалистов-практиков на образовательные стандарты, программы подготовки бакалавров и магистров, на наш взгляд, также очень важен при подготовке будущих юристов. Ведь именно руководители различных юридических ведомств и организаций являются будущими работодателями выпускников юридических вузов и именно они, как никто, заинтересованы, чтобы образовательные стандарты были приближены к практической деятельности юристов после окончания вуза. В этой работе также участвуют члены Ассоциации юристов России - сотрудники и руководители юридических структур.

Участие членов Ассоциации – практиков в итоговой государственной аттестации – это всегда взгляд со стороны, как на организацию образовательного процесса, так и на качество образования. Кроме того, такое участие способно нивелировать конфликт интересов: вуз обучает и одновременно контролирует качество знаний, присваивая квалификацию. В ситуации, когда примерно половину итоговой аттестационной комиссии представляют практикующие юристы – члены Ассоциации юристов России, говорить о необъективности итоговых испытаний не приходится.

Как один из инструментов, влияющих на качество юридического образования, можно обозначить участие практикующих юристов в формировании выпускника юридического института.

Взаимодействие и взаимосвязь практики и юридического образования способны повысить качество современного образования. И кому, как ни Ассоциации юристов России, заниматься этим вопросом? Именно Ассоциация – как профессиональное юридическое сообщество, на наш взгляд, способна и должна взять на себя часть ответственности за качество юридического образования.

В дальнейшем выпускник придет в Ассоциацию юристов России как полноправный ее член, и мы должны быть уверены в его квалификации и профессиональных навыках, принимая его в наше сообщество, потому что вполне

возможно, что в дальнейшем он захочет оказывать бесплатную юридическую помощь населению или попросит помощь в трудоустройстве.

Решение проблемы оценки качества полученных выпускником знаний отчасти возможно за счет введения квалификационных экзаменов на допуск в юридическую профессию и появления профессиональных стандартов. Но проблема заключается в том, что у работодателей недостаточно механизмов влияния на качество подготовки юристов, и они только начинают формулировать свои требования к качеству подготовки соответствующих специалистов. Кроме того, до сих пор нет профессиональных стандартов ни по одной юридической специальности.

Таким образом, сегодня только происходит становление системы повышения качества юридического образования. В этой системе большую роль играют институты работодателей и профессиональное сообщество в сфере юриспруденции – это Ассоциация юристов России. Набор инструментов контроля и повышения качества в этой системе включают: общественно-профессиональную аккредитацию образовательных программ; оценку юридических квалификаций; профессиональные стандарты; рейтинги юридических вузов.

Список использованных источников:

1. Указ Президента РФ от 26.05.2009 № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru>. Дата обращения 10.09.2019.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru>. Дата обращения 10.09.2019.
3. Распоряжение Рособнадзора № 1132-06 от 18.07.2019 // <http://www.consultant.ru>. Дата обращения 10.09.2019.

УДК 378.14

КЕЙС-МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

© А.А. Исаева

Томский государственный университет

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «Юриспруденция» акцентирует внимание на формировании у обучающихся профессиональных умений и навыков. В

соответствии со стандартом выпускник должен обладать профессиональными компетенциями в нормотворческой, правоохранительной, экспертно-консультационной, педагогической деятельности [1, с. 2].

Современное требование к подготовке юристов - формирование высококвалифицированных специалистов, умеющих оперативно решать возникшие проблемные практические ситуации в сжатых временных рамках.

Применяемый в системе отечественного юридического образования традиционный лекционный метод часто направлен только на формирование базовых знаний о конституционном праве. Преподаватели нередко ограничиваются простым изложением норм конституционного права, высказывая лишь собственную точку зрения по существующим проблемам. С точки зрения студентов, их задача может сводиться к пересказу этой позиции. Конкурирующие правовые аргументы, мнения ученых, придерживающихся альтернативных точек зрения, не исследуются, так как подобный плюрализм диссонирует с доминирующим в российском юридическом образовании методологическими подходами.

В то же время, вызовы времени потребовали от руководства системы профессиональной подготовки страны смены парадигмы образовательного процесса. В настоящее время действующая система норм, регулирующих образовательные правоотношения, демонстрирует переход на качественно новый уровень. Наиболее важной задачей проводящейся реформы сферы образования является сакцентированность на развитии гражданского общества. Обновление образовательной системы имеет целью сформировать условия для реализации международных обязательств России и стандартов образования, которые позволят быть успешными российским специалистам в условиях мирового рынка труда.

Другая решаемая задача – определение модели юриста, которого готовят высшие учебные заведения. Образовательные учреждения сталкиваются с проблемой определения перечня базовых навыков, которыми должен владеть выпускаемый специалист, и их содержательным наполнением. Одним из путей решения этой проблемы может стать более тесный диалог между руководством учебных заведений и потенциальными работодателями.

Подготовка студента к определенной профессии предполагает создание ее идеальной модели, то есть модели идеального прокурора, адвоката, следователя, судьи и т.д. Идеальная модель является совокупностью результатов компетенций, осваиваемых в ходе образовательной деятельности, то есть целей образовательного процесса. А цели формулируются исходя из задачи последнего. В свою очередь, преподаватели выбирают методики обучения, позволяющие достичь этих целей и определяют содержание учебных программ и фондов оценочных средств. Таким образом, задача формирования высококвалифицированного

юриста также требует создания идеального представления о том, каков этот список знаний и навыков. Сейчас вузы не в полной мере справляются с построением идеальных моделей юристов в рамках целостного образовательного процесса, а не отдельных дисциплин или видов деятельности.

Для решения указанных проблем, в том числе, были не только введены новые уровни образования – бакалавриат и магистратура, но и внедрены новые образовательные стандарты «третьего поколения» [2], что привело к значительному увеличению самостоятельной работы студентов, которая должна быть надлежащим образом организована преподавателем.

Одним из направлений повышения качества подготовки юристов, готовых к практической профессиональной деятельности, решающим выше обозначенные проблемы, является внедрение технологий, направленных на моделирование профессиональной деятельности в учебном процессе, с учетом постоянного изменения законодательства [3, с. 134-140; 4, с. 156-163]. В этой связи для формирования навыков критического мышления и способностей решать прикладные задачи важнейшей технологией подготовки юристов может стать кейс-метод (case method, ситуативный метод), предполагающий разбор конкретных ситуаций, который уже применяется в ряде отечественных социальных наук [5, с. 22-23; 6; 7]. Его использование при изучении правовых дисциплин позволяет сочетать теоретические и практические элементы в образовательном процессе.

В настоящее время кейс-метод выступает одной из наиболее распространенных образовательных технологий, направленных на проблемно-ориентированное юридическое образование во многих современных государствах [8, с. 163-180; 9, с. 379-391; 10, с. 597-607]. Некоторые авторы убеждены в его абсолютной эффективности как «сущностного основания для первоочередной задачи любого юриста, состоящей в консультировании клиентов по поводу правовых последствий определенных вариантов поведения» [11, с. 5; 7]. Однако вряд ли стоит преувеличивать значение кейс-метода для российской системы образования, особенно в преподавании конституционного права. В то же время, учитывая внедрение компетентностного подхода в существующих государственных стандартах, кейс-метод может рассматриваться в качестве одной из эффективных образовательных технологий, позволяющих сформировать практико-ориентированные компетенции будущих юристов.

Кейс-метод был разработан еще в XIX века в Соединенных Штатах Америки в качестве ответа на существовавший в те времена разрыв между юридической практикой и традиционными теоретическими подходами, которые применялись в подавляющем большинстве американских юридических вузов. На смену привычного использования лекций и учебников центральным звеном обучения в

учебных аудиториях согласно новому подходу стали судебные решения и их анализ. Родоначальником в использовании кейс-метода считают декана школы права Гарвардского университета К. К. Лангделла (англ. Christopher Columbus Langdell) [12, с. 1-139]. «Этот подход Лангделла предполагает обучение принципам права во взаимосвязи с конкретными делами, к которым они применяются. Посредством изучения дел студенту-юристу преподносятся адекватные примеры действующего права» [13, с. 261].

В ходе использования кейс-метода обучения анализируются реальные ситуации и студентам предлагается изучить ситуацию, проанализировать суть проблемы, лежащей в ее основе, предложить оптимальные и эффективные варианты ее разрешения. Кейс-метод предполагает активизацию практических навыков студентов, направленных на достижение успеха. Именно ощущение успеха выступает одной из главных движущих сил метода, способствует формированию устойчивой позитивной мотивации и наращиванию познавательной активности [14, с. 154-158].

Кейс-метод тесно связан с иными проблемно-ориентированными образовательными технологиями, в частности, с Сократическим методом (англ. Socratic Method, майевтика). Последний предполагает обучение в форме диалога, то есть беседы, в ходе которой преподаватель в ходе аудиторных занятий задает студентам вопросы по сложным проблемам соответствующей дисциплины, и, обсуждая их, они вместе приходят к новым знаниям. Необходимым дополнением к кейс-методу выступает клиническое юридическое образование (англ. Clinical Legal Education), которое означает обучение студентов-юристов в процессе консультирования клиентов и оказания им бесплатной юридической помощи в их реальных жизненных ситуациях. Во многом подготовку к реальному разбирательству в суде заменили используемые в учебном процессе симуляции (англ. Simulations) или модельные судебные процессы (англ. Moot Court).

Наиболее удобным как для аудиторных занятий, так и для письменных заданий можно считать такую разновидность кейс-метода, как анализ судебных дел (англ. case analysis). В результате такого анализа часто выступает краткое изложение дела (англ. case brief). Важной задачей такого анализа является развитие навыков юридического письма и аналитических способностей. Краткое изложение дела является распространенным документом, используемым в юридической практике многих зарубежных стран. Поэтому использование данного метода обеспечивает формирование базовых профессиональных компетенций будущего юриста.

С учетом опыта преподавания дисциплины «Конституционное право РФ» и «Конституционное право зарубежных стран» в Национальном исследовательском Томском государственном университете, можно отметить, что использование кейс-метода не является самостоятельным видом деятельности студентов,

который используется ситуативно. Эта технология получила системное использование в рамках использования методики «перевернутого класса» в ходе освоения указанных дисциплин.

Модель образовательного процесса под названием «перевернутый класс» – это разновидность смешанного обучения, при которой преподаватель предоставляет материал для самостоятельного изучения студентам, а в рамках аудиторного занятия проходит практическое закрепление пройденного материала. Для повышения эффективности организации образовательного процесса, в то же время, внедрен и активно развивается Электронный университет Moodle (www.moodle.tsu.ru).

Методика использования кейс-метода при изучении конституционного права, таким образом, может быть такой. В рамках Электронного университета Moodle создается соответствующий курс, куда преподавателем для каждой темы загружаются материалы. Это могут быть видео - и аудиофайлы, ссылки на научные статьи в журналах и монографии, собственные материалы преподавателя по теме, с содержанием которых до занятия знакомится студент и выполняет задания, обеспечивающие проверку усвоения материала, реализующие нижние уровни таксономии Блума (запоминать/понимать). В рамках аудиторной работы в начале занятия обсуждаются те материалы, с которыми студенты знакомились в ходе самостоятельной работы, уточняются сложные теоретические проблемы и вопросы, возникшие у студентов в процессе выполнения задания. Далее обучающимся предлагается изучить кейс, обстоятельства конкретного дела конституционно-правового характера. Затем им необходимо осуществить юридическую оценку указанных обстоятельств, ответив, например, на такие вопросы: какие юридические факты вы можете выделить в представленном деле; какова структура конституционного правоотношения; были ли нарушены права человека и гражданина; каков порядок их защиты; какие доказательства вы должны представить в суд для обоснования своих требований и т.д. Далее возможна как индивидуальная работа, так и групповая. На этом этапе студентам необходимо составить проекты документов. Ими, в зависимости от содержания конкретного кейса и изучаемой темы, могут быть тексты жалоб в Конституционный суд РФ или Уполномоченному по правам человека в РФ, законопроект, экспертное заключение и т.д. Также студентам предлагается перечень основной и дополнительной литературы, нормативных правовых актов, содержащих правовое основание разрешения спора, а также оценочная карта, с помощью которой они смогут осуществить самостоятельную проверку работы и исключить типичные ошибки. Работа такого характера позволяет достичь учебных целей наивысшего уровня по таксономии Блума.

В целом, интерактивные методы позволяют создавать учебную среду, в которой теория и практика усваиваются одновременно, а это дает возможность

обучающимся развивать юридическое мировоззрение, логическое мышление, грамотную и аргументированную речь; формировать критическое мышление; выявлять и реализовывать индивидуальные возможности. При этом учебно-воспитательный процесс организуется так, что обучающиеся ищут связь между новыми и уже полученными знаниями, принимают альтернативные решения, формируют свои собственные идеи и мысли с помощью различных средств, учатся коммуникации. Таким образом, описанная комплексная методика позволяет, с одной, стороны освоить материал дисциплины, а, с другой, освоить т.н. «мягкие» навыки (англ. Soft skills) — комплекс неспециализированных, надпрофессиональных навыков, и, в целом, сделать обучение комплексным и полноценным.

Список использованных источников:

1. Коханец, Л.А. Практическая направленность обучения в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования // Мир науки и образования. 2015. № 1.
2. Приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 № 1511 (ред. от 13.07.2017) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)». URL: <https://www.susu.ru/sites/default/files/univeris/standard/ed56a686-ba0a-48a7-9da5-40b525ed9367.rtf> (дата обращения 15.11.2019).
3. Усманова, Е.Ф. Технологии проектного обучения в современном высшем образовании // Интеграция образования, науки и практики: проблемы и пути решения материалы XIV Февральских педагогических чтений. 2016.
4. Шигуров, А.В. Современные технологии преподавания уголовно-исполнительного права // Интеграция образования, науки и практики: проблемы и пути решения материалы XIV Февральских педагогических чтений. 2016.
5. Деркач, А. М. Кейс-метод в обучении // Специалист. 2010. № 4.
6. Львина, Е. Д. Кейс-метод в образовании. Самара, 2004;
7. Ситуационный анализ или анатомия кейс-метода / Под ред. Ю. П. Сурмина. Киев, 2002.
8. Grote, R. Comparative Law and Teaching Law Through the Case Method in the Civil Law Tradition. A German Perspective // University of Detroit Mercy Law Review. 2005. Vol. 82.
9. Morga, E. M. The case method // Journal of Legal Education. 1952. Vol. 4.
10. Rakoff, T. D. A case for another case method / T. D. Rakoff, M. Minow // Vanderbilt Law Review. 2007. Vol. 60.

11. Brest, P. The Responsibility of Law Schools: Educating Lawyers as Counselors and Problem Solvers // Law and Contemporary Problems. 1995. Vol. 58.

12. Carter, W. B. Reconstructing Langdell // Georgia Law Review. 1997. Vol. 32.

13. West's Encyclopedia of American Law / Ed. J. Lehman, S. Phelps. Vol. 1: A to Va. Detroit, 2005.

14. Петрова, Е.В. К вопросу о методике преподавания юридических дисциплин // Вестник науки и образования. 2015. № 3 (5).

УДК 378.14

ОБ ОТНОШЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ К ПРЕДЛАГАЕМЫМ ЮРИДИЧЕСКИМ УСЛУГАМ

© А.А. Лопатин

ООО «КонсультантПлюс Илан»

Есть две стороны: клиент и юрист. Мы привыкли наделять каждую из них определенными характеристиками или ожиданиями. Например, юрист должен быть добросовестным профессионалом, экспертом в определенной области права, опытным, специализирующимся на чем-то, и т.д. Потребитель (клиент) тоже человек понимающий, платежеспособный, принимающий юриста таким, какой он есть, понимающий всю сложность работы в судебных или правоохранительных органах [1].

Как минимум, есть два фактора, которые заставляют задуматься о пересмотре нашего отношения к такому пониманию сторон юридических отношений. И юристы, и клиенты, в большинстве своем уже не будут такими. Юристы на протяжении нескольких лет на себе ощущают дефицит клиентов. Почему? Людей меньше не становится, да и количество споров в судах каждый год только растет. Многие юристы недоумевают, почему клиенты перестали приходить? Кого они выбирают? Кто может справиться с этой проблемой лучше, чем я?

Все вопросы понятны и справедливы. Ответ на них находится не в области права, поэтому он для многих неочевиден. В первую очередь, нужно посмотреть на изменения в экономике, а во вторую, нужно принять, что есть новые поколения потребителей юридических услуг, принять изменения в их картине мира, культуре, понимании юридических процессов.

Разберем экономику. Мы должны признать, что старая «нормальность» с предсказуемыми, определенными показателями, планированием и

использованием «базовых сценариев» устарела. Продуктивность, стандартизация и оптимизация производства не являются ключевыми.

В новой «нормальности» мы видим непредсказуемый, очень быстро меняющийся мир, где меняются цели и не прерываются инновации. Здесь вариативность поведения и есть норма, информационно-коммуникационные технологии завоевывают свое место в жизни людей, забирая на себя часть технических функций. С точки зрения устройства бизнес-процессов, организации и предприятия 30 лет назад и сейчас выглядят сильно по-разному. Бизнес перестает быть чем-то основательным, нерушимым, долгим. Его уже не передашь внукам, да и задачи такой никто не ставит. Если говорить о российском бизнесе, то основательный бизнес (не считая монополистов и госкомпаний) очень ловко заменяется стартапами [2]. Люди перестают играть «в долгую». Придумал идею, произвел товар, услугу – продавай. Пошло или нет, без разницы, так как в обоих случаях стартапер думает о том, что запустить дальше.

Меняется все очень быстро, а правовые механизмы неподвижные. Например, трудовое право. Отношения с работниками очень сложные и «долгие». Ты не знаешь, будет ли у тебя бизнес развиваться и сколько просуществует, а работнику платить зарплату надо. Расторгнуть с ним трудовые отношения дорого и сложно. Приспособившись к такой ситуации, люди просто перестали оформлять на работу официально, тем самым, убрав это из поля деятельности юристов.

Такая же ситуация с ИП/ООО. Зачем стартаперу, который открыл точку по продаже кофе регистрироваться, его вполне устроит перевод на карту, например, или наличные.

Нельзя не обращать внимание на молодежь. Часто слышу, что они не такие как мы, они не понимают, не принимают и даже отрицают многие понятия, являющиеся для нас нормой. Как так? Ответ прост, они другие. Это нужно принять, несмотря на сложность задачи.

Но почему так произошло? Хоть какое-то объяснение происходящему, с точки зрения социальных процессов, можно найти у В. Штрауса, в известной теории поколений. Несмотря на некоторую критику данной теории со стороны социологов, полагаю, что основной ее тезис не требует доказательств, а именно: каждые 20-25 лет мы получаем новое, относительно однородное поколение, отличающееся от предыдущего своими культурными и социальными установками. У каждого поколения свои устои, отношение к политике и власти, религии и вере, здоровому образу жизни и отношениям в обществе [3].

Если взять теорию поколений за основу, то можно легко увидеть, какие ожидания у каждого поколения от юридических услуг. Молчаливое поколение (сейчас им 70-90 лет), например, очень законопослушно, считаются с правилами и

соблюдают закон. Они пойдут до последнего, для них закон и справедливость есть одно и то же. Юриста они выбирают либо по совету знакомых, либо из-за информации в СМИ, рекламе в газете, и т.д. Но и ожидания у них соответствующие от юридических услуг: они верят в то, что они правы, и если получают «неправильное решение» обычно меняют юриста.

Поколение Y и Z, в отличие от молчаливого поколения совсем другие. Они будут общаться с юристом по Viber и Whats up, причем, скорее всего голосовыми сообщениями. Они не будут искать сочувствие у друзей и знакомых, а все выбросят в сеть. Они искренне не понимают, зачем в суд нужно ходить, ведь все есть в интернете. Понятно, что в их представлении, юрист должен обладать другими компетенциями, в отличие от представлений молчаливого поколения.

Конечно, правовая наука тоже развивается, но правовые механизмы достаточно стабильны, консервативны. Как они смогут сосуществовать в обществе, в котором инновации и изменения являются нормой. Перемены уже произошли, мы к ним еще не приспособились, а что будет впереди? Статистика пугает, ведь 65% нынешних учеников начальных школ будут работать в пока еще не существующих профессиях.

Нужно признать, что требования предыдущих поколений, среди которых умение писать без ошибок, поставленная речь, поиск и интерпретация информации, знание инстанций и ориентация в них, перестают существовать как требования большей части клиентов. В новой формации юристу нестрашно писать грамотно, программа сама исправит орфографию, информацию клиент быстрее найдет в интернете, чем получит от юриста, а интерпретация как таковая практически не нужна, ведь все ситуации описаны, можно найти свою. Кроме того, многие уже имеют опыт «пребывания» в суде, по некоторым делам в суд даже не надо ходить, так как процедура из содержательной превратилась в формальную. А кто-то вполне доволен образцом иска из интернета.

Есть еще один важный аспект, который следует разобрать. Сейчас на рынке юридических услуг много тех, кто работает от 10 лет и больше. Какие маркетинговые инструменты применяются большинством юристов для привлечения клиентов? Видна ли маркетинговая стратегия того или иного юриста? Конечно, на рынке есть юристы, которые этим хоть как-то занимаются, но 90 % ограничивается рекламой своих услуг на автомобилях или в газете. 5-7 лет назад страницы в интернете были чем-то экстраординарным. Они до сих пор есть не у всех. Нужно ли в таком смысле отдельно разбирать применение юристами таких маркетинговых понятий как воронка продаж, подогрев клиента, точки контакта, лидогенерация, тайм-офферы, лэндинги, и т.д. Очень бы хотелось посмотреть, у кого есть CRM (от

англ. Customer Relationship Management – система управления взаимоотношениями с клиентами) [4].

Отдельно хочу обратить внимание на маркетинговую проблему услуг как таковых. Как можно увидеть результат оказания юридических услуг? Это всегда вообразимый результат. Кроме того, большинство клиентов видят результат по своему. В отличие от продажи товаров, где есть образец, который можно посмотреть, пощупать, вернуть наконец, услуги обладают признаком незримости. Отсюда и происходят все неясности, недоговоренности, неудовлетворенности оказанными юридическими услугами. Это, в свою очередь, влияет на частоту обращений граждан к юристам, на отношение к юридической профессии.

В ближайшие годы клиентов будут получать не те юристы, которые хорошо понимают и разбираются в праве, а те, кто умеет продавать свои услуги клиенту, делают результат услуг видимым и ожидаемым клиентом. Действовавшие долгое время механизмы привлечения клиентов, например, рекомендации уйдут в прошлое, вместе с поколением, кто пользовался этим способом поиска юриста. На смену им приходят социальные сети, где оценка происходит по другим параметрам, отзывам, лайкам и фотографиям, излучающим успешность.

Бытует мнение, что все происходит потому, что все хотят получать качественные юридические услуги за меньшие деньги. А юристы много лет делали за большие деньги то, что сейчас может сделать каждый человек. Наверно есть в этом правда, ведь человеку свойственно желать все и сразу, но далеко не все клиенты думают о стоимости услуг. Нельзя также и отрицать развитие интернета и технологий. Благодаря огромному количеству специальных сервисов, многие юридические процессы, превратились в технические. Открыть и закрыть юридическое лицо, подать документы в суд, или отследить дело, обратиться в ведомство не представляет большой сложности.

Тем не менее, я полагаю, что успешность юристов в ближайшие 10 лет будет обусловлена не стоимостью предоставляемых услуг, а другими факторами: способность показать результат, способность рассказать клиенту, как достичь результата в сжатые сроки, обеспечить достижение желаемого клиентом результата. Буквально, каждый клиент – отдельный проект, юрист – лидер проекта, хорошо коммуницирует и делает презентации, взаимодействует с клиентом в социальных сетях. Он креативен, при этом обеспечивает результат за адекватную стоимость. Это не тот, кто пересказал информацию из интернета, или справочно-правовой системы. Это тот, кто прожил проблему вместе с другим.

Список использованных источников:

1. Бернет Дж., Мориарти С. Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход / Перевод с англ. под ред. С. Г. Божук. - СПб: Питер, (2012). – 221 с.
2. Гарри Беквит Продавая незримое. Руководство по современному маркетингу услуг / Беквит Гарри. - М.: Альпина Паблишер, (2017). – 937 с.
3. Howe Neil; Strauss William (1991). Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069.
4. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. 12-е изд.- СПб.: Питер, (2012). – 571 с.

УДК 378.2

**ПОЛУЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПО ДОГОВОРУ О ЦЕЛЕВОМ ОБУЧЕНИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ**

© О.М. Решетникова

Сибирский федеральный университет

Получение юридического образования по договору о целевом обучении призвано решить несколько задач. С одной стороны, организация, нуждающаяся в юридических кадрах (заказчик), решает этот вопрос путем направления на обучение гражданина, обеспечивая ему социальную поддержку в период обучения, организуя прохождение практик на своей базе с тем, чтобы получить не только юриста, но и профессионала именно для сферы деятельности организации-заказчика. С другой стороны, гражданин получает возможность не только поступить в вуз в рамках отдельного конкурса на избранную юридическую специальность или направление, получать социальную поддержку в период обучения, выбирать из числа дисциплин учебного плана по выбору те, что необходимы ему для будущей профессиональной деятельности, но и гарантию его последующего трудоустройства. В разные периоды развития законодательства об образовании задачи целевой подготовки решались по-разному, начиная от контрактной подготовки специалистов и завершая действующим с этого года новым порядком целевого обучения.

Право заключить договор о целевом обучении имеет гражданин, поступающий на обучение или уже обучающийся по образовательной программе высшего или среднего профессионального образования юридической направленности.

В соответствии со статьей 56 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ об образовании) гражданин, поступающий на обучение по образовательной программе среднего

профессионального или высшего образования либо обучающийся по соответствующей образовательной программе, вправе заключить договор о целевом обучении с федеральным государственным органом, органом государственной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем [5].

Получение юридического образования по договору о целевом обучении, исходя содержания существенных условий договора, можно рассматривать как комплекс относительно самостоятельных этапов, условно подразделяемых на три – прием на обучение, обучение, реализация юридического образования (трудоустройство).

Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 337-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования целевого обучения», вступившем в силу с 1 января 2019 г. [2], существенно изменены ранее действующие правила целевого приема и обучения.

Основные положения о целевом обучении регламентированы статьей 56 ФЗ об образовании, действующим в новой редакции с 2019 г., а статья 71.1 названного закона определяет особенности приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования [5].

До внесения указанных изменений статья 56 закрепляла 2 понятия – целевой прием и целевое обучение. Соответственно основанием для участия в конкурсе по квоте целевого набора служили два договора: о целевом обучении – между поступающим (обучающимся) и заказчиком и о целевом приеме – между заказчиком и образовательной организацией. Образовательная организация, выступая участником договорных отношений, была вправе как заключить, так и отказаться от заключения договора с заказчиком по формальным основаниям (например, пропуск установленного срока на заключение договора) или – по содержательным (например, несоответствие условий договора установленным требованиям, отсутствие договора о целевом обучении с гражданином и пр.).

Статья 56 ФЗ об образовании гласила – организация вправе осуществлять целевой прием. В новой редакции статья 56 устанавливает – организация осуществляет прием на целевое обучение [5]. Таким образом, сейчас, если на конкретное направление подготовки/специальность выделена квота целевого набора, то образовательная организация целевой прием осуществить обязана.

Распоряжением Правительства РФ от 11 февраля 2019 г. № 186-р утверждён Перечень специальностей, направлений подготовки, по которым проводится прием на целевое обучение по образовательным программам высшего образования в пределах установленной квоты [7]. В числе таковых: направления подготовки 40.03.01 и 40.04.01 Юриспруденция (бакалавриат и магистратура);

специальности – 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.03 Судебная экспертиза, 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность; аспирантура – 40.06.01 Юриспруденция.

Таким образом, целевое обучение допускается на всех уровнях юридического образования и по всем направлениям подготовки и специальностям юридической направленности.

До 2019 года квота целевого набора устанавливалась учредителем – профильным министерством. Теперь квота устанавливается Правительством РФ ежегодно на каждое направление подготовки, специальность. При этом Правительство РФ может устанавливать квоту с указанием субъекта РФ, в котором должны быть трудоустроены выпускники. Учредитель образовательной организации – для Сибирского федерального университета это Министерство науки и высшего образования РФ – осуществляет распределение количества целевых мест по направлениям подготовки/специальностям в конкретные подведомственные организации. Затем образовательная организация в соответствии с выделенной квотой определяет количество мест для приема на целевое обучение.

Так, например, в этом году в Сибирском федеральном университете на направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция (бакалавриат) квота целевого набора составила 7 мест из 56 на очную форму обучения и 2 места из 17 – на очно-заочную форму обучения (т.е. в объеме 10% от общего количества бюджетных мест).

Постановлением Правительства РФ от 21 марта 2019 г. «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2013 г. № 1076» № 302 утверждены: Положение о целевом обучении, Типовая форма договора о целевом обучении, Правила установления квоты приема на целевое обучение за счет федерального бюджета.

В силу статьи 71.1 ФЗ об образовании образовательная организация обязана провести прием на целевое обучение на конкурсной основе [5].

Для гражданина прием на целевое обучение предполагает возможность участвовать в отдельном конкурсе в рамках установленной квоты на бюджетное место на избранное (-ые) направление (-ия) подготовки, специальность (-сти).

Важно отметить, что теперь гражданин может подать документы в несколько образовательных организаций (не более пяти), где реализуются образовательные программы юридической направленности, с приложением заверенной копии договора о целевом обучении. Соответственно, он будет участвовать в каждом конкурсе на целевые места и, при условии прохождения по конкурсу,

предоставления оригинала документа об образовании и согласия на зачисление, будет зачислен в число студентов.

Таким образом, очевиден приоритет в механизме целевого обучения – он в расширении возможностей поступления в образовательные организации, ведущие подготовку по образовательным программам соответствующей направленности. Если целью подготовки по договору о целевом обучении является, например, подготовка будущего сотрудника юридической службы организации-заказчика, то последний может заключить с гражданином несколько договоров о целевом обучении, с указанием разных юридических специальностей и направлений подготовки, разных образовательных организаций, нескольких форм обучения.

До принятия действующего регламента целевой подготовки договор о целевом обучении был адресный – в нем фиксировалось не только единственно избранное направление подготовки или специальность, но и форма обучения, и образовательная организация. Договор предоставлялся в единственную выбранную образовательную организацию, где поступающий участвовал в единственно возможном для него конкурсе целевого набора. Очевидно, что действующий порядок существенно расширил возможности для поступления в пределах выделенной квоты по договору о целевой подготовке.

По усмотрению сторон, в первую очередь – заказчика, в договор вносятся сведения: о наличии государственной аккредитации образовательной программы; о форме обучения; об образовательной организации, где планирует получать юридическое образование поступающий; о направленности или профиле образовательной программы. Указанные условия будут выступать ограничительным фактором для участия в приеме на целевое обучение по юридическим направлениям подготовки или специальностям.

ФЗ об образовании предусматривает, что наряду с гражданином и заказчиком сторонами договора могут быть образовательная организация и организация, в которую будет трудоустроен гражданин (работодатель) [5]. Вопрос о содержании обязательств для этих участников решается соглашением сторон договора и обусловлен их ролью в получении и реализации юридического образования гражданином. Такое нововведение существенно меняет подход к целевой подготовке. Теперь организация-заказчик может не являться организацией, в которую будет в будущем трудоустроен выпускник. Заказчик выступает в роли посредника, обеспечивающего целевое обучение специалистов для организаций, испытывающих потребности в этих кадрах. Безусловно это может стать эффективным механизмом для формирования кадрового потенциала на территории региона или муниципального образования. Заказчиком по договору о целевом обучении будет выступать орган региональной власти или местного самоуправления, а местом

трудоустройства лиц, получивших образование по такому договору, станут организации и учреждения, функционирующие на территории конкретного региона или муниципального образования.

Основанием участия в отдельном конкурсе является договор о целевом обучении, заключенный между заказчиком и обучающимся. Именно к участникам и условиям договора предъявляются особые требования.

Так заказчиком по договору при приеме на целевое обучение может быть только специальный субъект. Перечень таких субъектов установлен в статье 71.1 ФЗ об образовании [5]. Это органы государственной (федеральной или региональной) власти, местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, государственные компании и корпорации, юридические лица с государственным участием. Именно договор с таким заказчиком позволит претендовать на бюджетное целевое место при поступлении.

Если заключается договор о целевом обучении и это не обусловлено приемом на целевое бюджетное место в рамках выделенной квоты, то заказчиком может выступать любое юридическое лицо, индивидуальный предприниматель. Такой договор можно заключить и при поступлении, и во время обучения.

Существенные условия договора о целевом обучении определены в статье 56 ФЗ об образовании [5], в Положении о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования (утв. Постановлением Правительства РФ от 21 марта 2019 г. № 302) [4] и включают систему обязательств заказчика и гражданина.

Обязательства заказчика целевого обучения заключаются в организации предоставления и (или) предоставлении гражданину в период обучения мер поддержки, а также – по трудоустройству гражданина. На гражданина, заключившего договор о целевом обучении, возложены обязательства по освоению образовательной программы и по осуществлению трудовой деятельности в течение не менее трех лет в соответствии с полученной квалификацией.

Как известно, значение существенных условий в том, что договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора (статья 432 ГК РФ) [1].

В Письме от 9 июля 2019 г. № МН-3.6/3890 «Об организации приема на целевое обучение» Министерство науки и высшего образования РФ разъяснило – при отсутствии в представленном поступающим договоре существенных условий данный договор считается не заключенным, и следовательно – не может являться основанием участия поступающего в конкурсе на места в пределах целевой квоты [6].

Проверка содержания договора о целевом обучении на предмет соответствия установленным требованиям возлагается на образовательную

организацию. Как указывает Министерство науки и высшего образования РФ – «в соответствии с Порядком приема образовательная организация осуществляет проверку достоверности сведений, указанных в заявлении о приеме и подлинности поданных документов, а, следовательно, несет ответственность за достоверность соответствующих документов. При проведении указанной проверки организация вправе обращаться в соответствующие государственные информационные системы, государственные (муниципальные) органы и организации» [6].

На практике это вызывает определенные сложности. Очевидно, что образовательная организация создана для осуществления совершенно другой деятельности, поэтому вынуждена использовать собственные ресурсы (например, юридическую службу) по проведению фактически правовой экспертизы содержания договора о целевом обучении. При этом наличие утвержденной Правительством РФ типовой формы договора о целевом обучении [4], с одной стороны, существенно облегчает согласование условий и заключение такого договора. Но, с другой стороны, в договорах о целевом обучении стороны часто формулируют условия неясно, формально, что может препятствовать как исполнению достигнутых договоренностей, так и осуществлению проверки надлежащего исполнения взятых на себя обязательств. Неясность содержания договора в дальнейшем может потребовать толкования договора в соответствии со статьей 431 ГК РФ [1].

Так, анализ содержания представленных в Сибирский федеральный университет в 2019 году договоров о целевом обучении по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» дает основание говорить о существенных недостатках этих договоров. Например, вообще не называется организация, куда будет трудоустроен гражданин, а только наименование объекта административно-территориального деления – Казачинский район, территория Красноярского края и пр. Не указываются: будущая должность; вид экономической деятельности организации, в которую будет выпускник трудоустроен; условия оплаты его труда. Такое содержание допускает типовая форма договора о целевом обучении, что, полагаем, говорит о расхождении с требованиями, установленными в ФЗ об образовании и Положении о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования [5, 4].

В отношении требования предоставления необходимых мер поддержки казачки также часто стараются его обойти, давая весьма размытые формулировки как то: «оплата питания и проезда один раз в год», «пользование оргтехникой Казачки и доступ в Интернет», «оплата проезда до места обучения и обратно».

При этом в Письме от 9 июля 2019 г. № МН-3.6/3890 «Об организации приема на целевое обучение» сообщается, что после завершения Приемной кампании Департаментом государственной политики в сфере высшего образования

будет проведен мониторинг приема на целевое обучение, в рамках которого будут рассмотрены и вопросы наличия в представленных договорах обязательств заказчика по предоставлению гражданину мер поддержки, включая меры материального стимулирования, оплату дополнительных платных образовательных услуг, оказываемых за рамками образовательной программы [5].

В связи с тем, что в 2019 году впервые велся прием на целевое обучение по новым правилам, оценку деятельности образовательных организаций Министерство науки и высшего образования РФ еще не озвучило. Но, полагаем, уже очевидно, что возложение ответственности за содержание договора о целевом обучении на образовательную организацию без создания адекватного механизма проведения экспертизы договоров о целевом обучении нельзя признать эффективным решением.

На наш взгляд заслуживает внимания и законодательная регламентация порядка расторжения договора о целевом обучении.

Договор о целевом обучении может быть расторгнут в период приемной кампании. Так, если поступающий не проходит по конкурсу, он информирует в письменной форме заказчика и договор о целевом обучении расторгается, а стороны договора освобождаются от ответственности за неисполнение обязательств по договору о целевом обучении (пункт 50 Положения о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования) [4]. Однако вопрос о последствиях неизвещения заказчика поступающим действующим законодательством не урегулирован. Очевидно, что непрохождение по конкурсу (непоступление на соответствующую специальность или направление подготовки) является достаточным основанием для расторжения договора о целевом обучении. Поэтому информирование можно было бы считать факультативным основанием или условием. Но законодательная регламентация такова, что можно говорить о юридическом составе, совокупности фактов, влекущих предусмотренные законодательством правовые последствия. Соответственно этим – сформированностью юридического состава – определяется и момент расторжения договора. Остается открытым и вопрос о судьбе договора, если поступающий не прошел по конкурсу, но известил об этом заказчика устно, без соблюдения письменной формы, как это предусмотрено в пункте 50 Положения о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования [3]. Считаем, что это формальное нарушение конечно не может повлечь сколько-нибудь существенных правовых последствий. Тем не менее указанное выше может породить вполне ощутимые проблемы в практике реализации договора о целевом обучении.

После зачисления гражданина в число студентов на конкретную образовательную программу по договору о целевом обучении вопрос о расторжении указанного договора решается иначе. По общему правилу договор о целевом обучении, в соответствии с которым гражданин принят на целевое обучение в пределах квоты, не может быть расторгнут по соглашению сторон, не может предусматривать условий прекращения или приостановления исполнения обязательств, кроме тех, которые установлены Положением о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования. [3]

Для получения юридического образования по договору о целевом обучении актуален вопрос последующего трудоустройства выпускника в органы государственной власти, с прохождением государственной службы. В соответствии со статьей 56 ФЗ об образовании особенности заключения договора о целевом обучении, стороной которого является федеральный государственный орган, орган государственной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления и который включает в себя обязательство гражданина, заключившего договор о целевом обучении, по прохождению государственной службы или муниципальной службы после завершения обучения, определяются в порядке, установленном федеральными законами о видах государственной службы или законодательством о муниципальной службе [4]. Такой специальный порядок установлен Указом Президента РФ от 21.12.2009 № 1456 (ред. от 18.12.2016) «О подготовке кадров для федеральной государственной гражданской службы по договорам о целевом обучении» (вместе с «Положением о порядке заключения договора о целевом обучении между федеральным государственным органом и гражданином Российской Федерации с обязательством последующего прохождения федеральной государственной гражданской службы») [2].

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
2. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением структуры федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в сфере образования и науки. Федеральный закон от 26.07.2019 № 232-ФЗ //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

3. О подготовке кадров для федеральной государственной гражданской службы по договорам о целевом обучении» (вместе с «Положением о порядке заключения договора о целевом обучении между федеральным государственным органом и гражданином Российской Федерации с обязательством последующего прохождения федеральной государственной гражданской службы») Указ Президента РФ от 21.12.2009 № 1456 (ред. от 18.12.2016) // Российская газета, № 250, 25 декабря 2009.

4. О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2013 г. № 1076» (вместе с «Положением о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования», «Правилами установления квоты приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета»). Постановление Правительства РФ от 21.03.2019 № 302 (ред. от 17.10.2019) « //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

5. Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

6. Об организации приема на целевое обучение. <Письмо> Минобрнауки России от 09.07.2019 № МН-3.6/3890 //Официальные документы в образовании, № 20, июль, 2019

7. Об утверждении перечня специальностей, направлений подготовки, по которым проводится прием на целевое обучение по образовательным программам высшего образования в пределах установленной квоты. Распоряжение Правительства РФ от 11.02.2019 № 186-р (ред. от 18.05.2019) //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

УДК 327.3

**RUSSIA'S CHALLENGING RELATIONS WITH THE EU:
THE RESULTS OF THE "SELECTIVE ENGAGEMENT" POLICY**

© Yu.I. Dzis

Siberian Federal University

After the collapse of the Soviet Union it did not take the European Union and Russia long to conclude the Agreement on Partnership and Cooperation. But cooperation between the parties was not that easy from the very beginning. The document was adopted in 1994 but it came into force only three years later.

Nevertheless, having laid a sound legal foundation for the EU-Russia relations, the Partnership and Cooperation Agreement (PCA) provided a major impetus to their dynamic development over the subsequent years. The Agreement created conditions for gradual Russia-EU convergence with a view to establishing a broad space of economic and humanitarian cooperation in Europe. It outlined a multi-level architecture for sectoral cooperation and provided an institutional framework for bilateral political dialogue.

In the 2000s it became clear that changing realities required legal basis of the relations to be updated. New opportunities were opened by the four Roadmaps adopted in 2005 by the top leaders of Russia and the European Union. At the Russia-EU summit in London in 2005 political agreement was reached to conclude a New Basic Agreement (NBA) to replace the Partnership and Cooperation Agreement (PCA). The practical attempt to create a new agreement was launched in July 2008, twelve rounds of negotiations followed but today, however, negotiations on NBA are still suspended. In his report Al. Gromyko points out that it was really difficult to fill the EU-Russia bilateral relations with substance because many internal and external factors influenced them [10, c. 6].

But it would not be an exaggeration to say that Russia-EU relations reached their lowest point since the end of the Cold War with the Ukraine conflict.

In March 2016, two years after the Crimea events European foreign ministers and the EU High Representative for Foreign Affairs and Security Policy, Federica Mogherini, agreed on five guiding principles for the EU-Russia relations: full implementation of the Minsk agreements; closer ties with Russia's former Soviet neighbours; strengthening EU resilience to Russian threats; selective engagement with Russia on certain issues; and support for people-to-people contacts. All Member-States of the EU showed full unity and approved the five guiding principles for the EU policy towards Russia.

Among those five guiding principles there was one which we may definitely name

"constructive". That principle is called "selective engagement with Russia". It was a real opportunity for the EU and Russia to cooperate in some spheres without being involved in more problematic ones. In other words it was a kind of a "soft power" tool of the EU in Brussels-Moscow bilateral relations.

So what is "selective engagement" or cooperation? It is not when one side chooses certain matters and the other side chooses other different matters and they strictly insist that these very matters should be in the focus of attention. This is not so. If that was so then there would not be any dialogue between Russia and the EU. Here the situation is a little bit different. Both sides choose the matters of interest, concern, priority and importance or threats and then they start selecting the issues to be discussed jointly. The term "selective" should not be understood as an invitation to choose those areas where engagement is convenient to both sides, and ignore others. Neither should it be used as an excuse for no engagement at all. The strategy of "selective engagement" should be understood as a process whereby Russia and the EU identify areas of possible cooperation despite the potential challenges. And in the course of the dialogue and communications the positions are getting closer, Russia and the EU are supposed to have a better mutual understanding of each other and thus they will select the topics that initially sounded very tough and rigid.

This strategy was initiated in 2016 and three years after its implementation we do not see any visible results. This article aims to address the strategy of "Selective engagement" and check its effectiveness over the past three years as well as to propose ways of rebuilding the EU-Russia relations.

First of all, it is necessary to say that in June 2016 – three months after the strategy of "Selective engagement" was adopted – the EU Commission president Jean-Claude Juncker despite tensions between the West and Russia visited the 20th St.Peterburg International Economic Forum (SPIEF). And it is very important to mention that at the forum the Russian side expressed its readiness to fill the strategy of "Selective engagement" with substance. But Juncker's visit faced resistance from the United States and some European countries which considered the visit to be inappropriate at a delicate time of discussions on sanctions and Russian proposals on improving the EU – Russia relations were somehow lost in the bureaucratic labyrinths of Brussels.

The main question is: "Which side is to blame for the failed strategy of "Selective engagement"?"

On the one hand, we may blame Russia because our country could have refrained from showing its outward support for the right-wing populists in Europe.

In addition, the Russian side could probably have shown more interest in developing cooperation with Brussels on a number of problems, for example economic development, security issues and environmental protection.

As for economic development both Russia and the European Union remain economically interdependent – economic relations are still strong. This sphere of interaction continuously remains highly important not only for Russia but for the EU as well. Both sides are economically interdependent, and this is an important factor which really matters. "Despite the significant drop in the volume of bilateral trade in the last two years and Russia's slide to the fourth place in the list of EU's foreign trade partners, the European Union certainly remains the largest trading partner of Russia", says the report of The European External Action Service [6]. Moreover, the experts of the Russian International Affairs Council (RIAC) and the Robert Bosch Center at the German Council on Foreign Relations (DGAP) state, "As of today, the EU accounts for more than half of Russia's exports and more than 40 percent of imports. Although in recent years the delivery of Russian energy resources to the EU has declined in terms of monetary value due to the fall in world oil prices, the physical volume of delivery is not only being maintained, but is on the rise" [8, p. 8]. Besides, there is also a strong demand in business communities on both sides to develop trade relations and economic cooperation in spite of mutual sanctions.

Besides, both sides have an interest in stable external and European security. Early in the last decade, following progress in developing the European Security and Defence Policy, Russia and the EU set an ambitious agenda for cooperation on security in Europe and around the world [1]. That agenda embraced a wide range of issues including non-proliferation of weapons of mass destruction, crisis management, the fight against transnational crime and terrorism, arms control, combatting illegal narcotic drugs trafficking etc. In 2005, major ways for practical cooperation in those fields were specified in the Russia–EU road map on the common space of external security [4]. The EU and Russia have an interest in stability. The sides are confronted with a shift in global context and it would be better if they were capable of facing these changes together. They should be in a position to pursue this interest jointly.

It is also worth mentioning that the EU and Russia should really think about cooperation in the area of climate change. This is something that is rather advanced on the EU side, not so advances on the Russian side, here the interests of the sides coincide, there are no divergencies and discrepancies between them so they could definitely benefit from cooperation.

On the other hand, as for the European Union, one of the reasons why the strategy of "Selective engagement" was not successful is the lack of political will. Here it is important to mention that Russia is always ready to maintain and develop mutual relations with Europe. During his working visit to Austria in June 2018 V. Putin said, "We had a dialogue with Europe about the economy, concerning twenty different industries. Now it's practically over, and not by our doing, we didn't initiate the end of this interaction.

However, we are open and ready for further cooperation" [9].

Researchers of the EU-Russia Expert Network pay special attention to this problem, saying that "both sides will need to leave their comfort zones behind if they intend to improve the relationship in the long run. For the EU that implies making Russia a priority again – not in the sense that Russia should have priority over other countries in Eastern Europe or elsewhere, but in the sense that Russia is too important an international player for the EU not to have a proactive and strategic policy. Moscow, on the other hand, needs to acknowledge that, regardless of intensifying relations with Asian countries and particularly China, the EU is an indispensable partner for any kind of sustainable development of the country"[2, p.7].

Some Russian experts believe that if it was Brussels that put forward the strategy of "Selective engagement," then it is Brussels that must take on the bulk of the responsibility for its implementation. In addition A. Kortunov, Director General of the Russian International Affairs Council states, "What is more, as we all know, it is easier for the stronger side to take the initiative. And, whatever the Euro-sceptics may say, the European Union is objectively stronger than Russia in just about every respect. The only exception is the military sphere. The European Union has clear advantages in terms of economy, demographics, modern technology, and "soft power""[3].

The other reason which is also important is that relations with Moscow is not the only problem that Brussels has to deal with right now. There is also the problem of Brexit, the disagreements on the EU budget, changing of political elites in Europe and significant difficulties in relations with the US.

The third reason is closely connected with sanctions. The overall climate of the EU-Russia relations does not allow the sides to realise the significant potential of the EU and Russia's cooperation, which could have been used for solving common problems of joint development. And sanctions are detrimental in this respect. As a result of the EU sanctions against Russia the basic principles, the mechanisms of WTO can simply be destroyed, that is why they may have a certain political effect which is very doubtful in respect to Russia.

Unfortunately, nowadays it is clear that the EU is not going to lift sanctions in the foreseeable future but it does not mean that our mutual relations are doomed. Russia and the EU bilateral relations are indeed at a low, but they are in much better shape than Russia-US relations. Brussels takes a more sound approach towards Russia than Washington. It insists on a clear linkage between restrictive measures and Russia's policy towards Ukraine, and avoids sanctions spilling over into other areas. On the other hand, Russia tends to perceive the EU as a more flexible and receptive international counterpart than the US.

It is also worth mentioning that the EU uses the method of strategic thinking

towards Russia. This is proved by the fact in 2016 the EU delegation to Russia established the EU-Russia Expert Network representing the most important Think Tanks dealing with the EU-Russia international relations both in Russia and in different EU member-states. The Network has 35 members: 20 of them are from the EU Member-States and 15 are from Russia. The experts of the Network are interested not only in open and controversial discussions and productive exchange of opinions but also in drawing conclusions and formulating recommendations on how to improve the EU-Russia relations which they offer as ideas to expert communities and governments on both sides.

The role of this Network is very important in terms of filling the strategy of "Selective engagement" with substance. For example, the experts identified five topics where the EU and Russia diverge in their views. These are "international order", "approaches to security", "origins of the current crisis in European security", "views on Ukraine" and finally "democracy, political regime and interference". Therefore to make the strategy of "Selective engagement" successful both Russia and the EU shall avoid these topics. The EU-Russia Network Interim Report puts it as follows, "Most observers recognize that Moscow's policy is not the root cause of the internal problems the EU is facing today. However, it is believed that Russia exploits the EU's weaknesses in order to promote its interests in what some call a "hybrid war against the EU""[2, p. 5].

What does this initiative mean? It actually means that even if in the short term perspective there are no ways of interacting between the two sides, the EU tries to retain the channels of communication with Russia and in the long term perspective filling the strategy of "Selective engagement" with real content is quite possible.

Overall, it is obvious that differences between Russia and the EU have been long time coming. They have been growing for nearly two decades. But until 2014 both Russia and the EU were not very aware of them. The EU tended to think that Russia was still on the same trajectory as Eastern Europe. Eventually it would converge with Europe and opt European values and European worldview. And Russia had its own wrong views about Europe. Moscow had its geopolitical sphere of influence, it often exaggerated dependence of Europe on America. The EU and Russia did not really know about their differences. And then when the events of 2014 exposed them, suddenly everyone was shocked and both sides started to exaggerate the differences. The EU started viewing Russia as almost an enemy and vice versa.

Over the past five years what we have seen in the EU-Russia relations is a paradigm shift. There is a departure from what was called "strategic partnership" before 2014 to something that is basically determined by "mutual distrust" and both sides perceive one another more like a strategic challenge. "In fact, it is doubtful if "strategic partnership" was ever more than a buzzword for a relationship that went into crisis mode long before 2014. In 2018, strategic partnership as a goal has been replaced by "strategic distrust",

which now permeates the full scope of bilateral relations", says one of the representatives of the EU-Russia Expert Network [2, p. 6]. In 2016 the EU Global Strategy identified the relationship with Russia as a "key strategic challenge" because "Russia's violation of international law and the destabilization of Ukraine, on top of protracted conflicts in the wider Black Sea region, have challenged the European security order at its core" [7].

That is why for Moscow and Brussels it is extremely important to discuss the nature of their differences because that might not make these differences disappear but it would make them less dangerous, more rational and that would allow the sides to see where there is space for cooperation or managing the differences.

In conclusion we may refer to M. Russel – the expert of the EU on Russia. In his report on the EU's Russia policy the author says, "To date, little progress has been made towards ending the Ukraine conflict. In addition, new sources of tension have emerged. In the short term, an easing of tensions seems unlikely" [5]. Of course, we shall take it into account. But at the same time there is one more thing which is worth mentioning. Over the period of 30 years of controversial relations with the European Union, Moscow still has not understood up to the end how to interact with the numerous levels of the Brussels bureaucracy effectively in order to gain the maximum benefits. However, over the past five years, Moscow has more or less managed to adapt to the "new normal" in its relations with Europe. Of course, the Russian political elites see this "new normal" as a state of affairs which is far from ideal, but rather tolerable. That is why nowadays it is not so important to make predictions about the EU-Russia relations but to understand the existing trends and new trends as well.

References:

1. Areas of Cooperation. Crisis management [Electronic resource] // Permanent Mission of the Russian Federation to the European Union. – Access mode: <http://russiaeu.ru/en/areas-cooperation>.
2. Fischer, S., Timofeev, I. EUREN Interim Report: Selective Engagement between the EU and Russia / S. Fischer, I. Timofeev. – Moscow, 2018. – 10 p.
3. Kortunov, A. Bandmaster or Conductor: What is Wrong with the EU "Selective Engagement" Policy? [Electronic resource] / A. Kortunov // Russian International Affairs Council. – 28.05.2019. – Access mode: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/bandmaster-or-conductor-what-is-wrong-with-the-eu-selective-engagement-policy/>.
4. Road Map on the Common Space of External Security [Electronic resource]. – May 2005. – Access mode: http://www.russianmission.eu/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_external_security_2005_english.pdf.

5. Russell, M. The EU's Russia policy: Five guiding principles [Electronic resource] / M. Russel // European Parliamentary Research Service. – 2018. – Access mode: http://www.europarl.europa.eu/Reg-Data/etudes/BRIE/2018/614698/EPRS_BRI%282018%29614698_EN.pdf.

6. Russia's share of EU trade in goods has declined sharply [Electronic resource] // The European External Action Service (EEAS). – 01.04.2016. – Access mode: http://www.eeas.europa.eu/top_stories/2016/010416_ru.htm.

7. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy [Electronic resource]. – June 2016. – Access mode: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf.

8. Zagorski, A.V., Zellner, W., Ivanov, I.S. Renewing Mechanisms for Russia-EU Cooperation / A.V. Zagorski, W. Zellner; I.S. Ivanov, Editor-in-Chief; RIAC. – Moscow, 2016. – 24 p.

9. Zarubin, P., Medvedev, A., Korostelev, A., Putra, A., Terpugova, A. Putin's Austria Visit Established One Thing: Peace in Europe is Only Possible if Russia is Included [Electronic resource] / P. Zarubin, A. Medvedev, A. Korostelev, A. Putra, A. Terpugova // Vesti News. – 6.06.2018. – Access mode: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3025902>.

10. Россия – Европейский союз: возможности партнерства / [И.М. Бусыгина (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам. – М., 2013. – 96 с.

УДК 339.92:327

COMMERCIAL BRANDS AS AN IMPORTANT INSTRUMENT OF SOFT POWER

© A.A. Barinova

Scientific adviser: Yu.I. Dzis

Siberian Federal University

Nowadays it is almost impossible to imagine someone who has never tasted a hamburger and fries from McDonald's or someone who has never taken a pile of items to a dressing room during sales in Zara. This is not too dissimilar from the fact that it is hard to think of anybody who has never watched Game of Thrones.

Globalization made it possible to consume almost identical and, in some case, fully identical goods all over the world. While looking at students from different continents it is painfully obvious that they all tend to choose identical clothing, perfumes, and even lingerie brands. Moreover, they all like the same music, films, and books. Besides, people are even globalized and interdependent via social networks. Every day 3.4 billion

people around the world are online searching, tweeting and emailing [6].

Being able to find a Chanel or an Apple store anywhere in the world, makes it easier to detect soft power in action. Modern soft power influence is greater than that of educational programmes and camps. It is more about interfering and lobbying the interests of Transnational Companies rather than countries' interests, although national interests still need to be considered. This isn't a new phenomenon, but a pretty provocative one, especially when it comes to its implications.

Power in international relations has traditionally been defined in 'hard' terms, which is often understood in a context of military and economic pressure. Hard power is always deployed in the forms of coercion: using force, the threat of force, economic sanctions or inducement of payment. Generally, a country is recognized as a great power due to its size, capacity, and quality of resources. This includes its population, natural resources, territory, military strength, and economic power. A nation's hard power is reflected in its ability to use its abundant pool of resources.

In contrast to the forced nature of hard power, soft power favors positive attractions and persuasion to achieve foreign policy objectives. Soft power evades the traditional foreign policy tools of carrot and stick, moving forward to build networks, establishing international rules in the world arena and making the country naturally attractive to the world, in order to gain influence. In simple terms, soft power is the ability of a state to indirectly convince others to desire its goals and vision.

The concept of soft power has undergone a decades-long process of evolution. Joseph Nye first used the term "soft power" in 1990, defining it as the ability of one state to change the behavior of other states by means of persuasion and attraction, rather than coercion or payment. The whole concept of soft power is based on the assumption that there is a link between attractiveness and the ability to influence others in international relations, in other words, such a power of attraction is really able to shape the preferences of others.

Joseph Nye, the originator of the concept, has set three pillars of soft power: political values, culture, and foreign policy. The basic component of the soft power concept is the export of culture and values, namely the establishment and the dissemination of a certain lifestyle, that is regarded as the most appropriate and progressive.

It should be mentioned from the start that, there is no universal or historically determined layout development of humankind. Liberalism, traditionalism and value systems of Papua New Guinea are only totally equivalent versions due to the adoption of members of the society. The dominance of one version globally results from economic and intellectual resources of the initiating country.

When a country's culture promotes universal values that other nations can easily identify with, it makes them naturally attractive to others. The reach and volume of

cultural output are important in building soft power.

Culture export is frequently facilitated by socio-economic and socio-political drivers. The high level of psychological and sociological studies is also worth mentioning. That so-called 'west culture' does not only include the USA but also the EU, South Korea, and Japan. These states are heading in a similar direction of 'broadcasted' ideology and values. Nevertheless, soft power is widely used not just by 'west countries', but also by China, Russia, and Transnational Corporations.

"In today's global information age, victory often depends not on whose army wins, but on whose story wins". This assertion from John Arquilla – often echoed by Joseph Nye – clearly conveys the utility of soft power and the importance of effectively communicating a winning global narrative [8]. USC Center on Public Diplomacy made an effort to identify and measure modern soft power by conducting the research based on the current state of global geopolitics, liberal international order, and implementation of soft power policies of the countries. The Soft Power 30 index is estimated to appear as a world's most comprehensive and comparative assessment of global soft power. The report can be considered as 'the clearest picture of global soft power to date'. It is also worth mentioning that the polling data included cuisine, tech products, friendliness and culture, luxury goods and foreign policy. The objective data is drawn from a range of different sources and is structured into six categories, with each category functioning as a sub-index with an individual score. As with previous years, the six sub-indices are Government, Culture, Global Engagement, Education, Digital, and Enterprise.

The change of the top five countries represents the unfolding shift in global power dynamics, as Asia's rise takes on wider political implications. For example, this year Japan made a breathtaking entrance into the top five, while Canada fell to the sixth place.

The UK took a spot in this year's report, despite Brexit negotiations. In the report, the UK's significant soft power clout is highlighted. British influence is spread by The British Council all over the world. Also, The BBC World Service still remains the most trusted news provider and valuable soft power asset. British art, film, and music continue to blossom in the global market. Ed Sheeran and Adele are rapidly conquering the world with 32 million followers in each Instagram account.

France follows the second place, due to boost on the heel of elections of globally-minded President Emmanuel Macron. President Macron's digital-savvy continues to benefit French soft power, as measured in the Digital sub-index, as it climbs further up to the second place, overtaking the UK and Germany [8].

Germany was ranked third among the countries, as a consequence of high-quality advanced manufacturing sector and engineering prowess. Besides, nowadays Germany has the primary driving force in European affairs.

The USA used to seem to be the undoubted leader in 'culture export', is placed in

the fourth position. Some experts assume that such a sharp decline in the US's performance is triggered by the harsh rhetoric of "America First" and Donald Trump's combative relations. Anyway, the US is home to some of the largest tech companies in the world, including Amazon, Apple, Facebook, Google, and Microsoft, as well as numerous start-ups in Silicon Valley and tech hubs across the country [8]. As well as the strongest soft power in its higher education institutions, cultural production, and technological innovation.

Japan and Canada follow the USA. This year, Japan was lifted by an impressive rise in its polling scores, which helped push it into the top five. Japanese culture and innovation are mostly associated with anime, manga, J-pop, cuisine, electronics, automobiles, art, literature, design, architecture, and more. Iconic characters such as Pokémon and Hello Kitty, as well as household names such as Toyota and Sony.

Rounding out the remaining top ten places are Switzerland, Sweden, the Netherlands, and Australia [8]. Swiss neutrality remains a potent soft power asset, as it continues to be among the most trusted countries in the world, as reported in the polling data. Switzerland's approach to global affairs and its impeachable neutrality make it one of the world's most effective arbiters and peace mediators. Australia's influence is impeded by 'the tyranny of the distance', making it all the more important to attract international attention for the right reasons. The Netherlands has the fourth most top-ranking universities after the US, UK, and Germany, with thirteen universities in the Times Higher Education Global University Rankings [8].

Exported culture is mostly intended to entertain a consumer, meaning the majority of soft power tools are concentrated in B2C sales (business-to-customer). This is especially obvious in such areas as:

- Mass media;
- Popular arts (cinematography, music, literature, fashion industry);
- Consumer companies (clothes and cosmetics brands, beverages, electronics and home appliances, car industry, etc.);
- Fast-food companies (KFC, McDonald's, PepsiCo, Mars Incorporated).

Therefore, in a soft power policy consumer brands have a key role to play. Brands, unlike trademarks, bear complex positioning. When buying such goods, the consumer together with the item also has access to a certain lifestyle, position as well as a commitment to defined values.

This point is borne out by B. Barber in "Jihad vs. McWorld", who says "For America's largest brand-name consumer goods corporations like Coca-Cola, Marlboro, KFC, Nike, Hershey, Levi's, Pepsi, Wrigley, or McDonald's, selling American products means selling America: its popular culture, its putative prosperity, its ubiquitous imagery and software, and thus its very soul. Merchandising is as much about symbols as about

goods and sells not life's necessities but life's styles—which is the modern pathway that takes us from the body to the soul" [3, с.62]. The positioning of Apple is the best articulation of the balance of trademark and brand. MacBook and iPhone were positioned as gadgets for a man of vision, for those who are on the forefront of progress and innovation. Apple is not just selling 95.6 million items each quarter, but also the illusion of involvement status [2].

310 stores of Chanel cosmetics act in a similar way. "The best things in life are free. The second-best are very expensive", Coco Chanel's quote is still a keynote of B2C sales in the company. Chanel items become a synonym of luxury, quality and impeccable taste. Since 1910 women from all around the globe give preference to wear Chanel Perfumes for special events. Due to this Chanel's annual turnover is 1.1 billion dollars.

In that regard, it is noteworthy that some brands are attracting new customers to the stores by using accessibility and affordability. By being that "outgoing" they are expanding target audience day by day. "Come as you are" is one of the McDonald's slogans, meaning every customer is welcomed as he or she is, there is literally no need to pose as someone to be the desired consumer. If you are a Muslim or Christian, posh or in need, single or have a couple McDonald's accepts you as you are. Due to this McDonald's' daily customer traffic (62 million) is greater than the population of Great Britain [4]. In 31,000 thousand restaurants, 75 hamburgers are being sold every second [5]. Which is why yellow letter "M" and yellow-reddish clown are known far and wide.

Particular attention should be given to Inditex S.A., a corporation established by Amancio Ortega in 1963 in Arteijo, Spain. Founded in Spain, nowadays known from New York to Manila, it has already opened 7,490 stores worldwide [1]. The 174,386 people working for Inditex in 2018 represent 154 nationalities and speak 73 different languages [1]. The company is fostering a high-quality relationship with customers through digital channels, in 2018 Inditex was contacted 30 million times with an average of 94% in the level of satisfaction. In the Annual Report, the company underlines the importance of launching WhatsApp as a new communication channel in the United Kingdom, Ireland and Spain [1]. Simplicity and practicality reflect the best the reality of the globalized world and needs of the modern human. Inditex, for its part, is ready to create and commercialize fashion that is customized to the preferences of customers all over the world with the brands such as Zara, Bershka, Oysho, Pull&Bear, Massimo Dutti, Stradivarius, Uterque, as well as Zara Home stores.

At the same time, it is important to emphasize that mass influence is not the inevitable result of mass production. Instruments, used by brands to achieve their targets, are also relevant to analyze. Meta-messages should be mentioned first as some psychologists classify them as part of neurolinguistic programming. This type of advertising, for the most part, is video-advert using gestures, mimic or dances. Mercedes Benz

advertising the C-class cabriolet gave favor to meta-messages, as did Chanel when presenting Coco Mademoiselle with Kira Knightly. By involving famous actors, bloggers, singers, and even politicians brands are bringing greater attention to their products. Moreover, the celebrities' image can add to the brand particular features which are needed to make a product grow as well as help to create a positive perception. For example, since the 1950s to nowadays such celebrities like Marilyn Monroe, Vanessa Paradis, Nicole Kidman, Kristen Stewart, and even Brad Pitt have been the face of Chanel company. Marketing of such brands is often built upon psychology so that associations and positive emotional background are extremely important to create. Coca-Cola Christmas advertising is a shining example. Geographic targeting has proven effective in McDonald's ad campaign, "There may be regional variations to capture the local palate and cultural imagination – Curry Burgers in India, Samurai Burgers in Japan, Rendang Burgers in Malaysia and Indonesia – but the product is the same, despite its McDonaldised 'diversity'", Z. Sardar says [7, c.105]. Also, some brands support charities, like Ronald McDonald House charities, or advocate for green consumption like Inditex. By doing this brands are promoting the companies' positive image. Collaborations also assist to promote the goods (Oysho& Adidas, Bershka&Fedez are bright examples of this).

Proving the effectiveness of brands as a tool of soft power, it is crucial to mention that by advertising, brands are firstly able to form the image of the country. Secondly, they shape the recipient populations' minds by imposing certain patterns of behavior and social roles. Thirdly, by internationalizing the brand and opening regional branches, the influence on public opinion and internal economic environment is greatly enhanced. This is far from the exhaustive list of psychological and information elements used by brands as part of the soft power strategy. Although, even the above-mentioned mechanisms are quite sufficient to be conceived. Frequently, a lot of things are perceived as essential and completely unrelated to any political actions, but in fact, this is part of an integrated foreign policy framework.

Soft-power tool in relation to information and psychological technologies should be considered as a constituent part of a foreign policy strategy that could equally ruin cultural identities and create new ones. Literally, this means that the key objective of commercial brands as a soft power instrument is the destruction of individuality and cultural distinctiveness. Also, it may be seen as an attempt to make recipients start acting and thinking the same as well. When the 'mainstream culture' meets another one that is almost like meeting a soldier heavily armed with products, brands and new technologies. This culture meets the "Third World" culture which has Navajo capes and fusion music. It is not tough to guess who will win the battle. That is why even if the officials keep desperately resisting external influence, teenagers will secretly watch YouTube and Hollywood videos using VPNs. Part of the reason for that is that attraction

depends on credibility and esteem, something that 'West cultures' would never lack.

References:

1. Annual Report 2018 [Electronic resource] // INDITEX official website. – Access mode: <https://www.inditex.com/documents/10279/619384/Inditex+Annual+Report+2018.pdf/08ed7885-969d-94ff-5abf-6f10d0315fbf>.
2. Apple Inc Q1 2018 Unaudited Summary Data [Electronic resource] // Apple Official Website. – Access mode: https://www.apple.com/newsroom/pdfs/Q1_FY18_Data_Summary.pdf.
3. Barber, B. Jihad vs. McWorld / B. Barber // New York: Ballantine Books, 1996. – 432 p.
4. McDonald's Corporation (MCD) [Electronic resource] // Yahoo Finance. – Access mode: <https://finance.yahoo.com/quote/MCD?p=MCD&tsrc=fin-srch>.
5. McDonald's-Statistics & Facts [Electronic resource] // Statista – Global No.1 Business Data Platform. – Access mode: <https://www.statista.com/topics/1444/mcdonalds/>.
6. Q4 Global Digital Statshot [Electronic resource] // We Are Social – Global Socially-Led Creative Agency. – Access mode: <https://wearesocial.com/blog/2018/10/the-state-of-the-internet-in-q4-2018>.
7. Sardar, Z. Why do people hate America? / Z. Sardar // Icon Books Ltd., 2003.- 241 p.
8. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2018 [Electronic resource] // USC Center on Public Diplomacy. – Access mode: <file:///C:/Users/1121501/Downloads/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf>.

УДК 327

MONGOLIA'S "HARD WEAKNESS" STRATEGY AS A RESPONSE TO THE "SOFT POWER" STRATEGY OF THE WORLD'S LEADING NATIONS

© E.V. Zemskova, E.E. Shirobokova

Scientific adviser: Yu.I. Dzis

Siberian Federal University

Joseph Nye coined the term "soft power" in the late 1980s. It is now used frequently by political leaders, editorial writers, and academics around the world. So what is soft power? Soft power lies in the ability to attract and persuade. Whereas hard power

– the ability to coerce – grows out of a country's military or economic might, soft power arises from the attractiveness of a country's culture, political ideals, and policies.

But the XXI century witnessed the appearance of a new term which is "hard weakness". This strategy is used by Mongolia – a large and sparsely populated, landlocked country in eastern Asia south of Russia and north of China, east of Kazakhstan. In 1990, Mongolia abandoned its 70-year-old Soviet-style one-party system in favour of political and economic reforms and multiparty elections. Vast quantities of untapped mineral wealth have made it a target for foreign investors, transforming the country's tiny but fast-growing economy. This rapid change has taken place against a backdrop of political wrangling and government pledges to tighten control over the country's assets. A third of the population lives in the capital, while around 40% of the country's workforce is nomadic, herding livestock in the extensive pasturelands.

Mongolia is now trying to pursue a multi-dimensional foreign policy, observing the principle of equidistance and maintaining a balance of interests between the key players of the region. Modern Mongolia successfully balances between Russia, China and the third countries, trying to counteract their "soft power" strategies, and at the same time maintaining its independence and geopolitical significance. None of the countries can dramatically increase their influence in Mongolia without causing dissatisfaction of the other parties. The increasing political or economic pressure on Mongolia is also limited in these conditions. In other words a comparatively weak Mongolia is now doing its best to counteract "soft power" strategies of the world's leading nations on its territory manifesting what is called in scientific literature "the strategy of "hard weakness"". So the aim of this article is to find out what the key principles of this Mongolia's strategy are and why Mongolia nowadays uses this strategy quite successfully.

There are numerous places on the world map where geopolitical interests of a number of developed countries clash. Mongolia is such a place. The growing attention to Mongolia can be justified from the perspective of "Heartland-Rimland" theory. The foundation idea of this theory is the notion of "heartland", which means Eurasian region. H. Mackinder includes the Republic of Mongolia in Heartland – the bridgehead for controlling the world. Following in the footsteps of the Mackinder theory, N. Spykman relates this country to Rimland area, through monitoring which it becomes possible to control and impact the first one. In this way, during the whole XX century China, the USSR and Japan were interested in Mongolia just because of this fact. Recently, this state fell into the sphere of the US interests.

Following the peaceful democratic revolution in Mongolia in 1990, the disintegration of the USSR in 1991, and the massive reduction in economic assistance by Russia and Russian-Mongolian political, commercial and economic as well as cultural and other links, the Mongolian economy was on the brink of collapse. The country had to look for

ways on its own to survive the very difficult period of transition.

At the same time, even during the hardest times of the 1990s, the joint Russian-Mongolian majors ("the three pillars") – Erdenet mining factory, Mongolroostsvetmet, and Ulan-Bator Railways – that had been largely responsible for much of the government's revenues, overcame severe hardships during the shock of the accelerated transition to a market economy, hence saving themselves and Mongolia from economic downfall.

Russian-Mongolian relations are based on a long-term history of bilateral affairs, aimed at good neighbourliness, their mutual relations have a blanket character and are oriented on further development of strategical cooperation. According to The Foreign Policy Concept of the Russian Federation Russia is determined to strengthen traditionally friendly ties with Mongolia. Primarily, the Russian interest consists in shaping good friendly relations with Mongolia. Common Russian-Mongolian border is about 3,5 thousand kilometers and goes through territory of four Russian regions – the Altai Republic, the Republic of Tuva, Buryatia and Zabaykalsky krai. In Russian National Security Concept of external policy it is underlined that "establishment of a good neighbourliness belt among Russian borders" is the major Russian priority. Moreover, national interests of the Russian Federation in a border zone are especially highlighted.

In terms of geography, Mongolia is just an intermediary area between China and the Russian Federation, which had been being a buffer zone for a long time. During the history, China tried to join this zone for the reasons of eliminating this buffer. Russia, on the contrary, was aimed at preserving this intermediary area trying to prevent the penetration and China's impact on Siberia.

There was a period of time when Mongolia fell into the area of China's interest. According to Mao Zedong's plan, Inner and Outer Mongolia were supposed to be united and China planned to create an autonomous republic as part of China. However, later Mao Zedong recognized independence of this country. Mongolian direction is still one of the most important aspect of China's external policy. The main imperative of the Chinese strategy was the development of beneficial relations with Ulanbaatar to prevent Inner Mongolia from destabilization, which could lead to a creation of the instability belt on China's borders perimeter from Mongolia to Tibet. Another important aspect is resources. The country has vast reserves of copper, gold, uranium and coal. More and more rapidly developing Chinese provinces need Mongolian raw materials. Good-neighbourly relations with China are also beneficial to Mongolia itself. With China's help, Mongolia can give its economy a qualitatively new impetus to development, which will also have a direct impact on the country's geopolitical status, spurring the revitalization of Ulaanbaatar in those regions, where there are Mongols or ethnically and denominationally based populations [2].

Thus, Mongolia is between two major neighbors, Russia and China. On the one hand, this situation limits the foreign policy activities of the country. In contrast, Mongolia skillfully balances between Moscow and Beijing, maintaining good-neighbourly relations with the two states.

Despite the fact that geographically Mongolia is adjacent only to Russia and the People's Republic of China, the state carries out a multi-vector foreign policy and adheres to the doctrine of a "third neighbor." Gradually Mongolia ceases to be the target of only Russian-Chinese relations. The United States, Japan and South Korea are beginning to pursue their interests in Mongolia.

Japan and Mongolia share a rich history of relations. However, in the 1990s, after the collapse of the socialist camp, relations between the two countries became new. Japan has become a major donor to Mongolia. Due to Mongolia's democratic reforms and Japan's growing power, the former turned towards Asian-Pacific Region (APR) countries. Japanese investment were coming in Mongolian infrastructure projects. For Japan, strengthening cooperation with Mongolia is a counterbalance to growing China's influence in the region. China accounts for about half of all foreign investment in the country. The main Mongolian goods supplied to the Chinese market are zinc, copper, iron ore and coking coal. Political and cultural ties are also developing intensively between Ulaanbaatar and Beijing. It is therefore clear that Tokyo would not want China to monopolize the minerals of its northern neighbor and fully engage it in the orbit of its economic and political influence, because People's Republic of China is the main Japan's competitor in the fight for the world's raw materials and the main geopolitical adversary.

The other Asian country claiming to be Mongolia's "third neighbour" is the Republic of Korea. South Korea's goal is to build partnerships with Mongolia. South Korea is also interested in exploration of the country's minerals, above all for its industrial Transnational Corporations (TNCs). Korean holdings are interested in bauxite and iron ore, also in rare earth metals used for complex computer equipment [5].

The two countries are strengthening economic, political, social and cultural ties among themselves. Thus, the Republic of Korea could become a "third neighbour" for Mongolia that would not pose a threat to the country's security, as well as a partner, who is rather capable in generating greater economic benefits [4].

It is also worth noting that after the collapse of the Soviet Union Mongolia is committed to democratic principles, proximate to East Asian economies, and is not experiencing any armed conflicts. Today's Mongolia is one the brightest examples of a relatively rapid and successful transformation of a formerly communist country into a modern, dynamic and democratic country with a multi-party political system, market economy and transparent foreign policy. In one of her interviews in Mongolia in 2012, Dr.

Frances T. Pilch, Professor of Political Science at the United States Air Force Academy, said that "Mongolia had become a laboratory for democracy. Leaders from the US, UK, Germany, France, Japan, South Korea and other countries believe that Mongolia is setting an example for the promotion of western style democracy" [6]. It helped Mongolia enter into a series of agreements with the US to increase bilateral trade and investment, and even offer short-term visa exemptions for the US citizens. Above all, Mongolia recognizes the US as a vital 'third neighbor' to balance the influence of its powerful neighbors, China and Russia. Mongolia sought to strengthen its relationship with the US by renewing its commitment to democracy, deploying over 2,000 military personnel to Iraq and Afghanistan, and constantly seeking opportunities to develop closer ties. In spite of cultural and geographic distance, Mongolian officials have invited the US corporations to invest in large-scale mining and infrastructure projects.

Thus, Mongolia successfully balances between the two strong neighbors, Russia and China, maintaining warm relations with both countries, while not allowing them by strengthening relations with Japan, the United States and South Korea, claiming the role of Mongolia's "third neighbour". This is Mongolia's strategy of "hard weakness". "Hard weakness" refers to the presence of states that are significantly inferior to their neighbours in terms of economic, military, demographic and other resources, a number of specific features that make it impractical for more powerful states to conduct a power policy towards them.

After the collapse of the Soviet Union and the bipolar system, a new Mongolian Constitution was adopted. The new democratic period of Mongolia's foreign policy proceeded without Russian patronage, which provided a number of advantages and threats. First of all the most dangerous thing was the disruption of the old world economic ties of the state-planned economy and, as a result, the deepest economic crisis, unemployment, lack of consumer goods of basic necessity and the threat of hunger. The second, no less serious problem is a sharp decline in the population. More than 50 thousand Mongols left the country in search of a better life.

Relying on assistance from advanced economies (the US, Japan, the UK, South Korea, etc.) and international institutions (the International Monetary Fund, World Bank, Asian Bank of Development, and the UNDP), Mongolia sailed fairly rapidly through the most difficult crisis of the transition and embarked on an independent, open, and multi-pillared foreign policy. In the 1990s, political, economic, cultural and humanitarian positions that Russia had in Mongolia were significantly weakened while those enjoyed by the USA, China, Japan, the UK, Canada, Germany, South Korea and some other advanced economies consolidated considerably. As a result Mongolia developed a foreign policy Concept that meets the challenges of post-Communist time. It is based on the principle of multipolarity. The main idea of the document is expressed in the fact that

Mongolia, using the desire of any strong state – to rule the world, decided to oppose the interests of competitive countries to each other. Nevertheless, traditional partners such as Russia and China were the main actors on the stage of Mongolian foreign policy.

It is worth paying attention to the Concept of Mongolia's foreign policy. "The Main objectives of Mongolia's foreign policy are to maintain friendly relations with all countries of the world, develop political and economic ties, as well as cooperation in other areas, strengthen its position in the world community, strengthen the country's independence and sovereignty by accelerating development and progress. The priority task of Mongolia's foreign policy is to ensure the security and fundamental interests of the country by political and diplomatic means within the framework of international law". Such statement confirms the principle of multipolarity.

The next aspect of Mongolia's foreign policy is the "third neighbour". At first, only the USA was named the "third neighbour". The main aim was to turn the United States into a protective barrier in case of strong pressure of traditional partners. However, East Asia was interested in rapprochement with Mongolia, so the concept of the "third neighbour" extended to all states that are able to provide serious assistance. As a rule, they are developed countries with their own geopolitical and economic interests in the region.

What is more, Mongolia is becoming more active in the world arena. The country develops friendly bilateral relations and cooperation with other Asian countries. Moreover Mongolia is a participant of political and economic integration in Asia-Pacific region. Mongolia is a member of ASEAN Regional Forum (ARF), Shanghai Cooperation Organization (SCO) observer. It is waiting for its turn to join Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC).

Another direction of Mongolia's foreign policy is active cooperation with the UN, its specialized organizations, and international financial, trade and economic organizations. Mongolia supports the increasing role and responsibility of the UN in the modern world. In recent years, Mongolian peacekeepers have been actively involved in the UN peacekeeping operation in some African and Asian countries. From 1963 to the end of 2011, the UN provided Mongolia with economic assistance in excess of \$ 350 million, its specialized organizations, especially UNDP, played an important role in overcoming the economic crisis in the early 1990s and in creating a Group of donor countries and organizations for Mongolia's development. Mongolia consistently supports the goals and principles of the UN.

Mongolia's foreign policy and the principle of multipolarity meet the challenges of the modern world. The main idea of Mongolian policy is working on balancing external factors in order to obtain benefits for the country. As the study shows, on the one hand, the implementation of such a policy allows to get quite serious preferences, previously

impossible. Mongolia has established contacts with 140 countries in the world. Thanks to the open economy, Mongolia has received significant funds in the form of foreign investment, soft loans, gratuitous aid, which could not but affect the growth of the country's GDP. Mongolian culture has become recognizable, and the Washington post called Genghis Khan the man of the Millennium [1].

Mongolia's involving in integration processes is increasingly growing. For example, the Deputy Prime Minister of Mongolia Ulziisaikhan Enkhтувшин declared intention of Mongolia to conclude an agreement on free trade zone with the The Eurasian Economic Union (EAEU). The main objective is to improve trade and investment potential of Mongolia and Russia. Previously, Mongolia did not take such steps, because the previous government believed that entrance into economic blocs would have a negative impact on the policy of trust and cooperation with the "third neighbours".

And there is one more important aspect of Mongolia's foreign policy which is of particular importance. Four years ago the question about constant neutrality of Mongolia was widely discussed. An official policy of neutrality, however, would halt the prospects for Mongolia's integration into any one of the collective security organizations. Thus, while Mongolian neutrality will be a boon for the country's "third neighbour" policy, it will also present challenges for Mongolia in simultaneously balancing its strategic interests. As Mongolia has largely steered clear of overt alignment with any one power or bloc, it seems that Russia will not have much to lose in the event that Mongolia becomes officially neutral. It will likely have much to gain, however, in terms of reduced vulnerability in one area of its eastern flank. Later Mongolian government rejected this idea, but such intention demonstrates an attempt to maneuver between stronger actors [3].

Taking everything into consideration we may say that Mongolia emerged as an independent and fledgling democracy following the collapse of the Soviet Union in 1991. In the intervening three decades the country has made massive progress, with a fast growing economy and a stable political system. Having remained, for decades, on the back burner of international affairs, Mongolia has lately been attracting attention and interest on the part of the international community, policy-makers, political scientists, economists, businessmen and the mass media because this country is successfully implementing the strategy of "hard weakness". The key aspects of Mongolia's "hard weakness" strategy are the country's geographical position, the ethnopolitical specifics of the Mongolian world, and modern global trends. All of these components are interconnected. At first glance, the country's vulnerability in these fields is simply impossible to overcome. But it is the complex use of these weaknesses that turns them into components of "hard weakness", making it possible to counter various challenges in relations with "giant neighbors" and the third countries quite effectively.

References:

1. Базаров, В. Б. Внешнеполитический курс Монголии в XXI в. [Электронный ресурс] / В.Б. Базаров. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskiy-kurs-mongolii-v-xxi-v>.
2. Бабаян, Д. «Мягкая сила» и «Жесткая слабость» в китайско-монгольских отношениях [Электронный ресурс] / Д. Бабаян // *Международные процессы*. – Том 14. – № 4. – С. 99–105. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1730/F1wEHnZdLr.pdf>.
3. Rinna, A. Mongolian neutrality and its significance for Russian security [Electronic resource] / A. Rinna. – Access mode: <https://russia-direct.org/opinion/mongolian-neutrality-and-its-significance-russian-security>.
4. Григорьева, Ю. Г. Монголо-южнокорейские отношения на современном этапе [Электронный ресурс] / Ю.Г. Григорьева. – Режим доступа: <http://publisher.imbt.ru/wp-content/uploads/2018/08/%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf>.
5. Захарьев, О. Г. Интересы ключевых игроков в Монголии в начале XXI века [Электронный ресурс] / О.Г. Захарьев. – Режим доступа: <https://creativeconomy.ru/l/ib/37979>.
6. US-Mongolia joint statement [Electronic resource] // The White House. Office of the Press Secretary. – June 2011. – Access mode: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/06/16/us-mongolia-joint-statement>.

УДК 327.8

CHINA'S SOFT POWER POLICY: TOWARDS NEW POLITICAL AND ECONOMIC GOALS

© A.Yu. Krasnoyarov, S.E. Filonchik

Scientific adviser: Yu.I. Dzis

Siberian Federal University

China first began to get interested in soft power in the early 1990s. Originally, the Chinese thought they just needed economic and military power to be a global power, but in the early 2000's they realized that image matters.

In the XXI century China has created a foreign policy doctrine that has all the necessary requirements and it is still continuing to improve, relying on non-military methods. This doctrine is a platform for the implementation of the policy of "soft power". It is based on values shared by the world community. China is trying to assert itself as a

strong global player and strives to enter the system of international relations as an important actor [1].

China has been developing and gaining strength in the international arena for 30 years. This process can be divided into 3 stages:

The first stage (1978-1989) was characterized by the growth of pragmatism in China's international behavior. The task of providing external sources of economic modernization of the country can be called the strategic goal set by Deng Xiaoping.

The second stage (1989-1999) was a shock period for China to adapt to radical changes in the world order as a result of the collapse of the USSR. Beijing's foreign policy task at that time was to consolidate China's strategic periphery, as Beijing was afraid of destabilization of the territory near the Chinese borders due to the General destruction of the former power balance in Eurasia.

At the third stage (1999-2007) Beijing's international course was determined as a set of measures aimed at achieving the task of acquiring the status of a Great Power. China wanted to become a country which participates in the formation and functioning of the international system: not just a country that responds to the processes taking place in the system but a state which is able to shape the system [7].

Until the past decade, China exerted minimal soft power. Beijing pursued a defensive foreign policy, and the Chinese public lacked confidence that Beijing could project power. A poll taken by the research organization Horizon Group in 1995 asked Chinese citizens their views of the "most prominent countries in the world"; one-third ranked the United States most prominent, and only 13 percent chose China [8, p.4]. The year 1997 provides a convenient date to mark China's soft power emergence. Beijing refused to devalue its currency during the financial crisis, portraying its decision as standing up for Asia. After the crisis, Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) Secretary General Rodolfo Severino announced, "China is really emerging from this smelling good" [8, p.4]. With Southeast Asian opinions of Washington falling, and with Taiwan's 1990s investment push into Southeast Asia faltering, a window was open for Chinese soft power.

Since the early 2000s influential Chinese analysts began to introduce into the public consciousness the idea of the necessity of forming a "great power psychology" in China. The idea of "global good neighborliness" was developed in China, which pointed to the set of Chinese global interests. Since that time China began to develop a strategy of "soft power".

The People's Republic of China's (PRC's) soft power activities can be divided into five categories:

1. Investments and foreign assistance. China has invested heavily in key resources of developing countries, particularly in Asia, Africa and Latin America. Unlike many other major multilateral and bilateral "donors", China does not link its assistance to other

issues, such as environmental quality standards or respect for human rights, so Chinese investment is particularly attractive to many developing countries. In China, foreign investment and assistance may not be different sometimes; for example, investments may be implemented for political reasons.

2. Peacekeeping and humanitarian assistance: China is sending a significant number of peacekeepers to "hot spots" under the aegis of the United Nations, as well as supporting medical facilities and providing medical services to developing countries.

3. Exchange programs cover language and cultural aspects. For instance, to promote the Chinese language and culture of China, around 400 Confucius institutes were opened around the world.

4. Intergovernmental relations: China actively participates in multilateral fora, maintains economic, political and military relations, establishes strategic partnerships with individual Southeast Asian Nations, as well as with the countries of the Association of Southeast Asian Nations. Great interest for China is manifested in the development of Southeast Asian integration, thereby strengthening its position in ASEAN countries and weakening anti-Chinese sentiment. In addition, the Chinese side is creating new regional organizations to expand its influence in the region, for example, the Shanghai cooperation organization and the China-Africa cooperation forum.

5. Diplomacy: China has increased the number of meetings at the highest level, numerous conferences and regional fora, which explain the basics of the country's policy, increase the professionalism and qualification of diplomats who are educated in prestigious foreign universities.

The goals of the Chinese "soft power" are manifested in its official ideological concepts and documents, such as the Resolution of the 17th national Congress of the Communist party of China (CPC) on the report of the Central Committee of the 16th convocation, adopted on October 21, 2007, and The decision of the Central Committee of the CPC on important issues of deepening cultural reform and promoting the development and thriving of socialist culture [5].

China has developed a system of legal acts regulating the implementation of various areas of the policy of "soft power". In addition to important program party documents that are published on the results of party congresses, almost every area of soft power policy has their own legal acts. Such documents carefully regulate and prescribe all the main functions and powers of individual participants in the implementation of the policy of "soft power". For example, the PRC law on education includes a Chapter on foreign exchanges and cooperation in education (Chapter 8), which establishes the basic functions in this area [6].

China's "soft power" strategy attaches paramount importance to developing relationships with their closest neighbors to secure their borders and avoid threats. The

Chinese government is working to consolidate its position in the Asia-Pacific region through APEC and South-East Asia through ASEAN. At the same time, the role of the Shanghai cooperation organization is worth noting, where China plays one of the key roles, and is one of the founders of this organization. At the same time, Beijing is promoting its interests through the BRICS cooperation platform.

China is an active peacemaker. Peacekeeping and humanitarian assistance are important elements of soft power. China ranks second after France, among the permanent members of the UN Security Council in the number of peacekeepers sent under its flag in the "hot spots" of the planet.

Beijing opened Confucius Institute offices in the USA, Europe and Russia hoping to promote cultural China's superiority. The main mission of Confucius institutes is to promote the growth of understanding of China and Chinese culture around the world, to develop China's friendly relations with other countries. In recent years, the process of teaching foreign students in China through the provision of state scholarships has intensified. Confucius institutes assist in this task by organizing special tests on knowledge of the Chinese language, including grants for further study in China. Exchange programs are Central to Beijing's public diplomacy strategy. China has significantly expanded its academic, cultural and language programs, training of foreign businessmen and correspondents.

Currently, one of the main tools of China's "soft power" is the Chinese initiative "one belt, one road". For its implementation, such investment structures as the Asian infrastructure investment Bank (AIIB) with a capital of \$ 100 billion and Silk road Fund (\$40 billion) have been created [9]. Major cities and provinces, ministries and departments, academies and institutes, Think Tanks and universities of China actively joined the participation in the "OBOR". Two thousand fourteen numerous events have been held so far: conferences, seminars, round table discussions, where various aspects of the initiative were actively discussed. Moreover, Beijing has begun to sponsor the organization of various events and business fora in the countries along the route that have expressed interest in this megaproject. They work out the individual elements of the initiative and possible tools for its implementation. At such meetings, Chinese experts, as a rule, promote the dignity of the "OBOR", positioning China as a peace-loving country, responsibly suited for the issues of joint development and has no hidden thoughts towards other States.

The versatile initiative "One belt, one road" is also designed to promote cultural cooperation with the participating countries. The Ministry of culture is implementing a specially prepared for this purpose action plan for the development of culture along the "Belt and road", which aims to improve the mechanism of international cooperation. Two thousand fourteen China hosts a series of events, including the silk road

international arts festival, the «Maritime silk road» international arts festival, the silk road international cultural exhibition (Dunhuang), as well as other specialized cultural events integrated into the Belt and road megaproject, which enhance cultural exchange between the countries.

In addition to the OBOR initiative China's "Go Global" cultural strategy has caught the attention of the Chinese public in recent years. With the fast development of the Chinese economy, the central government has proposed to work towards building "a Community of Common Destiny for all Mankind". China's international standing has evidently risen, and the country, an open-minded great power, is moving towards the centre stage of the world. The "Go Global" cultural strategy is playing an important role in promoting the Chinese value framework, demonstrating the attractiveness of Chinese culture, in addition to upholding the country's international image and augmenting its voice on the international stage. Thus far, China's "Go Global" strategy has achieved enormous tangible success, showcasing the results of China's development and its unique cultural appeal. However, despite the progress, it is a shared understanding amongst the Chinese public that China's cultural influence falls behind its economic weight in the global economy. That is a realistic challenge the country is facing.

Activities aimed at promoting international development are one of the most important tools for increasing "soft power". It contributes to the formation of a positive image and increases the attractiveness and international influence of the country.

In Southeast Asia, Chinese culture, cuisine, calligraphy, cinema, curios pieces of art, art, acupuncture, herbal medicine, and fashion fads have all emerged in regional culture. Young people in the region are excited by Chinese culture, as seen in films, pop music, and television, even though those trends may have originated in Hong Kong or Taiwan. Southeast Asian students make up a huge number of the more than 110,000 overseas students from 178 countries who studied in China in 2004. This figure marked a ten-year high, and an increase of over 40 percent from 2003 [3]. There's a belief that to get ahead, it would persuade you to go to China, in the same way that ten years ago people said the same about the United States.

China is increasingly supporting cultural and educational programs in the region. Chinese influence is seen as merciful. In comparison to the bad experience that Latin America has had with the United States, China appears to be kind of a breath of fresh air for Southeast Asia. China has two main objectives in the region – securing resources from industrial to agricultural; and trying to convince many Central and Latin American nations that recognize Taiwan to change their allegiance. There's a strategic competition between China and Taiwan in Latin America. Taiwan has gained its allies in the region by giving generous aid and trade deals, a strategy China is now employing to its advantage.

China has actively pursued a development agenda in Africa, coupled with locking

in agreements on energy and commodities. China's soft-power engagement in Africa includes:

1. Professing solidarity with Africa in international fora on trade and human rights issues;
2. Forgiving more than \$1 billion in debt from African countries;
3. Training more than 100,000 Africans in Chinese universities and military institutes;
4. Sending more than 900 doctors to work across Africa;
5. Making major investments in infrastructure, agriculture, and energy [4].

China has also strengthened its trade and energy liaisons with African states. China's practice of building roads, hospitals, and bridges in the countries where it has made enormous energy investments—like Sudan, Angola, and Equatorial Guinea—has drawn both approval from local governments and criticism from human rights groups, which accuse China of supporting dictators and proliferating arms among authoritarian governments. On the continent, the reaction to China's increasing presence is mixed. It is appreciated by many people that the Chinese go into sectors the United States doesn't, and don't attach any political conditions to their involvement. The Chinese have a reputation for finishing infrastructure projects quickly and on budget. On the other hand, Chinese companies bring their own workers for projects, raising objections that they should be creating more jobs locally. And Chinese goods are flooding the African market and competing with African products.

Its appeal is restricted by the nature of the Communist state. Some experts consider China still refers to old-fashioned vision of state sovereignty and non-interference, which is really out of step with where the world has moved. And no matter how strong its charm offensive grows, China remains an authoritarian society that jails dissidents and puts down revolutions by its own people. Most of China's influence is still security-oriented. It wins its influence because it can pose a threat – military, economic, or political – to many countries. Chinese influence may begin to call discontent.

As we can see above, China is quite successful in its soft power policy. However, there is a "Soft power 30 index" in which it takes only 27th place out of 30. Such result can be explained by two main reasons. The first one is that China is still gaining strength. China is a new player in the process of taking soft power measures. The second one – China is currently implementing the strategy of a "Great Responsible Power" on the world stage, which means that China is a Power that is able to limit its ambitions by acting as tactfully as possible [2].

The above-mentioned methods are necessary for China to implement two long-term goals in foreign policy. The first goal is characterized by the creation and preservation of favorable conditions for the further development of the state, the second – by

the desire to establish China as one of the poles of the multipolar world. Continuing to develop its economic base to attract technology, investment and open up new markets, and avoiding direct armed conflict, are China's two goals. Within the framework of this strategy, the main objects for China's diplomacy are border countries and regions. China does not seek direct and forceful political control, but seeks organized and directed influence on key points of regions and countries, states and social systems.

In the Asian context the idea of "soft power" has been broadened. China's soft power is China's ability to influence by persuasion rather than coercion. This attractiveness can be conveyed through various means, including culture, diplomacy, participation in multinational organizations, businesses' actions abroad, and the gravitational pull of a nation's economic strength. When Joseph Nye coined the term "soft power", he originally used a more limited definition, excluding investment and aid and formal diplomacy— more traditional, harder forms of influence. In the context of Asia today, both China and its neighbours enunciate a broader idea of soft power, the idea that soft power implies all elements outside of the security realm, including investment and aid.

References:

1. Abramets, S.M. Policy note on book "Chinese soft power strategy" / S.M. Abramets // *Russia and China: strategic cooperation issues*. – 2013. – No 13. – P. 140–141.
2. The Soft Power 30. A global ranking of Soft power [Electronic resource]. – 2018. – Access mode: <https://softpower30.com/country/china/>.
3. China's foreign policy and external relations [Electronic resource] // Policy department, Directorate-General for External Policies. – Access mode: http://www.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/549057/EXPO_STU%282015%29549057_EN.pdf.
4. China's Soft Power Initiative [Electronic resource] // Council on foreign relations. – Access mode: <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-soft-power-initiative>.
5. China's 17th Communist Party Congress, 2007: Leadership and Policy Implications [Electronic resource] // CRS Report for Congress. – Access mode: <https://fas.org/sgp/crs/row/RS22767.pdf>.
6. Education Law of the People's Republic of China [Electronic resource] // Ministry of Education of the People's Republic of China. – Access mode: http://en.moe.gov.cn/Resources/Laws_and_Policies/201506/t20150626_191385.html.
7. Goldstein, A. The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice // *The China Quarterly*. December 2001. – Vol.168. – P. 836.

8. Kurlantzik, J. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power / J. Kurlantzik // Policy brief: Carnegie Endowment for International Peace. – Washington, DC, 2006. – 8 p.

9. Prokofyev, I.V., Larin, O.N., Karatayeva K.Ye. "One belt, one road" initiative – new platform for expanding Russian-Chinese cooperation in the sphere of transport / I.V. Prokofyev, O.N. Larin, K.Ye. Karatayeva // National strategy issues. – 2017. – No 6. – P. 11–48.

УДК 327.8

PUBLIC DIPLOMACY AS A "SOFT POWER" TOOL IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY

© A.D. Trebukh

Scientific adviser: Yu.I. Dzis

Siberian Federal University

The author of the "soft power" concept is the American political scientist Joseph Nye who first used the term "soft power" in the second half of the 1980s. According to him, "soft power" means the ability of a country to influence by persuasion rather than coercion. This attractiveness can be conveyed through various means, including culture, diplomacy, participation in multinational organizations, businesses' actions abroad, and the gravitational pull of a nation's economic strength. Soft power can be "high", targeted at elites, or "low", targeted at the broader public. Soft power usually stems from both governments and nongovernmental actors.

The formation of a "Soft power" strategy in the Russian Federation began in the 1990s after the collapse of the Soviet Union and the beginning of the renewal of Russia on a democratic basis. Political and economic turmoil, internal conflicts, the threat of a civil war, the first Chechen war and the default of 1998 resulted in the fact that no one was working with creating soft power concepts: it was necessary to settle internal conflicts and resolve major problems first. In the 1990s, Russia had nothing to offer the world except for its desire to embark on the path of democracy and democratic values.

Until the early 2000s there was no talk of soft power in the Russian Federation, which indicates a lost decade and weakening of positions in the world arena.

In the 2000s, there was a radical and extremely important change in the economic situation of the Russian Federation, as sharply increased prices for hydrocarbon energy had a positive impact not only on the standard of living of the population, but also on the ability of the Russian authorities to finance, lobby and promote certain Russian interests through cultural exchanges, summits, fora, educational quotas and other

activities related to the instrumental aspect of soft power [2].

The concept of "Soft power" in the Russian political establishment and, accordingly, in the Russian bureaucratic apparatus has been actively addressed since the beginning of 2012, when Vladimir Putin, at that time a candidate for president of Russia, published his pre-election article, entitled "Russia and the changing world".

How does the Russian leadership interpret "soft power"? This is fundamentally important from the point of view of analyzing the subsequent development of public diplomacy institutions in our country. In the article the president gives a clear definition: "Soft power is a set of tools and methods for achieving foreign policy goals without using weapons, but with the help of information and other instruments" [3].

The focus of this article is Russian public diplomacy, that is why it is worth mentioning that the term "Soft power" is quite broad, and public diplomacy can be considered as one of its components, or as a separate manifestation of soft power as a phenomenon of international politics. Nowadays Russian public diplomacy includes information work abroad, international cooperation through non-governmental organizations and cultural and language diplomacy.

Public diplomacy of any state consists of a set of elements that can otherwise be called directions. The basic directions of Russian public diplomacy are:

1. Formats of cultural and language diplomacy abroad;
2. Human rights activity;
3. Digital diplomacy;
4. The policy of combating falsification of history in the international public space;
5. Information impact through the media, expressing the point of view of the Russian Federation on certain issues;
6. Establishment and financing of public organizations.

The initial stage of development of some areas of Russian public diplomacy can be traced back to the first half of the 2000s, when the Russian Federation got rid of internal turmoil, started economic recovery of the country, strengthened its policy-making institutions, and managed to formulate long-term goals and plans of the Russian Federation in the international arena.

In 2005 Russia Today – an international television network – was launched. The editor-in-chief Margarita Simonyan, emphasizing its primary goal, says: "It will be a view of the world from Russia. We do not want to change the professional format established by such TV channels as BBC, CNN, Euronews. We want to reflect the opinion of Russia about the world, and want to make sure that Russia itself is better visible" [7].

In 2007 the "Russian World" fund was established to promote the Russian language and Russian culture abroad [10].

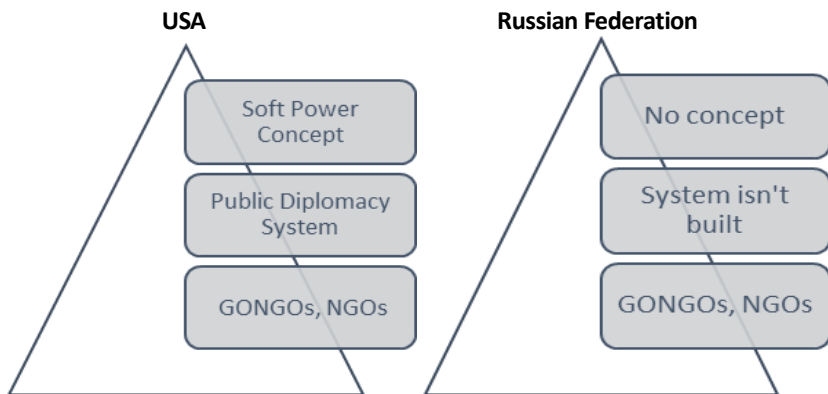
In general, since 2012 there has been a massive application of all aspects of public diplomacy in the Russian Federation. The Olympic games in Sochi in 2014, the World hockey championship in 2016, the World football championship in 2018, the Universiade 2019 were the main results of the development of Russia's public diplomacy through sports events, and the annual economic fora in St. Petersburg, Krasnoyarsk, Vladivostok, which assemble not only representatives of business structures from different countries, but also the heads of states.

On the one hand, taking everything, which was mentioned above, into consideration, we may say that Russian public diplomacy is developing quite successfully. On the other hand, according to The 2018 Soft Power 30 report (which compiles data about 30 most successful "soft power" strategies all over the world), Russia occupies the 28th position in the list which means that our "Soft power" strategy (and consequently public diplomacy strategy) leaves much to be desired [4].

Trying to understand why Russian public diplomacy is not that successful we compared it with one of the most prosperous public diplomacy systems in the world – the US system.

First of all, it is necessary to say that in the triad "soft power" – public diplomacy – non-governmental organizations (NGOs), the latter occupy the third place. If we depict this triad in the form of a pyramid, then NGOs are at its very core, because they play the key role of a basic tool for implementing the concept of "Soft power" through a system of public diplomacy institutions. In other words, today NGOs are a key tool of public diplomacy in working with foreign audiences.

The author of the work "The course of a public diplomat" N. Burlinova compares Russian and American systems in terms of the above mentioned triad [8, c. 27].

These two pictures show key differences in Russian and American approaches which helps us understand why our public diplomacy model is not successful and what we need to improve.

First of all, it is clear that in the US they have a sound Soft Power Concept. American public diplomacy has been actively developing since the late 1970s, when many government posts, public organizations and the media were established to promote American values, lifestyles and explain the US point of view on various issues regarding anything. Radio Liberty, Voice of America and Radio Free Asia are among the prime examples of such media. Information influence has become one of the key attributes inherent in American foreign policy and the most successful means of American public diplomacy. American public diplomacy is also quite successful in maintaining a positive image and attractiveness in the international arena due to Hollywood and commercially successful films, which show how great it is to be an American and form an extremely positive image of the United States of America. The concept of "Soft power" has become a key one for the United States and the values of freedom and democracy have become a kind of ideology in the US foreign policy.

In Russia the situation is a little bit different. With the abandonment of ideology in domestic and foreign policy we have not developed any concepts that could effectively counter American influence in the world. In Russia, authorities do not see immediate results in the use of "Soft power", so there is an attitude to this direction on a residual principle [6]. Moreover, Russian values compared to American ones are not really attractive. For example, even after receiving a new impetus in the form of financial state support, domestic film studios in Russia could not create a single film that would have a resounding box office success around the world and at the same time promote Russian values. So, it is clear that at this stage Russia does not offer the world a global idea, a certain set of values and culture, as it was in Soviet times [9]. The example of the United States shows that without a political paradigm, without formulated values and cultural guidelines it is impossible to become attractive in the political arena and become a pole of attraction. Simultaneously with the formation of these guidelines it is vital to create and improve the system to promote these values through funding existing media and creating new ones, through support to NGOs and grant foundations, to explain in an accessible and plain language the attractiveness of Russia, to prove that Russian values are built on principles of justice and peaceful coexistence and development, and which do not entail coercion, and are the alternative to American foreign policy [5].

Secondly, Russian public diplomacy is implemented through a number of institutions. The main institutions in the system of public diplomacy in Russia include:

- The President of Russia;

- The Russian Security Council;
- The administration of the Russian President;
- The parliament of the Russian Federation;
- The Russian Ministry of foreign affairs;
- The International media group "Russia Today";
- Interstate funds and organizations with Russian participation;
- The Ministry of education and science of the Russian Federation.

Even though those above-stated main institutions have a lot of goals and objectives, there is no central coordination department, which could synchronize the system of Russian public diplomacy. All the above-mentioned departments mostly do work autonomously and independently. Therefore we may say that the system of Russian public diplomacy is ineffective because it is not built yet and it is not functioning properly.

Thus, it is clear that the problem of Russian public diplomacy and its effectiveness is really complex and it requires some kind of a special approach. Trying to solve this problem we should rely not only on international experience but on the global context as well.

In his article "Soft power: Reality and Myth" A. Fenenko states, "The focus of Russia's attention has been placed on countries that have been fundamentally prejudiced against our country. In addition, the Russian World concept works poorly in foreign countries. In contrast to Chinese or Jewish migrants, Russian emigrants, as a rule, do not seek to maintain ties with their historical homeland, and want to quickly integrate into the new society and forget that they are Russian" [1]. That is why the author claims that there are four possible ways of solving this problem. First of all, we shall understand that there are countries, in which Russia's application of soft power and public diplomacy in particular will never be effective. They include most Anglo-Saxon countries and the countries of Eastern Europe. There the attitude towards Russia is a priori critical, if not openly hostile. Therefore, only a minimum amount of resources should be committed for work with this group of countries. Secondly, according to the author, more attention should be paid to the countries of the far abroad, where attitudes towards Russia are genuinely favorable. These are the countries of continental Western Europe (primarily Germany and Italy) and East Asia, including Japan. Russian culture is really appreciated there. Israel and Greece with their strong cultural and historical ties with Russia are in the league of their own. However, Moscow does not pay much attention to these countries. So we shall definitely do our best to develop this direction of our "Soft power" strategy. Thirdly, as A. Fenenko puts it, Russia should expand cooperation with countries with a neutral complementarity. For states in the Middle East, Southeast Asia and Latin America, Russian culture has always been something distant and exotic. But at the same time, our interaction is not burdened with a bitter legacy of the past. And fourthly, the

author believes that Russia has no comprehensive strategy for the use of Soft power in the CIS countries. Meanwhile, in the post-Soviet space, Russia literally finds itself between a rock and a hard place: it has to preserve the educational space in Russian without arousing suspicions of neo-imperialism.

To sum everything up, it is clear that all these tasks have yet to be solved. Nowadays Russia's primary goal is to work out the "Soft power" concept based on Russia's priorities in the world arena and ensure effective functioning of its Soft power system in general and Public diplomacy system in particular. It is also important to increase financing for relevant programmes and funds and to work not only with governments, but with civil society as well. In the age of global information and the increasing influence of non-state and non-governmental actors in the political sphere, it is more often appropriate to exert power "with" others and not "on" others. The creation of networks of trust working collaboratively towards common goals, and the use of Soft power instead of Hard power, becomes increasingly relevant in this context.

References:

1. Fenenko, A. Soft Power: Reality and Myth [Electronic resource] / A. Fenenko // Russian International Affairs Council. – January 29, 2016. – Access mode: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoy-sily/>.
2. Laruelle, M. The Russian world. Russia's soft power and geopolitical imagination [Electronic resource] / M. Laruelle // PONARS Eurasia. – 15 June 2015. – Access mode: <http://www.ponarseurasia.org/node/7741>.
3. Putin, V. Russia and the changing world [Electronic resource] / V. Putin // Global Research. – September 22, 2015. – Access mode: <https://www.globalresearch.ca/vladimir-putin-russia-and-the-changing-world/5477500>.
4. The Soft Power 30. A global ranking of Soft power [Electronic resource]. – 2018. – Access mode: <https://softpower30.com>.
5. Vilkov, A.A. Soft power as an element of image technologies in domestic and foreign policy [Electronic resource] / A.A. Vilkov. – 2014. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-element-imidzhevnyh-tehnologiy-vo-vnutrenney-i-vneshney-politike>.
6. Бурлинова, Н.В. Почему Российская "Мягкая сила" не работает [Электронный ресурс] / Н.В. Бурлинова // Центр поддержки и развития общественных инициатив и развития Picreadi. – 29.09.2017. – Режим доступа: <http://www.picreadi.ru/pochemu-rossiyskaya-myagkaya-sila-ne-rab/>.

7. В России создан пропагандистский канал для иностранцев [Электронный ресурс] // Lenta.ru. Интернет и СМИ. – 07.06.2005. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2005/06/07/channel/>.

Курс общественного дипломата. Учеб.-метод. Материалы №4/2017 / Н.В. Бурлинова. Российский Совет по международным делам (РСМД). – М., 2017. – 76 с.

8. Смородина, Ю.В. "Мягкая сила" России и пути повышения ее эффективности [Электронный ресурс] / Ю.В. Смородина. – 2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-rossii-i-puti-povysheniya-ee-effektivnosti>.

9. Указ Президента Российской Федерации о создании Фонда "Русский мир" [Электронный ресурс] // Информационный портал Фонда "Русский мир". – 21.06.2007. – Режим доступа: <https://russkiymir.ru/fund/the-decree-of-the-president-of-the-russian-federation-on-creation-of-fund-russian-world.php>.

УДК 327

CYBERPOWER AS A TOOL OF IRANIAN SOFT POWER

© E.P. Shulbaeva

Scientific adviser: Yu.I. Dzis
Siberian Federal University

Speaking about Iran it is better to start with the US-Iran relations. First the USA called the Islamic Republic of Iran "rogue state", then the "state of concern". And, finally, in January 2002 the US President Bush characterized this state as "an axis of evil, arming to threaten the peace of the world", in Union address because of Iran's supporting terrorists and unleashing unrest in western Afghanistan, sheltering al-Qaida refugees and sponsoring the Palestinians by armaments (for example, weapons of mass destruction). Moreover, the US accused Iran of aggressively pursuing weapons and exporting terror, whereas an unelected few suppress the Iranian people's hope for human rights. As a result, Bush stated that the US "will not wait on events while dangers gather", warning that his administration "will not permit the world's most dangerous regimes to threaten the others with the world's most destructive weapons".

That is why Teheran became one of the priority targets of cyberattacks by the United States, Israel and other states. Besides, since Iran's hidden nuclear objects were disclosed in 2002 by an opposition group, many international actors such as the Western states, the Gulf monarchies and others started planned invasion actions aimed at

gaining access to Teheran's facilities in nuclear and economic spheres, military and governmental institutions, for espionage and sabotage [3].

Protecting critical infrastructure from malicious attacks in the Information and Communications Technology (ICT) environment is a crucial national security task, one that all developed countries are attempting to solve in one way or another. Each country draws up their own list of facility categories and prioritizes them as they see fit. In Iran this list includes public and private facilities working in healthcare, transportation, science, communications, power (including nuclear power), the financial markets, the fuel and energy complex and defence industry. Protecting critical infrastructure is a matter of national security. The problem of protecting Critical Information Infrastructure (CII) has proved to be a highly relevant topic for discussion nowadays.

In 2010 Iran confronted one of the most high-profile cyber attacks – a virus by the name of Stuxnet. Due to the attack around 1000 out of 5000 functioning IR-1 centrifuges for uranium enrichment broke down. The breakdown caused by Stuxnet malware pushed Iran's nuclear programme a number of years back. Then this code was used not only on the territory of nuclear plants, but all over the state which led to leaking information to NSA and states' governments [2]. Many experts believe that the malware was designed and used at the order of the U.S. secret services. It was the first official act of war in cyberspace.

Also, Israel and the US in 2012 developed new computer virus named Flame which served to gather secret information to arrange cyberattacks for setting back development of nuclear weapons. It was disclosed in the Iran's Ministry of Petroleum and the National Iranian Oil Company computers. This virus monitored Iranian networks, collected intelligence and destroyed computer's software. The Iranian Minister of Intelligence stated that there were massive cyberattacks to other nuclear objects, Central Bank, Ministry of Culture [7]. Additionally, foreign intelligence agencies were aimed at Iranian infrastructure for espionage. Edward Snowden disclosed information that Islamic Republic was one of the states which was under on-going surveillance because countless Iranian internet and telephone records were gathered by the intelligence agencies of the United States and its allies [1, p.5]. After these events Iranian government appealed to international organizations for aid and called for greater United Nations Organization inspection over the global networks.

In those conditions Iran was induced to build capability in cybersecurity as a backlash to its vulnerabilities and comprehension of ongoing conflict with the West over its researches in nuclear sphere. Moreover, Islamic Republic wanted to protect free functioning of the transport, military, social and economical infrastructure. Detection, clashes, and the activities after those events were very valuable for Iran because this country could independently discover and clear the viruses.

The crucial factor in Iranian development of offensive cyber capacities was in 2009 during one of the largest protests about president Mahmoud Ahmadinejad reelection known as the Green Movement. These actions made Iranian government and opposition use networks for putting down the rebellion from one side and controlling political resistance from another side. Consequently, this Movement shown to the officials that the internet could be a tool of mobilization and a real challenge to the cabinet's information monopoly. And it created conditions for future cyber conflicts with not only internal rivals, but also with external actors and powers. Moreover, the early effective acceptance of the global network by adversaries has made Iran think that opponents are conspiring to overturn the Republic using hi-tech [6]. That is why due to Iranian fear that the internet can provoke upheavals, its security agencies decided to boost hacking and cyber abilities to increase national surveillance and control. Also, intelligence's aims were to defend the state from hostile information influence by controlling over the content of information materials, tracking user activity, mitigating the impact of social networks.

The main question is: "What are the main lines of Iran's cyber security strategy?" Broadly speaking, Iran's cyber activities have both offensive and defensive dimensions. Iran's offensive cyber capabilities provide a theoretically low-cost option to Iran's leaders for deterring and managing foreign threats. Should any state decide to conduct kinetic operations against Iran, the regime could retaliate offensively with cyber attacks, likely in conjunction with any one of the other tools in its sizeable asymmetric arsenal. The regime has also taken steps to strengthen its hold on the country's Internet infrastructure to prevent the "corruption" of Iranian society by Western values, simplify the monitoring of Iranian citizens, and block cyber attacks by foreign actors.

Therefore Iran managed to form the basis for the establishment of the system for the prevention, detection and mitigation of the consequences of cyber attacks. The system is comprehensive in terms of its functionality. It is primarily aimed at forecasting information security issues and identifying signs of computer attacks, as well as organizing and conducting scientific research in the sphere of development and application of tools and methods for the prevention, detection, and mitigation of the consequences of computer attacks and implementing measures to ensure that the personnel required for the establishment and operation of the system receive the proper training and subsequent professional development opportunities.

It should be mentioned that Iran does not have a comprehensive, published cyber strategy yet. A bright example of this is the Ministry of Information and Communications Technology which sees the Supreme Council of Cyberspace as a competitor, and that is why the model of cooperation between the two structures does not evolve. The other important actors in this sphere are the Armed Forces General Staff (AFGS) which is

responsible for coordinating activities between the different branches of Iran's military, namely the Iranian Army and, to a more limited extent, the Islamic Revolutionary Guards Corps (IRGC). The AFGS Cyber Headquarters appears to play a similar role in the coordination of cyber policy in Iran's military. The Intelligence, Defense, and Information and Communication Technology ministries also cooperate with the AFGS Cyber Headquarters to identify weaknesses and track threats to Iran's cyber infrastructure.

The AFGS Cyber Headquarters' orientation therefore is primarily defensive in nature. This is not particularly surprising, since offensive cyber operations would likely be placed under the direct control of the IRGC.

The Iranian Revolutionary Guards Corps (IRGC) and Iran's "Passive Defense Organization (IPDO)" are the most powerful Iranian military organizations playing leading role in national cybersecurity. The first one is the most famous and convicted for attacks to American objects, Israeli and Gulf States infrastructure. The second one is put under IRGC supervision and uses links with educational and religious institutions to recruit a proxy cyber force. The last one is accountable for infrastructure protection and coordinating between cyber offense and defense [6]. Iranian offensive cyber activities are almost controlled by the IRGC including a group of independent experts who intermingle security work, criminal fraud and software development.

There is a very important issue of the Iranian Cyber Security Strategy which is definitely worth mentioning. Iran believes that cyberspace includes three domains: hardware, software, and brainware. The concept of "brainware" is the influential factor in cyberspace nowadays. It implies the establishment of goals in cyberspace, activity related to meaning and content, and types of analysis occurring in the cyber domain. The issue of "brainware" is currently growing in cyberspace and actually the Americans do not want anyone to enter this sphere at all because the Americans consider this realm an exclusive environment for them. "We must implement the management of "meaning", "content", and "services" in the field of cyberspace", says a senior military official tasked with managing Iran's cyber strategy, Islamic Revolutionary Guards Corps (IRGC) Brigadier General Second Class Behrouz Esbati [4]. That is why it is clear that Iran describes "cyberwar" as essentially a zero-sum struggle over the control of the production and management of information in cyberspace, specifically content that promotes the West's values versus those of the Islamic Revolution. This perception of cyberspace reflects the threat perceptions of Iranian officials more broadly, particularly the regime's notions of "soft war", or the West's use of cultural and political ideals to subvert the Iranian state. In this respect cyber security is no less important for Iran than, for example, the nuclear issue. That is why it is crucial for Iran to seize the "right" to manage its Internet sovereignty and become a rival source of software development in order to combat U.S. hegemony in cyberspace.

As for the Iran's achievements in this sphere we shall definitely mention Iran's development of the National Information Network (NIN). The NIN is designed to be an indigenous Iranian intra-net accessible only from within Iran. The National Information Network was initially launched in August 2016. NIN – also known as Internet-e-Paak (meaning "clean" in Persian, implying an Internet free of unethical and socially offensive content) – is an alternative and independent countrywide network. Its content is compatible with Islamic values. It is worth mentioning that NIN is not supposed to disconnect Iran from the World Wide Web, but acts as a secondary domestic source. The NIN represents the state's securitized perception of the Internet. In separating the country's Internet from the World Wide Web, the regime hopes to insulate its online infrastructure against cyberattacks by foreign actors. Today, countries like Denmark, Korea, China, and recently Germany have separated their own national networks from the Internet.

One more important aspect of Iran's cyber security strategy is cyberattacks. Firstly, they are needed to counter cyber-threats, secondly, for cyber-espionage and cyberattacks to the rival's facilities. As for the attacks against the USA, they depend on risk calculations of the US destructive backlash. Iran is circumspect that is why it usually arranges secret cyberattacks without provoking a tough response. Its operations are mostly espionage and sabotage against benign objectives. That is why its cyber tools are usually modified malware from the criminal market that do not have the devastating effect and they are boosting now [6]. But sometimes Teheran uses disruptive attacks as a symbol of its ability to impose responsive costs on enemies. The local operations include small faction that have different levels of technology attainments and are manufactured by groups from elementary to professional. Also, Teheran chases the most vulnerable targets both inside and outside the state, including Saudi oil companies, Middle Eastern governments, and U.S. banks. For example, as for cyber actions against different American financial institutions, they are more for showing to the world that the USA is vulnerable than for widespread destruction or conflict's escalation [6]. Furthermore, Iran intends to reduce American presence in the Middle East region. All in all, this country has showcased how militarily weaker states can use offensive cyber operations to counter more powerful ones.

Besides, Iran succeeded in industrial cyber-espionage. These actions serve to extend its commodities industries and military technological mastery. Teheran endeavored to compensate the impact of economic sanctions using major financial crime like the North Korea. There are some groups of the commercial enterprises targeted by Iran: aerospace and civil aviation, defense, industrial and security spheres, natural resources and extractive factories, and telecommunications companies. According to evidence, Iran usually uses for espionage such methods as hacking defense industries to get secret information about weapon system and software (Nima Golestaneh in 2012 did it with

the US company Arrow Tech Associates to sell this information to Iran), transmitting malwares and viruses to defense provider (like Flying Kitten in 2014), creating fake websites for companies to take workers' credentials (like in 2015-2016 with Oshkosh Corporation, the US defense company, and aviation enterprises to get intelligence about jet engine manufacturers). Focusing on defense industries is also urged by regional politics. Some of these companies, such as Oshkosh Corporation, render security and military assistance to the Gulf states, especially to Saudi Arabia. Moreover, cyber operations frequently are focused on the Middle East firms to receive information about military capacities of enemies or access to other objects (supply-chain attacks) [1, p.12].

In addition, Iran frequently underlines defensive capacities, for example in 2015 its Cyber Attacks Emergency Center had successfully thwarted American cyberattacks against the state's infrastructure. Teheran develops new sophisticated defense commodities like the antivirus software Padvish. The representative example is that from 2011 to 2013 Iranian hackers' attacks cost the US financial enterprises one million dollars and made Saudi Aramco's operations incapacitate for weeks. And over the last two years, they struck more than 200 firms over the world with million dollars' detriment [5]. Moreover, it is usually difficult to prove and get evidence that some cyberattacks are made by Iranian hackers and there are few cases of their exposure.

But Tehran's offensive cyber capacities are unsophisticated compared to China, Russia, or the United States. Iran has not demonstrated great success in building a developed cybersecurity infrastructure and far away from regional contenders in investing in defense or forming internal policies to reliable critical infrastructure, and its cyber activity was not so effective till 2007. Even if this state attracted attention to defensive capacities' improvement, it would encounter challenges like sanctions, bureaucratic obstacles, and lack of special knowledge. Also, Islamic Republic is usually seen as a third-tier cyber power which does not have effective cybersecurity apparatus, show disorganization and lack of professionalism to counter stronger adversaries [3]. Although the US government claimed that Iran has got technical support from other countries (Russia or North Korea), the complexity of it can be compared with amateur hackers and cannot be the result of external transfers. What is more, Iranian political and economic isolation leads to holding it back from receiving technology from foreign actors.

Taking all this into account, we can argue that Iran was forced to develop its capabilities in cybersecurity to counter its rivals and defend sovereignty and national unity not only from external, but from internal opponents too. Offensive cyber operations have become one of the most essential tools of statecraft, giving opportunities to collect information and retaliate against perceived rivals at home and abroad. Although Iran does not have so sophisticated technologies as developed economies, it manifests itself as an emerging cyber power threatening other states' cybersecurity. A number of cyber

attacks were beneficial for Iran as the entrance of the viruses into Iran's nuclear infrastructure and state system was a turning point in cyber activities, since there has been a dramatic increase in Iranian cyber infrastructure's security. Now Iran uses cyber security as a tool of national soft power. And these instruments help forming political course and orientation and creating complex structure for cyber conflict management.

Behrouz Esbati, the above mentioned Iran's senior military official said, "In a race, participants are divided into three groups of "forerunner", "middle", and "lagging". Until several years ago, we were the "lagging" group just as 90 percent of the world is in this group today. But now the Islamic Republic is advancing as a "forerunner" regarding cyberspace. We are not the first and second person [in the race], but we have arrived at a place in which we have managed to protect ourselves in this group of pioneers. Do not compare us with America; rather, compare us with 205 other countries" [4]. The essential question is: "What vital element of the future, accessible to everyone, can control the world?" It is clear that this essential element is information. Today, the value of information is greater than anything. And nowadays Iran is doing its best to possess information and use "soft power" tools as a power factor.

References:

1. Anderson, C., Sadjadpour, K. Iran's cyber threat: espionage, sabotage and revenge / C. Anderson, K. Sadjadpour. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2018. – 72 p.
2. Anderson, N. Confirmed: US and Israel created Stuxnet, lost control of it [Electronic resource] / N. Anderson. – 06.01.2012. – Access mode: <https://arstechnica.com/tech-policy/2012/06/confirmed-us-israel-created-stuxnet-lost-control-of-it/>.
3. Borger, J. President broadens war on terrorism [Electronic resource] / J. Borger. – 31.01.2002. – Access mode: <https://www.theguardian.com/world/2002/jan/31/usa.julianborger>.
4. Bucala, P., Pendleton, C.S. Iranian Cyber Strategy: A View from the Iranian Military [Electronic resource] / P. Bucala, C.S. Pendleton. – 24.11.2015. – Access mode: https://www.criticalthreats.org/analysis/iranian-cyber-strategy-a-view-from-the-iranian-military#_edn5c3e6801af23d53d012960e9142512f3ref15.
5. Fixler, A. Are we underestimating Iran's cyber capabilities? [Electronic resource] / A. Fixler. – 03.11.2019. – Access mode: <https://thehill.com/opinion/cybersecurity/433431-are-we-underestimating-irans-cyber-capabilities>.
6. Lewis, J.A. Iran and Cyber Power [Electronic resource] / J.A. Lewis. – 25.06.2019. – Access mode: <https://www.csis.org/analysis/iran-and-cyber-power>.
7. Nakashima, E., Miller, G., Tate, J. U.S., Israel developed Flame computer virus to

slow Iranian nuclear efforts, officials say [Electronic resource] / E. Nakashima, G. Miller, J. Tate. – 19.06.2019. – Access mode: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/us-israel-developed-computer-virus-to-slow-iranian-nuclear-efforts-officials-say/2012/06/19/gJQA6xBPoV_story.html?noredirect=on.

УДК 341.4

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В РАМКАХ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ МЕЖДУНАРОДНЫМИ УГОЛОВНЫМИ ТРИБУНАЛАМИ

© А.А. Астальцев

Научный руководитель: В.В. Терешкова

Сибирский федеральный университет

Масштаб и серьезность вреда, причиняемых международными преступлениями, не должны лишать должностных лиц государств права на справедливое судебное разбирательство. Реальность уважения данного права в рамках разбирательств в международных уголовных трибуналах рассмотрена в данной статье.

Одним из основополагающих принципов рассмотрения дел является публичность и открытость процесса, закрепление которых можно увидеть в уставах МТБЮ, МУТР и МУС [4]. Принцип публичных слушаний позволяет общественности контролировать судебные процессы и, таким образом, защищать суд от недобросовестности и произвольных действий. Соответствующие Уставы трибуналов предусматривают публичные слушания и вынесение судебного решения публично. Исключение: закрытые заседания разрешены по причинам общественного порядка или морали, безопасности или неразглашения личности защищаемой жертвы или свидетеля, а также защиты интересов правосудия. Статут МУС предусматривает два исключения: защита обвиняемых, потерпевших и свидетелей; и защита конфиденциальных доказательств [4]. Так, судебная палата МУС в деле Лубанга приняла на себя обязательство «очень тщательно исследовать каждый случай, когда предлагается отступить от принципа открытого правосудия» [3].

Право на «справедливое судебное разбирательство» является общим принципом международного права. Существуют различные мнения относительно единого понимания значения данного принципа и его фактической реализации. МТБЮ, МУС МУС пришли к выводу, что это право распространяется как на защиту, так и на обвинение [5]. «В МУС, где жертвы также имеют процессуальные права, концепция «справедливости» приобретает более сложный характер. Один из выдвинутых подходов заключается в том, что справедливость является актом

балансирования, установления равновесия между процессуальными правами всех участников [6]. Согласно другой точки зрения, в этом вопросе необходимо провести различие между «общими правами», которые заключаются в предоставлении реальной возможности представить свою позицию по делу, и «особой справедливостью», которая предоставляет лицу, участвующему в судебном процессе, особые права [7]. Международный уголовный суд, тем не менее, признал, что право на справедливое судебное разбирательство в первую очередь относится к обвиняемому и защите [7].

Основополагающим элементом справедливого судебного разбирательства и общим принципом права является принцип равенства сторон. Этот принцип не следует путать с принципом равенства перед законом или недискриминации [8]. Трибуналы применяют более либеральное толкование, чем национальные суды, из-за трудностей, с которыми сталкиваются стороны при отслеживании и получении доступа к доказательствам [9], но также устанавливают и ограничения. Судебный орган должен обеспечить, чтобы ни одна из сторон не ставила себя в невыгодное положение при представлении своего дела. Право обвиняемого иметь достаточно времени и возможности для подготовки защиты должно быть обеспечено в условиях, которые не ставят его или ее в "существенное невыгодное положение" по отношению к обвинению. Отметим, что это не подразумевает обеспечение паритета финансовых или личных ресурсов [10]. МУС занимает аналогичную позицию, тем не менее им был принят ряд мер для сведения к минимуму неравных ресурсов [3].

Международные договоры о правах человека требуют институциональной гарантии в форме независимого и беспристрастного суда. Одной из проблем международных уголовных юрисдикций является их зависимость от сотрудничества между государствами и международными организациями. Эта дилемма была описана в деле Бараягвизы после приостановления правительством Руанды сотрудничества с МУТР. Важным является тот факт, что правительство осознавало, что большая часть доказательств, которые требовались Трибуналу, находилась в Руанде [1], но дело все равно было приостановлено.

Уставы МТБЮ и МУТР закрепляют принципы независимости трибуналов. Однако, их статус как судебных учреждений, созданных Советом Безопасности, вызывает сомнение в вопросе институциональной независимости [11]. Отметим, что национальные суды также осуществляют исполнительные и законодательные полномочия, но это не исключает их независимости. МТБЮ и МУТР институционально и функционально независимы. Например, оба трибунала указали на законность своего создания [9]. Требование о беспристрастности также относится и к судье, который должен быть лично и институционально непричастным к делу

[12]. Если говорить о МУС, то он является независимым договорным органом, и в его Уставе прямо рассматриваются независимость и беспристрастность судей и Прокурора (и заместителей прокурора), а также право обвиняемого на «беспристрастное разбирательство дела» [4].

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что при рассмотрении дел, Трибуналы применяют принципы справедливого судебного разбирательства. Однако в некоторых случаях усматривается невыполнения принципа беспристрастности суда.

Список использованных источников:

1. Barayagwiza, ICTR A. Ch., 3 November 1999, para. 74. // URL: http://www.worldcourts.com/ictr/eng/decisions/1999.11.03_Barayagwiza_v_Prosecutor.pdf.

2. Kajelijeli, ICTR A. Ch., 23 May 2005, paras. 206, 254-3. 320. // URL: http://www.worldcourts.com/ictr/eng/decisions/2005.05.23_Kajelijeli_v_Prosecutor.pdf.

3. Lubanga, ICC A. Ch., 14 December 2006, paras. 24, 34-5. // URL: <https://www.icc-cpi.int/pages/record.aspx?uri=243774>.

4. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: [http://base.garant.ru/12118701/\(дата_обращения:09.05.2018\)](http://base.garant.ru/12118701/(дата_обращения:09.05.2018)).

5. Milutinović et al., ICTY T. Ch. III. 30 August 2006, para. 10. // URL:

6. Situation in the DRC, ICC PTC I, 31 March 2006, para. 38, and references to ECtHR case law, para. 50. // URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2006_02899.PDF

7. Kony et al. ICC PTC II, 10 July 2006 para. 24. // URL: http://www.worldcourts.com/icc/eng/decisions/2007.11.26_Prosecutor_v_Kony.pdf

8. Charles C. Jalloh and Amy DiBella, 'Equality of Arms in International Criminal Law: Continuing Challenges' in Schabas, Ashgate Reseamh Companion, 251-87. // URL: <https://www.ssrn.com/abstract=2314587>

9. Tadić, ICTY A. Ch., 15 July 1999, paras. 44 and 52. // URL: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf>

10. Kayishema and Ruzindana, ICTR A. Ch.. I June 2001, paras. 67-9. // URL: <http://unictr.irmct.org/en/cases/ict95-1>

11. Jose Alvarez, "Nuremberg Revisited: The Tadić Case" (1996) 7 European Journal of International Law 245, 253-4. // URL: <http://www.ejil.org/article.php?article=1364&issue=56>

12. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [Электронный ресурс] принят в г. Лондоне 08.08.1945 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 341.41

РАСКРЫТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СТОРОНЕ ЗАЩИТЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ АНГЛИИ И УЭЛЬСА

© Н.А. Балог

Научный руководитель: А.А. Брестер
Сибирский федеральный университет

Прежде чем судья в англо-саксонской форме уголовного процесса Англии и Уэльса преступает к процедуре отбора присяжных заседателей и принятию ими присяги, должна быть урегулирована целая процедура по раскрытию информации (доказательств), которая призвана уравнивать сторону обвинения и сторону защиты в доступе ко всей информации (всем доказательствам) по уголовному делу.

Раскрытие информации в Англии и Уэльсе является важной частью подготовки к судебному разбирательству как в Суде магистратов (по преступлениям небольшой тяжести), так и в Суде короны (по тяжким преступлениям). Все стороны должны быть ознакомлены с их обязательствами, в частности в соответствии с Законом об уголовном судопроизводстве и расследованиях 1996 года (Criminal Procedure and Investigations Act 1996), который и регулирует процедуру раскрытия информации.

Существует 4 стадии раскрытия информации (доказательств по делу) стороне защиты, даты для каждой из которых определяются при первом появлении обвиняемого в зале суда, на стадии *plea and trial proceedings*:

- 1) Первоначальное раскрытие информации (Initial disclosure);
- 2) Заявление стороны защиты (Defence Statement);
- 3) Дополнительное раскрытие информации (Additional Disclosure);
- 4) Жалобы стороны защиты на неполное раскрытие информации (Complaints) – опционная стадия.

Эффективное обращение с материалами и раннее выявление потенциальных проблем раскрытия информации необходимы для обеспечения того, чтобы любые проблемы с доступом к доказательствам были выявлены и устранены при первой же возможности. С момента установления графика раскрытия

информации государственный обвинитель по делу несет ответственность за выявление любых материалов, которые потенциально могут существовать и которые не были обнаружены полицией первоначально.

Закон об уголовном судопроизводстве и расследованиях 1996 года налагает обязанность на сторону обвинения раскрывать материал, который удовлетворяет тесту на раскрытие информации.

Правило о раскрытии информации формулируется просто: каждый неиспользованный предмет, находящийся в полиции, который считается относящимся к расследованию, должен быть осмотрен, чтобы проверить, способен ли он подорвать позицию обвинения или поддержать позицию защиты. При любом результате доказательства должны быть раскрыты стороне защиты.

После реализации первого этапа раскрытия информации защита раскрывает информацию по своей позиции в рамках уголовного дела, а также о собранных ей доказательствах, на второй стадии раскрытия информации, которая называется «кейс защиты» (defense case).

В соответствии с п. 6А Закона об уголовном судопроизводстве и расследованиях 1996 года (Criminal Procedure and Investigations Act 1996) «заявление защиты» представляет собой письменное заявление [1]:

(а) изложение характера защиты обвиняемого, включая любые конкретные средства защиты, на которые защита намерена опираться,

(б) указание фактических вопросов, по которым защита не согласна с обвинением,

(с) указание, в случае наличия несогласия по пункту (б), почему защита не согласна с обвинением,

(d) указание на любую норму (включая нормы относительно допустимости доказательств или злоупотребления процессом), который защита желает использовать, и любой орган, на который она намеревается полагаться для этой цели.

Исходя из требований к общему порядку отправления судебного разбирательства, разъясненных в п. 3.10 Правил и практических указаний 2015 года (Rules and Practice Directions 2015) [2], сторона защиты должна, в том числе, принять соответствующие меры для представления любых письменных или других доказательств (так называемый, «кейс защиты» – «defense case») суду. Суд, в свою очередь, в соответствии с п. 3.11 Правил, может потребовать, чтобы сторона обвинения, как и сторона защиты, определила: 1) каких свидетелей эта сторона хочет допросить лично в суде; 2) выяснить порядок, в котором эта сторона хочет, чтобы эти свидетели дали свои показания; 3) выяснить, какие письменные доказательства каждая сторона собирает представить; 4) какие другие материалы, если таковые имеются, каждая сторона намеревается предоставить суду.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о действительно существующем механизме уравнивания процессуальных возможностей стороны обвинения и стороны защиты перед началом рассмотрения дела по существу (в английском судебном процессе рассмотрение дела по существу – «trial» – начинается в то судебное заседание, когда стороны начинают представлять доказательства перед присяжными). Вопрос здесь в том, возможно ли в рамках этой процедуры уравнивать возможности защиты и обвинения, которые были явно различны на стадии полицейского расследования. Мы полагаем, что определенные трудности и ранние преимущества не смогут быть устранены даже после полного раскрытия информации как стороной обвинения, так и стороной защиты.

Обвинение и полиция обычно не выполняют своих обязанностей по раскрытию важных доказательств, ведущих к расследованию дел, которые должны были быть прекращены, – выяснил обзор генерального атторнея Англии – Джеффри Кокса, по состоянию на ноябрь 2018 года [3, с. 3].

В докладе, представленном Джеффри Коксом, содержится призыв к культуре нулевой терпимости в Королевской службе обвинения (CPS) и полицейским в случае отказа передавать соответствующие материалы, полученные в ходе расследований. В обзоре также говорится, что обязанность регистрировать, хранить и проверять материалы, собранные в ходе расследований, не выполнялась полицией и CPS.

Доклад был заказан незадолго до краха серии случаев изнасилования, когда материалы с мобильных телефонов были запоздало выпущены, что подорвало доверие к системе уголовного правосудия. Генеральный атторней признал, что эти дела были прекращены слишком поздно, и указал принимать соответствующие меры более срочно.

Незадолго до этого, в 2017 году Инспекция службы прокуратуры короны Ее Величества и Инспекция полиции Ее Величества (Her Majesty's Crown Prosecution Service Inspectorate and Her Majesty's Inspectorate of Constabulary), обнаружили, что качество раскрытия информации полицией было «скудным» в более чем четырех из десяти случаев (42%), а в отношении к расследованию дел в Королевской службе обвинения, «скудным» в одном из трех случаев [4].

В данном отчете Инспекцией службы прокуратуры короны Ее Величества и Инспекцией полиции Ее Величества также были разработаны фокус-группы полиции, среди которых была выявлена базовая недостаточная осведомленность о процессе раскрытия и планирования раскрытия информации, при этом должностные лица не понимали, почему им необходимо предоставить хорошие описания материалов. Кроме того, среди офицеров была путаница относительно того, что представляет собой неиспользованный материал. Было очевидно, что многие

сотрудники имеют очень узкий подход к относимости доказательств, часто представляя лишь минимальный объем материала. Многие из них подвергаются влиянию базовой подготовки по вопросам полицейского обучения в области раскрытия информации, в которой мало внимания уделяется рассмотрению потенциальных доказательств, которые могут иметь отношение к расследованию.

Инспекторы, проводящие исследование, также обнаружили общее недопонимание значения «конфиденциального» (sensitive) материала среди офицеров. Многие не желали редактировать поступающий материал и рассматривали любой документ, содержащий личные персональные данные, как автоматически «конфиденциальный». Фокус-группы продемонстрировали общее заблуждение среди значительного числа участвующих в исследовании полицейских, что любой «конфиденциальный» материал, открытый для Королевской службы обвинения, также будет передан стороне защиты, будь то намеренно или по ошибке.

Конфиденциальная информация, распределённая в графике раскрытия информации, должна содержать достаточно четкие описания, чтобы государственный обвинитель мог принять обоснованное решение относительно того, следует ли рассматривать сам материал как доказательство [5]. Инспекторы обнаружили, что обращение с конфиденциальным материалом вызывает повод для беспокойства. Были выявлены случаи, когда сотрудник по раскрытию информации указал, что не существует конфиденциальных материалов, в обстоятельствах, когда должно было быть очевидно, что такие материалы есть и должны были быть перечислены, но государственный обвинитель также не обратил на это внимания.

В таких случаях защита может действовать только через суд, направляя заявления о дополнительном раскрытии информации, при этом ни о каком равенстве сторон говорить не приходится, поскольку кейс защиты построен на первоначально раскрытой стороной обвинения информации, и только при условии наличия существенных и очевидных пробелов в такой информации сторона защиты будет иметь возможность запросить дополнительную, восполняющую эти пробелы. В случаях же, когда такие пробелы неочевидны или сложно обнаруживаемы, сторона обвинения имеет неоспоримое преимущество в сопровождении уголовного дела.

Список использованных источников:

1. Criminal Procedure and Investigations Act 1996. Revised, London: TSO, 2018;
2. Rules and Practice Directions 2015. Revised, London: TSO, 2018;
3. Review of the efficiency and effectiveness of disclosure in the criminal justice system: Attorney general's office, 2018. P.3;

4. A joint inspection of the disclosure of unused material in volume Crown Court cases, Her Majesty's Crown Prosecution Service Inspectorate and Her Majesty's Inspectorate of Constabulary Office, 2017;

5. Attorney General's Guidelines on Disclosure: Attorney general's office, 2018. P.24.

УДК 341.41

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА» И «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ»

© В.Н. Войцехович

Научный руководитель: И.Д. Мишина

Сибирский федеральный университет

Совсем недавно в юридической литературе наряду с понятием «юридическая техника» появилось новое понятие «юридическая технология». Среди ученых существует две точки зрения: одни считают, что данное понятие соотносится как часть и целое, другие же считают, что они различны. Для меня очень важно понять, является ли необходимым введение нового понятия «юридическая технология» в понятийно-категориальный аппарат, так как посредством понятий в любой науке представляется возможным добиться единообразия в понимании сущности явлений, выразить закономерности и тенденции развития социальной действительности. Для соотношения понятий «юридическая техника» и «юридическая технология» в своей работе я попытаюсь дать определение данным понятиям, а также выделить их основные структурные элементы.

Проблемы юридической техники вызывают постоянный интерес со стороны ученых и практиков. Среди правоведов отсутствует устоявшееся определение юридической техники, ее элементов, роли и места в правовой сфере. Например, профессор С.С. Алексеев под юридической техникой понимает совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми приемами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства [1, с. 267]. По его мнению, под юридической техникой понимается наука о создании правовых актов, то есть юридическая техника распространяет свое действие исключительно на правотворчество.

Большинство ученых придерживаются иного подхода к определению юридической техники. С позиции М.Л. Давыдовой, это система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и

осуществлении иной юридической деятельности [3, с. 36]. По мнению А.Ф. Черданцева, юридическая техника – это совокупность правил, приемов, способов подготовки, составления, оформления юридических документов, их систематизации и учета [11, с. 366]. По мнению авторов, осуществление любого вида юридической деятельности связано с юридической техникой. Поэтому различаются виды юридической техники. Законодательная техника включает в себя разные способы и приемы построения нормативного акта, его формулирования, изложения и опубликования. Под правоприменительной техникой понимаются приемы оформления и построения правоприменительных актов, способы решения коллизий и пробелов в праве, а также способы применения и толкования юридических норм. Толкование права – это деятельность субъектов права по уяснению и разъяснению смысла норм права, выражающаяся в особом юридическом акте. Различают также технику систематизации права, технику непосредственной реализации права. Тем самым, мы можем наблюдать, что юридическая техника не может быть связана исключительно с правотворчеством.

Основной недостаток термина «юридическая техника», по мнению ряда авторов, состоит в том, что его содержание не в состоянии охватить тех явлений, которые должны им охватываться. Возникает необходимость в появлении более объемного понятия. Таким может выступать «юридическая технология», которая представляет собой совокупность принципов, приемов, процедур формирования и реализации всех видов юридической практики. Рассмотрим соотношение понятий «техника» и «технология».

Наиболее подходящим определением понятия «техника» является: «совокупность навыков и приемов в каком-либо виде деятельности, мастерства». Слово «технология» является производным от «техника» и понимается как совокупность производственных методов и процессов в определенной отрасли производства. То есть, техника – это совокупность средств человеческой деятельности (при этом средство – это способ, инструмент, который человек использует в процессе своей деятельности). Технология же представляет собой совокупность операций, выполняемые определенным субъектом. Таким образом, юридическая техника является инструментальной частью юридической технологии.

Я считаю, что соотношение понятий «юридическая техника» и «юридическая технология» непосредственно зависит от представлений о структуре данных понятий. Стоит отметить, что юридическая техника и юридическая технология схожи по своим структурным элементам.

По мнению С.С. Алексеева, юридическая технология – это технические приемы, в частности это способы изложения норм, система отсылок. Профессор

считает, что юридическая технология является частью, то есть элементом юридической техники.

Профессор Т.В. Кашанина вычленяет такие элементы юридической техники как средства, приемы, способы и методы.

1) Средства юридической техники представляют собой материальные предметы, объекты, с которыми в процессе проведения юридической работы производятся манипуляции для достижения поставленной цели. Например, к ним можно отнести компьютеры, которые использует человек при написании юридических документов.

2) Приемы юридической техники – это действия, способные повторяться при осуществлении чего-либо. Примером может послужить бланкетный способ изложения нормы права, когда производится отсылка к другому нормативному акту.

3) Под способами юридической техники понимают сложную по содержанию деятельность, которая включает в себя совокупность приемов. В качестве примера можно рассмотреть конструкцию договора, которая в Трудовом кодексе РФ неоднократно используется законодателем (коллективный договор, трудовой договор и иные соглашения). Помимо определения каждого из видов договоров, в Кодексе проводится их детализация (указываются субъекты, права и обязанности и др.).

4) Методы юридической техники – это пути достижения цели, упорядочения правового материала или правоотношений. Например, человек, которого оскорбили, может защитить свое достоинство либо в уголовно-правовом, либо в гражданско-правовом порядке. Так, ст. 130 УК РФ формулирует понятие «оскорбление» и предусматривает в качестве одной из санкций за него взыскание штрафа. Гражданский кодекс РФ предлагает возмещение морального ущерба в пользу оскорбленного гражданина.

При классификации элементов юридической техники в качестве критерия можно выбрать возможность объективизации. По мнению Т.В. Кашаниной, материальное выражение имеют только средства юридической техники. Все остальные элементы имеют нематериальный характер и относятся к искусству проводить такую работу, поэтому будет правильнее назвать их юридической технологией. Тем самым, структура юридической техники состоит из собственно юридической техники и юридической технологии [6, с. 86].

Т.В. Кашанина отмечает, что рассматриваемые термины можно признать условно синонимичными, договорившись в рамках научного сообщества, что в контексте юридической техники будет подразумеваться более широкое понятие.

Юридическая технология у В.Н. Карташова состоит из трех частей:

1. юридическая техника – средства достижения практических целей: общесоциальные (язык, буквы, цифры, понятия, суждения, нормы и т. п.), специально-юридические (правовые понятия, конструкции, правовые предписания, нормативные акты и иные правовые явления), технические (компьютеры, фотоаппараты и т. д.);

2. юридическая тактика – совокупность интегрированных приемов, способов и методов юридической практики или основы ее организации и планирования;

3. юридическая стратегия – способы достижения главных, наиболее существенных и окончательных целей. Иными словами, это перспективное планирование и прогнозирование юридической практики.

В.Н. Карташова под юридической техникой понимает только средства достижения практических целей. Понятие «юридическая технология» является более широким и включает в себя юридическую технику [5, с.24].

Таким образом, можно согласиться с мнением профессора Т.В. Кашаниной о том, что юридическая техника имеет материальное выражение, то есть к ней относятся исключительно средства юридической техники. Юридические технологии – постоянно развивающееся, не стоящее на месте и обладающее многообразием элементов. На мой взгляд, понятие «юридическая технология» имеет более объемную содержательную базу, чем понятие «юридическая техника». Поэтому можно согласиться с мнением тех авторов, которые проводят разграничение между данными понятиями и придают более объемное содержание юридической технологии.

Список использованных источников:

1. Алексеев, С.С. Общая теория права : учебник Т.2 / С.С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1982. – 360 с.

2. Бачернихина, М.В. Юридическая техника и юридическая технология: некоторые аспекты соотношения / М.В. Бачернихина // Человек: преступление и наказание. – 2010. – №2(69). – С. 41-43.

3. Давыдова, М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография / М. Л. Давыдова. – Волгоград : ВолГУ, 2009. – 318 с.

4. Иващенко, Е.А. История дискуссии о соотношении понятий «юридическая техника», «законодательная техника», «юридическая технология» / Е.А. Иващенко // Вопросы студенческой науки. – 2018. – №4(20). – С. 42-46.

5. Карташов, В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования / В.Н. Карташов // Юридическая техника. – 2007. – №1. – С. 16-24.

6. Кашанина, Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 496 с.

7. Маршакова, Н.Н. Юридическая техника: понятие, виды, средства, основные функции и значение / Н.Н. Маршакова // Юридическая техника. – 2007. – №1. – С. 52-60.

8. Миронов, А.Н. Юридическая технология подготовки нормативных правовых актов : монография / А.Н. Миронов. – Москва : Форум, 2010. – 352 с.

9. Павлова, К. Е. Юридическая техника и юридическая технология: соотношение понятий / К.Е. Павлова // Юр-ВАК. – 2015. – №6. – С. 53-57.

10. Умедов, К.М. Юридическая технология [Электронный ресурс] / К.М. Умедов // Universum: Экономика и юриспруденция. – 2018. – №12(57). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/6591>. – (Дата обращения: 11.04.2019).

11. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права : учебник / А.Ф. Черданцев. – Москва : Юрайт, 200. – 432 с.

УДК 341.41

DER FLÜCHTLINGSSTATUS IN RUSSLAND UND DEUTSCHLAND: RECHTSVERGLEICHENDE ANALYSE

© M. Luschtschaeva und A. Zhigalov

Wissenschaftlicher Betreuer: N.V. Zhbankova

Sibirische Föderale Universität

Heutzutage ist das Thema «Zuwanderung» von aktuellem Interesse. Es gibt viele Gründe, warum Menschen Ihren Wohnort ändern. In jedem Land hat die Zuwanderung jedoch ihre historischen Wurzeln. So wurde für Deutschland dieses Thema seit den Weltkriegen und für Russland viel später mit dem Zusammenbruch der UdSSR relevant. Trotzdem wird diese Frage derzeit international geregelt. Sowohl Russland als auch Deutschland sind Teilnehmer der Genfer Flüchtlingskonferenz vom 28. Juli 1951. Und gemäß dieser Konferenz, sowie der Protokolle zu ihr vom 1967 – hat jedes Land deswegen das Recht, diese Frage nach seinen eigenen Eigenschaften mit internationalen Besonderheiten zu regeln, seine eigene Begriffswerk anzuwenden usw. Das Ziel dieser Erforschung ist eine vergleichende Analyse der Rechtsvorschriften beider Länder durchzuführen.

Gemäß den aktuellen Verfassungen sowohl in Russland als auch in Deutschland haben die Normen des Völkerrechts Vorrang vor der nationalen Gesetzgebung.

Also bestimmt der Teil 4 Art. 15 der Verfassung der Russischen Föderation: «Die allgemein anerkannten Prinzipien und Normen des Völkerrechts und die völkerrechtlichen Verträge der Russischen Föderation sind Bestandteil ihres Rechtssystems. Legt ein völkerrechtlicher Vertrag der Russischen Föderation andere Regeln fest als die gesetzlich vorgesehenen, so werden die Regeln des völkerrechtlichen Vertrages angewandt.»

Im Art. 25 GG steht: «Die allgemeinen Regeln des Völkerrechtes sind ein Bestandteil des Bundesrechtes. Sie gehen den Gesetzen vor und erzeugen Rechte und Pflichten unmittelbar für die Bewohner des Bundesgebietes».

Auf solche Weise muss sich die nationale Gesetzgebung entsprechend ratifizierten internationalen Verträgen entwickeln. Deshalb ist es zweckmäßig, die Betrachtung dieser Frage mit der Genfer Flüchtlingskonvention anzufangen. Die Voraussetzungen für ihre Annahme waren der erste und zweite Weltkrieg. Die Genfer Flüchtlingskonvention wurde in erster Linie auf die Probleme gerichtet, die in Europa Nachkriegszeit zustande gekommen waren: Hunderttausende von Vertriebenen, die vor Feindseligkeiten (militärische Kampfhandlungen), Zerfall, Hunger, Besatzung flohen; gewaltsam von ständigen Wohnstätten wegjagen [1].

Die Flüchtlingskonvention gibt die Definition des Begriffs «Flüchtling». Er enthält jedoch nur fünf Gründe, die als Anhaltspunkte für die Verfolgung, ebenso wie für den Flüchtlingsstatus dienen können. Das sind für die Bezeichnung der Rasse, der Religion, der Nationalität, der Zugehörigkeit zu einer bestimmten sozialen Gruppe oder der politischen Überzeugungen [2]. Mit der zunehmenden Globalisierung und der Entwicklung der Weltgemeinschaft besteht jedoch die Notwendigkeit, diese Aufzählung zu erweitern. Zu den Gründen gehören derzeit auch die Verfolgung aufgrund von sexueller Orientierung, der Behinderung, der Verschlechterung der innenpolitischen Situation, dem Bürgerkrieg und der Zwangsmigration aus Umweltgründen [3].

Die Genfer Flüchtlingskonvention verbietet die Diskriminierung gegen die Flüchtlinge. Ein Teil der Rechte lässt den Begriff "Flüchtlinge" in der Bedeutung ebenso wie "die Bürger des Gastlandes" verwenden, und der andere Teil – unter den gleichen Bedingungen wie Ausländer. Einer der Hauptprinzipien der Flüchtlingskonvention ist das Verbot der Rückführung ins Heimatland (non-refoulement) gemäß dem Art. 33 Genfer Flüchtlingskonvention, obwohl sie die Verbannung des Flüchtlings im Interesse der Staatssicherheit erlaubt.

Deutschland nahm ursprünglich an der Unterschreibung der Flüchtlingskonvention teil, da die Nachkriegsjahre von riesigen Strömen von Migranten begleitet wurden.

Russland trat der Flüchtlingskonvention von 1951 und dem Protokoll von 1967 mit der Verordnung des Oberster Sowjets der Russischen Föderation vom 13. November 1992 bei. Der Zusammenbruch der Sowjetunion und die damit entstandenen internationalen Konflikte hatten den Prozess der Auswanderung einer großen Anzahl von

Bürgern auf dem Territorium bestimmt. In diesem Zusammenhang war es notwendig, den Status der Personen, die an diesen Prozessen beteiligt waren, rechtlich zu regulieren [4].

Im Februar 1993 wurden zwei Bundesgesetze verabschiedet: das Flüchtlingsgesetz und das Bundesvertriebenengesetz. Der Unterschied in den verwendeten Begriffen liegt in der Staatsangehörigkeit des Subjekts. Also, die Flüchtlinge sind ausländische Bürger oder Personen ohne Staatsangehörigkeit. Und die Vertriebenen haben dagegen die Staatsangehörigkeit Russlands oder der ehemaligen UdSSR und wandern entweder von einem ausländischen Staat nach Russland oder von einem Subjekt der Russischen Föderation zum anderen ab.

In der Gesetzgebung der Russischen Föderation gibt es noch einen Begriff d. h. die Asylbewerber, das sind die Person, die nach einem vorübergehenden Schutz suchen. Obwohl der Status beider diesen Personen durch das Flüchtlingsgesetz bestimmt wird, sind die Begriffe «Flüchtling» und «Asylbewerber», nicht voll gleich. Der Asylbewerber ist ein Oberbegriff. Dazu gehören die Personen, die sich für die Bereitstellung vom vorübergehenden oder politischen Asyl bewerben. Das Letzte ist ein Verfassungsrecht, das in Art. 63 Verfassung der Russischen Föderation steht. Und die Detaillierung in der Ordnung der Bereitstellung für den politischen Asyl wird durch die Verfügung des Präsidenten der Russischen Föderation vom 21. Juli 1997 № 746 durchgeführt.

Die Flüchtlinge sind in den Rechten bezüglich anderer Gruppen von Migranten wesentlich begrenzt und ihre Bestimmung beinhaltet nicht direkt die Integration in die Gesellschaft. Im Gegenteil liegt der Flüchtlingsstatus nahe dazu, dass die Person in das Land zurückkehrt, aus dem sie fliehen musste, wenn sich die Situation verbessert. Wiederum wird den Aussiedlern die Liste der zusätzlichen Rechte gegeben. In der wissenschaftlichen Literatur wird darauf hingewiesen, dass diese Personen nicht nur alle Rechte und Freiheiten der Bürger haben sollten, die in der Gesetzgebung des Landes verankert sind, sondern auch ihr Rechtsschutz aufgrund außergewöhnlicher Umstände höher sein sollte [5].

In Deutschland gibt es auch zwei Gesetze: das Asylgesetz vom 1. August 1982 und das Aufenthaltsgesetz vom 1. Januar 2005. Die wichtigsten Begriffe sind – der Zuwanderer, Migrant, Flüchtling, Asylbewerber. Die Grundlagen ihrer Unterscheidung sind in der Regel die Gründe für die Migration.

Die Flüchtlinge sind mit dem Begriff «Flüchtling» gemäß Art. 1 Genfer Flüchtlingskonvention und § 3 Abs. I Asylgesetz gleichbedeutend. Als Flüchtlinge werden nicht nur politisch anerkannt, sondern auch die Menschen, denen wegen ihrer Rasse, Religion oder Zugehörigkeit zu einer bestimmten sozialen Gruppe in ihrem Heimatland eine Gefahr droht.

Zwischen den Zuwanderern und Migranten gibt es sozusagen keinen Unterschied. Diese beiden Oberbegriffe können fast synonym verwendet werden. Die wichtigsten Regelungen ergeben sich aus dem Vertrag über die Arbeitsweise der Europäischen Union, weil eine umfassende Migrationspolitik eines der Hauptziele der EU ist. Und Russland ist kein Mitglied der Europäischen Union und deswegen gibt es keine Definition zum Begriff «Migrant» in Russland.

Der wichtigste Unterschied zwischen den Flüchtlingen und Migranten liegt darin, dass die Letzten ihr Heimatland freiwillig verlassen oder verlassen haben.

Die Asylbewerber sind die Personen (Migranten, Flüchtlinge), die einen Asylantrag in Deutschland gestellt haben.

Entscheidend für die Personen, die den Flüchtlingsstatus erhalten oder berechtigt sind, sind die Rechte und Pflichten, die ihnen durch das Gesetz eines bestimmten Landes gewährt werden. In unserem Fall wird vorgeschlagen, die allgemeinen und besonderen Bestimmungen der Rechte und Garantien, die den Flüchtlingen in Russland und Deutschland gewährt werden, anhand beider Gesetze zu vergleichen. In Russland ist dies das Flüchtlingsgesetz vom 19. Februar 1993, N 4528-I, und in Deutschland ist es das Asylgesetz.

Bei der Unterscheidung zwischen dem Asylgesetz in Deutschland und dem Flüchtlingsgesetz Russlands sollen besonders die Struktur und Logik des Gesetzes geachtet werden, die die Gesetzgeber der Länder bei der Ausarbeitung von Gesetzen befolgten. Der russische Gesetzgeber folgt der Logik des Verfahrens, nach dem das Recht auf Erhalt des Flüchtlingsstatus und dessen Beendigung gewährt wird. Der Deutsche Gesetzgeber hebt in den Abschnitten die allgemeinen Bestimmungen, das Verfahren zur Gewährung von Status, Wohnraum, Klagen und Haftung der Personen hervor.

Unter den allgemeinen Bestimmungen zwischen diesen Gesetzen ist es möglich, die Bestimmung über den Anwendungsbereich des Gesetzes zu unterscheiden. Zum Beispiel, ein Verbrechen gegen den Frieden, ein Kriegsverbrechen oder ein Verbrechen gegen die Menschlichkeit kann nicht Flüchtlingsstatus bekommen (Gemäß Art. 2 Flüchtlingsgesetz und § 3 Abs. 2 Asylgesetz).

Gleichermaßen ist die Bestimmung so geregelt, dass, wenn ein Ausländer nicht fließend Deutsch spricht, soll er zur Hilfe eines Dolmetschers in der Verhandlung greifen. Die Ausländer haben das Recht, die Informationen über das Verfahren zur Erteilung des Flüchtlingsstatus, über ihre Rechte und Pflichten zu erhalten. (Gemäß Art. 8 Abs. 1 Flüchtlingsgesetz und § 17 Asylgesetz).

Die Gesetze unterscheiden sich hinsichtlich der Frist für die Bearbeitung eines Antrags, die Erteilung von Asyl, die Entscheidung, ob ein Flüchtling anerkannt wird, oder die Anerkennung eines Flüchtlings und die Absendung dieser Entscheidung an eine Person, und die Zustellung eines Flüchtlingsstatus. Diese Bestimmungen sowie ihre

Anwendung sind in den Gesetzen von Russland und Deutschland unterschiedlich definiert. Von besonderem Interesse sind die Bedingungen, unter denen die Frist und das Verfahren für die Bearbeitung von der Antragstellung beschleunigt werden können.

Eine große Rolle bei der Betrachtung von der Antragstellung spielt die Anhörung einer Person. Im Russischen Recht gibt es neben dem individuellen Vorstellungsgespräch auch ein Fragebogen (Gemäß Art. 3 Abs. 3 Flüchtlingsgesetz). Die Form des Fragebogens ist im Gesetz klar definiert. Das Asylgesetz erklärt detailliert den Ablauf des Anhörungsverfahrens, ohne die Bereitstellung eines Fragebogens an eine Person, wie im russischen Recht. Darüber hinaus hat die Person das Recht, die Anhörung abzulehnen, mit der Verpflichtung, innerhalb eines Monats eine schriftliche Stellungnahme abzugeben, oder das Bundesamt selbst kann die Entscheidung treffen, die Anhörung aufzugeben (Gemäß § 24, § 25 Asylgesetz).

Zum Thema "die Flüchtlinge und ihr Status" gibt es die Gerichtspraxis in Russland und Deutschland. Um damit weiter fortzusetzen, analysieren wir ein Beispiel aus der Gerichtspraxis in Russland.

Das war ein Beschluss des Gerichts vom 11. März 2019 Fall N 33A-8407/2019. Das Gerichtskollegium für Verwaltungsangelegenheiten des Moskauer Landegerichts. Die Parteien des Falls waren ein Bürger der Republik Simbabwe M. M. und eine Lyuberetsker Gemeinde mit ihrem Stadtgericht. Der Streitgegenstand war Anerkennung der Handlung und Untätigkeit als illegal, Verpflichtung, eine Erklärung über die Zustellung vom vorübergehenden Asyl auf dem Territorium der Russischen Föderation zu akzeptieren. Weiter geht ein kurzer Überblick über den Rechtsstreit. Der Bürger aus der Republik Simbabwe M. M. wandte sich an das Gericht mit einer Verwaltungsklage. Er wies darauf hin, dass er am Ende 2014 in die russische Föderation kam, um Asyl zu erhalten. In seinem Land wurde er wegen religiöser Überzeugungen verfolgt. Das Innenministerium der Russischen Föderation verweigerte ihm den Flüchtlingsstatus und das vorübergehende Asyl auf dem Territorium der Russischen Föderation. Der Bürger gab an, er könne das Territorium der Russischen Föderation nicht verlassen und solle in sein Land zurückkehren, da sich die Situation verschlechtert habe. Er hatte zusätzliche Gründe für die Angst vor seiner Sicherheit. Im Juli 2018 versuchte er schon wieder, sich mit einem Asylantrag beim Innenministerium der Russischen Föderation zu bewerben. Die Ansprüche wurden abgelehnt. Trotz der schwierigen Situation eines Bürgers aus der Republik Simbabwe und vernünftiger Forderungen wurde ihm daher der Flüchtlingsstatus verweigert [6].

Ein Beispiel aus der Rechtspraxis Deutschlands. Die Parteien des Falls waren ein Bürger aus Afghanistan und der Freistaat Bayern. Der Streitgegenstand war einen Anspruch auf immaterielle Entschädigung für die Zeit seiner Abschiebehaft ab 3. Oktober 2013 in Höhe von 100 € je Haftung insgesamt 2.700 € nach Art. 5 Abs. 5 EMRK. Der

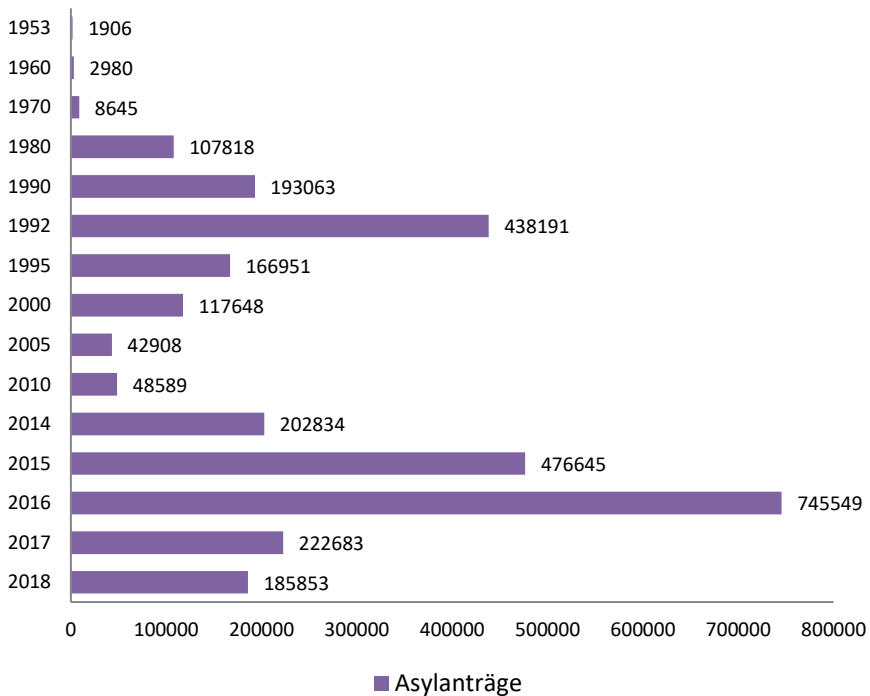
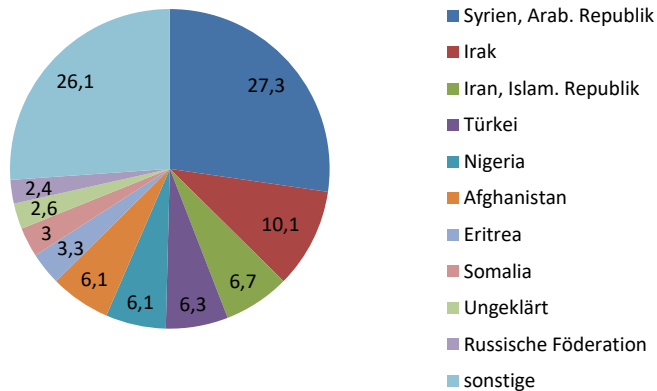
Afghanischer Staatsangehöriger reiste zusammen mit seiner Frau und seiner 1 jährigen Tochter mit dem Zug aus Österreich kommend am 2. Oktober 2013 in das Bundesgebiet ein. Bei der Grenzkontrolle in Passau konnte er keine aufenthaltslegitimierenden Ausweispapiere vorlegen. Er gab an, bereits in der Slowakei einen Asylantrag gestellt zu haben. Er wolle aber in Deutschland bleiben. Die Bundespolizei beantragte ihn eine Haft zur Sicherung der Zurückschiebung. Mit dem Beschluss vom 3. Oktober 2013 ordnete das Amtsgericht Passau die vorläufige Freiheitsentziehung von 44 Tagen an. Auf die Beschwerde des Klägers stellte das Landgericht fest, dass die Freiheitsentziehung von Anfang an rechtswidrig gewesen worden sei. Der Kläger lehnte den Flüchtlingsstatus in der Slowakei ab und beantragte den Flüchtlingsstatus in Deutschland. Im Rahmen des nationalen in Deutschland durchgeführten Asylverfahrens wurde dem Kläger die Flüchtlingseigenschaft zuerkannt. Das Gericht hat entschieden: Das Landgericht hat das beklagte Land zur Zahlung von 810 € (27 Tage 30 €) verurteilt und die Klage gegen die beklagte Bundesrepublik insgesamt abgewiesen. Die Berufungen des Klägers haben keinen Erfolg gehabt [7].

Neben der Gerichtspraxis wurde die Statistik der Flüchtlingszüge in Russland und Deutschland analysiert. In den letzten Jahren hat sich die Zahl der Flüchtlinge, denen ein vorübergehender Asyl gewährt wurde, in Russland stark verringert. Mehr und mehr beginnen sie einen dauerhaften Aufenthalt zu erhalten [8].

Und in Deutschland seit 1953 haben rund 5,8 Millionen Menschen einen Asylantrag gestellt. Der große Anteil aller Asylanträge (83,8 %) wurde seit 1990 stattgegeben. Der Höhepunkt des Flüchtlingsflusses war im Jahr 2016. Er übertraf die Zahlen in Russland mehr als 2,5 Mal. Danach hat sich die Situation schnell verbessert. Darüber hinaus ist die Zahl der Flüchtlinge in Jahren 2018 -2019 sogar im Vergleich zur Russischen Föderation stark gesunken [9].

Die Situation mit den Flüchtlingen in Deutschland ist heute ganz anders. Die große Anzahl an Asylsuchenden, die im Jahr 2015 nach Deutschland gekommen sind, stellt vor dem Bund, den Bundesländern und Kommunen weiter große Probleme. Unter ihnen sind zahlreiche Personen, die keinen Anspruch auf Schutz nach den in Deutschland geltenden Asylregelungen haben. Sie müssen Deutschland selbständig oder im Wege der Abschiebung verlassen. In den nächsten Monaten wird das Bundesamt für Migration und Flüchtlinge eine hohe Zahl von persönlichen Asylanträgen ablehnen, die keines Schutzes in Deutschland bedürfen. Die Zahl der Ausreisepflichtigen wird dadurch 2018 weiter steigen.

Asylgesuche im Jahr 2018 nach Staatsangehörigkeit

Es bedarf daher auch gesetzgebender Maßnahmen, um zusätzliche Verbesserungen im Bereich der Rückkehr zu erreichen. Dies gilt gerade mit dem Blick auf solche Ausreisepflichtigen, von denen Sicherheitsgefahren ausgehen.

Zusammenfassend kann man zu den folgenden Schlussfolgerungen kommen:

1. Insgesamt entsprechen das Flüchtlingsgesetz und Asylgesetz dem Völkerrecht und der Genfer Flüchtlingskonvention vom 28. Juli 1951.
2. Derzeit gibt es eine große Anzahl von Begriffen zu diesem Thema, die unterschieden werden sollten
3. Die Gesetze haben ihre eigene Struktur und Logik, die von den Gesetzgebern Russlands und Deutschlands verfolgt werden müssen.
4. Die Gesetze haben sowohl allgemeine als auch unterschiedliche Normen.
5. Aufgrund der zunehmenden Migrationsströme nach Europa und Russland braucht die Gesetzgebung weitere Verbesserungen.

Literaturverzeichnis:

1. Aliyev O. F. Historisch-rechtliche Überblick der Probleme der erzwungenen Migration / O. F. Aliyev // Eurasische Rechtsanwaltschaft. – 2017. – № 5 (30). – С. 17-25.
2. Genfer Flüchtlingskonvention [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Prokopenkova I. P. Genfer Flüchtlingskonvention im gemeinsamen System des Völkerrechts / I. P. Prokopenkova // Tribüne des Jungen Wissenschaftlers. – 2018. – №4. – С. 72.
4. Shahray S. M. Das Verfassungsrecht der Russischen Föderation / S. M. Shahray [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Woronina N. A. Position und Rechtsstatus der Vertriebenen in der Russischen Föderation / N. A. Woronina // Bürger und Recht. – 2003. – N 5. – С. 21.
6. Archiv der Entscheidungen von Schiedsgerichten und Gerichten von allgemeiner Gerichtsbarkeit [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudrf.kodeks.ru/rosp-ravo/document/554036445?text=%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%86&type=&accepted_by_id=&accepted_by=&accepted_date_start=&accepted_date_end=&number=33%D0%B0-8407%2F2019
7. Bundesgerichtshof [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bundesgerichtshof.de/SharedDocs/Termine/DE/Termine/IIIZR67.html>
8. Innenministerium der Russischen Föderation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>

9. Das Bundesamt in Zahlen 2018 – Modul Asyl [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Broschueren/bundesamt-in-zahlen-2018-asyl.html;jsessionid=E1CD6C1F5480BE5F938B2652B620205F.2_cid368?nn=9121126

УДК 341.41

DIE STRUKTUR DER VERFASSUNG IN DEUTSCHLAND UND RUSSLAND: VERGLEICHENDER ASPEKT

© J. Paschkewitsch

Wissenschaftlicher Betreuer: N.V. Zhbankova

Sibirische Föderale Universität

Die Verfassung in jedem Staat bedeutet das Grundgesetz des Staates, eine Besondere Normative Rechtsakte, die höchste Rechtskraft hat.

Das Grundgesetz der Bundesrepublik Deutschland besteht aus einer kurzen Präambel, 14 Teilen und 146 Artikeln. Die Verfassung der Russischen Föderation enthält eine Präambel, 2 Teile, im ersten Teil sind 9 Kapitel dargelegt, der zweite Teil heißt "Übergangs- und Schlussbestimmungen" und umfasst insgesamt 137 Artikel.

Das erste Kapitel des Grundgesetzes widmet sich den Grundrechten, betont damit ihr Vorrang vor allen anderen Regelungen. Die Priorität der Grundrechte gegenüber anderen Teilen des Verfassungsrechts wird anerkannt, daher müssen die Regelungen über die Grundrechte in allen rechtlichen Bereichen beachtet werden.

Die Verfassung der Russischen Föderation, sowie das Grundgesetz der Bundesrepublik Deutschland, bestimmt die unmittelbare Geltung der Grundrechte. Dadurch wird festgestellt, dass die Grundrechte anerkannt, wahrt sind und die Bedeutung der Tätigkeit der staatlichen Behörden und der Gemeinde bestimmen.

Das erste Kapitel der Verfassung in der Russischen Föderation ist das Kapitel für "Grundlagen der Verfassungsordnung", in dem wichtige Rechtsprinzipien der Beziehung zwischen Bürger und Staat gelegt werden. Jedes Prinzip dieses Kapitels ist der Ausgangspunkt für die Regelungen der nachgehenden Kapitel. Das Institut für die Grundlagen der Verfassungsordnung nimmt den Hauptplatz in der Wissenschaft des Verfassungsrechts ein. In der Russischen Föderation spielt das Staatsapparat für die Gesellschaft eine wichtige Rolle.

In der Verfassung der Bundesrepublik Deutschland widmet sich dem gemischten Staatskörper des II. Teils, der als „Der Bund und die Länder“ bezeichnet wird. Im Kapitel 3 "Föderativer Aufbau" der russischen Verfassung wird gefestigt, dass unser Land eine

Föderation ist. Daher haben Deutschland und Russland die gleiche Form der territorialen Einheit des Staates. Das ist die Föderation. In diesem Teil des Grundgesetzes Deutschlands enthalten die Fragen über die Gemeinde gegenüber der Verfassung Russlands. In der Verfassung der Russischen Föderation werden die Regelungen über die örtliche Selbstverwaltung unterfallen ins Kapitel 8. Dies wird in der unterschiedlichen Interpretation dieses Instituts erklärt. In Russland übernimmt die örtliche Selbstverwaltung die Positionen der öffentlichen Macht, aber nicht die Staatsmacht. In Deutschland ist es im Gegenteil: die Gemeinden werden als Institut für Staatsmacht betrachtet.

Deutschland ist eine parlamentarische Republik. Im Kapitel 3 des Grundgesetzes sind die Regelungen für den Bundestag festgeschrieben. Russland ist eine gemischte Republik und das wichtigste Staatsamt gilt als der Präsident. Der Präsident hat einen repräsentativen Charakter in Deutschland, in Russland hat er die umfangreichen Funktionen. In der Verfassung Russlands wird zunächst das Institut der Präsidentschaft und dann die anderen staatlichen Organe enthüllt.

Die Reihenfolge der Bildung und einige Funktionen der Staatsduma in der Russischen Föderation und des deutschen Bundestages sind ziemlich ähnlich. Die beiden sind auch die gewählten Organe. Was das Status des Bundesrates Deutschlands und des Föderationsrats Russlands angeht, so gibt es hier wenige Ähnlichkeiten, die Unterschiede existieren aber sowohl in der Bildung als auch in den Funktionen dieser staatlichen Organe.

Das Kapitel 6 des Grundgesetzes Deutschlands widmet sich der Bundesregierung. Die Bundesregierung Deutschlands besteht aus der Bundeskanzlerin und den Bundesministern. Die Bundeskanzlerin Deutschlands ist das wichtigste politische Staatsamt des Landes. Sie bestimmt die Grundrichtungen der Politik des Landes und ist dafür verantwortlich. Die Bundesregierung der Bundesrepublik Deutschland ist in diesem Land wichtiger als die Regierung der Russischen Föderation. Aber es ist wichtig zu beachten, dass in beiden Ländern das Kapitel über die Regierung in der Verfassung nach den Kapiteln zu gesetzgebenden Organen rangiert.

Der wichtigste Unterschied zwischen den Verfassungen ist die besondere Aufmerksamkeit auf die gesetzlichen Funktionen der Länder in Deutschland (die Kapitel 7-8). Dies folgt aus der Präambel der Verfassung Deutschlands, wo ein wichtiger historischer Faktor für die Schaffung des Grundgesetzes war: die Vereinigung der Länder in einem einzigen Land. Was die Russische Föderation betrifft, wird in der Verfassung nur im Artikel 72 die Zuständigkeit der Russischen Föderation und der Subjekte der Russischen Föderation erwähnt.

In der Russischen Föderation und Deutschland sind ähnliche Modelle der Justiz, im Kapitel 9 des Grundgesetzes, und in der Verfassung der Russischen Föderation, Kapitel 7, wird über die rechtsprechende Gewalt dieser Länder gesprochen.

Das Kapitel 10 des Grundgesetzes ist dem Finanzwesen gewidmet, da für die effektive Tätigkeit der gesetzgebenden, exekutiven und Justizbehörden der finanzielle Schutz notwendig ist. In der Russischen Föderation unterliegen diese Aspekte den Föderationsgesetzen, die die Föderationsversammlung erlässt.

So kann man nach der Analyse der Verfassung der Bundesrepublik Deutschland und der Russischen Föderation schlussfolgern:

- jedes Land bestimmt den Vorrang für die Entwicklung gesetzlicher Prinzipien und Institutionen.

- abhängig von der Form des Staates: die Regierungsform, der territorialen Verwaltung und des staatlichen Regimes, entsteht die Struktur der Verfassung.

Auch wichtige Rolle spielt die historische Entwicklungsgeschichte eines bestimmten Landes. Aber die grundlegenden Elemente der Verfassung sind: Grundrechte und der Ursprung, die Bildung und die Funktion der höchsten staatlichen Organe. Das Grundgesetz der Bundesrepublik Deutschland zeigt im Detail die Frage der Beziehungen zwischen dem Bund und den Bundesländern. In der Struktur der Verfassung der Russischen Föderation gibt es das Prinzip der Gewaltenteilung, klare Reihenfolge im Inhaltsverzeichnis: die gesetzliche Macht, vollziehende Gewalt und rechtsprechende Gewalt, an einem separaten Ort steht der Präsident und am Ende ist die örtliche Selbstverwaltung.

Die Grundrechte sind der Kern des Grundgesetzes der Bundesrepublik Deutschland. Bei der Bestimmung der Grundlagen des rechtlichen Status für eine Persönlichkeit ist der Gesetzgeber der Bundesrepublik Deutschland von der natürlichen Zugehörigkeit zum Menschen seiner Rechte ausgegangen. Von größter Bedeutung ist das Prinzip der Würde eines Menschen. Es basiert auf seiner Grundlage sowohl auf die Grundrechte als auch auf das gesamte Grundgesetz. Die gesamteuropäischen Vorstellungen über die Würde des Menschen hatten einen signifikanten Einfluss auf die Bildung des Verfassungsrechts.

Aufgrund der historischen Folgen in der Russischen Föderation werden im ersten Kapitel die Grundlagen des Verfassungssystems festgelegt, was auf die Priorität der Grundlagen der verfassungsmäßigen Bedeutung des Staates und die Verbindung des Staates mit den Bürgern hinweist. Der Hauptwert wird auf den Staat gelegt. Das bedeutet die Beziehung zwischen der Macht und dem Volk, das Vertrauen des Volkes und die Verfassungsform des Staates.

Literaturverzeichnis:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к

Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

2. Авакьян С.А. Конституционное право России / А.С. Авакьян – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 864 с.

3. Баглай М.В. Конституционное право зарубежных стран/ М.В. Баглай, Ю.И. Лейбо и др. – М.: Норма, 2004. – 832 с.

4. Рассказов Л.П. Общие черты романо-германской правовой семьи. Правовые системы скандинавских стран как особая разновидность романо-германской правовой семьи // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – №1 11. – С. 151-172.

5. Юрлова М.Д. Достоинство как Grundrecht в германской политико-правовой традиции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 4. – С. 83-87.

6. Основной закон Федеративной Республики Германия (Вместе с <Извлечением из Конституции Веймарской республики от 11.08.1919>) (Принят 23.05.1949) (с изм. и доп. от 29.07.2009) [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=57162#03445539384571037>

7. Власть Германии: Канцлер, Правительство, Президент [Электронный ресурс] // Bundesrepublik Deutschland: сайт. URL: <http://brd.su/vlast-germanii-kancler-pravitelstvo-prezident/>

УДК 342.9

ADMINISTRATIVE EXPULSION APPLICATION REGARDING THE LEGAL VIEWS OF THE EUROPEAN COURT ON HUMAN RIGHTS

© D.A. Filippova

Scientific adviser: A.F. Vasilieva

Siberian Federal University

The problem of migratory security is considered relevant for Russia. The number of administrative offences, enshrined in the Administrative Code of the Russian Federation, as well as tougher sanctions imposition, illustrates that the administrative expulsion is a widespread kind of punishment.

Its application is only possible to the special subjects of administrative responsibility – they are foreign nationals and stateless persons. Meanwhile, the administrative

expulsion is impermissible to the Russian citizens because the Constitution of the Russian Federation [3] sets out the direct prohibition for it and guarantees the Russian people the right to return freely into the native territory.

On ratifying the European Convention on Human Rights (hereinafter – the ECHR) [2], the Russian Federation has taken responsibility to obey its provisions concerning the human rights defense. Accordingly, the decision on the question of the administrative expulsion application as the punishment for an offence committed in the migratory field should be made not only on the grounds of national legislation but also an international one.

The application of the administrative expulsion is often kept under review by the European Court on Human Rights (hereinafter the European Court, the ECtHR). Respecting the state sovereignty, the ECtHR noted more than once that the ECHR does not guarantee foreigners the right of entry or residence in this or that state, so the national authorities are not obliged to permit them to settle in their territory (§ 103 «Jeunesse v. the Netherlands»). However, the executive bodies and courts need to ensure the compliance with the requirements of fairness and proportionality, because the administrative expulsion application may violate the fundamental rights guaranteed to each person, as well as result in a negative impact on the family members of the foreigner or stateless person.

The European Court has repeatedly requested to national authorities and courts to deviate from the formal approach and make that kind of decision, which would take into account the peculiarities of each specific case. Their decisions on the administrative expulsion application must be justified by the urgent social need forcing this measure to be taken. The Constitutional Court of the Russian Federation adheres to a similar position [7].

The disproportion of punishment to the committed offence, expressed in the person's administrative expulsion from a country, where his or her close family members live, in some cases, may constitute the interference with the right to respect for private and family life protected by Article 8 of the ECHR. The authorized bodies, when deciding on the administrative expulsion application, ought to take into account that it should be prescribed by law, pursue a legitimate aim and be necessary in a democratic society.

According to the European Court's case law, the interference, which is prescribed by law, should be based on domestic legislation and also comply with the quality of law, i.e. the law must contain accessible and clear terms, reflect the level of authority and the ways in which it is exercised by the competent enforcement bodies in order to guarantee the person the possibility of protection against arbitrary interference [8].

Nevertheless, whatever the decision may be, it should be based on a balance of public and private interests, because such a decision may be associated with the restriction of the right to respect for family life.

In the «Alim v. Russia» [4] case, the national courts limited themselves to the fact that the visa had expired, and did not take into account that the applicant – Cameroonian, had lived for a long period of time with a Russian woman and had two young children born during that cohabitation. The ECtHR ruled that the applicant's expulsion from the country where his family members live will constitute a violation of the right to respect for family life.

The notion of the «family» has the autonomous meaning – in other words, the term does not depend on the way it is understood in the national states' legislation. According to case-law, the notion of the «family» is not confined solely to marriage-based relationships and may encompass other de facto ties where the parties are living together outside of marriage. A child born out of such a relationship is ipso jure part of that «family» unit from the moment and by the very fact of his birth (§ 51 «Guliyev and Sheina v. Russia») [1]. Thus, there is a connection between the child and his parents, which is equal to family life.

Despite the fact that the state has the right to control the entry of foreigners, there is a positive obligation to provide a minor child legally residing on its territory, under certain conditions, the right to live with the parents in order to ensure true family life and prevent the breakup of family relations. Therefore, in the «Kamenov v. Russia» case [5], the Russian authorities' prohibition to re-enter for the applicant for a period of 16 years was made without a proper assessment of family ties.

The European Court held that the national authorities are obliged to assess the consequences of their decisions, otherwise, their actions should be considered as going beyond the state's margin of appreciation.

The proportionality and real necessity of the administrative expulsion application, in each case, derive from the circumstances on which the enforcement bodies ought to focus. These circumstances may include the nature and gravity of the violation committed by the applicant; the period of time of the applicant's stay in the country from which he is to be expelled; the time passed after the violation and the applicant's behaviour during this period; the applicant's family situation, in particular, the duration of the marriage and other factors reflecting the reality of the couple's family life; if there are children from the marriage and, if so, how many of them; the seriousness of the difficulties that the spouse is supposed to face in the country to which the applicant should be sent... (§ 78 «Alim v. Russia»).

However, such a fact that the foreign national or stateless person has young children on the Russian territory cannot be viewed as an unconditional basis which entails inapplicability or abolition of administrative expulsion as punishment.

In the case of «Muradeli v. Russia» [6], the applicant – Georgian citizen was brought to administrative responsibility for committing offences in the field of migration, in particular, for violations of the regulations on entry to the Russian Federation, failure to apply for the renewal of the residence permit and leave Russia after the expiry of the residence permit, etc. At the same time, the applicant was provided with the opportunity for his legalization by the Russian state authorities.

The European Court ruled that he has never indicated his family as a reason for entering into the Russian Federation, also his repeated violations of immigration rules and other offences «demonstrated consistent disregard of the laws, regulations and public order of the host country» (§ 81 «Muradeli v. Russia»).

In conclusion, it should be noted that the legal views of the European Court should be taken into account when the state exercises its sovereign rights in the field of migration. The procedure, which leads to administrative responsibility in the form of administrative expulsion as a kind of punishment, must provide a person with the substantial guarantees and be based on the principle of individualization of responsibility covering all the circumstances of each specific case.

References:

1. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 17.04.2018 по делу «Гулиев и Шеина (Guliyev and Sheina) против Российской Федерации» (жалоба № 29790/144) // КонсультантПлюс: справ.-прав. система. URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 с изм. от 13.05.2004 // КонсультантПлюс: справ.-прав. система. URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Конституция Российской Федерации : офиц. текст. – Москва : Омега-Л, 2015. – 64 с.
4. Постановление ЕСПЧ от 27.09.2011 «Дело «Алим (Alim) против Российской Федерации» (жалоба № 39417/07) // КонсультантПлюс: справ.-прав. система. URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Постановление ЕСПЧ от 07.03.2017 «Дело «Каменов (Kamenov) против Российской Федерации» (жалоба № 17570/15) // КонсультантПлюс: справ.-прав. система. URL: <http://www.consultant.ru>.

6. Постановление ЕСПЧ от 09.04.2015 «Дело «Мурадели (Muradeli) против Российской Федерации» (жалоба № 72780/12) // КонсультантПлюс: справ.-прав. система. URL: <http://www.consultant.ru>.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2016 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана» // КонсультантПлюс: справ.-прав. система. URL: <http://www.consultant.ru>.

8. Кондрашев А. А. Баланс частных и публичных интересов в контексте международных стандартов и конституционного законодательства Российской Федерации / А. А. Кондрашев, В. В. Терешкова // Государство и право. – 2018. – № 9. – С. 52-63.

УДК 347.6

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БИОЭТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ

© Д.А. Юринская

Научный руководитель: В.В. Терешкова

Сибирский федеральный университет

Биоэтика остается научной дисциплиной на стыке медицины, философии, социологии и права. Особенно ярко связь биоэтики и права выражена в сфере репродуктивной медицины, а тема вспомогательных репродуктивных технологий стремительно выходит за рамки медицинских научных дискуссий и становится интересной исследователям самых разных научных отраслей. Правоведы подробно описывают виды вспомогательных репродуктивных технологий, примеряя к последствиям их использования правовую картину, изучают социальные последствия применения новейших методов вспомогательных репродуктивных технологий и создают правовые условия для функционирования процессов с целью недопущения негативных последствий в сфере защиты человеческой личности, ее прав и человеческого достоинства [10, с. 30-33].

Начало и конец человеческой жизни теряют статус естественной заданности. На данном этапе развития медицинской науки человек может встать перед решением вопросов, касающихся его существования. Биоэтика как междисциплинарная

область научного знания пытается упростить для человечества этот выбор и исследовать большинство сложных вопросов, относительно начала и конца человеческой жизни, правового статуса эмбрионов, возможности или недопустимости использования евгенического отбора при «выращивании» эмбриона человека в искусственных условиях [8, с. 29-31], а также вопросы разграничения ответственности между участниками программ по использованию методов репродуктивных технологий [7, с. 173].

Появление возможности использования донорского материала для создания эмбриона неминуемо ведет к возникновению новых форм социальных связей. Так, родителями одного ребенка могут быть 4 человека одновременно [8, с. 23], а биологическая мать может не иметь никакой генетической связи с ребенком [1, с. 1]. При этом, правовое регулирование родительства многих стран значительно отстает от прорывных темпов развития медицинской науки.

К примеру, в Германии, как и в России действует принцип «*mater semper certa est*», согласно которому, матерью ребенка признается, женщина, родившая его. Так что в правовом поле биологический и генетический статус матери по-прежнему не разграничен. Правовое регулирование в РФ и ФРГ исключает возможность оспаривания, признания или установления материнства, что возможно в вопросах отцовства. А при условии действующего запрета на использование метода суррогатного материнства в Германии, произошло развитие феномена репродуктивного туризма. Перед немецкими судами поднимаются сложные вопросы, касающиеся статуса родителей по отношению к ребенку, а также его гражданства [6].

Возможность использования донорской яйцеклетки в совокупности с суррогатным материнством расширяет также и социальный статус отца, так как эта модель часто используется гомосексуальными парами. Ребенок фактически остается без матери, что, несомненно, оказывает влияние на его социальное положение в обществе. Действующая в Германии конструкция однополого семейного партнерства (§ 1353 BGB, *eheliche Lebensgemeinschaft*) не имеет аналогов в российском праве, ввиду чего, один из однополых родителей вообще не имеют возможности приобрести какой-либо родительский статус по отношению к ребенку (в данном случае – социальный) [5].

Согласно ч. 8 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан» при использовании донорских половых клеток и эмбрионов граждане имеют право на получение информации о результатах медицинского, медико-генетического обследования донора, о его расе и национальности, а также о внешних данных [3]. Из чего следует, что доноры биологического материала остаются

анонимными, в связи с чем становится проблемным вопрос самоидентификации ребенка при использовании донорского биологического материала.

Вопросы о криоконсервации и хранении половых клеток также являются проблемными и отличаются недостаточным регулированием. Согласно ч. 5 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан» граждане имеют право на криоконсервацию и хранение своих половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов. Однако законом не определен вопрос принадлежности эмбриона его родителям. Информированное согласие на хранение материала не означает согласие на его использование, например, после смерти заказчика. Встает вопрос о дальнейшей судьбе эмбриона, который невозможно решить без определения его правового статуса. Может ли клиника использовать биологический материал в качестве донорского или его необходимо уничтожить? Схожая проблема возникает и в случае отзыва согласия на использование своего биологического материала одним из супругов [4].

Практика Европейского суда по правам человека (по ст. 2 и 8 Европейской конвенции), затрагивающая биоэтические проблемы также отличается разнообразием [2]. Распространение вспомогательных репродуктивных технологий в России неукоснительно ведет к появлению судебной практики по биоэтическим делам. В целях защиты основных прав человека необходимо выявлять эффективные, приемлемые для применения в национальных судах, подходы. Проблематика усложняется отсутствием правового консенсуса государств-членов Совета Европы по большинству вопросов, так как Европейский Суд дает государствам широкую свободу усмотрения по сложным проблемам медицинской этики.

Список использованных источников:

1. Афанасьев С.Ф. Гражданская процессуальная сторона дел об исполнении договора о предоставлении услуг суррогатного материнства // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 7. С. 27-32.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Изд. Совета Европы. Серия Европейских Договоров. №5. Страсбург. 2011.
3. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СЗ РФ от 28.11.2011 № 48. Ст. 6724.
4. Постановление ЕСПЧ от 10.04.2007 по делу Эванс против Соединенного Королевства [Evans v. the United-Kingdom]. Жалоба № 6339/05.
5. Bürgerliches Gesetzbuch. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_1592.html
6. BGH, Beschluss vom 10.12.2014 – XII ZB 463/13.

7. Dettmeyer R. Medizin und Recht. Berlin Heidelberg.: Springer-Verlag, 2006 – 456 S.
8. Engelhardt, L. Die Leihmutterschaft im Spiegel nationaler und internationaler Rechtsprechung. Tübingen.: Mohr Siebeck, 2018. – 151 S.
9. Heinemann, N. Frau und Fötus in der Prä- und Perinatalmedizin aus strafrechtlicher Sicht. Baden-Baden.: Nomos Verlagsgesellschaft, 2000 – 389 S.
10. Lederer, N. Leihmutterschaft im nationalen, europäischen und globalen rechtlichen Spannungsfeld. Frankfurt am Main.: Peter Lang GmbH, 2016. – 343 S.
11. Spranger, T. M. Recht und Bioethik. Tübingen.: Mohr Siebeck, 2010 – 437 S.
12. Thorn, P. Reproduktives Reisen. Frankfurt am Main.: Bundesverband, 2008 – 47 S.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИКИ	3
<i>Власова М.В.</i> Вексель: современные проблемы правоприменения	4
<i>Ковалева А.В.</i> Судебное примирение в цивилистическом процессе: новеллизация отечественного законодательства и опыт Франции, Италии и США	10
<i>Кратенко М.В.</i> “Precautionary Measures” (меры предосторожности) как институт современного законодательства о договоре страхования: перспективы появления в гл. 48 ГК РФ	15
<i>Махиня Е.А.</i> Некоторые проблемы института удержания вещи	23
<i>Николаев А.В.</i> Ратификация МЛІ: минимальный стандарт против необоснованной налоговой выгоды и GAAR ст. 54.1 НК РФ	31
<i>Тарбагаева Е.Б.</i> К вопросу об основаниях юридической силы нотариальных актов	38
ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД: ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ (РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ)	45
<i>Бурлаков В.Н., Щурова А.С.</i> Ограничения реализации прав человека в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в контексте предупреждения распространения наркотиков	46
<i>Зайнитдинов Н.А.</i> Конституционное право на определение и указание национальной принадлежности в цифровую эпоху	51
<i>Зигмунт О.А.</i> Конфиденциальность персональных данных: опыт Германии	61
<i>Исаева А.А.</i> Российский опыт ограничения реализации свободы совести в информационно-телекоммуникационной сети Интернет	68
<i>Кондрашев А.А.</i> Об основных тенденциях и угрозах цифровизации конституционных прав	74
<i>Провалинский Д.И.</i> Некоторые проблемы, связанные с реализацией прав человека в сети Интернет	83
<i>Ребушев А.П.</i> Интерес в формировании правовой нормы	91
<i>Рымарев Д.С.</i> Цифровизация конституционного права гражданина Российской Федерации быть избранным: особенности реализации	95
<i>Тепляшин И.В.</i> Реализация общественных инициатив в конституционной сфере: использование информационно-телекоммуникационных средств	101
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ АНТИКРИМИНАЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ	107
<i>Абдрашев Р.М., Куатова А.Ш., Бекбасарова Т.Ж.</i> Классификация коррупционных преступлений	108
<i>Волкова М.А.</i> Информационная открытость как мера предупреждения коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок	117

<i>Гутник С.И., Сухарева К.С.</i> Представление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и конфиденциальность персональных данных публичных служащих.....	126
<i>Долголенко Т.В.</i> Новелла в преступлениях против жизни и здоровья – ст. 124.1 УК РФ.....	134
<i>Кострыкина В.В.</i> Корпоративный комплаенс как антикоррупционная мера безопасности в частном секторе	139
<i>Курбатова С.М.</i> Формы коррупционного злоупотребления должностными полномочиями.....	146
<i>Рычкова Н.Ю.</i> Обусловленность криминализации нарушения авторских и смежных прав (ч. 1 ст. 146 УК РФ)	151
<i>Староватова С.В.</i> Краткий анализ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»	161
<i>Сурихин П.Л.</i> Признаки кризиса системы уголовных наказаний.....	170
<i>Тепляшин П.В.</i> Антикоррупционные меры безопасности в уголовно-исполнительной сфере: классификационные особенности и проблемы нормативного закрепления	175
ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ГУМАНИТАРНЫМ ВОПРОСАМ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	181
<i>Лисаускайте В.В.</i> Международные центры гуманитарного реагирования как инструмент мягкой силы России.....	182
<i>Мажинский В.С.</i> Глобализация как основа кризиса национального государства	189
<i>Мещериков В.А.</i> Концепция безопасности человека в международных отношениях.....	194
<i>Павельева Э.А.</i> Влияние культурной дипломатии на европейские интеграционные процессы	199
<i>Сидорова Т.Ю.</i> Официальные и неофициальные международные организации: взаимодействие в условиях современных международных отношений.....	204
<i>Цуканов Н.Н.</i> Антинаркотическое законодательство государств-участников СНГ: состояние и пути совершенствования.....	209
СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)	216
<i>Яблоков Н.П.</i> Память об Игоре Викторовиче Александрове	217
<i>Комаров И.М.</i> Памяти профессора И.В. Александрова.....	219
<i>Юань В.Л., Алексеева Т.А.</i> Преимущества изучения личности обвиняемого с использованием биографического метода на уровне психологической модели	222
<i>Аминев Ф.Г.</i> Перспективы использования всеобщей ДНК-паспортизации населения Российской Федерации в расследовании и раскрытии преступлений.....	228

<i>Арутюнян М.Г.</i> Особенности расследования уклонения от уплаты налогов физическим лицом на первоначальном этапе	235
<i>Астахова А.О.</i> Отдельные проблемы практики применения статьи 314.1 УК РФ	243
<i>Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В.</i> Виды методик профилирования в криминалистике и их оценка	253
<i>Баянов А.И.</i> Назначение, область применения и уровни криминалистической характеристики преступления (КХП)	262
<i>Букаев Н.М., Волосова Н.Ю.</i> Заключение полиграфолога: теория и практика	270
<i>Великородный П.Г.</i> Способ уклонения от уголовной ответственности как объект (элемент) современной методики расследования преступлений.....	275
<i>Винокуров С.И.</i> О взаимосвязи криминологического и криминалистического аспектов в построении частных методик расследования преступлений	280
<i>Галимова М.А.</i> К вопросу о соотношении оснований прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и назначением судебного штрафа	286
<i>Гармаев Ю.П.</i> Феномен обвинительного уклона в криминалистической методике	294
<i>Давыдов С.И.</i> Типизация оперативно-розыскных ситуаций: сущность и значение для разработки частных методик раскрытия преступлений.....	298
<i>Железняк Н.С.</i> О влиянии соотношения материального и процессуального на правоприменительную практику противодействия преступности	304
<i>Журавлева И.А.</i> Тактические задачи и направленные на их решение комплексы следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий при расследовании убийств, сопряженных с расчленением трупа	314
<i>Иванова И.Г.</i> Расследование преступлений в сфере таможенного дела: проблемы и перспективы	317
<i>Ким Д.В., Горшкова В.С.</i> К вопросу о тактике допроса эксперта в судебном разбирательстве	322
<i>Космодемьянская Е.Е.</i> Интегративная методика расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков как одно из направлений модернизации частных криминалистических методик расследования	328
<i>Кривошеин И.Т.</i> О стратегии развития криминалистики.....	334
<i>Курбатова С.М.</i> Нормы модельного УПК СНГ как гарантия соблюдения правового статуса участников уголовного процесса с ограниченными когнитивными способностями	337
<i>Лебедев Н.Ю.</i> Криминалистическое обеспечение диагностики конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования	343
<i>Логинова Н.Г.</i> Общая характеристика оснований возвращения уголовного дела прокурору.....	350
<i>Плошкина Я.М.</i> Защита личных прав при использовании электронной информации в уголовном процессе	357

<i>Стукалин В.Б., Стукалин И.В.</i> Возможности использования технико-криминалистического исследования документов при расследовании экономических преступлений	366
<i>Яблоков Н.П.</i> О некоторых особенностях криминалистической тактики расследования преступлений в условиях цифрового мира.....	372
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	380
<i>Гутник С.И.</i> Роль профессиональных стандартов в разработке образовательных программ магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция»	381
<i>Зылевич С.Ю.</i> Роль Ассоциации юристов России в повышении качества высшего юридического образования в России	386
<i>Исаева А.А.</i> Кейс-метод преподавания конституционного права в высшей школе.....	390
<i>Лопатин А.А.</i> Об отношении современных потребителей к предлагаемым юридическим услугам	396
<i>Решетникова О.М.</i> Получение юридического образования по договору о целевом обучении: некоторые аспекты.....	400
СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА	408
<i>Dzis Yu.I.</i> Russia's challenging relations with the EU: the results of the "selective engagement" policy	409
<i>Barinova A.A.</i> Commercial brands as an important instrument of soft power	415
<i>Zemskova E.V., Shirobokova E.E.</i> Mongolia's "hard weakness" strategy as a response to the "soft power" strategy of the world's leading nations.....	421
<i>Krasnoyarov A.Yu., Filonchik S.E.</i> China's soft power policy: towards new political and economic goals.....	428
<i>Trebukh A.D.</i> Public diplomacy as a "soft power" tool in Russia's foreign policy.....	435
<i>Shulbaeva E.P.</i> Cyberpower as a tool of Iranian soft power	441
<i>Астальцев А.А.</i> Право на справедливое судебное разбирательство в рамках рассмотрения дел международными уголовными трибуналами.....	448
<i>Балог Н.А.</i> Раскрытие доказательств стороне защиты в досудебном производстве Англии и Уэльса	451
<i>Войцехович В.Н.</i> Соотношение понятий «юридическая техника» и «юридическая технология».....	455
<i>Luschtschaeva M., Zhigalov A.</i> Der flüchtlingsstatus in Russland und Deutschland: rechtsvergleichende analyse.....	459
<i>Paschkewitsch J.</i> Die struktur der verfassung in Deutschland und Russland: vergleichender aspect	467
<i>Filippova D.A.</i> Administrative expulsion application regarding the legal views of the European court on human rights	470
<i>Юринская Д.А.</i> Проблемы правового регулирования биоэтических вопросов..	474

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

